

Институт психологии РАН
Московский гуманитарный университет

История отечественной и мировой психологической мысли

судьбы ученых,
динамика идей,
содержание концепций

*Материалы международной
конференции по истории психологии
«VI московские встречи»
30 июня–2 июля 2016 г.*

*Ответственные редакторы:
А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник*

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва
2016

УДК 159.9
ББК 88
И 90

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

И 90 История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. Материалы Всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи», 30 июня—2 июля 2016 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. — 624 с.

ISBN 978-5-9270-0349-5

УДК 159.9
ББК 88

Книга подготовлена по материалам докладов Всероссийской конференции «История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций» (VI Московские встречи по истории психологии), которая состоялась 30 июня—2 июля 2016 г. В статьях представлен весь спектр историко-психологической проблематики, разрабатывающейся в современной российской истории психологии. Материалы сгруппированы в соответствии со сложившимися направлениями исследований в истории отечественной психологии: «Методологические, теоретические и прикладные проблемы историко-психологического исследования», «История разработки психологических проблем и направлений психологии», «Творческое наследие мыслителей и ученых и их роль в развитии психологического познания», «История становления и развития психологических обществ, школ, научных, научно-образовательных и научно-практических центров», «История психологии и историческая психология: пути интеграции».

Читатель познакомится с новой фактологией в области истории дореволюционной, советской и российской психологии, анализом творчества ранее забытых или малоизвестных ученых, новыми методическими подходами в историко-психологических исследованиях, результатами комплексирования психологии с другими науками о человеке и обществе. Особый интерес представляют материалы, касающиеся истории деятельности научных центров в области психологии, опыта создания и результатов деятельности психологических служб в разных областях общественной практики.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 16-06-14130*

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2016
© АНО ВО Московский гуманитарный университет, 2016

ISBN 978-5-9270-0349-5

Содержание

<i>А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. Изучение отечественной и мировой психологической мысли: результаты и перспективы исследований. . . . .</i>	<i>7</i>
--	----------

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Методологические, теоретические и прикладные проблемы историко-психологического исследования

<i>И. С. Алексеенко. Развитие отечественной историографии как направления историко-психологического знания в XX веке . . . . .</i>	<i>19</i>
<i>М. Р. Арпентьева. Научные открытия: маркеры перемен и пограничные зоны как источники развития психологической науки . .</i>	<i>27</i>
<i>О. А. Артемьева. Защита диссертаций по психологии как результат деятельности отечественного научного сообщества в первой половине XX века. . . . .</i>	<i>37</i>
<i>С. А. Богданчиков. История советской психологии: прямой взгляд. . . . .</i>	<i>46</i>
<i>С. И. Данилов. Дискуссии в отечественной психологии 1930-х годов. . . . .</i>	<i>57</i>
<i>И. Н. Елисеева, Ю. Н. Олейник. К вопросу о прогностическом потенциале историко-психологических исследований (на примере отечественной экстремальной психологии) . . . . .</i>	<i>64</i>
<i>К. Б. Зуев, П. В. Морозов. Полнотекстовая электронная библиотека «Психологический журнал. Архив 1980–1990 гг.»: возможности для историко-психологических исследований. . . . .</i>	<i>73</i>
<i>Н. А. Логинова. Пути интеграции российской психологии в мировое научное психологическое сообщество . . . . .</i>	<i>79</i>
<i>А. Н. Моргун. Версии происхождения научного знания: психолого-исторический аспект . . . . .</i>	<i>88</i>
<i>Е. М. Орлова. В. М. Бехтерев о значении науки в общественной жизни: аксиологический аспект . . . . .</i>	<i>95</i>

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

История разработки психологических проблем и направлений психологии

<i>Е. С. Балабанова. Основные направления исследований социальной активности молодежи в отечественной социальной психологии . . . . .</i>	<i>103</i>
<i>С. Л. Блинникова. История психологического исследования стратегий разрешения противоречий субъектом. . . . .</i>	<i>113</i>

<i>Т. Е. Егорова, С. М. Скуратовский.</i> Проблема приемного родительства в отечественной психологии конца XIX—начала XX века	119
<i>Д. А. Китова.</i> История зарождения и развития предпринимательства в дореволюционной России: психологический анализ	123
<i>В. В. Колосова.</i> Некоторые страницы истории отечественной социальной психологии.	134
<i>А. А. Костригин.</i> Понятие «душа» в «Философском лексиконе» С. С. Гогоцкого в свете критики М. А. Антоновича	139
<i>О. В. Лунева.</i> История разработки проблемы социального интеллекта	145
<i>Е. С. Минькова.</i> Роль педиатров в развитии педологии в России	154
<i>В. О. Мохова.</i> Основные предпосылки формирования психологии пола и гендерной проблематики (с XVIII до начала XX века)	160
<i>Е. Н. Нестерова.</i> Предпосылки становления психофизиологии как науки в период Средневековья	170
<i>Г. В. Ожиганова.</i> Высшие саморегулятивные способности: подходы к исследованию.	173
<i>В. П. Позняков, Т. С. Вавакина.</i> История развития и современное состояние исследования психологических отношений.	179
<i>В. Л. Ситников, А. В. Комарова, Т. В. Слотина.</i> Педагогические истоки развития проблемы психологии командообразования	189
<i>Н. Ю. Стоюхина.</i> К вопросу о периодизации психологии воздействия в рамках советской психотехники 1920—1930-х годов.	195
<i>Б. Н. Тугайбаева.</i> Изменения гендерных ролей в российских семьях в кризисные 90-е годы XX века	205
<i>О. Р. Тучина.</i> История исследования проблемы самопонимания в психологии: тенденции и перспективы	209

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

Творческое наследие мыслителей и ученых и их роль в развитии психологического познания

<i>М. Р. Арпентьева.</i> Философско-этическое наследие Аристотеля как основа психологии нравственного развития личности и общества	221
<i>Т. И. Артемьева.</i> В. О. Ключевский о становлении великороссов и их менталитете.	226
<i>В. Е. Богданова.</i> Проблема человека в учении С. Л. Франка	231
<i>С. А. Гильманов.</i> «Эмоциональная психология» Л. И. Петражицкого	239
<i>Н. В. Гребенникова.</i> Вклад А. Р. Лурии в развитие психотерапии	249
<i>А. Н. Ждан.</i> Л. С. Выготский и психология в Московском университете (К 120-летию со дня рождения).	258
<i>А. Л. Журавлев, Т. В. Галкина.</i> Философско-психологическая система научных представлений Я. А. Пономарева: истоки, основные положения, перспективы	264
<i>А. Л. Журавлев, И. А. Мироненко.</i> Вклад Б. Д. Парыгина в развитие отечественной социальной психологии	279

<i>В. М. Звоников, С. Ю. Баранов.</i> Вклад В. М. Бехтерева в изучение проблемы внушаемости человека.	289
<i>Н. Е. Казакова.</i> Роль К. К. Платонова в создании и внедрении самолетов-лабораторий психофизиологического профиля	292
<i>О. В. Коробова.</i> М. М. Рубинштейн: жизнь и творчество в психологии	300
<i>В. А. Мазилев.</i> К. Д. Ушинский и разработка практической психологии.	314
<i>В. Г. Маралов, В. А. Ситаров.</i> Психологические взгляды С. Смайла на саморазвитие человека.	323
<i>Н. Г. Немировская.</i> Этапы развития и направления творческой деятельности В. Н. Дружинина	328
<i>М. Д. Няголова.</i> Д. Т. Кацаров и идеи функционализма в болгарской психологии первой половины XX века	337
<i>А. А. Обознов.</i> Психология профессиональной деятельности: комплексный подход (К 85-летию со дня рождения В. А. Бодрова)	349
<i>Н. Е. Харламенкова, А. Л. Журавлев.</i> Психология личности в трудах Л. И. Анцыферовой и современные представления о личностном развитии и посттравматическом росте	358
<i>К. А. Чистопольская, С. Н. Ениколопов.</i> Наследие Эрнеста Беккера и современные теории страха смерти.	367

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

История становления и развития психологических обществ, школ, научных, научно-образовательных и научно-практических центров

<i>В. В. Анишкова, В. А. Кольцова.</i> К столетию первых съездов по экспериментальной педагогике в России	377
<i>Д. Б. Богоявленская.</i> Московское психологическое общество конца XIX— начала XXI века и его роль на разных этапах социального строя России	382
<i>М. И. Воловикова.</i> Лаборатория психологии личности ИП РАН: история в лицах.	395
<i>А. А. Грачев.</i> Психологическая служба промышленного предприятия конца советского периода (на примере социально-психологической службы производственного объединения «Курганприбор»).	401
<i>М. Г. Дебольский, Ф. И. Ушков.</i> История зарождения и этапы развития психологической службы уголовно-исполнительной системы России	411
<i>Н. В. Зверева, И. Ф. Рощина.</i> Значение научного наследия классиков московской психологической школы для современной клинической (медицинской) психологии.	421
<i>И. Н. Елисева, Ю. С. Шойгу.</i> Научно-практический проект «Опыт решения психологических задач в годы Великой Отечественной войны» как форма деятельности студенческого психологического добровольческого движения Центра экстренной психологической помощи МЧС России.	426
<i>М. С. Игнатенко.</i> Императорский Санкт-Петербургский воспитательный дом как инновационное учреждение в отечественной психологической науке и образовании	436

<i>О. И. Клочкова, И. В. Погорелова, Г. А. Шабанов.</i> Возрастные изменения альфа-спектра вызванной биоэлектрической активности мозга в процессе позиционной компьютерной игры как развитие системного подхода в психофизиологии	445
<i>В. А. Мазиллов, В. С. Филатов</i> и создание ярославской психологической школы	449
<i>В. М. Поздняков, Е. Е. Гаврина.</i> История становления и развития психологического факультета Академии ФСИН России	458
<i>Н. Ю. Стоюхина.</i> Губернские университеты как центры развития психологического знания: Нижегородский университет в 1920-е годы	464
<i>А. С. Чернышев, И. Н. Логвинов, С. В. Сарычев.</i> Тенденции исследования молодежного лидерства в курской социально-психологической лаборатории (1964–2016)	474

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

История психологии и историческая психология: пути интеграции: результаты и перспективы развития

<i>А. А. Гостев.</i> Проблема психоманипуляций исторической памятью в российском обществе в кризисный постсоветский период	487
<i>О. Г. Жукова.</i> Психологическая атмосфера в СССР в 1941–1945 годы и реформа школы	495
<i>О. В. Клыта.</i> Филиация психологических идей в русской психологии	506
<i>В. А. Кольцова.</i> Психологические предпосылки революционных преобразований общественной жизни.	514
<i>А. А. Королёв.</i> Формирование криминальной субкультуры в России в XIX веке: источники и историография	519
<i>Е. С. Минькова, М. И. Борискова.</i> Психологический портрет меланхолика в художественном творчестве Ги де Мопассана (по новелле «Господин Паран»)	525
<i>И. В. Новочихина.</i> Характеристика мировоззрения и психологии русского народа в трудах С. Л. Франка	528
<i>Г. В. Семенова, А. Е. Васильев.</i> Восприятие современными студентами исторических памятников (на примере архитектурных сооружений прошлого)	532
<i>Е. Г. Синякина.</i> Добрососедские отношения в русской крестьянской общине конца XIX–начала XX века	542
<i>Е. В. Харитонова.</i> Психологические проявления аномии личности в послереволюционной России	549
<i>Е. Н. Холодovich.</i> Психолого-историческая реконструкция психологических характеристик личности 20-х годов XX века на основе литературных источников	557
Аннотации	568
Сведения об авторах	619

Изучение отечественной и мировой психологической мысли: результаты и перспективы исследований

А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник (Москва)

Начиная с 1992 г., в научной жизни российского психологического сообщества появился периодически проходящий научный форум, объединяющий профессиональных историков психологии страны. Именно в этом году Институтом психологии РАН была проведена Международная конференция по истории психологии, получившая название «Московские встречи по истории психологии». Это была, пожалуй, первая в тот период профильная конференция, посвященная не отдельным знаменательным датам, научным школам или каким-либо направлениям психологии, а практически всему спектру историко-психологических проблем¹. Всеми участниками конференции отмечались актуальность и новизна рассматриваемых проблем, творческий характер научных дискуссий, богатство представленных на конференции научных фактов и идей, позитивный эффект формального и неформального общения участников конференции – ученых из России, Армении, Казахстана, Украины, Англии, Венгрии, Германии, Китая, США, Чехословакии, ЮАР. По материалам конференции был издан сборник «Исторический путь психологии: прошлое настоящее, будущее» (Исторический путь психологии, 1992). В предисловии к сборнику отмечалось: «Развитие истории психологии отражает закономерную потребность в саморефлексии, углублении познания посредством осмысления путей, проблем и результатов своего собственного самодвижения. Этим определяется смысл и теоретическое значение историко-психологических исследований как необходимой составной части психологии» (Кольцова, Олейник, 1992, с. 2). Участниками конференции единодушно было принято решение о регулярном проведении «Московских встреч по истории психологии».

Спустя три года, в 1995 г., были проведены «II Московские встречи по истории психологии». В организации приняли участие Институт психологии РАН (ИП РАН) и Институт молодежи (ИМ).

В ходе этой конференции был рассмотрен широкий круг вопросов: теоретические и методологические основания психологической науки и истории психологии; история развития и современное состояние психологических исследований в разных научных школах, центрах, регионах и странах; история разработки научных проблем и направлений психологии; научное наследие и жизненный путь творцов психологической мысли; роль и значение психологии в решении актуальных проблем современности фактически был определен тот круг проблем, которые обсуждались и на всех последующих «Московских встречах».

В предисловии к сборнику материалов конференции «Современная психология: исторические, методологические и социокультурные аспекты развития»

---

¹ Перед этим последняя крупная конференция по истории психологии была проведена в 1988 г. Темой конференции являлось рассмотрение традиций и научных школ в истории советской психологии (Изучение..., 1988).

(Современная психология, 1995) подчеркивалось, что конференции по проблемам истории психологии с каждым годом привлекают к себе все более заинтересованное внимание психологического сообщества, и это связано не только с «возрастающим пониманием значимости историко-психологических исследований как важного условия саморефлексии психологической науки», но и осознанием того, что «сформированное историческое мышление является необходимой компонентой профессионализма» (Кольцова, Олейник, 1995, с. 3).

После шестилетнего перерыва в 2001 г. под эгидой Института психологии РАН и Московской гуманитарно-социальной академии¹ (МГСА) прошли «III Московские встречи по истории психологии». Несмотря на кардинальные преобразования, происходившие в это время в российском обществе (продолжавшиеся изменения в социально-экономической и политической сферах общества, формирование новых мировоззренческих и ценностных ориентиров и т. д.), и не менее серьезные трансформации в самой психологической науке (смена гносеологического монизма принципами «познавательного плюрализма» (Ковальченко, 2003), снижение интенсивности научных связей между бывшими республиками СССР, изменение системы финансирования психологических исследований, более широкое использование в психологии информационных технологий, существенный рост практико-ориентированных разработок и т. д.), интерес к истории психологии не угас. В числе участников конференции были не только представители разных научных центров России, но и ученые из стран СНГ (Украины, Литвы, Молдовы, Казахстана), а также США и Германии.

В сборнике материалов конференции «История психологии и историческая психология: состояние и перспективы развития» (История психологии и историческая психология, 2001) особо отмечалось, что «историко-психологическая проблематика не только продолжает интересовать ученых, имеющих заслуженный авторитет в этой области, но и привлекает внимание новых молодых исследователей» (Кольцова, Олейник, 2001, с. 4–5), а также подчеркивалось, что историко-психологические исследования вносят важный вклад в «формирование единого научного пространства не только в масштабах Содружества Независимых Государств (СНГ), но и в масштабах мировой психологической мысли» (там же, с. 5).

Очередные «IV Московские встречи по истории психологии» были организованы Институтом психологии РАН и Московским гуманитарным университетом (МосГУ, ранее — ИМ и МГСА) в 2006 г. Конференция была посвящена 35-летию Института психологии РАН и 80-летию со дня рождения его основателя и первого директора, выдающегося отечественного психолога, члена-корреспондента РАН Б. Ф. Ломова.

В предисловии к сборнику материалов конференции «История отечественной и мировой психологической мысли: постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее» (История отечественной и мировой психологической мысли, 2006) справедливо подчеркивалось, что переживаемые отечественной психологией трудности, «диктуемые временем задачи ее самоопределения в новых социально-исторических условиях с необходимостью обращают ученых к истории науки как хранильнице опыта, традиций, всего того ценного, что было созда-

---

¹ Бывший Институт молодежи.

но научной мыслью на предшествующих этапах ее развития» (Журавлев, Кольцова, Олейник, 2006, с. 11). Учитывая уже сложившуюся к этому времени традицию проведения «Московских встреч по истории психологии», неслучайными воспринимаются и такие слова в предисловии: «В настоящее время, характеризующееся активным поиском психологией новых путей развития, возрастающей потребностью в методолого-теоретическом осмыслении ее ключевых принципов, подходов и проблем, особенно значимой становится роль научных обсуждений. В этом отношении сообществу историков психологии повезло. У них есть постоянно действующая форма научного общения — систематически проводящиеся Международные научные конференции по истории психологии „Московские встречи“» (там же, с. 12). Столь высокая оценка активности и продуктивности сообщества российских историков психологии, на протяжении многих лет осуществляющих конструктивное научное общение и сохраняющих свои исследовательские и коммуникативные традиции, свидетельствует о научной зрелости ученых, работающих в этой области психологии, их приверженности выбранному профессиональному пути в сложных и не всегда благоприятных условиях.

Подтверждением этого являются и итоги «V Московских встреч по истории психологии» — международной конференции, организованной Институтом психологии РАН, МосГУ и Московским психологическим обществом в 2009 г. В рамках конференции, наряду с обсуждением уже ставшей традиционной тематики, был проведен специальный симпозиум «Психофизиологическая школа Е. Н. Соколова „Человек—Нейрон-Модель“», посвященный анализу жизни и творчества выдающегося отечественного ученого — первое научное мероприятие после его смерти, определившее перспективы развития созданной им научной школы. Проведение мемориального заседания, посвященного столетию со дня рождения Е. А. Будиловой (1909—1991), было данью памяти ей как выдающемуся ученому, фундаментальные труды которого во многом определили статус истории психологии как важной отрасли отечественной психологической науки.

В предисловии к сборнику материалов конференции «История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее» (История отечественной и мировой психологической мысли, 2010) отмечалось, что «конференция продемонстрировала большой интерес специалистов к вопросам истории психологии, разнообразию проблематики и широкую представленность историко-психологических сообществ не только из различных научных центров России, но и зарубежных стран. Отрадным является факт активного участия в работе конференции молодых ученых и аспирантов. Это свидетельствует о преемственности традиций отечественного историко-психологического знания» (Кольцова, Олейник, 2010, с. 14). Специальное внимание обращено на тот факт, что сохранилось стабильное ядро историков психологии, участвовавших во всех пяти конференциях. При этом «многие ученые, принимавшие участие в первых конференциях в качестве начинающих исследователей... за прошедшие годы стали авторитетными исследователями истории психологии» (там же, с. 15).

В 2016 г. с 30 июня по 2 июля под эгидой Института психологии РАН, Московского гуманитарного университета, Российского и Московского психологического обществ была проведена Всероссийская конференция — «VI Московские встречи по истории психологии: История отечественной и мировой психологи-

ческой мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций». В работе научной конференции приняли участие и представили устные или стендовые доклады почти 100 ученых из таких городов России, как Москва, Арзамас, Калуга, Курск, Нижний Новгород, Рязань, Ханты-Мансийск, Череповец, Пермь, Санкт-Петербург, Артек-10 (Приморский край). Представили свои доклады и зарубежные ученые из Болгарии и Казахстана. Программа конференции включала работу пяти секций: «Творческое наследие мыслителей и ученых и их роль в развитии современного психологического познания»; «Теоретические, методологические и прикладные проблемы историко-психологических исследований»; «История формирования и разработки психологических проблем и направлений психологии»; «История становления и развития психологических обществ и школ, научных, научно-образовательных и научно-практических центров»; «История психологии и историческая психология: пути интеграции». Также был проведен круглый стол на тему «Актуальные задачи истории психологии: место знания и роль ученого в развитии современной психологии», посвященный памяти известного историка психологии, лидера нижегородской школы истории психологии Вассы Васильевны Большаковой (1935–2015). Доклады участников конференции свидетельствовали о разнообразии тематики современных историко-психологических исследований, расширении круга специалистов, интересующихся этой проблематикой.

В своих воспоминаниях о В. В. Большаковой ее ученица, признанный сегодня специалист в области истории психологии Э. В. Тихонова пишет: «Именно благодаря Вассе Васильевне мы попали на грандиозное научное мероприятие, где собирались все ведущие специалисты в истории психологии — это международный форум „Московские встречи по истории психологии“, организаторами которого неизменно выступают проф. В. А. Кольцова и проф. Ю. Н. Олейник. Там для меня открылся мир большой науки. Мы слушали доклады корифеев, выдающихся ученых, авторов учебников, по которым изучали историю психологии, да и просто психологию. .... Благодаря участию в „Московских встречах по истории психологии“ мы получили возможность приобщиться к большой и серьезной науке, взяв за образцы лучших ее представителей. Кроме того, мы расширили свое профессиональное общение, познакомились с интереснейшими людьми» (Тихонова, 2016, с. 181, 182).

Анализируя проведенные конференции по истории психологии «Московские встречи», можно констатировать, что они решают широкий круг задач, состоящих в обмене между учеными фундаментальными достижениями в области историко-психологических исследований, в интеграции профессионального сообщества историков психологии и объединении специалистов разных научных дисциплин вокруг актуальных проблем психологического познания, а также формировании и подготовке новых исследователей в области истории психологии. Более того, они являются своеобразным индикатором состояния психологии, да и науки в целом. Поэтому сам факт проведения VI Московских встреч является чрезвычайно значимым и показательным событием на фоне тех тенденций, которые характеризуют развитие современной науки.

Благодаря инновациям, вводимым в этой сфере реформаторами либеральной ориентации, происходит нарастающая коммерциализация науки, утверждаются

новые, преимущественно количественные критерии оценки ее продуктивности. Научные достижения рассматриваются как продукт, прежде всего, имеющий экономический эквивалент, характеризующийся конкурентоспособностью и подлежащий продаже на рынке услуг. По сути, в науке в качестве доминирующего утверждается прагматический подход. Оценивается не столько содержание научных идей, сколько характер их восприятия, причем довольно часто не научным сообществом (что было бы понятно и естественно), а так называемыми «эффективными менеджерами»; во главу угла ставятся не качественные и содержательные, а сугубо формальные показатели научной деятельности. В то же время специалистам хорошо известно, что «трудно предсказать экономическую ценность научных исследований... Экономические блага, привнесенные научными открытиями, могут реализоваться очень быстро, а могут, что случается чаще, оставаться долгое время невостребованными и нереализованными с экономической точки зрения» (Дынкин, Иванова, 1998, с. 20).

В этих условиях в наиболее сложном положении оказывается фундаментальная наука, ориентированная на получение знания с отсроченной перспективой внедрения и экономической валидации.

История психологии относится, безусловно, именно к фундаментальным, теоретическим направлениям психологической науки, и в условиях «рынка идей», «венчурного финансирования» наиболее быстро и прибыльно реализуемых научных разработок ее существование и развитие подвержено значительным рискам и трудностям. История психологии по специфике решаемых задач и получаемых в ходе длительной работы результатов, по своим функциям в научном познании в принципе не предполагает экономической выгоды и тем более быстрого возврата вложенных в ее развитие средств. Тем более что «различия между индивидуальной и общественной отдачей затрат на научные исследования обуславливают принципиальную неспособность рынка (market failure) обеспечить адекватное вложение ресурсов в науку. Рынок, в отсутствие специальных стимулов, в принципе не может гарантировать оптимальный или социально приемлемый уровень научных расходов (underinvestment in science)» (там же, с. 21).

Поэтому сегодня вновь необходимо четко определить смысл и значение истории психологии в развитии психологической науки.

Познавательная функция истории психологии заключается, прежде всего, в расширении фактологического базиса психологической науки. Она привносит в современную психологию знания, полученные в прошлом, тем самым обогащая ее и повышая эффективность решения стоящих перед нею задач. Она способствует более глубокому осознанию логики развития психологического знания, раскрытию его объективных противоречий и альтернативных тенденций, выявляет широкую палитру идей и подходов, сложившихся в процессе познания психической реальности, условия их создания. В ходе ретроспективного анализа прослеживаются история рождения продуктивных психологических идей, способы их получения, что способствует обогащению методического инструментария психологии.

Таким образом, история науки — это своеобразный мостик, соединяющий современного исследователя с богатейшим наследием человеческой мысли, созданным в ходе многовековой истории познания психического мира. Ее изучение и активное использование при решении актуальных проблем выступает в качестве

ве необходимой предпосылки поступательного развития психологической науки. Как справедливо отмечает М. Г. Ярошевский, «история, — это память науки. Человек, лишившись памяти... становится существом мгновенья. Его настоящее безвозвратно исчезает в прошлом и мертво для будущего. Благодаря знанию истории, мы способны, наряду с нашим собственным... опытом, приобщаться к богатствам опыта прежних поколений — искателей истины о психическом мире человека» (Ярошевский, 1995, с. 12).

Изучение истории психологической мысли позволяет раскрыть перспективные линии ее развития, обозначить реперные точки и зоны роста психологического знания, а вместе с тем — и тупиковые направления, не выдержавшие проверку временем и логикой развития научного познания.

В ходе исторического анализа, с одной стороны, выявляются неразработанные вообще или недостаточно изученные области психологии, которые должны стать предметом рассмотрения в современной психологии. С другой стороны, описывая результаты, полученные на предшествующих этапах развития психологии, история психологии тем самым предохраняет ученых от «топтанья на месте», бессмысленного повторения уже пройденных в ходе познания путей. Таким образом, история психологии выступает в качестве своеобразного «компаса», который ориентирует исследователя, показывает, в каком направлении ему следует двигаться вперед, на каких проблемах сосредоточить свое внимание. И в этом состоят ее *организационная и стимулирующая функции*.

Аксиологическая функция истории психологии заключается в оценке и сохранении тех ценностей, которые получены в процессе многовекового процесса познания психического мира человека — идей, концепций, подходов, принципов и методов исследования психической реальности.

В связи с этим встает вопрос о *критериях* научной оценки. Следует отметить, что в советский период в отечественной науке в целом и в психологии в частности важными выступали идеологические критерии в оценке значимости идей, направлений и подходов. Психология разделялась на «советскую», «досоветскую» (дореволюционную) и «несоветскую» (зарубежную); «марксистскую» и «немарксистскую»; «материалистическую» и «идеалистическую». Естественно, что подлинно научными признавались преимущественно те идеи, которые сформировались в рамках «советской психологии», на основе марксистской методологии. Такое искусственное разграничение разрывало естественную историческую преемственность в развитии психологического знания, препятствовало использованию богатейшего наследия психологической мысли предшествующих поколений, интеграции отечественной психологии в мировую психологическую мысль. В настоящее время в условиях деидеологизации науки указанная проблема получила новое решение. В качестве возможных критериев оценки психологического знания, независимо от его идеологической ориентации и «географического положения», сегодня выступают его новизна, оригинальность, теоретическое и практическое значение, объяснительный, действенно-преобразующий и прогностический потенциал.

Вместе с тем сегодня, в условиях часто наблюдающегося недиалектического отрицания советского прошлого и обесценивания того, что создано на том этапе нашей истории, остро стоит задача сохранения тех научных достижений, кото-

рые получены нашими предшественниками в XX столетии. Именно их усилиями была создана уникальная, системно организованная, методологически глубоко обоснованная научная школа, которой мы можем по праву гордиться, развивая дальше ее наиболее ценные традиции.

Необходимо также выделение конструктивного содержания тех идей и подходов, которые отвергались ранее по идеологическим соображениям, и включение их в систему современного психологического знания. Последние десятилетия ознаменовались не только использованием зарубежных научных идей и подходов, что является, безусловно, важным условием расширения научного пространства психологии, но и открытием для себя научного наследия ученых и мыслителей дореволюционной России, прежде всего, ранее недоступного для научного изучения духовно-религиозного психологического знания, содержащего бесценный клад психологических идей и открывающего новые направления в познании психического.

Характеризуя историю психологии как «память науки», М. Г. Ярошевский отмечал, что она, «сберегается не ради нее самой, а ради будущего» (Ярошевский, 1966, с. 554). Очевидно, что исследование прошлого — не самоцель, а источник и условие более полного и глубокого понимания современного состояния и прогнозирования перспективных направлений в развитии психологической науки. Как писал известный методолог исторической науки М. Блок, «ограничиться описанием нынешнего состояния науки — это в какой-то мере подвести ее. Важнее рассказать о том, какой она надеется стать в дальнейшем своем развитии» (Блок, 1986, с. 11). От изучения прошлого психологического знания — к более глубокому осмыслению его современного состояния и далее — к прогнозированию завтрашнего дня развития психологии — таков вектор движения историко-психологического познания. И в этом проявляется *прогностическая функция* истории психологии.

Дореволюционная, советская и постсоветская Россия богата талантливыми учеными, имена которых вписаны в «золотой фонд» российской и мировой психологической науки, их идеи и научные разработки и сегодня представляют несомненный интерес для психологии. Достижения отечественной психологии по праву высоко оцениваются международным психологическим сообществом, многие идеи, теории и концепции, предложенные отечественными психологами, не только соответствуют открытиям мирового уровня, но часто и значительно их опережают. Труды В. М. Бехтерева и И. П. Павлова, А. Н. Леонтьева и Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского и С. Л. Рубинштейна, В. Н. Мясищева и А. Р. Лурии, Б. М. Теплова и Б. Ф. Ломова и многих других содержат ответы на многие вызовы, которые стоят перед современной теоретической и прикладной психологией. Как пишет В. И. Вернадский, «история научных идей никогда не может быть окончательно написана, так как она всегда будет являться отражением современного состояния научного знания в былом человечества. Каждое поколение пишет ее вновь» (Вернадский, 1988, с. 56).

Именно поэтому изучение творческого наследия наших предшественников не только представляет исторический интерес, но и является актуальным и чрезвычайно востребованным на современном этапе развития психологической науки.

Интегрирующая функция истории психологии состоит в объединении различных научных подходов и концепций, существующих в психологии, в единую сис-

тому знания. Отмечая наличие в современной психологии множества спорных и дискуссионных проблем, различных подходов и направлений, американские психологи Д. Шульц и С. Э. Шульц подчеркивают: «единственное, что связывает и вплетает в исследовательский контекст эти разные сферы и подходы, — это их история...» (Шульц, Шульц, 1998, с. 20). Именно знание истории, по мнению авторов, «упорядочивает и привносит смысл в то, что кажется хаосом, прошлое выстраивается в перспективу, которая объясняет настоящее» (там же). В связи с этим история психологии помогает увидеть связь между различными идеями, теориями и концепциями, «позволяет понять, как отдельные звенья головоломки под названием *психология* выстраиваются в стройную картину» (там же).

Об этом пишет также Б. М. Теплов, характеризуя психологическую науку как целостную систему — логический итог развития знания, его глубокого теоретического анализа и обобщения, слияния актуальных идей и накопленного в истории познания фактического материала. «Подлинная система науки, — пишет он, — органически вырастает из хода развития науки и является теоретическим осмыслением всей совокупности достигнутых знаний в данной области. Не изучив хода развития науки, нельзя строить систему этой науки» (Теплов, 1960, с. 6).

Традиционный и устойчивый интерес современных ученых к истории психологии, в первую очередь отечественной, не случаен. Как писал выдающийся русский ученый и историк науки академик В. И. Вернадский, «человечество не только открывает новое, неизвестное, непонятное в окружающей его природе — оно одновременно открывает в своей истории многочисленные забытые проблески понимания отдельными личностями этих, казалось, новых явлений. Движение вперед обуславливается долгой, незаметной и неосознанной подготовительной работой поколений. Достигнув нового и неизвестного, мы всегда с удивлением находим в прошлом предшественников» (Вернадский, 1988, с. 56).

Все сказанное убеждает в высокой ответственности историков психологии за состояние и развитие современной психологической науки, ее перспективы. Историки психологии сегодня стоят на передовых рубежах отстаивания принципов фундаментальности и теоретической глубины психологии. В этом — их миссия и смысл научной деятельности.

Литература

- Блок М. Апология истории или ремесло историка. 2-е изд. М., 1986.
- Вернадский В. И. Памяти М. В. Ломоносова // Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 55–58.
- Дынкин А. А., Иванов Н. И. Экономика науки и научная политика // Наука и государственная научная политика: теория и практика. М., 1998. С. 14–36.
- Журавлев А. Л., Кольцова В. А., Олейник Ю. Н. Предисловие // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее. Материалы Международной конференции по истории психологии «IV Московские встречи», 26–29 июня 2006 г. М., 2006. С. 11–12.
- Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии. М., 1988.
- Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее: Сборник тезисов Международной конференции. М., 1992.

- История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии «IV Московские встречи», 26–29 июня 2006 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М., 2006.
- История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии «V Московские встречи», 30 июня–03 июля 2009 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М., 2010.
- История психологии и историческая психология: состояние и перспективы развития («II Московские встречи по истории психологии»). Тезисы Международной научной конференции, 18–22 июня 2001 г., Москва. М., 2001.
- Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 2003.
- Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.* Предисловие // Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее: Сборник тезисов Международной конференции. М., 1992. С. 2–6.
- Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.* Предисловие // Современная психология: исторические, методологические и социокультурные аспекты развития: Материалы Международной конференции «II Московские встречи». М., 1995. С. 3–4.
- Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.* От редакторов // История психологии и историческая психология: состояние и перспективы развития («III Московские встречи по истории психологии»): Тезисы Международной научной конференции, 18–22 июня 2001 г., Москва. М., 2001. С. 3–5.
- Кольцова В.А. Олейник Ю.Н.* Введение: К истории Международных конференций по истории психологии «Московские встречи» // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии «V Московские встречи», 30 июня–03 июля 2009 г. М., 2010. С. 9–15.
- Современная психология: исторические, методологические и социокультурные аспекты развития: Материалы Международной конференции «II Московские встречи». М., 1995.
- Теплов Б.М.* О некоторых общих вопросах разработки истории психологии // Вопросы психологии: Материалы Второй Закавказской конференции психологов. Ереван, 1960. С. 3–13.
- Тихонова Э.В.* Вспоминая Вассу Васильевну Большакову (1935–2015) // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 5. С. 177–185. URL: <http://journals.histpsy.ru/index.php/HPRPD/issue/view/20> (дата обращения: 05.11.2016).
- Шульц Д., Шульц С.Э.* История современной психологии. СПб., 1998.
- Ярошевский М.Г.* История психологии. М., 1966.
- Ярошевский М.Г.* Краткий курс истории психологии. М., 1995.

Раздел первый

**Методологические, теоретические
и прикладные проблемы
историко-психологических
исследований**

Развитие отечественной историографии как направления историко-психологического знания в XX веке

И. С. Алексеенко (Москва)

Важным условием развития истории психологии, предпосылкой ее системного построения, источником знаний о направлениях и способах научной рефлексии психологической мысли является изучение результатов историко-психологического познания. Историография истории психологии — отрасль психологической науки, объектом которой является само историко-психологическое знание в его становлении и развитии, а задачами — анализ, обобщение, систематизация и оценка различных подходов, теорий, идей, накопленных в области истории психологии как на современном этапе ее развития, так и в исторической ретроспективе.

В отечественной историографии истории психологии можно выделить три периода: дореволюционный, советский и постсоветский. Каждый из этих периодов отличается характерными особенностями, обусловленными социальной ситуацией развития науки в целом, уровнем и состоянием психологической науки и собственно истории психологии.

В первый, дореволюционный, период, несмотря на то, что начиная с последней трети XIX в. уже происходило становление психологии как научной дисциплины, история психологии еще не оформилась в самостоятельное направление исследований. Соответственно, и отечественные историографические идеи только начали формироваться; анализ истории развития психологических идей и их осмысление носили скорее эпизодический, чем целостный и системный характер.

У истоков отечественной историографии истории психологии стоял видный российский психолог конца XIX в. М. И. Владиславлев. Его заслуга состоит в том, что он ввел в курс психологии очерк истории развития психологических взглядов, что давало возможность понять место современной (для того времени) психологии в эволюции психологического познания и ее связи с предшествующими этапами развития. М. И. Владиславлев также занимался переводом и популяризацией взглядов немецких психологов и философов, прежде всего И. Канта.

Другой представитель русской психологии, М. М. Троицкий, также занимался изучением и анализом немецкой психологии XIX столетия. Работая над «Немецкой психологией в текущем столетии¹» (1867), ученый полностью сменил свои научные авторитеты. Отправляясь в командировку в Германию летом 1862 г. безусловным поклонником немецкой философской мысли и построенной на этих идеях немецкой психологии, осенью 1864 г. он вернулся в Россию уже сторонником английской эмпирической психологии. Именно детальный анализ и сопоставление истории развития и современного ему состояния немецкой и английской психологии, а также непосредственное знакомство с немецкой психологией привели его к такой кардинальной научной переориентации. Работая ординарным профессором на кафедре философии Московского университета и читая психологию как учебную дисциплину (Троицкий, 1885), М. М. Троицкий подготовил литографированные курсы по психологии. Истории психологии в них был посвящен самостоятельный раздел, в первую очередь истории немецкой и английской психологии. Анализируя состояние зарубежной психологии XIX в., сравнивая между собой ее различные направления, Троицкий тем самым решал одну из задач историографии психологической науки.

Таким образом, можно отметить, что в рамках дореволюционного периода историко-психологическая и историографическая проблематика психологии еще не рассматривались как самостоятельная область исследований; историографический анализ сводился лишь к изложению и сравнению философско-психологических идей, представленных в различных направлениях психологии. Примером подобного рода работ является монография одного из ярких представителей экспериментального направления в отечественной психологии Н. Н. Ланге, который в 1914 г. публикует книгу «Великие мыслители XIX века», где историографические проблемы рассматриваются им лишь в философском ключе.

Следующий период историографии истории психологии охватывает *советской период* ее развития (1917–1991). Коренные изменения основ общественного устройства, ставшие следствием Октябрьской революции 1917 г., не могли не отразиться и на содержании научного мировоззрения. Постепенно начинается наступление новой идеологии «по всему фронту» психологической науки. Необходимо отметить, что в период становления советской психологии важнейшей задачей считалось создание методологических основ психологических исследований, адекватных логике науки, новым идеологическим позициям и социальным потребностям. При этом нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что диалектико-материалистические идеи выступили конструктивным началом развития различных отраслей психологии, в том числе истории психологии. Таким образом, специфика советского периода определяется единым методологическим подходом: положения диалектического и исторического материализма определяли трактовку и оценку истории психологии как науки вплоть до 1991 г.

Период становления советской истории психологии характеризуется отсутствием систематизированности и разрозненностью исследований по изучаемой проблематике. Вплоть до 1947 г. содержание и тематика психологической исто-

---

1 Полное название работы – «Немецкая психология в текущем столетии: Историко-критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии в Англии со времен Бэкона и Локка».

риографии разрабатывалась в отдельных статьях, очерках и лекциях. В этот период психологи вопросами историографии систематически не занимались. Работы в этой области были посвящены каким-либо отдельным проблемам истории психологии: традиции русской психологии, предмет и состояние советской психологии, представления К. Маркса о психологии, философские корни экспериментальной психологии и др. Большое количество статей было посвящено взглядам русских психологов революционно-демократического направления. Более того, в период становления советской психологии историографы вели принципиальную борьбу против теорий и идей зарубежной и отечественной дореволюционной психологии, которые оценивались как регрессивные.

Крупным историографом советской психологии был Л. С. Выготский. Его работа «Исторический смысл психологического кризиса» (1927) имеет большое методологическое значение для истории психологии. В ней дается определение кризиса в психологии, который, как считал Выготский, проявляется в распаде психологии на отдельные направления, каждое из которых предполагает собственное, несовместимое с другими, понимание предмета и методов психологии. Преодоление этой тенденции распада психологии требует создания особой дисциплины — «общей психологии» как учения об основных и общепринятых понятиях и объяснительных принципах, позволяющих психологической науке сохранить свое единство (Выготский, 1982). История психологии не была для Л. С. Выготского главным предметом исследования, но тем не менее он сумел глубоко раскрыть ее значение для психологии.

Первый опыт краткого изложения истории психологии (отечественной и зарубежной) принадлежит С. Л. Рубинштейну и представлен в одной из глав его книги «Основы психологии» (1935) и в последующих ее переизданиях (1940б, 1946). В изложенной С. Л. Рубинштейном истории психологии критически и в сжатой форме освещаются основные психологические представления и теории, начиная с древнегреческой натурфилософии и классической философии и заканчивая основными психологическими школами XX в., вплоть до советской психологии середины 1940-х годов (Рубинштейн, 1940б, 1946). Другие историографические труды Рубинштейна — «Проблемы психологии в трудах К. Маркса» (1934), «Проблема деятельности и сознания в системе советской психологии» (1940), «Психологическая концепция французской социологической школы» (1941), «Философские корни экспериментальной психологии» (1940) — имели большое значение для формирования историко-психологической науки на основе диалектико-материалистического подхода. Еще в 1940 г. Рубинштейн утверждал, что «каждый большой этап в истории философско-психологической мысли получал свое выражение и как бы кристаллизацию в новой концепции психического» (Рубинштейн, 1940а, с. 5). Критическая оценка взглядов психологов прошлого на природу психического и методов его изучения была важной предпосылкой для развития советской истории психологии и ее отраслей.

Первым капитальным трудом по историографии истории психологии является монография Б. Г. Ананьева «Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков», вышедшая в 1947 г. и подготовленная по материалам его докторской диссертации. Ее издание стало важной вехой в отечественной историографии психологии. Во введении к монографии автор пишет: «В нашей литературе

нет ни одной книги по истории психологии, ни русской, ни зарубежной... Перед советскими психологами стоит задача разработать историю психологии на основе марксистско-ленинской методологии. В особенности актуальна задача разработки истории русской психологии, которая постоянно недооценивалась, а сплошь и рядом и намеренно игнорировалась в книгах зарубежных историков психологии» (Ананьев, 1947, с. 3).

Оригинальность и научная новизна данной работы Б. Г. Ананьева состоят, прежде всего, в том, что в ней открывается новая панорама русской психологии — с новыми именами, теоретическими принципами и положениями, творческими связями отечественной психологии с передовой русской философией, естествознанием и педагогикой. Используя сравнительно-хронологический метод, Ананьев раскрывает особенности западной и русской психологии XVIII–XIX столетий. Обосновывается самостоятельность русской психолого-философской мысли и оригинальность взглядов отечественных ученых (П. Любовский, А. Галич, И. Михайлов, Я. Козельский). Рассматриваются психологические воззрения М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, классиков русского материализма середины XIX столетия. Раскрывается значение физиологического наследия И. М. Сеченова для становления научной психологии в России. Анализируется влияние педагогического учения К. Д. Ушинского на развитие детской и педагогической психологии. Прослеживается роль трудов первых русских психологов в развитии экспериментального направления психологии в конце XIX в. Б. Г. Ананьев был новатором в области системного, фундаментального изучения проблем исторического развития русской психологии. Историко-психологический цикл его трудов отличается своеобразием подхода, глубиной проникновения в сущность исследуемых проблем. Непосредственно вопросам истории психологии посвящено около 30 работ ученого. Это статьи, освещающие состояние и перспективы развития психологической науки в СССР; ее философско-методологические основания; труды, посвященные изучению генезиса отечественной психологической мысли и истории становления психологической науки в России; работы, содержащие анализ психологического наследия зарубежных, а также отечественных ученых.

В 50-х годах XX в. большой размах приобретает изучение психологических воззрений русских мыслителей. В 1957 г. под редакцией М. В. Соколова выходит одна из первых коллективных работ, посвященных истории русской дореволюционной психологии, — «Очерки по истории русской психологии» (Очерки..., 1957). Значение и место учения И. М. Сеченова в русской психологии последовательно изучались С. Л. Рубинштейном, М. Г. Ярошевским, Е. А. Будиловой.

Начавшаяся «Павловская сессия» определила новый поворот в области историко-теоретического анализа — обсуждение проблем психологии в свете павловского учения. Стремление отстоять самостоятельность психологии, акцентирование ее научных заслуг и достижений приводят к появлению обобщающих работ, посвященных анализу советской психологии: книга Б. М. Теплова «Современная психологическая наука за 30 лет» (1947); работа Б. Г. Ананьева «Успехи советской психологии: Стенограмма публичной лекции» (1948) и др.

Появляются работы, посвященные истории развития научных центров: Московского государственного университета (1951; 1955), Киево-Могилянской коллегии (1949), Ленинградского института им. Герцена (1948).

В это время историография психологии развивается и в союзных республиках. Труды Г. С. Костюка посвящены описанию истории развития психологических воззрений на Украине (Г. С. Сковорода, Т. Г. Шевченко, Н. Н. Ланге) и в России (А. Н. Радищев, М. В. Ломоносов, А. И. Герцен, К. Д. Ушинский, В. Г. Белинский, И. М. Сеченов). И в последующие годы выходят работы Г. С. Костюка по истории психологии.

В Грузии центральная фигура в области разработки проблем историографии истории психологии — А. С. Прангишвили, автор «Очерков по истории психологических знаний в Грузии» (XVII в.—первая треть XIX в.) (1957) и ряда других работ. Труды А. Т. Бочоришвили, О. И. Табидзе и В. Л. Какабадзе также сыграли значительную роль в развитии историографического знания в Грузии. В Армении проблемы историографии разрабатывались М. А. Мазманяном и А. А. Лалаяном, О. М. Тутунджяном, в Азербайджане — А. К. Закуевым, А. О. Маковельским и С. Г. Гаджиевым.

В 1960-е годы историография психологии достигает особого расцвета. Толчком к этому послужил доклад Б. М. Теплова, прочитанный в октябре 1960 г. в Ереване на Второй Закавказской конференции психологов «О некоторых общих вопросах разработки истории психологии», в котором определены и полно охарактеризованы предмет, задачи и значение истории психологии, ее методологические и теоретические основы (Теплов, 1960).

Представляет интерес обоснование Тепловым критериев определения подлинно научных открытий в психологии, без которых невозможно установить научный характер и достоверность психологического знания, вскрыть «белые пятна» в изучении истории психологии.

Б. М. Теплов выделил две основные задачи истории психологии: историю борьбы философских взглядов и историю накоплений конкретных знаний в их единстве (Теплов, 1985).

Обращение к проблемам истории психологии рассматривалось Тепловым не как самоцель, а как решение задачи, «насуточно необходимой для успешной разработки актуальных задач современной науки». История психологии, с его точки зрения, вооружает исследователя необходимой ему для работы совокупностью фактов, помогает раскрыть все стороны, аспекты исследуемого явления и на этой основе наметить правильные ориентиры научного поиска, адекватно сформулировать новые исследовательские задачи, найти наиболее верные пути и способы их решения. Она способствует более глубокому осознанию логики развития научного знания, раскрытию его объективных противоречий и альтернативных тенденций, позволяет дать правильную теоретическую оценку тех или иных идей, реконструировать условия их создания. История науки — это мостик, соединяющий современного исследователя с богатейшим наследием человеческой мысли, с системой знания, добытого в ходе многовековой истории развития познания.

Б. М. Теплов, тем самым, развивал исторический подход в психологии, определял место истории психологии как исходного момента, опорной точки любого психологического исследования. Что касается самого Б. М. Теплова, то, как нам представляется, именно присущий ему исторический подход к анализу всех исследуемых психических явлений, опора на широкий общенаучный фундамент, глубокие знания в области истории отечественной и мировой психологии во мно-

гом определяли его высочайшую научную продуктивность, обеспечивали значимость, оригинальность и яркость разрабатываемых им научных идей и подходов.

Специальное внимание Теплов уделяет проблеме исследования субъектного фактора в истории психологии – анализу научной деятельности творцов психологической мысли. В его работах дается характеристика взглядов многих известных ученых, как отечественных (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Н. Ланге, И. П. Павлов, И. М. Сеченов, К. Н. Корнилов и др.), так и зарубежных (М. Вергеймер, А. Анастаси, Г. Гельмгольц и др.).

Начиная с 1960-х годов под плодотворным влиянием взглядов Б. М. Теплова о задачах и значимости разработки общих и специальных проблем истории психологии был подготовлен и издан ряд авторских (М. Г. Ярошевский. «История психологии», 1966; Е. А. Будилова. «Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке. Вторая половина XIX–начало XX в.», 1960; А. В. Петровский. «История советской психологии», 1967) и коллективных («Современная психология в капиталистических странах», 1963; «Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах», 1965) трудов по истории психологии.

В этот период начинается изучение мировой истории психологии, воссоздается целостная картина становления советской психологии в ее различных областях. Все это позволяет сделать вывод, что в 1960-е годы происходит формирование истории психологии как самостоятельной области знания.

В начале 1960-х годов продолжилось изучение русской дореволюционной психологии. В этом плане заметным событием стало издание книги М. В. Соколова «Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII веках» (Соколов, 1963), в которой на основе исследования психологических идей в трудах русских философов, теологов, естествоиспытателей, педагогов воссоздается целостная картина развития психологического знания на ранних его этапах.

Продолжается изучение истории психологии в ряде союзных республик. Книжки «Развитие психологии в Литве» А. Гучаса (1968) и «Развитие психологической мысли в Казахстане» К. Б. Жарикбаева (1968) – убедительное свидетельство растущего интереса к этому направлению историко-психологических исследований.

Значительное место в истории психологии занимают работы, посвященные раскрытию жизненного пути ученых (М. Г. Ярошевский. «Иван Михайлович Сеченов», 1968; О. М. Тутунджян. «Психологическая концепция Анри Валлона», 1966). Необходимо отметить, что в отечественной историографии до сих пор существует определенный пробел в изучении жизни и деятельности крупных психологов, нет разработанной методологии их исследования.

Начиная с 1970-х годов спектр историографической проблематики значительно расширяется. Изучаются вопросы истории русской и советской психологии в их связях с мировой психологической мыслью; исследуются философские и теоретические проблемы современной психологии; рассматривается история отдельных психологических проблем, областей, теорий, школ; проводятся психобиографические исследования. Этот период ознаменовался фундаментальными трудами: «Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки» М. Г. Ярошевского (1971); «Развитие и современное состояние психологической науки в СССР» А. А. Смирнова (1975); «Философские пробле-

мы в советской психологии» Е. А. Будиловой (1972); «Развитие и современное состояние зарубежной психологии» М. Г. Ярошевского и Л. И. Анцыферовой (1974); «Материалистические идеи в зарубежной психологии» Л. И. Анцыферовой (1974). В 1970-е годы А. С. Гучас проводит исследование состояния разработки истории психологии в союзных республиках. Изучается история некоторых проблем и отраслей психологии: Г. М. Андреева, Л. А. Петровская изучают историю зарубежной социальной психологии; Ю. В. Котелова, Е. А. Климов — историю становления психологии труда; Е. А. Шорохова — историю психоанализа.

«История психологии» (1978, 1983, 1988) в трех томах украинского психолога В. А. Роменца, написанная на украинском языке, представляет собой фундаментальную работу, в которой раскрывается сложная и противоречивая картина многовекового развития психологических представлений и концепций. Автор использует многочисленные источники на разных древних и современных языках, опирается на материалы историографических исследований.

Важное место в отечественной истории психологии занимают исследования Е. А. Будиловой, так как в них дан систематический анализ развития отечественной психологической науки, обоснована ее периодизация и глубоко раскрыта история русской дореволюционной и советской психологии (Будилова, 1972, 1976).

Изучение истории дореволюционной психологии в работах Е. А. Будиловой включает исследование проблемы детерминации и развития истории русской психологии конца XIX—начала XX в.; анализ вклада ученых в развитие русской дореволюционной психологии; раскрытие истории становления отечественной социально-психологической мысли. В монографии «Борьба материализма и идеализма в русской психологии во второй половине XIX—начала XX в.» впервые в советской историографии объемно и полно отражены основные события и факты истории дореволюционной психологии; раскрыты содержание и ход борьбы материалистической, сеченовской, линии в психологии с господствовавшим тогда субъективно-интроспекционистским подходом в их общественно-политической обусловленности; выявлены особенности становления отечественной психологии как самостоятельной экспериментальной дисциплины. Книга Будиловой — своеобразная энциклопедия русской дореволюционной психологической мысли (Будилова, 1960).

В изучении истории советской психологии в работах Е. А. Будиловой основной акцент сделан на анализе разработки философско-методологических проблем: соотношения психики с окружающим миром, психических и физиологических процессов, биологической и социальной детерминации психики, активности сознания и его связи с деятельностью человека. Рассмотрены дискуссии по основным философским вопросам в процессе формирования главных методологических принципов советской психологии, раскрыты направления ее развития и взгляды ведущих советских психологов (Будилова, 1972).

Начинаются исследования истории развития ряда направлений психологии: психологии индивидуальных различий (Ю. Н. Олейник), дифференциальной психологии (В. В. Умрихин), авиационной психологии (К. К. Платонов; В. А. Карашан), социальной психологии (В. Г. Казаков; Е. В. Шорохова; В. А. Кольцова и др.), психологии труда (Ю. В. Котелова; Е. А. Климов; О. Г. Носкова), педагогической психологии (А. А. Никольская) и т. д. (Алексеенко, 2006).

Большое внимание уделяется методологическим проблемам истории психологии. В это время история психологии представлена такими именами, как К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, Е. А. Будилова, А. Н. Ждан, В. А. Кольцова, Т. Д. Марцинковская и др. В 1982 г. проходит всесоюзная конференция «Актуальные проблемы истории психологии», организуется симпозиумы на всесоюзных и международных конференциях, в 1991 г. проводится первая в нашей стране международная конференция по истории психологии «Московские встречи».

Современный период развития историко-психологического знания связан с качественными преобразованиями в области экономики, политики и идеологии; демократизацией общественной жизни; расширением интеграции отечественной и мировой наукой. Он характеризуется обращением ученых к методологическим аспектам психологической науки (истории научных дискуссий по ключевым вопросам психологического познания, влиянию философских учений на систему взглядов психологов и т. д.), исследованиями формирования и динамики психологического знания в различных регионах и научных центрах, а также в конкретные хронологические периоды, разработкой новых направлений истории психологии (истории отечественной духовной психологии, социальной истории психологии и т. д.).

Таким образом, коренные изменения в макросоциальном контексте развития отечественной науки актуализируют обращение к историографии истории психологии как разделу методологии истории психологии. Важность решения этой задачи обусловлена как неразработанностью ряда аспектов историографического исследования историко-психологического познания, так и необходимостью создания концептуальной базы историографии, которая бы соответствовала реалиям развития современной психологической науки. Историографические исследования составляют важный источник повышения познавательных ресурсов истории психологии, способствуют разработке ее теории, пониманию логики и детерминант историко-психологического познания, раскрытию проблемного поля историко-психологических исследований, выявлению «белых пятен» в истории психологии, позволяют охарактеризовать тенденции развития современного историко-психологического процесса и выделить перспективы развития истории психологии.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Очерки истории русской психологии XVIII и XIX вв. М., 1947.
- Алексеев И. С.* Из истории историографии психологии // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 69. М., 2006.
- Будилова Е. А.* Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке (Вторая половина XIX—начало XX в.). М., 1960.
- Будилова Е. А.* Философские проблемы в советской психологии. М., 1972.
- Будилова Е. А.* О периодизации истории психологии в СССР // Актуальные проблемы истории и теории психологии. Ереван, 1976.
- Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. М., 1982. Т. 3.

- Кольцова В. А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М., 2004.
- Кольцова В. А.* История психологии: проблемы методологии. М., 2008.
- Очерки по истории русской психологии / Под ред. М. В. Соколова. М., 1957.
- Рубинштейн С. Л.* Мысли о психологии // Ученые записки Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. XXXIV. Л., 1940а.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1940б.
- Соколов М. В.* Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII веках. М., 1963.
- Теплов Б. М.* О некоторых общих вопросах разработки истории психологии // Вопросы психологии: Материалы второй Закавказской конференции психологов. Ереван, 1960. С. 3–13.
- Теплов Б. М.* Об объективном методе в психологии // Теплов Б. М. Избранные труды. В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 281–309.
- Троицкий М. М.* Психология, лекции ординарного профессора М. М. Троицкого, читанные в 1881/2 академическом году. Б/м, б/г.
- Троицкий М. М.* Психология, лекции ординарного профессора М. М. Троицкого, читанные в 1882/3 академическом году. Изд-е 3-е. Б/м, б/г.
- Троицкий М. М.* Лекции по психологии ординарного профессора М. М. Троицкого, читанные в 1884/5 гг. М., 1885.

Научные открытия: маркеры перемен и пограничные зоны как источники развития психологической науки

М. Р. Арпентьева (Калуга)

Введение

Современные интрадисциплинарные и междисциплинарные исследования в психологии привлекают внимание многих исследователей, в том числе тех, кто занимается вопросами историографии и реконструкции истории психологии, а также технологиями прогнозирования и форсайта, разработкой новых перспективных направлений, предполагающих решение важнейших и сложнейших теоретических и практических задач современности. Возможности разработки новых направлений междисциплинарных психологических исследований, позволяющих поставить и решить многие проблемы, открывает подход, связанный с изучением зон междисциплинарных несоответствий: детекции и осмысления маркеров перемен или слабых сигналов, возникающих и возникавших в зонах междисциплинарных взаимодействий («мерцающих зонах»).

В повседневной и научной реальности поток жизни сталкивает человека с многочисленными переменами, часть которых может быть предсказана и при необходимости предотвращена, а часть — принята к сведению и учтена, использова-

на для постановки новых и решения старых вопросов. Классические прогнозы и программы развития наук, так же как и история науки, опираются на вполне логичное представление о том, что небольшие, слабые изменения обычно производят и небольшие результаты. Они недооценивают или просто игнорируют такие важные маркеры перемен, как слабые сигналы, фокусируясь на показателях силы тенденций и вероятностей. Однако существует множество феноменов, которые в статистические показатели не укладываются (Harris, Zeisler, 2002). Более того, многие фундаментальные открытия науки и классические произведения искусства, значимые политические и природные потрясения, существенные изменения личности и ее отношений с собой и другими людьми связаны именно со слабыми сигналами, которые вовлекают людей в диалог, направляя на поиски выхода из позиции простого наблюдения и бессмысленного страдания. Люди становятся частью сложной системы обратных связей и адаптаций, при которых их композиция постоянно трансформируется, тем более что обнаружение слабых сигналов связано с привнесением индивидуального, группового и культурно-исторического опыта. Это позволяет делать все новые открытия, обнаруживать новые слабые и совсем незаметные сигналы и вновь, вместе с самой «мерцающей зоной», отраженной в произведении искусства или научном открытии/модели, трансформироваться, изменяться. Спектр явлений между двумя крайностями — порядком и хаосом, представленный различными степенями смещения порядка и беспорядка, не линеен: на нем есть периферийные области, названные «границами хаоса» (Waldrop, 1992). Граница хаоса обозначает общую историческую или футуристическую перспективу: чтобы найти детали, необходимы расширение поля осмысления, разнообразие и нетрадиционность источников информации (Уфимцев, 2009).

Модели научных поворотов в психологии

Классические позитивистские модели и представления о психике и человеке в целом говорят о наличии у каждого понятия/концепции собственных и четко фиксированных интенций (смысла) и экстенций (области применения, логического радиуса): знание интенции (определяющих характеристик) достаточно для корректного использования понятия. Однако это не вся правда, поскольку использование понятия, в том числе как метафоры, по сути своей, открыто: не существует ни одной бесспорной классификации, ни одного априорного и неизменного понимания себя и мира (Barnes, Bloor, Henry, 1996, с 56—57; Waismann, 1984). Подтверждением этого в психологии является множественность концепций в области исследования и трактовки одних и тех же феноменов. Возможно определенное «напряжение» трансформации смысла, при котором понятие или концепция, не способные адаптироваться к реальности, сменяются производными, сами отходя на второй-третий план, периферию. При этом понимание даже такой овеществленной реальности, как текст, рассматривается исследователями как принципиально диалогический — интертекстовый — процесс, реализующийся в ряде возможных способов и путей взаимодействия человека с миром и самим собой, в том числе в процессе деконструкции, раскрывающей в нем полилог «слабых» и «сильных», «дремлющих» и «проснувшихся» голосов (Минделл,

1997; и др.). Каждая из возможных эпистемологий, моделей и концепций, стратегий познания себя и мира, понимаемых как совокупность способов их постижения (реконструкции — воссоздания, конструирования — прогнозирования, реализации — интерпретации) выступает при этом двойственно. С одной стороны, как равноценная, позволяющая достигать желаемых полноты и глубины или «высоты» анализа феноменов внутреннего и внешнего миров, с другой — как обладающая заведомо иным исследовательским потенциалом. В телеологических моделях психологии и смежных с нею гуманитарных наук, в форсайт-моделях экономики и политики утверждается зависимость результатов познания систем от целей и ценностей взаимодействия, а также от зарождающихся тенденций, т.е. от появления непредсказуемых и неожиданных на уровне привычного и экспертного сознания джокеров или влияния артефактов и истории развития самой системы (Рай ван, 2012; Loveridge, 2009).

Простейшие свободные адаптации математических и иных теорий системы, хаоса, кризиса, катастрофы, развития в их применении к внутриличностной, межличностной или социальной реальности и переменам в ней приводят исследователей к пониманию того, что человек или общество, отношения между людьми выступают как сложная адаптивная система, в которой есть сущность как внутренняя область устойчивости, равновесия или гомеостаза — центральная зона, а также «оболочки сущности», периферия — узкие области, находящиеся на границе зоны гомеостаза и внешнего хаоса. Кроме того, как отмечает Г. Бейтсон, мироздание, организованное как сеть обратных связей, иерархически-рекурсивно: каждая сложная система вместе со своими метаболитами существует в контексте еще более сложной системы, с которой она обменивается веществом и информацией, последовательно или параллельно развивается. При этом контекст определяет поведение системы, так же как система изменяет контекст (Бейтсон, 2000, с. 187, 293). Сложные системы сочетают в своем функционировании ряд принципов: гомеостаза, постоянства или равновесия и развития, изменчивости или трансформации, каузальной, причинно-следственной, и телеологической, финитистской обусловленности, последовательных и параллельных, синхронных изменений и т.д. Особое внимание в изучении сложных систем, например, такой системы как отношения взаимопонимания, исследователи и практики обращают на принцип синхронистичности (параллелирования) или гистерезиса. Этот принцип отражает цикличность формирования и развития взаимопонимания и его компонентов, наличие в развитии и функционировании системы циклических этапов, повторений и переходных этапов, обновлений (Торсвик, 2004, с. 90; Cross, 1993; Ewing, 1985), общего — эмерджентного (возникающего в со-бытии) или финитистского — характера осмысления человеком себя, а также более глобальных систем: взаимопонимания и отношений между людьми, сообществами и иными сложными системами, включая системы научных знаний.

Традиционно для описания процесса и результата осмысления междисциплинарных научных исследований явно или неявно используют понятие о понимании и о круге понимания. Феномен «герменевтического круга» отражает факт взаимосвязи результатов и процессов взаимопонимания (Шлейермахер, 2004), говорит о существовании «предчувствий» результатов исследования. Циркулярная структура, недопустимая и «эпистемологически негативная» в традицион-

ной, построенной по законам формальной логики научной мысли, разделяющей и изучающей реальность по частям, дисциплинам, «эпистемологически позитивна» в герменевтике и междисциплинарных подходах: апелляция к ней делает возможным понимание взаимодействия индивидуального познания и социального контекста, междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований, раскрытие взаимодействия наук и дисциплин как компонентов сложной системы (Дублет, 2004, с. 58). Герменевтическая перспектива включает в понимание, наравне со смыслами и ценностями настоящего и будущего, смыслы и ценности прошлого. Отчасти дополняет концепцию герменевтического круга, отчасти противостоит ей финитизм — концепция познания, основывающаяся на том, что употребление понятий и дисциплин развивается поэтапно с помощью процессов, состоящих из успешных «точечных» решений — рекурсивных и, частично, арекурсивных (Гримен, 2004, с. 74). Знания, лежащие в основе решения о правильности смысла понятия или концепции и использования понятия или концепции, состоят из знания использования понятия в конечном (finite) числе прошлых ситуаций/моделей или концепций реальности в рамках той или иной дисциплины. Поэтому, в частности, обучение в форме инструктирования и социального санкционирования менее эффективно, чем обучение в конкретной ситуации, в диалоге, построенном как процесс совместной рефлексии с ее эффектами «роевого интеллекта» и «приращения знаний».

Все эти исследования сходятся в одном: существуют маркеры перемен или сигналы-предвестники серьезных изменений. Эти сигналы могут быть как весьма интенсивными, эксплицитными, так и слабыми, скрытыми, в том числе, связанными с имплицитно существующими, но до определенного момента не проявленными характеристиками системы. Однако активная и точная идентификация эти сигналов не только позволяет прогнозировать «непрогнозируемое», но и вмешиваться в течение процессов, корректируя их с наименьшей затратой сил, ресурсов материального, психического и духовного типа. Эти сверхчувствительные зоны принято именовать «границами хаоса» (Lewin, 2000). Однако найти в окружающем мире «чистый хаос» сложно, так же как сложно найти «абсолютный порядок». Вместо ограниченной сложной адаптивной системы, окруженной хаосом, исследователи, как показали работы Г. Бейтсона, В. Лэфевра, И. Пригожина и др., имеют перед собой безграничную сложную гетерогенную и адаптивную среду, которая похожа на бескрайнее лоскутное одеяло. Отдельные «лоскуты» системы — области большей или меньшей гомеостатической устойчивости. При этом и сама устойчивость бывает как минимум двух видов: устойчивость порядка и покоя и устойчивость кризиса и беспорядка. «Границы хаоса» поэтому точнее именовать «границами порядков»: они находятся на стыках теоретических, эпистемологических и дисциплинарных «лоскутов», в местах соединения и взаимодействия областей упорядоченности и гомеостатической устойчивости (Уфимцев, 2009). В этих стыках происходит конфликт и взаимодействие двух (или большего числа) соседних порядков: находящиеся в них точки личностной или социальной реальности попадают под конфликтующее влияние одновременно двух или нескольких гомеостатических систем, что создает в них особую напряженность, сравнимую с напряженностью пограничного перехода между двумя враждебно настроенными странами: один порядок противоречит, враждебен другому,

а там, где два порядка соприкасаются, возникает напряжение и пристальное взаимное внимание, развивается непропорциональная чувствительность даже к незначительным событиям («провокациям»). Здесь обнаруживаются нелинейные, рекурсивные характеристики; они проявляются в способности психологических и иных сложных систем знаний быть сверхчувствительными в определенных областях, стремясь к «странным» аттракторам вместо логически объяснимых¹. Эти зоны (области) можно назвать пограничными или, согласно Р. Уфимцеву, мерцающими, подчиняющимися описанному Эд. Лоренцем «эффекту бабочки». «Лоскуты» социальной и личностной реальности, области порядка в ней, — дрейфующие устойчивые структуры значений и смыслов разного уровня: конгломераты переживаний и осознаний, которые образуют самостоятельные и самоподдерживающиеся структуры (концепции себя и мира, проявляющиеся в зависимости от масштаба и содержания как стереотипы взаимодействия людей и групп, научные теории или социальные мифы, языки и комплексы профессиональных, национальных и т. д. знаний и умений).

Реальность, в том числе та, которая является объектом научных исследований, наполнена множеством когнитивных структур разного масштаба и содержания, охватывающих разные «лоскуты» этой реальности. В пограничных зонах или «швах» между «лоскутами» социальной реальности области порядка активно сталкиваются, в результате чего возникают уникальные свойства «мерцающих зон», например сверхчувствительность когнитивных структур к своей периферии, чувствительность к проблемам этой периферии, а значит, и всего «лоскута» — понятия, концепции процентируемых и (ре) конструируемых ими социальных феноменов и объектов и т. д. (Бакурова, 2015; Уфимцев, 2009). Особенность пограничных или «мерцающих» зон в процессах повседневных и научных отношений состоит в том, что они крайне редко образуют границу между областью «полного порядка» и «полного хаоса», обычно располагаясь на границе нескольких порядков. Отсюда, как отмечает А. Сосланд, — частое возникновение новых систем (Сосланд, 1999). Им же описывается феномен транстерминации — изменения состояния сознания познающего, которое может быть охарактеризовано как состояние, уровень, стадия, специфика и т. д. понимания субъектом себя и окружающего мира. Переходы в изменении состояния сознания (транстерминации) — это переходы, связанные с реализацией онтологического или диалогического цикла понимания, изменения в соотношении и состоянии понимания субъектом (ученым) себя и окружающего мира (Юревич, 1992, 1993, 2003; и др.).

В изучении маркеров перемен и «областей порядка» в психологическом знании, имеющем историю и развивающемся, выделяются несколько основных моментов. В дискурсе любого взаимодействия (эпистем, дисциплин, концепций, моделей) присутствует, как отмечает Р. Уфимцев, два вида механизмов:

- 1) механизмы, предназначенные для представления и фиксации понятий и концепций, а также связанных с ними областей социального порядка (значения и понятия);

---

¹ Понятие «психо-логика» существует практически с самого начала возникновения науки, однако до сих пор мало используется в осмыслении ее истории и методологии (Пригожин, Стенгерс, 1986; Hilborn, 2004; Lorenz, 1972/1995).

- 2) механизмы, существующие для взаимодействия, столкновения когнитивных структур и их совокупностей в «мерцающих зонах» (смыслы и метафоры).

Помимо порожденных людьми искусственных метафор, существуют естественные метафоры, создаваемые потоком социально значимых событий и указывающие на «мерцающие зоны», существование которых еще не осознается и которые проявляются как «странные совпадения», «иронии судьбы», «джокеры» в практически не связанных как в пространстве, так и во времени между собой событиях — синхронизмы как проявления коллективного бессознательного (Рай ван, 2012; Юнг, 2003; Франц фон, 1998). Фундаментальная задача состоит в изучении нелинейных, мало предсказуемых логически «троп» развития научного знания. Длительные прогнозы и успешные конструкции в науке связаны с учетом «эффекта бабочки», идентификацией и осмыслением слабых сигналов, в том числе для преобразования реальности.

Общими характеристиками областей порядка являются (Уфимцев, 2009):

- *адаптируемость*: каждая когнитивная структура (эпистема, дисциплина, концепция, модель) обладает границами, за пределами которых она уже не может приспособиться к внешним условиям и вытесняется другими — способность к адаптации имеет предел;
- *устойчивость*: когнитивная структура (эпистема, дисциплина, концепция, модель) способна сохранять неизменным сущностное, «генетическое ядро» — обобщенный уровень знаний, образующих данную структуру, ее гештальт;
- *стремление к экспансии*, освоению доступного пространства, расширению и связыванию «лоскутов» социальной реальности до соприкосновения (и противостояния) с иной когнитивной структурой (эпистемой, дисциплиной, концепцией, моделью), которую не могут ассимилировать, и/или пока не достигнут областей реальности, к которым не могут адаптироваться;
- *подверженность фазам жизненного цикла*, длительность фаз которого варьирует в зависимости от масштаба и содержания структуры, обычно включая: фазу зарождения ключевых идей, «ядра», бурного развития и захвата новых областей в результате адаптации к широкому спектру условий (фазу активной экспансии); фазу обороны от конкурирующих структур; фазу столкновения с изменившимися внешними условиями и распада.

Общими характеристиками «мерцающих зон» или «областей столкновения порядков» являются:

- *деадаптивность*: каждая «мерцающая зона» как зона столкновения психологических и общенаучных эпистем, дисциплин, концепций и моделей, будучи пограничной зоной между ними, обозначает пределы каждой из них, разрушая, явно или исподволь, существующие в науке понятийные структуры, изменяя их содержание и процессы функционирования способом, ведущим к смысловому одностороннему или взаимному исчерпанию и уничтожению;
- *неустойчивость/изменчивость*: «мерцающие зоны» не имеют постоянных очертаний и границ, поскольку сами являются границами, перемещающимися во времени и пространстве, не имеют «сущностного ядра», отражая дисгар-

монии и противоречия существующих обобщенных моделей, частные и ситуативные аспекты, артефакты научного знания;

- *нестабильность жизненного цикла и циклов существования*: артефакт может сохранять свое значение на протяжении длительного периода развития науки, будучи просто игнорируем ею ради сохранения видимости стабильности и устойчивости «областей порядка»; нет никаких гарантий того, что артефакт и связанные с ним изменения произойдут, так же как и возможности предсказания этих изменений в тот или иной временной интервал;
- *способность усиливать или ослаблять экспансии «зон порядка»*: будучи буферной зоной, «мерцающие области» не обладают выраженной экспансией, но способны противостоять расширению «лоскутов» научной реальности, демонстрируя наличие областей, в которых достигнутое научное знание является недействительным.

Д. Медоуз использовала для описания и характеристики маркеров перемен (поворотов в науке и т. д.) термин, который принят у системных аналитиков, — «точки приложения рычага» («leverage points»), который также можно перевести как «чувствительные точки», т. е. места в сложных системах, в которых даже небольшой сдвиг может привести к большим изменениям во всей системе. Дж. Форрестер назвал эти точки «контр-интуитивными»: использование повседневных эвристик без рефлексии зон их применения часто приводит к ошибкам (Арпентьева, 2015; Минигалиева 1999, 2000, 2004; Фомин, 2011).

В терминах теории интуиции можно говорить о подмене интуитивных процессов шаблонными. М. Шеффер и авторы (Scheffer, Bascompte, Brock, Brovkin, Carpenter, Dakos, Held, van Ness, Rietkerk, Sugihara, 2009), рассматривая вопрос о ранних предупреждающих сигналах «критических переходов на модели из теории катастроф», называют точку, когда система находится между двумя возможными равновесными состояниями, перескакивая от одного к другому под действием даже минимальных воздействий, точкой бифуркации, точкой невозврата, точкой фазового или критического перехода. По их мнению, существуют признаки приближения к точке «поворота в науке»:

- 1) понижение сопротивляемости системы и ее «критическое замедление»: система длительно восстанавливается от различных флуктуаций и пертурбаций, в отличие от равновесной системы, немедленно возвращающейся в состояние гомеостаза и относительной изолированности);
- 2) рост автокорреляции и вариабельности: случайные пертурбации начинают оставлять «длинный след», возникает память в истории состояний системы, в отличие от стабильной системы со «стохастическим процессом без памяти», в котором каждое следующее состояние «не помнит» ничего о предыдущем;
- 3) несимметричность флуктуаций и мерцания (частый признак приближения к критическому переходу — нарастание асимметричности во флуктуациях системы, при котором разброс случайных отклонений в одну сторону от точки равновесия становится больше, чем в другую, и если воздействия весьма интенсивны, система может перейти в «мерцающее» состояние, когда она перемещается от одной области равновесия к другой, флуктуируя вокруг двух

альтернативных точек равновесия), возникновение самоподобного состояния системы и рост пространственной и временной когерентности.

Однако резкость изменений, так же как и приравнивание переходных и кризисных событий к катастрофическим и быстро протекающим, менее типична, чем плавность, а неровность и неоднозначность более типичны, чем однозначность и последовательность. Дело в том, что, как отмечалось выше, критические состояния могут быть основным состоянием системы. Согласно теории самоорганизующихся критических состояний, естественная динамика сложных систем приводит их к критическим состояниям, поэтому неравновесные критические состояния более типичны и нормальны, чем выходы из критического состояния.

По мнению Р. Уфимцева и других исследователей, критическое состояние сложной системы может быть более точно связано с масштабной инвариантностью (фрактальностью) структур системы: когда структуры системы приобретают свойство масштабной инвариантности, становятся самоподобными, тогда система находится в критическом/переходном состоянии, а то, что обозначило самоподобие, и есть слабый сигнал. Фрактал — типично рекурсивная модель, каждая часть которой повторяет в своем развитии развитие всей модели в целом и воспроизводится в различных масштабах без сильных изменений. Однако изменения — внешне слабые — все же происходят, что в значительной степени может повлиять на осмысление происходящего. Самоподобный объект — объект, в точности или приближенно совпадающий с частью себя самого: целое приобретает ту же форму, что и одна или более его частей. Размывание характерных пространственных и временных соотношений в системе и общее падение энергии — общие сигналы приближения к критическому переходу или состоянию (Уфимцев, 2009; Scheffer, Bascompte, Brock, Brovkin, Carpenter, Dakos, Held, van Ness, Rietkerk, Sugihara, 2009).

Согласно теории «усиления», целенаправленный поиск слабых сигналов на границе хаоса — первый шаг к их обнаружению (Harris, Zeisler, 2002). Второй шаг — осмысление слабых сигналов, которое не должно осуществляться методами, используемыми для осмысления сильных тенденций: статистика и сортировка непродуктивны. Промежуточная процедура их осмысления — «усилитель слабых сигналов», помогающий «отфильтровывать» слабые сигналы от шума по их способности вызывать изменения в сложной адаптивной системе. Далее необходимо осмысление того, насколько эти сигналы способны повлиять на «условия игры» (качественная оценка на уровне гипотез «что, если...»). Следует иметь в виду, что слабый сигнал не сможет ничего изменить, если не входит в сложную адаптивную систему. Если идентифицированный сигнал обладает реальным потенциалом, возможностью изменять условия игры, нужно тщательно рассмотреть препятствия, которые могут помешать слабому сигналу высвободить свою энергию, и таким образом понять, включится ли этот слабый сигнал. Следующий вопрос: может ли кто-то запустить его, активировать и достаточно ли для этого компетенции (сил) включенности человека или группы? Однако происходящее, происходившее и будущее дают о себе знать не в одном слабом сигнале, а в их сериях, распределенных в самых разных частях «мерцающих зон». Слабый сигнал, в отличие от шума, сочетает (часто необычно и непонятно) в себе ряд когнитивно

значимых факторов, которые бессмысленно «перебирать» поодиночке и пытаться логически и линейно рассчитывать их потенциал. Поэтому более продуктивны «рыбалка» и «дорога из хлебных крошек», описанные Э. Миндел (1997): простое ожидание «слабого сигнала» без намерения типологизировать его и создание/изучение пространства его самоосуществления.

Заключение

В пограничных зонах или «швах» между «лоскутами» научной реальности «области порядка» психологических и иных дисциплин активно сталкиваются; возникают уникальные свойства «мерцающих зон», порождающих «маркеры перемен» — маркеры «научных поворотов» и грядущих открытий в психологии, предвестниками которых являются слабые сигналы в виде естественных (событийных) и искусственных (словесных) метафор: «странные совпадения», «иронии судьбы», «джокеры», соединяющие практически не связанные между собой как в пространстве, так и во времени события и высказывания — синхронизмы как проявления коллективного бессознательного. Наиболее богатый источник маркеров перемен, «поворотов в науке» — периферия культуры, в том числе научной культуры: 1) междисциплинарное, межтрадиционное; 2) китчевое и симулируемое, псевдоискусство и псевдонаука; 3) внетрадиционное, акультурное, антинаука и анти-искусство, — т. е. отвергаемое и запретное, необычное и редкое, лишенное цены, не стоящее ничего и бесценное. Из этого теоретического и методологического «мусора» и рождается то, что потом называют «прорывами» в науке, «открытиями века» и т. д. Поскольку психология изобилует взаимодополняющими и взаимопротиворечащими концепциями и подходами, этот процесс протекает более или менее постоянно, выливаясь в создание новых версий нескольких основных структур (Сосланд, 1999; Юревич, 1992).

Литература

- Арпентьева М. Р.* Модусы дидактической коммуникации и понимание // Вестник Костромского государственного университета. Сер. «Педагогика. Психология. Социальные науки». 2015. № 1. С. 33–42.
- Бакурова О. Н.* Развитие чувствительности к проблеме у студентов-психологов в решении учебных задач с профессиональным содержанием: Дис. ... канд. психол. наук. Калуга, 2010.
- Бакурова О. Н.* Чувствительность к проблеме: психологические подходы к определению и изучению // Вестник Калужского университета. 2015. № 3. С. 82–90.
- Бейтсон Г.* Экология разума. М., 2000.
- Бек Д., Коуэн К.* Спиральная динамика. Управляя ценностями, лидерством и изменениями в XXI веке. М., 2010.
- Гримен Х.* Фinitистский тезис о социальных корнях и границах познания // Теория и методы в социологии / Под ред. С. Ларсена. М., 2004. С. 74–89.
- Дублет Д. Р.* Герменевтический круг о границах интерпретации в условиях понимания // Теория и методы в социологии / Под ред. С. Ларсена. М., 2004. С. 58–73.
- Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рэндерс Й.* За пределами роста. М., 1994.

- Медоуз Д. Л.* и др. От соперничества к сотрудничеству. Практическое руководство к активным методикам в экологическом образовании. М., 1999.
- Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Й.* Пределы роста. 30 лет спустя. М., 2008.
- Минделл Э.* Психотерапия как духовная практика. М., 1997.
- Минигалиева М. Р.* Когнитивные схемы и эвристические процессы в социальном познании // Мир психологии. 1999. № 3. С. 37–46.
- Минигалиева М. Р.* Когнитивные схемы и эвристические процессы в социальном познании. Калуга, 2000/2004.
- Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М., 1994.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. М., 1986.
- Рай ван Р.* Зарождающиеся тенденции и «джокеры» как инструменты формирования и изменения будущего // Foresight-Russia. 2012. V. 6. № 1. С. 60–73.
- Сосланд А.* Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или Как создать свою школу в психотерапии. М., 1999.
- Торсвик Г.* Тезис о гистерзисе: зависимость от пути в экономических и социальных системах // Теория и методы в социологии / Под ред. С. Ларсена. М., 2004. С. 90–101.
- Уфимцев Р.* Мерцающие зоны. Калининград, 2009.
- Фомин А. Е.* Развитие метакогнитивной осведомленности студентов о процессах обнаружения и формулирования проблем // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 1. С. 256–260.
- Форрестер Д.* Мировая динамика. М.—СПб., 2003.
- Форрестер Дж., Рендер Ю., Медоуз Д., Бехренс В.* Современные проблемы кибернетики: Сборник статей // Знание. Сер. «Математика и кибернетика». 1977. № 7. С. 45–76.
- Франц фон М.-Л.* Прорицание и синхрония. Психология значимого случая. СПб., 1998.
- Шлейермахер Ф.* Герменевтика. СПб., 2004.
- Юнг К. Г.* Синхрония. М.—Киев, 2003.
- Юревич А. В.* «Онтологический круг» и структура психологического познания // Психологический журнал. 1992. № 1. С. 6–15.
- Юревич А. В.* Социально-психологический анализ научного и обыденного объяснений: Дис. ... докт. психол. наук. М., 1993.
- Юревич А. В.* Структура психологических теорий // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 5–13.
- Barnes B., Bloor D., Henry J.* Scientific knowledge. A sociological analysis. N. Y., 1996.
- Beck D. E., Cowan C. C.* Spiral dynamics: mastering values, leadership, and change. N. J., 2000.
- Collins R.* Three sociological traditions. Oxford, 1985.
- Cross R.* On the foundation of hysteresis in economic system // Economics and Philosophy. 1993. № 9. P. 53–74.
- Ewing J. A.* Experimental researchers in magnetism // Philosophical transactions of the Royal society in London. L., 1885. P. 399–402.
- Forrester J.* Principles of Systems. Cambridge, 1990.
- Harris D., Zeisler S.* Weak signals: Detecting the next big thing // The Futurist. 2002. V. 36 (6). P. 21–29.
- Hilborn R. C.* Sea gulls, butterflies, and grasshoppers: A brief history of the butterfly effect in nonlinear dynamics // American Journal of Physics. 2004. V. 72 (4). P. 425–427.
- Lewin R.* Complexity: Life at the Edge of Chaos. Chicago, 2000.

- Lorenz E. N.* Predictability: does the flap of a butterfly's wings in Brazil set off a tornado in Texas? // 139th Annual Meeting of the American Association for the Advancement of Science (29 Dec 1972). N. Y., 1972 in *Essence of Chaos*. N. Y., 1995. Appendix 1. P. 181.
- Loveridge D.* *Foresight: The Art and Science of Anticipating the Future*. N. Y.: Routledge, 2009.
- Meadows D. H.* *Leverage Points: Places to Intervene in a System*. N. Y., 1999.
- Scheffer M., Bascompte J., Brock W. A., Brovkin V., Carpenter S. R., Dakos V., Held H., van Ness E. H., Rietkerk M., Sugihara G.* Early-warning signals for critical transitions // *Nature*. 2009. V. 461. P. 53–59.
- Waismann F.* *Verifiability // The theory of meaning / Ed. by G. H. Parkinson*. Oxford, 1984.
- Waldrop M.* *Complexity: the Emerging Science at the Edge of Order and Chaos*. N. Y., 1992.

Защита диссертаций по психологии как результат деятельности отечественного научного сообщества в первой половине XX века

О. А. Артемьева (Иркутск)

Диссертация как источник историко-психологического исследования

Защита диссертации и присвоение научной степени является одним из значимых результатов научной деятельности и важным событием в жизни ученого и научного сообщества. Процедура защиты предполагает участие в ее подготовке и проведении значительной части его представителей — не только ученых и научных коллективов, но и специальных организационных и экспертных структур в сфере науки. Поэтому материалы защит докторских диссертаций являются ценным свидетелем истории развития науки.

При анализе развития отечественной психологии в противоречивых научно-социальных условиях первой половины XX столетия именно они могут стать дополнительным источником данных о достижениях ученых и научных направлениях. Докторские диссертации, защищенные в этой период, являются специфическими официальными документами ограниченного доступа. С одной стороны, их читательская аудитория относительно невелика; при определенных условиях с ними знакомятся исключительно ученые-специалисты. С другой стороны, защита диссертации и присвоение ученой степени являются официальными формами повышения статуса автора не только в научном сообществе, но и в обществе в целом. По степени персонификации диссертации являются личными документами, имеют конкретного автора и представляют его идеи, а по характеру представления и возможности легитимизации научного авторитета автора представляют собой официальные документы. По степени понятности для не-

подготовленной аудитории диссертационные тексты являются дифференцирующими (термин М. Лауристин).

Примечательна история официальной регламентации присвоения научных степеней в России в это время. В 1901–1917 гг. она регламентировалась «Положением о присуждении ученых степеней» от 1864 года. Согласно ему, право присуждать ученые степени было предоставлено всем университетам в соответствии с едиными требованиями к соискателям ученых степеней и процедурой рассмотрения и оценки диссертационных работ. После Октябрьской революции декретом Совнаркома РСФСР «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики» от 1 октября 1918 г. ученые степени и звания были упразднены. В связи с этим до 1934 г. в СССР отсутствовала система оценки научной квалификации преподавателя, а ученая степень не являлась обязательной даже для профессорской должности. Однако на практике в первые годы советской власти ученые степени продолжали существовать (Ишанова, 2007). Постановление 1934 г. и во многом повторяющее его постановление 1937 г. «Об ученых степенях и званиях» сделали возможным присвоение научных степеней кандидата и доктора наук.

Анализ биографических и библиографических данных о работе ведущих отечественных ученых-психологов в 1901–1950 гг., а также указателей докторских диссертаций по психологии, защищенных в эти годы, позволяет говорить о защите в этот период 33 докторских диссертаций и присвоении 41 степени доктора наук.

В соответствии с наиболее значимыми событиями в жизни общества и научного сообщества выделены семь периодов социальной истории отечественной психологии 1-й половины XX в. (Артемьева, 2015б): 1) 1901–1904 гг., 2) 1905–1917 гг., 3) 1918–1928 гг., 4) 1929–1-я половина 1936 г., 5) 2-я половина 1936–1-я половина 1941 г., 6) 2-я половина 1941–1-я половина 1945 г., 7) 2-я половина 1945–1950 г. Рассмотрим итоги и особенности защиты докторских диссертаций в каждый из указанных периодов.

Защита докторских диссертаций в дореволюционный период

На пороге XX в. отечественное научное сообщество, продолжая традиции «петровской» науки, было не просто открытым, но и ориентированным на стандарты европейской науки и философии. Существовала практика стажировки выпускников университетов в европейских вузах для подготовки к преподавательской деятельности. В связи с этим большинство ведущих ученых-психологов начала XX в. имели опыт обучения и работы в вузах Германии и Франции. Однако если защита диссертации В. М. Бехтерева «Опыт клинического исследования температуры тела при некоторых формах душевных заболеваний» (1881) предшествовала заграничной стажировке, то работа Н. Н. Ланге в Психологическом институте В. Вундта определила содержание его докторской диссертации — «Психологические исследования. Закон перцепции. Теория волевого внимания» (1893). В 1899 г. за работу, посвященную биологическому методу в зоопсихологии, В. А. Вагнеру была присвоена степень доктора зоологии. В следующем году А. Ф. Лазурский защитил докторскую диссертацию по медицине на тему: «О влиянии мышечных движений на черепно-мозговое кровообращение» (1900).

В 1904 г. в качестве докторской диссертации по философии защищена вторая часть фундаментального труда Г. И. Челпанова «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности» — «Представление пространства с точки зрения гносеологии».

В период 1905–1917 гг. в Германии были защищены четыре докторские диссертации по философии будущих лидеров отечественной психологии — М. М. Рубинштейна (1905), Д. Н. Узнадзе (1909), С. Л. Рубинштейна (1914) и И. Н. Шпильрейна (1914). Результатом стажировки в Германии и Франции стала докторская диссертация Г. Г. Шпета (1916).

По итогам защиты диссертации во Фрейбургском университете М. М. Рубинштейну была присвоена ученая степень доктора философии *magna cum laude*. Свою работу автор посвятил изучению проблемы смысла жизни и природы человеческого существования. В Лейпцигском университете докторскую диссертацию на тему «Метафизическое мировоззрение В. Соловьева» защитил Д. Н. Узнадзе. Пятью годами позже, в 1914 г., там же защитил диссертацию И. Н. Шпильрейн. В ней ученый представил результаты сравнения особенностей домашнего и гимназического обучения и их влияния на физическое развитие ребенка. В том же году в Марбургском университете С. Л. Рубинштейн защитил докторскую диссертацию на тему «К проблеме метода», основная часть которой была посвящена критическому анализу философской системы Г. Гегеля.

Названные защиты диссертаций свидетельствуют не только о стремлении молодых отечественных ученых к получению образования в европейских вузах, но и об уровне освоения ими философско-психологического наследия немецких мыслителей и, в конечном счете, о влиянии немецкой европейской философско-психологической мысли на развитие отечественной психологии. защите диссертации Г. Г. Шпета «История как проблема логики», состоявшейся в Москве в 1916 г. также способствовало его знакомство с работой немецких коллег в Берлинском, Эдинбургском, Парижском и Геттингенском университетах.

Последующая работа этих ученых в вузах и научных институтах Москвы, Санкт-Петербурга (Петрограда, Ленинграда), Одессы, Харькова, Иркутска и т. д. обогатила отечественную высшую школу и науку передовыми знаниями и лучшими традициями европейской мысли и культуры.

Профессора без докторской степени

В периоды 1918–1928 гг. и 1929–1936 гг. (вплоть до 1935 г.) после декрета Совнаркома ученые степени официально не присваивались. Однако существуют сведения об официально не регламентированной подготовке докторских диссертаций и присвоении званий докторов по ряду наук. В частности, в 1931 г. была подготовлена докторская работа А. В. Ярмоленко о познавательной деятельности глухонемых (История психологии..., 2005). Однако защита диссертации Августы Викторовны как доктора педагогических наук (по психологии) состоялась лишь в 1955 г. Вместе с тем остается не проясненным вопрос о защите докторской диссертации А. Б. Залкиндом. В некрологе, помещенном в газете «За коммунистическое просвещение», утверждается, что он был доктором педагогических наук (Залкинд, 1936). Это единственная найденная публикация, содержащая данную инфор-

мацию. Другим аналогичным примером является упоминание о научной степени «доктор педагогических наук» М. М. Рубинштейна в биографической справке о нем (Педагогический словарь, 1960). Как отмечено выше, М. М. Рубинштейн получил степень доктора философских наук в Германии. Информация о защите диссертации и присвоении степени доктора наук по педагогике отсутствует. Очевидно, что данные «научные степени» А. Б. Залкинда и М. М. Рубинштейна были аналогом научного статуса ученых — директора Института психологии, педологии и психотехники и ректора Иркутского государственного университета. Как пишет об этом Л. А. Козлова, созданная в 1930-е гг. в СССР «система аттестации научных кадров имела в значительной степени имитационный характер и использовалась в качестве научного аналога административно-политических чинов» (Козлова, 2001, с. 156).

Информация о присвоении ученой степени доктора педагогических наук (по психологии) в 1935–1950 гг. содержится в ряде работ отечественных исследователей (Докторские диссертации..., 1961; Загузов, 2000). Наиболее поздним изданием подобного рода, содержащим информацию о докторских диссертациях по психологии, защищенных после 1935 г., является книга под редакцией А. Я. Анцупова «Проблемы психологического исследования: Указатель 1050 докторских диссертаций. 1935–2007 гг.» (2007). В ней указываются фамилии 31 ученого-психолога, которым была присвоена степень доктора наук за период с 1935 по 1950 гг.

Постановление 1934 г. и во многом повторяющее его постановление 1937 г. «Об ученых степенях и званиях» позволили присвоить в 1935 г. звания докторов наук по совокупности работ П. П. Блонскому, В. М. Боровскому, К. Н. Корнилову и С. В. Кравкову. Это были не только известные ученые, но и выдающиеся организаторы науки.

Советские доктора наук

В период 2-й половины 1936 г. — 1-й половины 1941 г. ученые степени присуждались психологам по итогам защиты диссертаций. Всего за этот период, как обнаружено, по психологии было защищено 15 докторских диссертаций. К ним относятся следующие работы:

- *Ананьев Б. Г.* Формирование научной психологии в СССР. Л., 1939;
- *Артемов В. А.* Психология восприятия (определение и характеристика восприятия). М., 1940;
- *Богословский А. И.* Соотношение центра и периферии при зрительной адаптации. М., 1941;
- *Бочоршвили А. Т.* Проблемы предмета психологии. Тбилиси, 1939;
- *Войтонис Н. Ю.* Поведение обезьян с точки зрения антропогенеза. М., 1940;
- *Добрынин Н. Ф.* Психология воли. М., 1937;
- *Занков Л. В.* Психология воспроизведения. М., 1941;
- *Леонтьев А. Н.* Развитие психики. Очерк психологии. В 2 т. Л., 1940;
- *Лурия А. Р.* К анализу аффективных процессов. Тбилиси, 1937;
- *Нечаев А. П.* Система психофизиологических синдромов. Тбилиси, 1940;

- *Петров П. М.* Характер и тип. Метод экспериментального комплексного разложения элементов реактивности: Материалы к высшей нервной деятельности. Л., 1938;
- *Рубинштейн П. М.* Основные направления в психологии. М., 1940;
- *Страхов И. В.* Эмоциональные компоненты характера школьника в связи с общей характерологией. В 3 т. М., 1940;
- *Теплов Б. М.* Психология музыкальных способностей. В 3 т. Л., 1940.

Кроме того, в 1937 г. за работу «Основы психологии» (1935) без защиты диссертации степень доктора педагогических наук была присвоена С.Л. Рубинштейну.

Данные о защите докторских диссертаций в этот период позволяют дополнить представления о развитии советской психологии, сформированные на основе анализа научных работ и публикаций в периодической печати. В это время, несмотря на выход Постановления ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» (1936), репрессии и давление, оказываемое на многих ученых, ежегодно проходили защиты докторских диссертаций. Это свидетельствует о развитии психологической науки в целом. Основными областями диссертационных исследований были общая, сравнительная и дифференциальная психология, а также психофизиология. Тематика работ по общей психологии представлена проблемами психических процессов (В. А. Артемов, Н. Ф. Добрынин, А. Р. Лурия, Л. В. Занков), развития психики (А. Н. Леонтьев), истории и методологии психологии (Б. Г. Ананьев, А. Т. Бочоришвили, П. М. Рубинштейн, С. Л. Рубинштейн). Проблемы дифференциальной психологии представлены в диссертациях, посвященных исследованию способностей, темперамента и характера (Б. М. Теплов, П. М. Петров, И. В. Страхов); сравнительная психология – в исследовании поведения обезьян (Н. Ю. Войтонис). Данные психофизиологических исследований обобщены в диссертациях А. П. Нечаева и А. И. Богословского.

Работы защищались в Москве (7 защит), Ленинграде (4), Тбилиси (3). Обращает на себя внимание тот факт, что в предвоенный 1940 г. было подготовлено 7 докторских диссертаций, в то время как в остальные годы этого периода – не более двух. Это работы В. А. Артемова, Н. Ю. Войтониса, А. Н. Леонтьева, А. П. Нечаева, П. М. Рубинштейна, И. В. Страхова, Б. М. Теплова. Это очень высокий показатель, отражающий состояние научного сообщества и свидетельствующий об определенном «рывке» в научной деятельности и в научном познании сразу по ряду областей психологии. Примечательно, что среди авторов диссертационных исследований были крупные организаторы науки, основатели научных школ.

Непростыми были обстоятельства подготовки этих диссертационных работ. Показателен случай присвоения ученой степени доктора педагогических наук А. П. Нечаеву. В 1935 г. этот видный психолог-практик с мировым именем, организатор науки и образования был сослан в Семипалатинск за «контрреволюционную агитацию». Его рукопись «Система психофизиологических синдромов» была подготовлена в 1940 г. В 1941 г., накануне войны, работа была представлена в Физиологическом институте (г. Тбилиси) и Государственном психологическом институте (г. Москва) (Аншакова, 2005). За нее автора даже выдвигали на Сталинскую премию (Романов, 1997). Но лишь в 1944 г. по ходатайству Ученого совета

Тбилисского университета А. А. Нечаев был утвержден в ученой степени доктора педагогических наук без защиты диссертации (Никольская, 1997).

Значительная работа по подготовке и защите докторских диссертаций по психологии в 1937–1940 гг. в условиях партийно-государственного контроля является важным показателем становления научного сообщества как коллективного субъекта научной деятельности (Артемьева, 2015а). Активная деятельность диссертационных советов в Москве, Ленинграде, Тбилиси и защита докторских диссертаций по психологии свидетельствуют о способности сообщества советских психологов к самоорганизации и саморазвитию, несмотря на сложную социальную ситуацию развития науки.

К 1940-м годам отечественным психологическим сообществом была достигнута стадия *развитого коллективного субъекта*, способного не только адаптироваться к противоречивым социальным условиям советской научной политики и трудностям деятельности в годы Великой Отечественной войны, но и добиться весомых успехов как на практическом, так и академическом поприще. Количество защищенных докторских диссертаций в годы войны — 2-й половины 1941 г.—1-й половины 1945 г. — свидетельствует о зрелости научного сообщества, достижении им уровня развитого коллективного субъекта. Ежегодно во время войны психологи защищали докторские диссертации. К их числу относятся следующие работы:

- *Беляев М. Ф.* Психология интереса. В 3 т. М., 1945;
- *Георгиев Ф. И.* Психологические взгляды Гегеля и их влияние на развитие психологии. М., 1942;
- *Егоров Т. Г.* Психология процесса формирования чтения в школе. М., 1942;
- *Левитов Н. Д.* Проблема характера в психологии. В 3 т. М., 1944;
- *Лурия А. Р.* Учение об афазии в свете мозговой патологии. Киев, 1943;
- *Петрова А. Е.* Основной компенсаторный фактор при эпилептическом и шизофреническом процессе. М., 1944;
- *Рогинский Г. З.* Навыки и зачатки интеллектуальных действий у антропоидов (шимпанзе). Л., 1945.

В 1943 г. ученая степень доктора педагогических наук по психологии по совокупности работ была присвоена Н. А. Рыбникову. В том же году за разработку учения об афазии докторскую степень по медицине получил доктор педагогических наук А. Р. Лурия.

В 1942 г., 1944 г. и 1945 г. защищено по две докторских диссертации по тематике, представленной в диссертационных работах предшествующего этапа развития науки. Это общая (М. Ф. Беляев), сравнительная (Г. З. Рогинский) и дифференциальная (Н. Д. Левитов) психология. Также защищена диссертация А. Е. Петровой по патопсихологии и психолого-педагогическая работа Т. Г. Егорова. Философским основам психологии посвящена диссертация Ф. И. Георгиева.

В 1942 г. С. Г. Геллерштейн опубликовал книгу «Восстановительная трудотерапия в системе работы эвакуогоспиталей», где обобщил данные восстановительной работы в эвакуогоспитале г. Кисегача. В 1945 г. эта книга была защищена в качестве докторской диссертации по медицине.

Научная тематика названных диссертаций свидетельствует о героических усилиях советских ученых, разрабатывавших в годы войны не только прикладные,

но и фундаментальные проблемы науки (см. Кольцова, Олейник, 2006; Психологическая наука в России..., 1997). Очевидно, что состоявшиеся защиты были возможны при государственной поддержке, ориентации государственного руководства на решение не только тактических, но и стратегических задач развития страны. Мобилизация советских граждан в этот период проходила не только на военных фронтах, но и на «фронте науки». На это указывалось в обращении Академии наук СССР 28 июня 1941 г.: «В этот час решительного боя советские ученые идут со своим народом, отдавая все силы борьбе с фашистскими поджигателями войны — во имя защиты своей Родины и во имя защиты мировой науки и спасения культуры, служащей всему человечеству» (Против фашистских палачей..., 1941, с. 9—10). Психологическое сообщество не только в практической, но и в теоретической работе обнаружило высокую степень единства и продуктивности научной деятельности.

Несмотря на завершение военных действий, во 2-й половине 1945—1950 гг. число докторских работ несколько сократилось. Защищено только 6 диссертаций:

- *Арямов И. А.* Основы нервно-психической гигиены. М., 1947;
- *Норакидзе В. Г.* Характер личности и фиксированные установки. М., 1948;
- *Элькин Д. Г.* Восприятие времени: Экспериментальное исследование. В 2 т. М., 1949;
- *Волков Н. Н.* Восприятие предмета и рисунка. В 2 т. М., 1950;
- *Тих Н. А.* Стадная жизнь обезьян и средства их общения в свете проблемы антропогенеза. М., 1950;
- *Мерлин В. С.* Психофизиологическое своеобразие условных реакций в структуре волевого акта. Л., 1950.

Основная часть диссертационных исследований по-прежнему была выполнена по общей психологии. Это диссертации по проблемам восприятия (Д. Г. Элькин, Н. Н. Волков) и установки (В. Г. Норакидзе). В. С. Мерлин защитил докторскую диссертацию по психофизиологической проблематике. Зоопсихологические исследования, представленные на предыдущих этапах работами Н. Ю. Войтониса и Г. З. Рогинского, нашли продолжение в диссертационной работе Н. А. Тих. И. А. Арямов оформил результаты психолого-педагогических исследований в виде диссертации по школьной гигиене.

Итак, в первой половине XX столетия 41 отечественному психологу была присвоена степень доктора наук, из них семерым — по совокупности работ. Обращение к тематике диссертационных работ позволяет расширить представления об актуальных для этого периода областях психологического исследования. Это сравнительная психология и зоопсихология, психология восприятия, педагогическая психология, психология личности, психопатология, психофизиология. Присвоение ученой степени доктора наук отражало значимый вклад в разработку каждой из названных областей психологии.

Профессор, но не доктор

Примечательна история с присвоением степени доктора наук В. Н. Колбановскому, выпускнику Института красной профессуры, профессору, возглавлявшему Психологический институт в Москве в 1932—1937 гг. во время реформы высшего

образования, в том числе в год выхода постановления о педологических извращениях (1934). Несмотря на замечание Л. А. Козловой об использовании института защиты диссертаций в качестве научного аналога административно-политических чинов, высокий статус В. Н. Колбановского, не являвшегося крупным ученым, не обеспечил получение им научной степени доктора наук.

К. К. Платонов вспоминал по этому поводу работу экспертной комиссии по присвоению научных степеней в 1966 г. «А. А. Смирнов предложил: „Товарищи, давайте подумаем, как оформить докторскую степень бесспорно заслужившему ее Виктору Николаевичу Колбановскому. Он уже много лет имеет звание профессора, не будучи доктором наук. Это, право же, неудобно!“ Мы много думали, как это сделать. Я в конце концов предложил Виктору Николаевичу обобщить свои многочисленные статьи и брошюры в один общий доклад, подведя его под одну из десяти принятых тогда ВАК специальностей по психологическим наукам. „Это сделать невозможно, столь они разнообразны по тематике“, — сказал он сам. И возразить ему нам было нечего. Он был прав. Когда же ходатайство нашей экспертной комиссии было доложено А. А. Смирновым на пленуме ВАК, оно было отклонено лично председателем ВАК В. П. Елютиным» (Платонов, 2005, с. 203–204).

Действительно, власть определяла состав научных кадров. Система партийных вузов (Институт красной профессуры, Академия коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской) к началу 1930-х годов обеспечила приток в высшее образование и науку новых, «красных», профессоров. Однако, занимая профессорские должности, они не были удостоены степени доктора наук. Даже так называемая «система имитации и инсценировки защиты докторских диссертаций», созданная для устранения этого противоречия, не всегда обеспечивала присвоение научной степени. Еще важнее то, что «красные» профессора, придя в гуманитарную науку, начинали ей служить.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов о результатах научной деятельности психологического сообщества в первой половине XX столетия. Диссертационные исследования отечественных психологов — докторов наук являются вкладом в развитие общей, сравнительной, дифференциальной психологии, патопсихологии, психологии развития, истории и методологии психологии. Их авторы удостоились научной степени доктора наук по философии, педагогике, медицине, биологии. Это свидетельствует о широте тематики проведенных исследований и компетенций отечественных психологов, а также их вклада в развитие психологии как естественно-научной и гуманитарной дисциплины, что заложило основы для реализации комплексного и системного подходов к изучению человека.

В течение первой половины XX в. практика защиты диссертаций и присвоения степени доктора наук претерпела изменения. В 1918 г. в советской России были упразднены ученые степени и звания. Новая система оценки научных достижений была введена в 1934 г. И уже со следующего, 1935 г., несмотря на снижение общего числа работ (особенно в период после Постановления 1936 г.), ежегодно вплоть до 1943 г. защищались диссертации на соискание степени доктора педагогических наук. Более того, в 1940 г. на защиту вышли сразу 7 ученых: не только

ведущие представители психологического сообщества — А. Н. Леонтьев, А. П. Нечаев, Б. М. Теплов, И. В. Страхов, но и менее известные современному поколению ученых психологи — В. А. Артемов, Н. Ю. Войтонис, П. М. Рубинштейн. Не ослабевала работа по обобщению результатов психологических исследований и в военные годы; ежегодно психологам присваивались степени доктора наук.

Тематика защищенных диссертаций отражает изменение ключевых проблем и конкретизацию сферы психологического исследования на протяжении изучаемого периода. В конце XIX—начале XX в. диссертации по психологической проблематике защищались в русле таких дисциплин, как биология, медицина, философия. К концу изучаемого периода большинству авторов диссертаций по психологии присваивались степени доктора педагогических наук, значительно реже — доктора биологических наук. Уникальным случаем является защита А. Р. Лурия двух диссертаций — на степени доктора педагогических и медицинских наук (1937 г. и 1943 г.).

Изменилась география защит докторских диссертаций. В дореволюционный период существенная часть работ защищалась в европейских университетах, прежде всего в Германии. В советский период защиты проходили исключительно в пределах страны, прежде всего в Москве и Ленинграде. Сохранил статус крупного научного центра Киев. Вместе с тем в специфических условиях советской научной политики появлялись новые центры психологических исследований. В предвоенный период под руководством Д. Н. Узнадзе самым крупным и, пожалуй, самым независимым их них стал Тбилисский университет. В 1937 г. для защиты своей диссертации туда из Москвы специально приехал уже признанный ученый А. Р. Лурия. А в 1941 г. в Физиологическом институте г. Тбилиси по приглашению академика И. С. Бериташвили рукопись своей диссертации представлял А. П. Нечаев.

В целом обращение к истории защиты диссертаций и присвоения докторских степеней российским психологам в первой половине XX в. свидетельствует как о значении государственно-административной регламентации процесса присвоения степени доктора для организации науки, так и о способности отечественного психологического сообщества, оформившегося к 1940-м годам, к саморегуляции и самоорганизации, о достижении им стадии развитого субъекта.

Расширение источниковой базы историко-психологического исследования с помощью документов о защите докторских диссертаций позволяет собрать уникальные свидетельства вклада отечественных ученых в развитие науки. Анализ такого рода документов позволяет восстановить в правах не только отдельных ученых, но и целые области научного исследования психического, дать характеристику предметно-логического, личностного и социального аспектов развития науки.

Литература

- Аншакова В. В.* Проблема личности в экспериментальном, эмпирическом и религиозно-философском направлениях отечественной психологической мысли в конце XIX—начале XX столетий: Дис. ... докт. психол. наук. Астрахань, 2005.
- Артемова О. А.* Научное сообщество как субъект научной деятельности // Психологический журнал. 2015а. Т. 36. № 4. С. 67–75.

- Артемова О. А.* Социально-психологическая детерминация развития российской психологии в первой половине XX столетия. М., 2015б.
- Докторские диссертации по педагогическим наукам: Библиографический указатель / Под ред. Н. К. Гончарова. М., 1961.
- Загузов Н. И.* Докторские диссертации по педагогике и психологии (1937–1999): Справочник. М., 2000.
- Залкинд А. Б.* Некролог // За коммунистическое просвещение. 1936. №98 (2046). 18 июля. С. 4.
- История психологии в лицах: Персоналии / Под ред. Л. А. Карпенко. М., 2005.
- Ишанова М. В.* Регулирование порядка присуждения ученых степеней в дореволюционный и советский период: Сравнительно-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007.
- Козлова Л. А.* «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 145–158.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 2006.
- Лауристин М.* Анализ содержания как метод исследования социальной направленности массовой информации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
- Никольская А. А.* А. П. Нечаев: жизненный и творческий путь // Вопросы психологии. 1997. № 2. С. 100–111.
- Педагогический словарь. В 2 т. Т. 2 «О – Я» / Гл. ред. И. А. Каиров. М., 1960.
- Платонов К. К.* Мои личные встречи на великой дороге жизни: Воспоминания старого психолога / Под ред. А. Д. Глоточкина, А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой, В. Н. Лоскутова. М., 2005.
- Проблемы психологического исследования: Указатель 1050 докторских диссертаций (1935–2007 гг.) / Под ред. А. Я. Анцупова. М., 2007.
- Против фашистских палачей: К ученым всех стран мира // Вестник АН СССР. М., 1941. № 5–6. С. 9–10.
- Психологическая науки в России в XX столетии: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М., 1997. Ч. 2.
- Романов А. А.* Опыттно-экспериментальная педагогика первой трети XX века. М., 1997.

История советской психологии: прямой взгляд

С. А. Богданчиков (Москва)

Введение

В начале 1990-х годов в нашей стране произошли кардинальные изменения: марксизм-ленинизм утратил свою былую силу, правящая Коммунистическая партия лишилась власти и перестала существовать, распался великий Советский Союз, были отменены цензурные ограничения и запреты. Все это означало конец советской эпохи и наступление нового, постсоветского периода.

Для исследователя истории советской психологии прошедшие четверть века — хороший повод для того, чтобы оглянуться назад и подвести некоторые итоги в своей области. Постсоветский период в изучении истории советской психологии, будучи переходным по своей сути, не может длиться вечно. Рано или поздно надо выходить на новые рубежи. Для этого требуется взглянуть на былые достижения и назревшие проблемы с другой точки зрения, по-новому.

Пришло время бросить прямой взгляд на советскую психологию и ее историю.

Исходные принципы

Но что значит «прямой взгляд»? Какой реальный смысл мы придаем этой метафоре, обращаясь к истории советской психологии? Уточним свои исходные методологические позиции.

Во-первых, прямой взгляд на историю советской психологии означает постановку и рассмотрение проблемы советской психологии в принципе, по существу, в общем и целом, т. е. предельно абстрактно. Коротко говоря, прямой взгляд — это *общий взгляд на советскую психологию как на объект историко-психологического исследования*. Свое непосредственное выражение данный подход находит в прямой постановке принципиальных вопросов и требованиях столь же прямых, принципиальных и честных ответов на поставленные вопросы — о том, что такое советская психология, каковы ее источники и детерминанты, в чем состоит ее историческое значение, как изучать, описывать и преподавать историю советской психологии, насколько адекватными, полными и точными являются наши сегодняшние представления о советской психологии и ее истории, как в настоящее время относиться к советскому психологическому наследию и т. п.

Во-вторых, прямой взгляд на историю советской психологии — это взгляд и подход максимально беспристрастный, деидеологизированный, объективный, не искаженный субъективизмом, принадлежностью к определенной научной школе, господствующей идеологией, методологическими соображениями и другими внешними факторами и обстоятельствами. Прямой взгляд — это *объективный взгляд*. Позиция исследователя при таком подходе — быть «над схваткой» (а не «внутри схватки»), что подразумевает стремление к всеохватывающему «виду сверху», постижению картины в целом. Отсюда должно быть ясно, что принципиальный смысл изучения истории советской психологии при таком подходе заключается вовсе не в том, чтобы реанимировать и защищать обветшавшие и не оправдавшие себя идеологические догмы в области психологии или, напротив, полностью игнорировать «идеологическую составляющую» советской психологии, а в том, чтобы, беспристрастно постигая (изучая, реконструируя и оценивая) прошлое, извлечь из собственной истории необходимые уроки, понять источники и корни современных тенденций, достижений и проблем. Без знания того, как — в силу каких причин, в каких исторических условиях и с какими последствиями — проходил процесс идеологизации отечественной психологии, успешное осуществление обратного процесса, деидеологизации, не представляется возможным.

В-третьих, прямой взгляд означает последовательно проводимую на всех этапах исследования реализацию принципа невмешательства, строгое соблюдение требования «не навреди» (наверное, точнее будет по отношению к изучае-

мому прошлому говорить о требовании «не измени»): дело историка — дать слово истории, не вмешиваясь со своими мнениями, вкусами, возражениями и оценками в события прошлого. Прямой взгляд — это *взгляд наблюдателя, а не участника*. С этой точки зрения работа историка — это не решительная, утилитарно-волюнтаристская по своей сути реконструкция прошлого (в угоду «текущему моменту», «актуальным задачам» и т. п.), а тщательная реставрация прошлого, его бережное сохранение.

В-четвертых, прямой взгляд на советскую психологию и ее историю означает поиск у советской психологии не столько внешних, социальных, сколько собственных (внутренних, научных) источников и детерминант функционирования и развития. Прямой взгляд — это взгляд *внутри советской психологии*, изучение *rag excellence*¹ не внешней, социальной, а внутренней, интеллектуальной истории советской психологии, постижение ее собственных закономерностей, тенденций и традиций. С этой точки зрения, история советской психологии рассматривается как часть общей (мировой) истории психологии, как закономерное продолжение истории русской дореволюционной психологии, но не как часть истории Советского государства, Коммунистической партии, марксизма-ленинизма, большевистской идеологии, марксистской философии и т. п.

Поясним этот пункт более подробно.

Советская психология и мировая психология в своем функционировании и развитии никогда не были абсолютно изолированными друг от друга, поэтому их следует рассматривать не как противопоставленные друг другу — в исторической реальности они были связаны между собой, влияя друг на друга, взаимодействуя как часть и целое. В ходе рассмотрения истории советской психологии необходимо раскрыть это взаимодействие, показать эту взаимообусловленность и взаимосвязь. Мы должны понимать, что советская психология возникла не столько путем отбрасывания и игнорирования зарубежной психологии, сколько путем критического усвоения, переосмысления и использования достижений зарубежной психологии. Поиск специфики советской психологии не должен заслонять то общее, что у нее имеется с мировой психологией. Методически это означает отказ от «двойных стандартов», реализацию единого подхода к советской и мировой психологии.

Из признания факта имманентной включенности истории советской психологии в поток мировой психологической мысли логически вытекает тезис об обусловленности советской психологии всем предшествующим развитием психологической науки в нашей стране. В соответствии с этим положением (которое можно обозначить как «принцип преемственности»), советская психология рассматривается как закономерное продолжение русской дореволюционной психологии. История советской психологии — это составная часть, один из этапов истории отечественной психологии, поэтому для того, чтобы вскрыть исторические основания и корни советской психологии, необходимо показать ее преемственную связь с русской дореволюционной психологией.

В-пятых, прямой взгляд на историю советской психологии означает *необходимость всеобъемлющего историографического анализа*, т. е. глубокого и всестороннего

---

1 По преимуществу.

изучения истории вопроса. Данное методологическое требование обусловлено не только тем, что историографический анализ — обязательная составная часть исследования истории науки¹, но и тем, что историографический аспект в области исследования истории советской психологии до сих пор фактически остается вне поля внимания исследователей, т. е. является почти неизученным. В ходе историографического анализа суть предлагаемого подхода выражается в историко-психологическом исследовании феномена советской психологии на концептуальном уровне. В связи с этим постулируется, что в основе работ, посвященных истории советской психологии, всегда лежит определенная общая схема изложения и оценки истории советской психологии — историографическая концепция, заключающая в себе обобщенное понимание сущности, содержания, структуры и механизмов развития советской психологии. В выяснении этих вопросов и состоит методика историографического анализа.

В-шестых, прямой взгляд на историю советской психологии — это *структурированный взгляд*. В качестве «единицы анализа» истории психологической науки предлагается рассматривать научное направление, под которым понимается совокупность научно-исследовательских коллективов (научных школ, лабораторий, кафедр, институтов и т. п.), для которых характерны теоретико-методологическое (выражающееся в едином понимании предмета, методов и задач науки в целом), организационное и коммуникативное единство. Научные направления — это наиболее крупные составляющие в структуре научного знания, своего рода материи на карте науки. Каждое направление включает в себя определенные более мелкие элементы — течения, подходы, школы, отрасли, теории и т. д., поэтому можно сказать, что направление — это больше чем школа (так как чаще всего направление состоит из нескольких школ), но меньше чем вся наука (так как в науке существуют и другие направления). Направления в психологии — это, по сути, те самостоятельные и во многом самостоятельные «психологии» (бихевиоризм, психоанализ, гуманистическая психология и т. д.), которые обычно претендуют на статус «единственно верной», «настоящей», «истинной» и «подлинной научной» психологии и из которых сформировалась вся мировая психологическая наука XX столетия и современная психология. Осуществляя реконструкцию структуры науки сверху вниз (идя от направлений как наиболее крупных элементов к элементам более мелким и частным), мы избегаем двойных стандартов, так как описываем психологическую науку в СССР так же, как и зарубежную психологию, — путем характеристики образующих ее различных направлений, а также входящих в эти направления школ, отраслей, теорий и т. д.

Таким образом, прямой взгляд на историю советской психологии выражается в объективном научном подходе к советской психологии во всем историческом многообразии ее источников, проявлений, детерминант и традиций — подходе, осуществляемом на прочном фундаменте результатов, полученных в ходе историографического анализа.

---

1 Как известно, нет полного знания науки без знания ее истории. Применительно к самой истории науки это означает, что нет полного знания истории науки без знания ее историографии.

История вопроса

Сражению предшествует рекогносцировка и разведка, лечению — обследование и диагноз. Точно так же исследование истории советской психологии следует начать с изучения того, что уже известно, что уже на данный момент наработано и достигнуто другими исследователями — предшественниками и современниками. Следовательно, необходимо изучение истории вопроса, т. е. целенаправленное *историографическое исследование*. В этом плане при изучении историографии советской психологии картина открывается неожиданная, удивительная и в чем-то даже парадоксальная: даже самое беглое ознакомление с отечественной психологической историографией¹ позволяет убедиться в том, что за все годы Советской власти и в постсоветский период, вплоть до наших дней (а это ни много ни мало почти сто лет!) у нас было создано всего несколько больших работ (монографий, докторских диссертаций), специально посвященных истории советской психологии.

Еще в конце 1950-х годов Е. А. Будилова отмечала: «История отечественной психологии стала изучаться советскими психологами в последние десятилетия. За это время появились исследования по разным вопросам истории психологической науки, главным образом, статьи, посвященные психологическим воззрениям деятелей русской культуры и культуры народов СССР с древних времен до конца XIX в. Все эти исследования значительно обогатили науку. Очередной задачей советских психологов, занимающихся вопросами истории науки, является подготовка трудов, подробно освещающих отдельные периоды истории психологии в нашей стране. Они должны стать первым подступом к будущему коллективному труду — разработке с марксистско-ленинских позиций истории отечественной психологии, а затем и всеобщей истории психологии» (Будилова, 1960, с. 4).

Это положение у нас сохранялось до середины 1960-х годов. В 1964 г. вышла большая работа А. В. Петровского «На подступах к марксистской психологии» (Петровский, 1964), которая легла в основу вскоре защищенной докторской диссертации (Петровский, 1965а, 1965б) и вышедшей в 1967 г. монографии (Петровский, 1967). В автореферате диссертации А. В. Петровский подчеркивал: «Настоящая диссертация является первым опытом монографического исследования истории советской психологии. До сих пор этому важному вопросу были посвящены лишь немногочисленные статьи, освещающие некоторые знаменательные события в истории психологии, характеризующие воззрения видных советских психологов, дающие историко-психологические обзоры в связи с различными юбилейными датами» (Петровский, 1965б, с. 1)².

Ценность указанных работ А. В. Петровского, с нашей точки зрения, состоит не в том, что он разработал и предложил в них новую схему, новое видение истории советской психологии. Несложно убедиться, что фактически А. В. Петровский следовал схеме, которая к началу 1960-х годов была уже хорошо разработана

1 Предмет специального анализа — работы Р. Бауэра, Ван дер Веера, Дж. Верча, Дж. Виндхолца, Л. Грэхэма, Д. Джоравски, И. Имедадзе, А. Козулина, М. Коула, И. П. Манохи, В. Маттэуса, П. А. Мясоеда, Д. Разрана, А. Ясницкого и других зарубежных исследователей истории советской психологии.

2 Показательно, что в вышедшей в те же годы «Истории психологии» А. В. Петровский был автором главы «Развитие советской психологии» (Ярошевский, 1966, с. 521–550).

(главным образом Б. Г. Ананьевым, Г. С. Костюком, А. А. Смирновым и Б. М. Тепловым), устоялась и стала традиционной и даже обязательной — но именно как схема. Значение работы А. В. Петровского в том, что он максимально насытил эту схему огромным эмпирическим материалом, осветив ключевые моменты — структуру, отрасли, детерминанты и динамику — истории советской психологии в 1920–1930-х годах.

Е. А. Будилова в вышедшей в 1972 г. монографии «Философские проблемы в советской психологии», подчеркнув, что «настоящая работа завершает собой задуманное автором исследование философских проблем русской дореволюционной и советской психологии» (Будилова, 1972, с. 5), далее отмечала: «История советской психологической науки мало изучена. Мы располагаем лишь рядом обзорных статей, докладов и лекций, приуроченных к юбилейным датам, и книгой А. В. Петровского „История советской психологии“, посвященной становлению советской психологии в 1920–1930-х гг. и в самых общих чертах коснувшейся ее состояния в послевоенные годы. Философские проблемы в истории советской психологии еще не подвергались специальному исследованию» (Будилова, 1972, с. 6). Данная работа Е. А. Будиловой и в настоящее время представляет большую ценность и с эмпирической, и с теоретико-методологической точки зрения (Артемьева, Кольцова, 2009), подтверждением чему, в частности, служит повторная публикация этой работы уже в наши дни (Будилова, 2009, с. 3–276).

Вышедшая в 1975 г. монография А. А. Смирнова «Развитие и современное состояние психологической науки в СССР» (Смирнов, 1975) явилась оформлением предыдущих исследований А. А. Смирнова в области изучения истории советской психологии (Смирнов, 1957, 1967 и др.). Данная монография интересна тем, что, в отличие от монографий А. В. Петровского и Е. А. Будиловой, в ней имеется обширный (свыше тысячи источников) указатель литературы. Кроме того, А. А. Смирнов в самом начале осуществил краткий историографический обзор — правда, касающийся изучения не только советской психологии, а отечественной психологии в целом (Смирнов, 1975, с. 9–10).

Взятые в совокупности, монографии А. В. Петровского, Е. А. Будиловой и А. А. Смирнова и в настоящее время остаются тремя наиболее важными исследовательскими работами («три кита») в области изучения истории советской психологии. Аккумулировав в себе достижения в области изучения истории советской психологии, эти монографии были основополагающими для своего времени работами. Но в настоящее время они, по большому счету, уже неприемлемы в качестве таковых, причем не столько в плане эмпирии, сколько из-за содержащейся в них мощной марксистско-ленинской идеологической составляющей на уровне терминологии, конкретных исследовательских приоритетов, методологических принципов и научного мировоззрения в целом. Кроме того, при оценке этих работ нужно учитывать, что со времени выхода в свет последней из них прошло уже свыше сорока лет. За эти четыре десятилетия в изучении истории советской психологии произошли большие изменения: в значительной мере изменились философские, методологические и мировоззренческие ориентиры исследователей; появилось много новых эмпирических данных, требующих тщательно осмысления, систематизации и обобщения; сформировались новые исследовательские позиции и подходы, о чем можно судить, прежде всего, по работам

О. А. Артемьевой, Б. С. Братуся, А. Н. Ждан, Е. Ю. Завершневой, В. П. Зинченко, В. А. Кольцовой, Н. С. Курека, Е. В. Левченко, В. М. Лейбина, Н. А. Логиновой, В. А. Мазилова, Т. Д. Марцинковской, И. А. Мироненко, О. Г. Носковой, В. И. Овчаренко, Ю. Н. Олейника, А. В. Петровского, И. Е. Сироткиной, Е. Е. Соколовой, Н. Ю. Стоюхиной, Н. И. Чуприковой, М. Г. Ярошевского и др.

Несомненно, за последние десятилетия мы стали намного лучше и полнее понимать историю своей науки. И все же, несмотря на большое количество различных исследований и публикаций, приходится констатировать, что история советской психологии, которая бы в полной мере соответствовала современным требованиям и запросам, а также современному уровню знаний и теоретико-методологической «оснащенности» в этой области, еще не написана.

История советской психологии и в настоящее время остается большой и сложной проблемой как на уровне описания и эмпирии, так и в теоретико-методологическом отношении — на уровне общих исследовательских принципов и подходов. Существующий в настоящее время плюрализм и широчайший разброс подходов, точек зрения, мнений и частных исследований в области истории советской психологии не может заменить собой отсутствие принципиальных ответов на самые главные для понимания феномена советской психологии вопросы. Достаточно сказать, что у нас до сих пор нет внятного определения понятия «советская психология» — очевидно, в силу того, что от старых трактовок и методологических ориентиров отказались, а к новым еще не пришли. Столь же неопределенными и расплывчатыми при ближайшем рассмотрении оказываются современные представления о структуре, механизмах и этапах развития советской психологии. Множество недоработок, разночтений, «белых пятен» и «темных мест» в этой области обнаруживается и на уровне конкретной исторической эмпирии.

Такое положение дел в данной области следует объяснять, как нам думается, тем, что, хотя в постсоветский период в отечественной историографии психологии появилось большое количество работ, посвященных осмыслению истории советской психологии и советского психологического наследия, среди них до сих пор нет работ обобщающего и исследовательского характера, в которых советская психология непосредственно выступала бы как объект историко-психологического исследования. Как следствие, в настоящее время наметился опасный и все более увеличивающийся разрыв между общими рассуждениями о советской психологии и ее истории, с одной стороны, и детальными, но не затрагивающими сущности дела и картины в целом исследованиями отдельных явлений, фрагментов и аспектов истории советской психологии, с другой стороны.

Концептуализация проблемы

Предпринятый с целью преодоления означенного разрыва историографический и источниковедческий анализ работ Б. Г. Ананьева, Е. А. Будиловой, Л. С. Выготского, А. Н. Ждан, В. А. Кольцовой, К. Н. Корнилова, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, Т. Д. Марцинковской, А. В. Петровского, С. Л. Рубинштейна, Н. А. Рыбникова, А. А. Смирнова, Б. М. Теплова, М. Г. Ярошевского и других советских, постсоветских и современных российских авторов позволил в итоге выделить две основные историографические концепции в изучении советской психологии: тра-

диционную (советскую) и постсоветскую (современную) (подробнее об этом см.: Богданчиков, 2006–2016).

В рамках традиционной (характерной для советских времен) историографической концепции советская психология рассматривалась как особая, принципиально новая наука о психике (психической деятельности), возникшая и функционирующая на марксистской методологической основе в соответствии с требованиями государственной идеологии и противопоставляемая всей остальной психологии. История психологии в СССР трактовалась при этом как единственно правильный, «особый путь»¹, как протекающий в полном соответствии с партийно-государственной идеологией целенаправленный процесс создания методологически монолитной психологической науки, отвечающей всем требованиям марксизма, успешно решающей актуальные задачи социалистического и коммунистического строительства, ведущей неустанную борьбу с остальной (немарксистской и антимарксистской) психологией и призванной, в конечном счете, заменить собой всю остальную психологию (Богданчиков, 2006б).

В постсоветский период произошел отказ от традиционной концепции как концепции идеологизированной. В 1990-е годы история психологической науки в СССР стала описываться, по М. Г. Ярошевскому и А. В. Петровскому, прежде всего, как история репрессированной науки: «Перед нами беспрецедентный в мировой истории феномен репрессированной науки. Под ним следует понимать не только все, что было прямым результатом репрессий в смысле истребления людей, книг, целых наук. Репрессированным оказалось все научное сообщество, деформированы его ценностные устои, сложившиеся, как мы видели, в докоммунистический период» (Ярошевский, 1996, с. 392).

Сравнение обеих концепций показывает, что заложенная в традиционном советском подходе историографическая концепция развития советской психологии является идеологизированной, априорно заданной, бескомпромиссной, «жесткой». Напротив, постсоветская историографическая концепция является деидеологизированной, но плюралистичной, эклектичной, «мягкой». И все же в обеих концепциях, как бы они ни противопоставлялись друг другу, гораздо больше сходного, чем различий: и в той, и в другой концепции обнаруживаются одни те же принципиальные методологические и эмпирические ограничения, обусловленные тем, что в каждой из них, во-первых, советская психология априорно противопоставляется всей остальной (зарубежной) психологии; во-вторых, история советской психологии трактуется преимущественно как история социальная (детерминированная внешними, социальными факторами – марксизмом, идеологией, государственной научной политикой и т. д.); в-третьих, при рассмотрении истории психологической науки в СССР в обеих концепциях фактически в качестве предмета исследования выступает судьба марксистской психологии, рассматриваемая на фоне остальных (немарксистских) направлений, течений и школ, что особенно хорошо видно при изучении периода 1920–1930-х годов.

---

1 «В условиях тоталитарного режима культивировалась версия об „особом пути“ марксистской психологии как „единственно верной“ отрасли знания. На этот путь она вступила в начале 20-х гг. и на протяжении нескольких десятилетий не имела возможности свернуть с него» (Петровский, Ярошевский, 1994, с. 131).

На основе критического анализа выявленных концепций была сформирована авторская историографическая концепция, направленная на решение проблемы генезиса советской психологии. В рамках этой концепции советская психология рассматривается в контексте истории мировой психологической мысли, а также истории и историографии отечественной психологии, прежде всего, как самостоятельное научное направление, возникшее в СССР в 1920–1930-е годы под воздействием марксизма на основе традиций и достижений психологической науки того времени, в процессе взаимодействия с другими направлениями. Наиболее существенные характеристики (принципы) советской психологии как самобытного научного направления: психика как предмет психологии; принцип отражения; принцип активности; принцип развития; принцип психофизического единства; принцип психофизиологического единства.

Выдвигаемая концепция позволяет преодолеть методологические и эмпирические ограничения, заложенные в обеих предшествующих концепциях, благодаря тому, что в ней история психологической науки в СССР рассматривается как составная часть и определенный этап истории мировой и отечественной психологии, причем преимущественно как история интеллектуальная; единицей анализа при этом выступает научное направление. Изучение с этой точки зрения первоисточников, а также результаты историографического анализа позволили прийти к выводу о том, что психологическая наука в СССР в период 1920–1930-х годов — это совокупность научных направлений, целостное образование, система, одним из элементов которой является становящаяся марксистская (советская) психология. Структуру психологической науки в СССР в 1920–1930-е годы образуют шесть научных направлений с входящими в них научными школами: субъективная психология (школа Г. И. Челпанова), религиозно-философская психология, объективная психология (школы В. М. Бехтерева и И. П. Павлова), марксистская психология (советская психология в узком смысле — школы М. Я. Басова, К. Н. Корнилова, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна и Харьковская школа), психоанализ и психология установки (школа Д. Н. Узнадзе). В совокупности указанные направления представляют собой всю психологическую науку в СССР 1920–1930-х годов — советскую психологию в широком смысле. Марксистская психология 1920-х годов была начальной формой, первой ступенью развития советской психологии в узком (и точном) смысле этого слова — как научного направления. В конце 1930-х годов советская психология представляла собой совокупность научно-исследовательских коллективов — научных школ, лабораторий, кафедр и институтов (в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве и т. д.), для которых было характерно теоретико-методологическое (выражающееся в едином понимании предмета, методов и задач психологической науки в целом), организационное и коммуникативное единство, что и позволяет говорить о советской психологии как об определенном научном направлении.

Заключение

Подведем общие итоги нашего исследования.

«Прямой взгляд» на современные представления о советском периоде развития отечественной психологии позволил прийти к выводу о том, что история со-

ветской психологии и в настоящее время остается большой и сложной проблемой, требующей своего решения, прежде всего, в принципиальном плане (на концептуальном уровне). В ходе целенаправленного историографического и источниковедческого анализа были выделены две основные историографические концепции в изучении советской психологии: традиционная советская (концепция советской психологии как «особой науки») и постсоветская, современная (концепция советской психологии как «репрессированной науки»). На основе критического анализа имеющихся концепций была сформирована авторская историографическая концепция, в соответствии с которой советская психология рассматривается как определенное научное направление, возникшее в СССР в 1920—1930-х годах под воздействием марксизма на основе традиций и достижений психологической науки того времени, в процессе взаимодействия с другими направлениями.

С позиций выдвинутой концепции, в качестве актуальных задач в области исследования истории советской психологии можно указать следующие: дальнейшая разработка отдельных (частных) проблем; создание полноценной базы данных на уровне эмпирии (с максимальным использованием возможностей Интернета); организация и осуществление всесторонних исследований монографического характера (докторских диссертаций, коллективных монографий и т. п.); подготовка энциклопедического справочного руководства по истории советской психологии для психологов-профессионалов, работающих в области теории и методологии психологии (магистрантов и магистров, аспирантов, кандидатов и докторов наук); разработка учебного курса (учебного пособия, учебника) по истории советской психологии для студентов-психологов; организация научного сообщества исследователей истории советской (русской) психологии.

Думается, что успешная реализация указанных задач будет естественным образом способствовать вхождению современной российской психологической науки в мировое научное сообщество — на основе взаимной заинтересованности и «не с пустыми руками».

Литература

- Артемьева Т. И., Кольцова В. А.* Е. А. Будилова — историк и методолог психологии // Будилова Е. А. Труды по истории психологии / Отв. ред. Т. И. Артемьева, А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М., 2009. С. 480—497.
- Богданчиков С. А.* Советская психология в мировом историко-психологическом контексте (современные подходы к проблеме) // Психологический журнал. 2006а. Т. 27. № 1. С. 89—96.
- Богданчиков С. А.* К вопросу о термине «советская психология» // Вопросы психологии. 2006б. № 2. С. 80—88.
- Богданчиков С. А.* Отечественная идеалистическая психология 1920-х годов // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 152—160.
- Богданчиков С. А.* Советская психология накануне 1936 года // Вопросы психологии. 2008а. № 1. С. 156—164.
- Богданчиков С. А.* Современные тенденции в изучении истории советской психологии // Вопросы психологии. 2008б. № 4. С. 128—137.

- Богданчиков С. А.* Сквозь время: школа Г. И. Челпанова в ее развитии, основных чертах и историческом значении // Методология и история психологии. 2008в. Т. 3. Вып. 2. С. 33–50.
- Богданчиков С. А.* К вопросу о персональном составе школы С. Л. Рубинштейна // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 4. С. 159–179.
- Богданчиков С. А.* Обращаясь к основам (анализ рецензий на «Основы психологии» и «Основы общей психологии» С. Л. Рубинштейна) // Вопросы психологии. 2009а. № 4. С. 119–130.
- Богданчиков С. А.* Проблемы изучения истории советской психологии. Саратов, 2009б.
- Богданчиков С. А.* Современные отечественные авторы о научных школах в советской психологии 1920–1930-х гг. (опыт детального критического анализа) // Методология и история психологии. 2009в. Т. 4. Вып. 2. С. 7–31.
- Богданчиков С. А.* Научные школы в советской психологии 1920–1930-х годов (историография проблемы) // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «V Московские встречи» / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М., 2010. С. 447–457.
- Богданчиков С. А.* История советской психологии: 1920–1930-е годы. Саратов, 2011а.
- Богданчиков С. А.* Советская психология 1920–1930-х годов глазами ее основателей: от многообразия к единству // Теоретическая и экспериментальная психология. 2011б. Т. 4. Вып. 2. С. 88–99.
- Богданчиков С. А.* Созидатели отражения // Альманах Научного архива Психологического института: Юбилейный выпуск к 150-летию со дня рождения Георгия Ивановича Челпанова. Вып. 5. М., 2012. С. 271–288.
- Богданчиков С. А.* Открывая Г. И. Челпанова (Г. И. Челпанов и его школа в контексте истории российской психологии: исследования и материалы). Научная монография. М., 2013.
- Богданчиков С. А.* Советская исследовательская и практическая психология 1920–1930-х годов (к историографии вопроса) // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., 2015. С. 337–384.
- Богданчиков С. А.* О многозначности понятия «советская психология» // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 8 ч. / Под ред. В. С. Белгородского, О. В. Кашеева, В. В. Зотова, И. В. Антоненко. М., 2016. Ч. 1 С. 61–67.
- Будилова Е. А.* Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке (вторая половина XIX–начало XX в.). М., 1960.
- Будилова Е. А.* Философские проблемы в советской психологии. М., 1972.
- Будилова Е. А.* Труды по истории психологии / Отв. ред. Т. И. Артемьева, А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М., 2009.
- Петровский А. В.* На подступах к марксистской психологии // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 239. Вопросы теории и истории психологии. М., 1964. С. 29–250.
- Петровский А. В.* Пути формирования основ советской психологии: Дис. ... докт. пед. наук (по психологии). М., 1965а.
- Петровский А. В.* Пути формирования основ советской психологии: Автореф. дис. ... докт. пед. наук (по психологии). М., 1965б.

- Петровский А. В.* История советской психологии: Формирование основ психологической науки. М., 1967.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* История психологии: Учебное пособие для высшей школы. М., 1994.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, В. В. Знаков, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник, Б. Н. Тугайбаева. Под ред. А. В. Брушлинского. М., 1997.
- Смирнов А. А.* Советская психология за 40 лет // Вопросы психологии. 1957. № 5. С. 9–56.
- Смирнов А. А.* К 50-летию советской психологии // Вопросы психологии. 1967. № 5. С. 13–37.
- Смирнов А. А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975.
- Ярошевский М. Г.* История психологии. М., 1966.
- Ярошевский М. Г.* История психологии: От античности до середины XX века: Учебное пособие для высших учебных заведений. М., 1996.

Дискуссии в отечественной психологии 1930-х годов

С. И. Данилов (Москва)

Постановка проблемы

В 1920-е годы советская психология пережила время бурного роста и расцвета. Интенсивно развивались рефлексология, реактология, педагогическая психология, дефектология. Возникли новые научные направления: культурно-историческая психология, педология, психотехника (Ярошевский, 1985). В течение всех 1920-х годов проходили активные дискуссии о психоанализе. И хотя психоанализ не получил окончательно прав «гражданства» как направление советской психологии (Пружинина, 2010; Пружинина, Пружинин, 1991), тем не менее он привлекал многих советских психологов своим материализмом и антиклерикализмом, а также богатыми возможностями в построении психологии художественного творчества.

Основная линия дискуссий проходила в те годы между рефлексологами и сторонниками приоритетного развития общей психологии. Обсуждение научных вопросов на печатных страницах и в публичных залах было достаточно свободным и бескомпромиссным. Отличительная черта советской психологии 1920-х годов состояла в том, что она представляла собой конкурентную среду, в которой те или иные направления с большой быстротой проходили путь от идеи до теоретической концепции. Всплеск научной активности, проявившийся в области психологии, отмечали многие очевидцы событий первого послереволюционного десятилетия (см., например, Корнилов, 1927, с. 215).

В 1930-е годы ситуация резко меняется. Вместо соревнования разных направлений — поиски отклонений от догмы. Под ударом оказываются практически все

направления психологии. Первой жертвой стал, конечно, психоанализ. Помимо других причин, здесь сказалось то обстоятельство, что его наиболее активный пропагандист в СССР Вильгельм Райх занял жесткую антисталинскую политическую позицию (Райх, 1997). Но вскоре разгрому подверглись и многие другие направления советской психологии.

Пик интереса к этому периоду в истории отечественной психологической науки пришелся на начало 1990-х годов. В вышедших тогда публикациях — «Репрессированная наука» (1991); «Наука и тоталитарная власть»¹, посвященных рассмотрению феномена «наука и власть», представлен большой фактологический материал. В общей панораме сюжетов присутствовали и статьи о разгромах на «психологическом фронте» (Петровский, 1991; Умрихин, 1991; Эткинд, 1993). Все эти исследования вписывались в общую парадигму восприятия самой проблемы «наука и власть в СССР», какой она сложилась в начале 1990-х годов.

Сегодня уже можно сказать, что проблема «наука и власть» воспринималась тогда, а по инерции во многом и сегодня в достаточной мере упрощенно и схематично: тоталитарная власть, с одной стороны, и разрозненные ученые, пытавшиеся отстоять свою независимость, — с другой. Утверждалось, что иным положение быть не могло по причине имманентной репрессивности господствующей марксистской идеологии. К примеру, в выводах к одной очень информативной в фактологическом отношении статье об идеологических кампаниях в советской психологии противопоставляются государство, осуществляющее «идеологический прессинг», создающее «аппарат подавления психологии», и психологи, «которые, несмотря на невыносимо сложные условия сталинского общества, продолжали строить здание своей науки» (Умрихин, 1991, с. 144).

В данную схему укладывался, по сути, любой сюжет конкретных ситуаций репрессивного отношения к науке. Но не входит ли она в прямое противоречие с известным нам путем развития советской психологии?

Если в 1920-е годы наблюдается свобода конкурентной борьбы в психологии, то в 1930-е годы происходит пресечение любых попыток самостоятельного исследования, не опирающегося на господствующую методологию. Вектор развития науки меняется кардинально. Но при этом в стране марксистская идеология как господствовала, так и господствует. И тем не менее мы видим, как в 1930-х годах научное сообщество разделяется на объекты проработок и на тех, кто их осуществляет. Примечательно, что и те и другие через абзац цитируют Маркса, осознают себя марксистами. Однако разделение, при котором одни выставляются врагами и отступниками, а другие — носителями истины, фиксируется совершенно четко. Можно предположить, что марксистский характер текстов — обстоятельство, совершенно параллельное поляризации советского психологического сообщества. Нужно искать какие-то другие причины и факторы.

Анализ критики трудов Выготского и Залкинда

Высказанный нами тезис нетрудно обосновать, обратившись к трудам выдающегося советского психолога Л. С. Выготского. Критика, которой подвергся рано умерший ученый, строилась на «доказательствах» немарксистского характера

1 В журнале «Философские исследования», 1993, № 3—4.

его работ. Между тем труды Выготского — прекрасный образец творческого прочтения марксизма. В наши дни в научном обороте находятся главным образом те из них, которые вошли в шеститомное собрание сочинений и допечатанные позже сборники по педагогической психологии и психологии искусства. Но у Выготского были статьи и на общепсихологические и мировоззренческие темы. К ним обычно не обращаются, поскольку не владеют соответствующими литературными источниками. Вот, к примеру, статья Выготского «Социалистическая перестройка человека» (Выготский, 1930). Тема статьи типична для начала 1930-х годов. К ней обращались и все «проработчики» Выготского. И Выготский, и его критики находились в общем контексте времени, мыслили категориями одной и той же идеологии. Однако выводы Выготского прямо противоположны заключениям «идеологов от науки».

В указанной статье Выготский обильно цитирует Маркса. Но какие мысли он выделяет в качестве ключевых для психологии? Маркс говорил о том, что подлинным предметом психологии является производственная жизнь человека, общественный труд. С разделением труда оказался разделен и сам человек, утративший свою целостность и превратившийся «в функцию». Человек цивилизованного общества потерял многие выразительные личностные черты, без которых немислима была жизнь дикаря. В функцию были превращены не только рабочие. Представители господствующих классов сами оказались в рабстве у стихийных социальных сил, а их человеческая природа была односторонне искалена бездельем, как у рабочих — работой. Между тем развитие общественного производства по законам диалектики идет противоречиво: уродуя индивидуумов, оно накапливает возможности для восхождения человечества, его господства над внешней и собственной природой. Могущество растет рука об руку с деградацией. Бесконечные возможности саморазвития человека в крупном производстве требуют не ретроспективных утопий «опрошения» (в духе Руссо), а изменения общественной формы. Необходимо гуманистическое изменение кардинального масштаба: из носителя функции человек должен стать субъектом, разумно меняющим всякие функции.

Вот так при разработке темы «формирование нового человека», которая, по схемам начала 1990-х годов является образцом насилия над личностью, Выготский, опираясь на идеи Маркса, говорит о саморазвитии и свободе личности. А оппоненты его в статьях на ту же тему и с соответствующими цитатами писали о «массовой формовке» людей, полезных государству.

Возьмем для примера теперь другого лидера советской психологии, работавшего в русле совершенно иной методологии, чем Выготский, но также ставшего объектом «проработок». Речь идет о А. Б. Залкинде. У кого-то его идеи и его одержимость вызывают иронию. Чего стоят, к примеру, его «Язвы РКП». Но за ними — установка на объективное изучение психотипа функционера правящей партии и влияния сексуальной жизни на формирование этого психотипа (Пружинина, 2010; Пружинина, Пружинин, 1991). Немислимые по тем временам смелость и свобода мысли! В педологических работах Залкинды фактически реализуется установка на объективное изучение ребенка, которое, по мнению автора, должно предшествовать воспитанию, а не быть его побочным моментом.

В политической психологии и педологии Залкинды ясно просматривается приоритет дескриптивного над нормативным. В сталинский период советская

педагогическая психология строилась как нормативная наука, учение о том, каким должен быть советский ребенок. Залкинд же, исходя из своего понимания марксизма, превращал психику взрослых и детей в объект исследования, свободного от государственного контроля.

Сказанное позволяет выдвинуть следующее предположение. Разгром ряда направлений советской психологии в 1930-е годы был связан не с их якобы отступлением от марксизма и с репрессивной природой марксистской идеологии. Развитие в рамках этих направлений ряда идей марксизма не вписывалось в формирование диктаторского режима традиционного российского образца, когда носитель высшей власти — властитель не только политический, но и духовный. Причем его права на духовную власть вытекают из политических полномочий.

Культурно-историческая психология Выготского была разгромлена, поскольку развивала гуманистические мотивы марксизма в обществе, которое исповедовало пренебрежение к отдельной личности.

Политический психоанализ и педология Залкинда были разгромлены, поскольку были нацелены на объективное изучение личности взрослых и детей в обществе, которое не было заинтересованно в независимом экспертном изучении.

Анализ личности и взглядов критиков

Теперь обратимся к тем, кто выполнял эти «погромные задачи». Постановка этого вопроса лишена смысла в рамках прежней парадигмы, согласно которой существуют только два контрагента: советская власть и наука, и первая оказывает давление на вторую. В этом абстрактном противопоставлении процессы дифференциации среди самих ученых несущественны.

Если же в качестве решающего фактора развития науки и общества в целом взять роль политического единовластия, то станет понятным, как под воздействием этого фактора в научном сообществе будут усиленно проходить процессы самоорганизации, дифференциации и поляризации. Водоразделом станет выбор ценностных приоритетов. Это либо приоритет научной истины, либо приоритет служения государству. В случае с гуманитарными науками служение государству — это защита тех самооценок, которые государству угодно давать себе в данный момент. Поэтому идеологические проработки вовсе не означают догматической позиции; они лишь означают отрицание установки на объективность и права отдельного ученого проводить независимое исследование и давать власти научные рекомендации.

Так в среде ученых происходило расслоение на собственно исследователей и агентов государства в сфере науки. Успешная административная карьера была немыслима без проработок тех, кто пытался жить по иной системе ценностей. Поэтому среди «проработчиков» мы встретим, прежде всего, удачливых администраторов, имитирующих собственную научную деятельность. Они стремились обменять выполнение своих функций на получение материальных благ от государства. Они обладали достаточной квалификацией, чтобы обосновать виновность жертв. Власть и ее представители такой квалификацией не обладали. Они давали лишь самые общие ориентировки. По существу, власти было безразлично, какие из научных направлений сохранятся, а какие — нет. Она лишь стреми-

лась обеспечить незыблемость своего положения в обществе. Поэтому решающая роль в том, кто именно будет подвергнут остракизму и уничтожен, принадлежала в 1930-е годы не партийным работникам и не офицерам НКВД, а тому слою ученых, которые приняли на себя функцию «слуг государства». Они отбирали жертвы и обосновывали формулу их осуждения. По логике борьбы представители этого слоя объединялись в группы и боролись за сохранение за собой позиций контроля и господства в той или иной сфере науки.

Посмотрим, как работает наш тезис в случае с проработками культурно-исторической психологии Выготского и педологии Залкинда.

После смерти Выготского в 1934 г. директор Психологического института В. Н. Колбановский под своей редакцией опубликовал работу Льва Семеновича «Мышление и речь». В предисловии он отмечал, что Выготского нельзя считать вполне марксистом, но что он «приближается к марксизму сложным, зигзагообразным путем» (Колбановский, 1934а, с. III). В развернутом введении к книге Колбановский утверждал, что Выготский «победил свои отдельные методологические ошибки и приблизился к марксизму-ленинизму», а его книга «полна глубоких и полноценных мыслей» (Колбановский, 1934б, с. XXXV). Главным достижением Выготского Колбановский назвал применение в противовес буржуазным психологам принципа исторического развития к психологии (Колбановский, 1934б).

После принятия в 1936 г. Постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» директор В. Н. Колбановский заявил на собрании в Психологическом институте: «Что является порочным в системе Выготского? Это его исходная основная методологическая позиция, заключающаяся в культурно-исторической теории. Стоит ли Выготский в этом вопросе на позициях марксизма? Нет, конечно. Каково мое отношение к этой теории? Нужно сказать, что я никогда не признавал эту теорию как теорию марксистскую или приближающуюся к марксизму. Но если разобраться в корне самой теории, то она требует сейчас самой обстоятельной критики как теория антимарксистская, как теория, не выходящая за пределы буржуазного понимания историзма, а, следовательно, в корне враждебная марксизму» (цит. по: Выготская, Лифанова, 1996, с. 143).

Кто же здесь марксист: Выготский или Колбановский? Вопрос, как видим, излишний для понимания сути и причин идеологической кампании.

Ученый секретарь Психологического института П. И. Размыслов был более бдительным и «раскусил» враждебность теории Выготского раньше своего директора. Сразу после выхода «Мышления и речи» Размыслов написал, что культурно-историческая теория «успела много навредить психологическому участку теоретического фронта, ловко прикрывая свои псевдонаучные и чуждые марксизму стороны цитатами из работ основоположников марксизма» (Размыслов, 1934, с. 78). Обвинения Размыслова в адрес Выготского и Лурии носили совершенно ложный характер: будто бы те игнорировали роль труда в общественном развитии, абстрактно понимали социальный коллектив. Но за лживыми обвинениями просматривается и то, что на самом деле не устраивает психологов-сталинистов: стремление сторонников культурно-исторической школы объяснить сознание не с позиций механистического материализма — «исходя из мозга», а подлинно диалектически (идея, составляющая суть немеханистического материализма, развивалась позже в школе Э. В. Ильенкова). Размыслов по привычке хватается

за цитату из Маркса, где говорится, что человек отличается от барана благодаря сознанию, но в приливе усердия договаривается до того, что у барана — «животное сознание», а у человека — человеческое (там же, с. 80). Но вскоре Размыслов выходит на привычную стезю политической проработки и говорит о «политической вредности» теории Выготского, который «по-своему истолковывает положения классиков марксизма» (там же, с. 85), доверяет устанавливать цели воспитания социальной этике, а не партии и «умаляет значение нашей партии в деле воспитания нового подрастающего поколения» (там же, с. 84). Размыслов был вознагражден, получив в эпоху репрессий несколько крупных административных постов, а в 1939 г. став заместителем директора Психологического института.

Вот еще пример проработки теории Выготского со стороны ведущего тогда специалиста по философским проблемам психологии Ф. И. Георгиева. Вновь мы видим ложные обвинения, будто Выготский не учитывает роль материальной деятельности людей, сводит все мышление и речь к функциональному употреблению слова. Гениальная идея Выготского о том, что сознание — «рефлекс рефлексов», иначе говоря, удвоенное отношение человека к самому себе, по Георгиеву, есть «просто идеализм» (Георгиев, 1935, с. 104). «Мистицизмом» назвал Георгиев гениальную идею Выготского о том, что «раз возникшая в сознании структура обобщения переносится затем на иные области мысли» (там же). Спустя сорок лет В. С. Стёпин сформулирует аналогичный принцип «исторического конструктивизма»: сложившиеся ранее идеальные объекты применяются при создании новых знаний, погружаясь в новую сеть отношений; в теоретическом знании постоянно происходит трансляция абстрактных объектов; специальная картина мира данной науки в этих условиях выступает в роли исследовательской программы в других областях знания (Стёпин, 1982, с. 155). Под ударом в 1930-е годы оказались, как видим, деятельностные и гуманистические стороны учения Выготского.

Обратимся к текстам, в которых отражается проработка педологии и ее лидера Залкинда. В них тоже обнаруживается лицемерие партийных слуг. Вот статья сотрудников НИИ охраны здоровья детей и подростков В. Н. Скосырева и Т. К. Чугуева. Два года назад Чугуев защищал педологию (Чугуев, 1934). Теперь он разоблачает «лженаучные откровения педолога Залкинда». Что вызывает раздражение проработчиков в работах Залкинда? Даже не акцентирование внимания на половом вопросе, а идеи, которые через сорок лет станут общепризнанными в нашем научном сообществе и выступят как магистральные для изучения человека. Это утверждения, что необходим комплекс наук о развивающемся человеке, или же «синтез наук о человеке», что педология — наука не только о ребенке, но и о развивающемся человеке (Скосырев, Чугуев, 1936, с. 27), что необходимо объединение науки и искусства в постижении человека (там же, с. 31). Особое раздражение вызывала претензия Залкинда на то, чтобы на основе изучения человека давать научные рекомендации политикам, а то и самому проводить политику (там же).

В качестве «тяжелой артиллерии» против педологии выступил директор Психологического института В. Н. Колбановский. Он повторил ранее выдвинутые обвинения в игнорировании принципа партийности, элитаризме, в претензии изучать человека «от колыбели до могилы» (сегодня в науке это называется андрагогикой, или теорией непрерывного образования). Высмеял он как «словесную белиберду» (Колбановский, 1936, с. 90) и верную идею о том, что в процессе

личностного развития активная роль в системе «среда—ребенок» переходит от среды к ребенку. Но вскоре Колбановский перешел к главной причине «закрытия» педологии — попытке последней объективно изучать ребенка, вообще человека. Методы, ставшие сегодня обыденной практикой педагогической работы: анкетирование, тестирование состояния учащихся, комплектование классов с учетом результатов измерений, — вот что вызвало гнев верхов. Диктатура не могла допустить, чтобы ученые занимались измерениями, объективной диагностикой человеческого потенциала, да еще давали рекомендации власти.

Постигшие наше образование последствия сталинской «реабилитации педагогики» очень правильно охарактеризовал Президент РАО А. В. Петровский: «Изучение того, что есть ребенок, все более заменялось декларированием того, каким он должен быть. В результате складывалось и сейчас препятствующее решению многих практических педагогических задач положение, при котором представление о том, каким должен быть ребенок, превращается в утверждение, что таков он и есть» (Петровский, 1991, с. 134). Кроме того, вследствие погрома педологии «до сих пор не обеспечен системный подход к развивающемуся человеческому организму и личности. Мы не располагаем научной концепцией комплексирования данных разных наук, которое, разумеется, само собой не произойдет в силу их оторванности друг от друга» (там же, с. 133).

Как видим, если культурно-историческая школа пострадала за свою попытку дать гуманистическую интерпретацию марксизма, то педология — за антинормативность, стремление к объективному изучению развития человека в тоталитарном государстве.

Заключение

В целом можно констатировать, что при изучении репрессивных кампаний в советской науке 1930-х годов не следует преувеличивать роль идеологического фактора. Необходимо также исследовать межгрупповые отношения внутри научного сообщества, поскольку репрессивные акции властей часто были спровоцированы теми группами ученых, которые приняли на себя роль защитников государственной власти.

Литература

- Выготская Г. Л., Лифанова Т. М. Лев Семенович Выготский. М., 1996.
- Выготский Л. С. Социалистическая переделка человека // ВАРНИТСО. 1930. № 9—10. С. 36—44.
- Георгиев Ф. И. О книге Выготского «Мышление и речь»: рецензия на книгу: Выготский Л. С. Мышление и речь // Книга и пролетарская революция. 1935. № 4. С. 100—105.
- Колбановский В. Н. Предисловие редактора // Л. С. Выготский. Мышление и речь. М., 1934а. С. III—V.
- Колбановский В. Н. Проблема мышления и речи в исследованиях Л. С. Выготского // Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1934б. С. VI—XXV.
- Колбановский В. Н. «Так называемая педология» // Фронт науки и техники. 1936. № 12. С. 82—93.

- Корнилов К. Н.* Современное состояние психологии в СССР // Под знаменем марксизма. 1927. № 10–11.
- Петровский А. В.* Запрет на комплексное исследование детства // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 126–135.
- Пружинина А. А.* Арон Залкинд. Манифест сексуальной революции // Философские науки. 2010. № 4. С. 43–50.
- Пружинина А. А., Пружинин Б. И.* Из истории отечественного психоанализа // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 87–108.
- Размыслов П. И.* О «культурно-исторической теории психологии» Выготского и Лурия // Книга и пролетарская революция. 1934. № 4. С. 78–86.
- Райх В.* Психология масс и фашизм. СПб., 1997.
- Скосырев В. Н., Чугуев Т. К.* Лженаучные откровения педолога Залкинда // Книга и пролетарская революция. 1936. № 10. С. 27–33.
- Стёпин В. С.* Структура теоретического знания и историко-научные реконструкции // Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982. С. 137–172.
- Умрихин В. В.* «Начало конца» поведенческой психологии в СССР // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 136–145.
- Чугуев Т. К.* О прожектерских атаках на педологию (ответ на статью «Нужен ли курс педологии в педагогической школе») // Педагогическое образование. 1934. № 6. С. 44–51.
- Эткинд А. М.* Расцвет и крах педологического движения (от психоанализа к «новому массовому человеку» // Философские исследования. 1993. № 3. С. 224–251.
- Ярошевский М. Г.* История психологии. М., 1985. С. 517–528.

К вопросу о прогностическом потенциале историко-психологических исследований (на примере отечественной экстремальной психологии)¹

И. Н. Елисева, Ю. Н. Олейник (Москва)

Проблема прогнозирования в современной науке

Изучение истории развития какой-либо области психологии выполняет не только ориентировочную и оценочную, но и прогностическую функции (Кольцова, 2008). Если же это касается слабо институализированной или находящейся на этапе кризисного состояния области психологической науки и практики, то прогноз их развития может стать значимым фактором для научного обоснования перспективных планов и программ деятельности научных и практических центров.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-06-10857.

Понятие «прогнозирование» трактуется в двух значениях: 1) как процесс разработки прогноза (вероятностного суждения о состоянии какого-либо объекта в будущем); 2) как специальное научное исследование, направленное на определение тенденций и перспектив развития какого-либо явления или процесса на основе анализа данных об их прошлом и нынешнем состоянии и с указанием сроков изменения этого явления (Философский энциклопедический словарь..., 1983, Философская энциклопедия..., 1960–1970. Т. 4). В данной статье под прогнозом мы будем понимать обоснованное знание о возможных состояниях объекта исследования на основе экстраполяции закономерностей его развития в будущее. Прогноз предполагает описание количественных и качественных характеристик возможных вариантов состояний объекта в заданном интервале времени – краткосрочный, среднесрочный, долгосрочный прогноз (Степин, 1982; Попов, 1986). К характеристикам прогноза относят: вариативность состояний объекта исследования в будущем и многофакторная детерминация его возможных состояний. При этом прогноз развития объекта исследования и изменений среды, определяющих состояние объекта, является необходимым условием развитого способа планирования (Ломов, 1999).

Закономерным этапом развития относительно новой научной области является неопределенность, размытость ее объекта, предмета, задач, представлений членов профессионального сообщества о ее внутридисциплинарных границах и т. д. Варианты дальнейшего развития новой научной области могут быть различны: либо переход на более высокий уровень институционализации (Вершинина, 2008), либо поглощение другой психологической дисциплиной, «распыление проблематики» и т. д. (Шпигель-Резинг, 1980).

Отечественная экстремальная психология является научно-практической комплексной областью психологического знания, находящейся на этапе перехода между различными уровнями институализации. Ее развитие на современном этапе характеризуется разнонаправленными тенденциями, свидетельствующими о наличии кризисных явлений. Соответственно, прогноз развития отечественной экстремальной психологии на нынешнем этапе ее развития может стать основой для самоопределения и планирования работы научных и практических центров, в сферу деятельности которых входит разработка проблем экстремальной психологии.

Современные исследования, посвященные проблеме прогнозирования или рассмотрению вариантов развития отечественной экстремальной психологии, в отечественной литературе авторами не выявлены. В. М. Поздняков, рассматривая историю становления и развития пенитенциарной психологии в России, привел анализ семи моделей, используемых в историко-психологических исследованиях, и указал на невозможность опираться на какую-либо одну из них при прогнозировании развития данной отрасли психологии (Поздняков, 2000, с. 95–97). Вопросы прогнозирования развития областей психологии затрагиваются в немногочисленных работах. Например, В. М. Поздняковым дан прогноз развития пенитенциарной психологии в России (Поздняков, 2000), К. И. Воробьева рассматривает перспективы развития библиологической психологии (Воробьева, 1996). При этом обоснование вариантов развития не имеет выраженных теоретических оснований, которые возможно было бы применить к рассмотрению вариантов развития отечественной экстремальной психологии.

В связи с этим возникла необходимость обратиться к данным науковедения, исследующего структуру науки и закономерности ее трансформации. Рассматривая науку как социальный институт (Никифоров, 1998; Философский энциклопедический словарь, 1999), в ее строении выделяют когнитивный компонент, отражающий структуру научного знания, и социальный компонент, описывающий социальную практику воспроизведения и получения нового научного знания. При этом «все структурные единицы науки так или иначе соотносятся с научной дисциплиной... которая позволяет упорядочить все многообразие единиц анализа науки (Огурцов, 1988, с. 4).

Модель изучения динамики развития исследовательской области

Понятие научной дисциплины является многозначным и применяется по отношению к отдельному учебному предмету, самостоятельной отрасли какой-либо науки, а также отрасли научного знания (Кедров, 1985; Мирский, Юдин, 1980; Мирский, 1980; Огурцов, 1988; Юдин, 1997). Использование этого термина по отношению к элементу строения науки подчеркивает его отличительные качества: отграниченность, относительную автономность (Вершинина, 2008).

Несмотря на частные различия в выделении компонентов структуры научной дисциплины, исследователи указывают на ее инвариантные составляющие: когнитивную (методологические основания науки, формы научного знания и др.), популятивную (кадровый состав, субъекты научного творчества, лидеры дисциплинарного сообщества), коммуникативную (характер, интенсивность, направленность, формы коммуникаций в дисциплинарном сообществе), социально-организационную (подготовка научных кадров, организационные структуры, уровень технического, финансового обеспечения, система «поддержки и продвижения» дисциплины и т. д.) (Кедров, 1985; Мирский, Юдин, 1980; Огурцов, 1988).

Таким образом, на основе представлений об отечественной экстремальной психологии как дисциплинарно и проблемно организованном объекте и принципах историко-психологического исследования – системности, детерминизма, объективности, единства логического и исторического, индивидуального и коллективного вклада в развитие психологического знания, периодизации, единства прошлого, настоящего и будущего (Кольцова, 2008; Кольцова, Олейник, 1999) – была разработана универсальная и обобщенная модель изучения направления исследований.

Модель включает четыре взаимосвязанных компонента, являющихся одновременно и этапами историко-психологического исследования: первый компонент – определение актуального состояния научного направления; второй компонент – изучение истории развития научного направления; третий компонент – прогнозирование развития; четвертый компонент – определение задач по развитию. Соответственно, можно описать индикаторы каждого компонента этой модели, анализ которых позволит сформировать материал для оценки состояния конкретного направления исследований.

Первый компонент включает анализ представлений о предмете, объекте, меж- и внутридисциплинарных связях, границах научного направления, отраженных в научной, учебной литературе, классификациях, рубриках и оценочных мне-

ниях референтных групп, что позволяет уточнить предмет исследования, проблемное поле научного направления.

Второй компонент содержит изучение предпосылок и истории развития как дисциплинарно и проблемно организованной области знания, так и социальной практики и выявления детерминирующих их факторов посредством выделения периодов, этапов развития и их временных границ. Тем самым, может быть разработана периодизация на основе анализа изменений компонентов дисциплинарной структуры, выявления социокультурных, внутринаучных, психологических факторов развития.

Третий компонент включает определение вероятных вариантов развития с опорой на анализ актуального состояния научного направления как на точку отсчета для выделения вариантов развития, выделение всех возможных вариантов, сопоставление их с вариантами прогнозируемой динамики системообразующих факторов.

Четвертый компонент предполагает выбор конструктивного варианта развития из числа наиболее вероятных в опоре на результаты анализа существующего имиджа исследовательской области; при этом осуществляется разработка программы изменений с целью достижения конструктивного варианта. Другими словами, соотнесение представлений референтных групп о научной области и данных, полученных с помощью методов науковедения и историко-психологического анализа, позволяет определить вектор развития научного направления и, как следствие, — задачи в сфере подготовки кадров.

Таким образом, четырехкомпонентная модель позволяет рассматривать развитие отечественной экстремальной психологии в многомерном пространстве, где, помимо вектора времени, координаты задают социокультурный вектор и вектор институционализации, представленный компонентами дисциплинарной структуры. В результате применения модели к изучению развития отечественной экстремальной психологии представляется возможным зафиксировать ее актуальное состояние, периодизацию ее развития, рассмотреть варианты перспективного развития и программу по ее развитию в конструктивном русле.

Прогнозные варианты развития отечественной экстремальной психологии

Необходимо отметить, что модель имеет ряд ограничений. В частности, поскольку научная дисциплина и научная проблема в данной модели являются основными единицами науковедческого анализа, то вопросы, связанные с истоками зарождения идей исследовательской области в более ранние периоды (например, в форме психологем — обыденных размышлений, содержащих психологические идеи), не могут претендовать в этом случае на полноту рассмотрения.

В исследовании экстремальной психологии частично реализована общая модель изучения научного направления, что нашло отражение в частных индикаторах и методах исследования. Выявление сходства и различий в когнитивном, социально-организационном, популятивном, коммуникативном аспектах экстремальной психологии на различных этапах ее развития позволяет определить основные факторы, оказывающие влияние на становление и развитие прикладного научного направления.

Таким образом, появляются основания для рассмотрения вариантов развития изучаемой области психологии, поскольку процесс институционализации разворачивается во времени и обуславливается несколькими группами факторов: социокультурных, внутринаучных и персонологических. В качестве системообразующего фактора, детерминирующего развитие отечественной экстремальной психологии, нами определен социальный запрос, отражающий потребности государства и общества. Тем самым раскрыты возможности прогнозирования развития области психологического знания и ее дальнейшей динамики на основе результатов историко-психологического исследования. Анализ динамики количества защищенных диссертаций по проблемам деятельности в экстремальных условиях (как одного из направлений экстремальной психологии) показывает специфику детерминации научных исследований в области экстремальной психологии, связанной с общим фоном террористических событий в стране и количеством пострадавших в их результате.

Комплексная модель исследования развития экстремальной психологии позволяет определить основные варианты ее развития в будущем посредством перебора комбинаций изменений компонентов дисциплинарной организации и системообразующих факторов, детерминирующих развитие. При построении «сетки вариантов развития» и выборе наиболее вероятных вариантов необходимо учитывать существующие тенденции изменений социокультурного и внутринаучного факторов. В качестве исходных показателей были выбраны актуальные уровни институционализации и социального заказа как интегрального показателя востребованности данного вида знания обществом и государством. Соответственно, можно говорить о шести основных вариантах развития.

Вариант 1. Уровень институционализации ниже актуального при сниженном социальном заказе. Этот вариант задает вектор «деинституционализации»: проблематика утрачивает свою актуальность, снижается интенсивность исследований, уменьшается профессиональное сообщество, занимающееся разработкой данной проблемной области, наиболее активные его члены переходят в другие области психологии, снижаются интенсивность коммуникаций в сообществе, качество и количество подготавливаемых кадров и финансирование. Экстремальная психология перестает претендовать на самостоятельную самостоятельность и рассматривается как одна из научных проблем.

Вариант 2. Уровень институционализации равен актуальному при сниженном социальном заказе. Этот вариант развития предполагает неоправданное расширение проблематики экстремальной психологии, включение в нее проблем из смежных областей и направлений психологии с целью экономического обоснования и сохранения уровня институционализации. Представляется, что для реализации подобного варианта необходима группа лидеров, способных обосновать и реализовать искусственное поддержание статуса экстремальной психологии.

Вариант 3. Уровень институционализации выше актуального, т. е. экстремальная психология является признанной отраслью психологии при сниженном социальном заказе. Этот вариант развития предполагает институционализацию когнитивного компонента, т. е. формирование компендиума экстремальной психологии, консолидацию профессионального сообщества, интенсификацию

и специализацию коммуникаций. При сниженном социальном заказе реализовать подобный вариант может группа лидеров на короткий период времени.

Вариант 4. Уровень институционализации ниже актуального при равном актуальному или более высоком уровне социального заказа. Этот вариант задает вектор «перетекания» проблематики экстремальной психологии в другие области и направления психологии за счет искусственного сужения проблемной области экстремальной психологии. Причинами этого могут стать: социальный заказ на разработку узкой проблематики; появление конкурирующей динамично развивающейся области психологии; появление яркого лидера или группы лидеров в смежных областях психологии, нацеленных на расширение сферы влияния; утрата источников финансирования; открытие или обоснование общих закономерностей, универсальных механизмов функционирования психики, при которых предмет экстремальной психологии утрачивает свою уникальность.

Вариант 5. Уровень институционализации и социальный заказ равны или выше актуального. Этот вариант предполагает «консервацию» кризисного этапа развития экстремальной психологии, что потребует усилий со стороны лидеров по поддержке ее актуального статуса и имиджа. Для реализации этого варианта необходимо наличие лидеров, уход которых представляет угрозу. Кроме того, он предполагает «передачу» части проблематики экстремальной психологии в другие области психологии, в которых более результативно решаются проблемы. При этом варианте развития практическая составляющая экстремальной психологии может стать преобладающей, способствуя трансформации прикладной области научного знания в научно-практическое движение по типу педологии.

Вариант 6. Уровень институционализации выше при высоком уровне социального заказа. Вариант предполагает институционализацию когнитивного компонента, т. е. формирование компендиума экстремальной психологии, ее позитивного имиджа, а также консолидацию профессионального сообщества, интенсификацию и специализацию коммуникаций. Реализация этого варианта означает конструктивное преодоление кризиса и укрепление самостоятельного статуса экстремальной психологии. Помимо институционализации когнитивного компонента, этот вариант предполагает расширение проблематики за счет постановки новых проблем, обоснованный «обмен» проблем со смежными отраслями психологии.

В исследованиях в области прогноза развития России, включенного в глобальный процесс, обращают на себя внимание: констатация общего цивилизационного кризиса (Назаретян, 2007), а также кризиса системы ценностей в российском обществе; прогноз роста социальной напряженности (Листвина, 1998; Маршак, Сергеев, 2009; Лановенко, 2012); прогноз увеличения количества техногенных аварий, стихийных бедствий, локальных военных конфликтов на приграничных территориях (Акимов, 2009; Байда, 2013); указание на наличие социальной среды, способствующей привлечению молодых людей в террористические организации (Королев, 2008). В целом это может стать основой для обширного социального запроса на формирование экстремальной компетентности у различных групп специалистов и населения (Маркова, 1996). Поскольку актуальный период развития отечественной экстремальной психологии детерминирован в значительной степени реакцией на последствия террористических актов, то перспективное ее развитие будет определяться выраженным социальным запросом на разработку

широкого круга проблем, связанного с профилактикой, оказанием психологической помощи в различные периоды экстремальной ситуации, снижением социально-психологических рисков.

Современный этап развития психологии характеризуется сближением исследовательской и практической психологии (Юревич, 2010), что обуславливает появление практико-ориентированных теорий (Корнилова, 2007) и их комплексов. В этой связи, применительно к проблемам экстремальной психологии, наиболее вероятно появление новых частных теорий и их комплексов с целью осмысления и упорядочивания реальности, связанной с экстремальными ситуациями и экстремальными условиями.

Следовательно, наиболее вероятны три варианта развития при значительном социальном запросе. Неконструктивным является вариант «консервации» кризисного этапа (вариант 5). В рамках этого варианта практическая составляющая вытеснит исследования и теоретическое осмысление исследовательского и практического опыта, что фактически будет означать исчезновение экстремальной психологии как прикладной области психологического знания. Функции теоретического осмысления, научной рефлексии прикладных исследований проблем экстремальной психологии перейдут к другим научным дисциплинам. Подобное развитие когнитивной составляющей экстремальной психологии определит особенности других компонентов ее дисциплинарной структуры: снижение оценки статуса экстремальной психологии научной референтной группой, качественные изменения в кадровом составе профессионального сообщества, разработка сугубо практико-ориентированных программ профессиональной подготовки, упрощение организационной структуры, узкоспециализированные коммуникации. Компенсировать утрату части ресурсов возможно за счет активной популяризации экстремальной психологии. Подобный вариант развития ставит экстремальную психологию в жесткую зависимость от социокультурной ситуации и в перспективе может привести к утрате и ее практической функции.

Одной из возможных угроз для институционализации экстремальной психологии может стать ограничение ее проблемного поля, его сужение, например, до проблемы оперативного снижения социально-психологической напряженности на территориях, пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций (вариант 4). Неоправданное сжатие предметной области экстремальной психологии снижает конкуренцию со стороны смежных психологических областей и дисциплин, но не позволяет сформировать теории, подходы в рамках одного направления, приводя к необходимости заимствования из других областей, что приводит к утрате самостоятельности дисциплины. Чрезмерное сужение границ может привести к утрате социальной значимости экстремальной психологии, переходу ее прикладных и практических функций к другим областям и дисциплинам психологии. Например, появившаяся в 2011 г. специализация «психология служебной деятельности» (Приказ Минобрнауки РФ от 17 января 2011 г. № 67) представляет угрозу для развития экстремальной психологии в случае неопределенности границ и общих проблемных областей, что является критически важным и для подготовки кадров.

Наиболее конструктивным вариантом, при котором возрастает вероятность укрепления самостоятельного статуса экстремальной психологии (вариант 6), яв-

ляется ее развитие как полипарадигмальной области научного знания. Это предполагает решение исследовательских задач различными средствами и с помощью разных организационных форм научной и практической деятельности на основании различных методологических подходов и разноуровневое психологическое объяснение изучаемых феноменов, где каждый уровень является значимым и самостоятельным при наличии взаимосвязей, «переходов» между уровнями (Юревич, 2001, с. 16).

Таким образом, отечественная экстремальная психология имеет несколько возможных вариантов развития. Выбор одного из вариантов развития может осуществиться как «неосознанная реакция» или как целенаправленное движение в направлении конструктивного варианта.

Предлагаемая модель позволяет составить «сетку вариантов развития», которая предоставляет возможность сопоставления некоторых качественных характеристик компонентов дисциплинарной структуры при различных вариантах социального заказа на разработку проблем в этой области. «Сетка вариантов развития» способствует осуществлению выбора желательных вариантов, определению основных направлений изменений.

Вместе с тем следует отметить, что вопрос о количественном и развернутом качественном прогнозе развития самой психологии выходит за рамки предложенной модели. Она, по крайней мере на данном этапе развития наукометрии и истории изучения различных отраслей и направлений психологии, может быть в полном объеме реализована лишь только применительно к отдельным исследовательским направлениям в психологии. Вопрос же о возможности разработки универсального алгоритма развернутого и обоснованного прогноза развития самой психологической науки в целом является открытым.

Таким образом, четырехкомпонентная модель изучения развития экстремальной психологии, в основе которой лежит последовательность «актуальное состояние научного направления — история развития — системообразующие факторы и варианты развития — формирование имиджа», представляется одним из возможных вариантов реализации трех основных функций истории психологии: ориентирующей, оценочной и прогностической.

Литература

- Акимов В. А. Постиндустриальные риски России // Проблемы анализа риска. 2009. Т. 6. № 4. С. 8–24.
- Байда С. Е. Природные, техногенные и биолого-социальные катастрофы: закономерности возникновения, мониторинг и прогнозирование; МЧС России. М., 2013.
- Вершинина Н. А. Структура педагогики: Методология исследования. СПб., 2008.
- Воробьева К. И. Отечественная библиологическая психология: история, состояние, перспективы: Дис. ... докт. психол. наук. Хабаровск, 1996.
- Кедров Б. М. Классификация наук. Прогноз К. Маркса о науке будущего. М., 1985.
- Кольцова В. А. История психологии: проблемы методологии. М., 2008.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н. История психологии: теоретические и методологические проблемы // Современная психология: Справочное руководство / Отв. ред. В. Н. Дружинин. М., 1999. С. 578–590.

- Корнилова Т. В.* Означает ли свободная конкуренция идей отказ от критериев научности в психологии // *Методология и история психологии.* 2007. Вып. 3. С. 120–129.
- Королев А. А.* Террор и терроризм в психологическом и идеологическом измерении: история и современность. М., 2008.
- Лановенко А. А.* Социально-исторический процесс взаимодействия государства и церкви: современный социокультурный подход: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2012.
- Листвина Е. В.* Особенности современной социокультурной ситуации в России // *Культура и творчество в бытии человека: Межвузовский научный сборник.* Саратов, 1998. С. 51–56.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1999.
- Маркова А. К.* Психология профессионализма. М., 1996.
- Маршак А. Л., Сергеев В. В.* Социокультурная динамика в современном российском обществе. М., 2009.
- Мирский Э. М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М., 1980.
- Мирский Э. М., Юдин Б. Г.* Дисциплинарное строение науки // *Научная деятельность: структура и институты /* Под ред. Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина. М., 1980.
- Назаретян А. П.* Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М., 2007.
- Никифоров А. Л.* Философия науки: история и методология: Учебное пособие. М., 1998.
- Огурцов А. П.* Дисциплинарная структура науки: ее генезис и обоснование. М., 1988.
- Поздняков В. М.* Пенитенциарная психология в России: генезис и перспективы: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2000.
- Попов Б. Н.* Методологические проблемы научного предвидения: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1986.
- Философская энциклопедия. В 5 т. / Гл. ред. Ф. В. Константинов. М., 1967. Т. 4.
- Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев. М., 1983.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1999.
- Шпигель-Резинг И.* Стратегии дисциплины по поддержанию своего статуса // *Научная деятельность: структура и институты.* М., 1980. С. 107–158.
- Юдин Э. Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997.
- Юревич А. В.* Методологический либерализм в психологии // *Вопросы психологии.* 2001. № 5. С. 3–19.
- Юревич А. В.* Методология и социология психологии. М., 2010.
- Приказ Минобрнауки РФ от 17 января 2011 г. № 67 «Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 030301 Психология служебной деятельности (квалификация (степень) «Специалист» (в ред. Приказа Минобрнауки РФ от 31.05.2011 № 1975) // *Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти* № 23 от 06 июня 2011 г. URL: <http://jurizdat.ru/editions/official/bnafoiv/archive/2011/23.htm>.

Полнотекстовая электронная библиотека «Психологический журнал. Архив 1980–1990 гг.»: возможности для историко-психологических исследований¹

К. Б. Зуев, П. В. Морозов (Москва)

Введение

Формирование надежной и широкой источниковой базы психологии является одной из актуальных задач источниковедения как раздела истории психологии (Кольцова, 2008). Одним из мировых трендов в этом направлении является оцифровка и размещение в открытом доступе большого количества научных материалов. Находятся как сторонники, так и противники такого подхода. В мировом и отечественном научном сообществе активно дискутируется несколько аспектов свободного доступа к научной информации.

Первый – *материальный*, связанный с доходами, которые получают издательства от продажи научных изданий. Очень популярна точка зрения, что издательства наживаются на труде ученых, самостоятельно ничего не производя. Обычно такие претензии высказываются в адрес крупных международных корпораций, таких как Springer, Elsevier и др. Те же претензии можно высказать и в адрес некоторых российских издательств. В радикальной форме эта точка зрения сводится к отказу соблюдать законы об авторском праве и научному «пиратству». Данной идеологии, в частности, придерживаются основатель и сторонники весьма популярного проекта Sci-Hub, о котором недавно вышла статья в журнале «Science» (Bohannon, 2016). Любые попытки указать на откровенную незаконность данного проекта встречают весьма агрессивную реакцию.

Второй аспект связан с *ценностью* научной информации. Логично предположить, что возможность свободной публикации и свободного доступа к любым научным результатам снизит ценность научной информации, приведет к дезориентации ученых. Справедливой критике подвергается современная система оценки журналов на основе импакт-фактора, но в случае полной отмены любых критериев неизбежно возникнет публикационный хаос, из которого вырастет новая система оценки качества публикаций со своими ограничениями.

Не принимая окончательно той или иной точки зрения, мы можем констатировать, что все большее число журналов ориентируются на принцип открытого доступа (Open access). Среди них появляются и весьма влиятельные, такие, например, как «PLoS ONE»². Впрочем, о материальной стороне вопроса западные журналы открытого доступа не забывают. Если не существует спонсоров, оплачивающих редакционную работу, то плата за публикации чаще всего ложится плечи авторов.

---

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ. Грант № 16-06-12040в.

2 <http://journals.plos.org/plosone>.

В нашей стране тенденция к открытости журнальных публикаций приобретает массовый характер и имеет свои особенности. В частности, в психологии существуют журналы, которые с самого начала были открытыми. Наиболее показателен в этом смысле пример журнала «Психологические исследования», который за относительно короткий срок своего существования сумел выбраться в тройку самых цитируемых российских журналов по психологии. Ряд других журналов приняли решение о свободном размещении полнотекстовых версий своих статей через некоторое время после их выхода в печатной форме. В частности, в свободный доступ выложены все журналы, учредителем которых является МГППУ¹.

Но наибольший интерес для историков науки представляют журнальные публикации, изданные много десятилетий и даже столетий назад. Некоторые зарубежные издательства начали выкладывать совсем уже «древние» номера, возраст публикаций в которых насчитывает несколько веков. В нашей стране в области психологии до недавнего времени был лишь один подобный пример – подготовка для открытого доступа статей журнала «Вопросы психологии»². В 2016 г. отделом по связям с общественностью Института психологии РАН начата работа по созданию интернет-ресурса, на котором будут размещены статьи, опубликованные в первых 11 томах «Психологического журнала». Создание полнотекстовой общедоступной электронной библиотеки, в которую были бы включены все публикации первого десятилетия издания «Психологического журнала», является важной научной задачей. Это обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, публикации в научных журналах последней трети XX в. представляют не только исторический интерес; значительная их часть не утратила своей актуальности для современной психологии. В первую очередь, это относится к публикациям методолого-теоретического характера. Многие идеи, высказанные в таких статьях, находят развитие в продолжающихся сегодня исследованиях и еще не стали частью устоявшихся представлений в истории психологии.

Во-вторых, означенный период (1980–1990) был отмечен значительными научными достижениями. Произошла институционализация психологии на уровне как специализированных учреждений, так и отдельных подразделений. В какой-то мере можно говорить об этапе «нормальной науки» для психологии в этот период.

В-третьих, существует специфика именно «Психологического журнала», в котором размещались статьи из таких отраслей психологии, как инженерная психология, психология труда, военная психология, психофизиология и др. Эти отрасли фактически не имели своего печатного органа и рассматривались как части более общих наук, зачастую далеких от психологии, например военного дела или физиологии.

Таким образом, создание интернет-ресурса, на котором будут размещены все выпуски «Психологического журнала» за 1980–1990 гг., позволит закрыть большую лауну в доступности российской научной информации в области психологии.

В данной статье мы опишем структуру сайта, включающую некоторые технические подробности, а также приведем примеры, иллюстрирующие использование ресурса для историко-психологических исследований.

1 http://psyjournals.ru/journal_catalog/index.shtml.

2 <http://www.voppsy.ru/frame25.htm>.

Основные принципы разработки электронной библиотеки

Во-первых, *библиотека должна быть максимально удобной* для конечного пользователя. Для реализации этого принципа был выбран интуитивно понятный интерфейс сайта. На главную страницу выведено меню, включающее перечень номеров журнала, авторский указатель и перечень рубрик.

Каждая статья доступна в двух форматах. *Первый* – веб-страница. Такой формат позволяет читать материалы с любых электронных устройств, таких как планшеты, смартфоны и пр. Для чтения можно использовать даже самые маленькие мониторы. В данном формате текст идет с разбивкой на страницы, как и в оригинальной публикации, что позволяет исследователям при необходимости ссылаться на конкретную страницу статьи. Веб-страницы получены путем оцифровки с последующим распознаванием оригинального текста. *Второй формат* – файл в формате PDF, который можно свободно загрузить с сайта. Ссылки на файлы расположены на веб-страницах со статьями. Файл представляет собой отсканированную оригинальную статью. Данный формат может быть полезен исследователям при необходимости проверить какую-либо информацию, а также тем ученым, которые привыкли работать с оригиналами статей.

Во-вторых, *должна быть обеспечена максимально полная информация о статье*. На данный момент на веб-странице со статьей размещается полная библиографическая ссылка и рубрика, в которой размещена статья. По окончании размещения полнотекстовых версий статей будет создана база данных, в которую войдет более полная информация, включающая, помимо указанных параметров, организацию в которой работает автор, город, в котором находится организация, количество авторов и другую информацию. База будет представлена в виде таблицы, которая позволит сортировать данные по любому параметру. Можно будет, например, выделить все статьи какого-либо автора, все статьи, представленные конкретной организацией или относящиеся к определенной рубрике, и т. д.

В-третьих, *важно обеспечить максимально бережное отношение к оригинальному тексту*. При оцифровке неизбежно страдают такие компоненты текста, как рисунки, таблицы, формулы, выделения жирным шрифтом и курсивом и др. Для сохранения авторской стилистики мы приняли решение размещать на веб-страницах рисунки и таблицы без дополнительного редактирования, т. е. рисунок или таблица сканируются и получившийся файл вставляется в соответствующее место в тексте. Данный способ может создавать определенные трудности при прочтении веб-страниц с электронных устройств с небольшим экраном, но точность передачи информации важнее. Все смысловые выделения в тексте, такие как курсив, жирный шрифт, сноски, вставки текста более мелким шрифтом и т. д., переносятся нами вручную. Разумеется, ошибки при этом неизбежны. Но мы надеемся, что внимательные пользователи нашего интернет-ресурса укажут нам на них, и со временем ошибок останется минимальное количество.

Навигация по сайту

На данный момент навигация по сайту реализована по номеру журнала, по автору и по рубрикам.

Выбирая определенный номер журнала в навигационной панели, пользователь видит список всех опубликованных в нем материалов с указанием страниц, авторов статей и рубрик. Переход к статьям осуществляется по гиперссылкам. Результатом навигации по автору или по рубрике является список всех статей автора или всех статей, опубликованных в рубрике в формате: название статьи (являющейся активной ссылкой на веб-страницу со статьей); полное библиографическое описание статьи, включающее указание на том, год, номер и страницы журнала; первые строчки стати; ссылка на PDF-файл с полным оригинальным текстом статьи. Ознакомившись с данной информацией, исследователь может выбрать необходимые ему материалы и сохранить их в виде электронной закладки или полного текста статьи.

Имеется также полнотекстовый поиск по сайту. Результатом его является название статьи с указанием журнала (год и номер), в котором был опубликован материал с искомым словосочетанием.

Параметры анализа журнальных публикаций при решении историко-психологических задач

Необходимо отметить, что анализ журнальных публикаций предпринимался неоднократно ранее. Так, А. Н. Ждан исследовала публикации в первых журналах Московского психологического общества (Ждан, 2015). Некоторые из предложенных ей параметров включены и в нашу работу. Чрезвычайно интересный, хотя и очень краткий анализ журнальных публикаций представлен в монографии О. А. Артемьевой (2015).

Остановимся на *формальных параметрах анализа* журнальных публикаций. К ним относятся: организация, в которой была выполнена работа, город, количество авторов статьи. Такие, казалось бы, простые характеристики статьи, не имеющие никакого отношения к ее содержанию, однако же дают возможности для весьма интересного анализа.

Зная *организацию*, можно, например, сравнивать вклад академической, ВУЗовской и отраслевой науки в развитие того или иного направления психологии, что, в свою очередь, может отражать некоторые аспекты научной политики государства. Также можно выявить определенный фаворитизм в публикациях относительно той или иной организации. Ожидалось, что в «Психологическом журнале» за исследуемый период преобладают публикации сотрудников Института психологии АН СССР. Однако проведенный анализ свидетельствует о широте охвата различных организаций. За первые 11 лет существования журнала были опубликованы статьи из более чем трехсот советских и зарубежных организаций. Фактически в каждом номере были представлены статьи из 4–5 новых организаций, что с высокой долей вероятности позволяет говорить о том, что, во-первых, публикации в «Психологическом журнале» представляют срез психологической науки того времени и дают основания для содержательного анализа, а во-вторых, об отсутствии организационного фаворитизма.

Изучение *списка городов*, из которых были представлены статьи, может помочь при сравнении состояния региональной и столичной психологической науки. В психологии региональная наука не была отражением науки столичной, а раз-

вивалась по своим оригинальным направлениям. Очень серьезные исторические корни есть у научных психологических школ Владимира, Казани, Перми, Томска, Ярославля и многих других городов. Анализ тем публикаций из регионов позволяет сравнить общенаучное и специфическое в региональной и столичной психологической науке. Ну, и наконец, наличие нескольких авторов из разных организаций одного города и тем более из разных городов позволяет изучить научные связи, существовавшие в то или иное время. Особенно интересным в этом ключе представляется сравнение личных связей между учеными и связей между организациями.

Количество авторов статьи может помочь в разработке целого ряда тем. Например, можно изучать историю культуры научных публикаций. В современной науке среднее число авторов статей равно 5, что отражает несколько процессов. Во-первых, объективно большинство исследований (в том числе в ряде отраслей психологии) являются весьма сложными, и их невозможно выполнять вне коллектива. Во-вторых, иерархия авторов в статье отражает научную иерархию. В современной науке принято включать в авторы публикаций значительное число исследователей, которые, возможно, не принимали участия в данной конкретной работе, но являются формальными руководителями или лидерами направлений. И в-третьих, широкое распространение в современной науке так называемых «китайских технологий» привело к совсем уж искусственному увеличению числа авторов. Можно предположить, что некоторые из этих тенденций отражают современную научную культуру и имеют корни в недалеком прошлом. Данная гипотеза требует отдельной проверки, которая может быть частично осуществлена с использованием сводных данных о публикациях в «Психологическом журнале».

Значительный интерес для анализа представляет *рубрикатор статей*. Рубрикатор не только отражает те или иные тенденции в науке, но и задает определенные рамки для исследователей, позволяя им лучше сориентироваться в редакционной политике журнала.

За исследуемый период в «Психологическом журнале» статьи распределялись более чем по 100 рубрикам.

Статьи могут классифицироваться по ряду оснований, например по отраслевому или проблемному. Особое место занимают юбилейные рубрики, среди которых есть чисто научные, например «К 100-летию со рождения С.Л. Рубинштейна» или же носящие политический характер, например «110 лет со дня рождения В. И. Ленина». К рубрикам, в которых отражались политические события страны, смело можно отнести и такие, как «Психологическая наука в период перестройки», и «Перестройка психологической науки», которые представлены в журнале в конце 1980-х годов.

Происходили метаморфозы и в названиях самих рубрик. Например, одна из самых главных рубрик журнала, существующая с первого номера до наших дней, сначала называлась «Методологические и теоретические проблемы», а впоследствии стала называться «Методологические и теоретические проблемы психологии». Теория с методологией в названии этой рубрика также несколько раз менялись местами. Но это было, как нам кажется, поиском наилучшего названия, который не сильно отражался на содержании рубрик, и вряд ли статьи, опубликованные в рубриках под разными названиями, сильно отличаются по качеству и затрагиваемым научным проблемам.

А вот в динамике названия другой рубрики, как нам представляется, нашли отражение более серьезные научные и научно-организационные изменения. Изначально в «Психологическом журнале» была рубрика «Инженерная психология». Известно, что Б. Ф. Ломов, основатель и первый директор Института психологии АН СССР, а также первый главный редактор «Психологического журнала» был создателем первой в нашей стране лаборатории инженерной психологии и, соответственно, придавал большое значение развитию этой отрасли психологии. Возможно, именно поэтому изначально для публикаций по инженерной психологии выделили отдельную рубрику, и изначально был замысел сделать ее постоянной. Однако в ней напечатано небольшое количество статей в самом начале 1980-х годов — лишь во второй и третий год издания журнала.

Уже в первые годы издания журнала к «инженерной» прибавляется «психология труда». Всего в рубрике «Инженерная психология и психология труда» в период с 1981 г. по 1989 г. были опубликованы 32 статьи. Рубрика также называлась «Психология труда и инженерная психология» (в таком рубрикаторе было опубликовано 13 статей в 1986–1989 гг.). Логично предположить, что изменение порядка отраслей в названии рубрики отражало более общую тенденцию превалирования исследований в области психологии труда над исследованиями в области инженерной психологии. Отметим также, что отдельная рубрика «Психология труда» тоже была представлена в «Психологическом журнале». В ней были опубликованы в 1983 г. две статьи. По всей видимости, изначально планировались две отдельные рубрики: «Инженерная психология» и «Психология труда», впоследствии объединенные в одну, которая, в свою очередь, поменяла название к концу 1980-х годов.

Мы привели небольшое количество примеров, иллюстрирующих возможный формальный анализ журнальных публикаций с выделением количественных показателей. Для историков психологии, конечно, наиболее интересен анализ содержательный. Кроме анализа собственно текстов могут быть проанализированы заголовки, ключевые слова и списки литературы. Подобная работа запланирована нами для будущих исследований.

Заключение

В статье раскрыта лишь малая часть возможностей использования электронной библиотеки. Сама библиотека является инструментом ученого, созданным с целью оказания ему помощи в решении уже существующих или поставке новых научных задач. Окончательное наполнение интернет-ресурса материалами запланировано к концу 2017 г., тогда же будет создана база данных, описанная в статье выше.

Мы надеемся, что данный проект¹ будет иметь продолжение, поскольку существует еще масса научно-организационных и технических аспектов, которые могли бы помочь исследователям, например подготовка именного и предметного указателей (что, безусловно, представляет отдельную задачу), создание инструментов для анализа цитируемости, который мог бы быть использован для научных целей, а не для оценки качества той или иной работы, и др.

---

¹ Автор выражает благодарность В. И. Коннову и Н. Е. Шаталовой за помощь в подготовке и реализации проекта.

Литература

- Артемяева О. А.* Социально-психологическая детерминация развития российской психологии в первой половине XX столетия. М., 2015.
- Ждан А. Н.* Издательская деятельность как направление работы Московского психологического общества (1885–1922) // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции. В 5 т. / Д. Б. Отв. ред. Богоявленская. М., 2015. Т. 1. С. 151–153.
- Кольцова В. А.* История психологии: Проблемы методологии. М., 2008.
- Интернет-ресурс «Архив „Психологического журнала“. 1980–1990 гг.». URL: <http://psy-journ.ru> (дата обращения: 21.09.2016).
- Bohannon J.* Who's downloading pirated papers? Everyone // Science. 2016. 29 Apr. V. 352. Issue 6285. P. 508–512. DOI: 10.1126/science.352.6285.508.

Пути интеграции российской психологии в мировое научное психологическое сообщество¹

Н. А. Логинова (Санкт-Петербург)

К постановке проблемы

Проблема интеграции отечественной психологической науки с мировой психологией, включение в ее основное русло, так сказать мейнстрим, волнует российских психологов, по крайней мере, с начала 1990-х годов. При обсуждении этой проблемы возникает ряд вопросов.

Первый круг вопросов: зачем это нужно нам самим? Не утратим ли мы в интеграционном процессе свою самобытность? Что будет с традициями отечественной психологии, ее научными школами в результате глобальной интеграции?

Второй круг вопросов: чем мы можем быть интересны для зарубежных коллег, что ценного и уникального может предложить отечественная психология для мирового научного сообщества? Иначе говоря, зачем с нами будут сотрудничать иностранные коллеги?

Третий круг вопросов – инструментальный. Каковы препятствия и трудности в осуществлении интеграционного процесса и пути их преодоления?

Из всего вышперечисленного вытекает последний вопрос: при каких условиях российская психология может занять достойное место в системе мировой психологии?

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-06-00668.

История международных научных связей в отечественной психологии

Обсуждение поставленных вопросов следует предварить краткой исторической справкой. Международные контакты российских, включая советских, психологов развивались до начала 1930-х годов. Но они были преимущественно односторонними. До революции для российской интеллигенции обычной практикой были поездки за рубеж, учеба в западных университетах, особенно германских, публикации в иностранных журналах на немецком, французском и реже на английском языках. Признание мировой науки приобрели выдающиеся русские ученые. Так, И. М. Сеченов был избран Почетным председателем первого международного психологического конгресса 1889 г. в Париже. Дореволюционные поколения психологов проходило стажировки в Европе, в первую очередь в Германии и Франции (В. М. Бехтерев, А. П. Нечаев, В. Ф. Чиж, Г. И. Челпанов и др.).

После Октябрьской революции 1917 г. ситуация изменилась. Поездки за рубеж были взяты под строгий государственный контроль, стали реже и к началу 1930-х годов практически прекратились. И все же наука по сути своей является интернациональной. Связи советской России с зарубежьем не могли прерваться полностью. Российские ученые нуждались в достижениях передовой мировой науки. Даже при наличии «железного занавеса» в предвоенные годы в нашей стране проводились международные конференции и конгрессы. Так, в 1931 г. в Москве проходила VII международная конференция по психотехнике, а в 1935 г. в Ленинграде состоялся международный конгресс физиологов. И. П. Павлов был единодушно назван первым физиологом мира¹.

В современной психологии эти и другие факты приводят как весомый аргумент против утверждения о полной изоляции советских ученых от мирового психологического сообщества (Ясницкий, 2011). Естественно, международные контакты ученых резко затруднились, но все же не прервались в военный период и первые послевоенные годы, когда связь советских граждан с иностранцами расценивалась как преступление. В те годы люди опасались видаться или переписываться даже со своими родственниками, живущими в других странах.

Международные связи стали постепенно возрождаться и укрепляться после XX съезда КПСС (1956), осудившего культ личности Сталина. В конце 1950-х годов, в период начавшейся «оттепели», наши психологи стали все активнее выезжать за рубеж на научные конференции, конгрессы, участвовать в деятельности международных научных организаций, обмениваться с иностранными коллегами опытом организации науки и образования. Их труды довольно часто издавались в странах социалистического лагеря – в Болгарии, ГДР, Китае, Польше, Чехословакии, Югославии и др.² В Советском Союзе уже со второй половине 1950-х годов обучались студенты из этих стран. В этом проявлялась политика СССР, направленная на укрепление своего идейного влияния в стра-

1 Стоит отметить, что связи с зарубежными коллегами у Павлова всегда были обширны и двусторонни (см.: Пастухов, URL).

2 Например, книги Б. Г. Ананьева «Психология чувственного познания» и С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» были изданы на немецком языке (Ananiev, 1963; Rubinstein, 1971).

нах, присоединившихся после Второй мировой войны к социалистическому лагерю.

Советские психологи представлялись в международных научных организациях. Так, Б. Ф. Ломов с 1972 г. являлся членом Исполкома Международного союза психологических наук, дважды избирался его вице-президентом. В Москве в 1966 г. был проведен на высоком уровне XVIII международный психологический конгресс, участником и спикером которого был выдающийся швейцарский психолог и философ, создатель Женевской школы генетической психологии Жан Пиаже. До этого он был связан с советской психологией, благодаря научной переписке с Л. С. Выготским. В 1970 г. состоялось второе посещение Пиаже СССР. Его пребывание в нашей стране являлось важным событием для всех советских психологов.

В СССР приезжали и другие известные иностранные психологи: в 1930-е годы — К. Левин и К. Коффка, в 1958 г. — Г. Мюррей и др. Мюррей встречался и с ленинградскими психологами, в том числе с Б. Г. Ананьевым, Б. Ф. Ломовым, В. Н. Мясищевым (Murray, 1959). Постоянно посещали нашу страну психологи из социалистических стран (Г. Пирьев из Болгарии, К. Обуховский из Польши, М. Форверг из ГДР, Д. Ковач из Чехословакии и др.), участвующие в научных мероприятиях, проводившихся в нашей стране, публиковавшие свои работы в издаваемых в СССР научных трудах. В 1980-е годы под эгидой советских психологов совместными усилиями ученых СССР, ГДР, Болгарии, Польши Венгрии, Чехословакии разрабатывался масштабный научный проект по изучению и общению тенденций развития и достижений психологии в социалистических странах. В рамках реализации этого проекта проводились научные конференции, включая «Встречу психологов Придунайских стран» в Ростове. Результатом научного взаимодействия было издание совместных трудов. Так, в конце 1980—начале 1990-х годов под редакцией К. А. Абульхановой вышел двухтомный труд «Психология личности в социалистическом обществе» (1989—1990), в который вошли работы ученых социалистических стран: Я. Рейковского (ПНР), А. Коссаковскина (ГДР), И. Данча, И. Раншбурга, Ф. Патаки (ВНР), Я. Яноушека, Я. Гудечека, И. Кхола, М. Брихцина (ЧССР).

В 1980-е годы сотрудниками Института психологии АН СССР и американскими учеными, возглавляемыми М. Коуллом, проведена серия совместных эмпирических исследований по изучению влияния общения на результаты совместной познавательной деятельности.

Особенно активизировались научные контакты зарубежных и российских психологов в годы перестройки. Посещавшим в эти годы Россию ученым было интересно увидеть своими глазами, как происходит коренное обновление страны. Важными событиями в области международного сотрудничества стали приезд в Россию и выступления перед российскими психологами Карла Роджерса (1986) и Виктора Франкла (1986, 1991).

В XXI в. обмен учащимися и специалистами, стажировки и чтение лекций в зарубежных университетах стали обычными не только для московских и петербургских, но и региональных вузов. Например, психологи Новосибирского государственного университета наладили контакты с американскими учеными — последователями Б. Скиннера и его дочерью. Доцент НГУ А. А. Федоров сделал первый перевод на русский язык книги Б. Скиннера «По ту сторону свободы и достоинства» (2015).

В 1990-е годы ученые Института психологии РАН организовали международные кросс-культурные исследования по проблемам социального мышления и социальных представлений. Были изучены особенности правовых представлений российских и французских граждан (совместно с французскими психологами), имплицитных концепций интеллекта западноевропейских и восточноевропейских личностей (совместно с финскими психологами), политических представлений (совместно с польскими учеными) (Абульханова, 1997). Мегагранты с иностранным участием вошли в научную жизнь российской науки. Показательные примеры этому есть сегодня на факультете психологии СПбГУ.

И хотя международные связи российских психологов успешно развиваются, тем не менее, российская психология слабо представлена в англоязычной литературе. Российских ученых редко упоминают в энциклопедиях и учебниках по психологии. Зарубежные коллеги интересуются преимущественно нашими эмпирическими исследованиями, главным образом в области социальной патологии (психологические аспекты наркомании, ВИЧ, сиротства, алкоголизма, преступности).

Теоретические исследования, ставшие для нас классическими, мало известны и слабо востребованы за рубежом. Причина видится нам в том, что по своей сути российские психологические теории с трудом поддаются даже простому пересказу. Они созданы на основе философского антропологизма и марксизма, что определяет их самобытность. Американским, английским, французским и другим зарубежным коллегам трудно понять строй мысли российских ученых. Но стремление понять нашу психологию существовало и раньше — во времена СССР и в годы перестройки. Подтверждением этого является проведение совместных научных конференций по инициативе зарубежных психологов, издание совместных монографий и сборников на русском и английском языках.

Перспективы и условия расширения международных связей российских психологов

Интерес к российской психологии будет оставаться и даже расти, если будет развиваться сама российская психология как самобытная и в то же время открытая научная школа со своим взглядом на общие проблемы, в том числе проблемы человека. В основе российской психологии лежат принципы, которые вошли в ее плоть и кровь и, несмотря на идеологические новации и влияние западных теорий и философии, продолжают исподволь и явно влиять на научную мысль современных психологов. К их числу относится антропологический принцип в разных его формах (субъектный, субъектно-деятельностный, личностный подход, соотношение биологического и социального в структуре человека). Системные представления о человеке в российской психологии активно разрабатывались в 1960—1980-е годы многими известными учеными — Б. Г. Ананьевым, А. Г. Ковалевым, В. Н. Мясищевым, Б. Ф. Ломовым, К. К. Платоновым и др. К новейшим теоретическим исследованиям, проведенным в русле субъектного подхода в школе С. Л. Рубинштейна, относятся работы К. А. Абульхановой и ее учеников. В 1990—2000 гг. она, по существу, создала новую — временную — теорию изучения личности (Абульханова, 1991; 2003). В ее работах личность представлена как ор-

ганизатор времени собственной жизни, выделены типы временной организации личности, временные режимы, в которых тот или другой человек оптимально функционирует. Сложилась целостная теория жизненного пути личности в историческом и биографическом времени. Эти достижения в психологии личности находятся на мировом уровне; они должны стать достоянием мировой психологической науки.

С российской стороны необходимо предпринять дополнительные меры, чтобы сделать отечественные исследования и теории более понятными и близкими для зарубежных коллег. Решение этой непростой задачи осложняется отсутствием достаточного количества российских авторов, свободно общающихся и пишущих на английском языке, а также неразработанностью терминологического русско-английского психологического словаря. К примеру, в английском языке отсутствует термин «деятельность» в том смысле, который принят в российской психологии. Вместо него употребляется понятие «активность», что для нас означает нечто другое, нежели деятельность. Такие же терминологические различия есть и области психологии личности. Термины «субъект» и «индивидуальность» включают для русских и англоязычных авторов не вполне одинаковое понятийное содержание. Аналогична ситуация с понятием общения. Оно отсутствует в английском языке, поэтому в англоязычных текстах оно либо заменяется понятием «коммуникация» (communication), либо не переводится, а русское слово пишется латиницей.

Российским ученым трудно опубликовать свои работы в англоязычных изданиях из-за различия требований к журнальным статьям в России и на Западе. Лишь в последнее время сделаны шаги по унификации требований к публикациям в российских журналах в соответствии со стандартами издания западной научной литературы. В общем, предстоит большая работа по интеграции российской психологической науки с мировой психологией. На этом пути необходимы специальные акции, посвященные выдающимся российским психологам.

Российская психология обладает значительным научным потенциалом. Нашими учеными разработаны оригинальные психологические теории деятельности, личности, субъекта, сознания, психического развития. В них были найдены принципиальные ответы на вопросы о сущности психического отражения, социальной природе личности, психобиосоциальной целостности человека, соотношении основных форм его существования — индивида, личности, субъекта и индивидуальности, законов психического развития.

Большая методологическая работа, которой всегда придавали первостепенное значение ученые нашей страны, обеспечила единство отечественной психологии, построение ее теоретических основ на общих принципах объективности познания, детерминизма, единства сознания и деятельности, принципов отражения, развития, антропологизма (в разных его формах), системности и др. Это единство имеет положительную сторону, поскольку позволяет работать как бы в одном большом коллективе, налаживать взаимопонимание и сотрудничество с разными научными школами. Но есть и отрицательная его сторона — идеологический ригоризм, характерный для советской психологии и, как следствие, — ущемление творческой свободы ученых, их научной мысли. Идеологический контроль не прекращался вплоть до перестроечных лет.

Во второй половине 1980-х годов настала эпоха социальных перемен и либерализации в политике и науке, а вместе с тем время некритического принятия всего заграничного как априори лучшего по сравнению с отечественным. В аналитических публикациях ученых отмечено начавшееся тогда колебание между двумя полюсами — полюсом методологического анархизма, проявляющегося в отрицании традиций, нигилизме по отношению к отечественной науке, сочетающихся с низкопоклонством, эпигономством по отношению к западной психологии, и полюсом сохранения самобытности и возвышения наследия отечественной психологии, особенно дореволюционной (Юревич, 2009). При этом основная масса современных психологов мало задумывается о своей методологической ориентации и берет все, что может найти полезного, с их точки зрения, для своей преподавательской деятельности в системе образования или практической психологической работы с клиентами. Эпигономство никому не интересно, а вот самобытное интересно, о нем хочется дискутировать, чтобы вычленивать то, что достойно развития и пропаганды, и то, что останется в архиве курьезов научного развития.

Российской психологии есть чем гордиться и есть что предложить мировому психологическому сообществу. Во-первых, это ее разработки проблем духовного уровня существования человека. Духовная ориентация была свойственна дореволюционной философской психологии, и она возрождается в новейшее время (от А. И. Введенского, И. А. Ильина, Л. С. Франка и др. до В. Д. Шадрикова, В. А. Пономаренко, В. И. Слободчикова, А. А. Гостева, Б. С. Братуся, В. Е. Семенова и др.). Во-вторых, естественно-научная ориентация психологической науки с ее стремлением к объективности познания и успехами в разработке психофизиологической и психофизической проблем (от И. М. Сеченова, В. М. Бехтерева, И. П. Павлова, Б. Г. Ананьева, Б. М. Теплова и др. до современных ученых — Л. А. Головей, М. А. Холодной, Н. И. Чуприковой, Ю. И. Александрова, В. М. Русалова и др.).

И. А. Мироненко пишет о том, что российские ученые имеют преимущество именно в разработке проблемы биологического и социального как нередуцируемых и нераздельных уровней существования человека. По ее мнению, эти преимущества в понимании сложной биосоциальной диалектики природы человека могут привлечь интерес ученых Запада к российской психологии. При этом И. А. Мироненко считает, что только Запад поможет нам сохранить аутентичную субъектно-деятельностную психологическую теорию, разработанную преимущественно в советский период (Мироненко, 2015). С этим нельзя согласиться. Ведь речь идет о нашей науке, и заботиться о ней нужно нам самим.

Лучшие исследования современных российских психологов, работающих в разных проблемных областях, имеют все шансы стать мировым достоянием. Среди них отметим исследования интеллекта М. А. Холодной (2002), А. В. Брушлинского (1994), личности как субъекта жизни и его временной организации К. А. Абульхановой (1991), комплексные исследования индивидуальности в школе В. С. Мерлина (Психология..., 2011), индивидуальности и психического развития в школе Б. Г. Ананьева, психосемантические исследования В. Ф. Петренко, фундаментальные работы по проблеме способностей, выполненные в Институте психологии РАН и Психологическом институте ПИ РАО, и мн. др.

Как это ни парадоксально звучит, но рыночные механизмы действуют и в области фундаментальной науки. Популяризация, создание мировой знаменитости

из тех деятелей науки, кто уже вошел естественным образом в пантеон российской психологической науки, — так сегодня ставится одна из практических задач введения российской психологической науки в мировую.

Каковы механизмы обеспечения популярности того или иного выдающегося ученого, научного направления или даже национального научного сообщества в целом? Есть два ярких примера успешного введения научного наследия российских психологов в мировую психологию. Речь идет о Л. С. Выготском и С. Л. Рубинштейне.

Подвергавшийся в последние годы огульной жесткой критике на родине, Л. С. Выготский усилиями своих последователей и учеников попал в число самых популярных психологов мира (по данным, приведенным Американской психологической ассоциацией¹).

В продвижении творческого наследия этого замечательного ученого большую роль сыграл А. Р. Лурия, который неустанно пропагандировал идеи своего учителя за рубежом. После ряда специальных мероприятий — издания посвященных ему статей и книг, адаптированных к зарубежному читателю текстов самого Выготского², проведения конференций к юбилейным датам ученого, переиздания его трудов на русском³ и иностранных языках (особенно английском), включающих развернутые комментарии и глубокий анализ его взглядов — популярность и авторитет Выготского резко возросли. За рубежом появились научно-психологические общества, объединяющие его сторонников. Утверждение Льва Семёновича Выготского в мировом научном пространстве завершилось на страницах учебников, изданных за рубежом на английском языке (например, Craig, Vaucum, 2002). У современных иностранных читателей даже складывается представление, что в российской психологии нет никого другого, заслуживающего внимания, кроме Выготского. Но это, конечно, не так.

В 2000-х годах ученикам С. Л. Рубинштейна и его последователям из Института психологии РАН удалось издать избранные труды ученого во Франции. Этому способствовало проведение длительного семинара с французскими психологами, на котором разъяснялись сущность и особенности философско-психологической концепции Рубинштейна. Работа с французскими партнерами увенчалась успехом (Носуленко, 2008). Были и другие «пропагандистские» акции. В России проведены конференции с международным участием, посвященные Сергею Леонидовичу. С большим успехом прошли мероприятия к столетию со дня его рождения в 1989 г. и другим круглым датам. Благодаря усилиям К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, Б. Ф. Ломова и др. были изданы книги о жизни и творчестве Сергея Леонидовича, серия статей в ведущих научных журналах (Абульханова, Брушлинский, 1989; С. Л. Рубинштейн..., 1989). Иностранные авторы тоже стали писать книги и статьи об этом российском ученом. Таким образом, известность С. Л. Рубинштейна за рубежом возросла и, несомненно, умножится в будущем.

---

1 URL: <http://www.apa.org/monitor/julaug02/eminent.aspx>.

2 В США изданы книги типа «путеводитель», или введение к трудам Л. С. Выготского (The Cambridge..., 2007; An introduction..., 2005).

3 Ни один российский психолог не удостоился издания полного собрания сочинений, кроме Л. С. Выготского (1983–1985).

Вместе с тем остаются «в тени» имена многих не менее достойных российских психологов. К их числу относится и Б. Г. Ананьев. Его известность все еще остается не соответствующей его месту и роли в развитии психологической науки и образования в России. Интерес к его творческому наследию не уменьшается, а растет, но только внутри нашей страны. Особенно перспективными представляются его труды по проблемам комплексного человекознания, индивидуального психического развития и структуры личности-индивидуальности, вопросам акмеологии. Важную роль в деле популяризации научного наследия Б. Г. Ананьева и созданной им научной школы играют мероприятия, организованные в Санкт-Петербурге, в СПбГУ, где разворачивалась научная деятельность этого ученого.

С 1979 г. в Санкт-Петербургском государственном университете на факультете психологии проводятся ежегодные конференции «Ананьевские чтения», в том числе с участием зарубежных ученых. В 2007 г., 2011–2014 гг. состоялись семинары и круглые столы, посвященные творчеству Б. Г. Ананьева. Большой общественный резонанс имели мероприятия в честь столетия ученого, к чему было приурочено издание книг о его творчестве и научной школе (Логина 2005; 2006). В 2015 г. и 2016 г. в рамках «Ананьевских чтений» была организована секция по истории российской психологии, на которой сделаны доклады о петербургских психологах, о месте научной школы Б. Г. Ананьева и в целом петербургской школы в современной психологической науке. Участие иностранных психологов в этих и подобных мероприятиях, конечно, способствует росту известности российской психологии в научно-психологическом мировом сообществе. В этом также положительную роль играют выступления петербургских психологов на зарубежных конференциях. Таких фактов в последние десятилетия становится все больше.

Пока слабо используется и такой путь интеграции отечественной психологической науки с мировой, как издание лучших российских монографий на английском языке. В СССР была практика англоязычных изданий и таким образом распространения в мире трудов известных российских психологов. В настоящее время существует возможность издания в нашей стране англоязычных вариантов произведений российских авторов при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Пока этот путь популяризации отечественной психологии не реализуется. Правда, есть англоязычный журнал «Psychology in Russia: State of the Art», издаваемый Российским психологическим обществом, в котором публикуются статьи отечественных психологов, ориентированные на зарубежного читателя. В США издается англоязычная версия российского журнала «Общественные науки и современность» — «Social Science. A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences», где публикуются переводные статьи, в том числе по психологии.

По моему мнению, главным препятствием для интеграции в мировую науку является нелегкое положение и противоречивое состояние российской психологической науки: ее хаотичное развитие в неустоявшейся системе новых общественных отношений в стране. Очевидно, что политика в области науки и образовании ведется не лучшим образом на всех уровнях. Открытие в 1990-х годах множества учебных академий и университетов с низкой кадровой и материальной обеспеченностью привело к резкому росту количества дипломированных психологов при снижении их профессиональной подготовки. Резко выросло количество защищенных диссертаций, среди которых есть и бессовестный плагиат, и просто

слабые работы. По моим наблюдениям, российская психология страдает от засилья псевдоученых, стремящихся занять важные посты в науке. Ради этого они занимаются саморекламой и используют личные околонучные связи. Честные труженики науки рискуют быть вытесненными отовсюду — из редколлегий, экспертных групп, управленческих научных структур. К тому же многие из лучших исследователей сами уклоняются от управления наукой и образованием ради возможности заниматься чисто исследовательской деятельностью. Такой эскапизм не лучшим образом сказывается на состоянии дел в науке.

Между тем накапливаются нерешенные проблемы развития отечественной психологии. Готово ли молодое поколение психологов к их решению? Хочется надеяться, что готово, по крайней мере, лучшие из них. Но если нынешняя ситуация с явными приметам декаданса будет продолжаться и далее, то нам не с чем будет выходить на мировую арену, кроме как с проверенным научным багажом, созданным классиками отечественной психологии 30–50 и более лет назад.

Заключение

Подводя итоги обсуждения вопроса о включении российской психологии в лице ее наиболее авторитетных, продуктивных ученых в мировую психологическую науку, выражаем уверенность, что этот процесс идет и будет продолжаться. Главное — развивать то лучшее, что создано нашими предшественниками, удерживать высоту теоретизирования с опорой на достоверный и надежный эмпирический материал, бороться за чистоту науки, защищать ее от псевдоученых и их «теорий». Короче говоря, всеми силами умножать научность российской психологии.

Литература

- Абульханова К. А. Стратегия жизни. М., 1991.
- Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время жизни и время личности. СПб., 2001.
- Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна. М., 1989.
- Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
- Логинова Н. А. Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева. СПб., 2005.
- Логинова Н. А. Борис Герасимович Ананьев: Биография. Воспоминания. Материалы. СПб., 2006.
- Носуленко В. Н. Антология «Рубинштейн сегодня» — результат совместных исследований российских и французских ученых // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 130–133.
- С. Л. Рубинштейн: Биография. Воспоминания. Материалы. М., 1989.
- Пастухов В. А. Последний физиологический форум академика И. П. Павлова. URL: http://nobel-centre.com/wp-content/uploads/2015/01/pastuhov_phys_forum.pdf.
- Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности. Т. 1 / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской и Б. Ф. Ломова. М., 1989.
- Психология личности в социалистическом обществе: Личность и ее жизненный путь. Т. 2 / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской и Б. Ф. Ломова. М., 1990.

- Юревич В. А.* Российская психология в мировом мейнстриме // Методология и история психологии. 2009. № 3. С. 76–89.
- Ясницкий А.* Об изоляционизме советской психологии: научные публикации 1920–1930-х гг. // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 124–136.
- Ananiev B. G.* Psychologie der sinnlichen Erkenntnis. Berlin, 1963.
- Craig G. J., Baucum D.* Human Development. Ninth Edition. N.J.: Prentice Hall–Pearson Education, 2002.
- An introduction to Vygotsky / Ed. Harry Daniels. 2nd ed. L.–N. Y., 2005. XII [1].
- Murray H. A., May M. A., Cantril H.* Some glimpses of Soviet psychology // American psychologist. 1959. V. 14. № 6. June. P. 303–307.
- Rubinstein S. L.* Grundlagen der allgemeinen Psychologie. Berlin, 1971.
- The Cambridge Companion to Vygotsky / Eds H. Daniels, M. Cole, J. V. Wertsch. N. Y.: Cambridge University Press, 2007.

Версии происхождения научного знания: психолого-исторический аспект

А. Н. Моргун (Москва)

Постановка проблемы

Современный исторический дискурс, касающийся развития различных культурных явлений, в большинстве своем тяготеет к рассмотрению социокультурных исторических факторов, детерминирующих происхождение этих явлений. При этом человек в такой галилеевской системе координат – лишь тело среди других физических тел вселенной, реактивно и страдательно вписанное в историческую действительность. А между тем человек – это живое начало, творчески перерабатывающее любые внешние воздействия в связи со своей человеческой целесообразностью. Вопрос происхождения культурных явлений, который возникает в такой перспективе, – это вопрос причин не столько исторического порядка, сколько психолого-исторического. При этом вопрос «почему?» трансформируется в вопрос «зачем?». Такая постановка вопроса дает ощущение большей понятности культурного явления в смысле его человеческой детерминированности и целесообразности. Это же относится и к такому культурному явлению, как наука.

Проблема генезиса науки

Психолого-историческое рассмотрение генезиса и эволюции научного знания устанавливает связь исследователя с любой временной точкой в истории научного знания. При этом создаются надежные ориентиры в современном историческом контексте развития науки, поскольку возникает понимание непрерывности

ти эволюции научного знания через сохранение его исходных смыслов при всем многообразии его форм на любом этапе развития.

Если описание становления научного знания как эволюции научных идей создает картину динамики культурного явления, то понимание причин, в частности, психологических¹, представляется своеобразным архэ, началом культурного явления. А психологические причины, помещенные в конкретную культурно-историческую ситуацию, образуют исходные смысловые детерминанты, сохраняющие на всем историческом пути развития свое смысловое ядро и создающие континуальную основу культурного явления.

С. Л. Франк о происхождении науки

На необходимость рассмотрения вопроса о происхождении науки в начале XX в. указывал русский философ С. Л. Франк (1877–1950). При этом он выделял, во-первых, *нравственную* составляющую этой проблемы – «быть благодарным предкам»: «Первые усилия гигантов – основа всего остального» (Франк, 2006, с. 10), во-вторых, *воспитательную*: «У первых мыслителей мы должны учиться познавать, учиться, что такое наука» (там же).

С. Л. Франк предлагает собственную версию происхождения научного знания. Используя в качестве исходного посыла нравственно-воспитательные мотивы выяснения происхождения научного знания, Франк выделяет его исторические и психологические причины. В своем кратком конспекте лекции, написанной предположительно в конце 1910-х годов во время работы в Саратовском университете, которая так и называется «Происхождение науки», Франк хотя и широкими мазками, но довольно убедительно дает описание исторических и психологических причин возникновения научного знания. По мнению Франка, наука – это не ученость и не знание: «Религиозные знания древних евреев, индусов, технические знания египтян (пирамиды), вавилонян (астрономия), финикий (мореплавание, письмо)... вавилоняне, знали астрономию, но только чисто эмпирически и для целей астрологии...» (там же). Франк указывает на «догматический и утилитарный характер [этого – А. М.] знания» и не считает его научным. Аргументируя это положение, Франк отмечает, что утилитарный характер знания делает его *фрагментарным и подчиненным условиям текущей необходимости*, наука же, по его мнению, – «свободное и бескорыстное знание» (там же, с. 11). Подлинное понимание и осмысление, открытие глубоких связей возможно только там, где существует знание свободное и бескорыстное, т. е. лишенное условностей и вынужденности. Это требование к науке не может возникнуть нигде, кроме как в самой природе человека.

Согласно Франку, наука возникла в Древней Греции, что не является новостью, однако оригинальной является попытка автора представить связанную совокупность причин возникновения науки – исторических (географических, религиозных, этнических) и, что особенно важно, психологических. Он выделяет внешние

---

1 Именно психологические факторы, на наш взгляд, являются решающими: поскольку именно человек является субъектом научного творчества, то в нем, в конце концов, необходимо искать и главную причину возникновения научного знания.

и внутренние факторы возникновения науки. К внешним факторам (причинам) он относит *географические* (жизнь у изрезанных бухтами морских берегов, окруженность древними народами, мореплавание) и *религиозные* (отсутствие догматической религии и ее стеснений). Являясь, благодаря своему географическому положению, своего рода торгово-транспортным узлом, Древняя Греция становится также местом сосредоточения интенсивных информационных потоков, несущих в себе многообразие культурных артефактов и феноменов народов и стран, имевших торговые связи с Древней Грецией. Второй из внешних причин, способствующих росту интеллектуального потенциала древних греков, было отсутствие религиозных ограничений и, более того, даже покровительство античными богами «свободным занятиям». Антропоморфность античных богов делала их близкими человеку, а их «сверхспособности» означали свободу от эмпирических условий (или, более того, — власть над условиями), и через покровительство занятиям человека боги сообщали и ему эти свои свойства. Таким образом, религиозный фактор содействовал развитию «свободных занятий», к числу которых относится и наука (боги, покровительствовавшие такому роду занятий, — Афина и Гермес).

Таковы, по мнению Франка, исторические условия, способствовавшие возникновению науки.

К внутренним, *психологическим, факторам* Франк относит исключительную одаренность греческого духа, характеризовавшегося совмещением «двух дарований — художественной фантазии с пронизательностью и логической силой анализа» (там же). Благодаря оригинальности «греческого гения», «греки ничего не принимали на веру, не принимали без переработки» (там же). Добавим, что это качество также могло быть связано с потребностью в сохранении своей культурной идентичности. Указанное выше обилие информационных потоков могло спровоцировать размывание культурной идентичности, ее потерю в многообразии ассимилируемой информации. Таким образом, стремление переработать этот вначале чужеродный, но, несомненно, ценный культурный опыт возможно понимать, как форму продуктивного сопротивления давлению на этно-культурную идентичность греков. Художественная фантазия, названная Франком в качестве еще одного уникального свойства греческого гения и проявляющаяся в «чувстве меры», позволяла грекам доводить свою мысль до предельной эстетической ясности, которая, в свою очередь, была необходимой составляющей психологической удовлетворенности от такого рода духовно-психологической работы. Древние греки оформляли свое отношение к природе вначале в виде анимизма (в то время как иные народы, по словам Франка, оставляли свое отношение к природе неопределенным), в «прекрасных живых образах».

Далее Франк переходит к аргументу, который кажется не столь существенным в общем перечне факторов возникновения науки, но именно он является достаточным для последнего. Он указывает на *логическую потребность, влекущую к объединению*. Творческая образная деятельность греков¹ в отношении к природе вступает в диалектические отношения с познавательной (логической, в терми-

---

1 Говоря о «греках» в данном случае, мы имеем в виду не общность, этнос, но каждого отдельного представителя этно-культурной общности. Здесь речь идет об индивидуальных психологических характеристиках, но детерминированных этно-культурной спецификой.

нологии Франка) потребностью. Эти два качества греков, выходя на первый план сознания философа, как бы ищут абсолютного удовлетворения и в конце концов, находят его в *единобожии*, т. е. в единстве и непротиворечивости картины мира. Не удовлетворившись дискретным анимизмом, «греки чисто умственным процессом, научной мыслью дошли до единобожия. Подвергли критике политеизм и антропоморфизм и дошли (окончательно в лице Аристотеля) до чисто духовного представления о едином Боге. На этой почве в шестом веке до Р. Х. родилась наука в древней Греции» (там же).

Античные философские школы, осуществлявшие поиск единого начала мира, подтверждают версию Франка о происхождении науки. Милетская философская школа в лице своих основных представителей — Фалеса (начало мира — вода), Анаксимандра (в основе всего — апейрон), Анаксимена (начало всего — воздух); Эфесская философская школа Гераклита (начало всего — огонь), Элейская школа — Парменид, Зенон, Мелисс (концепция единство бытия) — были устремлены на когнитивную реконструкцию единства мира.

В подтверждение этой версии происхождения науки, связывающей ее возникновение с базовой психологической потребностью человека, можно привести теорию базовых потребностей Абрахама Маслоу. Мир для наблюдателя очевидно многообразен и изменчив, и признание фатальности многообразия и изменчивости мира не позволяет проявиться доверию к нему. Единство мира, приносящее удовлетворение и доверие миру, появляется на когнитивном уровне в результате познания и рассуждения. Но как чувство безопасности не переживается как нечто окончательное, а содержит в себе препотентность к высшему переживанию, так и «удовлетворение когнитивных потребностей приносит человеку... чувство глубочайшего удовлетворения, оно становится источником высших, предельных переживаний. <...> Доподлинное счастье человека связано именно с этими мгновениями причастности к высшей истине. <...> Человек, узнав нечто, не останавливается на достигнутом, он стремится к более детальному, но в то же самое время и к более глобальному знанию, он пытается вплести его в некую философскую или теологическую систему» (Маслоу, 1999, с. 71). В этом проявляется связь когнитивных потребностей и потребностей конативных (в частности, потребности в безопасности). Предельное, абсолютно состояние удовлетворения от человеческого познания, согласно Маслоу, — это такое состояние «глобального знания», которое, в свою очередь, порождает понимание, т. е. есть возможность включения новых фактов в устоявшуюся картину мира: «...человек стремится к пониманию, систематизации и организации, к анализу фактов и выявлению взаимосвязей между ними, к построению некой упорядоченной системы ценностей» (там же).

Общий характер философских доктрин представителей античной науки — это стремление к максимально полному удовлетворению логической (познавательной) потребности, находящей себя в единой и непротиворечивой картине мира.

С.Л. Франк определяет также отличие античной науки от современного ему научного знания: 1) современная наука — специальная; у греков вначале была единая наука; 2) наука специальная теперь не занимается вопросами общего мирозерцания; у греков она рассматривает самые глубокие и общие вопросы. «Наука = философия» (Франк, 2006, с. 11). И далее он заключает: «В идее всякая наука такова, есть единая наука о мирозерцании» (там же).

Таким образом, согласно Франку, достаточным основанием для возникновения научного знания выступает *когнитивная потребность человека*, стремящаяся из хаоса эмпирических фактов *создать единую и непротиворечивую когнитивную картину мира*. Именно достижение этой цели обеспечивает удовлетворение базовой потребности, порождая, с одной стороны, понимание, с другой стороны, высшие предельные переживания, препотенциально ощущаемые в каждом отдельном познавательном акте.

Ж.-П. Вернан о происхождении науки

Еще одна версия трактует происхождение науки *прагматически*. К ней относится подход французского историка и антрополога Ж.-П. Вернана (1914–2007) — его «политогенная теория мышления». Возникновение и развитие рационального сознания (как первой формы мудрости, идентичной научному знанию), согласно Ж.-П. Вернану, связаны с вызреванием «определенных психологических структур, которые... производны от социально-политических и культурных изменений» — появления античного города-полиса как социально-политической системы (цит. по: Шкуратов, 1997, с. 238). «Что касается религиозных фактов: мифов, ритуалов, символических представлений и философии, науки, искусства, социальных институтов, фактов техники или экономики, то мы всегда их рассматриваем в качестве творений как выражение организованной ментальной активности. В этих творениях мы искали то, что есть сам человек, — того человека, древнего грека, который не может быть отделен от социальных и культурных условий, которых он одновременно и создатель, и продукт», — пишет Вернан (Vernant, 1965, p. 97; цит. по: Шкуратов, 1997, с. 132).

По мнению Вернана, рациональное сознание возникает в Древней Греции, однако «греческий рационализм не является счастливым порождением национального духа» (там же, с. 240), а выступает реакцией адаптации к сложившимся политическим условиям. Дорийские вторжения XII в. до н. э. разрушают привычный уклад микенской государственности с ее архаическим сознанием, связывавшим всевозможные формы стабильности (экономическую, социальную, духовную и др.) с сакральной фигурой царя-анакса. «Деспотическая система управления сменилась неустойчивым политическим равновесием противоборствующих сил: группировок родовой аристократии и сельских общин. Последствия, которые будет иметь новая историческая ситуация для судеб европейской культуры, огромны. Поиск равновесия, согласия между этими противостоящими силами, которые высвободились с крушением дворцовой системы и которые время от времени приходили в столкновение друг с другом, вызывал к жизни нравственную рефлексию и политические спекуляции, определившие первую форму человеческой „мудрости“» (Вернан, 1988, с. 60).

Рациональное сознание явилось реакцией на утрату опоры архаического сознания с его «детским» упованием на «родительское» всемогущество обожествленного царя. Образовавшиеся новые формы государственности продолжали линию рационализации (и попутно — десакрализации) общественных отношений. В «темные века» (Гомеровский период) раннеклассовые предполисные социальные структуры связывали политическую иерархию с родовитостью, в поздние архаические — с ти-

ранней и фактором военной силы, в классический период — в эпоху развитой демократии — с демократией, т. е. всеобщим равенством перед законом. Именно закон, т. е. «порядок общества и космоса», находимый, понимаемый и воспроизводимый, становится и целью, и действительностью самосознающей реальности — разума, форм сознания, актуализирующихся с утратой чувственной связанности архаического человека и обожествленного правителя. Архаическое мифологическое сознание испытывало дефицит самосознания: человек ощущал себя частицей природы, растворенной в ней и не противопоставляющей ей свое «Я». С утратой мифологической связанности с внешним в индивидуальном сознании постархаического грека обнаруживается реальность познаваемого внутреннего плана, о чем свидетельствует возникновение в классический период Античности концепции микрокосма (как эквивалента самопознания). «Мифологический мир сплошь чувственный, и поэтому нарушить его — значит совершить нечто большее, чем испортить объяснение. Потому в постмифологии так много кошмара заглатывающей бездны. Отсутствие чувственного фактора очень тревожит человека. <...> Цель — создать интеллектуальный оплот против несуществования. Мудрость интересуется не знанием, как таковым, а целостным человеком в мире» (Шкуратов, 1997, с. 242).

Утрата чувственной «континуальности» создает предпосылку для поиска стабильности и *единства* мира на новом умопостигаемом уровне путем связывания части (раздробленного чувственного мира, хаоса) и целого (мира умопостигаемого, порядка). Таким целым становятся *идеи, идеалы*, представленные в общественных отношениях целями. Для античного философа, занимавшего видное место в системе управления городом-полисом, порядок, разум — это, как уже было сказано, средство политической спекуляции, т. е. воздействия на других людей: «разум... позволяет воздействовать на людей, а не преобразовывать природу, разум политический в том смысле, в каком Аристотель определяет человека как политическое животное» (Вернан, 1988, с. 20). Но одновременно разум — это и средство нравственной рефлексии. Идеалом демократического общества античной Греции классического периода являлось всеобщее участие в общественной жизни¹. Вот почему в классический период возникают такие философские проблемы, как всеобщая идея Блага (Платон), проблема Логоса как общего закона (Гераклит). Происхождение этих идей следует связывать не с желанием достичь абсолютной отвлеченности, а с декларацией целей *всеобщего порядка* (главным образом общественно-го) и инструментами его достижения.

Таким образом, вторая версия происхождения научного знания связывает возникновение рациональных идей с развитием общественной ментальности. Наука здесь понимается как *средство достижения общественного порядка*, который, в свою очередь, выступает системообразующим фактором общественного развития.

Ф. А. Йейтс о происхождении науки

Третья версия представлена английским историком Френсис Амалией Йейтс (1899—1981), которая связывает возникновение науки с *эзотерической практикой*.

1 Напомним, что идиотом в Древней Греции именовался человек, не участвующий в общем собрании граждан города-полиса, т. е. безучастный к демократическому общественному управлению.

По сути, этим подходом постулируется связь науки с экзистенциальной проблематикой человека, обусловленной осознанием несовершенства эмпирической действительности и попыткой вырваться за ее пределы. Такие попытки Йейтс усматривает в эзотерике в творчестве философа Джордано Бруно. Однако если мы обратимся к более ранним этапам истории, то обнаружим сходные предпосылки и мотивы и там: «Эзотерическое и научное (рациональное) мироощущения являются постоянными спутниками, и хотя они не всегда идут рука об руку, а иногда далеко расходятся, но в самые решающие моменты „выбора пути“ оказываются рядом, влияют друг на друга. Более того, в самом истоке происхождения и науки, и философии в лоне античной культуры именно эзотерическое мироощущение являлось исходным» (Розин, 1998, с. 53). Наука в этой связи — это, так сказать, «сухой остаток» от мудрости, от проникновения в мир высших истин.

Пифагореизм — первая научная школа — был попыткой преодоления ограничений вещного мира. Цель познания в пифагореизме — обретение подлинной реальности, заключенной в идеальном мире чисел. Платоновская философия — попытка раскрытия эзотерического знания в рациональной философской системе. Платоновская философская система с ее вершинной идеей абсолютного Блага, пожалуй, в наилучшем виде раскрывает экзистенциальный характер философского учения. Экзистенциальная проблема Платона вырисовывается как поиск путей преодоления пессимистического умонастроения, свойственного его эпохе и связанного с загробной судьбой человека в царстве Аида.

Можно заключить, что наука, согласно этой версии, зарождается как *форма преодоления фатальной ограниченности, несовершенства и смертности эмпирического мира*. Формы такого преодоления могут быть многообразны: от платоновского объективного идеализма с его вершинной идеей Блага до стоического принятия необходимости и обретения через это благой целесообразности, стоящей над эмпирической действительностью. Здесь нет необходимости подробно разбирать всевозможные варианты такого преодоления, укажем лишь на то, что та или иная форма античной научной идеи (*episteme*) выводит познающего за пределы эмпирической действительности в область божественного, приобщая его к действительности последнего. «В логическом плане идеи позволяли перейти к доказательству, так как опора на идеи делала знание однозначным, непротиворечивым. В жизненном плане, однако, идея — это то, что, вероятно, отвечает идеалу мудрости: мудрый — это тот, кто обретает бессмертие именно за счет идей. В плоскости мудрости созерцание и уяснение идей было не чем иным, как обретением (со-творением мудрым) божественного мира, его порядка и сущности» (Розин, 1998, с. 56). Нужно ли говорить, что результатом такого обретения является переживание абсолютного счастья.

Заключение

Приведенные здесь версии происхождения научного знания, безусловно, не претендуют на исчерпывающее освещение всех достойных внимания точек зрения в связи с поставленным вопросом. Однако, на наш взгляд, в них раскрывает собственно человеческая заинтересованность, так сказать, человеческая «заземленность» начала такого культурного явления, как наука. Можно также отметить,

что представленные версии не противоречат друг другу, справедливы каждая в своем решении проблемы происхождения науки: первая — в аспекте индивидуальной потребностной детерминации, вторая — в ее апелляции к системе общественных отношений, третья — в рассмотрении смыслообразующих экзистенциальных факторов.

Литература

- Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли / Общ. ред. Ф.Х. Кессиди, А.П. Юшкевича. М., 1988.
- Косарева Л. М.* Рождение науки нового времени из духа культуры. М., 1997.
- Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб., 1999.
- Розин В. М.* Эзотерические предпосылки возникновения науки и философии // Социокультурный контекст науки / Отв. ред. Е.А. Мамчур. М., 1998.
- Франк С.Л.* Происхождение науки. Лекция // Известия Саратовского университета. 2006. Т. 6. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1/2.
- Фрэнсис Й.* Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000.
- Шкуратов В.А.* Историческая психология. М., 1997.
- Vernant J.-P.* Mythe et pensée chez les Grecs: Etudes de psychologie historique. Paris, 1965.

В. М. Бехтерев о значении науки в общественной жизни: аксиологический аспект

Е. М. Орлова (Москва)

В постнеклассический период развития науки все чаще актуализируется потребность в осмыслении роли и ценности научного знания в решении глобальных проблем современности, значения личности ученого в осуществлении научной деятельности и развитии науки. В этом отношении психологическая наука активно обращается к рефлексии идей ученых прошлого, исторической реконструкции их опыта, малоизвестных и отчасти забытых страниц их жизненного и творческого пути. Анализ мировоззрения ученого и его роли в развитии научного знания, рассмотрение философских и психологических оснований научной деятельности как одной из значимых областей человеческой жизни составляет область интересов антропологии науки, истории психологии и психологии научно-технического творчества. Изучение и в некоторой степени моделирование познавательных, научно-творческих и коммуникативных стратегий выдающихся деятелей науки представляется актуальным на современном этапе для подготовки молодых ученых, способных в будущем обеспечить существование и функционирование науки как социального института, составляющего инновационную основу экономического развития страны.

Необходимость осмысления значения науки в жизни общества, ее положения в системе культуры была определена уже в конце XIX—начале XX в. в связи с активным развитием и дифференциацией наук, особенно в области естествознания, а также востребованностью результатов научного труда в практике — в промышленной сфере, образовании, медицине. В качестве эталона познания мира на тот момент принимались идеалы и нормы исследований, используемые в естественных и точных науках. Таким образом, сформировалась мировоззренческая позиция сциентизма, утверждающего идеи познаваемости мира, рассматривающего науку как высшую ценность, деятельность, обеспечивающую прогрессивное развитие общества, правда, не без критики своих противников — приверженцев взглядов антисциентизма.

Анализируя познавательные и коммуникативные стратегии ученых, обратимся к жизненному и научному пути отечественного деятеля науки Владимира Михайловича Бехтерева (1857—1927), вошедшего в историю не только как выдающийся, необыкновенно многогранный ученый и талантливый организатор науки, но и как просветитель и популяризатор научного знания. Создавая свое комплексное учение, В. М. Бехтерев обозначил актуальные вопросы преобразования человека, рассматривая его как активного деятеля по отношению к окружающей его действительности. Он старался выявить и научно обосновать для общественности и власти «болевые точки» в социальной жизни России, как дореволюционного, так и послереволюционного периода развития страны. Данная позиция еще раз обращает нас к необходимости осознания внутреннего смысла и предназначения ученого в обществе, способности принятия им ответственности за судьбу разрабатываемого им научного знания и создаваемой школы, эффективного практического использования результатов научного труда. Все это составляет область исследований аксиологии науки, разрабатывающей вопросы ценностных предпосылок научной деятельности, роли духовной и идеологической составляющих в развитии научного знания.

В своих выступлениях, статьях В. М. Бехтерев указывал на тяжелые условия труда и неустроенность быта населения страны конца XIX—начала XX столетия, негативно отражающихся на состоянии его здоровья. Он неоднократно отмечал, что проблемы преступности и алкоголизации обусловлены низким образовательным и культурным уровнем народа, указывая в этой связи на необходимость реформирования и демократизации образования, распространения и использования научного знания в повседневной жизни. Он считал недопустимым создание ограничений на пути получения образования по половому, национальному или религиозному признаку и доказывал, что здоровая и просвещенная личность — это основа благосостояния государства.

Одной из главных целей ученого было всестороннее познание человека и создание прочного научного фундамента для его преобразования. Однако независимая позиция В. М. Бехтерева отразилась на его жизни и на судьбе разрабатываемой им науки о человеке. В советский период труды ученого после его кончины долгое время либо замалчивались, либо подвергались необоснованной критике. Закрепившееся за ним определение «Бехтерев-рефлексолог» закрывало пути для исследования новаторских идей, высказанных ученым, его вклада в создание и развитие многих направлений психологической науки.

Осознавая необходимость фундаментальных исследований мозга и психики человека, В. М. Бехтерев в 1904 г. на заседании Общества нормальной и патологической психологии выступил с предложением созданию для этих целей специального учреждения — Психоневрологического института, «первого в царской России вольного университета». В 1907 г. состоялось открытие Психоневрологического института и избрание В. М. Бехтерева его президентом. Со временем в структуре Психоневрологического института (с 1921 г. — Психоневрологической академии) возник целый ряд специализированных научных, учебных, лечебных и воспитательных учреждений. Важным событием в 1907 г. стало открытие Педологического института, перед которым В. М. Бехтеревым были поставлены задачи всестороннего изучения психики ребенка и его воспитания, начиная с момента рождения. Позже, в 1911 г., в структуре Психоневрологического института был создан Противоалкогольный институт, ставивший актуальные для России задачи научного изучения вопросов алкоголизма и лечения больных алкоголизмом с применением самых передовых для того времени средств: электротерапевтических процедур, сеансов психотерапии и гипноза, светолечения, трудотерапии и музыкальной терапии в созданных для этого специальных помещениях — гипноториумах. В этом же году был открыт и Криминологический институт, цель которого состояла в исследовании причин и проявлений преступности и поиске путей борьбы с ней. В 1913 г. при Психоневрологическом институте была открыта первая в России нейрохирургическая клиника им. Н. И. Пирогова.

В целях повышения образовательного уровня народа и решения просветительских задач в 1917 г. при Психоневрологическом институте был учрежден «Государственный университет для народа». В его состав вошли четыре отделения: медицинское, естественно-историческое, этико-гуманитарное и отделение искусства.

В 1918 г. по инициативе ученого состоялось открытие Института по изучению мозга и психической деятельности. По инициативе и при непосредственном участии В. М. Бехтерева были основаны клиники, научные общества, журналы. В последних он руководил редакционной работой и ставил задачу привлечения внимания к научному знанию как можно большего числа людей в стране, тем самым внося вклад в развитие коммуникационной стороны научной деятельности, сближение науки и общества. Так, определяя задачи журнала «Вестник Знания», Бехтерев писал в редакционной статье: «С читателем, другом идеи самообразования, нужно говорить своим обычным языком, как с равным себе товарищем. Пишите при этом читателю не только о прочных завоеваниях науки, но и о стремлениях, исканиях и сомнениях, которые терзают лучшие умы научных работников нашего времени» (цит. по: Бехтерев Н. М., 1927, б/с). Поражает большое число созданных В. М. Бехтеревым журналов: «Неврологический вестник» (1893); «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии» (1896); «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» (1904); «Вопросы изучения и воспитания личности» (1920); «Педологический вестник» (1919); «Вестник Знания» (1926); «Обозрение психиатрии, неврологии и рефлексологии» (1925) и др.

Особое значение В. М. Бехтерев придавал созданию в стране Музея мозга для сохранения мозгов выдающихся людей науки и искусства, считая, что музей «должен быть живым учреждением научно-исследовательского и в то же время просветительского характера» (Бехтерев, 1927, с. 1318).

Огромный творческий и организаторский потенциал ученого, понимание им необходимости интеграции научного сообщества вокруг актуальных проблем развивающейся неврологии способствовали созданию условий как для формирования его научной школы, так и для усиления взаимодействия науки с обществом.

Известно, что школу В. М. Бехтерева по различным направлениям неврологии составило более пяти тысяч учеников. Во взглядах современников и близких людей он предстает как большой друг студенчества: «всегда, когда уставал от невзгод... я находил отдых за работой в общении в молодежь. Это тот якорь, который всегда спасал меня от упадка сил и давал мне новый запас энергии» (цит. по: Бехтерев Н. М., 1926б, с. 425). У него «не было фильтра, сортирующего людей по национальности, убеждениям, принадлежности к школе и т. п. Талантливость и трудоспособность — вот качества, по которым он выделял и выдвигал своих учеников» (Бехтерев Н. М., 1926а, с. 452).

Рассматривая деятельность ученого как педагога, руководящего своими учениками и стимулирующего, направляющего их научный поиск, отметим такую неотъемлемую составляющую научной работы Бехтерева, как передачу знания на невербальном уровне через совместно осуществляемые с учениками научные изыскания. Данное неявное знание (согласно идее М. Полани о личностном неявном знании) передается посредством влияния личностных качеств ученого, его жизненной позиции и поведения, отношения к науке. Приведем некоторые высказывания учеников и сотрудников В. М. Бехтерева, характеризующие, на наш взгляд, именно область личностного неявного знания, невербально передаваемого в процессе научной и общественной деятельности, в общении между учителем и его учениками. «Ваши непосредственные ученики знают, как велико Ваше личное обаяние, которое делает совместную с Вами работу легкой и увлекательной. Все знают, как Вы умеете быть простым, при всей высоте Вашей мысли, как Вы цените чужую мысль, как Вы внимательны ко всякому мнению, не исключая мнения самых младших из Ваших сотрудников», — пишут в своем обращении к Бехтереву его ученики (цит. по: Бехтерев Н. М., 1926б, с. 422). Именно это неявное знание, возможно, не содержащееся в текстах научных трудов, но побуждающее людей к познанию через восприятие личности ученого, отражено и в следующих строках брата ученого: «Ему писали как врачу-невропатологу, как ученому, постигавшему тайны самых сокровенных сторон природы человека, и, наконец, просто, как человеку, чуткость, честные взгляды и убеждения которого были очень многим известны по ярким страницам его биографии» (Бехтерев Н., 1927).

После революции 1917 г. в условиях строительства нового государства, ставившегося задачи освобождения трудящихся от угнетения, качественного преобразования их жизни, актуализировались и вопросы научной организации трудовой деятельности. Задача конкретно-научного изучения личности трудящегося, создания на производствах специальных научных центров, выполняющих исследовательскую, обучающую и профилактическую работу, занимала немаловажное место в творчестве и практической деятельности В. М. Бехтерева. Созданная В. М. Бехтеревым при Институте по изучению мозга и психической деятельности лаборатория труда ставила своей целью всестороннее изучение личности трудящегося и разработку связанных с этим вопросов физиологии, рефлексологии, гигиены и психотехники труда, подготовки специалистов по на-

учной организации труда. В качестве ближайшей задачи лаборатории выступало «научное обследование труда в производствах и отраслях народного хозяйства, имеющих особое значение для государства и вредно влияющих на здоровье рабочих» (Бехтерев, 1922, с. 127). При лаборатории планировалось создание Клиники нервных и токсических профессиональных заболеваний, Кинематографической мастерской для научного кинематографа и Музея по изучению труда и личности трудящихся. Большое значение В. М. Бехтерев придавал и моральной заинтересованности трудящегося в своей работе. Одно из решений этого вопроса он видел в создании на производстве для работников специальных условий для культурно-образовательного и физического воспитания. Своими работами В. М. Бехтерев старался решить непростую задачу совершенствования производственного процесса и максимального сохранения при этом здоровья трудящегося, что и сегодня не утратило своей значимости. Будущее развитие научной организации труда в России, по В. М. Бехтереву, должно основываться на объективных методах наблюдения и эксперимента, на базе разрабатываемой им комплексной науки о человеке – рефлексологии, приобретавшей к тому времени большую популярность как в России, так и в Европе и Америке. В. М. Бехтерев писал, что «вслед за нами, и американцы встали на путь объективного изучения человеческого поведения» (Бехтерев, 1928, с. 227), подчеркивая, что и европейские, и американские исследователи открыты для восприятия нового.

П. А. Сорокин, констатируя активное развитие психологической науки в Америке в 1914–1918 гг., обратил внимание на широкое использование объективного метода, разработанного в России И. П. Павловым и В. М. Бехтеревым (Сорокин, 1922). Профессор В. В. Срезневский также писал о том, что «во многих странах Западной Европы и Америки ведутся работы по рефлексологии школы В. М. Бехтерева» (Срезневский, 1926, с. 433). Рефлексология, создаваемая В. М. Бехтеревым, рассматривалась им как «звено, спаивающее науки о природе с науками о культуре» (Васильев, 1926, с. 429).

Практически-ориентированный и комплексный подходы к изучению и развитию человека, по В. М. Бехтереву, фокусируются не только на проблемах больного человека, но и на задачах социальной адаптации здорового человека через изменения, «в соответствии с требованиями здоровой жизни», его мыслей и поступков. В этом отношении и музыка рассматривалась ученым как мощное воспитательное и лечебное средство, облагораживающее человеческую натуру. Ценность исследований музыкального воздействия представлялась ученым в открывающейся возможности рационального применения музыки в повседневной практике врача и педагога. Конкретная форма реализации В. М. Бехтеревым комплексного подхода к исследованию влияния музыки на человека находит воплощение во взглядах ученого по данной проблеме, в его трудах, в сформулированных им задачах специально созданной в 1913 г. комиссии по изучению влияния музыки на организм, а также в планах совместной работы Психоневрологической академии и основанного при участии В. М. Бехтерева Государственного института музыкального просвещения, направленных на разработку проблем философии музыки и музыкальной психологии, изучение особенностей творческой личности¹. Всесторонняя разработка научно-музыкальных вопросов, обозначенных в пла-

1 ЦГАЛИ СПб. Ф. 42. Оп. 1. Д. 14. Л. 57; Д. 15. Л. 21–21 об.; Д. 15. Л. 30–30 об.

нах Государственного института музыкального просвещения и Психоневрологической академии, предполагала проведение коллективной научной работы специалистов в области неврологии и музыкального искусства. Необходимым являлось и соответствующее материально-техническое оснащение — лабораторий и оборудования, в связи с чем в исследованиях влияния музыки использовались лаборатории Психоневрологического института. В. М. Бехтерев говорил о необходимости создания для таких исследований и получения точных результатов специальных экспериментальных лабораторий. В. М. Бехтерев имел немалый опыт создания и руководства научно-учебными и лечебными организациями, привлечения материальных средств для их развития. И, возможно, при более удачном стечении обстоятельств, деятельность этого уникального творческого союза науки искусства по исследованию вопросов влияния музыки на человека смогла бы принести востребованные обществом результаты. Однако смерть Бехтерева прервала реализацию намеченных в этой области планов.

Таким образом, на протяжении своего научного пути В. М. Бехтерев являлся инициатором создания целого ряда научных центров, организационно закрепляющих его программы по изучению, лечению и воспитанию человека. В основу деятельности этих учреждений были положены принципы комплексности, системности, объективности исследования, объединение при реализации научных проектов ученых и практиков, специалистов различных отраслей науки и культуры. «Характерною чертою всей деятельности Владимира Михайловича является стремление объединить работников, синтезировать результаты и непрерывно стремиться вперед и вперед» (Грибоедов, 1926, с. 438).

В развитии научного знания велика роль личности ученого, его мировоззренческой позиции и организаторских способностей, особенно на переломных моментах истории. Смелость и оригинальность мысли, умение заинтересовать своими идеями отличают подлинного ученого-новатора, каким, безусловно, являлся Владимир Михайлович Бехтерев.

Литература

- Бехтерев В. М.* Задачи и план организации центральной лаборатории по изучению труда // Вопросы изучения труда / Под ред. В. М. Бехтерева, В. П. Кашкадамова, В. В. Белоусова. Пг., 1922. С. 125–128.
- Бехтерев В. М.* Пантеон мозга // Вестник Знания. 1927. № 21. С. 1315–1318.
- Бехтерев В. М.* Общие основы рефлексологии человека. Пг., 1928.
- Бехтерев Н. М.* Отзвуки юбилея в печати // Вестник знания. 1926а. № 6. С. 449–456.
- Бехтерев Н. М.* Юбилейное чествование академика В. М. Бехтерева // Вестник знания. 1926б. № 6. С. 421–426.
- Бехтерев Н. М.* Как жил и работал академик В. М. Бехтерев // Вестник знания. 1927. № 24 (Приложение).
- Васильев Л. Л.* Отец рефлексологии // Вестник знания. 1926. № 6. С. 429–432.
- Грибоедов А. С.* Друг будущих поколений // Вестник знания. 1926. № 6. С. 437–438.
- Сорокин П. А.* Состояние психологии в Америке за последние годы (в 1914–1918 гг.) // Вопросы изучения и воспитания личности. 1922. № 4–5. С. 593–599.
- Срезневский В. В.* Проведение рефлексологии в жизнь // Вестник знания. 1926. № 6. С. 433.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

**ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ
И НАПРАВЛЕНИЙ ПСИХОЛОГИИ**

Основные направления исследований социальной активности молодежи в отечественной социальной психологии

Е. С. Балабанова (Москва)

Социальная активность молодежи являлась предметом изучения в разные периоды времени и в различных отраслях науки. В течение XX в. было разработано и научно обосновано большое число теоретических подходов в исследовании психологической структуры и содержания социальной активности, ее различных видов и форм. Динамика научных представлений и основных направлений исследования феномена социальной активности молодежи обусловлена особенностями общества на разных этапах его развития. Специфика политических, экономических и социальных отношений в обществе в тот или иной исторический период определяла основные векторы направленности и формы социализации молодежи, которая проходила в разных государственно-общественных системах и социально-психологических пространствах.

Таким образом, феномен социальной активности связан с осознаваемым, целенаправленным взаимодействием личности и социума и имеет сложное социально-психологическое содержание. В конкретных формах социальной активности (лидерство, организаторская деятельность, добровольчество, молодежный парламентаризм, самоуправление) раскрываются специфика самоопределения и субъектные качества личности, проявляется система ее отношений к окружающей действительности.

Анализ исследований отечественных психологов, посвященных изучению психологической структуры, форм, уровней и мотивов социальной активности в молодежных коллективах, должен проводиться с учетом представлений об активной личности, сложившихся в обществе в различные периоды существования нашего государства, а также включенности молодых людей в разные социальные группы и особенностей их совместной деятельности.

Проведенные в разное время исследования социальной активности молодежи показывают, что в ее психологической структуре имеются существенные разли-

чия в мотивационно-ценностном компоненте, связанные с особенностями ценностных и смысложизненных ориентаций, направленностью личности и группы, соотношением личностных и групповых мотивов, специфическими формами активности личности, обусловленными видами социальной деятельности.

Критерии определения социальной активности молодежи, сформулированные в подходах к ее изучению и формированию в разные годы XX–XXI вв., различались, однако безусловным и общепризнанным являлось понимание социальной детерминации активности и развития социальной активности личности через включение ее в социальное взаимодействие и деятельность.

Так, впервые попытка дать характеристику личности через проявление ее активности была предпринята в психологии В. М. Бехтеревым, К. Н. Корниловым, П. П. Блонским и др. При всем различии их взглядов общим в их подходах было то, что, рассматривая социальную активность с позиций физиологии, в качестве доминирующего фактора они определяли общественную среду.

В этот период отечественные психологи Е. А. Аркин, А. С. Залужный, Д. Б. Эльконин обратились к проблеме лидерства («вожачества»). Всесторонне изучались особенности личности лидеров и их типы, организованность детского коллектива, в качестве важного показателя которой выделялось наличие в группе активных опытных вожаков, проявляющих социальную инициативу.

Господствующая идеология, утвердившаяся в советском государстве, серьезно повлияла на развитие психологических исследований социальной активности и лидерства, которые в конце 30-х годов XX в. были прерваны и не проводились до середины 1960-х годов.

Однако проблемы включения молодежи в деятельность и ее социальной активности в 1930-е годы продолжали разрабатываться в русле педагогики, где были получены важные научные результаты, значимые для социальной психологии.

Психолого-педагогический подход, предложенный А. С. Макаренко, в своем практическом приложении был ориентирован на подготовку организаторов (актива с лидерами разных типов), введение самоуправления и системы внутриколлективных связей. Коллектив при этом рассматривался как главный фактор развития организаторских способностей личности. Каждый воспитанник влияет на жизнедеятельность коллектива, принимая в ней активное участие. Система правил и обязанностей определяет социальную позицию каждого члена коллектива, а коллективное взаимодействие создает у его членов мотивацию к проявлению активности.

Среди других педагогических концепций, связанных с исследованием природы и путей воспитания социальной активности, вызывает интерес концепция В. А. Сухомлинского, согласно которой социальная активность школьников развивается в их практической деятельности. Продуктивной представляется идея автора о необходимости организации жизни школы как среды, стимулирующей развитие активности детей, основу которой составляет творческий труд. Ребенок должен быть включен в практическую деятельность, самореализовываться в выполнении нравственного долга. Важно, по мнению Сухомлинского, последовательно добиваться того, чтобы мотивы детской радости или печали были вызваны заботой о другом человеке, чтобы ребенок обрел способность сопереживать,

сочувствовать, другим людям, заботиться об их благе, и главное — чтобы эти переживания побуждали его к деятельности.

В 50-е годы XX в. в русле педагогики сотрудничества развиваются идеи воспитания социально активной личности через коллективную творческую деятельность. В Ленинграде И. П. Иванов организует Фрунзенскую коммуну, представляющую собой уникальный образец жизнедеятельности детского сообщества в атмосфере социального творчества, заботы об окружающем мире и служения добру.

В 1960-е годы вместе с возрождением после длительного перерыва социальной психологии наметился существенный подъем в исследовании проблем общественной и социальной активности личности и группы.

Центром личностного развития молодежи и научной площадкой для исследования социально-психологических закономерностей жизнедеятельности личности и коллектива стала система лагерей «Комсорг», созданная Л. И. Уманским и его учениками А. С. Чернышевым и А. Н. Лутошкиным.

Ставилась задача проведения на базе лагеря естественного эксперимента, направленного на изучение и целенаправленное формирование организаторских способностей молодежных лидеров-комсоргов. Сформировались два центра (Курск и Кострома) по подготовке молодежных лидеров и изучению их социальной активности. Концептуальный подход к исследованию данных проблем в рамках курско-костромской школы основывался на принципах обучения и воспитания личности через ее активное включение в систему отношений и совместную групповую деятельность (Уманский, 1982).

Разрабатывая типологию молодежного лидерства, Л. И. Уманский исходил из идеи связи лидерства со сферами жизнедеятельности и уровнем развития группы. С его точки зрения, с одной стороны, лидерство является мерой ведущего влияния личности на группу, оказывает прямое воздействие на общегрупповые характеристики (сплоченность, референтность, микроклимат, внутригрупповую и межгрупповую активность), с другой стороны, эти характеристики группы оказывают непосредственное влияние на лидерство (Уманский, 1975).

В исследованиях костромских психологов с лидерством связывается, прежде всего, функция активизации группы. При этом подчеркивается, что активизирующее влияние лидера на группу требует его собственной активности (Зайцева, 1975).

Л. И. Уманским впервые была поставлена задача не просто сформировать необходимый стране комсомольский актив, но и создать условия для получения учащимися опыта выполнения разных социальных ролей. Л. И. Уманским и его учениками А. С. Чернышевым, А. Н. Лутошкиным решалась практическая задача обучения и воспитания молодежных лидеров первичных учебных, а позднее учебно-производственных коллективов (Совместная деятельность..., 1997). В исследованиях было установлено, что отбор и подготовка лидеров может осуществляться только через их включение в процесс организации совместной деятельности группы.

Необходимо особо выделить экспериментальные исследования социально-психологические проблемы активности личности и группы, лидерства, организаторской деятельности, социально-психологической зрелости группы, ее организованности, проводившиеся в Курской социально-психологической лаборатории под руководством А. С. Чернышева. В ходе исследований решались задачи опре-

деления и оценки уровня развития контактной группы как коллектива, групповой сплоченности, внутригрупповой и межгрупповой активности, анализа процессов выдвижения группой лидера, распределения групповых ролей и др.

В исследовании мотивации групповой деятельности в условиях выполнения группой экспериментальной задачи на приборах «Арка», «Интегратор», «Эстакада» с целью изучения избирательного отражения организатором членов своей группы получены данные, демонстрирующие выраженную ролевую дифференциацию членов групп и процесс выдвижения лидеров. Индикаторами мотивации лидера-организатора и характеристиками его психологической избирательности выступали особенности деятельности членов группы при выполнении общегрупповой задачи и степень активности, направленной на интеграцию всех участников совместной деятельности для достижения общегруппового результата. Было показано, что группой выдвигаются постоянные и ситуативные лидеры разных типов: лидеры-организаторы, лидеры-инициаторы, лидеры эмоционального притяжения и лидеры-умельцы (Крикунов, 1975).

В дальнейшем, развивая эту идею и проводя специальные эксперименты по изучению мотивов группового действия, психологи обнаружили, что личные и групповые мотивы и цели совместной деятельности могут либо гармонично сочетаться, либо находиться в конфликте, что обуславливает уровень развития группы как коллектива. Гармоническое сочетание целей и мотивов в групповой деятельности «увеличивает мощь группового действия» и «способствует усилению индивидуального действия». На эти процессы групповой динамики оказывают влияние разные типы лидеров (Тимошук, 1976).

Таким образом, изучая социально-психологические характеристики молодежных групп с использованием оригинальных аппаратных методик, Чернышев и его ученики экспериментально доказали роль организованности коллектива как интегральной характеристики, синтезирующей основные свойства группы — направленность деятельности, общность мотивов и единство действий, самоуправляемость, лидерство, которые важны для понимания факторов развития социальной активности.

В теоретических исследованиях принципиальным вопросом, касающимся сущности и содержания понятия социальной активности и получившим различные авторские интерпретации, является вопрос о соотношении понятий «активность» и «деятельность» (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, А. В. Петровский, К. А. Абульханова-Славская и др.). Активность рассматривается, во-первых, в рамках деятельности как ее внутренняя предпосылка, во-вторых, как ключевая характеристика субъекта деятельности, в-третьих, через описание деятельности как целеустремленной активности, направленной на реализацию потребности субъекта, в-четвертых, как мотивирующий фактор, выполняющий функции руководства деятельностью, придания ей смысла.

Важным в содержательном плане является также вопрос о соотношении понятий «социальная активность» и «общественная активность», при рассмотрении которого также наблюдаются разные трактовки понятий, их смешение или отождествление. Различия в определении понятий «социальная активность» и «общественная активность» в основном связано с их родовидовыми и типологическими отношениями или синонимичностью.

Отсутствие единства в подходах к определению понятия «социальная активность» способствовало повышению внимания исследователей к этому феномену в разное время и в разных научных школах.

Так, во второй половине XX в. проблема социальной активности получила развитие в рамках концепций, трактующих ее как усиленную, напряженную творческую деятельность.

Утверждается тенденция исследования различных уровней проявления социальной активности, выделяемых на основе объективных критериев. В ряде работ подчеркивается, что социально активной следует считать личность, которая побуждается к активному участию в деятельности внутренними стимулами, потребностями, интересами, сознательными идеями, имеющими социально значимый характер (Мальковская, 1988).

В определении содержания понятия социальной активности акцентируется внимание на ее значении для общества и коллектива, выявлении того, полезны ли действия и поступки личности для общества или носят антисоциальный характер, преобладают ли в ее деятельности мотивы коллективные или узколичностные (Добрынин, 1960).

Представляют интерес результаты, полученные при сравнении трех групп мотивов социальной активности у старшеклассников: личных, престижных и коллективистских. В исследовании принимали участие школьные классы с высокой и низкой идентификацией учащихся. Оказалось, что в случае низкой идентификации ведущее место занимают личные мотивы, далее следуют престижные, и на последнем месте оказываются коллективистские мотивы. Противоположная картина наблюдалась в классах с относительно высокой идентификацией учащихся (Колошина, 1978).

В другом исследовании выявлялись интересы молодых людей и степень их участия в общественной работе. Результаты опроса юношей показали, что для них характерно активное участие в общественном производительном труде. При этом выяснилось, что охват юношей общественными поручениями и их фактическое участие в общественной работе не совпадают. Общественные поручения даются формально, интерес к их выполнению часто отсутствует, что приводит не к стимулированию общественной активности, а к ее демотивации. На основании этого были сделаны выводы о том, что внимательное изучение интересов юношей, которые не имеют общественных поручений, является одним из путей развития и повышения уровня их общественной активности (Косарев, 1970).

В связи с этим остро встает вопрос о направленности и мотивации социальной активности личности. Справедливо отмечается, что понимание активности лишь как положительной, созидательной деятельности человека не охватывает всего поля исследования данного феномена, так как в этом случае неисследованной остается антисоциальная деятельность личности и, следовательно, индивидуально-эгоистическая направленность личностной активности (Добрынин, 1960; Косарев, 1970).

Так, в исследовании психологических основ общественно полезной деятельности подростков и старшеклассников обнаружено, что ее структура существенно отличается у лиц с эгоистической и общественной направленностью. Установлено, что занимаются общественной работой потому, что «это важное и необходи-

мое дело» 81,5% школьников с общественной направленностью и 42% школьников — с эгоистической. Моральное удовлетворение при этом испытывают, соответственно, 42% и 0% школьников. Вследствие чувства долга исполняют ее, соответственно, 37% и 24% школьников. 76% учащихся без выраженной общественной направленности заявили, что выполняют ее потому, что их «заставляют учителя». Показано, что добросовестное выполнение учащимися общественных поручений может быть мотивировано как сознанием общественного долга, необходимостью, так и потребностью отличиться, желанием избежать наказания или получить поощрение (Фельдштейн, 1982).

В 70–80-х годах XX в. комсомольской организацией были сформированы социально значимые образцы поведения, согласно которым молодежь ориентировалась на реализацию положительной социальной активности. Иные ее формы рассматривались как проявления «неформальных» движений молодежи и попадали в разряд социально опасных явлений. Комсомольские лидеры формировали у членов молодежных коллективов универсальные социальные умения и навыки, общие для широкого спектра социальных ролей и необходимые в будущем для успешного вхождения во взрослую жизнь.

Однако реальный результат взаимодействия группы и лидера во многом определяется нравственными чертами последнего, и лидерство не всегда имеет положительную направленность. Противоречивость ценностных ориентаций личности, их расхождение с ценностными ориентациями других людей (группы, коллектива) — психологический показатель ее маргинальности. С этой точки зрения выделяют два типа лидерства: просоциальное (социальное) и асоциальное (антиобщественное). Исследования асоциального лидерства проведены И. С. Полонским. Изучая проблему нравственного содержания деятельности неофициальных групп подростков и юношей, автор уделял большое внимание влиянию на группу лидеров-организаторов с отрицательной направленностью личности (Полонский, 1974). Это подтверждает важность исследования внутренних побудительных причин лидерства, мотивационно-ценностных оснований социальной активности в целом.

Уровень проявления и интенсивность социальной активности личности связывают с феноменом субъекта деятельности, что предполагает, в свою очередь, раскрытие отношения к деятельности и характера взаимодействия. Социально активным является субъект любой социальной деятельности, который обладает способностью подниматься над уровнем требований социальной ситуации, ставить цели, избыточные с точки зрения исходной задачи. Таким образом, социальная активность в данном контексте может рассматриваться как активность надситуативная. Посредством надситуативной активности субъект преодолевает внешние и внутренние ограничения, «барьеры» деятельности. Социальная активность как надситуативная выступает в явлениях социального творчества, познавательной (интеллектуальной) активности, «бескорыстного» риска, сверхнормативной активности личности (Петровский, 1992).

Начиная с 1980-х годов в отечественной психологии возрастает интерес к проблеме социальной активности. Активность личности и ее проявления рассматриваются в русле интегративной теории индивидуальности человека Б. Г. Ананьева, концепции психологии субъекта К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинского.

В период перестройки особое значение педагоги и психологи начинают уделять развитию «новой» социальной активности молодежи, характеризующейся не только выполнением общественных поручений и организаторской деятельностью, но и проявлением личной инициативы и самостоятельности. Новые социально-экономические условия развития страны способствовали появлению в обществе новых систем отношений, социальных норм и ценностей, выдвинувших на первый план задачу формирования качеств конкурентоспособной личности.

Проблема развития молодежи с активной жизненной позицией становится особенно актуальной, и перед психолого-педагогической наукой и практикой встает задача использования позитивного опыта общественных организаций 60–80-х годов XX в. с учетом изменившейся социально-политической ситуации в стране. Переориентация деятельности существовавших ранее молодежных организаций, развитие волонтерского движения, возникновение новых центров и клубов в современной России свидетельствуют о значительном расширении сферы и увеличении разнообразия как социальной деятельности в целом, так и социальной активности молодежи.

Трансформационные процессы в России сопровождались пересмотром и переосмыслением идеалов, социальных ценностей, норм взаимодействия, что нашло отражение в изменениях общественного сознания и системы ценностных ориентаций молодых людей. На фоне происходящих социальных преобразований проблема жизненных ценностей и предпочтений современной молодежи приобрела огромное значение. Изучение ценностей социально активной молодежи, особенно лидеров, стало вопросом первостепенной важности и явилось предметом многих психологических исследований (Акатов, 2006; Беспалов, 2006; Журавлева, 2006; Севрюкова, 2006). Молодежные лидеры составляют тот человеческий ресурс, из которого в ближайшем будущем могут вырасти общественные и политические лидеры, сферой деятельности которых будет общество в целом и его социальные институты. В связи с этим для прогнозирования успешного развития молодого человека как социального лидера важно понимание процессов, происходящих в его ценностной сфере.

Интересные данные о ценностных ориентациях лидеров были получены курскими психологами. В их исследованиях установлено, что у лидеров возрастает значимость качеств, способствующих эффективности индивидуальной деятельности и обеспечению материального благополучия и снижается ценность качеств, содействующих продуктивному общению, социализации личности (Логвинов, 2006; Беспалов, 2006).

Результаты исследования мотивов социальной активности молодежи демонстрируют, что для студентов характерны мотивы общения, самореализации, обучения, самопознания и личностного роста. Однако у юношей наибольшую степень выраженности имеет мотив ухода от проблем и преодоления трудных жизненных ситуаций; юноши используют социальную активность как копинг-стратегию («забываются» в активной деятельности). У девушек преобладают мотивы положительного оценивания, помощи другим, служения обществу, и одновременно наблюдается тенденция к росту значимости мотива построения карьеры (Соколова, 2011).

Многие стороны личности молодого человека проявляются в конкретных формах социальной активности, например в добровольчестве. Согласно резуль-

татам исследования, мотивы добровольческой деятельности молодежи имеют следующую иерархию: быть социально полезным — 89%; способствовать изменениям в обществе — 50%; самореализация — 36%; чувство долга — 19%; интересное проведение досуга — 15%; решение собственных проблем — 10%. Установлено, что для большинства волонтеров благотворительная деятельность связана со стремлением решить собственные проблемы различного характера. Одна из основных мотиваций — преодоление социальной маргинальности, потребность быть нужным. Кроме того, большую группу составили прагматические мотивы — карьерного роста и перспективы (Федорова, 2000).

Курские психологи (Чернышев, Лунев, Лобков, Сарычев, 2006) разработали теоретические основы оптимизации жизнедеятельности подростков, юношей и студентов путем включения их на определенное время в развивающие социальные среды. Развивающие социальные среды («социальные оазисы») создавались в рамках формирующего эксперимента, состоящего в организации регулярно действующего лагеря молодежного актива, где прошли подготовку многие тысячи молодежных лидеров из числа школьников, студентов, малолетних правонарушителей и др.

В последнее десятилетие исследовательский интерес сместился на другие аспекты социальной активности. Так, психологическая детерминация социальной активности рассматривается во взаимосвязи с самоопределением личности на примере российского среднего класса. Готовность к социальной активности в разных сферах жизнедеятельности выступает элементом социального самоопределения. В качестве критериев выделения типов социальной активности предложены ее нормативность и массовость (Купрейченко, Моисеев, 2010).

Ряд исследователей определяют особенности мотивации социальной активности и ее направленности с позиций теории психологических отношений. В их работах личностное отношение молодежи к социальной активности в различных условиях ее реализации рассматривается во взаимосвязи с субъектными характеристиками личности и социально-психологической адаптацией. Делаются выводы о влиянии свойств личности и отношения молодежи к социальной активности на направленность реализуемой активности (Григорьев, 2012; Шамионов, 2012).

Для понимания реального существования и жизнедеятельности социально активной молодежи важно знать, что она думает о своей активности, какими образами наделяет себя. Данное положение явилось основанием исследования особенностей представлений молодежи о социальной активности. Установлено, что ядро представлений о социальной активности составили следующие категории: «общественная деятельность», «личностная особенность человека», «коммуникация», «защита людей, помощь и польза», «интерес к людям и обществу». Выявленные особенности представлений молодежи о социальной активности показывают, что ее трактовка студентами в большинстве случаев не включает ряд ее важных компонентов и проявлений. Очевидно, это связано с формами и видами социальной активности, практикуемыми молодежью в своих объединениях, а также со сферами жизнедеятельности, в которых реализуется социальная активность студентов в учебных заведениях (Соколова, 2014).

Таким образом, в исследованиях социальной активности молодежи получены интересные, важные для современной науки и практики результаты. В целом

большинство исследований социальной активности молодежи можно условно объединить в два направления.

К первому направлению можно отнести исследования, связанные с определением содержания и структуры социальной активности, выявлением специфики ее уровней, форм и видов, влияния на личность ее участия в социально значимой деятельности.

Второе направление включает, по нашему мнению, исследования, касающиеся изучения мотивационно-потребностной и ценностной сферы социально активной личности и мотивов социальной активности. Здесь акцент сделан на исследовании внутренних психологических детерминант социальной активности (потребностей, целей, ценностных ориентаций, социальных установок, отношений личности, ее интересов и склонностей, самооценки и уровня притязаний), а также ее форм и направленности социального поведения.

Дальнейшее осмысление рассматриваемой проблемы возможно в направлении разработки нового подхода, интегрирующего различные точки зрения на феномен социальной активности. Ее основой могут выступать представление о социальной активности как важнейшем факторе развития личности, способа ее самореализации, расширения ее психологического пространства. С этой точки зрения представляется необходимым выделение в структуре личности совокупности взаимосвязанных свойств, определяющих и отражающих ее становление и развитие как активного субъекта, творчески и самостоятельно конструирующего свою жизнедеятельность, организующего взаимодействие с миром.

Активность любой личности определяется рядом ее свойств, входящих в каждую из подструктур личности, которые по-особому проявляются у разных людей и в разных ситуациях социального взаимодействия. В процессе общественной деятельности эти свойства определенным образом связываются друг с другом, в результате чего возникает широкий диапазон проявлений личности (Платонов, 1986). Эмпирические исследования могут быть направлены на раскрытие специфики структуры личности людей с разными уровнями и формами (лидерство, организаторская деятельность, добровольчество, социальные инициативы и творчество) социальной активности, опыта социального взаимодействия и характеристик мотивационно-потребностной и ценностной сферы личности.

Литература

- Акатов Л. И.* Ценностные ориентации и их влияние на жизненные позиции современного студента // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Психологическая помощь учащимся в современном изменяющемся мире» / Под ред. А. С. Чернышева. Курск, 2006. С. 110–112.
- Беспалов С. В.* Роль эксперимента в формировании эффективного молодежного лидерства с гуманистической направленностью // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Психологическая помощь учащимся в современном изменяющемся мире» / Под ред. А. С. Чернышева. Курск, 2006. С. 74–75.
- Добрынин Н. Ф.* Проблема активности личности и общественной значимости в психологии // Вопросы психологии личности. М., 1960.

- Григорьев А. В.* Мотивация социальной активности молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Вып. 3. Т. 12. С. 66–69.
- Журавлева Н. А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М., 2006.
- Зайцева Е. М.* К типологии лидерства в контактных группах школьников // Социально-психологические аспекты общественной активности школьников / Отв. ред. Л. И. Уманский. Ярославль, 1975. Вып. 42. С. 32–38.
- Колошина Т. Ю.* Формирование общественно-ценных мотивов в деятельности комсомольцев // Воспитательная деятельность школьной комсомольской организации / Под ред. М. М. Ященко. М., 1978. С. 98–108.
- Косарев А. С.* Общественная активность сельских школьников // Общественная активность личности и группы школьников: Ученые записки. Курск, 1970. Т. 70. Ч. 1. С. 6–26.
- Крикунов А. С.* О социально-психологическом отражении лидером-организатором групповых признаков // Вопросы психологии коллектива школьников и студентов / Отв. ред. А. С. Чернышев. Курск, 1976. Т. 71. С. 47–64.
- Купрейченко А. Б., Моисеев А. С.* Анализ значимости сфер жизни и направлений жизнедеятельности представителей современного городского среднего класса // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. С. 204–209.
- Дроздов С. В., Логвинов И. Н.* Мотивационная сфера молодежных лидеров как фактор эффективной психологической помощи студентам // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Психологическая помощь учащимся в современном изменяющемся мире» / Под ред. А. С. Чернышева. Курск, 2006. С. 122–123.
- Мальковская Т. Н.* Социальная активность старшеклассников. М., 1988.
- Петровский В. А.* Психология неадаптивной активности. М., 1992.
- Платонов К. К.* Структура и развитие личности / Отв. ред. А. Д. Глоточкин. М., 1986.
- Полонский И. С.* К проблеме нравственного содержания деятельности неофициальных групп подростков и юношей // Вопросы психологии личности и коллектива школьников и студентов / Отв. ред. И. А. Френкель. Курск, 1974. Т. 31. С. 22–29.
- Севрюкова О. И.* Динамика ценностных ориентаций студенческих лидеров на протяжении обучения в вузе // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Психологическая помощь учащимся в современном изменяющемся мире» / Под ред. А. С. Чернышева. Курск, 2006. С. 140–141.
- Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М., 1997.
- Соколова Е. С.* Социальная активность современной российской молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 197–202.
- Соколова Е. С.* Структура представлений о социальной активности у молодежных лидеров: гендерный аспект // Ученый совет. 2014. № 7. С. 64–67.
- Тимошук Е. И.* Об одном из путей изучения мотивации групповой деятельности // Социально-психологические аспекты общественной активности школьников и студентов / Отв. ред. Л. И. Уманский. Ярославль, 1975. Вып. 42. С. 50–54.
- Уманский Л. И.* Критерии и характеристики общественной активности личности и контактной группы как коллектива // Социально-психологические аспекты общественной активности личности и коллектива школьников и студентов: Сборник научных трудов / Под ред. Л. И. Уманского. Ярославль, 1975. С. 19–31.

- Уманский Л. И. Из опыта практической подготовки (тренинга) организаторов // Социально-психологические проблемы первичного коллектива / Отв. ред. Л. И. Уманский. Ярославль, 1982. С. 73–75.
- Фёдорова Н. М. Мотивация участия петербуржцев в волонтерской деятельности // Волонтер и общество. Волонтер и власть: Научно-практический сборник / Сост. С. В. Тертерский. Под ред. Л. В. Никитиной. М., 2000. С. 54–58.
- Фельдштейн Д. И. Психологические основы общественно полезной деятельности подростков. М., 1982.
- Чернышев А. С., Лунев Ю. А., Лобков Б. Л., Сарычев С. В. Психологическая школа молодых лидеров. М., 2005.
- Шамионов Р. М. Психологические характеристики социальной активности личности // Мир психологии. 2012. № 3. С. 145–154.

История психологического исследования стратегий разрешения противоречий субъектом

С. Л. Блинникова (Москва)

Что происходит, когда человек сталкивается с противоположным? Что делает субъект, обнаружив противоречие? Эти вопросы уже давно занимают психологов, и можно проследить определенные тенденции в их трактовке.

Первое, что необходимо отметить, заключается в том, что на протяжении всей истории изучения этого вопроса одновременно одними и теми же авторами выделяются две альтернативных стратегии, применяемых субъектом (Аристотель, Г. Гегель, Э. В. Ильенков, Н. Е. Веракса, Р. Нисбетт, Б. Джонсон, И. Маркова и др.). Для их обозначения использовались различные термины, из которых наиболее удачными, на взгляд автора, являются слова «диалектический» и «недиалектический». В рамках недиалектической стратегии противоречие разрешается посредством выбора одной из противоположностей в качестве действительно присущей объекту или отвержения обеих сторон как ложных (Аристотель, 1975; Ильенков, 1984; Peng, Nisbett, 1999; Johnson, 1992; Franks, 2003). Диалектическая стратегия, напротив, заключается в признании обеих противоположностей как сосуществующих в объекте (Аристотель, 1975; Гегель, 1971; Ильенков, 1984; Peng et al., 1999; Johnson, 1992). Познание, в результате которого противоречащие друг другу противоположности признаются субъектом истинно присущими объекту, во многих работах (Веракса, 2006; Ильенков, 1977, 2002; Foldy, 2006; Nisbett et al., 2001; Peng et al., 1999; Riegel, 1973; Spencer-Rodgers et al., 2004) именуется «диалектическим», что отражает его существенную особенность, и поэтому для его обозначения целесообразным представляется применять именно этот термин. Соответственно, альтернативная стратегия должна именоваться недиалектической. Применительно к диалектическому познанию понятие «стратегия» использовалось Н. Е. Ве-

раксой (Веракса, 1990) для обозначения различных умственных действий в его составе. Однако представляется продуктивным применять его также и к недиалектическому познанию.

Диалектическая стратегия (и ее компоненты) изучалась в психологии в рамках диалектического (Веракса, 2006), холистического (Nisbett et al., 2001; Peng et al., 1999; Norenzayan et al., 2002), парадоксального (Westenholz, 1993; Lewis, 2000; Lewis et al., 2000), янусовского (Rothenberg, 1996, 2001, 2006) мышления; диалектических (Riegel, 1973) и постформальных (Kramer, 1983) мыслительных операций; толерантности к неопределенности (например, Frenkel-Brunswik, 1949) и противоречиям (Chan, 2004); когнитивных стилей: «толерантность к нереалистическому опыту», «когнитивная простота—сложность», «полезависимость—полenezависимость», «конкретность—абстрактность концептуализации», «узкий—широкий диапазон эквивалентности», «узость—широта категории», а также синтетического, идеалистического и аналитического интеллектуальных стилей (см. Холодная, 2002).

Вторая тенденция в исследовании вопроса о познавательном поведении субъекта при наличии противоположного или противоречивого состоит в смещении фокуса с недиалектической стратегии на диалектическую. В современной психологии познания произошло изменение взгляда на актуальность для субъекта и, соответственно, необходимость психологического изучения различных стратегий разрешения им противоречий. Если ранее наиболее тщательно рассматривалась недиалектическая стратегия, заключающаяся в разрешении противоречий посредством отвержения одной или обеих оппозиционных альтернатив, то в настоящее время внимание исследователей и практиков (Э. В. Ильенков, Н. Е. Веракса, Р. Нисбетт, Б. Джонсон, И. Маркова, М. Льюис, Дж. Делер, М. Аптер и др.) сосредоточилось на диалектической стратегии, ориентированной на сохранение в качестве истинно присущих объекту обеих сторон полярности, создающей противоречие. Однако, несмотря на данное смещение интереса исследователей, в научной психологии, как и в обыденном сознании, до сих пор распространена имплицитная уверенность в том, что современный взрослый человек западной культуры разрешает противоречия с помощью выбора из множества оппозиционных альтернатив одной как истинной, т. е. пользуется в основном недиалектической стратегией. Это отмечают, в частности, Ю. Козелецкий (1979) и Е. В. Субботский (2002, 2007). Вероятно, это обусловлено культурной спецификой мышления: данная тенденция отмечается для представителей западной культуры, и есть основания говорить о культурной обусловленности познания противоположного.

Третья особенность развития психологического знания относительно постижения противоположного связана с культурой: предпочтения исследователями определенной стратегии разрешения противоречий как в тематическом, так и в методологическом планах культурно обусловлены. История данного вопроса ведет свое начало от мыслителей древности различных культур, среди которых выделяются философы Древней Греции и Древнего Китая (см. Маркова, 2005). В этих культурах отношение к полярности существенно отличается. Для Древней Греции в целом характерна опора на утверждение о том, что составляющие пару оппозиции являются взаимоисключающими, соответствующее недиалектической стратегии. Такова, например, позиция Аристотеля (1975). При этом необходимо отметить, что в Древней Греции также были мыслители, чья система взглядов ба-

зировалась на диалектической трактовке оппозиций. Например, с точки зрения Гераклита (Фрагменты..., 1989), противоположности переходят друг в друга. Философы Древнего Китая, напротив, исходили из положения о том, что компоненты полярности взаимозависимы, пребывают в постоянном циклическом движении. Это фундаментальное отличие, характерное для западной и восточной культур с древних времен, обуславливает предпочтение, соответственно, недиалектической и диалектической стратегии разрешения противоречий как в обыденном, так и в научном познании и в настоящее время. Это, вероятно, способствовало тому, что в современной европейской, американской и российской психологии не так много работ, посвященных диалектической стратегии.

В качестве *четвертой тенденции* следует указать параллельность изучения диалектической стратегии как интересного феномена и как более или менее стабильной индивидуальной особенности. Первый вариант обычно имеет место в исследованиях, изначально не ориентированных на изучение стратегий разрешения противоречий, но обнаруживших применение субъектом диалектической стратегии (применение недиалектического отношения к противоречиям специально не выделяется, так как имплицитно предполагается присущим познанию индивида). Так, показана возможность наличия у человека: двух противоположных представлений о гендерных ролях (Foldy, 2006); оппозиционных репрезентаций себя (Gregg, 1995); убеждений в индивидуальности (уникальности) человека и связанности его с другими людьми в представлениях англиканских священников (Vignoles et al., 2004); возможности комбинирования в религиозных репрезентациях понятий, включающих противоположные свойства (Franks, 2003); сочетания традиционных и западных взглядов на здоровье и болезнь у жителей северной Индии (Wagner et al., 2000) и китайской общины в Великобритании (см. Moloney et al., 2005); сосуществования положительных и отрицательных коннотаций донорства и трансплантации органов (там же); объединения противоположных личностных смыслов в один с сохранением их субъективной значимости (Hermans, 1993). Исследования диалектической стратегии (часто вместе с недиалектической) как индивидуальной особенности, напротив, изначально нацелены на изучение именно ее или ее компонентов. Таковы исследования толерантности к неопределенности (Frenkel-Brunswick, 1949), противоречиям (Chan, 2004), рассогласованности (Martin et al., 1998); диалектического или холистического (Nisbett et al., 2001; Peng et al., 1999; Spencer-Rodgers et al., 2004), парадоксального (Westenholz, 1993; Lewis, 2000; Lewis et al., 2000) и янусовского (Rothenberg, 1996, 2001, 2006) мышления; когнитивных стилей «толерантность к нереалистическому опыту», «когнитивная простота—сложность», «полезависимость—полнезависимость», «конкретность—абстрактность концептуализации», «узкий—широкий диапазон эквивалентности», «узость—широта категории» и синтетического, идеалистического, и аналитического интеллектуальных стилей (см. Холодная, 2002).

Пятой характерной чертой исследований стратегий разрешения противоречий является тесная связь с трактовкой психики и сознания и ее изменениями. Постулирование тождества психики и сознания вслед за Р. Декартом ограничивало круг потенциальных возможностей познания противоположного. Сознание обычно полагается устроенным так, что противоположности замечаются субъектом как таковые и осознаются им как несовместимые (Улыбина, 1999); между оппози-

циями неизбежно возникает противоречие, т. е. «положение, при котором одно... исключает другое, не совместимое с ним» (Ожегов, 1990, с. 623). При этом согласованность дискомфорта для субъекта, и он стремится избавиться от противоречия. Это подчеркивают Л. Фестингер (1999), Ф. Хайдер (см. Хекхаузен, 2003), К. Левин (2000), Ч. Осгуд (см. Негманс, 1993), Дж. Брунер (1977), М. Вертгеймер (1987). Появление противоречия позволяет вести речь о различных стратегиях его разрешения. Однако противоречие возникает только при условии, что расхождение, несоответствие и в пределе противоположность замечается субъектом и фиксируется как важное. Альтернативу данной позиции составляет та, при которой противоречия нет, даже если противоположности присутствуют. Для сознания современного человека это невозможно. Однако включение в психику слоя бессознательного, сделанное в психоанализе, позволило рассматривать такое отношение к противоречиям в качестве действительно имеющего место. На данную отличительную особенность бессознательного указывает, например, Е. В. Улыбина (1999). К обращению внимания на возможность отсутствия противоречия в присутствии противоположного привело также исследование мышления первобытного человека. В результате было показано, что пралогическое мышление, характерное для «нецивилизованных» народов, отличается нечувствительностью к противоречиям (Леви-Брюль, 1980). Следовательно, сознание может быть устроено по-разному, и не всегда наличие противоположного ведет к противоречию. Л. Леви-Брюль также отмечает, что и логическое, и пралогическое мышление характерны для современного человека, что свидетельствует об актуальности для него возможности отсутствия противоречия при наличии противоположного.

В качестве *шестой* особенности развития знания о постижении субъектом противоположного выступает распространение данного вопроса в различные области психологической науки и практики, произошедшее в XX в., особенно во второй его половине. Вначале знание о том, как поступает субъект, сталкиваясь с противоположным, ограничивалось анализом его познавательной активности в этом плане. Впоследствии интерес к познавательному поведению субъекта в отношении противоречий продолжал быть актуальным. В настоящее время познание противоположного и стратегий разрешения противоречий анализируются в исследованиях различных видов мышления, когнитивных и интеллектуальных стилей (например: Веракса, 2006; Ильенков, 2002; Холодная, 2002; Nisbett et al., 2001; Peng et al., 1999).

Вместе с тем различное отношение к противоположному и противоречиям стало применяться в других областях психологии. Так, М. Аптером была создана реверсивная теория мотивации, согласно которой существует несколько пар метамотивационных состояний, внутри которых субъект постоянно перемещается от одного противоположного состояния к другому (Apter, 1982; Аптер, 2004), что демонстрирует применение диалектической стратегии к области мотивации. Более широкое применение диалектическое отношение к противоречиям нашло в психотерапевтической практике. Принципы диалектической стратегии использовались в психоанализе (Юнг, 1991, 1997), гештальт-терапии (Перлз, 1996), экзистенциально ориентированной (Мэй, 2001) и когнитивной (Бек и др., 2002) психотерапии. Наиболее известны, например, принцип взаимодополнительности оппозиций, используемый К. Юнгом, и принцип завершения гештальта, постули-

руемый Ф. Перлзом (гештальт может включать противоположности). В последнее время диалектическая стратегия используется в практике образования и управления. Предлагается стимулировать активность по становлению на различные точки зрения относительно объекта, начиная со школьного обучения (Ильенков, 2002), развивать умение смотреть на явление с разных позиций у студентов (Веракса, 1994), использовать работу с противоречиями и парадоксами в обучении студентов (Lewis et al., 2000). В практике управления предлагается актуализировать циклическое перемещение внутри таких полярностей, как «индивид—команда», «ответственность индивида—ответственность организации» и др. (Johnson, 1992).

Таким образом, развитие психологического знания о постижении противоположного характеризуют следующие тенденции: 1) одновременное выделение двух альтернативных стратегий разрешения противоречий субъектом; 2) смещение фокуса исследований с недиалектической стратегии на диалектическую; 3) культурная обусловленность предпочтения исследователями определенной стратегии разрешения противоречий как в тематическом, так и в методологическом планах; 4) параллельное изучение диалектической стратегии как интересного феномена и как индивидуальной особенности; 5) связь продвижения исследований отношения к противоположному с трактовкой психики и сознания; 6) распространение вопроса о познании субъектом противоположного и действии с ним в различные области психологической науки и практики.

Литература

- Аптер М.* За пределами черт личности: реверсивная теория мотивации. Луцк, 2004.
- Аристотель.* Метафизика // *Аристотель.* Собр. соч. В 4 т. Т. 1. М., 1975. Т. 1. С. 63–367.
- Бек А., Фримен А.* Когнитивная психотерапия расстройств личности. СПб., 2002.
- Брунер Дж.* Психология познания. М., 1977.
- Веракса Н. Е.* Диалектическое мышление и творчество // *Вопросы психологии.* 1990. № 4. С. 5–14.
- Веракса Н. Е.* Модель позиционного обучения студентов // *Вопросы психологии.* 1994. № 3. С. 122–129.
- Веракса Н. Е.* Диалектическое мышление. Уфа, 2006.
- Вертгеймер М.* Продуктивное мышление. М., 1987.
- Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. М., 1971. Т. 2.
- Ильенков Э. В.* Учитесь мыслить смолоду. М., 1977.
- Ильенков Э. В.* Диалектическая логика. М., 1984.
- Ильенков Э. В.* Школа должна учить мыслить! // Школа должна учить мыслить. М.—Воронеж, 2002. С. 6–56.
- Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. М., 1979.
- Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление // *Хрестоматия по истории психологии.* М., 1980. С. 237–256.
- Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб., 2000.
- Мэй Р.* Сила и невинность. М., 2001.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1990.
- Перлз Ф.* Гештальт-подход. Свидетель терапии. М., 1996.

- Субботский Е. В.* Развитие индивидуального сознания как предмет исследования экспериментальной психологии // Психологический журнал. 2002. № 4. С. 90–102.
- Субботский Е. В.* Строящееся сознание. М., 2007.
- Улыбина Е. В.* Обыденное сознание: продуктивность противоречий в развитии сознания // Мир психологии. 1999. № 1. С. 128–140.
- Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. СПб., 1999.
- Фрагменты ранних греческих философов: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989. Ч. 1. С. 176–256.
- Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. СПб.–М., 2003.
- Холодная М. А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. М., 2002.
- Юнг К. Г.* Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 95–128.
- Юнг К. Г.* Аион: исследование феноменологии самости. М., 1997.
- Apter M.* The experience of the motivation: the theory of psychological reversals. L.: Academic press, 1982.
- Chan D.* Individual Differences in Tolerance for Contradiction // Human Performance. 2004. V. 17. № 3. P. 297–324.
- Foldy E.* Dueling schemata: dialectical sensemaking about gender // The Journal of Applied Behavioral Science. 2006. V. 42. № 3. P. 350–372.
- Franks B.* The Nature of Unnaturalness in Religious Representations: Negation and Concept Combination // Journal of Cognition & Culture. 2003. V. 3. № 1. P. 41–68.
- Frenkel-Brunswik E.* Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // Journal of Personality. 1949. V. 18. № 1. P. 108–142.
- Gregg G.* Multiple identities and the integration of personality // Journal of Personality. 1995. V. 63. № 3. P. 617–641.
- Hermans H.* Moving opposites in the self // Journal of Analytical Psychology. 1993. V. 38. № 4. P. 437–462.
- Johnson B.* Polarity management: Identifying and managing unsolvable problems. Amherst, MA: HRD Press, 1992.
- Kramer D.* Developmental Investigation of Relativistic and Dialectical Thought // 36th Annual Scientific Meeting of the Gerontological Society. November 17–22. San Francisco. 1983. URL: <http://www.eric.ed.gov/contentdelivery/servlet/ERICServlet?accno=ED243017> (дата обращения: 21.09.2016).
- Lewis M.* Exploring paradox: toward a more comprehensive guide // Academy of Management Review. 2000. V. 25. № 4. P. 760–776.
- Lewis M., Dehler G.* Learning through Paradox: A Pedagogical Strategy for Exploring Contradictions and Complexity // Journal of Management Education. 2000. V. 24. № 12. P. 708–725.
- Markova I.* Dialogicality and Social Representations. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Martin M., Anderson C., Thweatt K.* Aggressive Communication Traits and Their Relationships with the Cognitive Flexibility Scale and the Communication Flexibility Scale // Journal of Social Behavior & Personality. 1998. V. 13. № 3. P. 531–540.
- Moloney G., Hall R., Walker L.* Social representations and themata: the construction and functioning of social knowledge about donation and transplantation // British Journal of Social Psychology. 2005. V. 44. № 3. P. 415–441.
- Nisbett R., Peng K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought: holistic vs. analytic cognition // Psychological review. 2001. V. 108. № 2. P. 291–310.

- Norenzayan A., Smith E., Kim B., Nisbett R.* Cultural preferences for formal versus intuitive reasoning // *Cognitive Science*. 2002. V. 26. № 5. P. 653–684.
- Peng K., Nisbett R.* Culture, dialecticism and reasoning about contradiction // *American Psychologist*. 1999. V. 54. P. 741–754.
- Riegel K.* Dialectic Operations: The Final Period of Cognitive Development. 1973. URL: http://eric.ed.gov/ERICDocs/data/ericdocs2sql/content_storage_01/0000019b/80/38/4e/f7.pdf (дата обращения: 25.08.2016).
- Rothenberg A.* The Janusian Process in Scientific Creativity // *Creativity Research Journal*. 1996. V. 9. № 2/3. P. 207–231.
- Rothenberg A.* Bipolar Illness, Creativity and Treatment // *Psychiatric Quarterly*. 2001. V. 72. № 2. P. 131–147.
- Rothenberg A.* Creativity-the healthy muse // *Lancet*. 2006. V. 368. P. 8–9.
- Spencer-Rodgers J., Peng K., Wang L., Hou Y.* Dialectical Self-Esteem and East–West Differences in Psychological Well-Being // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004. V. 30. P. 1416–1432.
- Vignoles V., Chryssochoou X., Breakwell G.* Combining individuality and relatedness: representations of the person among the Anglican clergy // *British Journal of Social Psychology*. 2004. V. 43. P. 113–132.
- Wagner W., Duveen G., Verma J., Thamel M.* ‘I have some faith and at the same time I don’t believe’ – Cognitive Polyphasia and Cultural Change in India // *Journal of Community & Applied Social Psychology* 2000. V. 10. P. 301–314.
- Westenholz A.* Paradoxical Thinking and Change in the Frames of Reference // *Organization Studies*. 1993. V. 14. № 1. P. 37–58.

Проблема приемного родительства в отечественной психологии конца XIX–начала XX века

Т. Е. Егорова, С. М. Скуратовский (Нижний Новгород)

Развитие в современной России системы приемного родительства определяет необходимость научного осмысления психологической составляющей становления детско-родительских отношений и ставит проблему качества оказываемой психолого-педагогической помощи будущим родителям и детям-сиротам. Вместе с тем актуализируются задачи повышения профессионального уровня специалистов, создания адекватных условий для жизнедеятельности детей-сирот. Одним из условий повышения качества оказываемой помощи и психологического сопровождения приемного родительства выступает изучение и учет исторического опыта работы государства в этом направлении, который сопровождался попытками осмыслить его на уровне философско-религиозной, педагогической и психологической мысли. Обращение к этому опыту позволит не только сохранить историю психологических воззрений на проблему сиротства в России,

но и соотнести новые подходы с накопленным в прошлом знанием о путях решения данной проблемы, анализируя как ошибочные действия в этом направлении, так и его достоинства.

Институт усыновления в России за все время его существования претерпевал значительные изменения как в плане юридических аспектов, так и в плане базовых идей и концептуальных основ. С течением времени менялся «облик» усыновителя: таковым мог быть князь, ближайший родственник, просто зажиточный посторонний человек, церковный или монастырский приют, наконец, частное или государственное учреждение, специализирующееся на призрении сирот.

В связи с деятельностью этих институтов создавалось большое число законопроектов, регламентирующих порядок усыновления и права усыновителей, особенно в середине XVII в., во время правления царя Алексея Михайловича, который в 1650 г. переписал Кормчую книгу, обобщив «все существовавшие до того времени правила православной церкви, относящиеся к сиротам» (сайт Министерства образования и науки).

Предыстория «усыновления», или «искусственного сыновства», начинается в Древней Руси со времен язычества. Сменившее его христианство приходит на Русь с особым церковным актом «сыновления», утвержденным епархиальным архиереем (Грудицына, 2008).

Именно с принятием христианства с его проповедованием милосердия и сострадания появляются действенные меры помощи бедным сиротам и подкидышам. В первых христианских общинах создавался особый фонд помощи детям-сиротам. Появление института патронажа являлось признаком смещения ценностных доминант, в рамках которых осуществлялось призрение сирот. Владимир Мономах призывал: «Всего же паче убогих не забывайте, но елико могуше по силе кормите, снабдите сироту» (цит. по: История социальной помощи..., 1994). Кормление и материальная помощь были главными ориентирами и критериями помощи детям-сиротам до XVIII столетия.

Опека как государственная форма устройства ребенка в семью возникла во время правления Петра I и получила дальнейшее развитие в период царствования Екатерины II, активно поддерживалась императрицей Марией Фёдоровной.

Петр I повелевал призывать сирот, «без призрения после родительства оставшихся подкидышей или явленных таких, которых воспитывать мужского пола до 7 лет, а потом посылать в школы определенные, а женского пола обучать грамоте, таже следующих мастерств...» (цит. по: Довгалевская, 1948, с. 8). Таким образом, идея заботы о сиротах в детском возрасте дополнилась положением о важности их образования и трудового воспитания. В этот же период получает развитие такая форма устройства ребенка в семью, как опека. Государственный указ предписывал магистрам следить за тем, чтобы «сироты не оставались без опекунов, назначение которых и наблюдение за которыми поручается магистратам же» (цит. по: сайт Министерства образования и науки).

Согласно Манифесту Екатерины II и по проекту И. И. Бецкого, был открыт Императорский Московский воспитательный дом, построенный посредством «общего подаяния» (добровольных пожертвований) и в 1764 г. принявший первых воспитанников — брошенных детей.

Вторая половина XVIII столетия ознаменовалась введением патроната как системы помощи лицам, освободившимся из мест заключения, но только к середине XIX в. государство обратило внимание на детей, оставшихся без попечения после пребывания в приюте. Закон от 5 декабря 1886 г. предписывал: «Выпущенные из приюта несовершеннолетние должны состоять в течение определенного срока под покровительством приюта, который обязан оказывать им возможное содействие в деле устройства их будущности» (цит. по: Быкова, Склярова, 1955).

Несмотря на вышеописанную динамику ценностей, психолого-педагогическая мысль того времени не обращалась к вопросу сиротства и приемного родительства как к объекту научного осмысления. В центре внимания психологии в тот исторический период были проблемы методологического характера, споры между «гуманитариями» и «физиологами», вопросы личности человека и ее предела и другие проблемы. Проблематика психологии сиротства лишь косвенно затрагивалась в педагогических трудах.

На этом фоне выделялись работы В. Ф. Одоевского (1803—1869), в частности его труд «Наказ лицам, непосредственно заведующим детскими приютами» (1839), в котором автор уже обращается непосредственно к рассмотрению ряда аспектов работы с детьми-сиротами. В работе Одоевского содержатся рекомендации, касающиеся психологических характеристик воспитателей, их общения с детьми, создания необходимых условий жизни и воспитания ребенка (Одоевский, 1955). Так, определяя требования к подбору воспитателей, В. Ф. Одоевский пишет: «... При выборе смотрительницы должно обращать внимание не столько на ее звание, сколько на ее душевное образование; чистая нравственность, нрав тихий и миролюбивый, здравый смысл и врожденное чувство любви к ближнему — вот необходимые качества в женщине, должествующей быть в некотором смысле матерью многочисленного семейства, составленного из детей, ей чуждых... Объясняя какой-либо предмет, отнюдь не изъясняйте досады, замечая, что дети вас не понимают; уверенность в дитяти, что его будут бранить за непонятливость, не только сделает его в самом деле непонятливым, но, что еще хуже, принудит его к притворству. Когда видите, что дитя вас не понимает, знайте, что большей частью не они виноваты, а вы; может быть, вы не совсем так объясняетесь, как должно; посмотрите на предмет с другой стороны, войдите в разговор с детьми, начните его от других, известных предметов, чтобы дойти до того, который вы хотите объяснить... Небольшой сад или чистый двор при заведении, где бы дети могли бегать свободно на чистом воздухе (не на проезжем месте), есть весьма важная принадлежность детского приюта; но как не всегда, то надлежит смотреть, чтобы, по крайней мере, самые комнаты были освежаемы наружным воздухом во время отсутствия или перехода детей из одной в другую. Желательно также, чтоб приют помещался в нижних этажах, преимущественно перед верхними, или, по крайней мере, так, чтобы дети не были принуждены проходить через темные и опасные лестницы...» (там же, с. 61—65).

Основные идеи «Наказа» были воплощены Одоевским также в «Руководстве для гувернанток», вышедшем во второй половине 40-х годов XIX в., где целая глава была посвящена психологическим особенностям взаимодействия взрослого с ребенком. Она так и называлась: «Разговоры с детьми». «Всякая добросовестная наставница, которая захочет говорить с детьми так, чтобы они хорошо понима-

ли ее, будет поражена с первого же приема трудностью этого дела. Причина понятна. Смысл слов так шаток, значение, которое им придают, так произвольно, что и взрослые, говоря между собой, не всегда хорошо понимают друг друга. Малейшей неточности и сбивчивости выражения бывает довольно для того, чтобы ввести человека в важное заблуждение и дать ему понятие, совершенно противоположное тому, какое мы хотели дать. Как же должно быть трудно ребенку понимать речь взрослых людей! Целая бездна отделяет смутное предзнание детского ума от ясной и оконченной идеи взрослого человека, и потом такая же бездна отделяет идею от ее выражения. Может ли быть понятно для ребенка словесное определение идеи, когда у него нет еще самой идеи, нет даже данных, на которых она могла бы возникнуть?» (там же, с. 171—180).

Аналогичные рекомендации применительно к работе с малолетними детьми содержались в написанном педагогом, историком русской литературы В. Я. Стоюниным (1826—1888) руководстве «Воспитательницам групп малолетнего отделения Московского воспитательного дома» (1871—1874). Особое внимание автор обращает на необходимость не только физического, но и духовного развития ребенка. Он призывает воспитателей «направлять» детей к добру, для чего, в свою очередь, требуется «близкое знакомство с натурою каждого ребенка, зоркое наблюдение над свободным проявлением его чувств, тесная нравственная связь с ним и определение известной сферы свободной деятельности ребенка, где бы он мог проявить свои наклонности и запастись задатками, образующими силу воли» (Стоюнин, 1991, с. 105).

В 1901 г. выходит труд Н. В. Яблокова «Призрение детей в воспитательных домах», в котором обосновываются целесообразность помещения беспризорных детей в приемные семьи и преимущества этой формы их жизнеустройства перед другими.

На Съезде по общественному призрению 11—16 мая 1914 г. был представлен доклад Н. А. Ошанина, одним из постулатов которого также служило доказательство преимущества пребывания ребенка-сироты в приемной семье перед сиротским учреждением. «Воспитание подкидышей есть борьба с последствиями, которая по указанию долгого опыта ни к чему хорошему привести не может, поэтому земства должны искать меры борьбы с основной причиной оставления детей, т. е. с бедностью подкидывающих семейств, а если это возможно сделать в полной мере, то в каждом отдельном случае хотя бы сколько-нибудь облегчить матери возможность держать ребенка у себя; если же он круглый сирота, то создать ему искусственную семью. Такой способ более всякого другого будет отвечать насущным интересам ребенка и всего населения и явится единственно достойным для земских учреждений, как органам, ведающим пользу и нужды местного населения» (Труды съезда..., 1914).

Революция 1917 г., политические и демографические изменения привели к тому, что все институты сопровождения сиротства были уничтожены. Беспризорные дети помещались под опеку государства. В 1918 г. был принят Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, где статья № 183 предписывала: «С момента вступления в силу настоящего закона не допускается усыновление ни своих родных, ни чужих детей». Данный Кодекс был изменен только в 1926 г.

Таким образом, психологические аспекты сиротства и усыновления в отечественной научной мысли развивалась в достаточно узком русле под непосредственным влиянием, с одной стороны, педагогических воззрений, с другой стороны, социально-политических и идеологических норм общественной жизни. Однако имеющийся опыт организации патронажной работы в России конца XIX—начала XX столетия требует осмысления в контексте современной действительности и решения задач, стоящих сегодня в связи с созданием благоприятной среды жизнедеятельности для детей, оставшихся без родительского попечения.

Литература

- Быкова О. Н., Склярова Т. В.* Призрение детей в России: патронат, опека, усыновление // Вестник ПСТГУ. Сер. 4. Педагогика. Психология. 2007. Вып. 6. С. 92–109.
- Грудцына, Л. Ю.* Семейное право России: Учебник для вузов / Под. ред. С. М. Петрова. М., 2008.
- Довгалевская А. И.* Семейное воспитание приемных детей. М., 1948.
- История социальной помощи в России / Антология социальной работы. В 5 т. / Сост. М. В. Фирсов. М., 1994. Т. 1.
- Одоевский В. Ф.* Наказ лицам, непосредственно заведующим детскими приютами // Одоевский В. Ф. Избранные педагогические сочинения. М., 1955.
- Ошанин М. А.* О призрении покинутых детей. Ярославль, 1912.
- Сайт Министерства образования и науки РФ, департамента государственной политики в сфере защиты прав детей. URL: <http://www.usynovite.ru> (дата обращения: 13.06.2016).
- Стоюнин В. Я.* Воспитательницам групп малолетнего отделения Московского воспитательного дома // Стоюнин В. Я. Избранные педагогические сочинения. М., 1991. С. 104–110.
- Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г. Т. I: «Доклады и журналы заседаний». Ч. II. Доклады. Пг., 1914.
- Яблоков Н. В.* Призрение детей в воспитательных домах. СПб., 1901.

История зарождения и развития предпринимательства в дореволюционной России: психологический анализ

Д. А. Китова (Москва)

Постановка проблемы

Процесс формирования и развития предпринимательской среды в России рассматривается как комплексная проблема, имеющая экономические, социальные, политические, правовые и психологические аспекты (Методология комплекс-

ного человекознания..., 2008; и др.). Исследования в области психологии предпринимательства являются одним из приоритетных направлений стремительно развивающихся отраслей экономической психологии (А. И. Агеев, В. С. Автономов, Д. С. Амирьян, И. В. Антоненко, А. А. Вильданова, Г. К. Гинс, В. Н. Дружинин, А. Л. Журавлев, И. Е. Задорожнюк, Е. К. Завьялова, А. Б. Купрейченко, М. И. Левитан, С. А. Матошюк, Л. М. Митина, В. Н. Петриевский, И. В. Ромазан, В. П. Позняков и др.). В последние годы отмечается значительный рост исследовательского интереса к феномену предпринимательства, специфике предпринимательской деятельности, личности предпринимателя и менталитету предпринимателей (Е. В. Белкин, А. П. Вавилов, Е. Д. Дорофеев, А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, И. Б. Котова, Л. Г. Лаптев, А. В. Максименко, Б. С. Павлов, В. П. Позняков, А. И. Татаркин, И. Р. Федорова, П. Н. Шихирев и др.). Исследователи, прежде всего, подчеркивают независимый, творческий, инновационный характер предпринимательской деятельности (Позняков, Журавлев, 1995; Психология предпринимательской деятельности..., 1995; и др.). Вместе с тем пока существует лишь незначительное число общепризнанных, теоретически и эмпирически обоснованных концепций, объясняющих феномен предпринимательства и его специфику (Журавлев, Позняков, 2012; Проблемы экономической психологии, 2004, 2005). Недостаточно также психологических исследований, посвященных анализу становления и развития российского предпринимательства, хотя их актуальность чрезвычайно высока (Китова, Токов, 2003; Фёдорова, 2000).

Российское предпринимательство имеет длительную историю зарождения и развития, обращение к которой позволит глубже понять особенности современного предпринимательства как важной составляющей социальной структуры общества. Анализ развития предпринимательства как изменяющейся во времени и развивающейся системы позволит выявить природу предпринимательства, личностные особенности предпринимателей и специфику их деятельности, а также выделить характерные черты социально-психологической среды предпринимательства (Афанасьев, 1991; Гинс, 1992; Кольцова, Федорова, 2002).

Объективные предпосылки зарождения российского предпринимательства

Если придерживаться традиционно используемого формационного подхода к истории развития государств, при котором рабство, феодализм и капитализм сменяют друг друга, то Россия позже многих других стран мира вступила на путь капиталистического развития. Тем не менее истоки предпринимательства, связанные с переплетением географических, социальных, экономических и политических факторов, расцветшие на этапе становления капиталистического строя, существовали на Руси с древнейших времен.

Анализируя развитие предпринимательства на Руси, Г. К. Гинс объясняет его возникновение рядом факторов. Во-первых, климатические условия государства не позволяли полностью полагаться на сельское хозяйство как достаточную базу для обеспечения внутренних нужд и потребностей населения и тем более наде-

яться на излишки, за счет реализации которых можно было бы пополнять государственную казну. Поэтому возникла острая необходимость дополнять доходы от земледелия средствами, получаемыми от различных промыслов: охоты, рыболовства, дубления кож, ткачества, ремесел. На этой основе возникает товарообмен: излишки продуктов земледелия обменивались на промысловые товары как на внутреннем, так и на внешнем рынках, что создавало предпосылки для зарождения и роста предпринимательства. Во-вторых, непрерывно требовались огромные усилия для сохранения своей территории и освоения новых земель. Для решения этой сложной задачи были необходимы серьезные финансовые и человеческие ресурсы, что вынуждало государство ужесточать налоговый гнет и крепостное право (для набора рекрутов). Такая ситуация, в свою очередь, усиливала предприимчивость и активность населения в поисках способов выживания. «Русский народ, несомненно, обладает предприимчивостью, — пишет Г. К. Гинс, — новгородская торговля „из варяг в греки“ и история колонизации Севера России и огромных пространств Азиатской России, связанные с преодолением самых разнообразных трудностей, служат достаточным доказательством этой предприимчивости» (Гинс, 1992, с. 82).

Усложнение хозяйственного организма Древней Руси привело, наряду с товарообменом, к возникновению денежных отношений. Торговые связи древнерусского купечества стали получать свое развитие в товарообмене между внутренними территориями и соседними государствами. В частности, крепили торговые взаимоотношения с Византией.

Социально-психологические условия зарождения российского предпринимательства

Существенной социально-психологической особенностью начального этапа зарождения предпринимательства в России является то обстоятельство, что оно рассматривалось официальной властью как занятие, недостойное дворян, порочащее их высокий социальный статус. В известном «Наказе» Екатерина II объявляла, что первая форма предпринимательства — торговля — «противна существу самодержавного правления» и статусу дворянина. Тем не менее удержать хозяйственных людей от занятия предпринимательством уже не удавалось: дворяне тоже начали участвовать, вслед за доморощенными купцами, в торговых операциях (Владимирский-Буданов, 2005).

В качестве примера можно отметить, что еще в XVII в. саратовский купец Колокольцев начал возделывать степные земли, используя вольнонаемный труд, и разбогател на этом настолько, что его стали подозревать в экономических правонарушениях — подделке ассигнаций и разбое. Этот пример — показатель того, что в то время предпринимательство еще не воспринималось обществом как самостоятельная и экономически продуктивная форма хозяйствования, но уже становилось заметным явлением в экономической жизни государства. Уже тогда обнаружилось специфические социально-психологические явления, получившие впоследствии дальнейшее развитие. Наиболее значимая из них — сложная психологическая ситуация, в которой оказывался предприниматель как *новатор*. Показательны в этом отношении обстоятельства, сложившиеся вокруг саратов-

ского купца, первопроходца предпринимательской деятельности Колокольцева. Как новатор, он взламывал устоявшийся образ жизни обывателей, чем вызывал всеобщее возмущение и осуждение, более того, даже подозрение в его умственных и нравственных качествах, которые резко контрастировали с привычными, а потому «удобными» стандартами. Выход за пределы этих стандартов, без чего предпринимательство невозможно, неизбежно порождает недоверие к человеку, который как будто противопоставляет себя всем окружающим, бросает вызов, угрожающий их благополучию. Новым было не только дело, начатое купцом, — хозяйственное освоение дикой степи, бесплодной в те времена и доставшейся ему по наследству. Колокольцев проявил неслыханную дерзость — привлек к труду не крепостных, как было принято, а вольнонаемных работников, производительность труда которых оказывалась неизмеримо выше. Это задевало самолюбие крепостных крестьян, но еще больше — интересы чиновников, призванных непоколебимо защищать крепостнические порядки: они воспринимали появление вольнонаемных работников как прямое покушение на государственные устои и вызов, брошенный всем уровням власти, вплоть до самодержицы.

Социально-психологическая ситуация, в которой оказался купец-новатор, многократно усложнялась тем, что общественность того времени не могла усмотреть закономерную причинно-следственную связь между новаторской инициативой, реализованной свободным трудом, с одной стороны, и обогащением — с другой. Как видно из приведенного примера, иного объяснения успешному предпринимательству, как подозрение в противозаконных поступках и сомнительных махинациях, в то время не существовало.

Забегая вперед, надо заметить, что тайна обогащения человека за счет предпринимательства и в наши дни для многих россиян все еще остается закрытой, что влечет за собой рост упущенных возможностей в общественном и частном хозяйстве и продолжает поддерживать не всегда справедливые подозрения относительно «новых русских», «делег» и т. п. (Доверие и недоверие..., 2013; Россия в глобализирующемся мире..., 2007; и др.). Тем не менее и в современном мире попытки последовать примеру успешных предпринимателей широко распространены, хотя они далеко не всегда оказываются удачными.

Объективные социально-экономические условия развития предпринимательства

Из анализа опыта первых предпринимателей России видно, что успех в этом деле во многом обусловлен не только задатками, которые даются от рождения немногим, как и любой иной природный дар, но и свободой действий в социально-экономическом пространстве. Речь идет не о свободе вообще, о свободе без ограничений, а о *свободе распоряжаться своей собственностью*, в какой бы форме она ни выступала: собственное время, собственный выбор жизненного пути, собственное имущество и т. д. Тот же купец Колокольцев обладал определенной собственностью (иначе он не мог бы привлечь к наемному труду свободных работников), вывозил работников в свободное дикое поле, организовал их труд по своему собственному усмотрению, без давления со стороны, присваивал и распределял результаты труда. При этом важно различать две ипостаси *свободы* — объективную и субъек-

тивную. *Объективная* свобода — отсутствие внешних препятствий для предпринимательства, а *субъективная* — осознание этого обстоятельства, своего рода чувство свободы, уверенность в том, что «мое» при всех обстоятельствах остается моим, никто не имеет права на него претендовать, а если бы и претендовал, то столкнулся с законом, защищающим право собственности владельца. Без такого чувства свободы предпринимательство успешным быть не может.

Как отмечается, «собственность — это свобода, спустившаяся на землю. Ничто не укрепляет в такой мере сознание личной свободы, как это наиболее полное из прав на вещь, результат труда, услуги. Далее, для укрепления личной свободы требуется свобода труда. Каждый выбирает себе занятие по своему усмотрению. Кто работает на себя, тот может работать, где хочет и сколько хочет. Наконец, свобода договора практически вытекает из собственности и свободы распоряжения личным трудом. Договор есть одна из форм распоряжения имуществом и собой: он связывает обстоятельствами материального и личного характера» (Бондаренко и др., 2001, с. 113).

Субъективные социально-психологические условия развития предпринимательства и формирования предпринимательских династий

Предпринимательство в России издавна характеризовалось сплоченностью владельцев капитала на основе *родственных отношений*. Это порождало особые психологические коллизии во взаимоотношениях хозяев. Одну из многих предпринимательских династий дореволюционной России представляли Строгановы. Как показывают документы, история рода Строгановых тесно связана и переплетается с историей России — начиная от татарского ига вплоть до Октябрьской революции.

Еще в XIV в. Строгановы входили в число богатейших людей России, оказывали благотворительную помощь и тратили часть своих средств на возрождение государства и освобождение Руси от татарского ига.

Приведем некоторые конкретные примеры из истории рода. Лука Кузьмич Строганов в 1445 г. выкупил Великого князя Московского из татарского плена. Его внук Аника первым открыл торговые пути за Уральские горы. Сыновья Аники вошли в контакт с Иваном Грозным и представили ему план покорения Сибири, который был одобрен и затем реализован при их участии и на их собственные средства. Это представители рода Строгановых нашли удалого атамана Ермака Тимофеевича и снарядили его для завоевания Сибири, придав ему войско из 840 ратников, которые скрывались от власти, но по просьбе Строгановых были прощены царем. Они же в смутное время вложили четыре миллиона рублей (огромные по тем временам деньги) в фонд Минина и Пожарского, содействовали возведению Михаила Романова на престол, за что были, в свою очередь, возведены в ранг именитых людей. Участвовали Строгановы и в ратных делах Петра I, вложив в них немалые средства, за что были возведены в ранг потомственных дворян. Потомки Строгановых были видными военачальниками, крупными государственными деятелями, дипломатами, внесли весомый вклад в развитие культуры, отличались щедрой благотворительностью, жертвовали

деньги на музеи, библиотеки, университеты, издание множества книг и создание произведений искусства. Словом, это был род государственников, служивших России и не жалевших нажитых средств для укрепления государственной власти.

В устойчивости и непрерывном расширении подобного рода династических экономических образований важная роль принадлежит *социально-психологическому фактору*. Его влияние начинается с появлением первого предпринимателя в будущем семейном клане. Он, несомненно, обладал предпринимательским даром, унаследованным от предков. Дар этот многие годы мог оставаться скрытым, если социально-экономические условия хозяйствования оказывались неблагоприятными. Однако при первой же возможности воспользоваться хотя бы относительно экономической свободой зачатки предпринимательской способности обнаруживали себя выпукло, и начинался процесс формирования «предпринимательского характера». После того как состоялся первый успешный предпринимательский шаг, психологические условия хозяйствования для его детей заметно улучшались по многим причинам. Многодетность в дореволюционной России была обычным явлением, а потому предпринимательский дар непременно наследовал кто-то из потомков первопроходца. Он уже имел множество преимуществ перед всеми другими его ровесниками: имел возможность непосредственно наблюдать весь процесс предпринимательской деятельности, непрерывно перенимал «живой опыт» родителя, мог наглядно отследить причинно-следственные связи между отцовскими экономическим поведением и деятельностью и их конечными результатами, имел личный опыт переживания радости от предпринимательских успехов и огорчения от неудач. Словом, от рождения и до зрелости он «варился» в «предпринимательском котле» под постоянным благожелательным и одновременно строгим наблюдением персонального учителя — отца. Все это создавало жизненную ситуацию непрерывной учебы в естественных социально-психологических условиях, что способствовало формированию и развитию предпринимательских способностей личности, обеспечивало благоприятную почву для появления нового успешного предпринимателя. Если же задатки и способности детей были значимыми, то рождался талантливый предприниматель, превосходящий по успехам своих предков, опыт которых он перенимал.

Унаследованный от родителей предпринимательский дар, на основе которого в предпринимательской среде формируется соответствующий талант, в каждом новом поколении оказывался во все более благоприятных условиях, а потому стремление добиваться успеха становилось ведущим мотивом личности, тоже передаваемым от поколения к поколению благодаря механизму социального наследования. В такой обстановке предпринимательскую династию формируют не только общность экономических интересов индивидов, но и родственные чувства, проявляющиеся во *взаимном доверии* друг другу, готовности прийти на *помощь* при необходимости, превращении механизма конкурентной борьбы в *открытое соревнование* за внесение более весомого вклада в успех семейного предприятия. Династия вырабатывает своеобразный *семейный менталитет*, поддерживаемый и защищаемый всеми родственниками, что тоже со временем обретает черты своеобразного экономического ресурса.

Социально-экономические условия развития (укоренения) предпринимательской деятельности

Важные особенности предпринимательства дореволюционной России связаны с *взаимоотношениями хозяев с работниками*. Хотя были и отдельные исключения, но основную массу работников всех предприятий составляли крепостные крестьяне. Даже в период царствования Петра I, когда произошел бурный рост предпринимательства, главным образом за счет военных заказов, персонал предприятий составляли случайные люди, закреплявшиеся волей властей за вновь открывавшимися производствами наряду с крепостными. За заводами и фабриками насильно закреплялись бродяги (Указ от 7.01.1736 г.), нищие (Указ от 29.03.1753), «праздношатающиеся» (Указ от 26.03.1762 г.) и даже проститутки (Сенатский указ от сентября 1771 г.). «В итоге из-за абсолютного отсутствия заинтересованности работников на мануфактурах, неумелой, неправильной эксплуатации импортного оборудования, а также существования монополий, производимые товары были крайне низкого качества и очень дорогими» (Галай, Черных, 2012, с. 17).

Первые успешные предприниматели России, бесспорно, отличались выдающимися способностями к хозяйственной деятельности. Среди наиболее успешных хозяйственников тех лет видное место занимали Демидовы. Они отличались особо жестким отношением к рабочим, но остались в истории как яркие, самобытные, очень энергичные люди, оставившие огромный след в истории Урала. «Начинаешь писать биографию рода Демидовых, а получается биография всей России», — отмечает исследователь предпринимательства в Сибири, писатель Алексей Иванов (2005).

Несмотря на закрепощенное положение, и среди крестьян выявлялись талантливые хозяйственники, которые успешно занимались предпринимательством. Так, крепостной графа Шереметьева Григорий Бугримов в 1741 г. основал текстильную мануфактуру, которая после его смерти перешла к другому крепостному — Ивану Тричеву. Помещики чинили своим крепостным всякие препятствия. Даже выкупившись из крепостного состояния, они вынуждены были оставлять бывшим хозяевам (помещикам) формальные права собственности на производство и всю инфраструктуру. Тем не менее процесс включения даровитых крепостных в предпринимательскую деятельность продолжался вплоть до отмены крепостного права (1861). В XIX в. уже возникает относительная свобода для экономической самостоятельности, хотя полной свободы западноевропейского образца в России еще не было. Бесправное положение работников российских предприятий исчезает лишь во второй половине XIX в., в период бурного развития рыночных отношений. Соответственно, стал возрастать и профессионализм работников, в связи с чем работник для предпринимателя начал приобретать все более высокую значимость.

Социально-психологические условия расцвета русского предпринимательства (формирование предпринимательской культуры)

После отмены крепостного права Россия вступила на путь капиталистического развития, что, естественно, способствовало укреплению и росту предпринимательства, повышению уровня жизни населения. Ускоренно развивающаяся ры-

ночная экономика России породила конкуренцию предпринимателей в сфере трудовых ресурсов, в результате которой им пришлось поднимать заработную плату работникам. Примечателен в этом отношении следующий факт. Успешные предприниматели (в частности, братья Красильщиковы, предок которых, Григорий вообще не имел своей фамилии, поскольку был крепостным) платили рабочим своих предприятий в 2–3 раза более высокую зарплату, чем на соседних предприятиях. Так, стремясь переманить к себе хорошего специалиста, они устанавливали ему зарплату в две тысячи рублей, получая сами, как руководители предприятия, по полторы тысячи в месяц (Китова, Токов, 2003).

В лучшую сторону менялось и положение сельских жителей. Российские крестьяне, вопреки отдельным попыткам приписать им такие характеристики, как лень, неприспособленность к успешной хозяйственной деятельности, на самом деле не являлись таковыми. Показательно в этом плане то, что домашняя крестьянская и кустарно-ремесленная промышленность на селе в конкуренции с крупной промышленностью города удерживала значительную часть покупательского спроса. При этом конкуренция доходила до такой степени накала, что городские предприниматели, обеспокоенные деловой хваткой сельских жителей, обращались с просьбой о защите своих интересов к Императору. Вот что писал один из них в своей челобитной на имя Императора: «В уезде образовались промышленники, называемые прасолами, разносчиками, ходобщиками и мужиками-фабрикантами, которые производят, не платят никакой гильдейской повинности... Сверх того, в уезде существуют крестьяне-подрядчики, которые берут для выделки миткаля и плюсов... При дворах они имеют светлицы, за недостатком таковых раздают основу по деревням, а потому фабриканты, старавшиеся об улучшении изделий, производством своим почти вовсе теперь не занимаются...» (Афанасьев, 1991, с. 49).

Экономическая активность сельских жителей резко возросла вследствие столыпинской реформы, суть которой заключалась в передаче крестьянам земли в частную собственность. В результате комплексных мер, предпринятых в ходе реформы, урожай зерновых в 1913 г. был на одну треть выше урожая трех стран — Аргентины, Канады и США, вместе взятых. Россия обеспечивала 50% мирового сбыта яиц, 80% добычи льна и полностью удовлетворяла внутренние потребности в хлопке, который ранее экспортировали из Великобритании, сахаре, мясе и молоке, которых прежде в России не хватало (Иванов, 2005, с. 39–52).

В деревне наблюдалась резкая дифференциация в материальном состоянии крестьянства. С одной стороны, появилась прослойка зажиточных крестьян из числа вышедших из общин хуторян (крестьян-единоличников)¹, успешно развивавших хозяйственную деятельность и использовавших наемный труд крестьянских бедняков. С другой стороны, огромная масса крестьян, лишившись поддержки общины и не имея возможности самостоятельно обеспечить себя работой на небольших и часто непригодных для земледелия участках, полученных в собственность, нишала, вынуждена была бросать землю и отправляться на заработки в город или идти в наемные работники к кулакам. Именно обнищавшее и «ото-

---

¹ К 1913 г. третья часть всех вышедших из общины хозяев стала зажиточными фермерами.

рванное» от земли крестьянство составило армию дешевых рабочих рук, в которых остро нуждалась быстро развивающаяся промышленность.

В конце XIX в. Россия прочно встала *на путь промышленного развития* и вскоре вышла на передовые экономические рубежи. В начале XX в. предпринимательство стало мощным социально-психологическим явлением. За короткий срок в четыре раза увеличилась производительность труда в промышленности, которая удовлетворяла около 80% внутреннего спроса на товары; укрупнялись предприятия; капитал вновь созданных акционерных обществ возрос на 400%. Начался подъем в сельском хозяйстве. Реформа П. А. Столыпина, имевшая целью формирование класса свободных фермеров, дала положительные результаты. Произошло обновление предпринимательства, резко повысилось профессиональное мастерство рабочих и крестьян, инженерно-технического персонала.

Таким образом, к 1913 г. российское предпринимательство смогло обеспечить расцвет основных отраслей экономики, что признавалось и зарубежными аналитиками. «К середине текущего века, — предсказывал французский экономист Э. Терн, — Россия будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношениях» (Бондаренко и др., 2001, с. 112). Однако Первая мировая война нанесла колоссальный ущерб экономике России. Окончательно же ослабили экономику страны последовавшее за 1917 г. уничтожение частной собственности и ставшее следствием Гражданской войны разруха и дезорганизация производства. Начиналась новая эпоха, связанная с огромными трудностями и колоссальными достижениями в развитии социалистической экономики.

В целом предпринимательство в дореволюционной России начиная с древнейших времен неуклонно развивалось. Можно выделить в его истории три тесно взаимосвязанных социально-экономических этапа развития, которым присущи *социально-психологические особенности*.

Первый этап, начальный (этап психологического инсайта), когда наиболее инициативные люди поняли, что дары богатейшей природы страны можно обменивать на товары, которые в силу природно-климатических и экономических условий в России производиться не могли (или их производство здесь было невыгодно), хотя потенциальная потребность в них основной массой населения еще не осознавалась. Это было время расцвета Великого Новгорода, зарождения и развития знаменитого торгового маршрута «из варяг в греки». Предпринимательство в этот период являлось делом особо одаренных личностей, причем не только в смысле их высокой социальной активности, но и в плане устремленности к нововведениям, романтическим приключениям, врожденной склонности к нестандартному образу жизни, новаторству, связанному с риском и для собственности, и для самой жизни.

Второй этап развития дореволюционного российского предпринимательства (*этап психологической амбивалентности*) начался в период правления Ивана Грозного, когда Россия вела крупные завоевательные войны на Востоке, приступила к освоению Урала, Сибири, и продолжался до отмены крепостного права. Предпринимательство, ранее представленное в кустарном производстве и торговле, проникает в промышленность, создаются фабрики и заводы, но при этом преобладает горнорудное производство, добыча и переработка сырьевых ресурсов.

По мере обогащения первых предпринимателей возникает два психологических вектора в умонастроениях населения.

С одной стороны, формируется негативное отношение к успешным предпринимателям. Хотя власти пытаются опираться на них в критических ситуациях, но чиновничество всячески осложняет их деятельность. Негативизм по отношению к предпринимателям проявляла и русская интеллигенция. «В России почему-то всегда не любили состоятельного и самостоятельного человека и каждого, кто „высунулся“, старались уравнивать с общей массой. Не случайно в богатейшей русской литературе (по своему авторскому „происхождению“, в основном, дворянской), в отличие от западной, нет положительного образа богача-предпринимателя» (Бондаренко и др., 2001, с. 96).

С другой стороны, опыт успешных предпринимателей порождал у населения стремление понять смысл и механизмы успешного хозяйствования. Какие бы препятствия ни стояли на пути предпринимательства, инициативные люди находили возможности их преодолевать и идти к поставленной цели во все исторические эпохи.

Третий этап развития российского предпринимательства начинается после отмены крепостного права и достигает наивысшего для России экономического расцвета к 1913—1914 гг. (*этап социально-психологической адаптации*). С психологической позиции для этого этапа характерно массовое вовлечение населения в хозяйственную самостоятельность. Как отмечают многочисленные исследователи истории предпринимательства (Н. В. Бондаренко, Ю. П. Ветров, С. А. Гуськов, Е. В. Илларионова, Р. Х. Токов, И. Р. Федоркова, З. Г. Ханова, А. И. Шумилов, А. С. Фомина, С. И. Федосова), по темпам роста промышленной продукции и производительности труда Россия опередила быстро развивающиеся США и вышла на первое место в мире. Благодаря высоким темпам роста (около 9% в год) промышленность совершила необычайно резкий скачок вперед: объем производства возрос в 10—12 раз; выплавка стали увеличилась в 2234 раза, добыча нефти — в 1469 раз, угля — в 694 раза, производство продукции машиностроения и металлообработки — в 44 раза, химической — в 48 раз. Торговля и общественное питание стали лучшими в мире. За всеми этими грандиозными цифрами стоят предприниматели, инженерно-технические работники, рабочие и труженики инфраструктуры, энергия и профессиональное мастерство которых неуклонно возрастали и достигли к 1913—1914 гг. наивысшего для дореволюционной России развития. Следует отметить, что выдающуюся роль в этих успехах сыграли талантливые российские династии предпринимателей — Рябушинские, Стакеевы, Морозовы, Мамонтовы и многие другие патриотически настроенные лидеры экономики. Накануне событий 1917 г. Россия органически вошла в европейскую хозяйственную систему и в определенном смысле утратила национальную самобытность в экономике (Китова, 2003, с. 29—32).

Как отмечает в своей книге «Предприниматель» российский эмигрант первой волны, профессор Г. К. Гинса, не будь революции 1917 г., предпринимательство в России пошло бы быстрыми шагами по пути расширения крупного передового капитализма и пробудило бы все производительные и творческие силы страны, не прибегая к насилию, которое имело место позже. По его мнению, трудно утверждать, что дало бы это России в политическом отношении, но сама система

свободного предпринимательства лучше сохранила бы культурные силы русского народа, промышленность и повысила бы благосостояние (Гинс, 1992).

Заключение

Зарождение и развитие предпринимательства в дореволюционной России тормозилось и затруднялось целым рядом объективных (социально-экономических) и субъективных (социально-психологических) факторов: отсутствием поддержки и одобрения со стороны официальной власти, рассматривающей занятие предпринимательством как порочащее высокий социальный статус дворян; наличием сложной социально-психологической ситуации, в которой предприниматель оказывался в положении новатора со всеми сопутствующими проблемами; закрепощенным положением крестьян, среди которых нередко выделялись талантливые предприниматели.

Однако, несмотря на это, как показывает анализ выделенных этапов в эволюции российского предпринимательства дореволюционного периода, благодаря инициативе и активности предприимчивой части общества происходило развитие и укрепление предпринимательской деятельности. Развитию предпринимательства способствовали наличие богатых природных ресурсов, опыт ремесленничества, а также личные качества предпринимателей — инициативность, настойчивость, целеустремленность, способность к риску, творческому поиску в решении стоящих задач. Происходил процесс организации предпринимательских структур, выработки регламентирующих правовых и морально-нравственных норм и правил, традиции и культуры предпринимательской деятельности. В обществе постепенно осознавалась социальная значимость предпринимательства как важного социального института, способствующего укреплению государства, развитию экономики и культуры России.

Литература

- Афанасьев М. П.* 1000 лет предпринимательства на Руси: от Рюрика до Горбачева // Экономика. 1991. № 9. С. 47–53.
- Бондаренко Н. В., Ветров Ю. П., Куцетеров Р. М., Харитонов С. А.* История российского предпринимательства. Ставрополь, 2001.
- Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005.
- Галай Ю. Г., Черных К. В.* Нищенство и бродяжничество в дореволюционной России: законодательные и практические проблемы. URL: <http://eslidomanet.ru/wp-content/uploads/2012/09> (дата обращения: 05.05.2016).
- Гинс Г. К.* Предпринимательство. М., 1992.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М., 2013.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М., 2012.
- Иванов А.* История всегда кровожадна: Беседа корреспондента С. Кудрявцева // Труд. 2005. № 104.
- Китова Д. А.* Материальное самообеспечение личности в изменяющихся социально-экономических условиях России. Ставрополь, 2003.

- Китова Д. А., Токов Р. Х.* Психологические условия зарождения и развития предпринимательства в России: Учебно-методическое пособие. Черкесск, 2003.
- Кольцова В. А., Федоркова И. Р.* Психолого-историческая реконструкция социально-психологических особенностей московского купечества // Психология индивидуального и группового субъекта. М., 2002. С. 82–143.
- Методология комплексного человекознания и современная психология. М., 2008.
- Позняков В. П., Журавлев А. Л.* Деловая активность предпринимателей: методы оценки и воздействия. М., 1995.
- Проблемы экономической психологии. М., 2004. Т. 1.
- Проблемы экономической психологии. М., 2005. Т. 2.
- Психология предпринимательской деятельности: Развитие российского предпринимательства в начале 1990-х годов / Отв. ред. В. А. Бодров. М., 1995.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М., 2007.
- Федоркова И. Р.* Психолого-историческая реконструкция Московского купеческого общества как субъекта предпринимательской активности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.

Некоторые страницы истории отечественной социальной психологии

В. В. Колосова (Нижний Новгород)

Запрос на разработку психологических проблем общества и личности диктуется новыми реалиями социальной жизни, требующими научного осмысления и социально-психологического анализа. Актуализация проблем безопасности в современном нестабильном мире, имущественное расслоение, коррупция, кризис морали и культуры, преступность, сокращение населения – вот далеко не полный перечень явлений современной действительности, которые определяют направления научного поиска социальных психологов.

Актуальность проблем социально-психологической науки отмечают многие ученые (Г. М. Андреева, Е. П. Белинская, К. Герген, А. Л. Журавлев, Ю. М. Забродин, В. А. Мазилев, С. Московичи, Т. Г. Стефаненко, О. А. Тихомандрицкая и др.). При этом, несмотря на более чем столетнюю историю развития социальной психологии как отрасли психологической науки, продолжается полемика относительно ее задач и области исследования. Подробное рассмотрение этих вопросов выходит за рамки данной статьи, поэтому мы остановимся на некоторых аспектах истории социальной психологии в России от периода ее развития в 1920-х годах до настоящего времени.

Размышляя о востребованности социально-психологического знания, современник грандиозных политических событий российской истории начала XX в., Георгий Иванович Челпанов (1862–1936) считал, что огромные социаль-

ные проблемы, выдвигаемые жизнью, потребуют изучения социальной психологии, не природа, а человек и его социальная структура будет главным предметом научного интереса (Челпанов, 1926).

Как справедливо отмечает известный ученый, один из «пионеров» возрождения отечественной социальной психологии в 1960–1980-х годах Б. Д. Парыгин, особенность процесса становления российской социальной психологии в послереволюционные годы состояла в необходимости, откликаясь на социальный заказ своего времени, дать ответ на вопрос о путях социально-психологического обеспечения социалистического строительства. Она должна была помочь обществу в созидании и в формировании психологии, идеологии и культуры нового человека. Решительная ломка старого социального уклада жизни и многообразие подходов к построению социальной психологии, связанное с работой на этом поприще представителей разных направлений и поколений, определили острый характер полемики между ними (Парыгин, 1999).

Идея Г. И. Челпанова о том, что психология должна включать две части — естественно-научную и социальную — изложена в ряде его работ: «Психология и марксизм» (1925); «Объективная психология в России и Америке» (1925); «Психология или рефлексология?» (1926); «Спинозизм и материализм» (1927). Отвечая на вопрос, сформулированный в названии работы «Социальная психология или условные рефлексы?», Г. И. Челпанов отмечал, что он ни в малейшей степени не отрицает важного научного значения учения об условных рефлексах, эндокринологии и пр. для психологии, но утверждает, что они совершенно не нужны для специальной марксистской психологии, которая является социальной психологией и которая идет не на смену прежней индивидуальной психологии, а должна работать наряду с ней (Челпанов, 1926).

Фактически, автор выразил мнение, которое несколько лет оставалось в центре внимания научной психологической общественности — право марксистской советской социальной психологии на самостоятельное существование.

Обосновывая роль и место социальной психологии в системе научного знания, Челпанов отмечал, что социальная психология не должна играть подчиненной роли у физиологической и экспериментальной психологии, как это принято в настоящее время, и не должна приспосабливаться к последним, но она должна играть руководящую роль, как представляющая наиболее сложный вид психологии (Челпанов, 1926). Известно, что данная точка зрения встретила активное сопротивление со стороны коллег и учеников Г. И. Челпанова, так как, фактически, речь шла о независимой от марксистского мировоззрения эмпирической психологии и о перестройке в рамках марксизма только социальной психологии.

Содержание дискуссии о предмете и методах психологии, которые Г. И. Челпанов называл вопросами жизненной важности, публичное осуждение научной позиции Г. И. Челпанова и социальной психологии как самостоятельной науки подробно описаны в работах Г. М. Андреевой (1996), Е. А. Будиловой (1983), Е. С. Кузьмина (1979), Б. Д. Парыгина (1999), А. В. Петровского (2000), Л. А. Радзиховского (1982) и др.

Анализируя развитие психологической науки в России XX столетия, авторы коллективной монографии отмечают, что социальная психология, возникнув и начав бурно развиваться на рубеже XIX и XX вв., с 1930-х до 1960-х годов прак-

тически исчезает как самостоятельная отрасль психологической науки. Это было результатом воздействия государственной научной политики эпохи тоталитаризма на судьбы многих общественных наук. Но почему под «каток репрессивной машины» попала социальная психология? По-видимому, сыграло роль то обстоятельство, что социальная психология, стремясь применить марксизм к анализу массовых психических явлений, оказалась в конкурентных отношениях с идеологией, которая опиралась на политические, а не на научные основания (Психологическая наука в России XX столетия, 1997).

При этом, как пишет В. В. Новиков, отечественная социальная психология была нужна тому государству и той единственной партии, которые, пусть не до конца, но востребовали ее развитие. В ответ на это наша наука объективно служила им (Новиков, 2003).

Важно также отметить, что в 1926 г. И. Челпанов выдвинул идею организации специального Института социальной психологии, обратившись с этим предложением в «Главнауку»: «Молодежь в настоящее время учится психологии по преимуществу физиологической и биологической и не учится психологии социологической и этнологической. Вследствие несоответствующей подготовки она не будет в состоянии в ближайшие годы приступить к исследовательской работе в области социальной психологии» (цит. по: Психологический институт в Москве, 2013, с. 66). Учитывая, что к тому времени социальная или общественная психология за рубежом уже выделилась в отдельную науку со своими особыми содержанием и методами, разработка коллективной психологии осуществлялась в Германии, Англии, Франции, Америке, создание нового научного учреждения оценивалось Челпановым как вопрос первоочередной важности.

Несмотря на то, что комиссия Ассоциации научно-исследовательских институтов одобрила идею об изучении социальной психологии, после долгих споров вопрос об Институте был снят. Принятое же решение о создании Секции социальной психологии во главе с профессором Михаилом Андреевичем Рейснером (1868—1928) на деле оказалось формальным, так как эта структура не имела средств и кадрового обеспечения.

Примечательно отмеченное Н. Ю. Стоюхиной событие, состоявшееся в Нижегородском государственном университете (Стоюхина, 2013). С 1919 г. на историко-филологическом факультете НГУ работал ученик Г. И. Челпанова Павел Сергеевич Попов (1892—1964). В апреле 1920 г. Попов выступил с докладом «О необходимости собирать вовремя материалы для научного исследования психологии революционных масс». С этой целью на факультете была создана комиссия по разработке проекта организации Института для изучения революционной современности. На наш взгляд, доклад П. С. Попова — это отклик на предложение Института социальной психологии, созданного весной 1917 г. в Москве. Попов был командирован в Москву для ознакомления с работой Института. Однако заявленный им план так и остался нереализованным.

Институт социальной психологии должен был стать организатором наблюдения за социальной действительностью. В качестве наблюдателей выступали корреспонденты, находящиеся во всех странах и в разных общественных слоях, работающие под общим руководством и по единому плану, разработанному центральной социологической лабораторией Института.

Основателем Института и его руководителем был выдающийся философ, социолог и правовед, профессор Московского университета Вениамин Михайлович Хвостов (1868–1920). В работе Института на разных этапах его деятельности принимали участие многие известные ученые: П. А. Сорокин, П. А. Кропоткин, Н. А. Бердяев, И. А. Покровский, Р. Ю. Виппер, Н. А. Витке и др. Изначально планировалось создание более обширного по своим задачам Социологического института, включающего в себя отделы права, этнологии, языкознания и социальной психологии, но, поскольку реализовать этот проект не удалось, был организован Институт социальной психологии как самостоятельное научное учреждение (Бызов, 2011).

Существование Института было недолгим. В начале 1920-х годов он был закрыт, а многие ученые, участвующие в его работе, были высланы из СССР или подверглись репрессиям. Но и за этот короткий срок деятельности Института в неимоверно тяжелых условиях послереволюционной хозяйственной разрухи, отсутствия материальных средств для проведения исследований, дезорганизации общественной жизни было сделано немало: разрабатывались методологические основы проведения исследований; с привлечением военных специалистов началось изучение армии как особой социальной организации, включая ее психологическую составляющую; предметом исследования были бурно развивающееся в России в период НЭПа кооперативное (артельное) движение, а также зарождающаяся в эти годы система научной организации труда.

История существования Института является примером политико-идеологического давления на науку. Надежды выдающихся ученых и организаторов науки, связанные с Институтом социальной психологии социологического профиля, разрушились (Колосова, 2014).

Неудачная попытка самоопределения социальной психологии в СССР в 1920-е годы привела в дальнейшем к ее квалификации как лженауки, несовместимой с марксизмом.

Известный отечественный ученый Петр Николаевич Шихирев (1936–2004) отмечал, что российская социальная психология во многом формировалась под влиянием общественной практики и социальной мысли дореволюционной России. Результатом влияния марксизма на психологическое знание в Советской России стали базовые философские категории, зафиксированные в аппарате науки: «деятельность», «общение», «общественное сознание», «отражение», «общественные отношения». Следует признать, что зарубежные исследователи, знакомые с марксистской философией, с трудом понимали смысл теоретических исследований, потому что большинство базовых категорий не поддавалось точному переводу на английский язык.

При этом существенным вкладом марксистской социальной психологии в мировую психологическую науку стала практика исследования реальной жизни (а не экспериментальных групп) советских людей в 1960–1980-е годы (Шихирев, 1999).

Анализируя состояние, проблемы и задачи современной (постсоветской) российской социальной психологии, следует отметить, что сегодня она представляет собой разветвленную отрасль научного знания, предметом изучения которой являются социальные общности разного уровня, социально-психологические

характеристики организаций, психология коллективного субъекта и личности в коллективе, проблемы экономической и этнической психологии, психологии рекламы, взаимодействия и воздействия, психологии массовых явлений и др. В последние годы возникла новая отрасль социальной психологии – макропсихология, имеющая целью изучение социальных процессов, соразмерных обществу в целом (Макропсихология..., 2009).

Внутренняя логика развития психологической науки привела к необходимости расширения объекта ее изучения и обращению к анализу социальных представлений россиян в условиях «культурной травмы», связанной с коренным преобразованием социально-экономических основ общества и привычного уклада жизни, нравственного идеала как индикатора психологического состояния общества, динамики ценностных ориентаций личности, жизнестойкости общества, менталитета народа и т.д.

Одна из характерных черт науки нашего времени, связанная с изменениями в социуме и процессе их научного осмысления, в том числе социально-психологического, – обновление и обогащение понятийного аппарата, принципов и методов исследования. Это, однако, не означает полного отказа от ранее сложившихся и ставших уже традиционными представлений и находок. Скорее есть основания говорить об их известном совмещении друг с другом (Парыгин, 1999).

В перечне вопросов, которые ставит перед социальной психологией время, – психологические последствия социально-экономических реформ и демократизации общественной жизни; причины и динамика массовых протестных настроений; социальные, правовые, моральные представления россиян, восприятие ими социальных инноваций в жизни общества. Одна из центральных проблем – проблема управления социальными процессами на макро- и микроуровнях и во всех сферах общества. Исследователи, которые возьмут на себя труд полно и непредвзято реконструировать российскую социальную психологию, подчеркивал П. Н. Шихирев, без сомнения, откроют россыпи ярчайших идей и постановок проблем, подтолкнут к оригинальным гипотезам.

Социальная психология, имеющая длительную традицию изучения сложных проблем социальной реальности, обладает большим научным потенциалом для разработки прикладных технологий и фундаментальных исследований актуальных проблем общества.

Литература

- Бызов Л. А.* Институт социальной психологии в Москве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 4 (104). С. 107–130.
- Колосова В. В.* Научный потенциал социально-психологического знания: проблемы становления и перспективы развития // Приволжский научный вестник. 2014. № 11–12 (39). С. 147–152.
- Макропсихология современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., 2009.
- Парыгин Б. Д.* Социальная психология: Проблемы методологии, истории и теории. СПб., 1999.

- Психологический институт в Москве: российский центр психологической науки, культуры и образования: Документальная летопись к 100-летию со дня основания. М.—СПб., 2013.
- Социальная психология в современном мире / Под ред. Г. М. Андреевой, А. И. Донцова. М., 2002.
- Стоюхина Н. Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918—1921 гг.). Н. Новгород, 2013.
- Челпанов Г. И. Социальная психология или условные рефлексy? М.—Л., 1926.
- Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М., 1999.

Понятие «душа» в «Философском лексиконе» С. С. Гогоцкого в свете критики М. А. Антоновича

А. А. Костригин (Ярославль, Нижний Новгород)

История психологии на современном этапе развития психологии относится к числу наиболее интенсивно развивающихся отраслей психологической науки. Проводятся глубокие историко-психологические исследования (Ибрагимова, Серебряков, 2011; Кольцова, 2008, 2011; Кольцова, Олейник, 2011; Костригин, 2015, 2016; Мазиллов, 1998; Стоюхина, 2015; Стоюхина, Костригин, 2015; Стоюхина, Мазиллов, Костригин, 2015; и др.), в науку возвращаются имена незаслуженно забытых ученых и мыслителей прошлого, расширяется источниковая и фактологическая база исследования. В этом ряду в качестве позитивного момента следует отметить издание трудов XIX столетия, которые были основополагающими для той эпохи (Авсеньев, 2008; Галич, 2008; Гогоцкий, 2009; Голубинский, 2006; Зубовский, 2006; Снегирев, 2008).

Одной из малоисследованных проблем является значение критики в становлении психологического знания в XIX столетия. Журнальные статьи в то время были очень удобной и популярной площадкой для дискуссий по актуальным проблемам науки. Среди наиболее известных журналов можно назвать такие, как «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Журнал Министерства народного просвещения», «Русская мысль», «Православный собеседник», «Вера и Разум», «Университетские известия», «Вопросы философии и психологии» и др.

В данной статье мы сосредоточимся на одной критической статье в журнале «Современник» за 1861 г., автором которой является Антонович Максим Алексеевич (1835—1918) — публицист, литературный критик, последователь Н. Г. Чернышевского (Кириллова, 2014).

В своей статье он представляет два тома вышедшего в 1861 г. «Философского Лексикона» — философского словаря богослова, философа, историка философии, педагога, доктора философии и древней филологии, преподавателя Киевской духовной академии Сильвестра Сильвестровича Гогоцкого (1813—1889) (Абрамов,

2014). В статье Антоновича нас интересует не столько общая характеристика книги Гогоцкого, сколько полемика автора и литературного критика по поводу понятия «душа». Представим ход этой дискуссии.

Сначала М. А. Антонович дает общую характеристику «Философского лексикона»: «Как справочный сборник, „Философский лексикон“ книга довольно дельная; в нем вы можете навести справки не только о философях в собственном смысле, но даже и о таких господах, которыми случайно и по недоразумению дан титул философам. ... Биографии философам изложены обстоятельно, сказано, когда философ родился и умер, где жил, какой имел чин, буде имел, какие проходил должности, какие писал сочинения, кем и когда они были изданы, и есть ли переводы их на другие языки; все это подчас бывает очень нужно и важно; иногда указаны даже монографии и замечательные статьи о том или другом философе. Затем приводятся характеристические мысли излагаемого философа, и если это философ, и если это философ первой величины, тут же кратко изображается и вся его система по пунктам и по отделам, так что и можно узнать, как философ думал об одном предмете, как о другом, как о третьем и т. д. — словом сказать, о разных предметах; а, наконец, в заключении предлагается краткое или подробное опровержение мыслей философа, смотря по нужде» (Антонович, 1861, с. 251–252).

Однако тут же высказывается замечание, касающееся состава представленных в словаре персоналий: автор включил в словарь статьи о фигурах, которые почти неизвестны, да и сами статьи состоят буквально из одного предложения.

Другое замечание состоит в том, что, по мнению Антоновича, Гогоцкий неоднозначно критикует философам, которые соотносятся или не соотносятся с его собственными философскими взглядами: «Неприятно также бросается в глаза и то обстоятельство в „Лексиконе“, что составитель чересчур напирает на мнения философам, которые согласны с его образом мыслей, и, напротив, как-то скрадывает и затушевывает те, которые ему не нравятся, даже старается натянуть их и объяснить в свою пользу» (Антонович, 1861, с. 253).

Указывая на некоторые недостатки в оформлении словаря, Антонович делает следующее заключение: «Мы, впрочем, не придаем важного значения указанным недостаткам; во-первых, они исправимы, а во-вторых, их легко можно извинить, особенно, если принять во внимание то обстоятельство, на которое указывает автор, требуя снисходительности к недостаткам своего труда, т. е. что все издание сделано силами одного лица; хотя мы, впрочем, расположены думать, что в составлении „Лексикона“ трудилось не одно лицо. Правда, все статьи пригнаны под одну мерку, проникнуты одинаковыми тенденциями, но в изложении их заметна некоторая разница: одни статьи написаны спокойно солидно, как и следует быть философским статьям; в других же, напротив, такое высокопарное красноречие и фразерство, какое показалось бы странным даже где-нибудь в риторике; одни и те же собственные имена в разных статьях читаются различно. Впрочем, все эти разности могли произойти и от случайных обстоятельств, расположения духа и проч.» (там же).

Больше всего критических замечаний высказывается в адрес статьи С. С. Гогоцкого «О душе». М. А. Антонович характеризует философские взгляды Гогоцкого как христиански-православно-оринетированные. По его мнению, то, что «Философский лексикон» выражает философские взгляды автора, обесценивает этот

словарь: «Этот труд, по нашему искреннему убеждению, совершенно излишний и бесполезный... он излишен потому, что истины, им проповедуемые, давным-давно известны всем православным христианам из „Православного Катехизиса“» (Антонович, 1861, с. 260). В связи с этим возникает вопрос: «Что за охота, или что за необходимость была составителю маскироваться, являться пред публикой в философской мантии, становиться пред нею на философские ходули?» (там же).

Антонович ожидал от автора рассмотрения прежних проблем с новых сторон, открытия новых аспектов в соответствии с современным состоянием философской мысли, но «ничего подобного нет в его труде: у него нет ничего такого, о чем не говорится в сотнях русских книг очень издавна. В душе нашей есть врожденная идея бесконечного; эта идея раздробляется потом на три идеи: идею безусловной истины, безусловного добра и безусловной красоты; каждая из них, в свою очередь, опять преломляется на несколько идей и т. д. Вот вам и все содержание философии. Нет нужды усиленно работать мыслию, не нужно ни исследовать, ни решать, ни доказывать ничего: все решено и доказано в готовых врожденных идеях» (там же, с. 261).

Отмечается также навязчивая склонность Гогоцкого в большинстве статей полемизировать с материалистами: «На материализм он обращает особенное, в некоторых случаях даже исключительное внимание; и мы решительно не можем понять, почему материалисты удостоиваются такой чести, тогда как он вообще смотрит на них с пренебрежением, а часто и с полным презрением» (там же, с. 265–266).

Антонович рассматривает критику материализма, содержащуюся в «Лексиконе», на примере понятия души. Он приводит определение души, даваемое Гогоцким, подчеркивая его мысль о том, что отличительной способностью души является единство; то же можно сказать и о «Я», нашей личности, которая так же едина и неразделима, не состоит из частей.

Антонович предлагает рассмотреть доказательства противоположной точки зрения — что наша душа, наоборот, имеет множество частных явлений. Он ссылается на утверждение И. Канта о том, что наша уверенность в единстве «Я» и вообще личности нашей — это иллюзия или «паралогизм». Согласно Антоновичу, самосознание является сложным процессом: «От взаимодействия между внешним миром и нашими психическими силами образуется множество представлений, понятий, стремлений и других актов и явлений психических; общая совокупность их, обусловливаемая единством организма и составляющая нечто целое, отдельный и самостоятельный индивидуум, — и есть основание самосознания, которое действительно есть единство, но единство сложное, сумма многих отдельных единиц; в душе есть частные сознательные представления и другие психические акты, а вне их нет, да и нельзя себе представить ничего, никакого отдельного от них „Я“, которому они принадлежат. Воображают, что существует самостоятельное „Я“ — что-то в роде турецкого султана, который или сам создал, или откуда-нибудь набрал для себя множество турок, представлений, стремлений и проч., состоящих в его полном распоряжении; тогда как на деле существуют собственно турки, а султан служит только формальным выражением их единства — не будь турок, не было бы и султана» (там же, с. 270). Антонович считает, что когда мы

принимаем решение, то решают все наши явления души. Под сомнение ставится им именно это эфемерное понятие «Я» как единственно движущая нами сила.

Например, когда мы задумались, то исчезает ощущение нашего «Я», остаются только мысли; а если в это время мы еще и идем, то, иронизирует Антонович, совсем непонятно, кто же нами управляет. Еще одним подтверждением своего мнения он считает явление сновидений, когда отдельные представления в сновидении ведут себя самостоятельно, независимо от нашего «Я».

Рассматривая далее утверждение Гогоцкого об ошибочности материалистического понимания души как составленной из отдельных частей, Антонович называет его наивным и даже вспоминает софизм о плешивом (там же, с. 273). Постулат о невозможности мозга и нервной системы генерировать душу, о том, что материалист должен показать, как из мозга рождаются мысли, чувства и воля, Антонович считает несостоятельным из-за слабости его доказательства. Он пишет: «Полемика автора решительно теряет еще оттого, что он нигде, ни в одном месте не привел подлинных слов какого-нибудь материалиста, что легко может возбудить подозрение в перетолковании. <...> Составитель, кажется, уж слишком грубо представляет себе материалистические понятия, воображает, будто, по их представлению, мысли — это какие-то крупинки, шарики, или нити, то же, что вещественные органы, и что вся душа есть не что иное, как мозг, сознающий себя» (там же, с. 275).

Все сказанное приводит Антоновича к выводу, что Гогоцкий не знаком с современной физиологической литературой и только комментирует философов прошлого: «Вообще это большая невыгода для философов-идеалистов, вступающих в борьбу с материалистами даже на арене физиологической; тут они претерпевают поражения, обращаются в бегство и запираются в метафизических крепостях, куда зовут всех физиологов и материалистов; а эти нейдут и приглашают их в свою область, и, в свою очередь, бывают очень забавно опутанные метафизическими сетями и пораженные неизвестными им метафизическими орудиями. <...> И от того взаимного незнания спор запутывается и затягивается» (там же, с. 276).

Наконец, Антонович касается размышления Гогоцкого об отношении души и тела. Гогоцкий говорит, что пока не были найдены «удовлетворительные» ответы на вопросы о происхождении души в теле. Антонович подхватывает эту мысль: «Прекрасно! Вот и по вашей системе многое не объясняется, значит — она ложна. Вследствие всего этого составитель „Философского Лексикона“ пошел на мировую с материалистами, и вы, говорит он, не можете объяснить психических явлений, и мы тоже не можем, — значит, и толковать тут нечего» (там же, с. 278). И далее: «Вот вам результат ученой, обширной и многосложной критики — и „вы неправы, и мы неправы“. Зачем же было тратить на это столько жару и пафосу, зачем было бранить глупцами и нелепыми своих противников?» (там же).

Заключает свою критику Антонович общей характеристикой работы: «Итак, собственная философия составителя неудовлетворительна, критика других философских систем слаба и неосновательна — остается только историческая, внешняя сторона „Философского Лексикона“» (там же). Он рекомендует Гогоцкому заниматься вопросами более современными, насущными, более востребованными не только философами и специалистами, но и широким кругом людей, жестко формулируя свои рекомендации: «С первого же раза „Лексикон“ отталкивает

от себя своею абсолютною отрешенностью от духа времени, каким-то совершенным равнодушием, если не презрением ко всему современному, живому, ко всем интересам и потребностям современного общества, точно будто „Лексикон“ написан в XV веке и предназначен для XXV. Тому неизвестно, что наше время славится обилием поднятых вопросов, заявленных требований, затронутых новых сторон в предметах; практическая деятельность ищет для себя опоры и новых оснований. Казалось, сколько бы можно было найти тут пищи для философского ума и случаев для философской благотворительности! Но составитель решительно ничего не хотел знать о том, что вокруг него делается, что нас занимает, о чем мы хлопочем, чего требуем, что составляет предмет наших надежд, не желает вставить ни одного словечка в нашу одушевленную и новую речь. О современной литературе он и не слыхивал и как будто даже не подозревает ее существования — точно человек сидит за китайскою стеною, чрез которую не могут дойти до него никак современные суждения, толки, споры, вопросы, имеющие философское значение» (там же, с. 279).

Переходя от частного вопроса — критики «Философского словаря» с элементами философской теории публицистом — к определению значения данного явления в контексте дискуссии «о судьбах психологии», необходимо сказать, что сам по себе журнал «Современник», в котором и была опубликована критическая статья Антоновича, является характерным признаком середины XIX столетия. Публицистика, критика, свободная полемика стали «визитной карточкой» интеллектуальной жизни общества этого времени. Однако М. М. Карпович считает интеллектуалов этого периода достаточно ограниченными в своем вкладе. Они в основном занимались разрушением традиционного; именно в это время вошло в обиход слово «нигилизм». Он пишет: «...Нападкам подвергался авторитет академический (как в науке, так и в искусстве), а также религиозный и политический, хотя последний — как правило, в его прикладном измерении, равно как и всевозможные социальные условности. Дух этого движения удивительный. У него эффектные, несерьезные черты, я бы сказал, типичные для бунтарского движения, возглавляемого молодежью. В нем много такого, что по-французски можно выразить как „roug erater les bourgeois“: многое делалось и говорилось, чтобы раздражить и спровоцировать противников» (Карпович, 2012, с. 167). Так и Антонович, пренебрегая авторитетами, на которых базирует свою концепцию Гогоцкий, «раздраживает» его, очень жестко критикует и обесценивает труд философа.

Безусловно, проблема души являлась одной из ключевых в философском и научном дискурсе XIX столетия. Интерес к ней в широких научных кругах доказывается и тем, что в ее обсуждении участвовали даже публицисты, предлагая свои трактовки данного феномена. Дискурс критики и рецензий XIX в. еще предстоит исследовать, особенно применительно к психологической проблематике. Представляется также важным возродить жанр дискуссии в научных статьях (Костригин, Мироненко, Чупров, 2015).

Литература

Абрамов А. И. Гогоцкий Сильвестр Сильвестрович // Русская философия: Энциклопедия / Под. общ. ред. М. А. Маслина. Сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. М., 2014.

- Авсенов П. С.* Из записок по психологии. СПб., 2008.
- Антонович М. А.* Современная философия. (Философский лексикон. Т. I «А, Б, В» СПб., 1859. Т. II «Г, Д, Е, Ж, З, И». С. Г., Киев. 1861 // Современник. 1861. № 2. С. 249–280.
- Галич А. И.* Опыт философского словаря / Сост. и статьи А. А. Шевцова. СПб.–Иваново, 2008.
- Гогоцкий С. С.* Философский лексикон. В 4 т. Киев, 1861. Т. 2.
- Гогоцкий С. С.* Философский словарь / Вступит. статья А. А. Шевцова. СПб.–Иваново, 2009.
- Голубинский Ф. А.* Лекции по философии и умозрительной психологии. СПб., 2006.
- Зубовский Н. А.* Психология. СПб., 2006.
- Ибрагимова З. З., Серебряков Ф. Ф.* Философская мысль в Казанском университете // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2011. № 1. С. 46–62.
- Карпович М. М.* Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII–XX века). М., 2012.
- Кириллова Е. А.* Антонович Максим Алексеевич // Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М. А. Маслина. Сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. М., 2014. С. 26–27.
- Кольцова В. А.* История психологии: проблемы методологии. М., 2008.
- Кольцова В. А.* Место С. Л. Рубинштейна в истории отечественной психологии // Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна / Под ред. К. А. Абульхановой. М., 2011. С. 27–33.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 2006.
- Костригин А. А.* «История души» П. С. Авсенева как психологическая дисциплина // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3–4. С. 20–29.
- Костригин А. А.* Психологические термины в философских словарях России XIX–начала XX в. // Концепт: Научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 15. С. 2181–2185.
- Костригин А. А., Мироненко И. А., Чупров Л. Ф.* Дискуссия по статье А. Яницкого «Сталинская модель науки: история и современность российской психологии» // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3–4. С. 430–439.
- Мазилев В. А.* Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998.
- Снегирев В. А.* Психология. СПб., 2008.
- Стоюхина Н. Ю.* Из истории становления психологии в Нижнем Новгороде // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3–4. С. 122–138.
- Стоюхина Н. Ю., Костригин А. А.* Отечественные психологи конца XIX–начала XX в. о снах и сновидениях // Психология и Психотехника. 2015. № 1. С. 63–69.
- Стоюхина Н. Ю., Мазилев В. А., Костригин А. А.* Вениамин Алексеевич Снегирев: богослов и психолог // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 2. № 3. С. 138–149.

История разработки проблемы социального интеллекта

О. В. Лунева (Москва)

Введение

История изучения социального интеллекта личности приближается к столетию, если отсчитывать ее с момента появления его первого описания, сделанного в 1920 г. Э. Торндайком. Если выбрать только два слова, характеризующие социальный интеллект личности как предмет исследования, то ими, по мнению автора, могут быть прилагательные «значимый» и «трудно изучаемый». Значимый – потому, что социальная жизнь является сферой проявления и реализации социального интеллекта личности. Значимость и актуальность его исследования по-прежнему сохраняется на высоком уровне (Журавлев, 2007, 2011). Трудно изучаемый – потому, что предмет настолько сложен, что ряд ученых, не завершив исследования социального интеллекта, прекращали их (Лунева, 2015). Так, Морин О’Салливан, ведущий специалист Дж. Гилфорда по изучению социального интеллекта, отмечала, что одной из главных причин прекращения ее научной работы в этой области стали трудности, обусловленные сложностью природы социального интеллекта (Landy, 2005).

Чем же были заполнены десятилетия научного поиска? В результате анализа публикаций, посвященных социальному интеллекту в целом и его отдельным сторонам, автором было выделено несколько хронологических периодов (Лунева, 2009). Критериями периодизации стали смена приоритетных научных подходов к пониманию природы социального интеллекта и развитие инструментальных исследовательских процедур. Далее будут кратко представлены достижения каждого периода, их вклад в развитие научного знания о социальном интеллекте личности с 1920 г. по 2011 г.

Первые научные представления о социальном интеллекте (1920–1926 гг.)

1. Эдвард Торндайк, американский психолог, ввел в психологию понятие «социальный интеллект». При этом он подчеркивал: содержательно он отличается от абстрактного и механического видов интеллекта. Торндайк рассматривал социальный интеллект как *способность понимать других людей, действовать разумно в человеческих отношениях, добиваться успеха в ситуациях межличностного взаимодействия, мудро управлять людьми разного пола и возраста*.
2. В конце XIX–начале XX в. в печати появились работы известных социологов, посвященные проблемам межличностного взаимодействия и социального поведения. Социологи не использовали сам термин «социальный интеллект», но содержательно обсуждаемые ими феномены были близки к пониманию социального интеллекта Торндайком.

3. Работы немецкого ученого Георга Зиммеля поставили в центр научного анализа жизнь человека в обществе, предопределив во многом ход дальнейших социологических исследований. Понятие «взаимодействие как межличностное взаимодействие» является базовым в его социологической теории. Зиммелем выделены цели и мотивы взаимодействия, а также возникающие в процессе взаимодействия личностей взаимные воздействия, порождающие формы социальной жизни.
4. Немецким социологом Максом Вебером разработана теория социального действия как инструмента для объяснения поведения различных типов людей, определено понятие «социальный» как характеристика действия, относимого с другими людьми и ориентированного на их поведение. Это представляется особенно значимым, поскольку чаще всего прилагательное «социальный» трактуется как «общественный» без раскрытия его содержания. Вебер не только связал социальные действия со *смыслом, ценностью*, выделил их типы, но и раскрыл в них роль *нравственных, рациональных и аффективных* компонентов. Появилась самостоятельная область социологии (М. Вебер, К. Маннгейм) — социальное познание. Родоначальниками теории социального познания показана *социальная обусловленность знаний, роль культурных приобретений человека в процессе понимания действительности*, приоритет над мышлением переживаний, возникающих в процессе совместной деятельности людей.

Таким образом, первый период изучения социального интеллекта определил место важнейших маркеров формирования представлений о социальном интеллекте и показал возможные направления его исследования. Было установлено, что сферой проявления социального интеллекта является *взаимодействие* людей, что это взаимодействие может быть разного типа, что поведение человека в этом взаимодействии связано с пониманием других людей, что оно социально и детерминировано системой ценностей и смыслов. Регуляция социального поведения осуществляется также когнитивными, аффективными и нравственными компонентами. Следует отметить, что все научные представления этого периода не были проверены эмпирически. Правда, Вебер использовал для объяснения своих теоретических положений случаи и примеры из реальной жизни.

Измерения социального интеллекта и выявление его связи с социальным взаимодействием (1927–1938 гг.)

Главным достижением этого периода были попытки операционализации социального интеллекта.

1. Психологи определили характеристики, которые относятся к сфере социального поведения и ранее не были предметом исследования. В этот круг вошли следующие характеристики: *умение ладить с людьми, уверенно вести себя в разных ситуациях; способность понимать состояния других людей; компетентность в социальных вопросах и проблемах; чувствительность к стимулам, исходящим от других членов социальной группы; умение понять настроения незнакомых людей, их личностные характеристики* (Т. Хант, Ф. Вернон и др.).

2. Появление тестов социального интеллекта, которые до сих пор используются в практике психологических исследований (Тест Дж. Вашингтона – GWSIT и др.).
3. У части исследователей возникли сомнения в адекватности применения традиционных методов психологических измерений к поликонтекстным и сложным феноменам человеческого взаимодействия, к которым относится и социальный интеллект. Психометрическая недоказательность существования социального интеллекта вступила в противоречие с реально существующими его проявлениями.
4. Отечественным психологом Л. С. Выготским была показана значимость процесса социального взаимодействия для развития высших психических функций человека и овладения личностью высшими *формами поведения*. Особенно подчеркивалось, что в процессе социального взаимодействия участвует не просто набор психических функций, а целостная *личность*.
5. Американским социологом Дж. Мидом были выделены структуры социального символического акта и раскрыто понимание его как обмена установками, смыслами и значениями индивидов, включенных в диалог. Им же осуществлен анализ *символов* как условий и средств социального взаимодействия, через которые можно изучать его характеристики и проявления.
6. Группой социологов было сформулировано понимание социальных норм, ценностей, культурных качеств, образцов поведения, вырабатываемых каждой эпохой, как важнейших регуляторов социального взаимодействия (Дж. Мид, Т. Парсонс, П. Сорокин и др.).
7. Дано описание *структуры социального действия*, в которой действующий субъект, учитывая реальную ситуацию, ставит *цель* и выбирает *средства* ее достижения (Т. Парсонс).

Исследование отдельных аспектов социального взаимодействия (конец 1930-х годов–1964 г.)

1. Впервые в батарею тестов интеллекта, разрабатываемых на основе концепции американского психолога Л. Терстоуна, были включены *социальные способности, связанные с пониманием других людей* (SATB).
2. В этот период дважды (1949, 1955) переиздавался тест социального интеллекта Дж. Вашингтона (GWSIT), подвергшийся активной критике сторонников психометрического подхода. Это отражало потребность исследователей (в том числе практических психологов) в инструментах диагностики социального интеллекта.
3. Продолжились исследования, посвященные непосредственно социальному интеллекту (С. Витрол, Д. Джексон, В. Кисс, Л. Кронбах, К. Стрэнг, Л. Сечрест). Появились новые концепции, рассматривающие *характеристики личности*, проявляющиеся в *социальном взаимодействии* (Е. Долл, Г. Келли, Л. Колберг). Кроме того, была разработана модель личности Р. Кеттела, а затем модель «Большая пятерка», которые впоследствии также использовались для определения влияния личностных черт на различные стороны поведения человека.

4. Опубликован первый вариант теории *социального научения* А. Бандуры, ставшей очень популярной в объяснении механизмов возникновения у человека различных моделей поведения.
5. Американским социологом Р. Мертоном была поставлена проблема соотношения *образа мира*, сотворенного человеком, и *реального мира*, в котором люди живут. Ученый предположил, что модель поведения в конкретной социальной ситуации определяется субъективным образом (картиной) этой ситуации.
6. Серьезный вклад в социологию и психологию социального поведения внес американский социолог И. Гоффман. Разработанный им «*драматургический метод*» и «*метод рамочного анализа*» использовался автором для исследования *повседневного взаимодействия* людей. Предметом анализа в этом случае становились различные аспекты поведения людей: *создание впечатления о себе у других; формирование впечатления друг о друге участников взаимодействия; состояния и переживания людей в конкретных условиях взаимодействия; пластичность поведения, возникающая под воздействием обстоятельств и в результате развития процесса взаимодействия индивидов.*

Социальный интеллект в структуре модели интеллекта Гилфорда (1965–1969 гг.)

1. Впервые в США предпринято масштабное исследование социального интеллекта в рамках проекта «*Модель структуры интеллекта Гилфорда*». Дж. Гилфорд стал организатором и научным руководителем этого проекта, положив в его основу теоретически разработанную им концепцию интеллекта.
2. Исследователям удалось измерить выраженные социальные способности двух типов: *понимания поведения людей и эффективного взаимодействия* с другими людьми. Так, группой М. О'Салливан были выявлены самостоятельные *социальные способности к познанию поведения*. А группой под руководством М. Хендрикса были выделены группы способностей дивергентного мышления, включенные в *креативный социальный интеллект*.
3. Выделенные в исследовании поведенческие факторы не вписывались в модель структуры интеллекта Гилфорда, вследствие чего встал вопрос о поиске новых путей ментальной репрезентации социального взаимодействия и механизмов его регуляции. Участники проекта пытались разработать тесты, измеряющие способности человека эффективно взаимодействовать с людьми, а не просто правильно интерпретировать их поведение. *Сложная природа реального социального взаимодействия* вызвала серьезные технические трудности при разработке тестов. Результаты, полученные группой Гилфорда, интерпретировались некоторыми авторами как доказательства того, что *социальный интеллект* представляет собой *самостоятельный вид интеллекта*, который не является общим интеллектом и *проявляется в социальной жизни*.
4. Исследования команды Гилфорда способствовали развитию научных знаний о социальном интеллекте, а также росту интереса ученых к его изучению. Результатом исследования социального компонента интеллекта в структуре модели интеллекта Гилфорда стала *методика измерения социального интеллекта*,

разработанная им вместе с О'Салливан. Эта методика активно используется современными психологами.

5. Г. Блумером, известным американским ученым, представителем символического интеракционизма, была раскрыта роль интерпретации людьми символов и значений. Он полагал, что у людей в процессе совместной взаимной интерпретации символов происходит своеобразное «*конструирование социальной реальности*». Процессы принятия и приписывания значений создают *символическую среду жизни, отношений, взаимодействий, коммуникаций*.

Личность в контексте исследований социального интеллекта (1970–1989 гг.)

1. Одним из главных достижений этого периода является то, что, несмотря на очевидные трудности изучения социального интеллекта и противоречия в научных представлениях о нем, исследования в этой области продолжались. Накапливался эмпирический материал, осознавалась необходимость исследования реального поведения людей. Это происходило на фоне получения противоречивых результатов о взаимосвязи оценок поведения, показателей социальных шкал и академического интеллекта (Д. Китинг, М. Тисак, М. Форд, Н. Фредериксон и др.).
2. Исследователи социального интеллекта помимо тестов разрабатывали и использовали и другие методические инструменты: вопросники, самоотчеты, экспертные оценки. Это происходило при активной критике подобных процедур получения эмпирических данных со стороны представителей психометрического подхода (Р. Антони, Дж. Бедел, Л. Браун, Г. Марлоу и др.).
3. Многих американских исследователей не устраивало применение *психометрического подхода к социальному интеллекту*. Их недовольство тем, что в рамках этого подхода главным является *ранжирование* участников исследования, стало стимулом к поиску иного понимания природы социального интеллекта. Новое понимание *главным фокусом анализа делает личность*, которая анализируется с точки зрения развития ее социального интеллекта. Такой взгляд на личность через социальный интеллект основан на традиции социально-когнитивного подхода к личности, включающей теорию личностных конструктов Г. Келли, развитие когнитивных теорий познания и научения (А. Бандура, Дж. Роттер, И. Толмен).
4. Разработан социально-интеллектуальный подход к личности в рамках исследования социального интеллекта. Он объединил работы, учитывающие в структуре социального интеллекта когнитивный потенциал личности, накопленный ею социальный опыт и компетентности, позволяющие человеку *решать жизненные задачи разного уровня* (У. Мишел, Н. Кантор и Дж. Кихлстром, Р. Стернберг, Ю. Н. Емельянов и др.).
5. Наиболее продуктивными в этот период оказались, на наш взгляд, исследования *имплицитных теорий*, в которых был выделен фактор социального интеллекта. Он включал значительный ряд характеристик: *принятие людей такими, какие они есть; признание собственных ошибок; предварительное обдумывание своих слов и поступков; чувствительность к потребностям и желаниям других лю-*

дей; откровенность и честность по отношению к себе и другим людям; проявление интереса к людям из ближайшего окружения и др. Подобного рода исследования быденных представлений занимался значительный ряд ученых (И. Роч, У. Мишел, Н. Кантор, И. Смит, Р. Френч, Дж. Мезич, У. Нейссер, Р. Стернберг и др.).

6. Выходят работы *отечественных ученых*, отражающие взгляд на социальный интеллект как способность, которая проявляется в сфере социальных взаимодействий и связана с *социальной чувствительностью, пониманием себя и других, а также взаимоотношений людей* (М. И. Бобнева, Ю. Н. Емельянов).
7. Американский психолог Г. Гарднер представил разработанную им теорию множественных интеллектов, главной теоретической основой которой стало отрицание приоритета единственной когнитивной способности – абстрактного интеллекта – и признание *наличия разных видов интеллекта*. Среди них Гарднер выделяет внутриличностный и межличностный интеллекты, наиболее близкие к социальному интеллекту.
8. В конце 80-х годов XX в. произошло значимое событие: американский психолог Р. Стернберг опубликовал свою *триархическую теорию интеллекта*. Одним из трех основных компонентов интеллекта является *практический интеллект*. Автор включил в его структуру, наряду с другими компонентами, *социальный интеллект и социальные способности*. Согласно Стернбергу, реализация практического интеллекта осуществляется в решении профессиональных и жизненных задач.

Таким образом, пятый период истории изучения социального интеллекта оказался плодотворным для создателей теорий, учитывающих, помимо когнитивного, иные компоненты, включенные в реальное поведение, социальное взаимодействие. Эти компоненты обеспечивают развитие разных сторон личности, решение ею разнообразных жизненных и профессиональных задач. Однако в исследованиях социального интеллекта на протяжении всей истории недостаточно внимания уделялось его аффективным компонентам. Предложенные в этот период научные идеи и подходы к пониманию социального интеллекта были связаны с личностью в целом, ее отдельными характеристиками, а также были ориентированы на изучение реального поведения человека в различных обстоятельствах. На наш взгляд, именно в этот период произошло соединение предмета исследования, *социального интеллекта*, с его носителем – *личностью*.

Развитие научных представлений о социальном интеллекте (1990–2011 гг.)

1. В этот период продолжились исследования по направлениям, заложенным в предыдущие годы. Значительное внимание уделялось измерению компонентов социального интеллекта и их взаимосвязи. Так, группой американских исследователей был выявлен высокий уровень взаимосвязи между *социальной перцепцией и социальной проницательностью*. Также было установлено, что все измеряемые в исследовании *социальные способности* тесно не связаны с *академическими способностями* (С. Вонг, Дж. Дэй, С. Максвелл, Н. Мире и др.).

2. Активно исследовались *имплицитные теории* социального интеллекта в различных культурах, странах и возрастных группах. Так, выяснилось, что в племенах Африки взрослые ценят *социальную ответственность, сотрудничество, повиновение, участие в семейной и социальной жизни*. Высокий интеллект они приписывают людям, которые не стремятся получать образование, а работают на благо своей семьи. Установлено, что акцент на *социальных сторонах* интеллекта — неотъемлемая часть африканской и азиатской культур. Причем в этих культурах социальность отражена в представлениях в большей степени, чем в представлениях людей западных культур (Р. Стернберг и др.).
3. В Институте психологии РАН выполнен ряд исследований имплицитных представлений: *об умном человеке, интеллектуальной личности, о нравственном человеке, об эмоционально зрелой личности* (см. также: Принципы развития..., 2016; Феномен и категория зрелости..., 2007; и др.). В них было показано, что в имплицитных представлениях об интеллекте присутствуют как *когнитивный*, так и *социальный* компоненты, а также *личностные* характеристики (Психологические исследования личности..., 2016; Психологическое здоровье..., 2014; Психология человека в современном мире..., 2009; и др.).
4. В исследовании *имплицитных представлений* в разных возрастных группах установлено, что с возрастом соотношение *инструментальных (внимательность, коммуникабельность, приятная внешность)* и *терминально-личностных (любящий людей, мудрый, дипломатичный, порядочный, честный)* характеристик имеет выраженную тенденцию *уменьшения инструментальных характеристик и увеличения терминально-личностных*. Установлено также влияние социального опыта на представления о социальном интеллекте и наличие в них нравственных и других социально-значимых характеристик личности (О. Лунева).
5. По результатам анализа представлений выполнен ряд работ по оценке характеристик, составляющих имплицитное понимание людьми социального интеллекта, а также измерению социальной компетентности. В результате был выделен наиболее *отчетливый фактор* — *социальный интеллект*, что привело ученых к заключению о необходимости отказаться от понимания социального интеллекта как просто проявления общего интеллекта в социальных условиях (Ф. Аккерман, О. Джон, Р. Канфер, К. Космитзки, Р. Шнейдер и др.).
6. Важным результатом рассматриваемого периода стало появление новых концепций социального интеллекта и признание многими исследователями существования самостоятельного конструкта «социальный интеллект». Так, В. Н. Куницына представила свою концепцию, в которой *социальный интеллект* рассматривается как *глобальная способность, возникающая на базе комплекса интеллектуальных, личностных, коммуникативных и поведенческих черт*. Для диагностики социального интеллекта Куницыной был разработан и применен в исследовании объемный методический инструментарий.
7. Д. В. Ушаков разрабатывает проблемы социального интеллекта в рамках собственной структурно-динамической теории интеллекта. В его работах, а также исследованиях, выполненных под его научным руководством, социальный интеллект рассматривается как *способность понимать других людей, их взаимоотношения и социальные ситуации* (Психологические исследования интеллек-

та..., 2010; Психология интеллекта..., 2010; Современные исследования интеллекта..., 2015; и др.).

8. А. И. Савенков в своей концепции выделяет три группы критериев, описывающих социальный интеллект, — *когнитивные, эмоциональные и поведенческие*.
9. В этот же период начало формироваться новое *прикладное направление*, целью которого стало развитие социального интеллекта персонала организаций с использованием интерактивных форм обучения. В рамках этого направления стали складываться авторские концепции и методические подходы, широко представленные в популярной литературе для менеджеров и бизнес-тренеров (К. Альбрехт, А. Либина и др.).
10. Значимым событием данного периода стало появление в исследовательском поле феномена и понятия *эмоциональный интеллект*, авторских концепций этого конструкта, отразившего важность *аффективных компонентов во взаимодействиях человека с социальной средой* (Р. Бар-Он, Д. Големан, Д. Карузо, Д. Майер, П. Сэловей и др.). Существенным стимулом для возникновения этого направления исследований, на наш взгляд, стали трудности в изучении самого социального интеллекта, значимость аффективного компонента в реальном взаимодействии людей, а также запросы бизнеса. Кадровым службам и структурам обучения и развития персонала срочно нужны были надежные методики диагностики и обучения персонала, а исследования в области социального интеллекта затягивались, не принося быстрого практического результата. Информация об эмоциональном интеллекте широко распространилась среди практических работников в сфере управления и обучения персонала, а также среди обычных людей.

Таким образом, в шестом периоде изучения социального интеллекта у значительной части исследователей сложилось консолидированное признание факта существования социального интеллекта как самостоятельного вида интеллекта, проявляющегося в социальном взаимодействии. С момента появления в психологии самого термина «социальный интеллект» прошло более 70 лет...

В предметном поле психологии появился и начал активно изучаться эмоциональный интеллект. Сам термин и понимание его соотношения с социальным интеллектом вызвали в научном сообществе бурные дискуссии.

Ключевым фактором рассматриваемого периода стало также участие в исследованиях социального интеллекта отечественных ученых и разработка ими собственных концепций.

Завершением данного периода была выбрана дата публикации в 2011 г. новой главы «Социальный интеллект» в «Кембриджском учебном пособии по интеллекту», написанной, пожалуй, одними из самых значимых и давних исследователей социального интеллекта Н. Кантор и Дж. Кихлстромом (Kihlstrom, Cantor, 2011).

Заключение

Главными характеристиками кратко представленной истории изучения социального интеллекта можно считать следующие.

1. В результате проведенных исследований и расширения фактологической базы, теоретического осмысления и обоснования проблемы социальный интеллект обрел статус самостоятельной психологической категории. Проблеме социального интеллекта посвящено значительное количество публикаций, включающих научные монографии и статьи, а также главы в учебных пособиях.
2. В научном сообществе исследователей социального интеллекта сложилась широкая палитра представлений о природе социального интеллекта. Вместе с тем все большую популярность приобретает понимание социального интеллекта как способности личности, проявляющейся в социальном взаимодействии.
3. Большинство работ в области изучения социального интеллекта выполнено исследователями из США. В отечественной психологии проблемы социального интеллекта изучались наиболее полно в последние два десятилетия. Интерес ученых к изучению социального интеллекта не был устойчивым: научная активность колебалась в разные периоды, проходя характерные спады и подъемы.
4. Социальный интеллект является междисциплинарным (внутренним и внешним) предметом исследования. Разные научные направления психологии внесли свой вклад в развитие научных знаний о социальном интеллекте. Из смежных дисциплин, как представляется, наиболее значимые результаты в этой области исследования получены в социологии и менеджменте.
5. Разработано значительное число концепций, моделей и подходов, отражающих авторское понимание социального интеллекта. Существенно более скромным оказался арсенал диагностических методик и процедур.
6. Важным результатом многолетнего изучения социального интеллекта личности стало накопление проблем и вопросов, которые ждут своего решения и открывают перспективы исследований в этой области.

Текущий исследовательский период изучения социального интеллекта, седьмой, начавшийся в 2012 г., отличается, судя по публикациям, ярко выраженной практической направленностью исследований. В рамках практической психологии существуют методические наработки, авторские концепции и подходы, которые активно используются в сфере подбора, обучения и развития персонала. Нередко продукты, создаваемые практиками, компенсируют отсутствие доказательных научных теорий. Это направление очень востребовано тренерами, менеджерами организаций, педагогами, социальными работниками и др. Проблема, обусловленная расхождением фундаментальной науки и практики, является одной из самых значимых и относится не только к социальному интеллекту. Но история науки дает основания верить в успешное решение возникающих научных проблем.

Литература

- Журавлев А. Л.* Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 6. С. 5–18.
- Журавлев А. Л.* Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М., 2011.

- Лунева О. В. Социальный интеллект: история изучения и основные модели. М., 2009.
- Лунева О. В. Социальный интеллект: основные проблемы и перспективы исследования // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 41–52.
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М., 2016.
- Психологические исследования интеллекта и творчества: Материалы научной конференции. М., 2010.
- Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы. М., 2016.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М., 2014.
- Психология интеллекта и творчества: традиции и инновации. М., 2010.
- Психология человека в современном мире. Т. 6: Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М., 2009.
- Современные исследования интеллекта и творчества. М., 2015.
- Феномен и категория зрелости в психологии. М., 2007.
- Kihlstrom J. F., Cantor N. Social Intelligence // Cambridge handbook of intelligence / Eds R. Sternberg, S. B. Kaufman. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 564–580.*
- Landy F. History, her history... APS Observer. 2005. URL: <http://www.psychologicalscience.org/observer> (дата обращения: 23.10.2016).*

Роль педиатров в развитии педологии в России

Е. С. Минькова (Нижний Новгород)

В современной научной литературе имеется ряд работ, посвященных истории становления педологии в России (Балашов, 2011; Минькова, 2015; Петровский, 1991; Фрадкин, 1991; Ценюга, 2010; и др.). Однако вопрос о том, какой вклад внесли в развитие педологии и детской психологии врачи-педиатры, остается все еще не исследованным. Освещение этой страницы истории психологии представляется нам важным, открывающим новые горизонты осмысления и понимания истории и современного состояния детской психологии.

Это определяет задачу статьи — рассмотрение динамики исследования проблем педологии отечественными педиатрами.

Мы полагаем, что в первой половине XX в. в России педология и, в частности, детская психология как самостоятельная отрасль научного знания развивалась в немалой степени под влиянием исследований врачей-педиатров.

В качестве методов исследования в работе применялись: метод психолого-исторической реконструкции; сравнительно-исторический метод; метод анализа категориально-понятийного аппарата; метод качественного контент-анализа.

В процессе исследования в материалах Российской национальной библиотеки г. Санкт-Петербурга был проведен поиск, направленный на выявление публикаций врачей-педиатров, посвященных проблемам педологии за 1904–1936 гг. Выявлено 414 источников.

Проведенный качественно-количественный анализ тематики публикаций детских врачей и их числа позволил выделить четыре периода развития педологического знания в русле педиатрии.

Таблица 1

Направления исследований и динамика публикаций врачей-педиатров в период с 1904 г. по 1936 г.

Направления	Периоды			
	1904–1913	1914–1921	1922–1930	1931–1936
Гигиена учебной деятельности	2,7	1,2	5,3	6,5
Вопросы воспитания	5,5	1,4	11,6	10,9
Психические отклонения в развитии	6,3	1,9	8,5	7,2
Характеристика возрастных этапов психического развития	5,8	1,2	10,9	4,3
Методики педологического исследования	0,7	0,7	4,8	2,4

В конце XIX–начале XX в. в мировой науке на фоне культурного и технического прогресса усиливается антропологическая направленность исследований, возрастает интерес к человеку, поиску путей его развития и совершенствования. Признание важности детского возраста в формировании личности актуализирует проблему развития ребенка, которая становится предметом исследования в разных отраслях научного знания: медицине, биологии, психологии, педагогике, антропологии, этнологии. Ответом на запросы времени стало создание новой науки – педологии, провозгласившей задачу целостного изучения ребенка, включающего выявление природных, генетических предпосылок его развития и влияния социальной среды.

Один из лидеров отечественной педологии, П. П. Блонский, писал: «Своеобразной особенностью начального периода советской педологии является интенсивное участие в создании ее работников Наркомздрава, в частности, Отдела охраны здоровья детей и подростков» (Блонский, 1934, с. 7).

Целая плеяда блестящих врачей России изучала вопросы развития, воспитания и обучения ребенка: В. М. Бехтерев, А. С. Вирениус, Е. К. Грачева, Н. П. Гундобин, Д. А. Дриль, П. И. Ковалевский, А. Ф. Лазурский, П. Ф. Лесгафт, Г. И. Россолимо, И. А. Сикорский и др.

В первую очередь педиатров в России волновала проблема борьбы с детской смертностью (А. Н. Александровский, Н. П. Гундобин, М. С. Лебединский, И. А. Сикорский, В. Н. Фармаковский, В. К. Хорошко и др.). По инициативе врача Н. П. Гундобина был основан «Союз борьбы с детской смертностью в России». Медики считали первоочередной задачей дать педагогам и воспитателям точное

знание об анатомо-физиологических особенностях детского организма (В. М. Бехтерев, Е. Я. Гиндес, Н. П. Гундобин, П. П. Дьяконов, И. П. Скворцов, Г. Я. Трошин, Л. И. Чулицкая и др.).

Согласно представленным в таблице 1 данным, можно констатировать, что период роста количества публикаций педиатров по всем рассматриваемым проблемам педологии в 1904–1913 гг. сменяется периодом стагнации (1914–1921) с характерной для него низкой публикационной активностью. Период с 1922 г. по 1930 г. является самым продуктивным в динамике публикаций педиатров по всем проблемам педологии. В этом время врачи работают над проблемой гигиены учебной деятельности и охраны здоровья ребенка. Пика достигают работы, посвященные разработке различных методик исследования ребенка и проблеме периодизации психического развития ребенка. Четвертый период (1930–1936) связан с усилением жесткого идеологического контроля над наукой. В исследованиях детских врачей продолжает доминировать интерес к проблемам воспитания здорового ребенка. Нужно отметить, что работы по проблемам дефектологии имеют иную тенденцию развития на фоне общей динамики исследований по другим проблемам — они достигают своего максимума в последний период.

Огромный вклад в разработку методов исследования психики ребенка внес А. Ф. Лазурский, разработавший метод естественного эксперимента, который соединил в себе преимущества наблюдения и лабораторного эксперимента.

В 1909 г. на III съезде отечественных психиатров В. П. Кащенко в докладе отмечал важность решения задачи организации специальных медико-педагогических заведений для воспитания и обучения детей с задержками психического развития. Первое учреждение такого типа уже было создано им годом ранее: Кащенко основал санаторий-школу для дефективных детей в 1908 г. в Москве. Это было частное лечебно-педагогическое заведение, в котором работали лучшие медико-педагогические специалисты того времени. В санатории лечились мальчики, страдающие психопатией, и педагогически запущенные, трудновоспитуемые дети. Консультантом санатория был один из самых известных врачей-психиатров того времени Г. И. Россоломо.

Россоломо разработал один из наиболее полных планов исследования психики ребенка — метод «психологических профилей» (1906). Созданный им метод представлял собой многомерную программу исследования личности. К середине 1920-х годов данный метод применялся более чем в 150 лабораториях на территории России и за рубежом. Его использовали такие известные европейские ученые, как О. Липман, Э. Клапаред, Ф. Гизе и др.

Период Первой мировой войны и Октябрьской революции в России был временем естественного снижения публикационной активности. Этот период (1914–1921) можно считать первым периодом стагнации в динамике публикаций педиатров по проблемам детской психологии в России. Но уже с 1921 г. начинается уверенный рост числа научных исследований, продолжающийся до 1930 г. В этот период появляются работы врачей В. В. Гориневского, М. О. Гуревича, А. С. Дурново, М. С. Лебединского, И. Г. Оршанского, Г. Я. Трошина, Л. И. Чулицкой. Педиатры становятся инициаторами организации и проведения различных съездов и конференций по проблемам детства. Так, только по проблемам охраны здоровья детей состоялись три Всероссийских съезда (1918, 1924, 1930). Проблема охра-

ны детского здоровья, профилактики детских болезней становится центральной темой публикаций тех лет; в 1926 г. объем такого рода работ достиг своего максимума (2,4%).

Другим не менее важным направлением научных исследований являлось изучение умственно отсталого ребенка. В 1920 г. состоялся Первый всероссийский съезд по борьбе с детской дефективностью, через год – Всероссийская конференция по борьбе с детской дефективностью (1921). По мнению Замского, «с 1921 года начинается новый и самый интенсивный рост детских учреждений для дефективных детей» (Замский, 1995, с. 77). В 1924 г. на Втором съезде социально-правовой охраны несовершеннолетних были «сформулированы новые общие принципы решения теоретических вопросов воспитания аномальных детей» (там же, с. 80). В работе съезда приняли активное участие врачи А. Н. Граборов, И. М. Присман, Е. Н. Завьялова и др.

В данный период эстафету разработки методологических проблем исследования психики ребенка подхватила А. М. Шуберт, работавшая в группе В. П. Кашенко, занимавшейся созданием коллекции пособий для диагностики умственных способностей при Институте дефектологического ребенка. В работах Шуберт был дан обстоятельный анализ методик зарубежных психологов Бинэ, Вейганда, Циццолли, Цигена, позволявших определить уровень интеллектуального развития одаренных детей и детей с задержками развития. В 1924 г. Шуберт опубликовала личную карту школьника, ставшую настольной книгой в педологических кабинетах.

Среди главных научных центров, в которых была сосредоточена работа по комплексному изучению ребенка, следует назвать Медико-генетический институт, Ленинградский государственный педагогический институт, Ленинградский государственный институт усовершенствования врачей. Это были центры генетики, где врачи исследовали и обосновывали положение об индивидуальности наследуемых задатков (Струнников, Шамин, 1989).

К сожалению, стремительный расцвет исследований в области генетики был очень скоро прерван. Уже в конце 1920-х годов начинается социалистическая реконструкция биологии с целью внедрения в нее диалектического метода. На I педологическом съезде (1929) и Поведенческом съезде (1930) прозвучали призывы «бороться с оружием в руках» с инакомыслием в науке. Появляются разгромные статьи о несостоятельности научного наследия В. М. Бехтерева и других ученых. Особенно воинствующей была статья Могендовича в журнале «Психология» (Могендович, 1931). В Постановлениях ЦК ВКП (б) 1930-х годов (Постановление ЦК ВКП (б), 1931, 1934) о школе педология критикуется не только за присущий ей биологизм, но и за методологические просчеты.

Работы ученых того периода действительно отличались упрощенной биологизаторской трактовкой психики ребенка и его развития. Это касалось, например, работ Е. А. Аркина, И. Я. Арямова, Ю. П. Фролова, А. А. Дерновой-Ярмоленко и др. По мнению П. П. Блонского, эти авторы «рассматривали ребенка как своего рода машину, деятельность которой всецело определяется воздействием внешних стимулов» (Блонский, 1934, с. 7).

Вместе с тем идеи Аркина, Арямова о необходимости научной организации учебно-воспитательного процесса, использовании методов и приемов обучения

в соответствии с возрастными и функциональными возможностями детей, важности их физического воспитания имели безусловную научную ценность.

Педологи принимают призыв Блонского «решительно отвергнуть биологию как основополагающую науку в педологии, обратившись к истории» (Блонский, 1934, с. 12).

В этот период времени подавляющее число работ педиатров было направлено на решение проблем санитарного просвещения. Так, выходят многочисленные брошюры И. И. Мильмана, содержащие рекомендации педагогам и родителям относительно создания благоприятной среды развития ребенка, в частности правильной организации его летнего отдыха.

Центральной методологической проблемой детской психологии в этот период, нашедшей отражение в работах врачей, была проблема возрастных изменений ребенка. Именно врачи сделали попытку создания общей концепции детского возраста. В исследованиях Е. А. Аркина, И. Я. Арямова, И. И. Мильмана, В. Г. Штефко, Э. Ю. Шурпе была поставлена задача выведения стандартов и показателей физического развития ребенка на основе применения статистических методов.

Другой важной проблемой являлся вопрос о воспитании трудного ребенка (А. Н. Граборов, А. С. Грибоедов, М. О. Гуревич, А. А. Дернова-Ярмоленко, Т. Е. Сегалов, Т. П. Симсон и др.).

Таким образом, в результате поиска, направленного на выявление публикаций врачей-педиатров по проблемам педологии в Российской национальной библиотеке г. Санкт-Петербурга с 1904 по 1936 гг., было обнаружено 414 источников. Содержательный анализ полученных категорий позволил сгруппировать их по четырем основным направлениям и оценить развитие данных направлений в рассматриваемом историческом периоде.

К первой, самой многочисленной, группе относятся исследования проблемы воспитания и обучения ребенка (30%). Вторая группа представляет работы в области дефектологии (24%), третья — анализ психических особенностей де-

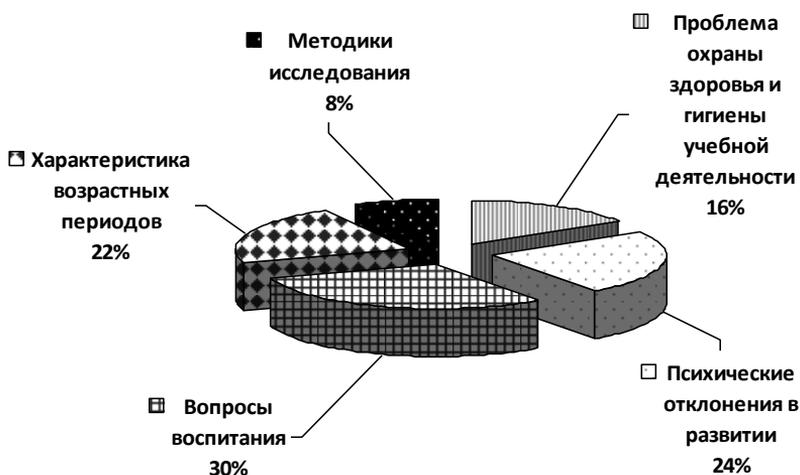

Рис. 1. Тематика работ педиатров в период с 1904 г. по 1936 г.

тей в разные возрастные периоды (22%) и последняя, четвертая, группа включала описание методик исследования (8%).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: отечественные педиатры внесли серьезный методологический вклад в разработку проблем детской психологии. В первую очередь именно исследование медиков позволили детской психологии встать на экспериментальный путь развития. Детскими врачами была поставлена и успешно решена задача выведения стандартов и показателей физического развития ребенка на основе применения статистических методов. Несомненную научную ценность имела разработанная в трудах отечественных врачей проблема гигиены учебного труда ребенка. Поставленный ими вопрос о необходимости научной организации учебно-воспитательного процесса является сегодня как никогда актуальным и востребованным в детской психологии. Исследования педиатров начала XX в. стали основой для развития не только детской психологии, но и других отраслей знания — дефектологии, коррекционной педагогики и др.

Литература

- Балашов Е. М.* Последние годы советской педологии: политический аспект // Россия. Век двадцатый: Сборник статей к 95-летию доктора исторических наук В. М. Ковальчука / Отв. ред. А. Н. Чистиков. СПб., 2011. С. 291–313.
- Блонский П. П.* Педология: Учебник для высших учебных заведений. М., 1934.
- Замский Х. С.* Умственно отсталые дети: История их изучения, воспитания и обучения с древних времен до середины XX века. Приложение: Дневник Е. К. Грачевой. М., 1995.
- Минькова Е. С.* Становление и развитие детской психологии во Франции (начало XX века) // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2015. Вып. 2. С. 10–19.
- Могендович М. Р.* Последний этап школы Бехтерева // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1–2. С. 107.
- Петровский А. В.* Запрет на комплексное исследование детства // Репрессированная наука / Под ред. М. Г. Ярошевского. Л., 1991. С. 126–136.
- Постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 г. // Педология. 1931. № 4 (16). С. 3–8.
- Постановление ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г. // Справочник партийного работника. М., 1934. Вып. 8. С. 359–360.
- Струнников В. А., Шамин А. Н. Т. Д.* Лысенко и лысенковщина: Разгром советской генетики в 30–40-х гг. // Биология в школе. 1989. № 2. С. 15–20.
- Фрадкин Ф. А.* Педология: мифы и действительность. М., 1991.
- Ценюга С. Н.* Становление и развитие теории и практики педологической работы в народном образовании Приенисейского края второй половины XIX–первой трети XX в.: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. Красноярск, 2010.
- Christman O.* Paidology: the science of the child. Boston: R. G. Badger, 1920.

Основные предпосылки формирования психологии пола и гендерной проблематики (с XVIII до начала XX века)

В. О. Мохова (Нижний Новгород)

Введение

Психология пола и гендерная проблематика в настоящее время переживают период активного накопления результатов исследований, выполненных на современном материале, но при этом остается неизученным вклад отечественных и зарубежных ученых и мыслителей прошлого в становление этих областей знания. Несмотря на активное употребление терминов «пол» и «гендер», предпосылки возникновения обозначаемой данными понятиями области исследования до сих пор не отрефлексированы в научной литературе. Актуальность исследования связана с необходимостью воссоздания целостной и объективной картины становления психологического знания в области психологии пола и гендерной проблематики, что позволит углубить их понимание.

Анализ отечественных и зарубежных работ показывает, что истории психологии пола и гендерной проблематике уделяется недостаточно внимания. Отечественными авторами в историю возникновения гендерной проблематики включается только конец XIX в. (Бендас 2006; Клецина, 2002). Большинство зарубежных авторов и некоторые отечественные ученые рассматривают как источник гендерных исследований женские исследования, сокращая период истории возникновения гендерной науки до середины XX в. (Аусландер, 2001; Хоф, 2009; Рябов, 2001). Период с XVIII в. по начало XX в. в настоящее время остается малоизученным, тогда как именно в этот период, благодаря его социально-историческим особенностям и интенсивному развитию научного знания, создается основа для возникновения предпосылок формирования психологии пола и гендерной проблематики.

С середины XX в. развитие исследований пола и гендера велось широко и целенаправленно, но оно было во многом подготовлено работами ученых XVIII – начала XX столетия. В связи с этим мы считаем необходимым воссоздать целостную картину предпосылок становления психологии пола и гендерной проблематики, возникших в период с XVIII по начало XX в. Произшедшие в данный период глобальные социальные изменения выводят женщин на новый уровень социального развития, актуализируют у общества потребность в получении информации о способностях и социальной роли полов. Ученые периода XVIII–начала XX в. (П. Е. Астафьев, П. Барр, А. Бебель, Л. Браун, О. Вейнингер, Г. Гейманс, П. Ф. Каптерев, Э. Карпентер, Э. Легуве, Р. Лотце, Дж. Милль, Ж. Ж. Руссо, К. Н. Старке, З. Фрейд, А. Фульве, С. С. Шашков, А. Шопенгауэр) начинают исследования отличий полов, требований общества, связанных с полом, и изменений в психике человека, формируемых этими требованиями. Дальнейшая разработка поставленных проблем будет вестись в XX в. в русле психологии пола и гендерных исследований.

Цель данной работы — проследить логику зарождения и развития предпосылок формирования психологии пола и гендерной проблематики в работах отечественных и зарубежных ученых периода с XVIII в. до начала XX в.

Исследование рассматриваемой проблемы выстраивалось на основе *метода* психолого-исторической реконструкции (Кольцова, 2008). Сначала на основе анализа современного научного знания в области психологии пола и гендерной проблематики создавалась теоретическая модель исследования, Далее, двигаясь от настоящего к прошлому, был осуществлен перенос данной теоретической модели на изучаемый период. Выявлялся круг источников того времени, анализируемых с точки зрения их значения как носителей искомой информации о предпосылках формирования психологии пола и гендерной проблематики. В процессе интерпретации текстов авторов изучаемого периода для определения содержания в них феноменологии, касающейся описания половых и гендерных характеристик, использовался понятийный аппарат современной психологии, ибо понятий «пол» и «гендер» в рассматриваемый период еще не существовало.

Теоретическая модель реконструкции предпосылок становления психологии пола и гендерной проблематики

Обзор и анализ современного научного знания в области психологии пола и гендерной проблематики невозможен без рассмотрения соотношения и поля значений понятий «пол» и «гендер». Под полом человека понимаются генетически определенные признаки, связанные с ролью человека в процессе размножения. Термин «гендер» появляется впервые в грамматике английского языка и изначально обозначает отнесение объекта к мужскому или женскому роду. Зарубежный исследователь Дж. Скотт пишет, что термин «гендер» используется исследователями для обозначения культурных конструкций, связанных с полом, но имеющих только социальное происхождение (Скотт, 2001). На данный момент в науке существует несколько точек зрения на время первого использования в науке термина «гендер» — 1975 г. (Бендас, 2006; Хоф, 2009), конец 1960-х годов (Воронцов, 2009) и 1955 г. (Франсиз, 2009; Кон, 2004). Мы будем опираться на точку зрения Б. Франсиза и И. С. Кона, согласно которой рождение ключевого термина гендерных исследований произошло благодаря сексологу Джону Мани в 1955 г.

Некоторые авторы в своей трактовке гендера оставляют элементы биологической обусловленности (Воронцов, 2009; Иванова, 2001; Ильин, 2010). Ученые, опирающиеся на социальный конструктивизм, напротив, стремятся полностью очистить гендерный подход от биологического детерминизма (например, Абубикирова, 1996; Ангер, 2001; Клецина, 2002; Скотт, 2001; Уэст, 2001). На основе анализа существующих в науке трактовок (Н. И. Абубикирова, Т. В. Бендас, Ш. Берн, А. С. Дамадаева, А. Г. Дугин, Д. Зиммерман, Е. П. Ильин, И. С. Кон, Д. Скотт, К. Уэст, Р. Хоф, А. А. Чекалина) можно сформулировать следующее определение гендера. Это *социальный пол человека, динамический конструкт, который реализуется во взаимодействии и существует вне биологического детерминизма.*

Отечественные ученые выделяют следующие направления гендерной проблематики: психологию сравнения мужчин и женщин; психологию женщины; психологию мужчины; гендерную социализацию; психологию гендерных отноше-

ний; гендерную психологию лидерства (Бендас, 2006); анализ социокультурных факторов, порождающих отличия между полами; изучение сходства в психологических характеристиках и поведении мужчин и женщин; изучение продуктивных стратегий и тактик поведения мужчин в плане преодоления традиционных гендерных стереотипов; изучение личностных предпосылок успешной самореализации мужчин и женщин в неспецифических сферах деятельности; изучение партнерских, а не патриархальных моделей отношений мужчин и женщин (Клецина, 2005). Данные направления, а также проблематика современных диссертационных исследований по половой и гендерной проблематике использовались нами в качестве критериев поиска источников данных идей в изучаемом историческом периоде.

Одной из ключевых работ, повлиявших на формирование психологии пола, стала работа Б. Г. Ананьева «Человек как предмет познания» (1968). Ученый посвятил одну из глав проблеме полового диморфизма и психофизиологической эволюции человека. В работе Ананьева показаны отличия мужчин и женщин в сенсомоторных функциях, хронометрических характеристиках (Ананьев, 1968). Почти пятьдесят лет спустя столь же полный анализ половых и гендерных отличий проведен Е. П. Ильиным. В своей книге «Пол и гендер» автор доказывает, что неправомерно слишком узко объяснять различия в способностях и поведении женщин и мужчин только воспитанием и социализацией. Правомерным представляется его вывод о том, что проблема половых различий в способностях, профессиональной деятельности, поведении должна рассматриваться как комплексная, включающая в себя биологические, психологические и социальные аспекты (Ильин, 2010).

История возникновения психологии пола и гендерной проблематики представлена в науке поливариантно. По мнению И. С. Кона, проблема пола в XX в. претерпела следующие изменения. Первые два десятилетия исследования проводились в рамках «психологии пола»; в 1930–1960-е годы ей на смену пришла «психология половых различий»; в конце 1970-х годов благодаря ослаблению идеи биологического детерминизма появился новый подход – «различия, связанные с полом» (Кон, 2004). В отечественной науке Т. В. Бендас выделяет следующие этапы становления гендерной психологии: конец XIX–начало XX в.; 1920–1930-е годы; 1960–1980-е годы; с 1990-х годов до настоящего времени. В отличие от этого, наше исследование расширило хронологические рамки изучаемой феноменологии, показав, что в России уже начиная с XVIII в. в обществе существовали не только «гендерные» идеи, но и публикации, посвященные свойствам полов и ожиданий от них. В трудах И. С. Клециной подробно рассматривается развитие гендерных исследований в России начиная с первой половины XX столетия. Этот этап обозначается как период отсутствия отечественных публикаций по психологии пола (Клецина, 2003, с. 61–78). Наше исследование показало, что публикации, связанные с полом, появляются в России в первой половине XVIII столетия. В XIX в. в России выходят такие значительные работы, как «Понятие психического ритма, как научное основание психологии полов» П. Е. Астафьева, «Душевные свойства женщин» П. Ф. Каптерева и многие другие. С точки зрения И. С. Клециной, гендерная психология является продуктом развития гендерной проблематики в психологии, которая, в свою очередь, существует бла-

годаря слиянию двух ветвей развития науки — психологии пола и феминистской теории (Клецина, 2005).

К более ранним временным периодам чаще обращаются зарубежные авторы. Рассматриваются быт начала XVII в. с гендерных позиций (Heal, 2013); гендерные изменения в восприятии телесности в XVII—XVIII вв. (Wahrman, 2008). Период после XVIII в. фигурирует в научных работах чаще: история гендера и власти в период революции в Филадельфии XVIII—XIX вв. (Kann, 2007); роль гендера в протестантском движении в Британии XIX в. (Prevost, 2009); психосексуальный рельеф Америки середины XX в. (Serlin, 2012). При этом XVIII—XIX вв. не рассматриваются как ключевые для становления идей гендерной проблематики, несмотря на обилие гендерных изменений, отмечаемых зарубежными исследователями и постановку в этот период основных проблем гендерных исследований. Превалирует взгляд на возникновение гендерной проблематики как логическое следствие женских исследований (Аусландер, 2001; Ангер, 2001; Скотт, 2001; Хоф, 2009; Эрих-Хефели, 2009).

Этапы становления знания в области психологии пола и гендерной проблематики

На основе изучения работ ученых периода XVIII—начала XX в. мы выделили следующие этапы становления идей психологии пола и гендерной проблематики, характеризующие специфику отношения к проблеме пола и связанные с ним общественные ожидания: религиозно-философский (XVIII в.), социальный (начало XIX в.) и естественно-научный (начинается с конца XIX в.). Рождение термина «гендер» относится к середине XX в., тем не менее именно в период с XVIII до начала XX в. происходит возникновение основных идей гендерной проблематики. Появление в науке гендерного знания и соответствующего термина «гендер», по мнению И. С. Кона, само по себе не дает нового знания, но повышает чувствительность к ранее не замечавшимся нюансам (Кон, 2004). Мы также полагаем, что идеи в области психологии пола и гендерной проблематики существовали значительно раньше возникновения и закрепления в науке данных проблемных областей исследования и соответствующей им терминологии психологии.

Далее осуществлялся перенос современной модели психологии пола и гендерной проблематики на период XVIII—начала XX в. с целью выявления предпосылок формирования современных идей. В связи с разницей в принципах освещения в литературе изучаемого периода вопросов пола и связанных с ним социальных ожиданий нами были выделены три группы предпосылок становления психологии пола и гендерной проблематики: религиозно-философские, социальные и естественно-научные.

К философско-религиозным предпосылкам были отнесены труды ученых, в которых присутствует эпизодическое освещение данной темы в контексте более широких философских проблем. К социальным предпосылкам формирования психологии пола и гендерной проблематики были отнесены работы ученых, в которых основное внимание было направлено на правовые вопросы, проблемы образования и профессиональной занятости мужчин и женщин. К естественно-научным предпосылкам формирования психологии пола и гендерной проблема-

тики отнесены работы, посвященные рассмотрению психологических и физиологических характеристик полов, а также формирующих их условий. Рассмотрим кратко данные группы предпосылок.

Философско-религиозные предпосылки формирования психологии пола и гендерной проблематики

Философско-религиозные предпосылки формирования психологии пола и гендерной проблематики в России и Европе соотносятся с периодом с XVIII до начала XX в. и включают в себя следующее.

1. Предпосылки выделения *гендерного аспекта способностей*

Ассоциирование божественного, духовного, истинного не с мужским началом, как на Западе, а с женским (религиозная «философия пола» В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова). Бережное отношение к женщине, позиционирование отличий в восприятии, мышлении и этике как специфически женских, важных для материнства качеств (славянофилы и религиозная «философия пола»). Утверждение о том, что качества мужчин и женщин природосообразны, обусловлены только природным назначением, не зависят от класса (И. Кант, Ж. Ж. Руссо). Женщины должны действовать в рамках своих ограниченных способностей, жить «счастьем домашней жизни» (Ж. Ж. Руссо, А. Шопенгауэр, позже А. Адлер определяют это как «необходимость примириться с женской ролью»). Компетентность женщины ограничена; у нее развиты чувственные суждения, но не чувства нравственности и рассудка, присущие мужчине (Ж. Ж. Руссо, Ф. Ницше, А. Шопенгауэр). Есть и более гуманные варианты рассмотрения гендерной проблемы способностей: женщина обладает потенциалом развития, равным мужскому, и может даже превзойти мужчину (Ф. Ницше).

2. Предпосылки формирования идеи *гендерной асимметрии*

Позиционирование женского начала как дополнительного по отношению к мужскому (славянофилы и религиозная «философия пола»). По своей природе женщина подчинена мужчине (Ж. Ж. Руссо). Женщина должна быть кроткой, несамостоятельной и послушной (Ж. Ж. Руссо). Позже З. Фрейд опишет такие качества, присущие женщине, как пассивность, женский мазохизм, дефицит сверх-Я и др. Равенство полов неприемлемо, является свидетельством общественного упадка (Ж. Ж. Руссо). Женщина должна растворяться в семье, быть незаметной (Ж. Ж. Руссо).

3. Предпосылки формирования проблемы *андрогинности*

Продолжение в христианстве платоновской традиции рассмотрения изначального облика человека как андрогинного и позиционирование образа Бога как андрогинного (Н. А. Бердяев).

4. Предпосылки возникновения проблемы *влияния андрогинности на социальную адаптацию личности*

Различия в характеристиках полов не воспринимаются как «естественные»; и мужчинам, и женщинам рекомендуется развивать в себе качества противоположного пола (Ф. Шлегель). Мужественность и женственность являются прин-

ципами, определяющими структуру личности, стремление к гармонии между ними возрождает идею об андрогинности, высказанную в период античности (Ф. Шлегель).

5. Предпосылки возникновения проблемы *влияния политико-экономических условий на специфику гендерной системы*

Идея достижения равенства полов посредством достижения экономической независимости женщины (Н. Г. Чернышевский).

6. Предпосылки возникновения проблемы *гендерной социализации и транслирования гендерных ролей*

Понимание прогресса человечества как движения к равноправию между мужчиной и женщиной, осознанию женщиной своего человеческого достоинства (Н. Г. Чернышевский). Признание влияния исторических обстоятельств, в которых находится женщина, на ее психологические особенности (Ф. Ницше, Ж. М. Гюйо, Ф. Энгельс). Отношения с матерью определяется, будет ли мужчина относиться к женщинам с уважением, презрением или равнодушием (Ф. Ницше, позже — психоанализ).

Философско-религиозное рассмотрение пола и связанных с ним социальных ожиданий доминирует в XVIII в., постепенно вытесняясь социальным направлением.

Социальные предпосылки формирования психологии пола и гендерной проблематики

Социальные предпосылки формирования психологии пола и гендерной проблематики в России и Европе периода с XVIII до начала XX в. включают в себя следующее.

1. Предпосылки исследования *гендерной асимметрии*

Социальное положение женщины всегда было менее благоприятным по сравнению с положением мужчины (С. С. Шашков). Все созданное в мире («мужская культура») носит отпечаток руки мужчины, а женщина входит в этот мир как нечто чуждое ему (Н. Я. Абрамович). Эта же позиция встретится позже у гендерных психологов, рассматривающих все социальные конструкты и институты как сгенерированные мужчинами и для мужчин (А. Дворкин). Во всех религиях мира статус женщины ниже статуса мужчины (Л. Браун, позже — Л. Э. Семенова). Статус женщины в обществе ниже статуса мужчины (Э. Легуве, Ф. Фурье, А. Бебель). Неодинаковый статус мужчин и женщин отражается в языке (Ф. Фурье; позже это подтвердили гендерные исследования в социолингвистике А. В. Кирилина).

2. Предпосылки изучения проблемы *формирования гендерной идентичности, гендерной социализации*

Женщина должна быть подготовлена к исполнению роли матери, обучена руководить физическим и психическим развитием ребенка (В. Э. Фриденберг, Л. В. Словцова, М. И. Сулима). Оба пола совершенно равны в плане своих способностей, существующее же различие сформировано искусственно: мальчики и девочки воспитываются по-разному (ранее — Х. Пизан; в период с XVIII до начала

XX в. – А. Бебель, Дж. Милль, М. Уоллстонкрафт). Женщина должна находиться в сфере семьи; ее общественная деятельность является угрозой ее женскому призванию (К. Н. Старке). Сама женщина недостаточно осознает ценность своей роли как матери-воспитательницы (А. Крепац, Г. Фелинг, Дж. Рескин). Осознание высокой значимости женщины для семьи нужно воспитывать с детства в детях обоего пола (Г. Фелинг). Сферы самореализации женщины не должны занимать большое количество времени и препятствовать ее функциям матери и «хранительницы очага» (Г. Фелинг).

3. Предпосылки изучения *гендерного аспекта способностей*

Душевные свойства мужчин и женщин одинаковы (Э. Легуве). Женщина легче адаптируется к новым условиям, чем мужчина (А. Бебель, значительно позже – Ш. Берн).

4. Предпосылки становления проблемы *влияния политико-экономических условий на специфику гендерной системы*

Признание необходимости присвоения женщине тех же социальных и политических прав, которые есть у мужчины (феминизм: С. Кондорсе, О. Гуж, А. Смит Адамс, Дж. Милль, М. Уоллстонкрафт; Э. Легуве, А. Бебель). Признание за женщиной такого же стремления к самовыражению в профессии, как у мужчины (Дж. Милль).

5. Предпосылки изучения *психологии гендерных отношений*

На уровень успеха работающей женщины влияет поддержка мужа (Дж. Милль; значительно позже это подтвердило исследование гендерного психолога С. А. Минюровой). В области сексуальной морали существуют двойные стандарты (Ф. Фурье, А. Бебель). Положение женщины тем ближе к мужскому, чем меньше внешних конфликтов испытывает сообщество (К. Н. Старке; позже эта идея прозвучит у гендерного психолога Ш. Берн).

6. Предпосылки исследований *влияния этнических особенностей на функционирование гендерной системы*

Брак и социальное положение полов имеют отличия, связанные с этнической принадлежностью (К. Н. Старке).

Социальное направление рассмотрения пола и связанных с ним социальных ожиданий широко распространено в начале и середине XIX в., к концу XIX в. становится возможным развитие естественно-научного направления.

Естественно-научные предпосылки формирования психологии пола и гендерной проблематики

Естественно-научные предпосылки формирования психологии пола и гендерной проблематики в России и Европе периода с XVIII до начала XX в. включают в себя следующее.

1. Предпосылки формирования проблемы изучения *гендерного аспекта способностей*

Осторожное отношение к идее равенства женщины и мужчины, признание дополнительности полов (П. Ф. Каптерев). Женщина своеобразна, отлична от муж-

чины, ее ценность в женственности (П. Е. Астафьев, П. Ф. Каптерев). Женщина обладает всеми качествами, которые присущи мужчине, различна лишь степень выраженности этих качеств (П. Е. Астафьев). Женские свойства должны изучаться независимо от сравнения с мужскими качествами (П. Ф. Каптерев). Психические свойства полов рассматриваются как вытекающие из разницы биохимических процессов, ориентированности тела женщины на материнство (П. Е. Астафьев). Женщина легче переносит физические затруднения, боль, кровопотерю (Р. Лотце, позже — Ш. Берн, С. Бем). Женщины отличаются большей эмоциональностью по сравнению с мужчинами (Г. Гейманс). Женские вербальные способности развиты лучше мужских (Р. Лотце, Г. Гейманс, позже — современные исследователи психологии пола: В. Д. Еремеева, Т. П. Хризман). Различия между мужчинами и женщинами — это только тенденции (Г. Гейманс).

2. Предпосылки возникновения проблемы *гендерной социализации*

Ограничение женщины до сферы семьи и материнства начинает сдавать позиции: «подчиняющая природа» женщины трактуется как качество, сформированное историческими обстоятельствами и длительным пребыванием в подчиненном положении (П. Ф. Каптерев). Существует отличие между природными свойствами двух полов и связанным с полом влиянием социальной сферы на человека (Р. Лотце, З. Фрейд; намного позже Дж. Мани назовет эти социальные воздействия, отличающиеся по признаку пола, «гендерными»). Женские возможности реализации ограничены обществом (Г. Гейманс). Психические свойства женщины формируются с детства специфическими ограничениями в ее поведении (А. Фуллье).

3. Предпосылки становления проблемы *влияния андрогинности на социальную адаптацию личности*

Каждый человек является сочетанием мужественного и женственного в разной степени (З. Фрейд, позже — С. Бем). Мужчина с ярко выраженной мужественностью плохо понимает противоположный пол, а женщина с яркой женственностью плохо понимает мужчин, что снижает возможности для общения и взаимопонимания между полами (О. Вейнингер, позже — И. С. Кон и П. Янг-Айзендрат).

4. Предпосылки выделения *гендерного аспекта психологических исследований*

Признание существующей психологии психологией мужчины, где женщина не является объектом исследования (О. Вейнингер).

5. Предпосылки формирования проблемы *транслирования гендерных стереотипов*

Подавление женщины в культуре наследуется от матери к дочери (О. Вейнингер, позже Ш. Берн).

Благодаря научному обоснованию специфики полов становится возможным поставить ключевой вопрос гендерных исследований — о разграничении природно обусловленных и социально сформированных качеств пола.

Заключение

Таким образом, применение метода психолого-исторической реконструкции позволило сделать вывод о том, что в период с XVIII до начала XX в. возникают предпосылки формирования психологии пола и гендерной проблематики. В со-

ответствии со спецификой предпосылок (позицией ученых в описании социальных ожиданий, связанных с полом), можно выделить следующие их группы: философско-религиозные, социальные и естественно-научные. В рамках философско-религиозного направления мысли появляются предпосылки разработки таких проблем, как: гендерная социализация; транслирование гендерных стереотипов и ролей; гендерная асимметрия; влияние политико-экономических условий на специфику гендерной системы; гендерный аспект способностей; андрогинность; влияние андрогинности на социальную адаптацию личности. Социальные предпосылки развиваются благодаря социально-историческим особенностям данного периода, борьбе за права женщин и необходимости доказать их компетентность. В данном направлении мысли формируются предпосылки таких будущих тем гендерных исследований, как: гендерная социализация; формирование гендерной идентичности; транслирование гендерных стереотипов; гендерная асимметрия; влияние политико-экономических условий на специфику гендерной системы; влияние этнических особенностей на функционирование гендерной системы; психология гендерных отношений; гендерный аспект способностей; андрогинность. Естественно-научные предпосылки оформляются благодаря социальной потребности в объективных данных относительно способностей и особенностей пола и закладывают научный фундамент для психологии пола и гендерной проблематики. В данной группе предпосылок оформляются такие идеи психологии пола и гендерной проблематики, как: гендерная социализация; транслирование гендерных стереотипов; гендерный аспект психологических исследований; гендерный аспект способностей; влияние андрогинности на социальную адаптацию личности; формирование основного термина гендерной психологии.

Дальнейшие и перспективные линии поиска в изучении предпосылок формирования психологии пола и гендерной проблематики могут быть связаны с расширением временных границ исследования; с анализом динамики формирования идей, взаимосвязи степени популярности тех или иных научных выводов с особенностями социально-исторических условий.

Литература

- Абубикирова Н. И.* Что такое гендер? // *Общественные науки и современность.* 1996. № 6. С. 123–125.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968.
- Ангер Р. К.* Трехстороннее зеркало: психологи, изучающие женщин, глазами феминисток // Введение в гендерные исследования: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков–СПб., 2001. С. 437–459.
- Аусландер Л.* Женские плюс феминистские плюс лесбийские-гей плюс квир-исследования равно гендерные исследования? // Введение в гендерные исследования: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков – СПб., 2001. Ч. II. С. 63–92.
- Бендас Т. В.* Гендерная психология: Учебное пособие. СПб., 2006.
- Берн Ш.* Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения. СПб., 2008.
- Воронцов Д. В.* Вводные замечания // *Гендерная психология: Практикум* / Под ред. И. С. Клециной. СПб., 2009. С. 16–29.

- Еремеева В. Д., Хризман Т. П.* Мальчики и девочки: два разных мира. СПб., 2003.
- Иванова Е.* Гендерная проблематика в психологии // Введение в гендерные исследования: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков, 2001. Ч. I. С. 312–345.
- Ильин Е. П.* Пол и гендер. СПб., 2010.
- Клецина И. С.* Развитие гендерных исследований в психологии // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 181–192.
- Клецина И. С.* От психологии пола – к гендерным исследованиям в психологии // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 61–78.
- Клецина И. С.* Интеграция гендерной проблематики в систему психологического знания // Пол и гендер в науках о человеке и обществе / Под ред. В. Успенской. Тверь, 2005. С. 44–70.
- Кольцова В. А.* История психологии: проблемы методологии (Методология, теория и история психологии). М., 2008.
- Кон И. С.* Пол и гендер: Заметки о терминах // Андрология и генитальная хирургия. 2004. № 1–2. С. 31–35.
- Рябов О. В.* «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001.
- Скотт Дж.* Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков–СПб., 2001. Ч. II. С. 405–346.
- Уэст К., Зиммерман Д.* Создание гендера // Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований» / Под ред. О. А. Ворониной. М., 2001. С. 76–84.
- Франсиз Б.* Гендер – социальный конструкт или биологический императив? // Гендерная психология: Практикум / Под ред. И. С. Клециной. СПб., 2009. С. 29–34.
- Хоф Р.* Возникновение и развитие гендерных исследований // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер, Г. Зверевой. М., 2009. С. 31–60.
- Эрих-Хэфели В.* К вопросу о становлении концепции женственности в буржуазном обществе XVIII в.: психоисторическая значимость героини Ж.-Ж. Руссо Софи // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер, Г. Зверевой. М., 2009. С. 61–111.
- Dworkin A.* Pornography. Men Possessing Women. N. Y.: G. P. Putnam's Sons, 1981. P. 13–24.
- Heal F.* Jane Whittle and Elizabeth Griffiths, Consumption and gender in the early seventeenth-century household: the world of Alice Le Strange // The Economic History Review. 2013. V. 66 (4). P. 1189–1190.
- Kann M. E.* Sex Among the Rabble: An Intimate History of Gender and Power in the Age of Revolution. Philadelphia, 1730–1830 – By Clare A. Lyons // Historian. 2007. V. 69 (4). P. 787–788.
- Prevost E.* Assessing Women, Gender and Empire in Britain's Nineteenth-Century Protestant Missionary Movement // History Compass. 2009. V. 7 (3). P. 765–799.
- Serlin D.* Carney Landis and the psychosexual landscape of touch in mid-20th-century America // History of Psychology. 2012. V. 15 (3). P. 209–216.
- Wahrman D.* Change and the Corporeal in Seventeenth- and Eighteenth-Century Gender History: Or, Can Cultural History Be Rigorous? // Gender & History. 2008. V. 20 (3). P. 584–602.

Предпосылки становления психофизиологии как науки в период Средневековья

Е. Н. Нестерова (Москва)

Развитие психофизиологического знания в период Средневековья в трудах мыслителей арабско-мусульманского мира

В то время как в Европе в Средние века наука находилась в полной зависимости от богословия и схоластики, арабские мыслители в своих работах, опираясь на античную науку и философию, в частности на учение Аристотеля, развивали естественные науки, в том числе медицину.

Развитие психофизиологического знания в средневековый период связано с исследованиями мыслителей арабско-мусульманского мира X–XII вв. — иранского врача, философа, алхимика Ибн-Закария аль-Рази (865–925), ирано-таджикского философа, ученого-медика Ибн-Сины (Авиценны) (980–1037), арабского философа и врача Ибн Рошда (Аверроэса) (1126–1198), арабского ученого, математика, механика, физика, астронома Ибн-аль-Хайсама (Альхазена) (965–1039) и др.

Особый интерес представляет медицинская психология Ибн-Сины, в которой важное место отводилось роли эмоций в регуляции и развитии поведения человека. Основываясь на своем огромном медицинском опыте, он утверждал, что психика способна глубоко влиять на телесные процессы через воображение, эмоциональные состояния, психические травмы. Тем самым, по сути, утверждалась идея двусторонней связи психического и физиологического.

Ибн-Сина изучал данные вопросы не только с помощью метода наблюдения, но и экспериментально. Так, например, двум баранам давалась одна и та же пища, но одно животное кормили по соседству с волком, а другое — в нормальных условиях. В итоге, несмотря на нормальное питание, подопытное животное, находящееся в непосредственной близости от хищника, чахло и погибало. Ибн-Сина объяснял это тем, что для сохранения здоровья и выздоровления большое значение имеют душевное спокойствие и равновесие. Это дает основание относить труды Ибн-Сины к зачаткам экспериментальной психофизиологии эмоциональных состояний.

Другой арабский ученый XI в., Ибн-аль-Хайсама, внес большой вклад в разработку психофизиологии зрительной системы. Следуя древнегреческому ученому Галену, он дал описание строения глаза. В зрительном акте он выделял два процесса: первый — это непосредственный эффект запечатления внешнего воздействия, второй — участие в этом процессе головного мозга, благодаря которому устанавливается сходство и различие запечатленных объектов. Он сделал вывод о том, что условием возникновения зрительного образа служит не только непосредственное воздействие световых раздражителей, но и сохраняющиеся в нервной системе следы прежних впечатлений. Сенсорная структура зрительного восприятия рассматривалась им как производная от законов оптики и свойств нервной системы.

Врач и философ XII в. Ибн-Рошд обнаружил, что чувствующей частью органа зрения является не хрусталик, как предполагалось прежде, а сетчатая оболоч-

ка. Он известен своими подробными комментариями текстов Аристотеля, в которых сохранялась структура и аутентичность авторского текста, благодаря чему европейской культуре было возвращено учение Аристотеля, утраченное во время разгрома античного мира варварами. Ибн-Рошд по-своему излагал учение Аристотеля, подчеркивая связь разума с чувственным познанием, единство души, ее связь с телом. Его учение о душе и человеке оказало наибольшее влияние на западноевропейские философско-психологические взгляды.

Психофизиологические идеи в трудах европейских ученых эпохи Возрождения

Когда в XIV в., в эпоху Возрождения, происходил расцвет культуры во всей Европе, в Испании возникли учения, направленные на поиск реального знания о психике. Например, врач Хуан Луис Вивес (1492–1540) в своей книге «О душе и жизни» писал, что природа человека познается путем наблюдения и опыта.

Врач, философ-материалист Хуан Уарте (ок. 1530–1592) стремился применить индуктивный метод «исследования способностей к наукам», что послужило началом дифференциальной психологии, где главными способностями признавались память, воображение и интеллект, которые объяснялись определенным «темпераментом» мозга. Тем самым Хуан Уарте, оценивая, какая способность требуется для занятия той или иной наукой, предпринял первую в истории психологии попытку изучения индивидуальных различий между людьми для выявления их пригодности к различным профессиям.

Швейцарский врач, основатель гомеопатии, философ, алхимик Филипп Авреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (Парацельс) (1493–1541) изучал природу организма человека, причины болезней и методы их лечения. Человек, по его мнению, образован духом, душой и телом; последнее, в свою очередь, состоит из первоэлементов — химических веществ. Источником долголетия он считал естественную взаимосвязь духовного равновесия и химических начал. Великий врач-алхимик указывал на необходимость строгой личной гигиены во всем, в том числе в мыслях, умения ухаживать за своими физическим телом и психикой, быть внимательным к окружающей среде. Видно, какое большое значение придавал мыслитель психике и ее влиянию на функции организма.

Свой вклад в развитие психофизиологического знания внес испанский естествоиспытатель, врач, теолог М. Сервет (1511–1553), впервые описавший малый круг кровообращения и утверждавший, что кровь является обиталищем души.

Расцветом психофизиологической мысли Средневековья¹ является появление в XVII в. «психофизиологической проблемы», связанной с именем выдающегося французского философа, математика, физика, физиолога Рене Декарта (1596–1650). Он выдвинул теорию разделения всего сущего на две субстанции: телесную и духовную. Телесная субстанция связана с движением в пространстве (питание, дыхание, размножение), духовная — с процессами мышления и воли. Декарт сделал важное открытие в области психофизиологии: он впервые описал

---

¹ В отечественной историографии началом Нового времени считается конец XVII—первые десятилетия XVIII в.

рефлекс (не используя это понятие), создав, таким образом, первую модель поведения. Организм, по Декарту, представляет собой нервную машину, состоящую из мозгового центра и нервных трубок, по которым согласно законам механики движутся «животные духи». Направляясь от органов чувств, они достигают головного мозга и приводят в движение средоточие души — эпифиз (шишковидную железу), который направляет их обратно по нервным трубкам к мышцам, вызывая их движения. Р. Декарт считал, что высшие психические процессы не могут быть сведены к физиологическим. Тело и душа — это две самостоятельные субстанции, независимые друг от друга. Живое тело для своего функционирования не требует вмешательства души: функции «машины тела» (восприятие, запечатление идей и их сохранение в памяти, стремления) совершаются в этой машине в силу его устройства, подобно движению часов. Душа же, независимо от тела, рождает мысли. Являясь независимыми друг от друга, душа и тело в то же время взаимодействуют по принципу «психофизического параллелизма». Тело влияет на душу, пробуждая в ней чувственные восприятия и эмоции, а душа, обладая мышлением и волей, воздействует на тело, заставляя его работать.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что в период Средневековья в работах арабских и европейских ученых накоплен обширный фактологический материал, касающийся функционирования организма, его природы, роли центральных и периферийных отделов нервной системы в отражении внешних воздействий и поведении человека. Даются трактовки души и тела, раскрываются формы их связи друг с другом, представленные в обобщенном виде в психофизиологической проблеме.

В рамках этого периода происходил переход от религиозно-схоластических взглядов, доминировавших в начале Средневековья, к знаниям, полученным экспериментальным путем в конце средних веков. Все это создавало почву для становления психофизиологии как отрасли научного знания.

Литература

- Абу Али Ибн-Сина.* Канон врачебной науки. Ташкент, 1994. Ч. 1.
Анохин П. К. От Декарта до Шилова. М., 1945.
Асмус В. Ф. Декарт. М., 2006.
Майер П. Парацельс — врач и провидец / Пер. Е. Б. Мурзина. М., 2003.
Shackelford J. A Philosophical Path for Paracelsian Medicine: The Ideas, Intellectual Context, and Influence of Petrus Severinus (1540—1602). Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 2004. P. 519.

Высшие саморегулятивные способности: подходы к исследованию

Г. В. Ожиганова (Москва)

Актуальность изучения саморегулятивных способностей и саморегуляции возрастает в связи с расширением диапазона стрессогенных факторов в современном обществе. Требования психологической практики определяют необходимость научных разработок проблемы улучшения саморегуляции современного человека. Особое значение при этом приобретает углубленное рассмотрение как самих понятий «саморегуляция» и «саморегулятивные способности», так и подходов к их изучению.

Важным, на наш взгляд, становится исследование высших саморегулятивных способностей, связанных с личностной рефлексией, морально-нравственной сферой, ориентацией на высшие ценности и смыслы, стремлением к духовному саморазвитию.

Уже в самих дефинициях саморегуляции можно усмотреть определенный подход к ее исследованию.

Наиболее сжатое и распространенное определение из Краткого психологического словаря – следующее: саморегуляция (*лат.* «regulare» приводить в порядок, налаживать) – процесс управления человеком собственными психологическими и физиологическими состояниями, а также поступками (Краткий психологический словарь). Это определение соотносимо с регуляторным подходом, например, в понимании О. А. Конопкина, который связывает *регуляторный подход* с решением таких практических задач, как формирование или оптимизация произвольной активности разного вида (в том числе учебной деятельности), диагностика уровня развития регуляции у конкретного человека, согласование индивидуальных особенностей регуляторики и объективных особенностей и условий конкретной деятельности и др. (Конопкин, 2005, с. 28).

В другом определении, основанном на *структурно-уровневом подходе*, саморегуляция выступает как целесообразное функционирование живых систем разных уровней организации и сложности. Психическая саморегуляция является одним из уровней регуляции активности этих систем, выражающим специфику реализующих ее психических средств отражения и моделирования действительности, в том числе рефлексии субъекта (Словарь по профориентации и психологической поддержке). Осознанная саморегуляция обычно понимается как многоуровневый процесс инициации, построения психической активности и управления этой активностью для достижения сознательно выдвинутых и субъектно принятых целей деятельности (Моросанова, 1998).

Данные определения отражают структурно-уровневый подход в исследовании саморегуляции и являются важными для нас, так как позволяют говорить о высших саморегулятивных способностях. Исследователи подчеркивают, что способность к осознанному саморегулированию рассматривается как высший уровень психической саморегуляции. Имеется в виду «регуляция на основе рефлексивных представлений о цели, способах и средствах саморегуляции» (Моросанова, 2012, с. 13). Осознанность, субъектность, рефлексивность являются важнейши-

ми аспектами высших саморегулятивных способностей. При этом, как отмечает В. В. Николаева, *структурно-уровневый подход связан с системным*, поскольку саморегуляция – системный процесс, который обеспечивает адекватную условиям изменчивость, пластичность жизнедеятельности субъекта на любом из ее уровней (Николаева, 1993).

Рассмотрим другие возможные подходы к изучению высших саморегулятивных способностей. В первую очередь следует упомянуть *субъектный подход* (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский), так как большинство отечественных авторов в изучении саморегуляции используют этот подход, сочетая его с другими (О. А. Конопкин, В. И. Моросанова, А. К. Осницкий, Г. С. Прыгин и др.), а также потому, что именно категория «субъектность» свидетельствует о зрелости и высшем уровне развития личности, а следовательно, возможности проявления высших саморегулятивных способностей.

В рамках этого подхода его основатель С. Л. Рубинштейн подчеркивает значение волевого действия, которое опосредствуется сознанием личности. В результате человек способен свободно и произвольно определять свое поведение и нести за него ответственность, превращаясь в «самоопределяющего субъекта» (Рубинштейн, 2008).

Конопкин, реализуя субъектный подход, подчеркивает субъектный характер саморегуляции: «Принятие регуляторных решений самим человеком – существенный в психологическом отношении феномен осознанной регуляtorики, его наличие и выраженность определяют степень проявления в регуляторных психических процессах субъектного качества осознанной *саморегуляции*» (Конопкин, 2005, с. 33). Можно сказать, что в его понимании способность к осознанной саморегуляции выступает как высшая, служа критерием субъектности: «Субъектность проявляется, в первую очередь, в самодетерминации, в самостоятельной организации и управлении, т. е., по существу, в осознанной саморегуляции своей деятельности во всех ее содержательных и структурных моментах. Таким образом, именно способность к осознанной саморегуляции и является психологическим критерием человека как субъекта» (Конопкин, 2008, с. 22).

В рамках субъектного подхода высшие саморегулятивные способности связываются с нравственной сферой личности, ее моральными качествами. «Сформировавшееся у субъекта содержание его морально-нравственного кодекса может быть весьма различным, но для данного человека оно выступает критерием оценки и высшим уровнем детерминации нравственного аспекта всех форм его произвольной активности, т. е. является важнейшим фактором ее регуляции» (Конопкин, 2005, с. 3).

В русле *культурно-исторического подхода* Л. С. Выготский соотносит процесс саморегуляции с опосредствованием, обуславливающим осознанность и произвольность поведения (Выготский, 1983). Выделение высших психических функций как наиболее сложноорганизованных психических процессов (высшая функция есть овладение низшей; произвольное внимание есть подчинение себе произвольного внимания, согласно Выготскому), во-первых, подразумевает саморегуляцию, во-вторых, позволяет провести аналогию с выделением высших саморегулятивных способностей. Так, простейшие виды саморегуляции служат основой для высших (духовных).

В настоящее время разрабатывается *дифференциальный подход* к исследованию осознанной саморегуляции произвольной активности человека (В. И. Моросанова). В современных исследованиях показано, что существуют индивидуальные различия и в общем уровне осознанной саморегуляции, и в развитии регуляторных процессов, которые реализуют отдельные компоненты целостной системы саморегуляции. Именно в рамках такого дифференциального подхода созданы методы диагностики индивидуального развития саморегуляции, стилевых особенностей осознанной саморегуляции произвольной активности человека (Моросанова, 2004). При этом выявлено, что развитие и индивидуальные особенности саморегуляции в значительной мере определяют продуктивные аспекты деятельности человека, опосредствуют влияние личностных и психологических переменных на его поведение (Моросанова, Ванин, 2010). В исследованиях Моросановой можно увидеть, что дифференциальный подход к изучению осознанной саморегуляции человека может успешно использоваться для разработки таких научных проблем, как проблема самосознания (Моросанова, Аронова, 2008) и проблема принятия решений (Моросанова, Индина, 2007).

Изучение саморегуляции в российской психологии традиционно связано с деятельностью человека, а также деятельностным подходом.

Деятельностный подход использует методологическую парадигму, основанную на жестких принципах внешнего детерминизма психики, исходя из философской концепции отражения. В русле этого подхода саморегуляция понимается как система выдвижения и управления достижением целей поведения и деятельности.

Деятельностный подход к пониманию и изучению саморегуляции во многом основан на теории функциональных систем П. К. Анохина (1970), который считал, что системообразующим фактором функциональной системы является получаемый полезный результат. В русле теории деятельности с психологической точки зрения это означает, что процесс регуляции имплицитно связан с получением какого-либо конкретного результата, т. е. с достижением определенной цели деятельности (Леонтьев, 1975).

В дальнейшем, по мере накопления исследований в области саморегуляции, при определении понятия саморегуляции «деятельность» заменяется на «активность» (О. А. Конопкин, В. И. Моросанова, А. К. Осницкий).

Согласно А. К. Болотовой, «Конопкин в 70-е гг. XX в. первым поставил вопрос о необходимости отделения проблемы саморегуляции от проблемы деятельности» (Болотова, 2015, с. 68). Рассматривая процесс саморегуляции, он выделил две составляющие: 1) структурно-функциональную; 2) содержательно-психологическую, обусловившие соответствующие виды анализа: «Первый — „структурно-функциональный“ — предполагает анализ внутренних механизмов саморегуляции, которые обеспечивают реализацию принципов управления и регулирования в произвольной активности человека. Второй — „содержательно-психологический“ — связан с анализом психических средств, которыми субъект реализует функциональную структуру регуляции. Содержательный аспект анализа значительно расширяет и углубляет когнитивно-прагматический „образ“ процессов регуляции, показывает роль эмоционально-мотивационных и личностно-смысловых феноменов,

демонстрирует функциональное единство психики в процессах осознанной саморегуляции» (Конопкин, 2005, с. 27).

Утверждая единство и целостность психики в процессе саморегуляции, Конопкин заложил базу для *целостного, системного и структурно-уровневого подходов* к ее изучению: «Осознанная саморегуляция является одним из основных видов произвольной психической активности как системного взаимодействия всех (условно выделяемых) сторон и уровней человеческой психики. Именно в процессах саморегуляции исходное единство и системная целостность психики находят свое отчетливое проявление» (Конопкин, 2005, с. 40).

Процессы саморегуляции рассматриваются исследователями (О. А. Конопкин, В. И. Моросанова, А. К. Осницкий) как внутренняя целенаправленная активность человека, которая реализуется за счет системного участия разных процессов, явлений и уровней психики.

Таким образом, можно отметить отход от парадигмы жесткого внешнего детерминизма психики. Например, это проявляется в концепции регуляторного опыта Осницкого, который, связывая регуляторный опыт с целенаправленной проектируемой (деятельно-организованной) активностью человека, включает в него также систему субъективных критериев и оценок, переживания, рассматривает его как открытую систему, которая обогащается и совершенствуется в течение всей жизни.

Концепция регуляторного опыта Осницкого, основанная на целостном подходе к изучению психологических фактов и закономерностей, позволяет выделить рефлексивные и ценностные аспекты, а также переживания, осознаваемые и неосознаваемые, но во многом определяющие повседневное поведение человека. Эти аспекты, с одной стороны, связаны с саморегулятивными способностями, с другой — с внутренним опытом и чрезвычайно важны для психологического изучения и отражения всей многогранности внутренней жизни человека. Концепция регуляторного опыта Осницкого, в которой в рамках целостного подхода учитываются рефлексивные и ценностные аспекты, имеет большое значение для изучения высших саморегулятивных способностей.

Итак, можно отметить в определении способностей к саморегуляции тенденцию перехода от внешней детерминации к внутренней при сохранении идеи целостности функционирования психики.

Проанализировав понимание саморегуляции в работах отечественных психологов, В. В. Николаева приходит к выводу, что в них выделяется: уровень психической саморегуляции (Абульханова, 1977), который способствует поддержанию оптимальной психической активности, необходимой для деятельности человека; операционально-технический уровень саморегуляции, обеспечивающий сознательную организацию и коррекцию действий субъекта (Конопкин, 1980); личностно-мотивационный уровень саморегуляции (Братусь, 1981; Васильюк, 1984; Зейгарник, 1981), который обеспечивает осознание мотивов собственной деятельности, управление мотивационно-потребностной сферой (Николаева, 1993). Исходя из этого, опираясь на структурно-уровневый подход, можно выстроить классификацию уровней саморегуляции.

Операционально-технический уровень регуляции связан с организацией деятельности с точки зрения планирования, постановки целей и коррекции действий субъекта.

Уровень психологической саморегуляции, способствующий поддержанию оптимальной и адекватной психической активности и необходимый для успешного выполнения деятельности и социального взаимодействия.

Личностно-мотивационный уровень саморегуляции, позволяющий осознавать мотивы своей деятельности, общения, поведения; управлять мотивационно-потребностной сферой, ориентируясь на высшие ценности и смыслы, и сознательно руководить процессом саморазвития, включающим духовный рост. Именно этот уровень в наибольшей степени связан с проявлением высших саморегулятивных способностей.

Интересным представляется рассмотреть применение структурно-уровневого подхода к изучению саморегуляции в древневосточных системах знаний, в которых описаны высшие способности человека.

Обратимся к древневосточному трактату «Йога-сутры» Патанджали, созданному около 2000 лет назад. В нем выделяется 8 ступеней развития человека «аштанга-йога»: 1) яма, 2) нияма, 3) асана, 4) пранаяма, 5) пратьяхара, 6) дхарана, 7) дхьяна, 8) самадхи.

Бесспорно, система саморегуляции в йоге является самой древней и, пожалуй, наиболее совершенной, так как предполагает гармоническое целостное развитие человека на всех трех уровнях: 1) телесно-организмическом; 2) социально-психологическом; 3) духовно-нравственном, выделенных нами в «Йога-сутрах». Эти уровни соотносятся с вышеприведенными тремя уровнями саморегуляции в современной психологии:

- 1) *операционально-технический уровень саморегуляции* в йоге (*телесно-организмический*) охватывает ступени «асана» и «пранаяма»; связан с организацией, коррекцией действий и движений в процессе выполнения асан и пранаямы; включает воздействие на соматические и психофизиологические процессы;
- 2) *уровень психологической саморегуляции* в йоге (*социально-психологический*) определяется общечеловеческими правилами морального поведения на ступени «яма» и активизирует морально-ценностные ресурсы человека, связанные со следующими моральными проявлениями: «ахимса» — ненасилие; «сатья» — правдивость; «астея» — нестяжательство, нежелание чужого; «брахмачарья» — контроль над сексуальными желаниями; «апариграха» — ненакопительство, отсутствие чрезмерного желания материального обогащения, привязанности к материальному богатству; влияет на интеллектуальные процессы, психоэмоциональные состояния, активизируя интеллектуальные, эмоционально-волевые и морально-ценностные ресурсы;
- 3) *личностно-мотивационный уровень саморегуляции*, позволяющий осознавать мотивы своей деятельности и управлять мотивационно-потребностной сферой; в йоге (духовно-нравственный уровень) связан с ниямой, олицетворяющей индивидуальные правила поведения, ведущие к самодисциплине, самонаблюдению; свидетельствует о пробуждении и активизации духовно-нравственных ресурсов и необходимости проявления высших саморегулятивных способностей, создающих возможность для активизации духовного саморазвития.

В «Йога-сутрах» ступень «нияма» описывается понятиями: «шауча» — чистота помыслов; «сантоша» — удовлетворенность жизнью, отсутствие метания в поисках

все больших материальных благ; «тапас» — безудержное стремление к благородной возвышенной цели; «свадхияйя» — самообучение и самопознание, постижение духовных слоев своей личности; «Ишвара пранидхана» — посвящение своих действий Высшему Разуму, Богу (Патанджали, 1992).

Важно подчеркнуть, что операционально-технический уровень саморегуляции (асаны и пранаяма) в йоге считается ключевым. Без включения и развития саморегулятивных способностей операционально-технического уровня невозможна их эффективная актуализация на других уровнях, требующих проявления высших способностей к саморегуляции.

Таким образом, применение структурно-уровневого подхода в изучении саморегуляции позволило показать важность выделения понятия «высшие саморегулятивные способности» и наметить пути их исследования, например в древневосточных системах знаний. Другие подходы — субъектный, целостный, системный — также позволяют разрабатывать проблему высших способностей. Их применение акцентирует значимые аспекты высших способностей, связанные с осознанностью, ответственностью, активностью, самоопределением, самосознанием, рефлексивностью, творческим потенциалом, духовностью, морально-ценностной и эмоционально-волевой сферой и отражающие системность и целостность изучения человека.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Диалектика человеческой жизни (Соотношение философских, методологических и конкретно-научных подходов к проблеме индивида). М., 1977.
- Анохин П. К.* Теория функциональных систем // Успехи физиологических наук. 1970. 1 (1).
- Болотова А. К., Пурецкий М. М.* Развитие идей саморегуляции в исторической ретроспективе // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 3. С. 64–74
- Братусь Б. С.* К изучению смысловой сферы личности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1981. № 2. С. 46–56.
- Василюк Ф. Е.* Психология переживания. М., 1984.
- Выготский Л. С.* Проблемы развития психики // *Выготский Л. С.* Собр. соч. В 6 т. / Под ред. А. М. Матюшкина. М., 1983. Т. 3.
- Зейгарник Б. В.* Опосредствование и саморегуляция в норме и патологии // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1981. № 2. С. 9–15.
- Конопкин О. А.* Психологические механизмы регуляции деятельности. М., 1980.
- Конопкин О. А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 7–12.
- Конопкин О. А.* Структурно_функциональный и содержательно-психологический аспекты осознанной саморегуляции // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1. С. 27–42.
- Конопкин О. А.* Осознанная саморегуляция как критерий субъектности // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 22–34.
- Краткий психологический словарь // Энциклопедия психологии и психиатрии. URL: <http://vocabulary.ru/termin/samoreguljacija.html> (дата обращения: 21.09.2016).
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

- Моросанова В. И.* Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М., 1998.
- Моросанова В. И.* Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): руководство. М., 2004.
- Моросанова В. И.* Саморегуляция и индивидуальность человека. М., 2012.
- Моросанова В. И., Аронова Е. А.* Саморегуляция и самосознание субъекта // Психологический журнал. 2008. № 1. Т. 2. С. 14–22.
- Моросанова В. И., Ванин А. В.* Роль индивидуальных особенностей временной перспективы и осознанной саморегуляции при выборе профессии старшеклассниками // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2010. № 5 (13). URL: <http://psystudy.ru/0421000116/0046> (дата обращения: 21.10.2016).
- Моросанова В. И., Индина Т. А.* Психологические предпосылки принятия рациональных решений на материале голосования избирателей // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 74–85.
- Николаева В. В.* О психологической природе алекситимии // Телесность человека: междисциплинарные исследования. М., 1993. С. 84–93. Gestalt Life, 2007. URL: <http://www.gestaltlife.ru/publications/13/view/126> (дата обращения: 11.09.2016).
- Патанджали. Йога-сутры; Вьяса-бхашья // Классическая йога / Пер. с санскрита Е. П. Островской и В. И. Рудого. М., 1992.
- Рубинштейн Л. С.* Основы общей психологии. СПб., 2008.
- Словарь по профориентации и психологической поддержке // Энциклопедия психологии и психиатрии. URL: <http://vocabulary.ru/termin/samoreguljacija.html> (дата обращения: 22.07.2016).

История развития и современное состояние исследования психологических отношений¹

В. П. Позняков, Т. С. Вавакина (Москва)

Введение

Идея отношения – одна из фундаментальных научных идей. Ее разработка в философии, математике, логике, психологии привела к выделению специальных разделов знания, обозначаемых в каждой из названных областей знания понятием «теория отношений». Понятие отношения использовалось также в биологии при обсуждении ее методологических проблем. Наверное, нельзя найти научную дисциплину, в которой оно не употреблялось хотя бы в качестве вспомогательного, интуитивно очевидного понятия. В настоящее время «психологическое отношение» занимает одно из центральных мест в системе понятий психологической

---

¹ Статья подготовлена по Государственному заданию ФАНО РФ 0159-2016-0001.

науки. За последние годы в нашей стране выполнено большое число научных исследований по проблеме психологических отношений, способствовавших развитию и дальнейшей разработке данной проблемы, в том числе в социальной психологии. Показателем продуктивной разработки проблемы отношений в русле социальной психологии выступает введение в систему социально-психологического знания таких понятий, «межличностные отношения», «межгрупповые отношения», «взаимоотношения», «социально-психологические отношения» и др. В психологии активно разрабатываются такие понятия, как «отношение к деятельности», «отношение к труду», «отношение к собственности» и т. п. В частности, в последние годы в лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН выполнен ряд научных исследований, предметом которых выступали психологические отношения личности, межличностные и межгрупповые отношения. Все это говорит о высоком научном потенциале и востребованности идеи отношения в современной психологической науке.

Вместе с тем в современной психологической науке практически отсутствуют работы обобщающего теоретического характера, раскрывающие историю и современное состояние разработки категории «психологические отношения».

Целью данной работы является анализ развития теоретических представлений и перспектив дальнейших исследований психологических отношений человека в отечественной психологии.

Разработка проблемы отношения в философии и биологии

Истоки *отношения* как психологического понятия находятся, с одной стороны, в философии и логике, с другой — в биологии. Выделяются логико-философская, биологическая и интроспективно-психологическая линии развития идеи отношения (Левченко, 2003).

Исторически первым являлось логико-философское направление рассмотрения понятия «отношение» (Аристотель, Дж. С. Милль, М. М. Троицкий). Аристотель, например, предлагал судить о том, что такое бытие, путем анализа высказываний о бытии. Он выделил десять родовых понятий: сущность, качество, количество, отношение, действие, страдание, место, время, состояние, обладание. Тем самым отношение было включено в число предельно обобщенных философских категорий.

Биологическое направление развития этого понятия появилось значительно позже и состояло в описании отношения организма к среде, противопоставленного изучению изолированного, оторванного от среды организма (Ж. Б. Ламарк, Г. Спенсер, Ч. Дарвин). На идею отношения организма к среде опирались при создании своих концепций представители русской психологической школы В. М. Бехтерев, А. Ф. Лазурский, М. Я. Басов, В. Н. Мясищев.

Разработка проблемы отношения в русле психологии в XIX–начале XX в.

Помимо развития понятия «отношение» в русле философии и биологии в XIX в. существовала также линия интроспективно-психологическая, в рамках которой это понятие употреблялось как вспомогательное, интуитивно очевидное. Науч-

ные труды и учебные пособия представителей этого направления — И. Ф. Гербарта, В. Вундта, Г. Гейдингга — активно использовались в учебном процессе Психоневрологического института, где преподавали В. М. Бехтерев и А. Ф. Лазурский, учились М. Я. Басов и В. Н. Мясищев.

К числу отечественных исследователей, использовавших понятие «отношение» для описания и анализа психического, принадлежит М. М. Троицкий, создавший учение о трех общих свойствах человеческого духа: относительности, соотносительности (коррелятивности) и рефлексивности. Все психические явления ученый рассматривает как «факты психических отношений». Для классификации психических отношений М. М. Троицкий использует пять независимых оснований: страдательные и деятельные; мысленные и действительные; непрямые и производительные; потенциальные и актуальные; прямые и возвратные. По мнению Е. В. Левченко, предложенные основания классификации психических отношений могут быть рассмотрены как субъектно-объектные шкалы: активность—реактивность; идеальность—реальность; творчество—репродуктивность; потенциальность—актуальность; направленность на себя, на свой внутренний мир — направленность на предмет, образующие многомерное пространство психического (Левченко, 2003). Именно М. М. Троицкий первым из отечественных ученых создал психологическую концепцию, в основу которой положено понимание психических явлений как отношений. Взгляд на психическое как на систему, открытую взаимодействию с миром, понимание психических отношений как субъектно-объектных свидетельствуют о близости воззрений М. М. Троицкого и подходов других русских исследователей. Однако надо признать, что концепция М. М. Троицкого автономна, стоит особняком и не так часто попадает в поле зрения исследователей, занимающихся разработкой в психологии теории отношения.

Исследование психологии отношений в научной школе В. М. Бехтерева

Представления современных исследователей преимущественно базируются на воззрениях В. М. Бехтерева, А. Ф. Лазурского, М. Я. Басова, и особенно на наиболее проработанной концепции отношений В. Н. Мясищева.

В. М. Бехтерев, рассматривая отношение организма к среде, полагал, что оно характеризуется активностью и избирательностью, а на уровне личности становится индивидуальным, целесообразно-активным и самостоятельным (Бехтерев, 1999).

А. Ф. Лазурский выделил субъективную сторону психики, связанную с работой скрытых механизмов, или эндопсихику, и объективную сторону — внешнюю, доступную наблюдению, включающую актуальные взаимодействия со средой, которая обозначена как отношения личности к среде, или экзопсихика (Лазурский, 1997). Таким образом, понятие «отношения личности к среде» обозначает сознательную, избирательную связь ядра психики с тем, что может противостоять ему как объект. Среда же понимается как конструируемая личностью из множества объектов действительности, отобранных отношением, создаваемая из всего, к чему может относиться человек. Понятие «отношение» определялось А. Ф. Лазурским как склонность, потребность, интерес, форма типичной реакции личности.

Продолжая развивать эту идею, М. Я. Басов утверждал, что организм взаимодействует не со средой вообще, а с определенной структурированной ее частью, выделение которой зависит от возможностей организма. Эту особенность взаимодействия организма со средой М. Я. Басов описывает с помощью понятия временного и пространственного радиуса среды (Басов, 1931). В связи с понятием среды М. Я. Басов рассматривает жизненно значимые или средовые отношения (объективные и избирательные), которые собственно и обеспечивают превращение объективной реальности в среду. «Всякое отношение становится жизненно значимым для организма и, следовательно, его средовым отношением тогда, когда фактор, противостоящий организму, оказывает на него то или иное воздействие и тем оказывает свое влияние на жизнь, на развитие данного организма» (Басов, 1931, с. 71). В концепции М. Я. Басова идея отношения воплощается как идея симметричной субъектно-объектной связи, предполагающей соучастие субъектной и объектной сторон в ее создании и развитии. При этом организм и среда рассматриваются исследователем как две соотносящиеся органически целостные системы. Взаимодействие оказывается взаимодействием систем в целом, а не отдельных их частей. Поэтому как стимул, так и реакция не выступают изолированно, обособленно, но вовлекают во взаимодействие и общую ситуацию взаимодействия фон и общее состояние, или общую установку организма. В целом особенностью трактовки М. Я. Басовым методологического принципа отношения организма к среде является понимание отношения как взаимоотношения, т. е. соучастия его субъектной и объектной сторон в развертывании и организации деятельности.

Теория психологии отношений В. Н. Мясищева

Основываясь на идеях А. Ф. Лазурского, исходя из концепции эндо- и экзопсихики, В. Н. Мясищев, в отличие от А. Ф. Лазурского, делает акцент на втором компоненте — экзопсихике, обозначая его первоначально как мир отношений субъекта. В. Н. Мясищев предлагает свой интегральный подход в психологии. Единицей анализа в данном подходе является личность, а ключевым понятием — отношение. В. Н. Мясищев формулирует проблему психологии отношений, делает отношение предметом специального анализа, дает одно из первых его развернутых определений: «Психологические отношения человека в развитом виде представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. Эта система вытекает из всей истории развития человека, она выражает его личный опыт и внутренне определяет его действия, его переживания» (Мясищев, 1957, с. 143). Личность рассматривается им как система отношений; понятие отношения используется и при определении других психологических понятий.

В структуре психологических отношений В. Н. Мясищев выделяет следующие компоненты: потребностная, или конативная (как тенденция тяготения к объекту, овладения им); эмоциональная (например, привязанность, антипатия и т. п.); познавательная (интересы, оценки и убеждения).

В. Н. Мясищев включает деятельность в определение предмета психологии, но подчиняет процессуальный план потенциальному, говоря об изучении личности в ее сознательной деятельности. Рассматривая в качестве предмета (объек-

та) отношений различные виды деятельности, В. Н. Мясищев выделяет, во-первых, *непосредственное* отношение, которое определяется отношением к процессу, цели и обстановке деятельности, а также активным или пассивным состоянием человека, во-вторых, *опосредствованное* отношение, определяющееся местом ожидаемого результата деятельности в системе целей личности. Он считает целесообразным введение специального раздела психологии, в котором должны изучаться цели, стремления, тенденции, интересы, оценки, идеалы, потребности, убеждения.

Характеризуя личность, он говорит об ее *направленности как о доминирующих отношениях*, т. е. о большей или меньшей активности, реактивности, эффективности в отношении к тем или иным объектам. Во взаимоотношениях между субъектами В. Н. Мясищев выделяет в особый вид «оценочные отношения», формирующиеся в связи с этическими, эстетическими, юридическими и другими критериями поступков и переживаний человека. Подчеркивает, что отношения человека обусловлены всей историей его развития, выражают его личный опыт и внутренне определяют его действия, переживания, а также — общественно-историческим опытом, который является основой внутреннего мира человека. В. Н. Мясищев понимал отношение как особое состояние сознания личности, предшествующее поведению (Мясищев, 1960).

По сравнению со всеми рассмотренными выше системами взглядов концепция В. Н. Мясищева наиболее проработанна; именно она послужила отправной точкой для современного этапа развития теории отношений.

Психологические отношения личности

Первым в отечественной психологии В. Н. Мясищев поставил вопрос о связи психологических отношений с основными группами психологических явлений: процессов, состояний и свойств личности. Этот вопрос имеет принципиальное значение для нашего исследования, поскольку именно психологические отношения представляются нам теми психологическими образованиями, которые играют наиболее важную роль в регуляции социального поведения и динамика которых выступает следствием, результатом изменения социальных связей и отношений в обществе. Для психологических отношений характерно сочетание стабильности, устойчивости (по сравнению с психическими процессами и состояниями) и одновременно пластичности, изменчивости (по сравнению с психологическими свойствами). Мы считаем правомерной постановку вопроса о том, что психологические отношения выступают специальным, самостоятельным классом психических явлений.

Начиная с работ В. Н. Мясищева, понятие психологических отношений «как системы временных связей человека как личности — субъекта со всей действительностью или с ее отдельными сторонами» (Мясищев, 1960, с. 150) прочно входит в лексикон отечественной психологической науки.

К. К. Платонов рассматривает отношение как неотъемлемое свойство, атрибут сознания. Однако наряду с отношением и знанием (у К. К. Платонова — познание) в качестве эмоционального компонента структуры сознания он выделяет переживание. Под термином же *отношение*, по мнению К. К. Платонова, понимается «активный момент индивидуального сознания, его обратная субъективная

связь с отражаемым миром, объективизирующаяся в психомоторике» (Платонов, 1972, с. 94). Автор справедливо указывает, что имеющиеся «определения отношений как психических явлений не дают возможности четко отграничить их от сознания в целом». Однако, утверждая, что «отношение — это только один из трех основных компонентов сознания, но не все сознание в целом», К. К. Платонов вместе с тем допускает, что отношение может выступать в единстве с переживанием («отношение как переживание») или в единстве с познанием («отношение как знание») (там же, с. 95).

Именно обращение к более общей категории «сознание» позволяет более точно раскрыть смысл категории «психологические отношения» личности. Понятие психологических отношений раскрывает в наибольшей степени такую существенную сторону сознания, как эмоционально окрашенная оценка социальных явлений, выступающих объектами сознания. Если когнитивная, познавательная сторона сознания фиксируется такими понятиями, как «знания», «представления», «образы», «значения» и т. д., то понятие психологических отношений обозначает другую, не менее важную сторону индивидуального и группового сознания, связанную с *оценкой объектов и явлений окружающего мира*. И личность, выступающая индивидуальным субъектом онтологически единого и целостного сознания, усваивает, воспроизводит и создает не только новые знания, но и отношения, оценки. Общность, разделенность этих индивидуальных знаний и оценок, возможность обмена ими, передачи от одного человека другому является необходимым условием существования человеческого общества, совместной социальной жизни людей и человеческих общностей. В основе психологических отношений личности, носителем и субъектом которых выступает отдельный индивид, всегда лежат общественные отношения, субъектами которых являются социальные общности, группы.

Рассматривая соотношение категорий «отношение» и «знание» с более общей категорией «сознание», некоторые авторы (В. Петренко, В. Селиванов и др.) отмечают его сходство с соотношением понятий «значение» и «смысл» в теории А. Н. Леонтьева. Являясь рядоположными, эти понятия фиксируют различные аспекты анализа индивидуального сознания. Например, понятие «значение» прямо связывает содержание сознания с культурно-историческим опытом, фиксированным в языке, тогда как понятие «знание» как характеристика индивидуального сознания связано не только со знаковой, но и с образной сферой сознания, включающей, например, представления. Понятие «отношение» подчеркивает роль социально-нормативных оснований оценки объекта отношения, тогда как понятие «смысл» в большей степени фиксирует именно познавательный аспект этого компонента сознания.

К категории психологического отношения обращались в своих трудах ведущие российские психологи, развивая идеи В. Н. Мясищева и раскрывая новые ее стороны. Так, С. Л. Рубинштейн считает, что именно в деятельности человек реализует и утверждает себя: как субъект — в своем отношении к объектам, им порожденным, и как личность — в своем отношении к другим людям, на которых он в своей деятельности воздействует, с которыми он через нее вступает в контакт. «Реально мы всегда имеем два взаимосвязанных отношения — человек и бытие, человек и другой человек (другие люди). Эти два отношения взаимосвязаны и взаимообусловлены» (Рубинштейн, 1973, с. 256). Обращаясь к проблеме психологических

отношений человека, Б. Ф. Ломов использует термин «субъективно-личностные отношения», которые он определяет как многомерную, многоуровневую, динамическую систему, как интегральное свойство личности, определяющее всю психическую жизнь человека. Рассматривая многомерность отношений, автор вводит понятие *субъективного пространства* отношений, которое включает в себя отношение к труду, собственности, другим людям и т. д. При этом субъективное пространство отношений субъекта может не совпадать с пространством общественных отношений, в которое личность включена объективно. По мнению Б. Ф. Ломова, с психологической точки зрения, термин «отношение» подразумевает не только и не столько объективную связь личности с ее окружением, сколько, прежде всего, ее субъективную позицию в этом окружении. «„Отношение“ здесь включает момент оценки, выражает пристрастность личности» (Ломов, 1984, с. 326).

Особое место понятие «отношение» занимает в диспозиционной концепции личности, развиваемой В. А. Ядовым. В иерархической структуре диспозиций личности, реализующей ее поведение в различных условиях и ситуациях, в качестве одного из уровней автор выделяет социальные фиксированные установки, которые образуются на основе оперирования с отдельными социальными объектами и в разных конкретных ситуациях (Ядов, 1979, с. 109). В отличие от элементарных фиксированных установок, которые «лишены модальности (переживание „за“ или „против“) и не осознаваемы (отсутствуют когнитивные компоненты)», социальные фиксированные установки осознаваемы и обладают сложной структурой, включающей «эмоциональный (или оценочный), когнитивный (рассудочный) и собственно поведенческий (аспект поведенческой готовности)» компоненты. Иными словами, это «аттитюд», или «отношение», по В. Н. Мясищеву, — заключает автор (там же).

Сравнительный анализ содержания понятия «психологическое отношение» и таких понятий, как «установка», «социальная установка», «аттитюд», чрезвычайно сложен в силу того, что каждое из них трактуется различными исследователями по-разному. Так, термин «социальная установка» одними авторами (например, У. Томасом и С. Знанецки) определяется как психологический процесс, связанный с субъективным переживанием социальной ценности объекта, другими (например, Г. Олпорт) — как состояние психонервной готовности, складывающееся на основе опыта и оказывающее направляющее и динамическое влияние на реакции индивидов. Различия в трактовке термина «социальная установка» в западной социальной психологии во многом обусловлены различиями в исходных теоретических подходах. Попытки их эклектического объединения, связанные с выделением различных структурных компонентов социальной установки (видов, функций и т. д.) встречают серьезную и обоснованную критику (см., например, Шихирев, 1999). Неоднозначность понимания термина «социальная установка» усугубляется тем, что в отечественной психологической науке понятие установки во многом независимо от традиции исследования «социальных установок», разрабатывается в школе Д. Н. Узнадзе, где оно определяется как состояние готовности к поведению в данной ситуации и для удовлетворения определенной потребности. При этом ни социальные признаки объекта установки, ни осознание содержания самой установки не являются ее обязательными атрибутивными признаками. Поэтому представляется более правильным

использовать термин «установка» для обозначения психологического (точнее — психофизиологического) состояния готовности субъекта к определенному поведению (в том числе социальному), а для обозначения содержательных, осознаваемых психологических связей человека с окружающим миром использовать термин «психологические отношения».

В последние десятилетия в отечественной социальной психологии все более широко используется понятие «социальные представления» (К. А. Абульханова, Т. П. Емельянова, Н. Л. Смирнова, М. И. Воловикова и др.), теоретически и эмпирически разрабатываемое в школе французского психолога С. Московичи. По нашему мнению, тот факт, что все три понятия — «социальные установки», «социальные представления» и «психологические отношения» — широко используются в социальной психологии, связан с тем, что они преимущественно раскрывают различные стороны онтологически единого сознания субъекта: познавательную, эмоциональную и регулятивную.

Основываясь на многочисленных отечественных исследованиях психологических отношений, мы предлагаем следующее их обобщающее определение: психологические отношения — это феномены, или характеристики, сознания личности, т. е. осознаваемые психические явления. Это особые состояния сознания, которые предшествуют реальному поведению и выражают готовность к этому поведению (в чем выражается мотивационная и поведенческая сторона отношений). Они включают в себя, наряду с готовностью к определенному поведению, когнитивный аспект, выражающийся в знании об объектах отношения, и эмоциональный аспект, выражающийся в эмоциональной оценке объектов отношения, эмоциональных переживаниях по отношению к ним. Для психологических отношений характерно сочетание стабильности, устойчивости (по сравнению с психическими процессами и состояниями) и одновременно динамичности, изменчивости (по сравнению с психологическими свойствами). Психологические отношения выступают особым самостоятельным классом психических явлений. Объектами психологических отношений выступают внешние условия жизнедеятельности и активности субъекта, характеристики самой активности и ее субъектов, представители различных социальных групп, с которыми субъекты отношений связаны различными видами взаимодействия. При этом психологические отношения являются не только результатом субъективного отражения объективного мира вещей и связей между ними, но и существенными характеристиками субъекта.

Одной из основных функций психологических отношений, наряду с отражением свойств объектов отношений и их взаимосвязей с субъектом, является регуляция социального поведения субъекта. Избирательный характер психологических отношений личности проявляется не только в избирательной направленности оценок объектов отношений, но и в реальном поведении, которое часто предполагает выбор субъектом одной из имеющихся альтернатив, связанный, в свою очередь, с процессами предпочтения и отвержения. Внутренняя регуляция социального поведения субъекта, других видов его активности, в том числе регуляция социального взаимодействия между субъектами, проявляется в поведении личности — социальных действиях и поступках (Шорохова, 2002). Так, «характер реального взаимодействия и даже сам факт его наличия в высокой сте-

пени определяется тем, как воспринимает окружающую среду субъект, т. е. какие ее объекты (элементы) значимы для него, к каким он относится нейтрально, какие им отвергаются, а какие из них и совсем игнорируются» (Журавлев, Купрейченко, 2007, с. 68).

На такое свойство психологического отношения, как его потенциальность, или, скорее, интенциональность (от лат. «*intentio*» — напряжение, направленность, стремление, намерение), в том или ином его аспекте обращают внимание многие авторы. Так, И. Р. Сушков считает, что «под психологическим отношением следует понимать субъективную меру изменения событий, которые могут быть вызваны связью субъекта с объектом» (Сушков, 1999, с. 156). Психологическое отношение выражает внутреннюю позицию субъекта по отношению к объекту. В нашем понимании, интенция психологического отношения проявляется как характеристика внутренней позиции субъекта с точки зрения ее активности/пассивности и направленности устремлений и намерений по отношению к объекту данного психологического отношения.

Перспективы дальнейших исследований психологических отношений человека в социальной психологии связываются нами с уточнением их видов и функций. Классификация психологических отношений с точки зрения специфики их субъектов может быть представлена следующим образом: психологические отношения личности, межличностные отношения, внутригрупповые отношения, в том числе отношения между личностью и группой, и межгрупповые отношения. Последние три группы объединяются в класс социально-психологических отношений и соответствуют различным уровням организации общества как системы социальных связей между субъектами. Наиболее общий вывод, вытекающий из анализа содержания и особенностей социально-психологических отношений, состоит в том, что эти отношения не могут быть правильно поняты и объяснены, исходя только из анализа индивидуальных психологических характеристик субъектов взаимоотношений и их взаимодействия между собой. В основе социально-психологических отношений даже тогда, когда они имеют видимость межиндивидуальных отношений, лежат общественные по своей природе отношения между социальными общностями.

При таком понимании психологические отношения личности как субъекта совместной социальной жизнедеятельности, сохраняя свой статус явлений индивидуального сознания, онтологически целостным субъектом которого выступает личность как социальный индивид, одновременно выступают как носители социальных явлений: ценностей, норм, оценок, социальных связей, которые формируются, воспроизводятся и изменяются в процессе совместной жизнедеятельности личности как социальных субъектов психологических отношений. Тем самым снимается традиционная дихотомия рассмотрения психологических и общественных отношений, при которой субъективные психологические отношения противопоставляются объективным социальным отношениям, субъектами которых выступают не отдельные индивиды, а социальные группы.

Социально-интегративная функция психологических отношений проявляется в психологической общности социальных групп, формирующейся на основе сходства психологических отношений их представителей. Наличие такой психологической общности представителей тех или иных социальных групп и осо-

знание ими своей принадлежности к этим группам, внутригрупповой общности, сходства и одновременно отличия от других групп позволяет рассматривать эти социальные группы в качестве групповых субъектов психологических отношений. Отношения внутри социальных групп при этом могут рассматриваться как межличностные внутригрупповые отношения, а отношения, складывающиеся между представителями разных групп, — как межгрупповые социально-психологические отношения.

Заключение

Экскурс в историю показывает, что «отношение» является одной из предельно обобщенных, универсальных категорий. Высокий уровень обобщенности позволяет широко использовать понятие «отношение» в разных областях знания и применительно к различным объектам и явлениям действительности. В психологии идея отношения приобретает особое значение, поскольку многими авторами начинает использоваться для описания самого предмета психологии и сущности психического. В то же время проведенный анализ современных представлений о психологическом отношении приводит к пониманию того, что на сегодняшний день нельзя говорить о том, что существует стройная и завершенная теория психологических отношений. Концепция психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности (Позняков, 2000; 2013; Журавлев, Позняков, 2012; и др.) позволяет рассматривать и исследовать психологические отношения человека как онтологически единственного носителя (субъекта) этих отношений на разных уровнях. На внутриличностном уровне они рассматриваются как психологические отношения конкретной личности, индивидуального субъекта отношений; на межличностном уровне — как отношения между личностями, характеризующимися сходством или различиями их психологических отношений. На межгрупповом уровне они рассматриваются как отношения между личностями как представителями разных социальных групп, различающимися в том числе их психологическими отношениями к значимым сторонам совместной жизнедеятельности. Использование такого многоуровневого подхода в исследовании психологических отношений людей как субъектов совместной жизнедеятельности представляется существенным вкладом в развитие теории психологических отношений человека и перспективным направлением психологических исследований.

Литература

- Басов М. Я.* Общие основы педологии. М.—Л., 1930.
- Бехтерев В. Н.* Избранные труды по психологии личности. В 2 т. СПб., 1999.
- Емельянова Т. П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006.
- Журавлев А. Л., Курпейченко А. Б.* Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М., 2007.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М., 2012.

- Лазурский А. Ф.* Избранные труды по психологии. М., 1997.
- Левченко Е. В.* История и теория психологии отношений. СПб., 2003.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Мясищев В. Н.* Проблема отношений человека и ее место в психологии // Вопросы психологии. 1957. № 5. С. 142–155.
- Мясищев В. Н.* Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека // Психологическая наука в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 110–125.
- Платонов К. К.* О системе психологии. М., 1972.
- Позняков В. П.* Психологические отношения субъектов экономической деятельности. М., 2000.
- Позняков В. П.* Психологические отношения субъектов совместной жизнедеятельности // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 167–174.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. СПб., 1973.
- Сушков И. Р.* Психология взаимоотношений. М., 1999.
- Шихирев П. Н.* Современная социальная психология. М., 1999.
- Шорохова Е. В.* Социальное поведение личности и его регуляция // Социальная психология: Учебное пособие / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М., 2002. С. 105–122.
- Ядов В. А.* Диспозиционная концепция личности // Социальная психология / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. Л., 1979. С. 106–120.

Педагогические истоки развития проблемы психологии командообразования

В. Л. Ситников, А. В. Комарова, Т. В. Слотина (Санкт-Петербург)

Введение

В переломные периоды истории, в условиях глобальных изменений социально-экономических основ общественной жизни или затяжных экономико-политических кризисов резко возрастает потребность в некоей панацее, которая может легко разрешить основные проблемы и обеспечить резкое ускорение развития. Современный менеджмент нередко в качестве такой панацеи предлагает формирование эффективной команды. Сегодня на рынке психолого-управленческих услуг представлено обширное предложение различных тимбилдингов и тренингов по командообразованию, как правило, разработанных «по западным лекалам». Развитие общества движется по спирали, и на новом витке истории мы, забыв уникальный отечественный опыт, снова впадаем в «идолопоклонство перед Западом» (Ситников, 2014а).

Пытаясь поспешно и бездумно избавиться от догматического коммунистического наследия, мы первым делом забыли о ведущей роли коллектива в становлении личности. На смену этому положению, казалось бы, очевидному и подтверж-

денному многовековой историей и традициями нашего народа и в досоветский, и в советский периоды с его ориентацией на принцип соборности, коллективистическими установками и ценностями, пришла идеологема о подавлении личности коллективом, а главным средством прогресса общества и развития личности были провозглашены рыночная конкуренция и принципы индивидуализма. Однако кардинальное изменение системы отношений, затяжные экономические и политические кризисы, нарастающие проблемы в образовании и науке привели к осознанию того, что индивидуализм — это тупиковый путь развития как отдельной личности, так и общества в целом (Ситников, 2014б).

Авторитарные принципы управления сегодня дискредитированы в странах с наиболее интенсивно развивающейся экономикой. Самым перспективным признается командный стиль управления, при котором личные цели сотрудников согласуются с целями организации. Команды могут формироваться на разных принципах. Многое зависит от ситуации, обстоятельств, от личности руководителя и состава сотрудников. В условиях неуклонно нарастающей глобализации проблема образования команд на ключевых направлениях экономического развития становится особенно актуальна, и практически не остается возможностей их самопроизвольного формирования. Не случайно сегодня, в условия интенсивно развивающейся сетевой коммуникации, отмечается рост спроса на разнообразные семинары и тренинги по обучению методам и приемам командообразования, так называемые «веревочные курсы», «тим-билдинги» и т. д. Как правило, большинство подобных курсов основаны на американских разработках.

Индивидуализм провоцирует серьезные личностные проблемы, обеспечивая работу психотерапевтам, которые давно разработали методы групповой психотерапии, убедившись на практике, что групповая работа часто оказывается более эффективной, чем индивидуальная. К. Рудестам в своем учебнике «Групповая психотерапия» называет «Т-группы», появившиеся благодаря К. Роджерсу в 1962 г. и заслуженно считающиеся одним из наиболее эффективных средств социально-психологического обучения, величайшим социальным изобретением XX столетия (Рудестам, 1998). Но сегодня мало кто не только из современных «успешных менеджеров», но и ученых-психологов знает, что первые конкретные методики и методы, научно обоснованные технологии командообразования были рождены отечественной педагогической практикой (Ситников, Комарова, Слотина, 2011).

Разработка проблемы командообразования в трудах и практической деятельности А. С. Макаренко, И. П. Иванова

Наиболее интересный социально-психологический опыт формирования коллектива, опирающийся на точное понимание закономерностей и механизмов этого процесса, был реализован, глубоко и методически точно описан Антоном Семеновичем Макаренко (1888—1939). Затем он был творчески переработан академиком Игорем Петровичем Ивановым (1923—1992) и дополнен опытом стихийно возникшего тимуровского движения, порожденного мощным воздействием таланта Аркадия Гайдара, что позволило адаптировать теорию и практику А. С. Макаренко к обычным условиям школьного и внешкольного образования и воспитания (Иванов, 2013).

Еще при жизни А. С. Макаренко в первом издании Большой советской энциклопедии была помещена статья о нем, а после его смерти он был практически канонизирован «педагогическим Олимпом», с которым активно боролся при жизни. В 1988 г., как раз в год столетия со дня рождения А. С. Макаренко, ЮНЕСКО озвучило список педагогов, определивших способ педагогического мышления в XX столетии. В него были включены Д. Дьюи, Г. Кершенштейнер, А. С. Макаренко и М. Монтессори. В 1991 г. была учреждена Международная макаренковская ассоциация, в которую кроме России и Украины входят такие страны, как Германия, Италия, Франция, Китай и др. Сегодня эту ассоциацию возглавляет Н. С. де Кумиса — профессор Первого римского университета La Sapienza (Кораблева, 2015).

Фактически А. С. Макаренко был одним из первых практических социальных психологов. Решая сугубо педагогические задачи, он, по сути, осуществил и описал потрясающий социально-психологический эксперимент, доказавший, что развитие личности определяется системой отношений в разновозрастных группах, включенных в коллектив организации, осуществляющей общественно значимую деятельность. Причем эксперимент этот начался еще до Октябрьской революции 1917 г., когда после окончания Полтавского учительского института в разгар Первой мировой войны А. С. Макаренко был назначен директором железнодорожной школы в Крюкове (ныне район Кременчуга в Полтавской области Украины). Перед молодым директором стояла задача не столько организовать обучение, сколько обеспечить выживание детей и педагогов. Весной 1917 г. он добился от земства выделения школе участка пустующей земли неподалеку от школы, на которой совместными усилиями педагогов и детей были разбиты огороды и заложен фруктовый сад, который впоследствии стал основой Центрального парка культуры и отдыха города Кременчуга (Гюнтер-Шелльхаймер, 2002).

Эту работу невозможно было эффективно организовать на основе закрепления отведенных участков за классами: слишком неравны были силы младших и старших ребят. И А. С. Макаренко нашел верное решение: впервые в педагогической практике он разработал и успешно реализовал систему организации *разновозрастных отрядов*. Так в труднейшее военное время начала складываться педагогическая система образования и развития личности в коллективе, включенном не только в образовательную, но и трудовую деятельность, — система значительно более сложная и эффективная, чем традиционная классно-урочная. Позже этот первый опыт использования принципов организации производственной деятельности в целях воспитания и развития детей и подростков лег в основу организации коллективной жизнедеятельности в Колонии им. М. Горького и Коммуне им. Дзержинского. В Колонии эта система эффективно реализовывалась в организации сельскохозяйственного производства, а в Коммуне — в создании самого передового в то время промышленного производства фотоаппаратов и дрелей. Причем и в том и в другом случае все средства производства — от кос до тракторов, от инструментов до уникальных станков — были заработаны разновозрастными коллективами, а не получены от государства. Даже сами цеха завода ФЭД были построены на средства, заработанные самими воспитанниками. Это же касалось приобретения зарубежных лицензий на производство фотоаппаратов и дрелей.

Макаренко не только описал, но и четко обосновал целесообразность и основные принципы организации разновозрастных отрядов: «первичные коллек-

тивы-отряды организованы по принципу объединения разных возрастов. Такая организация дает больший воспитательный эффект — она создает более тесное взаимодействие возрастов и является естественным условием постоянного накопления опыта и передачи опыта старших поколений; младшие получают разнообразные сведения, усваивают привычки поведения, рабочую хватку, приучаются уважать старших и их авторитет» (Макаренко, 1983).

Главным механизмом развития личности А. С. Макаренко считал не «труд-работу», а «труд-заботу» (Макаренко, 1951). Включение детей в деятельную заботу об окружающих, о деле, которое они вместе осуществляют, о членах своего трудового сообщества обеспечивает развитие важных личностных качеств. В частности, забота старших детей о младших, их ответственность за них воспитывают такие качества как внимание к человеку, великодушие и требовательность, наконец, качества будущего семьянина и многие другие. Отмечалось, что весь этот сложный воспитательный процесс в хорошо организованном коллективе происходит без специальных усилий и в порядке постоянного наслаивания мельчайших и тонко нюансированных впечатлений, поступков и отношений. Но такой стиль отношений старших и младших является более высокой формой организации воспитательного процесса и требует уже квалифицированного и вдумчивого педагогического руководства и влияния (Макаренко, 1983).

Система разновозрастных отрядов, включенных в совместную заботу о своем коллективе и окружающей жизни, призванная обеспечить оптимальное использование возможностей детей разного возраста, дала поразительный эффект. Эта система привела к возникновению совершенно новых взаимоотношений и личностных качеств воспитанников. Работая в разновозрастных отрядах, решая общие задачи, старшие начинали помогать педагогам в организации и воспитании младших, заботиться о них, а младшие, равняясь на старших, дорожа их вниманием и дружбой, старались изо всех сил, максимально активизируя свой потенциал развития, и в меру своих возможностей заботились о старших. Так зарождалась система воспитания, разработанная А. С. Макаренко. В этой совместной деятельности разновозрастных отрядов оттачивалась методика «параллельного действия» педагогов и детей. Но то, что эта система в полной мере была реализована и достигла своего высшего уровня в закрытом исправительном учреждении НКВД (в действительности не имевшем даже охраны), оказалось серьезным препятствием для ее внедрения в школьное и внешкольное образование (Гюнтер-Шелльхаймер, 2002).

Вот гримасы отечественной истории: хорошо помню, как первого сентября 1991 г., через десять дней после разгрома ГКЧП, ректор одного из крупнейших педагогических вузов, выступая по одному из центральных каналов, призывал отказать от «тюремной педагогики» А. С. Макаренко, основанной на подавлении личности коллективом.

Несмотря на такие призывы и последовавшие «обличения» А. С. Макаренко, интерес к его теоретическому и практическому наследию не только не угасает, но, напротив, становится сегодня все более востребованным. И не только потому, что его практика «перековки», перевоспитания несовершеннолетних уголовников не имеет аналогов в мировой истории пенитенциарной системы. Из трех тысяч беспризорников и уголовников, прошедших через Колонию им. М. Горького и Коммуну им. Ф. Э. Дзержинского, ни один не вернулся на криминальный путь (Кораблева,

2015). Все воспитанники не были повторно осуждены, стали не просто законопослушными, но и активными гражданами страны. Это является убедительным подтверждением эффективности созданной А. С. Макаренко системы жизнедеятельности воспитательного коллектива, включенного в производственную деятельность.

Производственная деятельность тоже стала аргументом для критиков системы Макаренко, утверждавших, что в условиях образовательных учреждений, не имеющих своего производства, невозможно реализовать разработанные им принципы воспитания. Но этот довод полностью опровергается технологией организации коллективной творческой деятельности, предложенной Игорем Петровичем Ивановым и его последователями в 1949—1992 гг. (Иванов, 2013). Эта уникальная, единственная в истории мировой педагогики система успешно внедрялась и распространялась в 60-е годы XX в. по всему Советскому Союзу самими детьми, вернувшимися домой из лагеря ЦК ВЛКСМ «Орленок». В историю педагогики она вошла под названием «коммунарское движение», «коммунарство»: «Основатель коммунарского движения И. П. Иванов задумал новый метод взаимодействия детей и взрослых, по-видимому, читая неопубликованные тексты советских экспериментаторов от педагогики, написанные в 1920-е годы» (Острова утопии..., 2015, с. 17). Эта система сегодня известна под разными названиями: «педагогика социального творчества», «система коллективной творческой деятельности», «педагогика сотрудничества», «альтернативная система социализации» и др.

Интересно, что сам И. П. Иванов никогда не называл свою систему коммунарской. Это название сложилось как дань уважения Коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, созданной А. С. Макаренко, и Коммуне юных фрунзенцев, организованной в марте 1959 г. И. П. Ивановым, Л. Г. Борисовой и Ф. Я. Шапиро на базе Дома пионеров и школьников Фрунзенского района Ленинграда. И уже в начале 1960-х годов принципы организации работы этой школы легли в основу педагогической системы Всероссийского лагеря «Орленок». Многие ее элементы и формы настолько глубоко вошли в практику деятельности не только детских и студенческих, но и производственных коллективов, что обычно уже не ассоциируются с именами А. С. Макаренко и И. П. Иванова. «Значение и место коммунарского движения в социальной истории советского общества обусловлено тем, что в 1960—1980-е годы с ним, так или иначе, соприкоснулись тысячи советских людей — как подростков, так и взрослых. Тем не менее, само это движение изучено очень слабо», — отмечает Д. Димке, проводя анализ истории этого движения (там же, с. 362).

Двадцать лет назад член-корреспондент Российской академии образования С. Л. Соловейчик, известный журналист, открывший целую плеяду уникальных педагогов-новаторов, предложивший и внедривший термин «педагогика сотрудничества», в одной из своих статей в основанной им газете «Первое сентября» писал, что американские ученые заявили о революции в образовании. Журнал «Phi Delta Kappan» в 1995 г. опубликовал «сенсационные материалы» о том, что эффективнейшим способом развития личности является не индивидуализация воспитания, а «включение человека в социальное действие, во взаимообмен заботой». С. Л. Соловейчик справедливо отмечает, что это открытие принадлежит не американцам, а Игорю Петровичу Иванову: «И вот открытие русского ученого Иванова приходит к нам из Америки. Теперь будем нудно спорить о приоритетах» (Соловейчик, 1995).

Сегодня порой весьма зрелые педагоги и психологи не знают об отечественном опыте создания эффективной команды, основывающейся на гуманистических принципах, полагая, что демократические психологические технологии разработаны на Западе; в России же и Советском Союзе якобы существовал только командно-бюрократический стиль управления.

В 2006 г. в Фрайбурге (Швейцария) Марвин Берковиц (США) под бурные аплодисменты коллег прочел актовую лекцию о современных подходах к моральному образованию в США (Berkowitz, 2006, с. 22). Он вдохновенно рассказывал о роли группы в становлении личности детей, о необходимости включения их в деятельную заботу не только о самих себе, но и об окружающих людях. По сути, это был гимн коллективизму в противовес индивидуализму, но при этом ни разу не были упомянуты ни А. С. Макаренко, ни И. П. Иванов. Однако в личной беседе Берковиц признал безусловный приоритет России, точнее Советского Союза, и конкретно А. С. Макаренко и И. П. Иванова в разработке теории и практики развития личности в коллективной творческой деятельности.

Выдающимся достижением А. С. Макаренко и И. П. Иванова является то, что они, обладая не только организаторскими, но и исследовательскими способностями, анализируя обыденную педагогическую практику в существенно отличающихся общественно-исторических условиях, смогли увидеть наиболее эффективные пути формирования деятельного творческого коллектива и закономерности его развития, обобщить их и разработать методiku, позволяющую технологически четко добиваться воспроизводства творческих коллективов, действующих на демократических началах, создающих и реализующих социально значимые проекты.

Ключевыми элементами их системы являются: требовательное и бережное отношение к каждому члену коллектива (как писал А. С. Макаренко, «как можно больше уважения к человеку и как можно больше требовательности к нему»); включение в общую заботу об окружающих; структурирование коллектива на разновозрастные первичные группы, объединенные общими задачами по организации совместной деятельности; отношения творческого содружества разных поколений коллектива; чередование творческих поручений внутри групп; ротация выборных руководителей; институт временных «советов дела» при высшей власти «общего сбора»; коллективное планирование, исполнение и подведение итогов любой деятельности с обязательной позитивной оценкой каждого, внесшего реальный вклад в достижение желаемого результата; создание и сохранение многообразных традиций и ритуалов коллектива; бодрый, «мажорный» тон даже в самых сложных ситуациях; наличие собственной символики; коммунарский дух; проведение многодневных «сборов», летних палаточных лагерей, коллективных творческих дел и других форм работы (Крапивина, Ситников, 2014).

Литература

Гайдар А. Тимур и его команда. М., 1940.

Гюнтер-Шелльхаймер Э. К сожалению, это не все творчество А. С. Макаренко // Материалы Международного макаренковского семинара «А. С. Макаренко и мировая педагогика». Полтава, 2002.

- Иванов И. П.* Педагогические труды академика И. П. Иванова. В 2 т. / Сост. И. Д. Аванесян, К. П. Захаров. СПб., 2013.
- Кораблева Т.* Макаренко интересен миру // Профилактика зависимостей. 2015. № 3. С. 364.
- Крапивина Л. А., Ситников В. Л.* Эмерджентный эффект невидимых активов командообразования на принципах творческого содружества поколений // Гуманитарный вектор. Сер. Педагогика, психология. 2014. № 1 (37). С. 114–124.
- Макаренко А. С.* Собр. соч. Т. 5. М., 1951.
- Макаренко А. С.* Методика организации воспитательного процесса // Макаренко А. С. Собр. соч. М., 1983. Т. 1. С. 267–330.
- Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М., 2015.
- Рудестам К.* Групповая психотерапия. СПб., 1998.
- Ситников В. Л.* Гуманистическая психопедагогика командообразования на принципах общей заботы // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2014а. № 1. С. 78–87.
- Ситников В. Л.* Психопедагогика А. С. Макаренко – основа современного развития личности в коллективе // Сучасні інформаційні технології та інноваційні методики навчання в підготовці фахівців: методологія, теорія, досвід, проблеми: зб. наук. праць / Редкол. І. А. Зязюн (голова). Київ–Вінниця, 2014б. Вип. 37. С. 157–160.
- Ситников В. Л., Комарова А. В., Слотина Т. В.* Практикум по психологии командообразования. СПб., 2011.
- Соловейчик С. Л.* По следам общей заботы // Первое сентября. 1995. № 104.
- Berkowitz M. W.* A Comprehensive Approach to Fostering Moral Psychological Development in Schools // The 32 Annual Meeting Association for Moral Education. Fribourg. 2006. July 5–7. P. 22.

К вопросу о периодизации психологии воздействия в рамках советской психотехники 1920–1930-х годов

Н. Ю. Стоюхина (Нижний Новгород)

Периодизация историко-психологических явлений относится к «знанию историческому», в котором отражается «предметное знание» и «знание историческое», помогающее нам понять общее состояние психологии в каждый конкретный период времени в каждом хронологическом срезе (Мазилов, 2007). Вместе с тем в историографической литературе проблема периодизации обсуждается мало, хотя все историки сходятся в одном: «Никакая концепция невозможна без систематизации материала, а применительно к истории самым эффективным механизмом упорядочения служит периодизация» (Гринин, 2006).

Периодизацию советской психологии воздействия 1920–1930-х годов невозможно рассматривать вне рамок советской психотехники ввиду того, что психология воздействия является одной из составляющих психотехники наравне с профотбором, вопросами утомления, рационализации рабочих условий, борьбой с аварийностью (Носкова, 1997).

В имеющихся вариантах периодизации психотехники, представленных И. Н. Шпильрейном, Ю. В. Котеловой, О. Г. Носковой, О. А. Артемьевой, В. Г. Казаковым, при всех их различиях есть общее: начало ее датируют 1921 г., далее — организационный рост, идеологические атаки, характерные для советской науки после «года великого перелома», затем отмечается постепенный спад и конец в 1936 г. (Стояхина, 2015а). Известно, что в поле зрения психотехников оказались различные «проблемные зоны» экономической жизни; из них в дальнейшем образовались отдельные практические направления в психологии, например, психофизиология профессиональной деятельности, эргономика. Психология воздействия в рамках психотехники, ее терминологическая соотнесенность, развитие на протяжении 15 лет до сих пор остаются неосмысленными и неопианными.

Впервые о психологии воздействия написал Г. Мюнстерберг в работе «Психология и экономическая жизнь» (1912). Подчеркнув связь прикладной психологии с системой ценностно-культурных задач человека применительно к экономической жизни, он разделил экономические задачи на: 1) задачи, для которых имеют значение психические особенности личности; 2) задачи, которые связаны с совершением психической работы; и 3) задачи, в которых основное — психическое действие, а именно психическое воздействие на личность. Значительное внимание в своем труде Г. Мюнстерберг уделил психологии пропаганды или рекламы как одному из видов психолого-воздейственной практики, отражающей хозяйственные процессы. Распространенной формой такого воздействия были газетные объявления, ставшие «одной из обширнейших, хозяйственно важнейших индустрий человека». Ученого удивляло, что до сих пор их никто не изучил как явление, а ведь реклама — это «орудие, созданное человеческим духом для того, чтобы оно содействовало своим психическим влиянием удовлетворению человеческих потребностей, и дело науки — определить условия, при которых это орудие лучше отвечает своему назначению и с наибольшим успехом исполняет его» (Мюнстерберг, 1914). Он объяснял, что эффект удачного объявления (рекламы) достигается за счет памяти и внимания, но особенно важно восприятие и эмоции.

Особенно важна глава «Приемы залучения клиентов» в книге «Психология и экономическая жизнь», где содержатся указания и пожелания для рекламодателей. Автор подчеркивает противоречие: рекламный плакат должен отличаться «чистой красотой» или же художник-рекламист «должен отказаться от честолюбивого намерения создать законченную картину»? Ученый дает четкое указание: в основе восприятия плаката не эстетическое наслаждение, а практическое решение, что противоречит «жизненному закону искусства»: «Объявление должно быть приятным, полным вкуса, гармоничным и импозантным, но не красивым в истинном смысле этого слова... Оно умалется в своей художественной ценности, когда в своем художественном содержании переходит за эту художественно-промышленную среднюю линию». К внушительности средств пропаганды

Мюнстерберг отнес: действия на инстинкты, чувство осязания и обоняния, половое чувство, честолюбие, местный патриотизм, инстинкт игры, инстинктивный страх болезней и другие им подобные вспомогательные средства форм словесного внушения, сдерживающих противодействующие импульсы, «когда простое употребление повелительного наклонения сделалось бессильной оболочкой». Хозяйственная психотехника должна исследовать, в какой мере внушительность той или иной формы пропаганды повышается или ослабляется разнообразнейшими вспомогательными средствами и побочными влияниям, чему есть множество неудачных примеров в жизни, например, «когда предметы, долженствующие создать впечатление легкости, расписывают красками тяжелыми и унылыми... Когда на книжных корешках ставят архаическое тиснение, делающее невозможным усвоение букв для лица, привыкшего бегло читать».

Заглядывая вперед и намечая перспективные исследования, Г. Мюнстерберг подчеркнул, что психологическое воздействие продавца на покупателя вообще не исследованы, хотя «носят такой же характер, как и влияние печатных средств пропаганды»: «направить внимание клиента на определенные пункты, пробудить живое благоприятное впечатление, отметить превосходство товара и ярко осветить его... повлиять на волю... путем уговоров и внушения». Сходство этих двух видов влияний в том, чтобы усилить импульс к покупке и подавить противодействующее влияние. Далее автор подробно останавливается на индивидуализации влияния у продавца: продавец приспосабливается к желаниям, реакциям и ответам покупателя, отмечая из всех интересов покупателя сильнейшее желание; «...продавец может планомерно исключать все, что отвлекает и раскалывает внимание; он может узнать, скорее ли психика человека поддается влиянию логических доводов или внушению и насколько нужно учитывать давление инстинктов, движения души, инстинкт подражания, тщеславия, инстинкт бережливости, влечение к роскоши». Мюнстерберг призывал активно использовать вспомогательные ресурсы личности продавца: подкупающий голос, уверенность утверждений, противодействующие мотивы и пр. — все, что помогает покупателю сделать выбор. Точно так же в знании психологии и применении ее законов нуждаются и покупатель, чтобы он «не попал в ловушку, покупая вещи, которые ему не нужны и покупкой которых он возмутился бы в спокойном состоянии».

Ученый видел еще один вариант применения психологии в торговле — в оптовой торговле, на бирже, в больших деловых сделках, где психологические знания могут выполнять прогностическую функцию. Одна американская контора, консультирующая коммерсантов, заметила, что люди спрашивают о каком-то деятеле в аспекте будущих сделок, пытаясь выяснить «психическую физиономию дельца», которая, как оказалось, «важнее для предположений о будущем, чем его торговые книги. И упомянутая контора справок убеждена, что она наилучше услужит своему клиенту психограммой». Это предприятие собирается рассылать всем деловым людям подробные вопросные листы о каком-либо деловом человеке, которые будут конфиденциально заполняться точным описанием его психических качеств, т. е. проводить своеобразную экспертную оценку. «Когда об одном и том же лице получится... двадцать таких психологических анализов, их... сведут в одну комбинированную психографию, в которой и могут проступить с известной объективностью черты индивида».

Проблеме психологического воздействия, или, как называет ее сам автор — «достижению желаемых психических эффектов», Мюнстерберг уделял в своих книгах большое внимание и в теоретическом, и в практическом плане, так как «всякий хозяйственный труд как таковой обосновывается в конце концов определенным воздействием на человеческую психику». Прежде всего, речь здесь идет об изменениях, «которые могут быть вызваны в душевной жизни личности или иными влияниями».

В первой, общей части своих «Основ психотехники» он выделяет пять форм воздействий: 1) косвенное воздействие, 2) преходящее внешнее влияние, 3) влияние внушения, 4) преходящее самовоздействие и 5) длительное влияние — и подробно разбирает теоретическую сущность каждой из них (Мюнстерберг, 1996), выделяя прямое (писатель—читатель, учитель—ученики) и косвенное (через организацию социальной среды — печатный текст, средства рекламы, оформление города, публичных мест, кино и пр.) воздействие. Он понимал под ним «те социальные влияния, которые воздействуют на индивидуума через посредство социальной среды», т. е. «когда жизнь социальной среды становится причиной перемен в индивидууме».

Психолог-психотехник должен понимать, каков адресат предполагаемых воздействий, на что оказывается влияние — на память или внимание, или восприятие, или чувства. Г. Мюнстерберг считал возможным возбуждать в людях (объектах управления) нужные чувства (надежду и страх, честолюбие, зависть, ненависть и любовь, тщеславие и гордость), для чего следовало разрабатывать специальную психологическую технику (внушения, самовоздействия, гипноза), при этом «количество лиц, на которых простирается влияние, не составляет какого-либо принципиального различия».

Он пишет о воздействии на «духовную» жизнь рабочего, которые «могут производить как количественные, так и качественные изменения в выполнении работы», причем для психотехники важно изучать именно положительное влияние воздействий на деятельность трудящегося, так как передовые работники могут увлечь за собой других, и так же, как музыкой можно облегчить ходьбу солдат, «различными средствами можно поддерживать у рабочих бодрое рабочее настроение».

Таким образом, вводя термин «психологическое воздействие», Гюго Мюнстерберг не смог четко описать предметную и понятийную отнесенность понятия, чем и было обусловлено его использование психотехниками в 1920—1930-е годы в разных значениях; это отразилось в картине развития психологии воздействия в СССР (Стоюхина, 2013, 2016).

На первом этапе (1917—1920) — допсихотехническом, когда психотехники как научно-практической отрасли в СССР еще не существовало (книгу Г. Мюнстерберга «Основы психотехники», 1913, еще не перевели), но были отдельные работы российских энтузиастов — инженеров, врачей-гигиенистов, психологов, государственных деятелей, и вопросы рационализации труда, изменение гигиенических условий производства, воздействия на сознание масс уже обсуждались (Мазиллов, Стоюхина, 2014а; Стоюхина, Мазиллов, 2016).

На втором этапе (1921—1924) произошло зарождение психотехники в русле НОТ и Лиги «Время». Было проведено несколько научных организационных мероприятий, где на секциях по психофизиологии труда и рефлексологии труда, тех-

нической рефлексологии (психотехники) был закреплен термин «психотехника», ставший названием одной из отраслей практической психологии.

В январе 1923 г. впервые термин «воздействие» прозвучал в докладе К. Х. Кекчеева на Первом Всероссийском съезде по психоневрологии (Стоюхина, Мазиллов, 2013); докладчик заявил об изучении третьей основной проблемы психофизиологии труда — «проблеме воздействия среды», в которой проходит трудовая деятельность человека, на производительность. Термин стал постепенно приживаться, уточнялось, а порой изменялось его значение. Теоретик научной организации труда и руководитель ЦИТ А. К. Гастев под воздействием понимал организацию управления предприятий и учреждений, проводимую работниками-готовцами (Стоюхина, 2013). Нотовец Г. Торбек, говоря о применении НОТ в политпросветработе, обратил внимание на обучение молодежи новой трудовой культуре. Один из первых психотехников С. С. Чахотин среди вопросов системы устной и печатной политической пропаганды выделил воздействие на различные социально-экономические группы покупателей и продавцов.

В сентябре 1923 г. началось становление парадигмы воздействия в рамках психотехники. Массовая организация «Лига „Время“» выбрала понятие «время» в качестве ведущего для названия движения, указывающего на ценность политико-экономического временного ресурса страны. Впервые название «Лига „Время“» было предложено Керженцевым в статье с таким же названием, открывшей кампанию «борьбы за время» (25.07.1923). Тогда же было объявлено о созыве инициативного собрания «Лиги „Время“», которое произошло 30 июля 1923 г. в помещении клуба типографии «Красный Маяк». «Эльвисты» (как они сами себя называли по первым буквам ЛВ) представили доклады о необходимости борьбы за время и приняли декларацию Лиги, избрали президиум, произошло деление на секции.

И. Н. Шпильрейн предложил разработать методы воздействия на растратчиков времени на предприятиях; А. К. Гастев говорил об «установках на время» как очередной задаче в области упорядочения производственной работы и всей жизни. Проводились исследования бюджета разных групп населения с последующими предложениями выработки установки на время, делались попытки воспитания «чувства времени», таким образом, предметом приложения воздейственных усилий со стороны первых психотехников изначально было признано время.

В январе 1924 г. на Втором психоневрологическом съезде проблема воздействия неожиданно изменила вектор, сместившись в сторону оказания медицинской помощи, т. е. имелось в виду воздействие как внушение, гипноз с целью оказания помощи (обезболивания) при операциях. Гипнотическое воздействие считали настолько важным методом, что было признано необходимым введение на медицинских факультетах преподавания гипноза и внушения (Стоюхина, Мазиллов, 2014). Сходное понимание воздействия был подхвачено сотрудником Психологического института и Института биофизики НКЗ РСФСР С. В. Кравковым, определявшим внушение как «внедрение в психику субъекта какого-либо образа или идеи, принимаемого им безотчетно и имеющее действительное значение», которые предполагалось осторожно использовать при работе с «трудными» детьми. Считалось «недопустимым разрешением производства сеансов гипноза

и внушения лицам, не имеющим специального врачебного образования» (Даян, 1924).

В марте 1924 г. на Второй Всесоюзной конференции по НОТ И. Н. Шпильрейн уточнил понимание воздействия, сместив акцент с «влияния на растратчиков времени» на «влияние на идеологические представления масс» через лозунги, выдвигаемые хозяйственной и политической жизнью страны, адресуемые коллективам, «массам», которые эти лозунги должны понять и правильно оценить. Он определил многообразие объектов приложения психотехники — все сферы народного хозяйства страны. Основными направлениями психотехнической работы он считал: изучение профессий, профподбор и профконсультацию, рационализацию условий труда и подготовку к профессиональному труду, повышение эффективности пропаганды. Следовало изучать психологию как убеждаемых, пропагандируемых лиц, так и психологию пропагандистов и методы их воздействия. Именно тогда и произошло изменение вектора значения «воздействия», приобретшего идеологическое звучание.

На третьем этапе развития психотехнике в СССР (1925—1926) не было серьезных организационных мероприятий, оказавших значительное влияние на психотехнику. В истории психотехники (Носкова, 1997) нет сведений об этих двух годах, хотя были моменты, важные для ее дальнейшего развития: например, 11 марта 1926 г. вышло Постановление ЦК ВКП (б) «О подготовке и обучении рабочей силы», где подготовка рабочей силы рассматривалась как важнейшая хозяйственная задача. Вот тут и потребовались психотехники для нужд профотбора, профподбора, профессиональной ориентации. Вообще деятельность советских психотехников этого времени была необыкновенно разнообразна и активна: приложение научной организации труда к разным отраслям хозяйства; методологическое осмысление психотехники: психотехническое исследование профессий (ткачи, телефонисты, летчики, медики, химики, продавцы, бойцы, служащие); распределение бюджета времени учащейся молодежи и ответственных работников; влияние утомления на городскую жизнь, на производительность рабочих, на сознательно-волевою функцию организма; воздействие рекламы книги, кино, городского плаката и военной пропаганды. В поисках наиболее эффективного приложения профессиональных знаний определяли перспективные направления.

Четвертый этап (1927—1930) отличался обилием мероприятий, за всю историю советской психотехники ему не было равных; он совпал с организационным строительством советской психотехники.

На Первой Всесоюзной конференции по психофизиологии труда и профподбору (29.05—03.06.1927) И. Н. Шпильрейн указал на значимую и неразработанную область приложения психотехники — вопросы воздейственного эффекта на отдельного человека или коллектив с целью усвоения знаний или навыков в свете происходящих в стране гигантских передвижений масс на индустриальные стройки; требовалось систематизировать громадный опыт политвоздейственной работы, разработать технику публикаций, технику административных объявлений, технику агитационно-пропагандистской и плакатной работы во всех областях. Тогда его поддержали психотехники А. А. Гайворовский (автор книги «Основы психотехники политпросветработы») и Я. С. Ривин (призвал уделить внимание внушению в деле строевого обучения).

Вопросы косвенного воздействия затрагивались на Первом Всероссийском педологическом съезде (27.12.1927—03.01.1928) в большинстве докладов, где говорилось, в первую очередь, о воздействии труда на детскую психику.

В декабре 1929 г., выступая в Комакадемии, И. Н. Шпильрейн продолжил говорить о важности психотехники политвоздействия, использовании пропагандистского и агитационного опыта работников ВКП (б), исследований революционных сдвигов в эстетических представлениях личности, анализе техники становления идеологии.

На Первом Всесоюзном съезде по изучению поведения человека (25.01—02.02.1930) А. Б. Залкинд сделал упор на вопросах созидания наилучших качеств строителей социализма; психотехники и педологи должны проработать научные приемы для тщательного отбора кадров, их эффективного продвижения к необходимой культурной и производственной квалификации, создать указания для средней и высшей школы. Изучив творческие возможности взрослой трудящейся массы, учебно-воспитательную емкость психики взрослого человека, психотехники могут предложить методические приемы для педагогического воздействия на аудиторию — объект массовой пропагандистской и агитационной работы. Была отмечена важность влияния среды на единство внешних и внутренних факторов развития детей, неизменно возрастающих в процессе активной деятельности ребенка в условиях классово-производственной среды. Анализировать, изучая, чтобы потом активно изменять, следовало такие средовые составляющие, как классовая установка ребенка, его идеология и мировоззрение (Стоюхина, 2014а, в). А. В. Луначарский сделал акцент на агитационной, воспитательной роли искусства в деле воздействия правящего класса на отдельного человека; художник — проводник классовой идеологии — отражает действительность, освещая факт с классовой позиции; требуется построить теорию и практику пролетарского искусства на основе психологических знаний. И. Н. Шпильрейн среди задач психологии воздействия в реконструкционный период выделил идеологическую и техническую подготовку кадров, чтобы помочь трудящимся освоить новые формы труда; он считал, что важно учитывать и анализировать массовые идеологические сдвиги, вызванные революцией, чтобы в дальнейшем создать единую теорию марксистской психотехники.

Резолюция секции по политпросветработе призывала сосредоточить усилия на постановке организационно-воспитательной работы с целью ее рационализации и усиления воспитательного эффекта; процессе социального роста трудящихся в условиях изменяющейся социальной обстановки с целью качественного преобразования организации и методики политико-воспитательной работы; изучении путей наиболее эффективного преодоления воспитательных влияний и настроений, враждебных социалистическим; быстром подтягивания культурно-отсталых групп трудящихся; изучении кадров, форм и методов политпросветработы, связанных с ее построением на новой технической базе (радио, кино и т. д.); проблемах отдыха в условиях интенсивных форм работы. Практические вопросы психологии воздействия рассматривались на протяжении всей работы съезда.

В течение пятого этапа (первая половина 1931 г.) отмечалась беспощадная борьба с «антиленинскими» установками, новая политическая кампания по борьбе

«за чистоту марксизма-ленинизма» в гуманитарных и естественных науках, начавшаяся с выхода Постановления ЦК ВКП (б) в журнале «Под знаменем марксизма» (25.01.1931). Основной идеологической нормой при оценке научной идеи становится принцип партийности как критерий соответствия результатов научных теорий и исследований интересам коммунистической партии и социалистического государства. Вся научная и практическая деятельность психотехников в 1931 г. проходила под знаком широко развернувшейся кампании обличения своих и чужих ошибок.

На I Всесоюзном съезде по психотехнике и психофизиологии труда (20–25.05.1931), когда страна боролась за выполнение и перевыполнение плана третьего решающего года пятилетки в промышленности и сельском хозяйстве, одновременно ликвидируя неграмотность, психотехники Э.А. Рахмель и Т.Л. Коган раскритиковали психотехников, занимающихся вопросами воздействия, за меньшевистствующий идеализм, отрыв теории от практики, отсутствие рационализаторских предложений идеализм, перенос зарубежного опыта воздействия плаката в советские условия, применение тестов коллизий в армии и школе.

Летом 1931 г. ячейка ВКП (б) Государственного института психологии, педологии и психотехники на собрании осудила реактологическую психологию К. Н. Корнилова, поставив ряд идеологических и практических задач перед психотехникой воздействия: содействовать педологам и педагогам по рационализации педпроцесса по проведению политехнизации и рационализации работы со студентами, широкой массовой политпросветработы и т. п.; изучить и обосновать организацию политпросвет- и школьной работы среди культурно отсталых народностей окраин СССР; разработать проблему восприятия с точки зрения ленинской методологии; участвовать в рационализации подготовки кадров для промышленности и совхозного и колхозного строительства и т. д. и т. п.

Шестой этап (вторая половина 1931–1932) был отмечен пристальным вниманием с таким средствам воздействия в вопросах технической пропаганды, как плакат и инструкция. Изменился вектор понятия «воздействие», что было связано с выходом специального постановления по вопросу о технической пропаганде и ее организации, куда включалась и пропаганда специальных мероприятий в области техники безопасности, промышленной санитарии и гигиены производственных процессов; тем самым было отмечено начало официального участия психотехников в мероприятиях по технической пропаганде.

В сентябре 1931 г. в Москве проходила VII Международная психотехническая конференция, в рамках которой было проведено специальное совещание по вопросам массового воздействия. В докладе «Методологическая постановка проблемы восприятия в практике массовой культурно-просветительной работы в СССР» психолог Т.Л. Коган провозгласила основной задачей в области массового воздействия «научную разработку проблемы восприятия, освоение всей окружающей действительности и ее изменение в условиях общественно-трудовой деятельности человека». Сотрудники сектора восприятий Института психологии, педологии и психотехники выступили с материалами своих исследований по направлениям, связанным с объектом восприятия: художественные картины, печатная продукция, кинопродукция, радиовещание, микросреда рабочего

места. В большинстве докладов авторы говорили о своих намерениях в исследованиях. Ввиду недавней организации сектора восприятия законченных исследований было мало.

Психотехники подключились к работе по техпропаганде в стратегически важной отрасли народного хозяйства — в угольной промышленности. Состоялось два важных научно-практических мероприятия с участием специалистов. В марте 1932 г. на I Уральской психотехнической конференции на фоне обсуждения вопросов борьбы с аварийностью на предприятиях были поставлены вопросы психологии воздействия: пропаганда безопасной трудовой деятельности и психотехнически обоснованный инструктаж. Остро встала проблема плаката по технике безопасности, было решено не использовать устрашающие плакаты (рабочие боялись идти на производство). В июне того же, 1932 г. в г. Рутченково Донецкой области состоялась психотехническое совещание в каменноугольной промышленности, где продолжали говорить об участии психотехников в технической пропаганде, решив сконцентрироваться на небольшом круге основных пропагандистских средств, взяв в качестве объекта изучения — овладение новыми механизмами, а в качестве метода — техническое кино и производственный инструктаж. В то же время нельзя было забывать работу с плакатом по безопасности как наиболее освоенную психотехниками форму (Стоюхина, 2015б).

1933—1936 гг. — этап седьмой, завершающий. На фоне затихшей идеологической борьбы наблюдалась сосредоточенность внимания психотехников на практической деятельности, а психология воздействия полностью перешла в область пропаганды безаварийного производства и дорожного транспорта. В 1933 г. ликвидирована секция психотехники в Государственном институте экспериментальной психологии, координировавшая работу членов ВОПиПП. В 1934 г. вышел последний 4-й номер журнала «Советская психотехника» без указания фамилии ее главного редактора и основателя — И. Н. Шпильрейна. В 1935 г. — арест лидера советских психотехников И. Н. Шпильрейна. Происходит постепенное сворачивание психотехнической деятельности. 1936 г. — окончание деятельности советских психотехников (Мазиллов, Стоюхина, 2014б; Стоюхина, 2014в).

Безусловно, периодизация советской психологии воздействия в рамках развития психотехнического движения еще требует уточнения. Очевиден интерес историков психологии к вопросу периодизации советской психотехники. По мере отдаления от того времени исследователи выделяют все больше важных деталей. Несомненно, построение периодизации истории психотехники, обобщение того ценного, что уже накоплено в истории психологии, даст возможность обогатить концептуальный аппарат науки, уточнить терминологию, вновь ввести в научный оборот забытые имена.

Литература

- Гринин Л. Е. Методологические основания периодизации истории // *Философские науки*. 2006. № 8. С. 117—123.
- Даян Г. Второй психоневрологический съезд // *Красная новь*. 1924. № 3. С. 223—238.
- Мазиллов В. А. *Методология психологии: Учебное пособие*. Ярославль: МАПН, 2007.

- Мазилев В. А., Стоюхина Н. Ю.* Парадигма воздействия в работах Гюго Мюнстерберга и первых психотехников // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. II. № 3. С. 179–190.
- Мазилев В. А., Стоюхина Н. Ю.* Последняя осень советской психотехники // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 4. С. 223–236.
- Мюнстерберг Г.* Основы психотехники. Ч. I–II. СПб.: П. Э. Т.–Алетья, 1996.
- Мюнстерберг Г.* Психология и экономическая жизнь / Пер. с нем. М.: Кручинина. М.: К-во «Современные проблемы», 1914.
- Носкова О. Г.* История психологии труда. России (1917–1957): Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
- Стоюхина Н. Ю.* Изучение эффективности идеологического воздействия в советской школе в начале 1930-х гг. // В мире научных открытий. 2014. № 11.1 (59). С. 495–522.
- Стоюхина Н. Ю.* Методологические основания психологии воздействия в советской психотехнике // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: материалы VI международной научно-практической конференции, 19–21.11.2013 / Под ред. проф. Ю. П. Поваренкова. Ярославль: Канцлер, 2013. С. 93–95.
- Стоюхина Н. Ю.* Некоторые вопросы о ликвидации психотехники // Концепт. 2014. Т. 20. С. 1216–1220.
- Стоюхина Н. Ю.* О периодизации истории советской психотехники // European social science journal. 2015. № 5. С. 228–240.
- Стоюхина Н. Ю.* Периодизация психологии воздействия в советской психотехнике 1920–1930-х гг. // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 2. С. 95–104.
- Стоюхина Н. Ю.* Психотехнические исследования 1920–1930-х гг. по предотвращению аварий на транспорте // Психолог. 2015. № 1. С. 66–93.
- Стоюхина Н. Ю.* Социально-политическое воздействие на детей: из истории педологических исследований // Психолого-педагогический поиск. 2014. № 4 (32). С. 83–93.
- Стоюхина Н. Ю., Мазилев В. А.* Забытый съезд: Первый Всероссийский съезд по психоневрологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 4. С. 251–260.
- Стоюхина Н. Ю., Мазилев В. А.* Неизвестные съезды: Второй психоневрологический // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 1. С. 277–288.
- Стоюхина Н. Ю., Мазилев В. А.* Парадигма воздействия в работах первых отечественных социальных психологов // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 2. С. 95–104.

Изменения гендерных ролей в российских семьях в кризисные 90-е годы XX века¹

Б. Н. Тугайбаева (Москва)

Прошло 25 лет со времени распада СССР и создания нового российского государства. Некоторая отдаленность во времени этого периода позволяет дать оценку его значимости и влияния на сегодняшнее состояние российского общества, в частности на психологические проблемы современной российской семьи.

Период 1990-х годов многими исследователями обозначается как переходный, катастрофический и разрушительный для всей системы общественной жизни. Смена политического строя, произошедшие масштабные социально-экономические трансформации, разрушение привычного уклада жизни привели к нестабильности и неопределенности в существовании большинства людей. В таких условиях семья как социальный институт также претерпевала серьезные изменения, что нашло отражение в преобразовании ее структуры, ролей супругов, всей системы семейных отношений.

Основным предметом нашего исследования является изучение влияния быстро меняющихся социальных условий в переломные периоды истории на гендерные роли и поведение мужчин и женщин.

Семья остается в центре внимания многих исследователей, которые отмечают многочисленные проблемы, характеризующие ее современное состояние, — нестабильность семейно-брачных отношений; высокий уровень разводов; сложность взаимной адаптации супругов в молодых семьях; рост конфликтности супружеских пар; высокий уровень семейного насилия; нарушение отношений между родителями и детьми; снижение уровня морального и духовно-нравственного воспитания; низкая рождаемость и др. (Социально-психологические и духовно-нравственные аспекты семьи..., 2013; Лежнина, 2013). Наличие указанных проблем свидетельствует о том, что современная семья находится в процессе трансформации, институт традиционного брака переживает кризис, истоки которого обнаруживаются в недавнем прошлом — в 1990-х годах.

Первой задачей нашего исследования стало проведение анализа социального контекста существования семей в 1990-е годы в России, который мы рассматриваем как определяющий изменения в гендерных ролях. Для решения поставленной задачи мы обратились к научным данным социологических, политико-экономических, психологических исследований, представленным в публикациях, освещающих социальную ситуацию в стране в период с 1991 г. по 2001 г. (статьи в журналах: «Социологические исследования»; «Общественные науки и современность»; «Полис»; «Психологический журнал» и др.).

Обобщая сведения об уровне материального благосостояния основной части населения России, демографических показателях смертности и рождаемости,

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, № 15-06-10293 «Психолого-историческая реконструкция психологических особенностей личности в периоды кардинальных преобразований российского общества».

возможностях трудоустройства, о состоянии физического и психологического здоровья, криминогенной ситуации и уровне преступности в стране, можно констатировать, что в этот период сложились тяжелейшие условия для выживания семей, далекие от нормальных. Приватизация предприятий, переход экономики от плановых форм организации к рыночным отношениям, провозглашение новых ценностей (частной собственности, предпринимательства, личного обогащения, денег) привело, с одной стороны, к появлению активных, опирающихся на себя, готовых к риску предпринимателей, с другой — к возникновению большого числа безработных, пассивных и трудно адаптирующихся к новым условиям людей. Массовое закрытие предприятий сопровождалось потерей многими взрослыми трудоспособными людьми работы и, как следствие, невозможностью материального обеспечения семьи. Роль государства, его ответственность за обеспечение людей рабочими местами в этот период резко снизилась. На протяжении всего советского времени существовала система партийного и государственного контроля над образом жизни в социуме и в семье, поддерживаемая идеологией патернализма. В сознании людей укоренились установки, что государство ответственно за решение всех социальных проблем, в том числе и за обеспечение стабильного заработка. Начавшиеся в период перестройки реформы не принесли улучшения жизни российскому населению, а идея независимости семьи от государства, личной ответственности за принятие решений, самостоятельного поиска средств к существованию и сохранению социального статуса так и не была принята многими гражданами. Масштабность и глубину социально кризиса рассматриваемого периода демонстрируют три проблемы: превышение уровня смертности над уровнем рождаемости и ухудшение здоровья нации; значительная поляризация доходов и, как следствие, нестабильность социальной структуры общества; резкое обнищание большой массы населения, рост экстремальной бедности.

Эти проблемы затрагивали все российские семьи, оказывая давление на устойчивость семейной структуры, приводя к росту напряженности межличностных отношений членов семьи, к появлению новых форм поведения, смене статусов, росту агрессии и тревожности, ухудшению психологического самочувствия. Как отмечают Н. Римашевская, Д. Ванной и М. Малышева, «резкий переход к капиталистическому образу жизни сделал многих людей беспомощными... они потеряли устойчивость. В результате дестабилизации большая часть населения находится в состоянии фрустрации; многие потеряли уверенность в будущем и воспринимают новый порядок как враждебный и несправедливый... Во всем хаосе наиболее стабильной структурой для многих русских людей остается семья» (Римашевская, Ванной, Малышева, 1999, с. 28).

В кризисных условиях возросла роль *экономической функции* семьи: члены семьи вынуждены были находить новые формы занятости в надомном труде, в семейных производствах (создание малых бригад, семейного подряда), самостоятельно обеспечивать себя продовольствием (выращенным на дачных и приусадебных участках). Семья выполняла *функцию психологического убежища* во «враждебном социуме», в атмосфере растущей внешней агрессивности и недоверия, а также *функцию поддержания своих членов*, относящихся к группе риска, забота о которых со стороны государства и общества снизилась (инвалиды, наркоманы, безработные).

Роль женщин, их трудовой вклад в поддержание жизнедеятельности семьи, выполнение ими функций заботы о членах семьи значительно возросли в условиях кризисного выживания семей в рыночной экономике.

Не все семьи смогли сохраниться и успешно противостоять внешним социальным давлениям; происходило дальнейшее увеличение количества разводов и снижение числа вступающих в брак. Молодежь не стремилась создавать собственную семью в условиях безработицы, нестабильности заработка и неопределенности будущего. Отмечался рост супружеских конфликтов, усиление напряженности межличностных отношений на фоне безработицы и широко распространенной алкоголизации. Возникновение свободы передвижений и путешествий, открытие новых рынков труда вызывали трудовую миграцию, также создававшую ситуацию семейной нестабильности.

Постепенно особенно среди молодых людей распространялись эгалитарные ценности, представления о предпочтительности личной свободы, что противопоставлялось традиционным патриархальным ценностям, доминировавшим ранее в семейных отношениях. Либерализация частной сферы жизни способствовала распаду браков.

В этих условиях, как отмечают Н. Римашевская, Д. Ванной и М. Малышева, «гендерная асимметрия в повседневной жизни мужчин и женщин фактически увеличилась» (там же, с. 30); иерархические отношения между супругами даже стали более поляризованными; ответственность женщины за приватную сферу, семейную жизнь возросла. Женщины вынуждены были больше времени уделять семье, нести психологический груз ответственности за благополучие ее членов и в то же время искать дополнительные источники дохода. Вероятно, в кризисных условиях актуализируется предписанная изначально женщине функция «хранительницы семейного очага», ответственной за продолжение рода.

Что же изменилось в представлениях людей о семейных ролях и в их реальных возможностях осуществлять эти роли в постперестроечный период?

Традиционные представления о гендерных ролях в русской культуре определяют мужчин как кормильцев, добытчиков для семьи и защитников, а женщин — как матерей и жен, заботящихся о муже и детях. Представления россиян о желаемом, идеальном, распределении обязанностей в семье и связанных с ними ролей оставались близки к традиционным взглядам. Однако между идеальным и реальным обнаруживается расхождение.

Роль главы семьи традиционно относится мужьями к мужской роли; так же считают и многие женщины. Исполнение этой роли включает выполнение важной экономической задачи — материальное обеспечение семьи, а также предполагает участие в распределении дохода и осуществление контроля над подчиненными членами семьи.

В российских семьях еще с советских времен распределение семейного бюджета и учет расходов осуществлялся женами. В условиях повсеместного дефицита, необходимости поиска дешевых товаров, длительного выстаивания в очередях, детального планирования скудного бюджета эта рутинная работа доверялась женщинам. Мужья не контролировали семейный бюджет, как правило, отдавая зарплату женам.

Другая важная функция главы семейства — быть кормильцем, добытчиком средств — в российских семьях советского периода реализовывалась и мужьями,

и женами. Значительная часть россиянок считали свой вклад в семейный бюджет не основным, а дополнительным. В условиях обострившегося кризиса 1990-х годов ситуация изменилась: без заработка жен многие семьи не могли бы выжить. Более того, в некоторых случаях женщины становились единственными кормильцами в семье. Существовавшая прежде традиционная установка на признание главенствующего положения мужа в семье, призванного обеспечить ее, уже не соответствовала изменившимся условиям. И хотя женщины на уровне представлений не выказывают стремления занимать роль главы семьи, но реально именно они часто являются лидерами семейных сообществ; на их плечи ложится ответственность за выживание семьи, поддержание быта, управление семейным бюджетом. Следование ролевым патриархальным нормам и трудность их выполнения приводят к неудовлетворенности семейными отношениями.

Важной женской ролью в семье является роль заботливой матери и хозяйки. Мужчины включались в выполнение домашней работы по необходимости (уборка, мытье посуды, мелкий ремонт), считая это обязанностью жены. Мужскими домашними обязанностями оставались обработка земельного участка и ремонт дома. Эта функция приобрела особую значимость с началом экономического кризиса, когда благосостояние многих семей стало напрямую зависеть от садоводства и огородничества. В реальности российские жены несли (и сегодня продолжают нести) основную ответственность за ведение домашнего хозяйства и воспитание детей, а мужчины выполняли здесь второстепенную роль.

Известно, что женская бытовая занятость в три-четыре раза превышает мужскую. В связи с рыночными преобразованиями многие мужчины в 1990-е годы находились в постоянном поиске заработка, вынуждены были работать сверхурочно, порой в нескольких местах и практически не могли заниматься домом и детьми. В этот период в российских семьях возник феномен «отсутствующего отца». В условиях, когда женщина должна была работать и при этом оставаться единственным человеком, несущим весь груз множественных бытовых обязанностей и ответственности за воспитание детей, не получая признания своей ценности и эмоциональной поддержки со стороны супруга, неудовлетворенность браком нарастала, а развод становился неизбежным.

В связи с этим объективно необходимым условием сохранения семьи становится преобразование модели семейных отношений — переход от патриархальной семьи к эгалитарной. Сегодня в молодежной среде, наиболее открытой для новых тенденций в развитии семейных отношений, все более приветствуются идеи эгалитарной семьи, распространяется модель включенного в заботу о детях отца, растет число семей, где мнения мужа и жены о распределении бытовых обязанностей совпадают, выказывается готовность не делить их жестко на мужские и женские. Это открывает возможности для преодоления кризиса семьи 1990-х годов.

Несомненно, период кардинального преобразования российского общества оказал влияние на процессы трансформации института семьи, серьезно изменил многие аспекты семейных отношений, психологические установки, ценностные представления о ролях мужа и жены, привел к появлению новых форм поведения мужчин и женщин и моделей брака. В обыденном сознании происходит сближение гендерной роли мужчины и мужа, а также гендерной женской роли с ролью

жены. Трудно разделить гендер и семью, поскольку они неразрывно связаны друг с другом, а семейные ценности неизбежно выступают гендерными ценностями.

Литература

- Лежнина Ю. П. Трансформация гендерных ролей в современной России // *Общественные науки и современность*. 2013. № 4. С. 165–176.
- Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. *Окно в частную русскую жизнь*. М., 1999.
- Социально-психологические и духовно-нравственные аспекты семьи и семейного воспитания в современном мире / Отв. ред. В. А. Кольцова. М., 2013.

История исследования проблемы самопонимания в психологии: тенденции и перспективы¹

О. Р. Тучина (Краснодар)

Трактовка понятия «самопонимание» в современной психологии весьма неоднозначна, что является следствием значительных различий в подходах и методах исследования данного феномена. Проведенный анализ позволил выявить противоречия в исследовании самопонимания: между его механизмами, когнитивными и экзистенциальными, бытийными аспектами (Тучина, 2012б).

Самопонимание в русле *когнитивного подхода* к исследованию данного феномена, основывающегося на работах В. Дэймон и Д. Харт, рассматривается как система представлений человека о своих индивидуально-психологических особенностях, а в качестве его задачи определяется создание комплексного, непротиворечивого представления о себе (Damon, Hart, 1982). При этом в работах, относящихся к данному направлению, самопонимание выступает синонимом Я-концепции, самосознания, самовосприятия, образа «Я», а закономерности его развития не всегда относятся именно к пониманию себя; они описывают роль когнитивной саморепрезентации во всех ее формах в развитии личности. Исследования, относящиеся к данному направлению, описывают феноменологию самопонимания, почти не затрагивая его основных, базовых характеристик, в первую очередь его роль в придании смысла человеческому опыту, знанию о себе и мире в целом.

В свою очередь, *экзистенциально-герменевтический подход* к исследованию самопонимания, представленный работами К. Роджерса, Г. Л. Лэндрет, К. Оллред, ориентирован на изучение того, как происходит понимание собственного экзистенциального предназначения человека (Тучина, 2012б). Герменевтический под-

---

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 16-26-20003 «Психологический аспект самопонимания национальной идентичности в контексте исторического опыта на постсоветском пространстве (на материале исследования молодежи России и Армении)».

ход, рассматриваемый как метод в рамках данной традиции, трактует самопонимание как непрерывную самоинтерпретацию, происходящую в определенном социальном и культурном контексте (Тучина, 2012а). Данный подход направлен на выявление вариантов порождения опыта, имеющего смысл для субъекта, не познания, а «переживания» личностью окружающего мира и себя в нем, т. е. человек не рассматривается как активно познающий и преобразующий мир субъект, что ограничивает возможности данного подхода в исследовании феномена самопонимания.

Противоречия в исследовании самопонимания в русле когнитивного и экзистенциально-герменевтического подходов могут быть разрешены, на наш взгляд, в рамках *субъектного подхода*, который является одним из ведущих теоретических трендов, сложившихся в современной отечественной психологии (Рябикина, 2013).

Психология субъекта, разработанная А. В. Брушлинским, содержит продуктивные идеи, которые получили дальнейшее развитие. Как отмечает Е. А. Сергиенко, при всем многообразии различий в понимании субъекта и личности их соотношения можно выделить два основных подхода на основе критерия выделения субъекта: акмеологический и эволюционный (Сергиенко, 2013). В акмеологическом подходе, который разрабатывается К. А. Абульхановой, А. Г. Асмоловым, В. В. Знаковым, Г. В. Залевским, В. А. Петровским, З. И. Рябикиной, постулируется, что субъект — вершина развития личности. В эволюционном подходе, представленном работами Л. И. Божович, А. Л. Журавлева, В. И. Слободчикова, А. Ш. Тхостова, В. В. Селиванова, Е. А. Сергиенко, предполагается постепенное развитие человека как субъекта. Согласно акмеологическому подходу, один из основных критериев субъекта — сформированность у человека способности осознавать совершаемые им поступки как свободные нравственные деяния, за которые он несет ответственность перед собой и обществом. «Субъектом можно назвать только внутренне свободного человека, принимающего решения о способах своего взаимодействия с другими людьми, прежде всего, на основании сознательных нравственных убеждений. Говорить о человеке как субъекте можно только при таком понимании им собственного бытия, при котором он, осознавая объективность и сложность своих проблем, в то же время обладает ответственностью и силой для их решения» (Абульханова, Славская, 1997).

Субъектный подход фокусирует внимание на поиске и рассмотрении источников, причин активности в самом человеке, на изначально активной роли социализируемого индивида (Брушлинский, 1994), а также на взаимной имплицитности бытия и человека (Рубинштейн, 1997), на свойственной человеку как субъекту способности порождать новые формы бытия, объективируя в нем свое субъективное. Таким образом, субъектность проявляется в способности человека превращать собственную жизнедеятельность в предмет преобразования, что позволяет ему быть (становиться) действительным субъектом (автором, хозяином, распорядителем) собственной жизни (Славская, 2013).

Можно утверждать, что субъектность фактически представляет собой индивидуально-характерный способ бытия человека в мире. С. Л. Рубинштейн в качестве точки отсчета рассматривает человека как субъекта, прежде всего, практического, действенного отношения к бытию: «Таким образом, существовать (быть в смысле *exitentia*) — это страдать и действовать, воздействовать и подвергаться

воздействиям, участвовать в бесконечном процессе взаимодействия как процессе самоопределения сущего, взаимного определения одного сущего другим. Существовать — значит быть детерминированным, но не только в понятии, а в действительности. Существование — пребывание, „деяние“, участие, но не в идее, а в процессе жизни Вселенной, существовать — действовать и „страдать“» (Рубинштейн, 1997, с. 19). Таким образом, Рубинштейн преодолевает абсолютизацию противоположности бытия и сознания, поскольку человек в своем способе существования не выносится за пределы бытия, а рассматривается как его составляющая. Поэтому существование — это «участие в процессе „жизни“». «Жить — значит изменяться и пребывать, действовать и страдать, сохраняться и изменяться. Существующее — это живущее и движущееся, становящееся и преходящее, изменение и пребывание в процессе изменения. И в этом едином диалектическом процессе выделяются две его стороны: существование как процесс изменения, становления, действия, взаимодействия и существование как способ бытия вещей, явлений, процессов и их пребывания» (Рубинштейн, 1997, с. 60).

С.Л. Рубинштейн обосновывает диалектическое единство человека и мира, рассматривает человека как существующего в широком контексте его активных отношений с миром, другими людьми, преодолевающего границы своего «Я» (экзистирующего в процессе поиска смысла, познания).

Он высказывает идею о многомерности Универсума, строящегося на взаимодействии внечеловеческого бытия и бытия человека на принципах разомкнутости — раскрытости и бесконечного становления, конструктивного довершения Универсума и следующего ему человека.

Идея единства человека и мира, индивидуального существования и человеческого бытия приводит к утверждению о неразрывной связи познания себя и познания окружающего мира. Познавая себя, свою внутреннюю природу, человек тем самым познает и окружающий мир (и наоборот), поскольку их внутренняя природа едина. Таким образом, понимание человеком мира и себя в мире — это процесс, предполагающий одновременно не только понимание своего места в мире, смысла своего существования и вклада в жизнь других, но и преобразование бытия. Так преодолевается противоречие между бытием и сознанием, внешним и внутренним в человеке, поскольку, постигая себя, человек творит себя и свою жизнь, а сотворенный им жизненный путь определяет и его дальнейшее познание себя, и его дальнейшее бытие. Понимая себя, человек лучше реализует себя в деятельности, в своем бытии, которое полнее отражает его сущность.

В психологии субъекта А. В. Брушлинского онтологические предпосылки исследования субъект-объектных отношений основываются на том, что мир, включающий других людей, анализируется как предпосылка подлинного существования субъекта. Ученый утверждал, что по отношению к двум крайностям (дух или материя, сознание или бытие) существует более перспективный «третий путь» в решении фундаментальной общей проблемы детерминации психики человека: это субъектно-деятельностная теория, разработанная С.Л. Рубинштейном. С позиций данной теории нет альтернативы — психическое или бытие, существующие сами по себе. Субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, является той «точкой схождения» идеального и материального, в которой реально осуществляются детерминация поведения и развитие психики.

«Для данной теории не психическое и не бытие сами по себе, а субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит историю» (Брушлинский, 1994, с. 17). Такое решение проблемы детерминизма основано на осознанном принятии тезиса о включении познающего в познаваемое. Бытие выступает в качестве объекта для человека и может существовать только во взаимодействии с ним как субъектом. Т. е., имеет место не только понимание бытия как объективной сущности или его интерпретация вследствие различной субъективности интерпретаторов, каждый из которых наделен собственным уникальным опытом прожитой жизни, но и творение бытия, его преобразование субъектом и постижение в этих актах творения (Знаков, 2008). Иначе говоря, речь идет об изучении субъекта как неотъемлемой части воспринимаемой, понимаемой и оцениваемой им объективной реальности.

А. В. Брушлинский называл субъектом человека, рассматриваемого на высшем для него уровне активности, целостности, автономности: «Важнейшее из всех качеств человека — быть субъектом, т. е. творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути. Это значит инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, поведение, познание, созерцание и другие виды специфически человеческой активности (творческой, нравственной, свободной) и добиваться необходимых результатов» (там же, с. 30).

С точки зрения психологии человеческого бытия, развивающей субъектный подход, возможно и необходимо изучение понимающего субъекта внутри бытия. Понимающий субъект включен в мир как неотъемлемая часть бытия. Не человек понимает бытие, а бытие, включающее субъекта, познает и понимает себя. «Никакого внешнего по отношению к людям бытия нет, мы сами являемся его частью. Никто не может сказать: сначала я пойму мир, а потом себя, или наоборот. Поскольку и то, и другое являются составляющими бытия, последнее не включает понимание, а основано на нем. Без понимания как приобщения к смыслам и ценностям нет полноценного человеческого бытия» (Знаков, 2007, с. 67). Человек должен быть взят внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, отношения и переживания, созерцания и постижения. «В психологии человеческого бытия мы рассматриваем человеческий мир и человека как субъекта в едином непрерывном процессе взаимодействия. Ни одна из сторон не имеет объяснения, которое замыкалось бы на ней самой и было бы достаточным. Субъект в своей данности есть актуальный результат взаимодействия с миром его повседневности; при этом сам субъект воспроизводит, меняет и творит социальный мир, в том числе косвенно и самого себя. Мы имеем фактически в качестве предмета изучения систему „субъект—мир“, которая онтологически находится в состоянии взаимобусловленности и взаимодействия» (Кимберг, 2009, с. 33).

Особенность данного направления исследования самопонимания заключается в том, что человеческое бытие трактуется с точки зрения многомерности мира, наличия трех уровней действительности, соотнесенных со способами существования людей (Знаков, 2011). Структура психологии человеческого бытия определяется научными представлениями психологов, во-первых, о том, какую реальность (эмпирическую, социокультурную или экзистенциальную) в данный момент имеет в виду человек, оказавшийся объектом и субъектом психологичес-

кого исследования. Во-вторых, в рамках какого подхода к исследованию психики — когнитивного, герменевтического или экзистенциального — осуществляется психологический анализ мыслей, переживаний, поступков людей. В-третьих, каждой традиции соответствует определенный тип понимания психологом проблем, предмета, методов и результатов исследования: понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Типы понимания выражают способы освоения бытия понимающим мир субъектом. Наконец, трем типам понимания соответствуют оценки истинности, правильности и правдивости высказываний людей в коммуникативных ситуациях.

В соответствии с этими положениями психологии человеческого бытия можно утверждать, что данный подход реализует синтез всех проанализированных выше подходов в исследовании самопонимания.

В. В. Знаков выделяет три основных направления психологического анализа самопонимания: умение обнаруживать смысл поступков, понимание своих индивидуально-психологических особенностей (знаний, умений, мотивов, достижений, и т. п); способность понимать конкретный характер и причины того, как он понимает других людей; социально-рефлексивные компоненты самопонимания — каким образом к нему относятся и как его оценивают другие.

Нарративный подход проявляется в изучении самопонимания как конструирования субъективного опыта, порождения и развития индивидуального смысла событий в жизни человека. Он «ориентирован на выявление целостных ситуаций человеческого бытия: субъект задает себе и другим смыслопорождающие вопросы, направленные на развитие историй» (Знаков, 2005а, с. 10).

Экзистенциальный подход реализуется в рассмотрении самопонимания как понимания человеком своего экзистенциального предназначения, смысла своего существования. С точки зрения психологии человеческого бытия понять себя — значит «выйти за свои пределы и узнать правду о себе» (Знаков, 2005, с. 264). Индивидуальная, или «смыслопорождающая, личностная, правда» основана на таком соотношении знаний с принимаемыми субъектом ценностями, которые согласуются с его представлениями о должном. Самопонимание как психический процесс представляет собой постепенное выявление, открытие человеком правды о себе, т. е. его соотношение с внутренними критериями развития личности, представлениями о социально и этически должном.

Формирование самопонимания происходит посредством взаимодействия и изменения когнитивных репрезентаций себя в мире и экзистенциального опыта субъекта, приобретаемого им в разнообразных ситуациях человеческого бытия и структурируемых в единое целое в виде нарратива.

Таким образом, методологическая позиция, сформулированная в рамках *психологии человеческого бытия*, обосновывает возможность синтеза когнитивной и экзистенциально-герменевтической тенденций исследования самопонимания: понимающий субъект включен в мир как неотъемлемая часть бытия; т. е. человек должен быть во включенности в бытие, «в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, отношения и переживания, созерцания и постижения» (Знаков, 2007, с. 67). Соответственно, самопонимание необходимо рассматривать как единство рационального познания себя и «переживания» личностью окружающего мира и себя в нем.

Такой синтез когнитивных и экзистенциальных аспектов самопонимания возможен благодаря сформировавшемуся в последнее время новому взгляду как на рефлексию (Карпов, 2012), так и на феномен переживания (Прохоров, 2006; Фахрутдинова, 2012) с позиций субъектности. Как отмечает А. В. Карпов, субъект, благодаря свойству рефлексивности и ее метакогнитивным функциям, оказывается в состоянии влиять на сами закономерности своего функционирования, что является механизмом «произвольной регуляции деятельности» (Карпов, 2007). Это «вторичные», субъектные, закономерности, составляющие систему собственно рефлексивных закономерностей; они как бы «накладываются» на другие, «первичные», базовые закономерности и видоизменяют их. «Эти закономерности, в основе которых лежит генеративная и трансформационная функции рефлексии, и есть содержание субъектности как таковой. Это и есть субъект в его функционировании, в его „процессуальном“ бытии» (Карпов, 2007). Свойство рефлексивности и процессы рефлексии рассматриваются как своего рода «мост» между двумя типами закономерностей. В своих генетической и трансформационной функциях рефлексия детерминирует генезис субъективных закономерностей на базе объективных. Однако в своей регулятивной функции рефлексия выступает как средство субъектной координации меры проявления объективных закономерностей.

Переживание в современных исследованиях также нередко понимается именно как рефлексивный процесс, способствующий осознанию переживаемого, поскольку в результате взаимодействия процессов рефлексии и переживания осуществляется осознание актуальной жизненной ситуации. Конструктивная попытка устранения противоречия между осознанностью рефлексии и личностным и не всегда осознаваемым характером переживаний предпринята А. О. Прохоровым в проведенных им и его учениками исследованиях, посвященных анализу смысловых оснований рефлексивного слоя психических состояний (Прохоров, 2006). Рефлексию, смыслы и переживания он анализирует в едином континууме семантического пространства психических состояний: «Включение переживания в структуру смысловой детерминации обусловлено тем, что возникновение психического состояния субъекта связано с бытием и отражением бытия самого субъекта, а также с отражением его отношения к бытию. Презентация этого отражения в сознании человека осуществляется не в виде образов, а в виде переживаний» (Прохоров, 2006). Рассматривая сознание как совокупность структурных элементов, представляющих собой переживание, рефлексию, а также бытийную и духовную структуру сознания, исследователи утверждают, что «рефлексия представляет собой единство значения и смыслов и включает полагающую, сравнивающую, определяющую, синтезирующую и трансцендентную формы и уровни. Бытийный уровень представляет собой единство биодинамической ткани действия и чувственной ткани образа; духовные структуры сознания определяются через отношения в системе «Я – Другой» (Фахрутдинова, 2012, с. 23). Именно в переживании на основе ощущений и рефлексии субъекту дается реальность его психического состояния, переживание рассматривается как явление сознания, субстанциональности субъекта, образующего единство с рефлексией, функцией которого является «переработка» впечатления и встраивание его в структуры сознания (там же, с. 37).

Понимание всего, что для субъекта значимо, основано на метакогнитивной осведомленности, выходе за пределы конкретного *содержания* события (ситуации). Такой выход требует от субъекта не только соотнесения понимаемого события с личностным знанием, но и включения его в более широкий контекст человеческого бытия. При отсутствии подобного переживаемого не происходит перемещение воспоминания о нем из повседневного опыта в экзистенциальный (В. В. Знаков), т. е. трансформации, развития личности.

Таковыми контекстами человеческого бытия являются *бытийные пространства личности*, рассматриваемые в *субъектно-бытийном подходе*. Субъектно-бытийный подход к личности, представленный работами З. И. Рябикиной, Г. Ю. Фоменко, Л. Н. Ожиговой, Г. Г. Танасова, А. В. Тиводар и др., сформировавшийся в последнее десятилетие в контексте субъектного подхода как его продолжение и развитие, акцентирует внимание на способности человека изменять внешнее по законам внутреннего, «переустройства бытия в соответствии со структурой сложившихся личностных смыслов» (Рябикина, 2003). Другими словами, так преобразовывать реальность внешнего мира, что он становится следствием объективирования субъективного, продолжением личности. Это не просто новые формы бытия, но бытие, являющееся продолжением личности, следствием ее экспансии, т. е. процессы внешней реальности согласуются с процессами внутреннего мира личности. Пространства бытия личности непосредственно включаются в ее структуру, и личность становится фактором, объединяющим все стороны бытия человека (как субъективные, так и объективные) в одно целое.

Бытие в субъектно-бытийном подходе, таким образом, рассматривается как следствие самоактуализации личности, т. е. «как бытие, создаваемое личностью. Бытие личности — это объективированная в процессах и предметах мира субъективность, воспроизведение личностью структурных характеристик ее смыслового пространства в объективных пространствах ее организмичности, ее деятельности, ее жизненной среды» (Рябикина, 2003, с. 11). Субъект встречает свой особый жизненный мир, который составляет для него всю данность личного опыта, только и имеющую для него значение. Наличие интереса (интенциональность субъекта) «высвечивает» и затем «вынимает» из универсального бытия (до всякой рефлексии и рациональности) собственный мир субъекта, который может трактоваться как сконструированный его желаниями. «Мы изменяем бытие (понимаемое как объективно существующая реальность) в соответствии с тем, как мы его осмысливаем, т. е. в соответствии с тем, какими смыслами мы его наделяем» (там же, с. 7).

Личностный смысл определяет субъектность и в качестве психологического механизма обеспечивает достижение личностью аутентичности бытия. «Чувство аутентичности бытия», по мнению З. И. Рябикиной, возникает в том случае, когда личность «реализует свою субъектность в переустройстве среды в соответствии со структурой смыслов, а значит, и в соответствии со структурой своей организмичности» (Рябикина, 2005, с. 188–189). Личностный смысл выступает в качестве психологического механизма реализации личности, определяет достижение личностью аутентичного бытия. Реальность окружающего мира может стать конгруэнтной структуре личностных смыслов личности, только если человек переустраивает этот мир, реализуя в акте переустройства свою субъектную позицию, т. е. выступая в отношениях с миром как субъект.

Поскольку личность стремится организовать свое бытие в соответствии со структурой своих личностных смыслов, важным аспектом реализации потребности в аутентичном бытии является процесс самопонимания, который можно рассматривать в данном контексте как постепенное выявление, открытие человеком правды о себе, т. е. его соотнесение с внутренними критериями развития личности. В субъектно-бытийном подходе к личности подчеркивается, что личность может быть понята, только если в поле анализируемых проблем включены *пространства ее реализаций*, или *бытийные пространства*, так как личность не замкнута во внутреннем, не ограничена психическим, а включает в себя внешние по отношению к психике объективные пространства явлений, реорганизуемых ею в соответствии со структурой ее смыслов (Рябикина, 2013). «Бытийное пространство человека» рассматривается как понятие, позволяющее зафиксировать способ существования человека как объективной реальности, наделенной субъективной составляющей; т. е. это объективно-субъективная реальность, обусловленная многообразием различных статусов, которыми наделен человек (Тиводар, 2008). Поиск ценностных оснований бытия личности всегда происходит в конкретном бытийном пространстве, характеристики которого влияют на специфику самопонимания. Самопонимание как результат данного процесса представляет собой ценностно-смысловой конструкт, выражающий понимание и объяснение субъектом мира и самого себя. Соответственно, объектом теоретического осмысления и эмпирического изучения становятся бытийные пространства личности, в которых происходит поиск ценностных оснований бытия личности.

Таким образом, в субъектном подходе, на наш взгляд, разрешаются противоречия в исследовании самопонимания в когнитивной и экзистенциально-герменевтической традиции. В данном подходе, где акцентируется стремление личности организовать свое бытие в соответствии со структурой своих личностных смыслов, важным аспектом реализации потребности личности в аутентичном бытии является процесс самопонимания, который можно рассматривать как процесс одновременного рационального познания себя и переживания личностью окружающего мира и себя в нем, поиск ценностных оснований бытия личности в конкретном бытийном пространстве. Самопонимание как результат данного процесса представляет собой ценностно-смысловой конструкт, выражающий понимание, объяснение субъектом мира и самого себя и переживание личностью окружающего мира и себя в нем. Формирование самопонимания происходит посредством взаимодействия и изменения когнитивных репрезентаций себя в мире и экзистенциального опыта субъекта, приобретаемого им в разнообразных ситуациях человеческого бытия и структурируемых в единое целое в виде нарратива.

Литература

- Абульханова К. А., Славская А. Н. Послесловие // Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1997.
- Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
- Знаков В. В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М., 2005а.
- Знаков В. В. Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М., 2005б. С. 9–44.

- Знаков В. В.* Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 65–74.
- Знаков В. В.* Психология субъекта А. В. Брушлинского, герменевтика субъекта М. Фуко и психология человеческого бытия // Личность и бытие: субъектный подход. М., 2008. С. 31–36.
- Знаков В. В.* Понимание, постижение и экзистенциальный опыт // Вопросы психологии. 2011. № 6. С. 15–24.
- Карпов А. В.* Роль и место рефлексии в системе психических процессов // Вестник Ярославского государственного университета. 2007. № 5. С. 25–28.
- Карпов А. В.* Рефлексия в структуре сознания // Вестник Ярославского государственного университета. 2012. № 1 (19). С. 6–12.
- Кимберг А. Н.* «Жизненный мир» субъекта как предмет исследования // Психология человека в современном мире. 2009. Т. 4. С. 26–33.
- Прохоров А. О.* Рефлексивный слой психического состояния // Мир психологии. 2006. № 2. С. 38–49.
- Прохоров А. О.* Образ психического состояния: феноменологические особенности и личностные корреляты // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2011. № 3 (17). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.09.2016).
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М., 1997.
- Рябкина З. И.* Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире // Личность и бытие: теория и методология / Под ред. З. И. Рябкиной, В. В. Знакова. Краснодар, 2003. С. 16–19.
- Рябкина З. И.* Проблема аутентичного бытия личности в современном мире // Известия Южного федерального университета. Сер. Технические науки. 2005. Т. 51. № 7. С. 188–189.
- Рябкина З. И.* Перспективы исследований личности с теоретико-методологических позиций психологии субъекта // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 3. С. 6–19.
- Сергиенко Е. А.* Развитие идей А. В. Брушлинского: соотношение категорий субъекта и личности // Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М., 2013. Т. 1. С. 41–44.
- Славская А. Н.* Рубинштейновская парадигма субъекта в исследовании интерпретации // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М., 2000. С. 203–212.
- Славская А. Н.* Субъект в философской антропологии и онтологической концепции С. Л. Рубинштейна. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-97203.html> (дата обращения: 01.03.2013.).
- Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности: Учебное пособие для вузов. М., 1995.
- Тиводар А. Р.* Личность как субъект со-бытия в брачных отношениях: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Краснодар, 2008.
- Тучина О. Р.* Нарративный подход к исследованию самопонимания // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. Красноярск, 2012а. № 9 (17). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/tuchina.pdf> (дата обращения: 9.12.2012).

Тучина О. Р. Основные направления исследования феномена самопонимания в современной психологии // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. Красноярск, 2012б. № 2 (10). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/2/tuchina.pdf> (дата обращения: 12.03.2012).

Фахрутдинова Л. Р. Структурно-динамическая организация переживаний субъекта: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Казань, 2012.

Damon W., Hart D. The development of self-understanding from infancy through adolescence // Child development. 1982. V. 53. № 4. P. 841–864.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

**ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
МЫСЛИТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХ
И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ**

Философско-этическое наследие Аристотеля как основа психологии нравственного развития личности и общества

М. Р. Арпентьева (Калуга)

Аристотель (Стагирит) — древнегреческий мыслитель, оставивший яркий след в истории психологической мысли. Исследуя человека комплексно — и как природное существо, и как носителя психического (души), и как социального субъекта («гражданина»), он не мог не обратиться к проблеме его нравственного развития.

Целью этики, или «практической философии», Аристотель считал формирование добродетельного гражданина, члена сообщества, государства. Центральной частью аристотелевской этики выступало учение о добродетелях как нравственных качествах личности, а также «вечные вопросы» о сущности нравственности, добра и зла, о свободе и необходимости, об основах нравственного поступка, о смысле жизни и высшем благе, о справедливости и т. п.

Этика Аристотеля носила телеологичный характер: в человеке, как и во всякой вещи, по его мнению, заложено внутреннее стремление к благой цели, высшему благу и в конечном итоге — к счастью.

Принято считать, что вопрос о счастье как итоговом смысле и цели жизни Аристотель раскрывает евдемонистически: счастье выступает как высшее благо. Это и так, и не так: реальная картина, описанная им, намного сложнее. Счастье как реализация стремлений души, энтелехии (осуществления цели), и счастье как реализация стремлений тела — два разных аспекта жизни человека (Аристотель, 1983, 2005; Jiuyan, 2007).

Аристотель, как и Платон, усматривает высшее благо в духовном удовлетворении, состоянии души, которое возникает от чувства исполненного долга, осознания и реализации человеком своего предназначения как духовного существа, наивысшей формой жизнедеятельности которого является созерцательная жизнь. Счастье тела — удовлетворение стремлений «неразумной части» души. Превосходство разума над ними — условие точного осмысления и реализации назначения, целесообразного с точки зрения индивидуальной и социальной жизни.

Существо, находящееся в состоянии неведения или подвергающееся насилию (подвергающее иных насилию), несвободно и не может быть счастливо. Напротив, просвещающее и освобождающее существо обретает собственную свободу. Человек, творящий зло и насилие, увлеченный страстями, ограничивает свою свободу и несет ответственность за свои поступки, так же как ответственно за недобродетельные поступки общество, неправильно воспитывавшее его в невежестве и насилие (Аристотель, 2005). При этом человек может отличать добро и зло, но не обладать способностью противостоять злу, что приводит его к ошибкам. Только люди, способные и стремящиеся к добродетели, умеющие видеть прекрасное и отвергающие постыдное, могут вести себя правильно и исправлять ошибки. Таким образом, Аристотель сформулировал одну из первых типологий личностей на основе меры присвоения людьми и сообществами нравственных ориентиров и отношения к ним.

Кроме того, Аристотель подчеркивает важность не столько высшего и «отстраненно-недостижимого», сколько реального блага — конкретного и достижимого человеком, т. е. осуществленного в его поступках (Аристотель, 1983; Jiuyan, 2007). Аристотель признает существование абсолютного нравственного начала, имманентного самой жизни, а не трансцендентного ей. Соответственно, поступок внешне добродетельный (по своим последствиям) не является таковым, если в нем отсутствует намерение добродетели (блага).

Добродетель при этом проявляется в нахождении надлежащей *середины* между избытком и недостатком в осознании и переживании, в поступках и отношениях. Так, по мнению Аристотеля, мужественные люди находят середину между пороками: недостатком мужественности (трусостью) и избытком мужественности (безрассудной отважностью). Аналогично умеренность в наслаждениях — середина между бесстрастностью и распушенностью; щедрость — середина между жадностью и расточительностью; скромность — середина между застенчивостью, робостью и бесстыдством, наглостью и т. д. (Аристотель, 1983; 2005).

При этом обычно объективная и субъективная середины едины: одна осуществляется через другую. Вне середины одна из частей превалирует: внешне, объективно благое может стать субъективно, внутренне вредным, и наоборот. Чтобы найти середину, необходимо либо обладать практической мудростью и рассудительностью, либо следовать примеру или совету добродетельного человека. Найти середину трудно, поэтому гораздо легче быть порочным. В связи с этим, согласно Аристотелю, порядочные люди малочисленны, часто необыкновенны, хотя и «одинаковы», а непорядочные — разнообразны и многочисленны, часто посредственные и потакающие слабостям.

Счастье достигается нахождением середины и совершением поступков, определенных этой мерой. Счастливая жизнь, по Аристотелю, — это жизнь, ориентированная на добродетели, связанная с усердием, состоящая не в развлечениях, а в *служении* и/или созерцании.

Данные аспекты этики Аристотеля представлены и в современной теории и практике психологии нравственного развития, а также в социальных и иных практиках, воплощающих нравственные ориентиры в процессе взаимодействия людей, например в практике социального служения. Современная идеология социального служения включает идеи нравственного как оптимального — первич-

ности нравственной основы жизнедеятельности человека и сообщества, а также идеи самопомощи и взаимопомощи, активизации ресурсов самого населения в противостоянии страхам и угрозам притеснения и диктата со стороны государства и бизнеса. Отношения взаимопомощи или, шире, служения, порождают так называемую волонтерскую подструктуру профессиональных отношений, а также такие гуманистические по своей сути явления, как милосердие и благотворительность. Социальное служение является специфической сферой общественной деятельности индивидов, групп и организаций, имеющей общие задачи восстановления, оптимизации и развития человека и сообществ в их стремлении к благу. Служение придает жизни смысл и развивает отношение любви — к миру, другим людям и себе (Марцинковская, 1998; Начала христианской психологии, 1995; Оптинские старцы..., 2014; Флоренская, 2009; Франкл, 1990; Шаховской, 1996). Оно имеет огромное значение не только в масштабах человечества, но и на уровне реальной помощи конкретным лицам; определяет судьбы и счастье людей, групп и организаций, добровольцев и благотворителей.

Социальное служение и благотворительность являются необходимыми компонентами и условиями гармонизации индивидуальной и общественной жизни. Поэтому важно учить людей помощи и взаимопомощи, свободе благо-творения, способствуя, тем самым тому, чтобы они становились мудрыми и могли видеть, как ближайшие, так и отдаленные следствия своих усилий, их реальную значимость, стремились к их воплощению в конкретные результаты общественно полезной деятельности. Помогая другим, заботясь о них, люди преобразуют себя и окружающий их мир на основе принципов добра, обретают новые импульсы для развития, преодолевают эгоистическую центрированность на своих проблемах, выходят в более значимые и широкие нравственные контексты.

Общество, его служение человеку, как и социальное служение человека обществу, должны быть ориентированы не только на помощь наиболее нуждающимся, но и на поддержание, трансляцию и укрепление нравственных основ жизни. Идеология служения не должна становиться идеологией служения обществу безнравственных людей. Служение не может существовать вне его нравственных императивов, понимания того, что оно — компонент социального взаимодействия, оказывающий значимое влияние на настоящее и будущее сообществ, их институтов и индивидов.

Аристотель полагает, что «добродетель не дается нам от природы»; напротив, человек и общество «делают себя сами». Поэтому недостаточно ограничиваться лишь разъяснением того, что есть добро или зло. Знание — это не гарантия добродетели: знание добра еще не делает человека добрым. Важно, чтобы человек оказывался в ситуациях, где та или иная добродетель выступает основой выживания или успеха. В этом случае у него формируется привычка поступать правильно, обретается опыт нравственного поведения. Известны слова Аристотеля: чтобы стать добрым человеком, надо делать добрые дела. По сути, это можно переформулировать, используя современную терминологию, как утверждение деятельностного подхода к нравственному воспитанию, согласно которому, оно представляет собой выстраивание и проживание жизненных ситуаций, в которых востребуются нравственное отношение и поведение его субъекта к себе и миру.

В качестве основы периодизации развития Аристотель использует структуру души, выделив три периода детства: от 0 до 7 лет; от 7 лет до 14 лет; от 14 лет до 21 года. Для каждого из периодов нужна особая система воспитания, соответствующая закономерностям развития и укрепляющая врожденные наклонности, в том числе стремление к нравственному поведению, поощряющая попытки человека, пусть временные, не вполне удачные, «быть хорошим», предоставляющая ему дополнительную мотивацию для совершения нравственных поступков путем тренировки, формирования привычки, решения сложных практических задач, обнаруживающих «функциональность» нравственности (Марцинковская, 1998; Молчанов, 2011).

Эти положения великого мыслителя подтверждают многочисленные современные психологические модели нравственного развития — Л. Кольберга, Э. Туриэля и др. (Kohlberg, 1973; Turiel, Killen, Helwig, 1987).

В российской психологии нравственное развитие рассматривается как процесс усвоения/присвоения моральных норм и способов поведения (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, Л. И. Божович и др.), принятых в обществе. Это присвоение происходит в ходе деятельности через переживание, осознание и сознательное принятие (Молчанов, 2011).

Кроме того, тренировка нравственного поведения, согласно Аристотелю, должна включать понимание того, как поступки человека переживаются и влияют на состояние других людей. Здесь Аристотель «предвосхитил» эмпатический подход К. Гиллиган и модель просоциального поведения Н. Айзенберг, которые являются во многом дополнительными или альтернативными когнитивно-нормативному подходу, утверждающему важность присвоения знаний о нравственном поведении (Eisenberg, 1983; Gilligan, 1977; Hedl, Glazer, Chan, 2005). В эмпатическом подходе главным выступает принцип заботы как эмпатическая ориентация на переживания и нужды других людей. Во многом этическое учение Аристотеля близко к теории морального развития личности Дж. Реста, согласно которой, нравственное развитие человека проявляется в том, как он при решении различных моральных дилемм пользуется разными моральными принципами в зависимости от того, какие структуры нравственного поведения активизированы (Rest, 1994). Как пишут в обосновании реляционной модели Т. Ш. Рай и А. П. Фиске, в разных культурах и в разное время нравственные дилеммы и разногласия по поводу их разрешения — один из повседневных моментов жизни. Важнейшими, общечеловеческими мотивами, регулирующими жизнь человека и общества, являются мотивы единства, целостности, принадлежности и иерархичности, а также равенства и пропорциональности. Нравственные решения, определяющие жизнь человека, лежат в этих областях в любых культурах и эпохах. Нравственность — это то, что является, по сути, признаком человеческого.

Представляет интерес тезис Аристотеля о справедливости, которую он считал «величайшей из добродетелей», утверждая, что «общество держится тем, что каждому воздается пропорционально его деятельности» (Аристотель, 1908, с. 91).

Таким образом, Аристотель одним из первых обосновал этические основы поведения, идеологию социального служения. Высказанные им положения лежат в основе и светской, и пастырской, и добровольной, и профессиональной

помощи людям. Они включают воспитание граждан, в том числе избавление их от неведения и насилия, развитие у них мудрости и рассудительности, умения находить «золотую середину», решая сложные проблемы отношений с другими людьми и миром.

Литература

- Антонова О. И.* Социальное служение религиозных общностей в современной России: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2009.
- Аристотель.* Соч. В 4 т. / Ред. и вступ. ст. А. И. Доватура, Ф. Х. Кессиди. М., 1983. Т. 4.
- Аристотель.* Евдемова этика / Пер. Т. В. Васильевой, Т. А. Миллер, М. А. Солоповой. М., 2005.
- Марцинковская Т. Д.* История детской психологии. М., 1998.
- Молчанов С. В.* Мораль справедливости и мораль заботы: зарубежные и отечественные подходы к моральному развитию // Вестник Московского университета. 2011. № 2. С. 59–72.
- Начала христианской психологии: Учебное пособие для вузов / Б. С. Братусь, В. Л. Войков, С. Л. Воробьев и др. М., 1995.
- Оптинские старцы: наставления, письма, дневники. М., 2014.
- Флоренская Т. А.* Мир дома твоего: Человек в решении жизненных проблем. М., 2009.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Шаховской И.,* архиепископ. Философия православного пастырства. СПб., 1996.
- Этика Аристотеля. СПб., 1908.
- Jiyuan Y.* The Ethics of Confucius and Aristotle: Mirrors of Virtue. N. Y., 2007.
- Eisenberg N.* The relation between empathy and altruism // Academic Psychological Bulletin. 1983. V. 5. P. 195–207.
- Gilligan C.* In a different voice: Women's conceptions of self and morality // Harvard Educational Review. 1977. V. 47. P. 481–517.
- Hedl J. J., Glazer H., Chan F.* Improving the Moral Reasoning of Allied Health Students // Journal of Allied Health. 2005. № 34 (2). P. 121–122.
- Kohlberg L.* The Claim to Moral Adequacy of a Highest Stage of Moral Judgment // Journal of Philosophy. 1973. № 70 (18). P. 630–646.
- Rai T. Sh., Fiske A. P.* Moral Psychology Is Relationship Regulation: Moral Motives for Unity, Hierarchy, Equality and Proportionality // Psychological Review. American Psychological Association. 2011. V. 118. № 1. P. 57–75.
- Rest J. R.* Background: Theory and research // Moral development in the professions: Psychology and applied ethics / Eds J. R. Rest, D. Narvaez. Hillsdale: Hillsdale University, 1994. P. 1–26.
- Turiel E., Killen M., Helwig C.* Morality: Its structure, functions and vagarities // The Emergency of morality / Eds J. Kagan, S. Lamb. Chicago, 1987. P. 155–244.

В. О. Ключевский о становлении великороссов и их менталитете

Т. И. Артемьева (Москва)

В отечественной истории проблема возникновения, становления и развития русского народа, его психологии всегда была приоритетной. Ею занимались выдающиеся русские историки, этнографы, правоведы и др. При рассмотрении самобытных черт русского народа особое внимание уделялось раскрытию истоков, глубинных факторов и условий, которые способствовали (или препятствовали) этому историческому процессу.

Содержательный анализ этих вопросов дал Василий Осипович Ключевский (1841–1911), русский публицист и историк, представитель русской либеральной историографии, академик Санкт-Петербургской АН (1900), автор многочисленных исторических работ, главной из которых является девятитомный «Курс русской истории».

В. О. Ключевский родился 28 января 1841 г. в Пензе в семье священника. В 1861 г. он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где слушал лекции С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, А. П. Щапова и др. В 1865 г. после окончания университета был оставлен на кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию.

В кандидатской диссертации В. О. Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве (Московское государство по описанию иностранцев XV–XVIII вв.)» предметом рассмотрения выступили проблемы, которые и в дальнейшем сквозной линией пройдут через все его работы: особенности бытовой жизни русских людей разных сословий; своеобразие национального характера; культурно-исторические связи России и Запада и др.

В 1867 г. он начинает свою преподавательскую деятельность в Александровском военном училище (с 1867), в Московской духовной академии (с 1871), на Высших женских курсах (с 1872).

В 1882 г. Ключевский получает звание профессора Московского университета, в 1900 г. избирается академиком Санкт-Петербургской академии наук (Сербиненко, 2006, с. 384–385).

Одной из основных задач, решаемых ученым, являлось раскрытие важнейших черт русского народа. Этим определяется его обращение к изучению психологии сословий Российской империи, и в первую очередь крестьянства.

Пытаясь создать образ «великорусского племени», расселившегося в между-речье верхнего течения Волги и Оки, Ключевский опирается на многочисленные этнографические описания, накопленные к тому времени. Важно отметить, что образ русского народа воссоздается Ключевским на фоне и в контексте его исторической судьбы, полной героических и трагических страниц, поражений и побед, инволюционных откатов и движения вперед.

Проводя фундаментальное исследование истории России, ученый, наряду с раскрытием ее событийной канвы, через описание исторических деятелей и изменений в бытовой и социальной жизни народа выявляет *психологические*

особенности различных эпох. Так, давая характеристику XIV в. в русской истории, он обращается к образу Сергия Радонежского, показывает его роль как духовного пастыря, вдохновителя нравственно надломленного иноземным игом народа на борьбу за свое освобождение и духовное возрождение. Великий глубоко почитаемый святитель земли русской, духовный наставник и собиратель народа видел основу его жизни и источник силы *в вере в себя*. Эта вера приобретает особое значение в наиболее критические и трагические моменты истории, и, опираясь на нее, народ побеждает врага, преодолевает невероятные трудности и лишения. Значимой характеристикой русского народа, по мнению Ключевского, является его умение подниматься с колен после поражений.

XVII столетие, начиная от воцарения Бориса Годунова, Ключевский характеризует как время, окрашенное настроением хронического недовольства народных масс, что объясняется неустойчивостью политической обстановки в стране, сменой властей, воцарением на русском престоле Лжедмитрия и другими проявлениями периода «смутного времени». До конца века, по Ключевскому, недовольство оставалось основной тональностью в настроении народных масс.

Ситуация меняется в XVIII в., когда Россия как будто сдвинулась с мертвой точки, пришла в движение, вновь обрела утраченные на предшествующем этапе силы. С приходом к власти Екатерины II, как пишет В. О. Ключевский, появилось *представление о мировой роли России, о национальном достоинстве и народной гордости*, что привело к *подъему народного духа*.

Говоря о природе мироощущений людей, их настроениях, Ключевский отмечает, что речь идет не об общественной критике, а о реальной общественной психологии, питающей «не размышлениями», а «чувствами». По его мнению, люди судят о своем времени не столько по жизненным фактам окружающей жизни, сколько по чувствам, навеванным какими-то влияниями, которые поднимались «поверх этой действительности». Люди, пишет Ключевский, «как будто испытали или узнали что-то такое новое, что мало подняло уровень их быта, но *высоко приподняло их самосознание или самодовольство*, и, довольные этим знанием и самими собой, они смотрели на свой низменный быт свысока, со снисходительным равнодушием. Их чувства и понятия стали выше их нравов и привычек; они просто выросли из своего быта, как дети вырастают из давно сшитого платья» (курсив наш — Т. А.) (Ключевский, 1990, с. 290).

На этом фоне расцветает общественная мысль. В. О. Ключевский пишет: «Образованным людям екатерининского времени и принадлежит заслуга возбуждения целого ряда важных вопросов, над которыми много работала мысль дальнейших поколений:

- об отношении России к Западной Европе,
- об отношении новой России к древней,
- об изучении национального характера,
- о согласовании национального с общечеловеческим,
- самобытного народного развития с необходимостью подражать опередившим народам» (Ключевский, 1990, с. 328).

Кроме того, под влиянием совокупности общественных условий (морали, политики и общежития и др.) изменился тип мышления: на передний план вышли

новые понятия, в которых отражались нравственные основы жизни: «добронравие», или «благонравие», «человечество», «человеколюбие», «попечение о благе общем», «блаженство общее и частное», «отечество», «граждане» или «сограждане», «чувствительность», «чувствования человеческого сердца», «добродетельные души» и т. д. «Особенно любимыми стали слова „общество“ и „род человеческий“» (там же, с. 328–329).

В этих словах Ключевского зафиксирована важная черта психологии русского народа, сформировавшаяся в ходе его исторического развития и ставшая его устойчивым ментальным образованием, — это приоритет общественных интересов над личными, отношение к обществу и государству как к незыблемым ценностям. Множество подтверждений этому дала и вся последующая история нашей страны, продемонстрировавшая верность русского народа принципу, ярко и емко выраженному известными словами «раньше думай о Родине, а потом о себе».

Специальное внимание В. О. Ключевский уделяет рассмотрению вопроса об образовании великорусского племени. Следует отметить, что, анализируя данную проблему, он опирался на три основные составляющие исследуемого исторического процесса: человеческая личность, людское общество и природа страны.

Он пишет, что в образовании великорусского племени совместно действовали два фактора: «племенная смесь» и природа страны.

По мере расселения русских племен на северо-восточные территории в самом центре нынешней Великороссии они встречались с финскими племенами. Эта встреча носила мирный характер: между ними не возникло, по мнению Ключевского, антагонизма или контраста — политического, этнографического и нравственно-религиозного — какие могут быть в случаях завоевания. Этому способствовали и отмечаемые многими историками присущие финнам миролюбие, даже робость, забитость.

Ключевский считает, что вопрос о взаимодействии и взаимовлиянии русичей и финнов, их заимствовании тех или иных особенностей друг у друга является не только любопытным, но и трудным вопросом нашей истории. Он отмечает, что результатом этого взаимодействия стало поглощение чуди¹ русью². Но в ходе ассимиляции финнских племен осуществлялось их обратное влияние на «пришлую русь». По словам Ключевского, «в этом влиянии — этнографический узел вопроса о происхождении великорусского племени, образовавшегося из смеси элементов славянского и финского с преобладанием первого. Это влияние проникло в русскую среду двумя путями: 1) пришлая русь, селясь среди туземной чуди, неизбежно должна была путем общения, соседства кое-что заимствовать из ее быта; 2) чужь, постепенно русея, всю свою массу, со всеми своими антропологическими и этнографическими особенностями, со своим обличьем, языком, обычаями и верованиями входила в состав русской народности. Тем и другим путем в русскую среду проникло немало физических и нравственных особенностей, унаследованных от растворившихся в ней финнов» (там же, с. 44).

В. О. Ключевский обращает внимание на то, что сам антропологический тип великоросса несет на себе печать финского племени. «Наша великорусская фи-

1 «Древняя Русь все мелкие финские племена объединила под общим названием Чуди» (Ключевский, 1990, с. 42).

2 Общее название русских племен.

зиония не совсем точно воспроизводит общеславянские черты» (там же). Влияние финнов выразилось, в частности, в скулистости лица великороссов, смуглом цвете их лица и волос и особенно в типичном великорусском носе, покоящемся «на широком основании», что более характерно для финнов, нежели для славян. Кроме того, финское влияние проявляется и в «говоре» людей, который в разных географических пунктах имел свои особенности: «...говоры великорусского наречия сложились путем постепенной порчи первоначального русского говора. Образование говоров и наречий — это звуковая, вокальная летопись народных передвижений и местных группировок населения» (там же, с. 47).

Обобщая итоги проведенного анализа результатов смешения славянских и финских племен, Ключевский пишет: «Из этой встречи вышла тройная смесь: 1) религиозная, которая легла в основание мифологического мирозерцания великороссов, 2) племенная, из которой выработался антропологический тип великоросса, и 3) социальная, которая в составе верхневолжского населения дала решительный перевес сельским классам» (там же, с. 55).

Другим фактором, влияющим на образование великорусского племени, является природа. По мнению Ключевского, «великорусское племя — не только известный этнографический состав, но и своеобразный экономический строй и даже особый национальный характер, и природа страны много поработала и над этим строем, и над этим характером» (там же).

Анализируя особенности становления быта и хозяйственной жизни великороссов, Ключевский выделяет следующие их черты: 1) разбросанность населения, господство мелких поселков, деревень; 2) незначительность крестьянской запашки, мелкость подворных пахотных участков; 3) подвижный характер хлебопашества, господство переносного или переложного земледелия и наконец, 4) развитие мелких сельских промыслов, усиленная разработка лесных, речных и других угодий» (там же, с. 57).

Природа с ее опасностями и трудностями (короткое теплое летнее время, перемежающееся с засухами, суровые зимы, обилие болотистых мест, недостаток плодородной почвы, незначительность береговой линии морей и др.) при ее освоении выработала и развила у великороссов такую черту, как «удивительная наблюдательность». Им нужно было внимательно оценивать окружающее пространство, подмечать его характеристики, чтобы выбрать подходящее место для последующего оседлого проживания и эффективного ведения сельского хозяйства. Однако порой здравый расчет отходил на второй план, изменял русскому человеку, и он принимал решение, руководствуясь сугубо эмоциональными побуждениями и сиюминутными соображениями. Как пишет В. О. Ключевский, расчетливый великоросс зачастую выбирает такие решения, в которых он противопоставляет «капризу природы капризу собственной отваги. Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский авось» (там же, с. 60).

Природное окружение, в котором протекала жизнедеятельность великороссов, не могло не сказаться и на складе их ума, характере мышления. Трудности, которые они встречали на своем пути, неожиданные «сюрпризы» природы не позволяли им своевременно определить план своих действий и целенаправленно следовать ему, научили больше оглядываться назад, чем смотреть вперед. «В борьбе с неожиданными метелями и оттепелями, с непредвиденными августовскими мо-

розами и январской слякотью он [русский человек. — Т.А.] стал больше осмотрителен, чем предусмотрителен, выучился больше замечать следствия, чем ставить цели, воспитал в себе умение подводить итоги насчет искусства составлять сметы. Это уменье и есть то, что мы называем *задним умом*. Поговорка „русский человек задним умом крепок“ вполне принадлежит великороссу. Но задний ум — не то же, что *задняя мысль*», — пишет Ключевский (курсив наш. — Т.А.) (там же, с. 61–62).

Отмечается также, что, наученный природой и судьбой, великоросс принужден «выходить на прямую дорогу окольными путями». Имеется в виду адаптивность и гибкость поведения народа в непредсказуемых жизненных ситуациях как условие и проявление его жизнестойкости.

Особо подчеркивается огромное трудолюбие великороссов, их способность к напряженному труду в короткое время, с чем, по мнению Ключевского, не может сравниться никто из европейцев. Но одновременно по сравнению с последними великороссов отличает отсутствие привычки к «к размеренному, постоянному труду».

Согласно Ключевскому, русский человек «замкнут и осторожен, даже робок, вечно себе на уме, необщителен, лучше сам с собой, чем на людях, лучше в начале дела, когда еще не уверен в себе и в успехе, и хуже в конце, когда уже добытсся некоторого успеха и привлечет внимание: неуверенность в себе возбуждает его силы, а успех роняет их. Ему легче одолеть препятствие, опасность, неудачу, чем с тактом и достоинством выдержать успех; легче сделать великое, чем освоиться с мыслью о своем величии. Он принадлежит к тому типу умных людей, которые глупеют от признания своего ума. Словом, великоросс лучше великорусского общества» (там же, с. 61).

Особенностью любого народа является то, что он, воспринимая окружающий мир, преломляет его по-своему. «Должно быть, каждому народу от природы положено воспринимать из окружающего мира, как и из переживаемых судеб, и претворять в свой характер не всякие, а только известные впечатления, и отсюда происходит разнообразие национальных складов или типов, подобно тому, как не одинаковая световая восприимчивость производит разнообразие цветов. Сообразно с этим, и народ смотрит на окружающее и переживаемое под известным углом, отражает то и другое в своем сознании с известным преломлением. Природа страны, наверное, не без участия в степени и направлении этого преломления» (там же).

Таким образом, в становлении русского народа, по мнению В. О. Ключевского, главную роль сыграли географический фактор и неоднородный национальный состав. Это сочетание определенным образом сказалось на формировании менталитета русского народа, обусловив его своеобразные характеристики.

Литература

- Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция 17: «Этнографические следствия русской колонизации верхнего Поволжья... Влияние природы Верхнего Поволжья на народное хозяйство Великороссии и на племенной характер великоросса» // Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990.
- Сербиненко В. В. Русская философия. Курс лекций. М., 2006. С. 384–385.
- Парыгин Б. Социальная психология. СПб., 1999.

Проблема человека в учении С. Л. Франка

В. Е. Богданова (Москва)

Актуальность исследования творческого наследия С. Л. Франка

Проблема человека, его природа, духовные искания всегда были в центре внимания философии, психологии, социологии и других наук. Предметом исследования выступают вопросы становления человека как личности и субъекта общественной жизни, осознания им своего положения и призвания в мире, смысла жизни.

В переломные моменты исторического развития общества эти проблемы приобретают особенно актуальное звучание. Духовный кризис, сопровождающийся аномией, наблюдаемый сегодня в российском обществе, породил серьезные экзистенциальные проблемы: экзистенциальный вакуум, чувство одиночества, стагнацию личностного развития современного человека. Целенаправленное преодоление опасных тенденций в жизни социума, развитие духовных ценностей позволили бы создать основание для повышения созидательной активности человека и его творческого потенциала.

В этих условиях особое значение приобретает изучение философско-психологического наследия выдающегося представителя русского религиозно-философского направления С. Л. Франка.

По мнению исследователей, уникальная философская система Франка помогает увидеть истоки проблем нашей современной жизни в сфере духовности, морали, ценностного выбора, выстраивания отношений с другими людьми, традициями, культурами. Вопросы об истинном предназначении человека, критериях оценки его образа жизни и мышления с точки зрения их соответствия идеалам гуманизма занимают центральное место в духовных и творческих поисках Франка. Между тем, его учение о человеке, разрабатывавшееся в рамках метафизики всеединства, до настоящего времени должным образом не изучено, поскольку в силу идеологических причин долго оставалось недоступным для научного сообщества.

Место Франка в отечественной и мировой философско-психологической мысли

С. Л. Франк — выдающийся русский философ и психолог, создатель оригинального направления — философской психологии, автор классических трудов, в которых глубоко и всесторонне проработаны методологические основы познания человека. Философскую психологию Франк определяет как *научное самопознание человека*, нацеленное на изучение идеального душевного мира, его отношения к различным сферам бытия. Одной из главных задач философской психологии, по мысли Франка, выступает определение места души «в общей системе сущего».

В учении Франка раскрывается тройственная природа человека: природная (биологическая), социальная, духовная — его сущностные характеристики, связь с Богом. Созданная им новая метафизика, по оценке И. И. Евлампиева, «обозначает высшую точку в развитии нашей национальной философской традиции,

и, по всей видимости, именно от достигнутого им начинается в XXI веке новый этап развития философской мысли России» (Евлампиев, 2008, с. 123).

Идеи Франка о поиске смысла жизни, понимании человеком своего жизненного предназначения, его духовного бытия и др. стали одним из оснований становления европейского экзистенциализма.

Развивая идею необходимости равновесия между интересами отдельного человека и общества, Франк отстаивает идеологию *социального компромисса*, которая сегодня чрезвычайно востребованна, может способствовать совершенствованию социально-политического устройства общества, преодолению кризиса в его духовной жизни.

Франк явился выразителем мировоззрения, выработанного философами русской эмиграции, которое утверждало необходимость опоры на реальность и отказа от надежд на утопическое преобразование земной жизни: «Мы должны искать мужества и веры в себе самих», — пишет Франк (1995, с. 18). Эта экзистенциальная позиция человека, ощутившего себя заброшенным в непостижимый разумом мир, получит раскрытие в концепции М. Хайдеггера.

Высланный за пределы России, Франк размышлял о судьбе своей страны. Он писал о необходимости *объединительного* начала в России будущего, не зависящего от религиозных, политических и национальных установок. Франк верил в созидательные силы и возможности русского народа, в историческую миссию России. Его творческая деятельность была всецело посвящена благу человека, России.

Основы философской концепции С. Л. Франка

Мировоззрение и философская позиция С. Л. Франка, по его собственному признанию, формировались в течение 40 лет, но его идея *бытия как сверхрационального всеединства* оставалась неизменной. Темы человека, духовности, культуры оставались ключевыми в его работах на протяжении всего творческого пути.

Свое учение Франк называл «метафизическим реализмом», в основе которого лежали такие ключевые понятия, как: «абсолют», «бытие», «всеединство», «реальность», «человек», «духовность», «смысл жизни».

По мнению С. Я. Ягубовой, мировоззрение Франка можно отнести к исторической форме реализма, признающей равнозначность материальной и духовной составляющих мира.

Согласно Франку, духовная жизнь человека, общество и история взаимосвязаны, имеют единую онтологическую основу. *Соборность* общества, управляемая христианским законом любви к ближнему, по его мысли, исключает бессмысленность истории (Зеньковский, 1991).

Исходной мировоззренческой позицией Франка выступает принцип всеединства. Метафизика единства пронизывает всю его философскую систему. «На свете нет ничего... что могло бы быть само по себе, без всякой связи с чем-либо иным. Бытие есть всеединство, в котором все частное есть и мыслимо только через свою связь с чем-либо другим», — пишет Франк. В единство бытия он включает Бога, который мыслится первоосновой, «Творцом» мира. Божественная основа бытия, согласно Франку, воздействуя на мир, ведет к его преображению: «бытие как целое творит самое себя» (цит. по: Зеньковский, 1991, с. 803).

Франк утверждает, что природа, человек и Бог являются неотъемлемыми составляющими мироздания. Всеединство, как высший идеал, включает внепространственное, сверхвременное, т. е. Абсолют, мировой дух, Бога. Человек — это самораскрывающаяся, трансцендирующая, творческая реальность, единая с жизнью Духа. Суть человека определяется внутренним единством субъективного и объективного, имманентного и трансцендентного. Духовное бытие выступает в его метафизике как сфера, актуализирующая процесс осмысления человеком собственной жизни, фактор, благодаря которому достигается целостность существа и бытия человека.

Концепция *всеединства* Франка, согласно В. В. Зеньковскому, вбирала в себя и творчески развивала идеи философии Плотина, Н. Кузанского, Вл. Соловьева. Но отличие Франка состояло в способе описания всеединства — не через исследование внешнего мира, а через раскрытие внутреннего опыта личности. В этом Франк близок к одному из ранних христианских философов — Аврелию Августину Блаженному (Зеньковский, 1991, с. 158).

Философия Франка отражает особенности мышления и характера русского народа — специфичные для русского самосознания стремление к реализму, дух коллективизма, который не находится в противоречии с идеей свободы личности и индивидуальности.

По словам самого Франка, он хотел создать универсальную философскую систему, которая бы объединила мир природы, мир человека и творческий дух. Он утверждал, что человек — это реализация материи, способной к порождению идей и активности духа во взаимоотношениях с материей. Солидаризуясь с идеями Ф. М. Достоевского, Франк доказывал, что смысл человеческого бытия абсолютен и проявляется в течение всей жизни человека.

Философско-психологическое учение С. Л. Франка о душе человека

В 1917 г. Франк публикует книгу «Душа человека» («Опыт введения в философскую психологию»), в которой представлены основные положения созданной им философской психологии. Франк анализирует проблему единства духовной жизни человека, которое имеет отношение к «Я», к «Мы» и к некоей таинственной инстанции — Непостижимому.

В центре его анализа — изменения, происходящие во внутреннем мире человека. Он вводит различия между психическим и духовным, доказывает, что связи психической жизни с миром осуществляются посредством познавательной деятельности и сверхличных интересов.

В рамках своей концепции Франк рассматривает человека на основе *целостного подхода*. Идея целостности духовной жизни, по мнению Б. В. Емельянова, Н. О. Лосского, И. В. Киреевского, является главным достоинством и основной характеристикой русской философии, включая и философскую концепцию Франка.

Как отмечает В. В. Зеньковский, основная идея Франка о душе состоит в признании того, что душа как глубинная сущность человека, неисследуемая и неразложимая, соединена со сверхиндивидуальным началом, абсолютной первоосновой душевной жизни.

Говоря о душе, Франк дает следующие ее определения: единство множества сменяющихся душевных состояний; «общая, родовая природа мира душевного бытия»; «качественно своеобразное целостное единство»; «то, что каждый человек зовет самим собой». Она объединяет в себе два начала — *бесформенную стихию* душевной жизни и формирующей, *организующий центр* — направляющую инстанцию, связанную со структурой «Я».

В главе «Душевная жизнь и сознание» Франк размышляет о том, правомерно ли противопоставление душевной жизни сознанию. Он полагает, что суть функционирования сознания заключается в «преобразовании безразличного единства душевной жизни в резко выраженную двойственность между центром некоего пучка душевных лучей и сферой, освещаемой ими» (Франк, 1917, с. 62).

Франк дифференцирует понятия «душевная жизнь», «душевные явления», «душа». Душевную жизнь он трактует как целостный мир, особую реальность, в которой существует несколько уровней. Основополагающий уровень связан с состояниями расслабления, полусна, забытья или, напротив, ярости, экстаза. Высшие уровни душевной жизни ответственны за оценки, целеполагания, желания «Я». Душевная жизнь ненаблюдаема, не имеет границ, вневременна; ее нельзя разделить на отдельные части. Она бесконечна, живет совершенно в другом измерении, нежели материальный мир, находится в постоянном движении, развитии.

Сознание, по мысли Франка, управляет душевной жизнью, качественно изменяет ее. Среди характеристик сознания наиболее важной является его определение как *ядра душевной жизни*.

Душевная жизнь выступает как потенция, некий исходный материал для реальности, которую душа может приобрести через приобщение себя к Духу. Франк подчеркивает, что душевная жизнь и сознание — это единство «сознающего» и «сознаваемого», хотя смешивать их нельзя. Это связь между процессами и действительностью личности с теми предметами, на которые они направлены. При этом к душевной жизни Франк относит только процессы. По его мнению, сознание — сложный, многозначный феномен, который надо отличать от знания, поскольку сознание шире знания, так как «охватывает безотчетные, неуясненные состояния самопроникнутости, или «бытия-для-себя».

Являясь сложно организованным явлением, сознание включает в себя три взаимосвязанных процесса.

Первый из них — *поток переживаний*, в котором переживаемое слито с самим процессом переживания.

Второй его составляющей выступает *предметное сознание*, отражающее отношения «Я» с предметами окружающего мира и направленное на различение их содержания. Благодаря предметному сознанию образуется ядро душевной жизни: когда мы сознательно относимся к предмету практически, «оцениваем его, любим или ненавидим, стремимся к нему или отталкиваемся от него, то... мы знаем, что это отношение есть связь между предметом и нашим „Я“ как средоточием или ядром нашей душевной жизни» (там же, с. 61).

К ядру душевной жизни Франк относит также *самосознание*, которое содержит направляющую энергию сознания. Самосознание фокусирует внимание на «Я» человека. Это центральная инстанция, благодаря которой осуществляется управление душевной жизнью. Предметное сознание и самосознание являются произ-

водными от душевной жизни явлений, отражающих взаимодействие душевной жизни с реальностью, находящейся за пределами души.

Самосознание связано с «абстрактной», «глобальной» формой всеединства. Предметное сознание выражает данное единство в конкретной, локальной форме — в форме сложной системы взаимосвязи между отдельными элементами бытия. Предметное сознание и самосознание существуют в человеке одновременно, образуя ядро душевной жизни, управляя и ограничивая стихию душевной жизни. Таким образом, душевную жизнь Франк трактует как первичную форму бытия — «чистую стихию душевной жизни»; а самосознание и предметное сознание — как ее вторичные, преобразованные формы.

В душевной жизни Франк выделяет три аспекта — интеллектуальные, эмоциональные, волевые феномены. Это традиционное, классическое в философии членение души уходит корнями в философию Платона, который, по мнению Франка, одним из первых выдвинул идею о трихотомии души, ее духовной, бестелесной природе и бессмертии.

Франк изображает душевную жизнь в виде конуса, в основании которого находится *эмоционально-чувственный уровень*. Этот уровень соответствует эмпирической инстанции индивидуального «Я», низшей, растительно-животной душе человека, прикрепленной к чувственному материалу, и зависит от человеческого тела. К сфере эмоционально-чувственных явлений душевной жизни относятся непосредственные оценки и стремления. Благодаря их функционированию душа, следуя инстинкту самосохранения, отталкивает нежелательное, тягостное и привлекает желательное, приятное.

Следующий слой (уровень) душевных явлений — *сверхчувственно-волевой* — связан с волей (мужеством, по Платону). Благодаря ему человек преодолевает в себе низменные, хаотические силы. Это сфера целестремительной, действенной силы, направленной на решение проблем выбора с помощью воли, определяемой Франком как направляющее единство, действие по линии наибольшего сопротивления. Говоря о воле, Франк отмечает ее сущностные характеристики — самоопределение и внутренняя борьба как показатель и условие действенности души. Он выделял *три уровня* волевого начала: первый — чувственно-эмоциональный, проявляющийся в сдерживании рыданий, преодолении чувства гнева, ужаса. Второй — сверхчувственно-волевой, выражающийся в стойком перенесении человеком боли ради излечения болезни, подавлении инстинкта самосохранения во имя важного дела. Воля дисциплинирует и упорядочивает жизнь человека, содействует его работе. Третий — идеально-разумный или духовный — пласт душевных явлений включает *переживания нравственного порядка*, самоопределение из сознания чувства долга. Это наивысшая, *сверхиндивидуальная инстанция* «Я», чья сила и энергия помогают самораскрытию человека, ведут его к цели, подвижничеству. Эта инстанция рождает переживания и действия высшего духовного начала, подчиняющегося требованиям нравственного Добра; она — источник смыслов человека.

Сама суть души человека является проявлением и воплощением творческой силы, духа, противостоящего бесформенной стихии и формирующего душевную жизнь. Это трансцендентная сила (Логос), присущая душе, — «действенный разум» (в трактовке Аристотеля). Именно этот уровень бытия души человека связывает ее со сверхиндивидуальной сферой абсолютного.

Таким образом, душа — единство и центр целестремительных, формообразующих, энергетических сил душевной явлений. Согласно Франку, душа — инстанция, которую можно обнаружить, но нельзя описать; это «живое, индивидуально-действенное, субъективное единство, формирующее знание, необходимое для задач практической жизни». Душа соприкасается с предметным миром, творя образ этого мира; и в то же время она сама — *образ Бога*, «чистый свет разума, преломленный индивидуальными силами души, самоосуществляющаяся, творчески формирующая сила абсолютной идеи» (Франк, 1997, с. 47). Душевная жизнь способна расширяться, возвышаясь над временем; она принадлежит к внутренней самораскрывающейся реальности, недоступной для внешнего наблюдения. Важной характеристикой душевной жизни являются ее неограниченность, бесконечность, неподвластность времени.

Вместе с тем, являясь частью мира, душевная жизнь связана с телесными ощущениями, локализованными во времени. Но любое переживание, отмечает Франк, — это лишь малая часть богатства духовного бытия, которое невозможно разделить на составные части. Все состояния души взаимосвязаны и неразложимы. Прошлый опыт и актуальный взаимосвязаны, а сама душевная жизнь — это «живое слитное становление», изменение, поток душевной жизни, который носит творческий характер. С точки зрения Франка, душевная жизнь — это «великая бездна, бесконечная вселенная», существующая в измерении, отличном от бытия остального мира.

Франк выделяет особую силу души — *внимание*, благодаря которому душевная жизнь приобщается к знанию. Внимание рождает представления, восприятие, сверхчувственное созерцание. Душа как индивидуально-действенное, субъективное единство формирует знание в субъективное целое, необходимое для решения практических задач.

Единство души обеспечивает *память*, которая является свидетельством сверхвременного единства сознания. Посредством памяти душа сливается с предметной стороной бытия, становится «образом мира» и одновременно образом Бога, чистым светом разума, преломленного и субъективно преобразованного индивидуальными силами души.

Характеристикой души выступает соотношение в ней родового, национального, общечеловеческого, вселенского. Душа народа, считает Франк, является формой проявления общности его душевной жизни.

Идея целостности человека позволяет Франку раскрыть интегральную природу человека, в котором биологическое начало, сочетаясь с социальным и психологическим, уходит корнями в глубину Абсолюта. Человек, согласно Франку, — «не ничтожная частица объективной действительности; он связан с верховным существом, источником силы, который преобразовывает окружающий мир, являясь властелином природы» (там же, с. 35).

В контексте идеи всеединства существование человека рассматривается Франком как одновременно и природное, и духовное. Человек, в понимании Франка, в глубине слит со сверхиндивидуальным началом, с абсолютной первоосновой душевной жизни. Он принадлежит одновременно двум мирам — реальному (природе и обществу) и трансцендентному (Абсолюту). С одной стороны, человек — природное существо: его душевная жизнь предопределена биологически, телесными

процессами, а также законами объективной реальности. С другой стороны, он, как реальность, «сущая и в себе самой открывающаяся», входит в состав другого мира — сверхинстанции. В этом состоит главное отличие человека от животного.

Франк подчеркивает, что сугубо натуралистические представления о человеке, сведение его сущности только к природному несостоятельны, поскольку не могут объяснить такие сферы жизни человека, как нравственность, творческую активность, познание. «Сущность человека, его внутренний мир не исчерпываются ни тем, что человек входит в состав природы... ни тем, что он лишь экран для проявления идеальных содержаний, которые даны в лице объектов логики, математики, эстетики, этики, религии. <...> В человеке есть еще и третья сторона, в силу которой он живое существо, конкретный носитель реальности, связанной с внутренней природой человека. Это его самосознание, его душевная жизнь, образующая всю тайну человека. <...> Поэтому человек является существом самопреодолевающим, преобразующим самого себя» (там же, с. 38).

Говоря о способах познания мира, Франк апеллирует к представленным в человеке трем инстанциям — *природной* (объективно наблюдаемому), *идеальной* и *самосознанию*. Благодаря самосознанию, по Франку, человек может идеально дистанцироваться от всего, в том числе от самого себя, и определять свое отношение к чему-то иному. Ему присуща способность войти в состояние *познающего и познаваемого* и исследовать самого себя, отстраненно проанализировать и оценить собственные действия и переживания.

Человек «внутренне сражен с бесконечностью духовного царства», и его жизнь — это борьба за сохранение постоянно нарушаемого равновесия «между двумя сферами бытия — фактической и идеальной, верховной», за «их нераздельное и неслиянное двуединство» (там же).

В отличие от западной философии, рассматривавшей человека как существо ущербное и обреченное на вымирание, у Франка человек в своей подлинной духовно-материальной сущности не ограничен в своем бытии, а представляет собой особый «срез мира». Ограниченный телом, пространством и временем, он, находясь в связи с Богом, обретает бесконечность.

Связь между человеческим и божественным началами, принадлежность человека к миру природному и миру трансцендентальному проявляется в творческой деятельности человека. «Творчество, — пишет мыслитель, — это активность, в которой собственное усилие... неразрывно слито с нарастанием в нем некоего дара свыше... Человек есть... свободный соучастник Божьего творчества» (там же, с. 52).

Человек, в понимании Франка, — это субъективное единство, микрокосм, самораскрывающаяся, трансцендентная, творческая реальность. Но, когда связь человека с Богом ослабевает, в нем проявляется стихийное, демоническое начало.

Сущность человека богочеловеческая, а объективное бытие является результатом творческой активности множества личностных начал, связанных с Богом и друг с другом.

Личность для Франка — не отдельный феномен, а частный личностный аспект всего мира, являющегося «совокупностью» творчески свободных, уникальных и неповторимых личностей. Свою уникальность человек проявляет «рядом с другим, рядом с Ты», под которым Франк понимает «Ты-абсолютное», Бога. «То, что делает человека человеком, начало человечности в человеке есть Богоче-

ловечность», — пишет мыслитель (там же, с. 37). Единство человека и Бога трансцендентно, это сверхрациональное единство. Встреча человека с Богом происходит во внутренних глубинах «Я», где «Я» невидимо и недоступно никому, кроме него самого и Бога.

Связь человека с Богом

Бог в философской системе Франка объединяет философские традиции запада (Бог — это «Ничто») и востока (где Бог постигается мистически). Бог — то, что неопределяемо, непознаваемо; о нем человек узнает только в момент встречи его «Я» с тем, что он определяет, как «Не-Я». Бог, по мысли философа, — *собеседник во внутреннем диалоге человека*, «истинная основа», «Родина», идея «Ты», святые «альфа и омега», благодаря чему существование человека рассматривается не как замкнутая точка, а как корень, через который проникают соки первоосновы (там же).

Франк полагает, что фундаментальная, первичная, неразрывная связь человека с Богом, признание общей, единой первореальности, в которой человек пребывает, поможет разрешить проблему конфликта между верой в Бога и верой в человека во взаимодействии между людьми и обществом.

Обобщая и развивая идеи христианского учения о родстве человека с Богом, Франк утверждает, что бытие «Я-с-Богом», является формой и сущностью человеческого бытия. Идея нетварности человеческой души, понимание Абсолюта как Всеединства, Бога как абсолютной личности характеризуют его мировоззренческую позицию.

Заключение

Целостная концепция человека Франка как самораскрывающейся реальности, непостижимой до конца, явилась обобщением всех наиболее значимых философских концепций человека первой половины XX столетия. Она создала предпосылки для развития новой парадигмы в исследовании личности в XX в. Франк высказал оптимистичную точку зрения на природу человека, подчеркнув важность врожденного потенциала конструктивного и позитивного роста личности.

Суть жизни и творчества самого С. Л. Франка, по словам С. Л. Рубинштейна, — это «уходящая вглубь, в бесконечность, способность находиться в процессе изменения, становления, пребывания в изменении», являющаяся свидетельством высоких достижений его собственного духа (Рубинштейн, 1973, с. 281).

Литература

- Евлатиев И. И.* История русской метафизики в XIX—XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта. Ч. II. СПб., 2000.
- Евлатиев И. И.* Новый подход к онтологии в книге С. Франка «Душа человека» // Философское наследие Франка и современность: Сборник научных статей. Саратов, 2008. С. 122—128.
- Завольская Г. Н.* Проблемы личности в философии С. Л. Франка: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1993.

- Зеньковский В. В.* История русской философии. В 2 т. Л., 1991.
- Зеньковский В. В.* Учение С. Л. Франка о человеке. Метафизика человеческого бытия. М., 1997.
- Зеньковский В. В.* Об образе Божиим в человеке // Вопросы философии. 2003. № 12. С. 147–161.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1973.
- Франк С. Л.* Душа человека: Опыт введения в философскую психологию. М., 1917.
- Франк С. Л.* Предмет знания об основах и пределах отвлеченного знания. Душа человека: Опыт введения в философскую психологию. СПб., 1995.
- Франк С. Л.* Реальность и человек. М., 1997.
- Ягубова С. Я.* Учение о человеке Франка в контексте современной философской антропологии: Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2010.

«Эмоциональная психология» Л. И. Петражицкого

С. А. Гильманов (Ханты-Мансийск)

Постановка проблемы

Лев Иосифович Петражицкий (1867–1931), российский и польский ученый, правовед, социолог, философ вошел в историю науки как создатель концепции политики права и психологической теории происхождения государства, автор проекта реструктурирования системы отраслей права с позиций их психологической трактовки. Идеи Л. И. Петражицкого об историческом процессе как психологическом развитии общества, о конфликте официального и неофициального («интуитивного», автономного) права, о необходимости адаптации действующего права к изменениям в психологических состояниях общества оказали серьезное влияние и на социологическую мысль. Между тем, хотя «психологизм» теоретических воззрений Петражицкого упоминается практически всеми исследователями в области теории права и социологии, предложенная им «эмоциональная психология» остается практически не исследованной.

Полагаем, что изучение творческого наследия Л. И. Петражицкого и его вклада в развитие психологии является актуальной задачей: представляют интерес как сам факт обращения специалиста из сопредельной, но не близкой к психологии отрасли знания к разработке сугубо психологической проблематики, его попытка создания собственной психологической концепции эмоций, так и выдвинутые им идеи, требующие осмысления с позиций современной психологической науки.

В предлагаемой статье ставятся задачи рассмотрения психологического учения Петражицкого об эмоциях как целостной психологической концепции (проекта «новой науки») с точки зрения ее содержания, способов обоснования основных положений, сравнения выдвинутых автором идей с существующими в тот период времени психологическими воззрениями и их научного значения.

В качестве источника использовалось третье издание книги «Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии» (Петражицкий, 1908), являющейся окончательным вариантом изложения психологических взглядов ученого, представленных им в первом издании (1905).

Характеристика Л. И. Петражицким состояния психологии

Первая глава второй, собственно психологической, части работы Петражицкого посвящена не изложению сущности его взглядов, а своеобразной «подготовке» обоснования им «эмоциональной психологии» — описанию «господствующей психологической доктрины». Причем автор следует здесь всецело той структуре психологического знания, которая, по его мнению, характеризует психологию как науку: в отдельных параграфах рассмотрены познание, чувства и воля, анализируются вопросы свободы воли и мотивов поведения. Основной способ описания современного Петражицкому психологического знания — определение основных понятий, характеризующих каждую «рубрику» психологии, и их критика.

Так, в познании Петражицкий выделяет ощущения, восприятия и представления, отказываясь включать в него мышление, так как, по его мнению, «следует его относить к сочетаниям познавательных и иных... переживаний» (Петражицкий, 1908, с. 126).

Описывая чувства, Петражицкий отмечает их дифференциацию на удовольствие и неудовольствие (указывая на то, что это деление распространяется на сочетания этих параметров с познавательными элементами — ощущениями и восприятиями), на высшие и низшие чувства. Анализируются аффекты, настроения, страсти. На этой основе делается вывод, что все относящиеся к чувствам классификационные «рубрики, понятия и соответствующие учения... страдают существенными пороками и должны быть отвергнуты» (там же, с. 121).

Критически оценивает Петражицкий и психологические учения о воле, полагая, что «нельзя смешивать волю с действием; и точно так же нельзя действия считать элементом воли» (там же, с. 143). Согласно его представлениям, трактовки воли в русле учений о «механической природе инстинктов», «разумности инстинктов» и «среднего мнения» основаны «на неправильном привнесении в волю разных посторонних элементов» (там же, с. 149).

Петражицкий критикует как само трехчленное деление психической жизни, так и тех, кто выходит за его пределы, например В. Вундта, за то, что тот «стремится устранить класс волевых явлений, как особый класс элементов психической жизни, и истолковать то, что называют волею, как сочетание познания и чувства» (там же, с. 176). Монисты, считает Петражицкий, сводят всю психическую жизнь к единому основанию — или интеллекту (И. Ф. Гербарт и его последователи, например, Г. Мюнстерберг, сводящий все к ощущениям), или воле (волюнтарист Н. О. Лосский, жертвующий, по Петражицкому, истиной ради конструирования того, что представляется верным с точки зрения направляющего волевого начала). Единственным несомненным прогрессом психологии Петражицкий считает то, что чувства (наслаждения и страдания) признаны своеобразной и основной категорией, в которой отражается элемент жизни, имеющий определенное место и функцию.

Одно из обобщающих суждений, подводящих к краеугольному основанию авторской концепции интуитивной психологии, Петражицкий приводит в завершающей части своего критического анализа современной ему психологии: «Вообще психическая жизнь имеет пассивно-активный характер (чему соответствует и двойственная, центростремительно-центробежная структура нервной системы), и всякая попытка свести эту жизнь к каким-либо чисто пассивным или противоположным элементам сама, так сказать, говорит о своей несостоятельности и безнадежности по природе вещей, представляет неминуемо покушение с явно негодными средствами» (там же, с. 178).

Петражицкий, следовательно, был знаком с основными направлениями психологических исследований в мировой и отечественной науке, однако их анализ проведен им с позиций «чистоты» формально-логических оснований только под одним углом — поиска признаков недостоверности деления психики на познание, чувства и волю.

Ядро концепции Петражицкого

Обоснование своей теории Петражицкий осуществляет, обращаясь к рассмотрению голода как чувствования. Отмечая, что психологи под голодом понимают различные явления — ненормальное физиологическое состояние, внутренние переживания, аппетит (как «ощущение голода», «голод-аппетит»), он высказывает по этому вопросу собственную точку зрения: голод — это и чувство (страдание), и импульс движения, мотив поведения: «Голод-аппетит есть не ощущение и не чувство, а явление особого рода, не подходящее вообще ни под одну из существующих психологических рубрик и представляющее, с одной стороны, своеобразное, отличное как от ощущений, так и от чувств претерпевание (пассивное, страдательное в общем смысле переживание, *pati*), с другой стороны, своеобразное понукание, позыв, *appetitus* (= стремление к...), могущее быть охарактеризованным как страдательно-моторное, пассивно-активное переживание или как моторное раздражение, импульсивное возбуждение» (там же, с. 184). При этом особо подчеркивается, что «пассивная сторона голода-аппетита, соответственное специфическое претерпевание, и активная, аппетитная его сторона, соответственный специфический позыв отнюдь не представляют двух самостоятельных и могущих быть переживаемыми отдельно друг от друга психических явлений, а именно две стороны одного неразрывного целого, единое психическое неделимое с двойственным активно-пассивным характером» (там же).

Активно-пассивный характер психических явлений Петражицкий иллюстрирует и на примерах других моторных раздражений, относящихся к питанию, — жажды, репульсивных позывов. Он утверждает, что «психологическая пружина, приводящая животный мир в движение добывания средств пропитания, состоит не в голоде, а в чем-то другом» (там же, с. 211), что здесь действуют «акции особого моторного возбуждения» (там же, с. 218). Петражицкий называет моторные побуждения, проявляющиеся и развивающиеся в психике человека в процессе жизни: это то, что становится «страстно любимым» (например, охота); то, в чем проявляются «наследственные склонности»; то, что является продуктом «сравнительно весьма кратковременных процессов культурного приспособления» (земледе-

лие, охота, пастушеские склонности, ухаживание за животными, катание верхом и т. п.) (там же, с. 220).

Именно это понятие внутренних переживаний, имеющих *«двойственную, активно-пассивную природу»*, Петражицкий предлагает положить в основу построения новой научной психологии, противопоставив его «известным и признанным в психологии элементам психической жизни как односторонним» — односторонне-пассивным (познание и чувства) или односторонне-активным (воля) (там же, с. 221–222). Для этого класса явлений психической жизни он предлагает «условное краткое имя» — «эмоции», или «импульсии». Он обосновывает обращение к этому термину: «Слово „эмоции“ является весьма подходящим по своему происхождению и этимологии, указывая на возбужденное состояние с моторным характером (*movere, motus*), и применяется в обыденном языке, беллетристике и т. д. новых народов преимущественно к таким переживаниям, которые относятся к интересующему нас классу (впрочем, обыкновенно лишь в тех случаях, когда такие переживания достигают большой степени интенсивности, имеют более или менее бурный характер; поэтому оно не применяется к таким моторным раздражениям, которые обыкновенно переживаются не в особенно бурной форме, напр., к голоду, жажде, пищевым результатам и т. п.)» (там же, с. 222–223). Эмоции, по Петражицкому, представляют собой «по своей двойственной, раздражительно-моторной природе коррелят двойственной центростремительно-центростремительной, анатомической структуры нервной системы и двойственной, раздражительно-моторной, физиологической функции этой системы, и прототип психической жизни вообще с ее двойственным пассивно-активным характером» (там же, с. 223).

Опираясь на указанные положения, взамен «традиционной классификации элементов психической жизни», в которой выделяются познание, чувство и воля, Петражицкий предлагает их деление на: «1) двусторонние пассивно-активные — эмоции (импульсии); 2) односторонние, распадающиеся, в свою очередь, на: а) односторонне-пассивные, познавательные и чувственные переживания и б) односторонне-активные, волевые переживания» (там же).

Эмоции, согласно Петражицкому, представляют собой генетическое основание психики: воля, чувства, интеллект — результат и продукт их эволюции. Велика роль эмоций и как автономного, нормативного, доминирующего фактора социального поведения. Поэтому именно психологическое изучение эмоций может составить основу и условие построения новой научной психологии.

Отдельный параграф в рассматриваемой работе посвящен диагностике и методам изучения эмоций и их «акций». Автор указывает на то, что, хотя эмоции управляют «нашим телом и нашей психикой» (в отличие от ощущений, восприятий и других познавательных процессов, которые только содействуют эмоциональному приспособлению и доставляют сигналы для усиления или ослабления эмоций), они в основном протекают незаметно для переживающих их субъектов и обнаруживаются только в моменты подъема «волн эмоциональной психики» или при их понижении, когда возникает «тягостное состояние скуки, апатии». Поэтому «путем изучения законов колебаний интенсивности эмоций, в частности, познания условий доведения их до высших степеней активности, можно достигнуть распоряжения такими техническими средствами, которые, подобно увеличительным стеклам, микроскопам и т. п. в других областях науки, давали бы нам

возможность открывать и наблюдать соответственные, при обыкновенных условиях недоступные нашему познанию, явления» (там же, с. 227).

Руководствуясь этими соображениями, Петражицкий предлагает способы диагностики эмоций.

Это, во-первых, «метод противодействия», обеспечивающий повышение интенсивности эмоций «путем препятствования их удовлетворению, несоблюдения их требований и велений и действий вопреки их запрещениям». Формы реализации этого метода могут быть различными: а) отрицательными, когда тормозится «будительно-вставательная эмоция» через продление лежания на кровати; б) положительными, состоящими, например, в предоставлении еды и питья, когда мы, следуя «голосу природы», не стали бы ни есть, ни пить и т. п.

Развивая мысль о препятствиях для реализации эмоций, Петражицкий на основе «дедуктивного предвидения», сделанного «с эволюционно-биологической точки зрения приспособления к типическим обстоятельствам», обосновывает действие определенного закона: «После первой не вполне или не окончательно удавшейся попытки должен появиться новый приступ эмоций, более сильный, чем прежний (ибо положение дела таково, что in abstracto, в среднем случае биологически рационально повышение силы эмоции и акции для окончательного одоления). То же должно происходить после второй попытки, а равно после третьей и т. д., т. е. должна получиться восходящая прогрессия интенсивности эмоции и акции с таким кульминационным пунктом подъема, какой вообще возможен и достижим» (там же, с. 232). Для применения соответствующих этому психологическому закону средств Петражицкий предлагает еще один «научно-экспериментальный прием» — «метод дразнения», в котором возбуждаются представления о предмете вождения или о процессе удовлетворения желания. Такой метод, по его мнению, поможет не только открыть прежде неизвестные и лучше познать уже известные эмоции, но и может служить средством отчетливого различения этих эмоций от других психических феноменов и предупредить соответственные смешения и недоразумения.

Важным для диагностики эмоций, по мнению Петражицкого, является то, что «вспомогательным средством при открытии в своей или чужой психике незримых эмоций с помощью зримых акций является знание тех факторов, которые способны вызывать данную эмоцию, и которые мы можем называть моторами... Создавая умышленно моторы известной эмоции, напр., показывая ребенку, животному, или иному объекту эксперимента то, вид чего, по нашим предварительно добытым (с помощью соответственных индукций) сведениям, способен возбудить интересующую нас эмоцию, и констатируя затем наличность того, что нам известно, как акция интересующих нас эмоциональных процессов, мы заключаем, что и в исследуемом случае, так сказать, посредине между зримым мотором и зримою акцией, была и действовала незримая эмоция» (там же, с. 239–240).

Основными методами исследования эмоций являются, по мнению автора, индукция и дедукция, последовательное применение которых поможет обеспечить нахождение и доказательство существования эмоций там, где неприменим интроспективный метод. Все методы исследования должны быть, по мнению Петражицкого, разделены на методы объективного и субъективного анализа. В целом же диагностика разных конкретных видов эмоциональных переживаний

должна доставлять «материал для построения более общих законов действия эмоций, касающихся более или менее обширных классов эмоций, или всех эмоций вообще, высшего класса эмоциональной психологии» (там же, с. 239).

Представляют интерес представления Петражицкого о генезисе и природе комбинаций симптомов известной эмоции с непонятными с точки зрения этой эмоции осложнениями: «В основе многих таких комбинаций лежат единые эмоции, исторически происшедшие от других эмоций, причем их акция состоит из двоякого рода элементов, во-первых, приуроченных к настоящей биологической функции этих эмоций, во-вторых, из старых, сохранившихся по наследству, хотя и не имеющих биологического смысла в новом сочетании элементов, т. е. элементов эмоции-родоначальницы... В таких случаях требуется не сложный, а исторический диагноз. Т. е. объяснение странного и непонятного с первого взгляда сочетания должно состоять в констатировании наличия одной эмоции с разложением ее акции на „рациональные“ элементы и иррациональные исторические пережитки и в указании той эмоции, от акции которой сохранились эти пережитки» (там же, с. 243–244).

Петражицкий полон оптимизма относительно будущего новой проектируемой им науки: «В будущем следует ожидать не только обильного и ценного общего и специального учения об акциях моторных раздражений вообще и разных специальных видов эмоций в частности, но также и общего и специального учений о законах сочетания акций конкурирующих и противоположных эмоций вообще и разных специальных эмоций в частности; и тогда будет создана почва для производства интересных и элегантных сложных диагнозов уже с помощью дедуктивных выводов из соответственных общих положений (как больших посылок) в связи с конкретными, подлежащими психологическому диагнозу данными (как меньшими посылками)» (там же, с. 242).

Таким образом, «эмоциональная психология» Петражицкого обладает всеми признаками научной теории: в ней выделена основная идея, которая лежит в основе классификации психологических явлений и структурирует все имеющееся знание, обоснованы ключевые понятия, предложены теоретические и эмпирические методы исследований, намечены перспективы развития.

Обсуждение теории Л. И. Петражицкого

Следует отметить, что психологические главы работы несут на себе черты некоторой эклектичности, связанной с попыткой автора учесть в своей концепции все распространенные в то время взгляды. Так, изложение психофизиологических коррелятов поведения человека и употребляемая терминология свидетельствуют о знакомстве Петражицкого с трудами И. М. Сеченова, который указывал на физиологическую природу всех нервно-психических проявлений, включая сознание и волю, и подходил к организму как к целому. По структурному построению изложения идей можно видеть и значительное влияние на Петражицкого трудов философа М. И. Владиславлева, считавшего, что «окончательная форма, к которой стремится каждая наука, есть дедуктивная система» (Владиславлев, 1872, с. 361), и предполагавшего, что «настанет когда-нибудь время, когда даже такие науки, как физиология и психология, станут науками дедуктивными. Их идеал

тот же» (там же). Просматривается влияние на взгляды Петражицкого позитивистской методологии, что проявляется в убежденности в возможности объяснения всего поведения человека, в обосновании необходимости эмпирического исследования физиологических проявлений эмоций (хотя сам автор не приводит экспериментальных доказательств, а обращается к произвольно выбранным примерам — голод, жажда, репультсия и др.).

Рассматривает Петражицкий и работы современных ему психологов: И. Ф. Гербарта, Г. Гефдинга, В. Джемса, К. Г. Ланге, Ф. Йодля, Г. Мюнстенберга, В. Вундта, Т. Рибо и др. Нельзя не заметить, например, знакомства с теорией эмоций В. Вундта, выделявшего в переживаниях три парных состояния (удовольствие/неудовольствие, возбуждение/упокоение, напряжение/разрядка) (Вундт, 1896). Однако Петражицкий, увлеченный логическим обоснованием своих взглядов, даже не пытается анализировать содержание или сопоставлять мнения психологов, а обращается к их трудам только для иллюстрации своих мыслей и критики того, что им не соответствует. Психология представляется Петражицкому как наука, все содержание которой сводится к раздельному изучению познания, чувства и воли. Конечно, в известную схему трихотомии души, критически оцениваемую Петражицким, можно уложить взгляды некоторых известных ему психологов.

Так, В. Иерузалем выделяет в психологии такие разделы, как психология познания, психология чувствования, психология хотения (воля) (Иерузалем, 1907). Этой схемы придерживается Г. Гефдинг, хотя он начинает свои «Очерки психологии» с обращения к проблемам души и тела, сознательного и бессознательного и только потом рассматривает познание, чувства и волю (Гефдинг, 1902). На ту же классификацию психических явлений опирается Э. Б. Титченер (1914). Но уже В. Джемс определяет в качестве главной задачи психологии изучение «состояния сознания в соотношении с их вероятными нервными условиями» и выделяет в психологии ощущения, центральную мозговую или умственную деятельность (привычки, поток сознания, личность, внимание, понятия, различение, ассоциации, чувство времени, память, воображение, восприятие, рассуждение) и стремление к действию (сознание как двигатель, эмоции, инстинкт, воля) (Джемс, 1902, с. 2). Ш. Рише выделяет три предмета психологии — «разум, инстинкт, рефлекс», утверждая, что «между этими тремя формами психической деятельности не существует ни преграды, ни расщелины, ни пропасти» (Рише, 1895, с. 4–5).

Рассматривая динамику чувствований, их нарастание и ослабление, Петражицкий также не обращается к психологическим работам. Между тем, например, В. Джемс считает, что «в каком бы месте центральной нервной системы ни возбудился процесс, он всегда тем или другим путем действует на весь организм, заставляя его деятельность или усиливаться, или ослабляться» (Джемс, 1902, с. 294). Вундт утверждает, что физические проявления аффектов усиливают сам аффект. Согласно Титченеру, психическое явление может заключать в себе возбудители двух и большего числа душевных движений, и «соединение этих возбудителей может проявиться в возникающих в этом случае чувствах» (Титченер 1914, с. 175); в сложных душевных движениях «рядом со смещением могут иметь место также задержка и подавление, колебания и чередование» (там же, с. 176).

Именно невниманием к накопленным в психологии данным во многом объясняется дилетантский подход Петражицкого к рассмотрению процессов ослаб-

ления и возрастания эмоций, так же как к описанию предлагаемого им методического инструментария (метода «противодействия» и метода «дражнения»).

Недостаточность анализа Петражицким современных ему психологических теорий проявилась и в его трактовке эмоционального состояния голода. Осознавая спорность обращения к голоду как к эмоциональному явлению, Петражицкий, посвящает отдельный параграф обоснованию своего подхода, при этом практически игнорируя мнения психологов. Между тем переживания голода, например, рассматривает Рибо, называя его «элементарной потребностью, грубым и резким инстинктом» и указывая, что «рационализированный, т. е. подчиненный контролю опыта и размышления голод утоляется в определенные часы, требует выбора и приготовления пищи, подчиняется даже известному режиму, следующему правилам гигиены, изменяющемуся в зависимости от отдельных индивидуумов и от царящей моды: он принимает кульгурный вид. Вот простой пример инстинкта, измененного под влиянием посторонних воздействий» (Рибо, 1906, с. 140). Петражицкий не замечает, что противоречит теории Джемса, когда пишет, что «эмоции управляют физической жизнью, телодвижениями и бесчисленными иными физиологическими процессами, а равно и психической жизнью одушевленных существ» (Петражицкий, 1908, с. 265).

Чрезвычайно трудно выделить среди современных Петражицкому психологов тех, которые вошли бы в его, по выражению М. Г. Ярошевского, «оппонентный круг», так как его критика психологии была тотальной; он оппонировал всей психологии и всем ее представителям. Даже когда Петражицкий почти сочувственно упоминает имена В. Джемса, К. Ланге в связи с тем, что они ставят под сомнение «господствующее учение» (например, Джемс, по его мнению, не смешивает аффекты и психологические процессы, как это делает Рибо), он не присоединяется к их воззрениям.

В итоге Петражицкий не находит нового основания разработки проблемы эмоций. Физиологические и психологические составляющие эмоциональных процессов рассматриваются им с позиций принципа параллелизма; импульсия остается реакцией, а не самостоятельно рожденным из активности человека позывом.

Заметны и логические недоработки Петражицкого. Например, он, вопреки собственным установкам на индукцию и дедукцию, не доводит отдельные примеры о голоде, охоте и пр. до уровня обобщения. Его основная идея психологии эмоций несет в себе внутреннее логическое противоречие: эмоции у Петражицкого остаются неопределенным понятием, поскольку нечетко обоснованы критерии их пассивности и активности, неясно, где и как проявляется их отделенность друг от друга и каков психологический механизм их интегрированности в единое психологическое образование и т. д. Это, в свою очередь, не позволяет эмпирически обнаруживать проявления их обособленности от познавательных и волевых процессов.

В русле концепции Петражицкого невозможно предложить и сколь-нибудь обоснованной классификации эмоций. Все упоминаемые Петражицким виды эмоций опираются на обыденные представления и констатацию феноменов, наблюдаемых в ежедневной жизни: голод, любопытство, охота, половые, злостные, нравственные, правовые эмоции, эмоции суждений и умозаключений («эмоции последовательности»). В этом свете все способы диагностики, предлагаемые Пет-

ражицким, стали бы при их применении бессистемным и бесконечным накоплением эмпирических фактов, а не почвой для постановки диагнозов с помощью дедуктивных выводов.

Кажется, что именно к Петражицкому обращены слова А. И. Введенского, ученика М. И. Владиславлева: «Нельзя брать и просто прибавлять друг к другу отдельно выхваченную главу и соответственную главу из любого другого. Путем такого механического присоединения друг к другу положений, заимствованных из разных книг, может получиться иногда даже явная нелепость» (Введенский, 1914, с. 84).

Тем не менее ряд идей ученого представляются важными и не раскрытыми в полной мере в современных исследованиях эмоций. Это касается, в первую очередь, психофизиологических наследственных и культурных факторов в проявлениях эмоций. Именно Петражицкий отметил социальное происхождение «моторов» эмоций, преодолев обезличенный подход к трактовке их стимулов. На периферии исследований современной психологии остаются и проблемы усиления или ослабления эмоционального состояния, рассмотрения объектов, вызывающих переживания, эффектов включения эмоций в социальные отношения. Интересно в этой связи отметить социально обусловленную типологию эмоций, предлагаемую практически неизвестным (умершим молодым) современником Петражицкого, В. В. Фаусеком. Приводя примеры эмоций, вызываемых искусством, он указывает на то, что «по мере расщепления и дифференциации человечества возникают и новые эмоциональные переживания, свойственные только данной расе, нации, классу или сословию» (Фаусек, 1911, с. 350), перечисляя их в следующем порядке: эмоции борьбы, половые, труда, отношений человека к природе, путешествий, рыбной ловли и охоты, взаимодействия с животными, отношения к другим людям, «вселенской христианской любви», социального протеста.

Стремление к целостному исследованию переживаний нашло реализацию в отечественной психологии XX–XXI столетий. Л. С. Выготский называет переживание «действительной динамической единицей сознания». Ф. Е. Василюк рассматривает целостное переживание не как непосредственную, чаще всего эмоциональную форму «данности субъекту содержания его сознания, а как внутреннюю деятельность, внутреннюю работу» (Василюк, 1984).

Сохраняет актуальность и разработка проблем собственно психологии эмоций, в решение которых внес определенный вклад Петражицкий.

К числу оригинальных концепций в этой области относится когнитивно-физиологическая концепция С. Шехтера, согласно которой, протекание эмоциональных процессов обусловлено воздействием не только физических и физиологических, но и психологических факторов, включающих весь опыт человека, оценку ситуации с точки зрения возможности удовлетворения потребностей. Предложенные Петражицким методы «усиления» и «дразнения» хотя и отдаленно, но существенно связаны с описанным Д. Канеманом и А. Тверски эффектом «ловушки игрока» — когда проигрывающему в азартной игре человеку после каждого проигрыша начинает казаться, что вероятность выигрыша нарастает. Одна из современных теорий эмоций Э. Т. Роллса строится на понимании эмоций как состояний, определяемых инструментально подкрепляющими стимулами, «которые

при их возникновении, прекращении или отсутствии создают возможность появления отзыва и изменения вероятности будущего распространения этого отзыва» (Rolls, 1998). Эти положения перекликаются с описанием процесса возбуждения эмоций у Петражицкого.

Заключение

Таким образом, «Эмоциональная психология» Петражицкого представляет собой оригинальную попытку создания целостной психологической теории, построенной на понимании эмоций как пассивно-активных переживаний, руководящих поведением человека. Представляют интерес и созвучны современным представлениям выдвинутые автором идеи о психофизиологической природе эмоций, рассмотрении их как динамического процесса, попытки классификации эмоций, установка автора на разработку специального инструментария их исследования.

Однако спорность и ошибочность ряда положений концепции эмоций Петражицкого коренится в отрыве их от познавательных процессов, отсутствии их рассмотрения как структурного компонента личности, непосредственно включенного в ее жизнедеятельность. Тем самым, по сути, оказался разрушенным положенный в основание исследования в качестве исходного и базового принцип целостного рассмотрения данного феномена.

Литература

- Введенский А. И.* Психология без всякой метафизики. СПб., 1914.
- Владиславлев М. И.* Логика. Обзорение индуктивных и дедуктивных приемов мышления и исторические очерки: логики Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной. СПб., 1872.
- Вундт В.* Очерк психологии. СПб., 1896.
- Гейдинг Г.* Очерки психологии, основанной на опыте. СПб., 1898.
- Джемс В.* Научные основы психологии. СПб., 1902.
- Иерусалем В.* Руководство психологии. СПб., 1907.
- Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1908.
- Рибо Т.* Логика чувств. СПб., 1906.
- Рише Ш.* Опыт общей психологии. СПб., 1895.
- Титченер Э. Б.* Учебник психологии: Университетский курс. Часть II. М., 1914.
- Фаусек В. В.* Искусство и игра // Вопросы философии и психологии. 1911. Кн. III. С. 30–368.
- Rolls E. T.* A theory of emotion and its brain mechanisms // A century of psychology. Progress, paradigms and prospects for the new millennium / Eds R. Fuller, P. Noonan, P. McGinley. L.—N. Y., 1997. P. 296–318.

Вклад А. Р. Лурии в развитие психотерапии

Н. В. Гребенникова (Москва)

Введение

На протяжении своей длительной (более чем 50-летней) научной деятельности А. Р. Лурия работал в различных областях психологической науки. Описывая биографию знаменитого ученого, его ближайшая ученица Е. Д. Хомская отмечает, что, хотя во всем мире А. Р. Лурия признается как создатель нейропсихологии, «он сделал важный вклад и в другие отрасли психологической науки: в общую, историческую, детскую психологию, дефектологию, психофизиологию» (Хомская, 1992, с. 141). К этому перечню психологических дисциплин с полным основанием можно было бы добавить и психотерапию. И хотя А. Р. Лурия не может считаться создателем какого-либо психотерапевтического направления (как, например, З. Фрейд или К. Роджерс), у него практически нет публикаций, непосредственно касающихся проблем психотерапии в том смысле, как ее принято понимать в настоящее время, тем не менее интерес к определенным направлениям психотерапии у ученого был.

А. Р. Лурия и психоанализ

Уже в своей первой юношеской работе «Принципы реальной психологии», написанной в 1922 г., указывая на практическое значение психологии, особенно в области медицины, Лурия отмечал: «Психиатр, прежде всего, должен познать живого человека и его психику так, как она проявляется в действительности; он должен вжиться в нее, чтобы понять причины и условия ее болезни и пытаться воздействовать на нее» (Лурия, 2003б, с. 377). Здесь же он отмечал, что главная психотерапевтическая задача — чисто психологическая, состоящая в удалении и отреагировании вытесненного представления или рациональном перевоспитании.

Из автобиографии А. Р. Лурии известно, что еще в студенческие годы, будучи чрезвычайно неудовлетворенным состоянием современной ему академической психологической науки, в поисках живых источников психологии он обращается к работам З. Фрейда, которыми он заинтересовался, потому что «он-то имел дело с конкретной, содержательной личностью» (Лурия, 2003д, с. 261). Лурия настолько увлекся работами Фрейда, что организовал в Казани в 1920 г. психоаналитический кружок. И хотя многие идеи Фрейда показались ему «умозрительными и довольно фантастическими», но изучение эмоциональных конфликтов и комплексов методом ассоциаций представлялось многообещающим. В психоанализе Лурия увидел сочетание строго детерминистического объяснения конкретного индивидуального поведения с объяснением происхождения сложных человеческих потребностей с точки зрения естествознания. Ему казалось, что «психоанализ сможет послужить основой научной, реальной психологии, которая поможет преодолеть различия между номотетическими и идиографическими подходами» (Лурия, 1982, с. 11). На ранних этапах работы кружка его участники занима-

лись обследованием пациентов Казанской психиатрической клиники. Несмотря на то, что, по словам А. Р. Лурия, опыт использования психоанализа в психиатрической клинике ни к чему серьезному не привел, изучение концепции Фрейда, безусловно, сыграло очень большую роль в формировании его общепсихологических воззрений.

Одной из первых публикаций по психоанализу стала его небольшая книга «Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии», написанная и изданная в 1923 г. в Казани. В этой работе психоанализ рассматривается как определенный путь выхода из кризиса в, котором, по мнению автора, оказалась экспериментальная психология. Характеризуя ее состояние, Лурия пишет: «Исследуя лишь отдельные „элементы“ душевной жизни, она мало занималась их функциональным единством в реальной человеческой личности; она почти не изучала ее поступков, поведения, сложных переживаний и [их — Н. Г.] динамики; именно благодаря этому она оказалась не в силах отвечать назревшим за последние годы потребностям прикладных дисциплин — психотехники, психотерапии и всецело основанной на изучении поведения педагогики» (Лурия, 2003в, с. 12).

Значение психоанализа А. Р. Лурия понимал гораздо шире, чем просто некоторое специальное направление в неврологии и психиатрии, выступающее в качестве метода диагностики и лечения психических заболеваний, рассматривая его как учение о душевной жизни личности, глубоких (бессознательных) мотивах ее поведения, переживаний и творчества.

К психоаналитическим проблемам он обращался и позже, когда переехал в Москву и стал ученым секретарем Русского психоаналитического общества. Многие доклады, сделанные Лурией еще на заседании психоаналитического кружка, организованного им в Казани, послужили материалом для ряда его последующих публикаций (Лурия, 1925; 2003а; 2003в).

А. Р. Лурия переписывался с З. Фрейдом. В его архиве сохранились два письма, написанных ему Фрейдом. О своем увлечении психоанализом Лурия очень интересно рассказывает в своей автобиографии. Как известно, к началу 1930-х годов психоанализ в СССР фактически перестал существовать. Русское психоаналитическое общество было ликвидировано. Тем не менее, как пишет Ж. М. Глозман в предисловии к сборнику научных трудов А. Р. Лурии, он остался верен своим выработанным еще в юные годы научным приоритетам и принципам. На это указывает тот факт, что в 1940 г. он отважился стать автором статьи «Психоанализ» в Большой советской энциклопедии.

«Объективный» психоанализ А. Р. Лурии

Аналізу значения психоаналитических идей в творческой биографии А. Р. Лурии посвящена работа С. А. Богданчикова, в которой он выделяет несколько этапов эволюции взглядов ученого на психоанализ (Богданчиков, 2002). В первый период (первая половина 1920-х годов), по мнению автора, А. Р. Лурия оценивает психоанализ как новое, современное направление, которое позволяет преодолеть кризис в психологии. В работах этого периода высокие оценки психоанализа сочетаются с принципиальной, но в целом компетентной и взвешенной критикой. Второй период (вторая половина 1920-х—1930-е годы) характеризуется его резкой

критикой психоанализа с общепсихологических и марксистских позиций. Однако в содержательном плане, отмечает Богданчиков, ключевые психоаналитические принципы и проблемы, такие как целостный подход, изучение мотивационной и эмоциональной сфер личности, соотношение внешнего и внутреннего, биологического и социального, сознательного и бессознательного в личности и др., по-прежнему остаются для Лурии главными. Действительно, именно в этот период у него рождается идея создания «объективного», или «экспериментального», психоанализа. Он задался вопросом, можно ли сделать так, чтобы аффективные переживания и «скрытые комплексы» выражались в некоторых вполне объективных показателях, например, в реакциях? Под «скрытыми комплексами» А. Р. Лурия понимал то явление, которое интересовало З. Фрейда и психоаналитическую школу в целом, — эмоциональный опыт, влияющий на поведение человека вне сознания.

В одной из своих первых работ, посвященных изучению «комплексных реакций», он писал, что «единственная возможность изучить механику внутренних „скрытых“ процессов сводится к тому, чтобы соединить эти скрытые процессы с каким-нибудь одновременно протекающим рядом доступных для непосредственного наблюдения процессов поведения, в которых внутренние закономерности и соотношения находили бы себе отражение» (Лурия, 2003е, с. 52). Путь к такому экспериментальному, объективному психоанализу дала созданная А. Р. Лурией методика, которая вошла в литературу под названием «сопряженная моторная методика».

Суть данной методики заключалась в следующем. Испытуемого сажали за пульт. Обе его руки располагались на регистрирующем приборе, но одной рукой он работал, а другой — нет. Задание состояло в том, чтобы нажимать пальцем на прибор, одновременно придумывая любую, произвольную ассоциацию на каждое слово, которое ему называл экспериментатор. При этом записывался латентный период — время, в течение которого испытуемый искал соответствующую словесную реакцию, и характер двигательной реакции — степень нажима, его интенсивность, форма и т. д. В этих экспериментах было показано, что выработка словесной реакции является сложнейшим нейродинамическим процессом, который затрагивает все виды деятельности. Оказалось, что если слово, на которое должен был реагировать испытуемый, нейтральное, не вызывает у него никаких эмоций, то латентный период был мал и реакция (нажим) ровная. Но если называлось слово, окрашенное для испытуемого определенным образом, относящееся к вытесненным комплексам, то обнаруживалась задержка словесной инструкции, и движение становилось неупорядоченным, т. е. имел место распад этих реакций. Также Лурия и его сотрудники использовали фрейдовскую методику свободных ассоциаций, когда испытуемому предлагалось называть любые ассоциации, которые приходили ему в голову, но добавлялось то, что при этом каждый раз он должен был нажимать на прибор.

В ходе этих исследований удалось не только объективно уловить аффективные комплексы, но и проследить их динамику. Проводя самые различные эмпирические исследования с использованием сопряженной моторной методики, ученый, по существу, пытался построить общую теорию поведения, преодолеть оторванность современной ему психологии от личностных составляющих, инди-

видуальной жизненной ценности изучаемых феноменов психики. При этом поведение изучалось им очень широко, включая как его достаточно длительные нарушения (неврозы), так и временные концентрированные нарушения (аффекты).

Объясняя выбор ассоциативного процесса в качестве основного метода изучения закономерностей поведения человека, А. Р. Лурия отмечал, что у каждого испытуемого он оказывается связан со следами резких аффективных переживаний, и когда в ходе эксперимента мы сталкиваемся с такими «естественными» комплексами, мы естественным путем получаем нужные нам нарушения центрального процесса. Отвечая на критику данного подхода, связанную с тем, что в данной ситуации ни экспериментатор, ни сам испытуемый не может точно определить, какие группы содержаний следует считать аффективными и где лежат границы между ними, ученый прибегал к изучению случаев, где аффект известен заранее. Тогда достаточно было проследить отраженные симптомы реакций на те раздражители, которые имеют отношение к аффективной ситуации, чтобы получить представление о характерных для нарушенного поведения изменениях.

Экспериментальное исследование психологических и психофизиологических механизмов аффективных комплексов (внутриличностных конфликтов)

Программа по экспериментальному исследованию аффективных состояний, разработанная А. Р. Лурией, включала три основных раздела: разработка метода объективизации следов аффектов и аффективных комплексов; создание искусственных аффектов; изучение регуляции (и саморегуляции) аффективных состояний.

Для решения поставленной задачи использовались следующие случаи, когда аффективная ситуация, оставившая резкие следы на психике испытуемого, была известна:

- а) естественные аффекты: массовый аффект, концентрированный у многих лиц на определенной ситуации (экзамен, предоперационное состояние, массовые шоки);
- б) естественные аффекты после шока (состояние преступника после совершения преступления);
- в) искусственные аффекты (внушение в гипнотическом состоянии, аффективные комплексы);
- г) искусственные конфликты, производимые в лабораторной обстановке путем тех или иных методов сталкивания отдельных тенденций.

Усовершенствовав свою методику «сопряженных моторных реакций», Лурия проводил опыты с искусственными (при нормальном состоянии сознания) и внушенными (при гипнозе) конфликтами. В первом случае испытуемому говорилось, что он не должен, например, произносить слово «красный», а затем ему надо было назвать цвет предмета (например, помидора); во втором – специалист-гипнозер усыплял испытуемого и внушал ему какое-либо аффективное переживание (например, кражу денег у знакомого человека), а после пробуждения ему в ассоциативном эксперименте предлагались слова, относящиеся к этому аффективно-му комплексу. Результаты, полученные А. Р. Лурией и его сотрудниками с помо-

шью сопряженной моторной методики, опубликованы им в ряде статей (Лурия, 2003е, г, ж), а также в недавно изданной в России монографии «Природа человеческих конфликтов».

Уже первые результаты применения сопряженной моторной методики на людях, совершивших преступление, и студентах в ситуации экзамена показали, что сильные эмоции препятствуют образованию стабильных автоматических двигательных и словесных ответов, в то время как у испытуемых контрольной группы стабильные ответы появлялись после небольшого числа проб. Согласно представлениям Лурии, испытуемые, находящиеся под влиянием сильных эмоций, как бы приспособляются каждый раз к новой ситуации; у них не создается единая функциональная система, включающая как двигательные, так и речевые компоненты, причем их речевые компоненты часто запаздывают.

В наибольшей степени для теории и практики психотерапии, на наш взгляд, интересны экспериментальные исследования «искусственных» аффектов (конфликтов) и их регуляции. Для разработки модели искусственного создания аффективных комплексов А. Р. Лурия обратился к технике гипноза. Испытуемому, находящемуся в достаточно глубоком гипнотическом состоянии, внушалась определенная ситуация, чаще всего неприятная, в которой он играл резко неприемлемую для его обычных установок, противоречащую его обычному поведению роль. Поскольку испытуемого в состоянии гипноза заставляли переживать внушенную ситуацию достаточно болезненно, то таким образом создавалась модель актуального и довольно резко выраженного, острого аффекта. После того как внушение было сделано, испытуемому внушалась амнезия, затем он выводился из гипнотического состояния. Изучение речевых и двигательных реакций, проводимое с испытуемым в нормальном состоянии, после искусственного введения аффективного комплекса и в период «вывода» аффективного комплекса из психики, давало возможность максимально подробно проследить всю динамику аффективных процессов.

Такая неосознанность аффективных следов вызвала совершенно специфический характер наблюдаемых симптомов, который проявлялся в том, что ассоциативные следы носили здесь строго концентрированный характер и проявлялись лишь в ответ на предъявляемые испытуемому критические раздражители. Острота опыта заключалась в том, что сам испытуемый о своем переживании ничего не знал и не помнил, однако оно все равно проявлялось очень ярко. Каждый раз появление следов комплекса в речевой сфере сопровождалось резкой моторной дезорганизацией. Сначала эта дезорганизация является отражением того конфликта, который связан с появлением комплексных звеньев в ассоциативном ряду. С одной стороны, всегда наблюдалась своеобразная навязчивость, «давление комплекса», с другой — столь же неизменные попытки затормозить выявляемый комплекс, оттеснить его. Конфликтный характер этого процесса А. Р. Лурия видит в том, что в экспериментах с внушенными аффективными комплексами переход к новой, замещающей цепи ассоциаций всегда сопровождался значительной задержкой, а по своей структуре характеризовался примитивностью соединительного звена (повторение какого-либо прежнего звена или аллитерация). Далее барьер, отделявший аффективный комплекс от сознания, наконец ломается, и аффект проявляется в остром открытом виде, сопровождаясь резкой «двига-

тельной бурей». Лурия делает вывод о том, что «отрезанный от сознания аффект тем самым оказывается отрезанным от моторной сферы и проявляется лишь тогда, когда какой-нибудь соответствующий стимул окажется в состоянии актуализировать его» (Лурия, 2002, с. 183). Полученные результаты, несомненно, являлись подтверждением некоторых положений психоанализа, с одной стороны, и попыткой вскрыть психофизиологический механизм этого явления — с другой. В частности, Лурия отмечает, обсуждая опыты по созданию искусственных аффектов, что «та амнезия, которую мы искусственно вызывали в нашем случае, изолируя травматическое представление от сознания, собственно вызывает процесс, вполне аналогичный процессу *вытеснения*. Авторами, давшими описание этого последнего (начиная с З. Фрейда), неоднократно указывалось, что актуальная сторона изоляции от сознания должна быть оценена как *изоляция от моторики*; эта изоляция должна иметь то значение, что, теряя непосредственную связь с моторикой, травматическая или конфликтная группа аффективных следов перестает иметь возможность влиять на поведение разрушающим образом» (там же, с. 190). Т. е. «изоляция от сознания и вместе с тем изоляция от моторной сферы оказывает механизм, спасающим личность от того перевозбуждения и той дезорганизации, с которой связано всякое открытое проявление аффекта. В этом смысле создание известного функционального барьера между аффективным очагом и моторикой играет решающую роль в сохранении для личности возможности нормально действовать, не дезорганизуя своего поведения теми аффективными следами, которые в достаточном количестве существуют в ее прошлом» (там же, с. 201).

Существенным для психотерапии вопросом, который рассматривает в своей работе А. Р. Лурия, является проблема *отреагирования*. Проследивая динамику внутренних аффективных комплексов через изучение речевых и двигательных реакций, Лурия рассматривает этот процесс одновременно и как модель аффективного припадка, и как процесс *отреагирования* аффективного комплекса. По мнению ученого, оба эти процесса стоят психологически чрезвычайно близко и обнаруживают, по существу, одну и ту же структуру. Лурия связывает *отреагирование* с прорывом того барьера, который отделяет аффект от моторной сферы, а также с соответствующим переключением иннервации на моторику. Действительно, в его опытах после осознания основного комплекса испытываемые оказывались в состоянии перейти к значительно более стойкой цепи нейтральных ассоциаций, чем это было до того. Именно в этом А. Р. Лурия видит экспериментальное доказательство связи между осознанием и *отреагированием* вытесненных комплексов, лежащих в основе психоаналитической психотерапии.

Еще одна проблема, обсуждаемая в работах А. Р. Лурии тех лет и имеющая отношение к психотерапии, — вопрос о том, *как образуется аффективный комплекс и каковы его психофизиологические корреляты*. В своих многочисленных экспериментах по изучению внутренних аффективных комплексов, проводимых с помощью сопряженной моторной методики, ему удалось получить чрезвычайно интересные и важные данные, которые позволили дифференцировать аффективный комплекс и травму. В тех случаях, когда испытываемые отказывались принять внушение неприемлемой для их установок ситуации, т. е. не принимали ее как действительное событие, у них совершенно отсутствовали те резкие тормо-

жения реакций, которые имели место тогда, когда внушенное событие переживалось как внутриличностный конфликт. При этом содержание ассоциативных реакций было симптоматичным: испытуемые не тормозили связанные с внушенной ситуацией ответы, а совершенно открыто воспроизводили элементы внушенной ситуации, не обнаруживая никакой тенденции скрыть их или заменить другими, нейтральными реакциями. Характерной особенностью поведения испытуемых являлось то, что при совершенно нормальной моторике каждый раз, когда появлялись связанные с травматической ситуацией стимулы, отмечались отчетливые изменения дыхания: сначала оно задерживалось, а потом следовал резкий импульсивный вздох, значительно превышающий обычную глубину дыхания испытуемого.

Анализируя полученные данные, А. Р. Лурия объяснял моторные нарушения сопряженных реакций руки тем, что «*в основе вызывающего их аффекта неизменно лежит конфликт*, нарушающий активность и приводящий нормально, организованно протекающие процессы к задержке и срыву» (курсив наш — Н. Г.) (там же, с. 209). Такие конфликты наблюдались Лурией и его сотрудниками и в ситуации экзамена, и (с особой четкостью) в опытах с преступниками, где в основе аффекта лежала связанная с преступлением травма, глубоко задевшая личность испытуемых и осложненная тенденцией скрыть наличие связанного с преступлением переживания. В случае же «неприятного» внушения «перед нами — просто случай внешнего насилия над психикой, которое могло причинить травму, но не вызвало глубокого конфликта и разлада» (там же).

Таким образом, проведенные исследования позволили А. Р. Лурии сделать вывод о существовании совершенно различных психологических и психофизиологических механизмов аффективных комплексов (внутриличностных конфликтов) и травмы (какого-либо неприятного события). Было высказано предположение о том, что «в то время как нарушения поведения, связанные с актуальным аффектом и аффективным комплексом, *расположены в активной системе поведения*, имеющей непосредственную связь с *моторным полем*, переживание травмы имеет совершенно иную психофизиологическую структуру, и реакции организма на нее характеризуются в большей степени участием стоящих дальше от психологической активности личности вегетативных систем» (там же).

Экспериментальное изучение влияния речевого опосредования на регуляцию аффективных состояний

Если работы А. Р. Лурии по исследованию аффективных состояний вносят существенный вклад больше в теорию психотерапии, то изучение механизмов регуляции и саморегуляции аффективных состояний может иметь непосредственный выход на психотерапевтическую практику.

Уже в своих ранних работах по исследованию сдвигов конфликтов при речевых затруднениях, проводимых на афазиках и здоровых испытуемых, с которыми ассоциативный эксперимент осуществлялся на чужом языке, Лурия показал, что «отодвигание конфликта от моторной сферы играет решающую роль в предохранении личности от того срыва, который грозил бы ей, если бы все конфликты непосредственно проникали бы в моторный аппарат» (там же, с. 345). Именно

в механизме сдвига конфликта, изоляции его от моторной сферы он видел способ предупреждения дезорганизации активного поведения и отводил ему значительную роль, так как, по мнению ученого, конфликт, «сдвинутый к рецепторно-заякательному концу, с успехом нейтрализуется сложнейшими психологическими механизмами и изолируется от пагубного влияния на поведение» (там же).

А. Р. Лурия предположил, что одним из таких психологических механизмов, способных регулировать поведение человека, является речь. И тогда родилась идея о том, что, если человек найдет «речевой выход», т.е. опосредованное речью решение мучающей его проблемы, то аффект устранился. В основе таких предположений лежала общая теория социально-исторического происхождения высших психических функций, разрабатываемая в те годы Л. С. Выготским совместно с А. Р. Лурией и А. Н. Леонтьевым. Одним из важнейших положений данной теории, наряду с обоснованием общественно-исторического и социального происхождения высших форм психической деятельности, является положение о том, что они имеют опосредованное строение. Выготский неоднократно указывал, что развитие психических способностей идет не по типу «эволюции по чистым линиям» (где то или иное свойство постепенно совершенствуется само по себе), а по типу «эволюции по смешанным линиям», иначе говоря, по типу создания новых опосредованных структур психических процессов и новых «межфункциональных» отношений, направленных на осуществление прежних задач новыми способами (Выготский, 1960). Образцом или принципиальной моделью опосредованного строения высших психических функций может служить любая операция, реализующая практическую задачу с помощью употребления орудия, или решающая внутреннюю, психологическую задачу с помощью использования вспомогательного знака, который является средством для организации психических процессов. Решающая роль в опосредовании психических процессов, согласно Л. С. Выготскому, принадлежит речи. Слово, вычленивая существенные признаки и обобщая обозначенные им предметы или явления, позволяет глубже проникать в окружающую действительность. Все это переводит психические процессы человека на новый уровень, дает возможность их новой организации, позволяет человеку управлять психическими процессами.

Доказательством такого предположения могли служить опыты А. Р. Лурии с символическим опосредованием. Например, ставился такой эксперимент. Испытуемой, находящейся в состоянии гипноза и у которой основной комплекс аффективных переживаний был связан с алкоголизмом мужа, внушалась непреодолимая потребность выразить свое эмоциональное состояние. В первом случае исключалась возможность использования речи, во втором случае испытуемой предлагалось выразить свое переживание с помощью карандаша и бумаги, и в третьем – посредством символа. Все три опыта выявили различные аффективные состояния. В первом случае испытуемая начала с непосредственного воспроизведения аффективной ситуации, и ее поведение носило резко возбужденный характер. Та же «двигательная буря» имела место и в хаотичном, «растерзанном» рисунке испытуемой. Совершенно иная картина наблюдалась в третьем опыте, где аффективное состояние было выявлено не непосредственно, а с помощью определенного символа (бутылка и змей – «зеленый змий» как символ пьянства). В этом опыте не наблюдалось ни плача, ни диффузного двигательного

го возбуждения, т. е. испытываемая овладевала своим аффектом. Анализируя роль символа в преодолении аффекта, А. Р. Лурия приходит к выводу, что «механизм опосредования примитивного процесса каким-нибудь культурным знаком является важнейшим, пожалуй, механизмом в загадочном явлении овладения человеком своим поведением» (там же, с. 518).

Эти эксперименты подтвердили идею о том, что при «речевой организации» аффект может быть преодолен благодаря тому, что он переводится на более высокий психический уровень. Из этой серии работ родились все последующие опыты по изучению регулирующей функции речи, которые проводились Лурией и его ближайшими сотрудниками (Лурия, 1958, 1966, 1969, 2003).

Изложенные выше идеи А. Р. Лурии о том, что перевод психических процессов на новый, более высокий уровень осознания является одним из механизмов регуляции поведения, в дальнейшем нашли свое непосредственное воплощение также в решении задач реабилитации лиц, перенесших очаговые поражения мозга.

Заключение

Таким образом, завершая обзор работ А. Р. Лурии, имеющих в той или иной степени отношение к психотерапии, мы видим, что и экспериментальные исследования аффективной сферы человека, предоставившие богатый эмпирический материал для психотерапии, и восстановительная работа с больными, у которых имели место очаговые поражения мозга, основывались на общей теории культурно-исторического происхождения высших психических функций человека, которой ученый оставался верен до конца своей жизни.

Несмотря на то, что А. Р. Лурия имел весьма небольшой опыт собственно практической психотерапевтической деятельности, его представления о ней очень актуальны и современны. Он считал, что психолог всегда имеет дело с больным как с личностью, поэтому он должен знать и учитывать все стороны индивидуальности больного, его внутренние мотивы, понимать тип его мышления; «он должен вжиться в страдания больного, понять их, сам перестрадать с ним, и уже затем, убедив его в необходимости нужных изменений, *вместе с ним...* создать новую „реориентированную“ личность больного» (Лурия, 2003б, с. 381). Трудно не согласиться со словами Е. Д. Хомской, сказавшей, что А. Р. Лурия был настолько талантлив, что сумел оставить неизгладимый след во всех тех областях психологических знаний, которыми ему приходилось заниматься.

Литература

- Богданчиков С. А. А. Р. Лурия и психоанализ // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 84–93.
- Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
- Глозман Ж. М. Предисловие // Лурия А. Р. Психологическое наследие / Под ред. Ж. М. Глозман, Д. А. Леонтьева, Е. Г. Радковской. М., 2003. С. 3–8.
- Лобные доли и регуляция психических процессов / Под ред. А. Р. Лурия и Е. Д. Хомской. М., 1966.
- Лурия А. Р. Психоанализ как система монической психологии // Психология и марксизм / Под ред. К. Н. Корнилова. Л., 1925. С. 47–80.

- Лурия А. Р.* Высшие корковые функции человека. М., 1969.
- Лурия А. Р.* Этапы пройденного пути. М., 1982.
- Лурия А. Р.* Природа человеческих конфликтов. М., 2002.
- Лурия А. Р.* О психоанализе Зигмунда Фрейда (к систематическому русскому изданию работ Зигмунда Фрейда) // Лурия А. Р. Психологическое наследие / Под ред. Ж. М. Глозман, Д. А. Леонтьева, Е. Г. Радковской. М., 2003а. С. 30–37.
- Лурия А. Р.* Принципы реальной психологии // Лурия А. Р. Психологическое наследие / Под ред. Ж. М. Глозман, Д. А. Леонтьева, Е. Г. Радковской. М., 2003б. С. 295–383.
- Лурия А. Р.* Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии // Лурия А. Р. Психологическое наследие / Под ред. Ж. М. Глозман, Д. А. Леонтьева, Е. Г. Радковской. М., 2003в. С. 11–29.
- Лурия А. Р.* Психология в определении следов преступления // Лурия А. Р. Психологическое наследие / Под ред. Ж. М. Глозман, Д. А. Леонтьева, Е. Г. Радковской. М., 2003 г. С. 106–125.
- Лурия А. Р.* Пути раннего развития советской психологии. Двадцатые годы по собственным воспоминаниям // Лурия А. Р. Психологическое наследие / Под ред. Ж. М. Глозман, Д. А. Леонтьева, Е. Г. Радковской. М., 2003д. С. 259–274.
- Лурия А. Р.* Сопряженная моторная методика и ее применение в исследовании аффективных реакций (экспериментально-психологическое исследование) // Лурия А. Р. Психологическое наследие / Под ред. Ж. М. Глозман, Д. А. Леонтьева, Е. Г. Радковской. М., 2003е. С. 51–105.
- Лурия А. Р.* Экзамен и психика // Лурия А. Р. Психологическое наследие / Под ред. Ж. М. Глозман, Д. А. Леонтьева, Е. Г. Радковской. М., 2003ж. С. 126–184.
- Лурия А. Р., Выготский Л. С.* Предисловие // Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1925. С. 29–36.
- Проблемы высшей нервной деятельности нормального и аномального ребенка / Под ред. А. Р. Лурии. Т. 2. М., 1958.
- Хомская Е. Д.* Александр Романович Лурия: Научная биография. М., 1992.

Л. С. Выготский и психология в Московском университете (К 120-летию со дня рождения)

А. Н. Ждан (Москва)

Запад еще долго будет черпать идеи у России: у России был Выготский.

Джером Брунер

К числу крупных достижений в научной жизни XX в. в области исследования человеческого развития, продолжающих волновать ученых XXI в., относятся теории Л. С. Выготского и швейцарского психолога Ж. Пиаже, заочно дискутировавших

по важнейшим вопросам психологии. Символично, что они оба родились в одном и том же — 1896 — году. Они создали разные теории развития, потому что шли разными путями, были представителями разных научных, культурных традиций и общественных условий. «Прославлением их глубокой непохожести» завершается одно из выступлений Дж. Брунера, посвященных анализу научного вклада этих выдающихся ученых (Брунер, 2001, с. 12). Созданные ими теории продолжают оставаться самыми авторитетными в мировой науке.

Л. С. Выготский, выдающийся отечественный мыслитель и методолог, разработал принципиально новый подход к изучению психики и сознания человека, в котором решающая роль отводится присвоению человеком культуры. Л. С. Выготский показал, что разум человека, его интеллект определяются способностью присваивать человеческую культуру и историю как орудия сознания. Он любил повторять слова Ф. Бэкона: «Голая рука и интеллект, предоставленный сам себе, не многого стоят: все совершается при помощи орудий и вспомогательных средств» (цит. по: Выготский, Лурия, 1993). В качестве таких орудий выступают язык, система письма, счисления, произведения искусства и т. п. Они являются средствами «строительства» человеческой психики и орудиями управления поведением. Как орудия сознания и поведения, они не созревают изнутри посредством эндогенных принципов роста, а усваиваются из инструментария культурного опыта, который составляет содержание окружающей ребенка среды, в процессе социального взаимодействия с другими людьми. Овладение ими происходит в *процессе обучения*, которому принадлежит важнейшая роль в развитии психики (Выготский, 2016). *Homo sapiens* — единственный вид, который развивается в процессе систематического обучения. Эта мысль проходит красной нитью через все эмпирические и теоретические исследования, осуществленные Выготским, его соратниками и учениками. В этих исследованиях Выготский раскрыл тот процесс, в котором символические орудия культуры переходят извне во внутреннее содержание сознания, показал, как именно интериоризируется культура при посредстве других людей. Подход Выготского получил воплощение в его новаторской концепции, известной сегодня как *культурно-историческая психология*.

В короткой жизни Л. С. Выготского (17.11.1896—11.06.1934) различаются два периода.

Первый — гомельский — связан с его малой родиной и продолжался с рождения до 1924 г., с перерывом на время учебы в Москве (1913—1917), где он обучался одновременно на юридическом факультете МГУ и на историко-философском факультете Народного университета А. Л. Шанявского.

Второй период, московский, начавшись в 1924 г. в Москве, продолжался там же до окончания жизненного пути ученого.

Среди учителей Л. С. Выготского в университете Шанявского были вышедшие из школы Г. И. Челпанова известные ученые П. П. Блонский и Г. Г. Шпет, под руководством которых он изучал философию, психологию и педагогику. Именно в университете Шанявского начались его занятия психологией, и, как позже отмечается им, он «с тех пор ни на один год не прерывал работы по этой специальности» (цит. по: Выгодская, Лифанова, 1996, с. 39). Учебу в университетах Л. С. Выготский совмещал с литературоведческой работой, занятиями проблемами художественной и литературной критики, эстетики и психологии искусства, подготовкой крити-

ческих статей и обзоров. Эта деятельность вместе с исследованием на тему «Трагедия о Гамлете, принце Датском, У. Шекспира», выполнявшимся в 1915–1916 гг. и составившим содержание его дипломной работы, подготовили почву для создания фундаментального труда Выготского «Психология искусства».

Окончив оба университета, в декабре 1917 г. Л. С. Выготский возвращается к семье в Гомель. Здесь разворачивается его активная работа в области народного образования: педагогическая деятельность в школах, в педагогическом техникуме, народной консерватории, на различных образовательных курсах, создававшихся в те годы в условиях социальных преобразований общества. Л. С. Выготский работает в качестве преподавателя русского языка, литературы, эстетики, теории искусства, философии, логики, психологии. Одновременно он назначается заведующим театральным подотделом Гомельского отдела народного образования (1919–1921), а позже — заведующим отделом Губполитпросвета. В местных газетах выходят его многочисленные театральные рецензии, статьи по различным вопросам науки, в том числе психологии, литературы, публикации, посвященные разбору отдельных литературных произведений, юбилеям писателей. В педагогическом техникуме он организует в 1923 г. психологический кабинет. План его работы включал широкий круг задач по обслуживанию лекционных, практических и лабораторных занятий, проводимых для студентов педтехникума, а также для учащихся школ и городских курсов. Предполагалось также проведение экспериментальных исследований и научных наблюдений в связи с практическими нуждами детских учреждений. Результаты исследований, проведенных в психологическом кабинете, составили содержание пяти научных работ Выготского.

Педагогический совет педтехникума на своем заседании в октябре 1923 г. принял решение направить Л. С. Выготского как заведующего психологическим кабинетом делегатом на Второй съезд по психоневрологии. На съезде, состоявшемся в январе 1924 г. в Петрограде, Л. С. Выготский выступил с тремя докладами. Один из них — «Методика рефлексологического и психологического исследования» — оказался поворотным пунктом в научной судьбе молодого ученого. В нем обосновывалась идея о том, что сознание должно оставаться центральной проблемой психологии, но его следует изучать объективными методами. Это понимание, высказанное в период расцвета рефлексологии и других поведенческих направлений, поставивших под угрозу само существование психологии, получило высокую оценку на съезде. Последовало приглашение на работу в Москву в Психологический институт (в те годы — Государственный институт экспериментальной психологии).

Переехав в Москву, Л. С. Выготский сдал экзамен на звание научного сотрудника 2-го разряда и был зачислен на эту должность. Его педагогическая и научная деятельность здесь заключалась в следующем. Он вел практикум по психологии на факультете общественных наук, открытом в МГУ в 1919 г. после упразднения историко-филологического факультета и в структуру которого после этих преобразований входил Институт, читал лекции по психологии на физико-математическом факультете. Чрезвычайно активной была и его научная деятельность. Он выступал на открытых и закрытых конференциях, проведение которых было важной формой работы Института. Темы докладов Л. С. Выготского вошли в отчет о работе Института, опубликованный в официальном издании «Отчет 1-го

Московского государственного университета за 1924 г.». Вот некоторые из них: «Сознание как проблема психологии поведения»; «Исследование доминантных реакций»; рефераты новых статей И. П. Павлова; сообщения об исследованиях Берлинской психологической школы и о работах Уотсона и др. (Отчет..., 1924, с. 85—88). Одновременно Л. С. Выготский преподавал во 2-м МГУ (теперь МПГУ) на разных факультетах, а также в других учреждениях Москвы, Ленинграда и Харькова.

К этому времени складываются *круги общения Выготского*: психологи А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев (вместе составившие «тройку» с Выготским в качестве признанного лидера), впоследствии — А. В. Запорожец, Л. И. Божович, Д. Б. Эльконин и др., филолог Р. Якобсон, деятели литературы и искусства — В. Шкловский, И. Эренбург, О. Мандельштам, С. Эйзенштейн. В процессе этой работы и научного взаимодействия сложилась научная школа Л. С. Выготского, ядром которой является культурно-историческая теория. Эта теория стала фундаментом научных школ Московского университета. Психологическая теория деятельности А. Н. Леонтьева, новаторская общепсихологическая концепция П. Я. Гальперина, нейропсихология А. Р. Лурии, другие теории и созданные на их основе на факультете психологии МГУ научные школы — это *разные* теории и школы, но равно опирающиеся на методологию культурно-исторического подхода, развивающие и воплощающие проект Л. С. Выготского в науке и в различных сферах социальной практики. Психологические школы Московского университета правомерно рассматривать как дерево, выросшее на почве челпановских традиций, корнем которого является школа культурно-исторической психологии Л. С. Выготского.

Своими корнями теория Выготского связана с русской культурой серебряного века — символизмом А. Белого и А. Блока, творчеством О. Мандельштама, Ю. И. Айхенвальда. Как уже отмечалось, в начальный период своей творческой жизни Выготский много занимался проблемами театральной и литературной критики, эстетики и психологии искусства. Итогом этой деятельности стала большая монография «Психология искусства». Не опубликованная при жизни автора, она была хорошо известна искусствоведам и получила их высокую оценку. Центральной идеей психологии искусства Л. С. Выготский считал признание искусства *общественной техникой чувств*: самое субъективное — человеческие чувства — рассматривалось как вполне *объективное*, выраженное в произведениях искусства и других творениях человека, как культурное средство *развития чувств*, этой важнейшей части человеческой души. Впервые эта работа была опубликована в издательстве «Искусство» в 1965 г. под редакцией и с обширными комментариями методолога гуманитарного знания, культуролога и лингвиста В. В. Иванова (Выготский, 1965). В 1925 г. она была защищена Выготским в качестве диссертации. Психологические идеи, содержащиеся в книге, явились прологом его культурно-исторической теории. В своих комментариях В. В. Иванов указал на *междисциплинарный характер культурно-исторической теории*. Сегодня Выготский — признанный авторитет в целом комплексе социальных и биологических наук о человеке: в антропологии, этнологии, истории, культурологии, социологии, филологии, лингвистике, психолингвистике, эстетике, литературоведении, семиотике, науках о массовой коммуникации, педагогике, психиатрии, дефектологии.

Устремленность к практике, к психотехнике, понимаемой в самом в широком смысле этого слова, будь то школьное обучение, психология труда, детское

развитие, в норме и с дефектами, составляет особенность творческой деятельности Л. С. Выготского.

С 1924 г. начинается и продолжается все последующие годы большая практическая, научно-организаторская и исследовательская работа Л. С. Выготского в области дефектологии. В практической работе с детьми с различными дефектами — слепота, глухота, умственная недостаточность, повреждения опорно-двигательного аппарата (дети-калеки) — Выготский видел «как бы естественный эксперимент природы, показывающий, что культурное развитие поведения не связано с той или иной органической функцией. Речь не обязательно связана со звуковым аппаратом, она может быть воплощена в другой системе знаков, как и письмо со зрительного пути может быть переведено на путь осязания... самое главное, культурные формы поведения — единственный путь в воспитании ненормального ребенка. Этот путь есть создание обходных путей развития там, где оно оказывается невозможным на прямых путях. Письменная речь для слепых и письмо в воздухе для глухонемых — такие окольные психофизиологические пути культурного развития» (Выготский, 1983, с. 171). Материал дефектологических исследований стал ключом к постижению развития собственно человеческих форм психики, или, как их называл Выготский, высших психических функций. Он рассматривал эти чисто органические поражения с точки зрения их роли в психическом развитии ребенка. Физический дефект вызывает нарушения социальных форм поведения, затрудняет общение с другими людьми. Но этот минус служит в то же время стимулом к компенсации дефекта. И здесь решающая роль принадлежит воспитанию. В противовес инвалидно-филантропическому отношению к биологически неполноценному ребенку в духе социального призрания, которое, как считал Выготский, губит ребенка, он выдвинул на первый план вопросы социального воспитания и обучения аномальных детей, нацеленных на их подготовку к полноценной жизни в обществе. В его трудах разработаны общие принципы и методы приобщения ребенка с дефектом к достижениям культуры, методы обучения людей с физическими и психическими проблемами. В этой практической работе складывались идеи культурно-исторической теории.

В результате проделанной в 1924—1927 гг. работы — исследование по психологии искусства, анализ состояния мировой науки (неопубликованное при жизни исследование «Исторический смысл психологического кризиса»), опыт практической работы с аномальными детьми — были созданы необходимые предпосылки, позволившие Л. С. Выготскому подойти к оформлению новой психологической теории. Опубликованная в 1928 г. статья «Проблема культурного развития ребенка» явилась первым целостным изложением культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, принесшей ему мировую славу (Выготский, 1991, с. 5—19). Ее дальнейшее развитие представлено в последующих работах — монографиях, лекциях, докладах и выступлениях, большая часть которых была опубликована уже после смерти ученого.

Эти идеи составили смысловой стержень научной школы *психологии деятельности*, сформировавшейся в Московском университете на базе культурно-исторической психологии благодаря работавшим и преподававшим в МГУ прямым соратникам Л. С. Выготского (А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, Д. Б. Эльконин), их последователям (П. Я. Гальперин, Б. В. Зейгарник, А. В. Запорожец), деятельнос-

ти различных поколений учеников (В. В. Давыдов, О. К. Тихомиров, А. А. Леонтьев), в том числе работающих в настоящее время (Н. Ф. Талызина, А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, В. А. Иванников, В. Ф. Петренко и др.).

Важнейшими областями социальной практики, опирающейся на культурно-исторический подход, являются *сфера образования* — педагогическая психология, психология развития, практическая психология образования; *сфера техники и трудовой деятельности* — психология труда, психология профессий, инженерная психология, эргономика, организационная психология; *сфера медицины* — нейропсихология, патопсихология, дефектология, психосоматика, психотерапия, реабилитология, психология здоровья; *сфера массовой коммуникации и искусства* — психолингвистика, психосемантика, психология искусства; *сфера управления большими и малыми социальными группами* — социальная психология, психология управления.

Ранняя смерть оборвала жизнь ученого в самом расцвете его творческих сил. Он умер, не дожив до 40 лет. Но за этот короткий жизненный срок он сделал непостижимо многое. Если бы в этом возрасте ушел из жизни З. Фрейд, наука не знала бы психоанализа; если бы ушел И. П. Павлов — она не знала бы учения об условных рефлексах.

Проходит время, но идеи Выготского не только не угасают, но приобретают все более широкое признание во всем мире. Американский философ С. Тулмин назвал Выготского «Моцартом психологии». Наукой будущего назвал культурно-историческую психологию Л. С. Выготского современный американский психолог М. Коул, продуктивно развивающий идеи его школы (Коул, 1997). В 1998 г. было создано Международное общество культурно-исторических и деятельностных исследований (ISCAR). Его Президент и активный член М. Дж. Рид отмечал: «Мы принадлежим к традиции культурно-исторического исследования, которая стремится понять общие проблемы человеческого развития в диалектической взаимосвязи с социально-историческими проблемами» (Рид, 2016).

Отмечая 120-летнюю годовщину со дня рождения Льва Семеновича Выготского, мы не только отдаем дань памяти прошлому, восхищаемся величием его гения, но понимаем его изыскания как проект и наказ по созданию вершинной психологии. «Наше слово в психологии: от *поверхностной* психологии — в сознании явление не равно бытию. Но мы себя противопоставляем и *глубинной* психологии. Наша психология — *вершинная* психология (определяет не „глубины“, а „вершины“ личности)» (Выготский, 1982, с. 166).

Литература

- Брунер Дж. Торжество разнообразия: Пиаже и Выготский // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 3–13.
- Выгодская Г. Л., Лифанова Т. М. Лев Семенович Выготский: Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М., 1996.
- Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1964.
- Выготский Л. С. Проблема сознания // Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 156–167.
- Выготский Л. С. Дефектология и учение о развитии и воспитании ненормального ребенка // Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. М., 1983. Т. 5. С. 166–173.

- Выготский Л. С.* Проблема культурного развития ребенка // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1991. №4. С. 5–19.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь: психологические исследования. М., 2016.
- Выготский Л. С., Лурия А. Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Прimitив. Ребенок. М., 1993.
- Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997.
- Отчет 1-го Московского государственного университета за 1924 г. М., 1925. С. 85–88.
- Рид М. Дж.* Проблемы современных культурно-деятельностных исследований: из личного опыта президента Международного общества культурно-исторических и деятельностных исследований ISCAR // Научная школа Л. С. Выготского: традиции и инновации: Материалы международного симпозиума, 27–28 июня 2016. М., 2016. С. 52–56.

Философско-психологическая система научных представлений Я. А. Пономарева: истоки, основные положения, перспективы¹

А. Л. Журавлев, Т. В. Галкина (Москва)

Введение

Экзистенциально-психологический анализ жизненного пути и научного творчества выдающегося психолога, блестящего экспериментатора, крупного теоретика, методолога и философа Я. А. Пономарева (Журавлев, Галкина, 2010, 2015; Галкина, 2015; Галкина, Журавлев, 2016а, б; Семенов, 2015; и др.) позволяет утверждать, что сложившаяся *философско-психологическая система* его научных представлений связана с определенными событиями и особенностями его жизнедеятельности. Пономарев, несомненно, занимает особое место в отечественной психологической науке. Позиционируя себя в психологическом сообществе ученым, разрабатывающим проблематику творчества, Пономарев, однако, не раз подчеркивал, что его концепция носит общепсихологический и общенаучный характер. Изучение творческого наследия в целом и основных положений теории Пономарева позволяет констатировать, что созданная им философско-психологическая система научных представлений является крупнейшим достижением современной отечественной гуманитарной науки. Значимость его работ трудно переоценить, но, к сожалению, до сих пор многие его идеи остаются не до конца понятыми и недостаточно разработанными. Более пристальное внимание современных ученых к философско-психологической теории Пономарева, переосмысление

---

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ, №0159-2016-0002.

его новаторских и оригинальных идей, касающихся принципа взаимодействия, структурно-уровневой концепции развития психики, универсального закона ЭУС («этапы—уровни—ступени»), «двухполюсности» организации мироздания, этапов развития научного знания и перспектив развития психологической науки, позволит поднять разработки ученого на новый уровень методологического обобщения и будет способствовать их реализации в разных областях общественной практики.

Цель данной статьи — показать истоки и логику развития теории Я. А. Пономарева, выделить основные ее положения и обрисовать возможные перспективы экстраполяции научных взглядов ученого в психологической науке и смежных с ней социогуманитарных науках.

Истоки теории Я. А. Пономарева

Жизненный и научный путь Якова Александровича Пономарева складывался непросто. Зная биографию этого талантливого человека (см., например: Журавлев, Галкина, 2010; Галкина, Журавлев, 2016а, б; Семенов, 2006, 2015; Ушаков, 2006; и др.), проникаешься восхищением его мужеством, целеустремленностью и огромным творческим потенциалом. Невзирая на все сложные и даже трагические жизненные обстоятельства, Пономарев всю свою научную жизнь посвятил целенаправленному изучению фундаментальных и прикладных проблем психологии, психологическому исследованию мышления, интуиции, творчества, развития умственных способностей, креативности и, самое главное, — разработке философско-методологических проблем познания.

В периоды недолгой учебы (меньше двух месяцев) на философском факультете Института философии, литературы и истории, службы в армии, участия в Великой Отечественной войне, а затем учебы в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова формировались духовные ценности, жизненные принципы и научное мировоззрение будущего ученого. Во время Великой Отечественной войны Я. А. Пономарев участвовал в боях, попал в плен, откуда несколько раз бежал, был освобожден и продолжал службу в армии. Яков Александрович не любил вспоминать этот период своей жизни, но признавался, что события тех лет научили его мудрости, которую он в других условиях никогда бы не получил и за всю жизнь; в конце войны ему было всего 25 лет! Пережив мучительные годы войны, Пономарев не потерял любви и интереса к жизни, наоборот, он стал оптимистом. Не угадал в нем и жажда знаний, приведшая его в Московский университет. Пономарев боялся, что не сможет успешно обучаться в вузе после семилетнего перерыва, но его разносторонние способности, высочайшая познавательная мотивация и целеустремленность позволили ему успешно обучаться одновременно даже на двух факультетах (психологическом и физическом). Но пришло время определяться, и Яков Александрович выбрал психологическую специализацию философского факультета. Однако он часто повторял, что учеба и знания, полученные на физфаке, не пропали даром, повлияв на его мышление и научное мировоззрение. Подтверждением этого является тот факт, что свою научную деятельность на *философском* факультете студент Пономарев начал именно как блестящий *экспериментатор*, выполнив оригинальную экспе-

риментальную работу в области исследования мышления, серьезно повлиявшую в 1950—1960-е гг. на развитие этой области психологического знания. Логично предположить, что интерес к экспериментальным исследованиям развился у него благодаря учебе на физфаке.

Научными руководителями его курсовых работ и дипломного исследования были известные отечественные психологи П. Я. Гальперин и А. Н. Леонтьев. Под руководством Гальперина на четвертом курсе студент Пономарев провел экспериментальное исследование трудностей решения арифметической задачи в зависимости от ее формы. Это первое исследование, выполненное в классических традициях психологии середины двадцатого века, увенчалось серьезными результатами: были выявлены индивидуальные различия, связанные с содержательной стороной психики. Уже в этой первой студенческой экспериментальной работе Пономарева имеются положения, приведшие позже ученого к открытию «подобия форм» и «закона ЭУС». Но уже здесь наметились противоречия между идеями Гальперина и выводами, сформулированными Пономаревым на основе анализа полученных в эксперименте данных. Позже он отмечал, что опыт работы с Гальпериним оказался для него очень важным, и в дальнейшем Яков Александрович в полемической форме часто возвращался к обсуждению основных идей учения о поэтапном формировании умственных действий.

Теоретически разойдясь с Гальпериним в понимании основных категорий и положений его учения, студент Пономарев перешел писать дипломную работу к декану факультета А. Н. Леонтьеву, который в то время активно интересовался проблематикой творческого мышления. Проведя оригинальное экспериментальное исследование, Пономарев блестяще защитил диплом, посвященный изучению процесса ориентировки в условиях решения творческой задачи. Результаты, полученные в этом исследовании, оказались настолько значимыми, что Леонтьев в 1953 г. докладывал о них на первой послевоенной конференции психологов. Эти опыты (часть из которых была проведена совместно с Ю. Б. Гиппенрейтер) окончательно были завершены несколько позже и опубликованы в первой в отечественной психологии теоретико-экспериментальной монографии Пономарева по психологии творческого мышления, вышедшей под редакцией Леонтьева в 1960 г. (Пономарев, 1960).

В чем же заключается значимость полученных Пономаревым результатов? В дипломной работе фактически им было сделано его *первое научное открытие*: изучив влияние подсказки на решение задач («Четыре точки»), он вскрыл *феномен неоднородности результата действия человека*, выделив в нем прямой (осознаваемый) и побочный (неосознаваемый) продукты деятельности (Пономарев, 1951). Кратко суть сделанного Пономаревым открытия заключается в следующем: определенный пласт человеческого опыта (по Пономареву, это интуитивный опыт, на современном языке — имплицитные знания) недоступен произвольному запросу со стороны субъекта, но он реально существует, в чем можно убедиться, если подобрать к нему подходящий «ключ», находящийся на уровне действия человека. Человек же может проявить свою *интуицию*, осуществив определенное действие, и тогда интуитивный опыт даст о себе знать, направляя дальнейшие действия субъекта по решению задачи. Выявленный *факт неоднородности результата действия человека*, т. е. наличие в нем *осознаваемого* (связанного с работой логики и от-

носящегося к цели действия) и *неосознаваемого* (связанного с работой *интуиции* и формирующегося помимо сознательной цели) продуктов деятельности укрепил убежденность ученого в роли *взаимодействия* (в данном случае — взаимодействия логического и интуитивного опыта в едином процессе творческого мышления) (Пономарев, 1957, 1959, 1960, 1967а). По мнению Пономарева, интуиция и логика в творческом мышлении находятся в постоянном *взаимодействии*, и только из него и благодаря ему может родиться новое знание и открытие. *Факт неоднородности* позже натолкнул Пономарева на разработку системы представлений о логическом механизме взаимоотношений *взаимодействия и развития* в рамках системного подхода, причем как в области психологии творчества, так и методологии психологической науки в целом (Пономарев, 1976б, 1983, 2006).

Логика развития философско-психологической системы научных представлений Я. А. Пономарева

Я. А. Пономарева, выпускника МГУ, защитившего с отличием дипломную работу, имевшую серьезный резонанс в научных психологических кругах и внесшую существенный вклад в развитие отечественной психологии мышления, по логике вещей и справедливости ждала блестящая научная карьера. Но справедливость и реальная жизнь, увы, нередко вступают в противоречие. Над Пономаревым дамокловым мечом нависло его прошлое — немецкий плен. Его не брали ни в одно учебное или научное учреждение, несмотря на блестящие успехи и рекомендации. «Хождение по мукам» в поисках работы привело ученого, теоретика и экспериментатора в Уголок Дурова, где он проработал пять лет старшим экскурсоводом-педагогом. В 1957 г., во время хрущевской «оттепели», Пономареву предложили работу в Издательстве Академии педагогических наук РСФСР, где он проработал до 1961 г., после чего перешел в лабораторию психологии младшего школьного возраста Института общей и педагогической психологии АПН РСФСР.

Таким образом, спустя ровно десять лет после окончания Университета ученый наконец оказался в том месте, куда изначально был распределен и где мечтал работать в коллективе исследователей-психологов. Однако эти десять лет не прошли впустую для Пономарева и для психологической науки. Яков Александрович не унывал и вне официального места работы (чаще всего дома) продолжал проводить и описывать свои эксперименты, начатые в студенческие годы и посвященные исследованию психологических механизмов творческого мышления. Не имея научного руководителя, он писал научные статьи и готовил кандидатскую диссертацию по теме «Исследование психологических механизмов творческого (продуктивного) мышления», которую успешно защитил в 1958 г. в МГУ. Вскоре была издана и его первая монография «Психология творческого мышления» (1960), до сих пор не утратившая своего научного значения. Кстати, в 2015 г., помимо 95-летнего юбилея со дня рождения Якова Александровича Пономарева, был и еще один юбилей — 55 лет со дня выхода в свет его первой монографии, в которой четко и ясно высказана гипотеза ученого о роли побочного продукта (интуитивного знания, интуиции) в процессе решения творческих задач. Здесь же получили экспериментальное обоснование основные его идеи о природе творчества, была сформулирована широко известная общепсихологическая *концеп-*

ция творческого мышления, являющаяся одним из фундаментальных достижений психологии XX столетия.

В этот период Пономарев для экспериментальной проверки своей концепции конструктивно применял серию опытов со знаменитой задачей «Девять точек» (Пономарев, 1951). Различные модификации этой задачи использовались ученым и в дальнейших экспериментах на других этапах его научной деятельности (Пономарев, 1976б). Подчеркнем, что именно эти опыты послужили *отправным пунктом* для теоретико-экспериментальной разработки Пономаревым проблем сначала философии творческого познания и психологии продуктивного мышления, построения оригинальной концепции психологического механизма решения творческих задач через осознание побочного продукта мыслительного действия, а затем — психологии и педагогики творчества.

Значение этих экспериментов для самого Пономарева и психологической науки в целом трудно переоценить. Уже в то время интерпретация полученных им результатов была использована А. Н. Леонтьевым при философско-психологическом построении контуров общенаучной теории мышления, Гальпериным — при психолого-педагогическом анализе проблемы формирования умственных действий по решению творческих задач, и несколько позже Ч. М. Гаджиевым, И. Н. Семеновым, С. Ю. Степановым и др. — при психолого-методологическом исследовании интуитивной и рефлексивной регуляции как индивидуального, так и коллективного творческого мышления и разработке рефлексивно-педагогической концепции, имеющей широкие возможности практического применения (Гаджиев, 1977; Пономарев, Гаджиев, 1983; Пономарев, Семенов, Степанов, 1986; Семенов, 2006, 2015, Степанов, 2006).

Итак, в силу сложившихся обстоятельств (поступление на работу в лабораторию психологии младшего школьного возраста в Институте общей и педагогической психологии АПН РСФСР) Пономарев на этом этапе своего творческого пути (1961—1966) занялся фундаментальными и прикладными проблемами предметного обучения и умственного развития детей (Пономарев, 1967б, 1976а; Журавлев, Галкина, 2010, с. 26—30; Галкина, Журавлев, 2016а, 2016б). В основу разрабатываемой ученым *теории умственного развития* была положена идея, согласно которой сущность мышления заключается в создании умственных моделей и действий с ними. Успешность выполнения таких действий, по Пономареву, зависит от уровня развития *внутреннего плана действий* — ВПД (Пономарев, 1967б). Позже ученый заменил термин ВПД на более адекватный, с его точки зрения, термин *способность действовать в уме* — СДУ (Пономарев, 1976б; Галкина, 1986, 2010). Согласно теории Пономарева, эта способность не только является общей и базовой для развития других познавательных способностей, но и выступает центральным звеном *психологического механизма творчества и поведения* человека в целом (Пономарев, 2006; Галкина, 2010, 2011; и др.). Результаты исследования развития способности действовать «в уме», проведенного Пономаревым в лаборатории, не были одобрены ее руководством. Хотя время расставило все по своим местам, подтвердив основные положения, выдвинутые ученым в отношении этой способности (см., например, Галкина, 2010; Галкина, Журавлев, 2016а). Разработки Пономарева в отношении СДУ легли в основу целого ряда исследований, выполненных позже как под его руководством, так и под руководством его учеников (Понома-

рев, Пастернак, 1995; Пономарев, Галкина, Кононенко, 1997; Галкина, 1986, 2011, 2015; Хайкина, Галкина, 1998; Хуснутдинова, 1993; Пастернак, 2001; Кононенко, Галкина, 2007, 2010; и др.).

Возникшие у Пономарева теоретические разногласия с руководством лаборатории явились причиной его перехода в 1966 г. в Институт истории естествознания и техники АН СССР, где он смог заняться всегда интересовавшими его проблемами психологии и философии творчества.

Работая в Институте общей и педагогической психологии АПН РСФСР, Пономарев неофициально продолжал изучать ключевую для психологии творчества проблему соотношения *психики и интуиции*, фактически выстраивая философско-психологическую систему научных представлений, связанных с исследованием проблемы интуиции, что было им отражено в широко известной книге, ставшей в свое время бестселлером научно-популярной литературы (Пономарев, 1967а, 2010).

Научные исследования Пономарева начиная с 1961 г. проводились по двум направлениям: экспериментальные исследования творческого мышления взрослых (Пономарев, 1960, 1967а, 2010) и умственного развития ребенка (Пономарев 1967б, 1976а). Занимаясь подготовкой докторской диссертации по теме «Проблемы психологии творчества» (которую он успешно защитил в 1972 г.), сопоставляя и сравнивая результаты, полученные в двух циклах исследований, Я. А. Пономарев сделал свое *второе открытие* — сначала принцип, а затем и *универсальный закон ЭУС* («этапы—уровни—ступени») (Пономарев, 1976б). Согласно этому закону, *этапы* онтогенетического развития психологического механизма мышления (шире — этапы всего психического развития человека и его поведения) превращаются в структурные *уровни* организации этого механизма и выступают затем в виде функциональных *ступеней* решения творческих задач или любых проблем в новых (или экстремальных) для человека ситуациях. В общем виде эти *функциональные ступени решения творческих задач являются функциональными ступенями дальнейших развивающихся взаимодействий* (Пономарев, 1983, 2006).

В 1973 г. Я. А. Пономарев был приглашен в Институт психологии АН СССР Б. Ф. Ломовым, его создателем и первым директором. В Институте психологии Пономарев проработал 24 года и считал этот период своей научной деятельности самым плодотворным и счастливым за всю свою нелегкую жизнь. Именно здесь ученый наконец смог спокойно разрабатывать свою *философско-психологическую систему научных представлений*, постепенно поднимая на новый уровень методологического обобщения созданную им теорию.

Открытие закона ЭУС, по словам Пономарева, явилось «золотой жилой» в психологической науке, которую следует целенаправленно разрабатывать. Причем делать это достаточно легко в силу того, что закон ЭУС представлен в лаконичной формулировке, допускающей многозначность толкований и вариантов его применения на конкретно-психологическом уровне исследований.

На основе закона ЭУС ученый выстраивает целостную общепсихологическую концепцию, имеющую свой особый научный язык (Ушаков, 2006) — *структурно-уровневый*. Введение Пономаревым в свою теорию такого языка выводит ее на новый уровень, превращая из общепсихологической в *общенаучную*. Психика понимается ученым как один из уровней во всеобщей взаимосвязи явлений природы.

Уровни — это понятие, относящееся не только к функционированию системы, но и к ее развитию. Разработанная Пономаревым *структурно-уровневая* концепция позволяет сравнивать внутреннее строение явлений, объектов и их эволюционный прогресс. Последовательное развитие ученым принципа ЭУС способствовало глубокой эволюции всего мировоззренческого содержания его концепции: акцент со структурно-уровневого строения постепенно переместился к *двухполюсной организации взаимодействующих систем*. Принцип ЭУС, относящийся первоначально к творческому мышлению и творчеству вообще, превратился в универсальный закон ЭУС, означающий «двухполюсность» мира и организации всего мироздания, единство и борьбу противоположностей, постоянное их взаимопроникновение и взаимовлияние. Такие психологические феномены, как логика и интуиция, рациональное и эмоциональное, осознанная цель и неосознаваемый побочный продукт, внешний и внутренний планы деятельности, оказываются закономерно и логично вписанными в эту двухполюсную систему. Можно предположить, что такая эволюция научного мировоззрения ученого во многом предопределена его изначальным пониманием творчества в широком смысле как механизма развития, а позже — как развивающего взаимодействия, т. е. взаимодействия, ведущего к последующему развитию и т. д. (Пономарев, 1976б, 1983, 2006). Я. А. Пономарев всегда подчеркивал, что понимание природы творчества связано с привлечением широких представлений о законах, управляющих Вселенной; творчество природы и творчество человека — это всего лишь разные сферы творчества, имеющие общие генетические корни. Творчество понимается Пономаревым как полиформное и многокомпонентное явление.

Результатом глубоких методологических размышлений и обобщений Пономарева стала его теория об *этапах (типах) развития психологического* (в целом — научного) знания, которая явилась логическим продолжением построенной им общепсихологической и общенаучной системы, кратко выраженной в законе ЭУС (Пономарев, 1976б, 1983, 2006). Согласно представлениям Пономарева о гносеологическом механизме общественного познания, существуют определенные этапы (типы) как психологического, так и любого другого научного знания, развитие которых происходит путем перехода от созерцательно-объяснительного типа знания к эмпирическому и далее — к действительно-преобразующему (Пономарев, 1983, с. 38—43). Не останавливаясь на характеристике этих типов знания, отметим только один аспект — стратегию исследований, характерную для действительно-преобразующего типа знания. Пономарев, хорошо знавший и ценивший идеи Б. Ф. Ломова (Ломов, 1996; 2006), подчеркивал, что *основной стратегией* здесь является *комплексный, системный подход*, опирающийся на структурно-уровневую теорию, в основе которой лежит *принцип взаимодействия*, при этом отличительной особенностью научных исследований в рамках этого типа знания является их междисциплинарный характер (Пономарев, 2006, с. 216—221, 242). Удивительно, что Пономарев смог гипотетически в середине 80-х годов XX в. предположить, что наука в XXI в. обратится к разработке тем, связанных именно с действительно-преобразующим типом знания, и что ученые будут обосновывать необходимость проведения таких исследований (Журавлев, 2007; Кольцова, 2004; Методология комплексного..., 2008; Психология: современные направления..., 2003; Юревич, 2000; и др.).

Вершиной методологических обобщений Пономарева стала предложенная им *экспериментальная методология*, характерная для действенно-преобразующего типа знания. Главным ее признаком является использование психологического эксперимента как средства решения методологических проблем и задач (Пономарев, 2006, с. 158, 278; Александров, Максимова, 2006, 2015).

Основные положения философско-психологической теории Я. А. Пономарева и перспективы их экстраполяции

Анализ научного наследия выдающегося ученого Пономарева позволяет выделить *основные положения его теории*: открытие феномена неоднородности результата действия человека (т. е. наличие в нем прямого — осознаваемого и побочного — неосознаваемого, связанного с работой интуиции, продуктов деятельности), выявление психологического механизма интуиции; введение категории взаимодействия (Пономарев, 1951, 1959, 1960, 1967а); учение о психологическом механизме творчества (и поведения) и его центральном звене — внутреннем плане действий — ВПД (иначе — способности действовать «в уме» — СДУ) (Пономарев, 1967б, 1976а); открытие сначала принципа, а затем универсального закона ЭУС — закона преобразования этапов развития системы в структурные уровни ее организации и ступени дальнейших развивающихся взаимодействий (это наиболее позднее название закона: Пономарев, 2006, с. 279); разработка методологического принципа взаимодействия (Пономарев, 1976б, 1983, 2006); теория этапов (типов) развития психологического (научного) знания и разработка идеи экспериментальной методологии как атрибута третьего, гипотетически выделенного ученым, действенно-преобразующего типа знания (Пономарев, 1983, 2006, 2010).

Начав свою научную деятельность с оригинального и виртуозно выполненного эксперимента, Пономарев, вопреки всем жизненным обстоятельствам, долго мешавшим ему заниматься его самым любимым делом — научным творчеством (см., например, Журавлев, Галкина, 2010, с. 6—54; Галкина, Журавлев, 2016а), внес неограниченный вклад в развитие различных сфер психологической науки, ее истории и методологии. Он всю жизнь занимался проблематикой творчества, но разработанная им концепция, как показано выше, носит *общепсихологический, философский и общенаучный* характер, о чем не раз говорил и сам ученый.

Пономарев писал, что переход науки к действенно-преобразующему типу знания, развитие экспериментальной методологии, опора в исследованиях на принцип взаимодействия помогает формулировать четкие взаимоотношения между общей психологией и смежными с ней областями знания, в том числе и прикладными отраслями психологии, функция которых состоит в содействии реализации психологических законов в комплексных исследованиях конкретных проблем (Пономарев, 1983, с. 148). Это теоретическое положение реализуется и развивается в современных исследованиях (Журавлев, 2007; Кольцова, 2004; Методология комплексного..., 2008; Психология: современные..., 2003; и др.)

Одним из ключевых положений в теории Пономарева является введенная им *категория взаимодействия*, превратившаяся затем в методологический принцип. В своих работах ученый последовательно и настойчиво объясняет различие в понимании категорий взаимодействия и деятельности: в понятии взаимо-

действия подчеркивается не только активность субъекта по отношению к объекту, но и возможное обратное влияние объекта на субъект (Пономарев, 1959, 1967а, 1976б, 1983, 2006, 2010). Подобное понимание взаимодействия было положено в основу при разработке целого ряда других научных направлений исследования, в частности психологии управленческого взаимодействия (Журавлев, 2004) и психологии совместной деятельности (Журавлев, 2005). Принципиально важно то, что и в управлении людьми, и в совместной деятельности «объектом» взаимодействия выступает другой субъект.

В настоящее время принцип взаимодействия является методологической основой целого ряда психофизиологических исследований: взаимодействие объектов/субъектов приводит к их видоизменению, а произошедшие взаимодействия фиксируются в структурах взаимодействующих объектов/субъектов (Александров, Максимова, 2015). Новая структура объекта/субъекта изменяет характер дальнейших взаимодействий с другими объектами/субъектами, и таким образом продолжается развитие. Это и есть, по Пономареву, взаимодействие, ведущее к развитию. Введение в науку экспериментальной методологии, базирующейся на открытом Пономаревым «факте подобию форм», дает совершенно новые возможности для теоретико-методологических обобщений (Александров, Максимова, 2006; и др.).

Одно из центральных мест в теории Пономарева занимают его идеи, связанные с разработкой концепции о центральном звене психологического механизма творчества и поведения человека — способности действовать «в уме» (СДУ) (Пономарев, 1967б, 1976а, 1976б). Проведенные исследования продемонстрировали возможность экстраполяции научных взглядов Пономарева в отношении способности действовать «в уме» (СДУ) из области психологии творчества в общую психологию и психологию личности (Галкина, 2010, 2011; и др.). Было показано, что *уровень развития СДУ*, влияя на процесс решения широкого круга задач, в том числе и различных задач на самооценку, определяет особенности формирования и функционирования механизма саморегуляции личности, объединяя в себе как когнитивные, так и личностные характеристики в их неразрывном единстве; тесно связан с особенностями развития речи и двигательных навыков; играет определенную роль в развитии креативности, а также специальных способностей (в частности, музыкальных) (Галкина, 1986, 2011; Галкина, Журавлев, 2016а, б; Пономарев, Пастернак, 1995; Пономарев, Галкина, Кононенко, 1997; Хайкина, Галкина, 1998; Хуснутдинова, 1993; Пастернак, 2001; Кононенко, Галкина, 2007, 2010; и др.). Таким образом, эмпирически было подтверждено гипотетическое предположение Пономарева о том, что СДУ — это не только важнейшая характеристика интеллектуального развития, но и центральное звено психологического механизма поведения человека в целом (Галкина, 2010, 2015).

Время показало, что учение Пономарева о СДУ открывает широкие возможности в области практической психологии образования и педагогики в плане развития не только общей способности, отвечающей за формирование самых различных знаний, умений и навыков, но и специальных способностей, креативности, одаренности (Кононенко, Галкина, 2007, 2010; Галкина, 2010; Рубцов и др., 2009).

Идеи Пономарева о периодизации становления психологии творчества и структурно-уровневой организации творческого процесса, введение в структуру пси-

хологического механизма творчества *рефлексии* (помимо интуиции), а также возникший еще при жизни ученого (1990-е годы) *социальный заказ*, в соответствии с которым центром внимания постепенно становился человек активный, стремящийся быть субъектом деятельности, поведения и общения, — все это способствовало разработке новой отрасли психологического знания — *психологии рефлексии* (Пономарев, Семенов, Степанов, 1986; Найденов, 2006; Семенов, 2006, 2015; Степанов, 2006; и др.). Исследования Пономарева и его коллег в области психологии творчества и рефлексии, реинтерпретация и концептуально-методологическая эволюция основных идей ученого способствовали развертыванию комплекса работ по внедрению полученных результатов в различные социальные практики: управление, экономику, государственную службу, образование, социальную работу, рекламу, политический, организационный и личностный тренинг и консультирование.

Исследования, направленные на изучение *рефлексивной* составляющей в качестве базового элемента саморазвития субъекта, связаны с появлением нового социального заказа общества — перехода от познания субъектом глубин внутреннего мира к его преобразованию и самопреобразованию (Попов и др., 2016).

Идеи Пономарева о побочном продукте деятельности и его преобразовании нашли воплощение в теоретико-экспериментальных исследованиях Ч. М. Гаджиева, направленных на изучение группового творчества (Гаджиев, 1977; Пономарев, Гаджиев, 1983). Полученные результаты имели широкий резонанс и успешное практическое внедрение. Была показана возможность распределения функций между участниками творческого процесса, выявлена ролевая структура коллектива изобретателей, включающая так называемых «активаторов», «генераторов», «резонаторов» и «критиков» идей. Распределение и согласование ролей повышает эффективность группового творчества, при этом сама ролевая структура является динамичной, и мера структурирования различна на разных этапах творчества.

На основе изученных рефлексивных и интуитивно-рефлексивных механизмов группового творчества были разработаны различные методы стимулирования эффективной совместной творческой деятельности, а также модели и формы организации со-творческого проектирования (Растяников и др., 2002; Степанов, 2006; Семенов, 2006; Найденов, 2006; Журавлев, Нестик, 2011; Нестик, Журавлев, 2010, 2011).

Исследования, связанные с изучением механизмов группового творчества, помимо вклада в общую теорию психологии, безусловно, имеют выраженное практическое значение для социальной практики.

В настоящее время интенсивно развивается новая междисциплинарная отрасль психологической науки — *социальная психология творчества*. Ее возникновение было бы невозможно без классических работ Пономарева и Гаджиева в области группового творчества (Гаджиев, 1977; Пономарев, Гаджиев, 1983). Именно работы Пономарева и Гаджиева явились первыми конкретными исследованиями в отечественной психологии, выполненными на примере таких форм совместного творчества, как коллективное изобретательство и групповое решение творческих задач. Эти работы впервые сдвинули внимание исследователей и практиков с индивидуальной креативности на коллективную. В 1950—1980-е годы основное внимание уделялось способам повышения *индивидуальной* креативности. В по-

следние же тридцать лет основные усилия ученых и практиков направлены на повышение *групповой* креативности, т. е. креативности малых групп и организаций в целом (Журавлев, Нестик, 2011; Нестик, Журавлев, 2010). В рамках социальной психологии творчества понятие креативности стало сближаться с понятием инновации (создание новых товаров, услуг и обеспечение их поддержки и внедрения в деятельность организации) (Нестик, Журавлев, 2011). Исследования в области социальной психологии творчества подтвердили *универсальность методологического принципа взаимодействия*, выдвинутого Пономаревым. Стало очевидным, что проявление креативности практически невозможно вне социального взаимодействия, т. е. креативность является не только индивидуально-психологической (как традиционно считалось в общей психологии), но и социально-психологической, групповой характеристикой. Творчество стало рассматриваться как *совместная деятельность*, так как индивидуальное творчество всегда является продуктом взаимодействия индивида с широкой социальной, а не только предметной средой.

Возьмем на себя смелость утверждать, что Пономарев был бы рад увидеть непосредственные подтверждения своих гипотетических идей о третьем — действенно-преобразующем — типе знания в виде активно развивающихся сегодня научно-практических направлений: социальная психология творчества (Журавлев, Нестик, 2011; Нестик, Журавлев, 2010, 2011), рефлексивно-гуманитарная психология и педагогика творчества (Найденев, 2006; Растяников и др., 2002; Семенов, 2006; Степанов, 2006); психология образования одаренных (Рубцов и др., 2009; Кононенко, Галкина, 2007, 2010), психология саморазвития (Попов и др., 2016). Эти и другие междисциплинарные отрасли психологической науки, безусловно, производят знание, относящееся к третьему, действенно-преобразующему его типу (см. также: Современные исследования..., 2015; Творчество..., 2015; и др.).

Заключение

Говорят, поэтами не становятся, ими рождаются. Пожалуй, аналогично можно сказать и о философах. И Яков Александрович Пономарев тому подтверждение. Еще в детстве и юности проявились разносторонние способности и интересы будущего ученого: увлекаясь, как и положено мальчику, спортом, причем в равной мере футболом, боксом и шахматами, он, наряду с этим, неплохо разбирался в астрономии, хорошо знал поэзию и сам писал стихи, много рисовал, играл на фортепьяно и сочинял музыку. В старших классах стал интересоваться фантастикой, историей науки и искусством, философскими вопросами бытия и человекознания, обсуждая их со своим школьным другом Павлом Копниным (будущим членом-корреспондентом АН СССР, директором Института философии АН СССР), вместе с которым он и поступил на философский факультет ИФЛИ. Выбор философского факультета был не случаен, а, скорее, закономерен: философское образование, по словам Пономарева, давало ему определенный простор для дальнейшего профессионального выбора и становления. Любые другие профессии и сферы деятельности казались ему узкими.

Имя Пономарева обычно ассоциируют с исследованиями в области психологии творчества и мышления. Однако уже самые первые работы Пономарева — это не просто блестяще выполненные экспериментальные исследования продук-

тивного мышления, а работы, как вспоминает Г. П. Щедровицкий, с претензией на «программу построения теории психологии — такой, какой она тогда могла быть, а именно теории психического». Поражает глубина теоретических выводов и философско-методологических обобщений будущего ученого. Уже названия его первых статей говорят сами за себя: «К вопросу о психологических механизмах взаимоотношения чувственного и логического познания»; «О взаимодействии и развитии» (Пономарев, 1957, 1959) и др. Уже в этих статьях видны корни его будущих глубоких философско-методологических работ.

Пономарев своей жизнью и научным творчеством подтвердил одно из основных положений своей теории о том, что высокий уровень развития способности действовать «в уме» (а ученый имел наивысший уровень ее развития) оказывает значительное влияние на различные стороны жизнедеятельности человека, стимулируя его к творческому решению самых разнообразных задач и позволяя продуцировать новые идеи и знания, ведущие зачастую к открытиям, влияющим на развитие науки и общества. Пономарев — создатель общенаучной структурно-уровневой концепции, универсального закона ЭУС и методологического принципа взаимодействия, автор оригинальной онтологии психического, гносеологии психологического и социального познания и методологии его воздействия на практику, а также теоретик-педагог, разработавший (совместно с Ч. М. Гаджиевым) психолого-педагогические технологии развития изобретательского творчества и психотехники принятия решений. В его научных представлениях, входящих в созданную им философско-психологическую систему, прослеживается принцип единства мира в различных его проявлениях: физических, химических, биологических, психологических, социальных. Вся его теория отличается естественно-научной строгостью, обычно не свойственной сугубо гуманитарным теориям (сказывается обучение на физическом факультете университета).

Научное наследие Пономарева — это кладезь новых идей, философско-методологических находок, разработка которых могла бы поднять социогуманитарные науки и связанные с ними социальные практики на новый уровень. Но парадокс заключается в том, что идеи Якова Александровича и его философско-психологическая система представлений при всей очевидной их значимости до сих пор не являются эпицентром научно-практического интереса специалистов. В чем же причина? Самое интересное, что на этот вопрос ответил сам Пономарев, говоря о причинах безуспешности разгадать фундаментальные загадки мироздания и о том, что, открытие закона ЭУС лежало буквально на поверхности, а этого никто не заметил (Пономарев, 2006, с. 278—279). Если принять во внимание две идеи Пономарева — открытый им факт «подобия форм» и его представления о гносеологическом механизме общественного познания, то разгадка очень просто может быть найдена. Он пишет, что представление о гносеологическом механизме не просто «выдуманно», оно построено путем экстраполяции этапов развития психологического механизма индивидуального познания. А данный механизм полностью построен из результатов экспериментов по изучению способности действовать «в уме». Из этого представления следует очень простой вывод: до сих пор общественное познание не могло вырваться из объятий агностицизма по той причине, что в основе этого познания лежит недостаточно развитый гносеологический механизм. В принципе, познать сущность явления можно только опираясь

на оптимально развитый гносеологический механизм общественного познания. А такой опоры до сих пор еще не было создано (Пономарев, 2010, с. 268–269). Индивид, имея возможность достичь оптимального уровня развития механизма индивидуального познания (в частности пятого, наивысшего уровня развития СДУ), мог бы раскрыть фундаментальную загадку, но у него не хватает исходных базовых знаний. Здесь нужны усилия науки и общества, должен быть достигнут соответствующий уровень развития общественного познания, т. е. третий — действительно-преобразующий — тип знания. А вот его-то как раз и не было. Именно поэтому, когда предлагаются идеи, приближающиеся к разгадке фундаментальных тайн, общество оказывается не способным их принять: оно отвергает эти идеи! И происходит это из-за несовершенства господствующего в обществе типа знания — второго, эмпирического. В этом и состоит ответ, почему философско-психологическая система научных представлений Пономарева только сейчас становится понятной и наконец востребованной: происходит долгожданный и предсказанный Пономаревым переход научного типа знания к новому и прогрессивному — действительно-преобразующему. Идеи Пономарева по своей сути относятся к третьему типу знания, тем самым не соответствуя господствовавшему тогда второму типу знания и опережая его, и поэтому с таким трудом понимались и зачастую не принимались научным сообществом. Пономарев говорил, что для преодоления агностицизма необходимо, прежде всего, доразвитие гносеологического механизма общественного познания, накопление знаний, опирающихся на этот механизм, и переход тем самым к действительно-преобразующему типу знания, основным атрибутом которого является так называемая *экспериментальная методология*. Ее цель — преобразовать умозрительную философию в экспериментальную, превращая ее тем самым в науку о всеобщих законах Универсума, раскрывающихся при изучении генерального механизма движения (Пономарев, 2006, с. 282). Здесь опять видно тяготение ученого, с одной стороны, к конкретному, экспериментальному, а с другой — к всеобщему, универсальному.

Завершая статью, подведем главный итог: время полного понимания и признания значимости философско-психологической системы научных представлений Якова Александровича Пономарева еще впереди.

Литература

- Александров И. О., Максимова Н. Е.* Экспериментальная методология Я. А. Пономарева и принцип реконструкции // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. М., 2006. С. 329–351.
- Александров И. О., Максимова Н. Е.* Эволюционная эпистемология Я. А. Пономарева // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 12–23.
- Гаджиев Ч. М.* Исследование психологического аспекта комплексной проблемы коллективного изобретательства: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1977.
- Галкина Т. В.* Психологический механизм решения задач на самооценку: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1986.
- Галкина Т. В.* Развитие концепции Я. А. Пономарева о центральном звене психологического механизма поведения // Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации: Материалы Всероссийской конференции. М., 2010. С. 22–34.

- Галкина Т. В.* Самооценка как процесс решения задач: системный подход. М., 2011.
- Галкина Т. В.* О некоторых возможностях экстраполяции научных взглядов Я. А. Пономарева // Современные исследования интеллекта и творчества. М., 2015. С. 410–427.
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л.* Развитие научного творчества Я. А. Пономарева // Психологический журнал. 2016а. Т. 37. № 1. С. 16–25.
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л.* К вопросу о психологическом механизме творчества и поведения: развитие концепции Я. А. Пономарева // Человеческий фактор. 2016б. № 1. С. 22–26.
- Журавлев А. Л.* Психология управленческого взаимодействия (Теоретические и прикладные проблемы). М., 2004.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М., 2005.
- Журавлев А. Л.* Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М., 2007. С. 15–32.
- Журавлев А. Л., Галкина Т. В.* Основные вехи жизненного пути и научного творчества Я. А. Пономарева // Пономарев Я. А. Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии. М., 2010. С. 6–54.
- Журавлев А. Л., Галкина Т. В.* Роль теории Я. А. Пономарева в развитии гуманитарных наук (К 95-летию со дня рождения ученого) // Наука. Культура. Общество. 2015. № 3. С. 5–19.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Совместное творчество как ресурс деятельности организации: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 3–21.
- Кольцова В. А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М., 2004.
- Кононенко М. А., Галкина Т. В.* Музыкально-исполнительская одаренность: соотношение общих и специальных компонентов // Музыкальная психология и психотерапия. 2007. № 2. С. 70–90.
- Кононенко М. А., Галкина Т. В.* Диагностика креативности у начинающих музыкантов-исполнителей // Как учить музыке одаренных детей. М., 2010. С. 97–108.
- Ломов Б. Ф.* Системность в психологии: Избранные психологические труды. М.—Воронеж, 1996.
- Ломов Б. Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М., 2006.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М., 2008.
- Найденов М. И.* От «первичной модели» группового субъекта творчества — к «побочному продукту» групп-рефлексивной услуги // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. М., 2006. С. 455–481.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Совместное творчество: состояние и перспективы исследований // Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации: Материалы научной конференции. М., 2010. С. 309–320.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Формы организации и стимулирования совместного творчества в современных компаниях // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 190–196.
- Пастернак Н. А.* Способность действовать «в уме» как механизм произвольной регуляции поведения личности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.
- Пономарев Я. А.* Исследование ориентировки в условиях задачи: Дипломная работа. М., 1951.

- Пономарев Я. А.* К вопросу о психологических механизмах взаимоотношения чувственного и логического познания // Доклады АПН РСФСР. 1957. № 4. С. 67–73.
- Пономарев Я. А.* О взаимодействии и развитии (в связи с исследованием взаимодействия познающего субъекта с познаваемым объектом) // Доклады АПН РСФСР. 1959. № 1. С. 73–78.
- Пономарев Я. А.* Психология творческого мышления. М., 1960.
- Пономарев Я. А.* Психика и интуиция. М., 1967а.
- Пономарев Я. А.* Знания, мышление и умственное развитие. М., 1967б.
- Пономарев Я. А.* Психология творчества и педагогика. М., 1976а.
- Пономарев Я. А.* Психология творчества. М., 1976б.
- Пономарев Я. А.* Методологическое введение в психологию. М., 1983.
- Пономарев Я. А.* Перспективы развития психологии творчества // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. М., 2006. С. 145–276.
- Пономарев Я. А.* Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии / Ред.-сост. А. Л. Журавлев, Т. В. Галкина. М., 2010.
- Пономарев Я. А., Гаджиев Ч. М.* Психологический механизм группового (коллективно-го) решения творческих задач // Исследование проблем психологии творчества. М., 1983. С. 279–295.
- Пономарев Я. А., Семенов И. Н., Степанов С. Ю.* Рефлексия в развитии творческого мышления // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 4. С. 158–159.
- Пономарев Я. А., Пастернак Н. А.* Влияние способности действовать «в уме» на данные психологического тестирования // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 6. С. 43–54.
- Пономарев Я. А., Галкина Т. В., Кононенко М. А.* Музыкальная одаренность: исследование общих компонентов // Когнитивное обучение: современное состояние и перспективы. М., 1997. С. 115–124.
- Попов Л. М., Ибрагимова. Е. Н., Устин П. Н.* Концепция психологии творчества Я. А. Пономарева и ее применение в изучении саморазвития // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 1. С. 35–47.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции. М., 2003.
- Растяников А. В., Степанов С. Ю., Ушаков Д. В.* Рефлексивное развитие компетентности в совместном творчестве. М., 2002.
- Рубцов В. В., Журавлев А. Л., Марголис А. А., Ушаков Д. В.* Образование одаренных – государственная проблема // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 5–14.
- Семенов И. Н.* Взаимодействие интуитивистики и рефлексии в философии и общей психологии творчества Я. А. Пономарева // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. М., 2006. С. 438–452.
- Семенов И. Н.* Взаимодействие Я. А. Пономарева и М. Г. Ярошевского в развитии психологии творчества и рефлексии // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 45–54.
- Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной. М., 2015.
- Творчество: наука, искусство, жизнь: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. С. С. Белова, А. А. Григорьев, А. Л. Журавлев и др. М., 2015.
- Степанов С. Ю.* Психология творчества и рефлексии в современных социальных практиках // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. М., 2006. С. 482–511.

- Ушаков Д. В.* Языки психологии творчества: Яков Александрович Пономарев и его научная школа // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. М., 2006. С. 19–142.
- Хайкина М. В., Галкина Т. В.* Взаимосвязь между способностью действовать «в уме» и особенностями развития речи и двигательных навыков // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 26–41.
- Хуснутдинова Л. Г.* Исследование речемыслительной креативности личности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1993.
- Юревич А. В.* Психология и методология // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 35–47.

Вклад Б. Д. Парыгина в развитие отечественной социальной психологии¹

А. Л. Журавлев (Москва), И. А. Мироненко (Санкт-Петербург)

Введение

Развитие отечественной социальной психологии имеет сложную и драматическую историю. Период бурного развития исследований в области социальной психологии в российской науке конца XIX–начала XX в. сменяется периодом дискуссий и трансформаций на фоне ее институционализации как самостоятельной отрасли научного знания в послереволюционный России, затем наступает время, охватывающее примерно 25 лет (с начала 1930-х до конца 1950-х годов), когда социальная психология практически исчезает, вслед за которым начинается ее возрождение (в 1960–1970-е годы). Этот период не был простым и однозначным. Как уже было отмечено, он «начинается дискуссиями о предмете социальной психологии и может быть определен как завершающий эти дискуссии: дискуссии прекращаются, уступая место исследованиям этого предмета» (Психологическая наука в России XX столетия..., 1997, с. 375). В процессе дальнейшего развития этих исследований сложилась ситуация, когда «дифференцирующей тенденции в развитии социальной психологии, особенно проявившейся в восьмидесятых – девяностых годах, не соответствовала интегративная синтезирующая (тенденция)» (там же, с. 405), что само по себе уже свидетельствует о существенной неоднородности течений и различиях во взглядах авторов, заложивших основы советской социальной психологии.

При этом справедливо отмечается необходимость «отличать круг проблем, которые составляют ее предмет, от проблем ее состояния и развития как науки. Несмотря на огромный удельный вес в ней методологии, последние проблемы совершенно не отрефлексированы» (там же, с. 406). Можно предположить, что пре-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-06-00668.

пятствием для такой саморефлексии до последнего времени была молодость социальной психологии как научной дисциплины, невозможность посмотреть со стороны на время формирования основ ее методологии, которое еще не стало прошлым, как бы еще продолжалось и, таким образом, не выходило из «зоны слепого пятна» исторического анализа. Сегодня произошедшие радикальные перемены в обществе и парадигмальные изменения в исследованиях личности и группы (Журавлев, 2012) позволяют поставить задачу проведения такого анализа.

У истоков методологической традиции, заложенной в 1960–1970-х годах, которая определила развитие социальной психологии до конца советского периода и сегодня остается во многом определяющей как ее современное состояние, так и перспективы развития, стояли такие ученые, как Г. М. Андреева, А. А. Бодалев, И. П. Волков, А. Г. Ковалев, Е. С. Кузьмин, В. Н. Куликов, В. Н. Куницына, Б. Ф. Ломов, В. Н. Панферов, Б. Д. Парыгин, К. К. Платонов, Б. Ф. Поршнев, А. А. Русалинова, А. Л. Свенцицкий, В. Е. Семенов, Л. И. Уманский, Э. С. Чугунова, Ю. А. Шерковин, Е. В. Шорохова и др. Не случайно в историографии социальной психологии период ее возрождения характеризуется как время «дискуссий о предмете социальной психологии»; он отмечен противоречиями и острой борьбой научных взглядов. Каждый из основоположников социальной психологии внес собственный уникальный вклад в ее развитие. В настоящей статье мы остановимся на месте и значении в развитии отечественной социальной психологии трудов Бориса Дмитриевича Парыгина.

Общая теория и методология социальной психологии в трудах Б. Д. Парыгина

Первое, что обращает на себя внимание при анализе творчества Бориса Дмитриевича, — *целостный характер его системы взглядов*. Эта целостность проявилась, во-первых, в масштабности его подхода. Именно он впервые в мировой психологической литературе разработал и предложил научному сообществу аргументированное видение социальной психологии в качестве всесторонне обоснованной *системы научного знания*, которая включает в себя три составляющих: методологию, общую социально-психологическую теорию и прикладную социальную психологию.

В своей первой, опубликованной в 1965 г. монографии (Парыгин, 1965а), Парыгин обращается к характеристике этой отрасли психологической науки в целом: отмечает основные этапы и тенденции ее развития, определяет ее возможности и перспективы. Он ставит задачу построения социальной психологии как относительно *самостоятельной системы знаний* и исследований.

Предмет этой науки, в трактовке Парыгина, — социальная психика человека во всем многообразии ее проявлений, что предполагает изучение, прежде всего, особенностей психического состояния и поведения индивида в группе, массе и коллективе и специфику групповой, коллективной и массовой психической жизнедеятельности людей.

В 1971 г. вышел в свет главный труд Парыгина «Основы социально-психологической теории» (Парыгин, 1971), где была предложена *общая социально-психологическая концепция*, в центре которой были личность и общение, рассматриваемые

с единых методологических позиций *структурно-динамического анализа*. Парыгин, таким образом, на восемь лет опередил появление общей социально-психологической концепции в западной науке, которая была предложена в опубликованной в 1979 г. книге британского философа и социального психолога, профессора Оксфордского университета Х. Харре «Социальное бытие: теория для социальной психологии» (Harré, 1979). В книге Харре, как и в монографии Парыгина, в центре внимания оказываются *человек как индивид и его общение с другими людьми*. Естественно, что трактовка названными авторами как личности и индивида, так и феноменологии общения в качестве главных составляющих социально-психологической теории различны.

Публикации в конце 1950—начале 1960-х годов статей Парыгина о предмете и состоянии социальной психологии в нашей стране (Парыгин, 1959, 1962а, б) вызвали интерес и приобрели большой резонанс как в отечественном, так и в зарубежном научном сообществе. Они были вскоре переведены и опубликованы за рубежом — в Германии (Parugin, 1963а) и в США (Parugin, 1963б, 1964). А его первая монография была переиздана в Уругвае (Parugin, 1967), Чехословакии (Parugin, 1968б) и Болгарии (Парыгин, 1968а).

Книга «Основы социально-психологической теории» Парыгина (Парыгин, 1971) после ее публикации в России неоднократно переиздавалась за рубежом — например, в Германии (1975, 1976) и Японии (1977).

Представление о социальной психологии как о системе научного знания разрабатывалось и уточнялось Парыгиным в последующих крупных монографиях: «Социальная психология: Проблемы истории, методологии и теории» (Парыгин, 1999), «Социальная психология: Истоки и перспективы» (Парыгин, 2010).

Структурно-динамический подход Б. Д. Парыгина

Представления о *социально-психологических состояниях* личности, группы и общества занимают центральное место в системе научных взглядов Б. Д. Парыгина. В конце 1950—начале 1960-х годов, еще до издания книги «Социальная психология как наука» (Парыгин, 1965а), Парыгин выступает почти одновременно с двумя публикациями в «Вестнике Ленинградского университета»: в первой — по вопросам обоснования права социальной психологии как науки на существование (Парыгин, 1959), во второй — об общественном настроении как важнейшем феномене и категории этой науки (Парыгин, 1962б).

В 1966 г. он публикует уже отдельную монографию, посвященную общественному настроению (Парыгин, 1966), в которой представлена разработанная им впервые в мировой психологической науке концепция этого явления, опирающаяся на традиционное внимание к нему, характерное для «пионеров» отечественной психологической социологии и общественной психологии — Н. К. Михайловского, Г. В. Плеханова, В. М. Бехтерева, Л. И. Петражицкого, Л. Н. Войтоловского и др.

Методологический потенциал структурно-динамического подхода к анализу феномена настроения позволил использовать его для поиска путей формирования общей социально-психологической теории, придав динамизм трактовке социальной психологии в целом, истории ее становления и развития (Журавлев, Мироненко, 2012).

В дальнейшем применение принципов структурно-динамического подхода в сфере прикладной социальной психологии получило свое развитие в разработке Парыгиным заслужившей общую известность модели социально-психологического климата коллектива, методов его измерения и регуляции (Парыгин, 1982, 1986).

Проблема общения в трудах Б. Д. Парыгина

Человек, в видении Парыгина, — прежде всего, социальное существо, рождающееся в процессе общения как основного механизма социализации и живущее в переплетении пластов и нитей *общения* — «Человек общающийся».

Особенно четко эта позиция автора проявилась по отношению к трактовке понятия «общение», соотношению которого с понятием «деятельность» была посвящена специальная дискуссия в отечественной психологической науке. Для Парыгина общение не только не является лишь стороной деятельности, ее коммуникативным компонентом, но, напротив, именно оно выступает фактором, детерминирующим и порождающим психическую активность личности, деятельность и жизнедеятельность — жизнь личности как *социального* существа. В основном труде Парыгина (1971), наряду с концепцией личности, впервые были сформулированы и авторские концептуальные представления о феноменологии и проблемах общения в качестве второй не менее значимой составляющей общей социально-психологической теории. Им была представлена двумерная — как свернутая, так и интегральная (развернутая) — модель структуры общения.

Свернутая трехкомпонентная модель структуры общения включала в себя следующие составляющие: а) *психический контакт*, возникающий между индивидами и реализующийся в процессе их взаимного восприятия друг друга; б) *обмен информацией* с помощью вербальных или невербальных средств; в) *взаимовлияние людей* друг на друга во взаимодействии. Каждый из перечисленных компонентов общения был, соответственно, назван: перцептивным, коммуникативным, интерактивным. Вскоре эта модель получила статус широко распространенной в психологической науке.

Интегральная (развернутая) модель структуры общения дополнялась характеристикой ее подструктурных образований в качестве *процессов коммуникации*, с одной стороны, и *интеракции* (коммуникативного поведения) — с другой.

Пройдет без малого 12 лет, прежде чем вслед за Парыгиным в 1983 г. американский социальный психолог Д. Майерс в первом из четырех последующих переизданий своей широко известной книги (см. Журавлев, Мироненко, 2012), по сути, повторит предложенную Парыгиным формулу содержания структуры общения, но применительно к предмету социальной психологии в целом: «Социальная психология: наука, изучающая, как люди думают друг о друге, как они влияют друг на друга и как они относятся друг к другу» (Майерс, 2007, с. 29).

Проблема личности в работах Б. Д. Парыгина

Личность рассматривается Парыгиным как единство общечеловеческого (проблема философии), социально-типического (проблема социологии) и индивидуально-неповторимого (проблема социальной психологии). Существенной особен-

ностью авторского видения феноменологии личности является ее рассмотрение и трактовка в качестве исходного и ключевого феномена и категории социальной психологии. В настоящее время такая позиция поддерживается и развивается в научных работах и учебных пособиях, выполненных в Институте психологии РАН (Журавлев, 2012; Методики социально-психологического исследования..., 1995; Методики социально-психологической диагностики..., 1990; Социальная психология, 2002).

В основу концепции Парыгиным положено представление о личности как о сложном, многоплановом и внутренне противоречивом явлении. Он предлагает оригинальный выход в поисках решения традиционной для психологии личности проблемы: описать и объяснить то, что, с одной стороны, обладает определенной устойчивостью и внеситуативным постоянством, с другой, — изменчиво в зависимости от ситуации (Журавлев, Мироненко, 2012). В его концепции представлена не структура личности вообще, а разные, но взаимно дополняющие подходы к ее построению и, соответственно, две качественно различные модели структуры личности: статическая и динамическая.

Под *статической структурой личности* Парыгин понимает абстрактную модель, характеризующую основные элементы, пласты или компоненты психики индивида, предельно отвлеченную от реального процесса функционирования человека, его психического состояния и социального поведения. Статическая структура личности рассматривается им как состоящая из трех *основных уровней (пластов)*: 1) общечеловеческого; 2) социально-специфического; 3) индивидуально-неповторимого.

Модель динамической структуры личности фиксирует основные компоненты психики индивида в непосредственной человеческой деятельности, конкретной ситуации. В контексте динамической модели личности Парыгин вводит и активно использует понятие *психического настроя личности*. Это интегральное структурное образование, которое характеризует *тональность и степень предметной направленности* психического состояния человека в данный период времени. Психический настрой личности представлен, с одной стороны, неосознанным *эмоциональным фоном*, что соответствует невербальному психическому состоянию, с другой — *умонастройем*, что соответствует вербальному психическому состоянию.

Разработка Парыгиным проблемы личности закономерно приводит к тому, что он формулирует понятие *духовного потенциала* личности, которое самым органичным образом связано с представлением о динамической структуре личности. Под потенциалом личности он понимает определенный уровень ее психических возможностей и внутренней энергии, направленной на самовыражение и самоутверждение. Психические возможности личности складываются из ее интеллектуального, эмоционального и волевого потенциалов. Реализация духовного потенциала ограничена системой социально-психологических барьеров, блокирующих самовыражение и развитие личности.

Представляется, что в понимании духовного потенциала личности Парыгина особенно ярко проявилась его философская ориентация: суть личности, ее центральное образование и источник энергии понимались им не как результат и форма проявления реальных социальных взаимодействий, что соответствует

марксистским представлениям, а как воплощение некоего духовного начала, заданного а priori социальной реальностью и ею не столько порождаемого и развиваемого, сколько блокируемого.

Отношение Б. Д. Парыгина к доминирующей идеологии

Характеризуя особенности методологического подхода ученого, необходимо помнить, что на развитие советской психологии и гуманитарной науки в целом оказывала мощное влияние идеология советского государства, вне контекста которой невозможно адекватно понять логику развития не только науки как социального института, но и ее теорий. Это заставляет говорить о «политической истории психологии» в России, используя выражение А. В. Петровского. Особенности позиций ученых в дискурсе становящейся науки невозможно определить без соотнесения с этим фактором, не рассматривая их в проекции на плоскость идеологии.

В структуре и содержании этого фактора явно выделяются три составляющих:

- собственно философские работы, в первую очередь, первоисточники марксизма, апелляция к которым была обязательной в каждой публикации;
- актуальная трактовка задач текущего исторического момента, определяющая особенности востребованной конкретным моментом интерпретации философских положений, отраженная в документах партии, на которые было желательно ссылаться в каждой работе, и определяющая декларируемые цели и задачи исследований;
- линия развития науки, одобренная идеологами как «верная», своего рода, «мейнстрим» советской науки, представленный определенной совокупностью уже собственно научных концепций и имен.

Таким образом, влияние фактора советской идеологии накладывалось на все уровни научной методологии, что подразумевало целостное единство науки, однако на деле все обстояло не так просто.

Специфика влияния идеологии на социальную психологию проявилась в том, что эта наука в России «возникла до эпохи тоталитаризма и возродилась, когда последний уже шел к закату, поэтому она пострадала от тоталитаризма не столько идеологически, сколько столкнувшись со сложностью и двойственностью порожденных им социальных явлений» (Психологическая наука в России XX столетия..., 1997, с. 406). Марксистская идеология и ее методологические принципы не сыграли в развитии социальной психологии той важной и во многом конструктивной роли, какую они выполнили в общей психологии и психологии личности, зачастую оставаясь в ней лишь «вывеской ее идеологической лояльности» (там же, с. 405). Отношение ученых к идеологии было весьма различным.

Уровень философской методологии в работах Парыгина представлен развернуто, и в них в достаточной степени обозначены идеологические позиции. Он широко ссылается как на первоисточники, так и на партийные документы, цитирует и интерпретирует их (Парыгин, 1959, 1962а, 1965а; и др.).

Вместе с тем в большой степени в работах Парыгина получило развитие характерное для традиций отечественной культуры и социогуманитарной науки обращение к глубинным, духовно-нравственным структурам социально-психо-

логических явлений. Уже в первых монографиях Парыгина, вышедших в 1965 г. и 1971 г., большое внимание уделяется русским мыслителям конца XIX—начала XX в., которых сегодня относят к так называемому религиозно-философскому или духовно-нравственному направлению в дореволюционной российской науке: Н. А. Бердяеву, Н. К. Михайловскому и др. Представляется, что Парыгина с полным основанием можно отнести к тем ученым, в работах которых продолжалась традиция этого направления, в явном виде развернувшаяся уже в постсоветский период.

Эта философская ориентация нашла отражение как в представленной Парыгиным общей социально-психологической теории, так, в частности, и в его концепциях личности, психологии общения и психического настроения (Мироненко, Журавлев, 2012).

Духовно-философская ориентация методологии Б. Д. Парыгина

Говоря об ориентации Парыгина на духовно-нравственное направление в отечественной науке, отметим то важное значение, которое он придавал в развитии социальной психологии фактору *духовного состояния и духовных потребностей* общества. Характеризуя причины возрождения социальной психологии в 1960-х годах, Парыгин в качестве первоочередной и важнейшей из них отмечает рост религиозности (Парыгин, 1999), трактуемый им как потребность общества в духовных практиках и культурном оформлении душевной жизни. Он подробно останавливается на этом обстоятельстве, фактически не упоминаемом никем из других исследователей, и лишь далее, списком, обозначает традиционно называемые факторы: «Вместе с тем, в числе факторов, которые способствовали возрождению социальной психологии, были: растущие запросы общества, связанные с потребностью изучения и учета социально-психологических знаний во всех областях социальной жизни; необходимость более полного представления о структуре общественных отношений и общественного сознания; успехи психологической науки в сфере изучения взаимоотношений личности в коллективе; изменение идеологической атмосферы в стране, начавшееся в 1960-е годы, известное под названием „оттепели“, когда на волне общественно-политического подъема, вызванного разоблачением культа личности, советским руководством было допущено некоторое смягчение идеологического контроля в духовной жизни общества в целом и научной сфере в частности» (Парыгин, 1999, с.76).

О приверженности Парыгина отечественной духовно-философской парадигме свидетельствует его очень определенная позиция по отношению к зарубежным направлениям в социальной психологии, знакомство с которыми сыграло огромную и неоднозначную роль в процессе становления российской социальной психологии. Как уже было отмечено, «для 60-х — периода „оттепели“ — и особенно 70-х годов характерно все более интенсивное освоение теории и методов зарубежной психологии. Отечественная социальная психология обогатилась категориальным, понятийным аппаратом мировой психологии, и это сыграло огромную роль в ее оформлении в самостоятельную область психологии... Однако повышение профессионального уровня отечественной социальной психологии создает глубокое противоречие в ее развитии, которое до сих пор полностью не выявле-

но» (Психологическая наука в России XX столетия..., 1997, с. 401). Полноценный синтез отечественных наработок и зарубежных концепций достигнут в социальной психологии не был, в результате чего «ее особенностью оказалось двойное „гражданство“ — категориально-понятийный аппарат имел отечественное и „импортное“ происхождение, но только в исключительных случаях осуществлялось их согласование» (там же, с. 407).

В этой ситуации, прекрасно зная иностранные источники и полемизируя с западными коллегами в своих работах, Парыгин остается на позициях разработанной им целостной методологии. При обосновании предметной области социальной психологии он также сохраняет ориентацию на национальную специфику и культурную традицию. Попытки же разрабатывать социально-психологические проблемы, в исследовании которых использовались западные концепции (в первую очередь, он говорит об исследовании взаимодействия индивидов в группе), по его мнению, ставят российских ученых «в положение ведомых и обреченных на роль постоянно отстающих и безнадежно пытающихся догнать вырвавшегося далеко вперед лидера, имеющего огромный потенциал возможностей для наращивания скорости своего продвижения» (Парыгин, 2010, с. 495).

В своих позднейших работах Парыгин прямо ставит «задачу формирования новой фундаментальной парадигмы», отмечая, что «последняя начинает уже приобретать определенные очертания в качестве альтернативы бихевиоризму и возврата, теперь уже на новой основе, к идее души человека в качестве истинного предмета психологии, отброшенного в начале прошлого века... Одной из тенденций при обсуждении вопроса о предмете социальной психологии в последнее время является обращение к заявленной еще в конце XIX—начале XX в. представителями отечественной философской мысли (М. Троицкий, Г. Плеханов, С. Франк и др.) идее изучения духовных основ жизни общества и души человека в качестве главного социально-психологического явления» (там же, с. 495—496).

Такого рода прямые высказывания, конечно, были невозможны в работах 1960—1970-х годов, однако об определенности философских взглядов Парыгина говорят его более поздние работы (Парыгин, 1999; и др.)

Отношение Б. Д. Парыгина к деятельностному подходу

Нельзя не согласиться с Г. М. Андреевой в том, что в советской социальной психологии «„идеологический диктат“ не насаждался цензурой или прямым вмешательством со стороны партийно-государственных органов, скорее, он проявлялся как „внутренняя цензура“, поскольку основная масса профессионалов была воспитана в традициях марксистской идеологии... Принятие деятельности как важнейшего методологического принципа в значительной степени обусловило весь „образ“ советской социальной психологии» (Андреева, 1997, с. 10).

Никак не умаляя достоинств и значимости *деятельностного подхода* в российской социальной психологии, следует признать, что система взглядов Парыгина не может быть отнесена к деятельностному подходу. Он органически не принимал признания «социально детерминированной предметной деятельности как творца человеческих отношений» (Петровский, 2000, с. 142), а также положения о том, что «такое понимание детерминирующей роли предметной деятельности может

быть распространено на интерпретацию любых межличностных отношений, хотя эффекты деятельности опосредствования в них могут быть стертыми, неявными» (там же, с. 143).

Анализу деятельности в трудах Парыгина уделяется значительное место, однако она предстает здесь не как системная детерминанта психического, а, напротив, как область проявлений динамики психических состояний личности, где определяющее значение имеет «сфера межличностного общения, играющая особенно существенную роль как мощный стимулятор психической активности индивида» (Парыгин, 2010, с. 323). Парыгин говорит о «глубокой и органической потребности человека в понимании, сопереживании и эмоциональном отклике себе подобному» (там же, с. 323) как о факторе, детерминирующем включенность человека в предметную деятельность, в том числе трудовую, и определяющем ее эффективность.

Заключение

Работы Парыгина внесли существенный вклад в развитие отечественной социальной психологии, составляют часть истории отечественной и мировой социальной психологии. Не сливаясь с доминирующим в тот период истории деятельностным подходом, большое значение которого мы не подвергаем здесь сомнению, его работы придают дискуссиям, в ходе которых формировалась российская социальная психология, особую глубину и представляют собой истоки будущего развития социально-психологического знания. Заложенные в рамках общей социально-психологической теории научные представления Парыгина о природе психических состояний личности в целом и человеческого общения являются важной предпосылкой развития современной социально-психологической теории и практики.

Литература

- Андреева Г. М.* К истории становления социальной психологии в России // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1997. № 4. С. 6–17.
- Журавлев А. Л.* Современная социальная психология в России: тенденции и перспективы развития // Арзамасские чтения-2. Основные направления развития отечественной и зарубежной психологии. М., 2012. С. 46–56.
- Журавлев А. Л., МIRONENKO И. А.* Система научных представлений Б. Д. Парыгина в области социальной психологии // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 28–38.
- Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 2007.
- Методики социально-психологического исследования личности и малых групп. М., 1995.
- Методики социально-психологической диагностики личности и группы. М., 1990.
- МIRONENKO И. А., Журавлев А. Л.* Вклад Б. Д. Парыгина в возрождение отечественной социальной психологии (К 85-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2015. № 5. С. 117–124.
- Парыгин Б. Д.* О психологическом направлении в современной буржуазной социологии и о социальной психологии // Вестник Ленинградского университета. Сер. 23. Экономика, философия и право. Вып. 4. 1959. С. 164–169.

- Парыгин Б. Д.* К вопросу о предмете социальной психологии // Вопросы психологии. 1962а. № 5. С. 107–112.
- Парыгин Б. Д.* Общественное настроение как социологическая категория // Вестник Ленинградского университета. 1962б. № 5. С. 129–132.
- Парыгин Б. Д.* Совещание по проблемам социальной психологии // Вопросы психологии. 1963. № 3. С. 181–183.
- Парыгин Б. Д.* Вопросы социальной психологии в работах Г. В. Плеханова // Проблемы общественной психологии / Под ред. В. Н. Колбановского и Б. Ф. Поршнева. М., 1965а. С. 89–106.
- Парыгин Б. Д.* Социальная психология как наука. Л., 1965б.
- Парыгин Б. Д.* Общественное настроение. М., 1966.
- Парыгин Б. Д.* Основы социально-психологической теории. М., 1971.
- Парыгин Б. Д.* Руководство и лидерство // Руководство и лидерство / Под ред. Б. Д. Парыгина. Л., 1973. С. 5–12.
- Парыгин Б. Д.* Проблема опосредованности в социальной психологии // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М., 1975а. С. 31–44.
- Парыгин Б. Д.* Психологический барьер и его природа // Социальная психология и философия. Л., 1975б. Вып. 3. С. 3–13.
- Парыгин Б. Д.* Социально-психологический климат коллектива: Пути и методы изучения / Под ред. В. А. Ядова. Л., 1981.
- Парыгин Б. Д.* Социальная психология: Проблемы истории, методологии и теории. СПб., 1999.
- Парыгин Б. Д.* Социальная психология: Истоки и перспективы. СПб., 2010.
- Петровский А. В.* Психология в России: XX век. М., 2000.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М., 1997.
- Регуляция социально-психологического климата трудового коллектива / Отв. ред. Б. Д. Парыгин. Л., 1986.
- Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М., 2002.
- Harré H. R.* Social Being: A Theory for a Social Psychology. Oxford: Blackwell, 1979.
- Парыгин Б. Д.* Социальная психология как наука. София, 1968а. (На болгар. яз.)
- Парыгин Б. Д.* Основы социально-психологической теории. Сер. «Собрания выдающихся зарубежных произведений». Токио, 1977. (На япон. яз.)
- Parygin B. D.* Bemerkungen zum Gegenstand der Sozialpsychologie // SGB. Berlin, 1963а. Heft 8. S. 889–898.
- Parygin B. D.* On the subject of social psychology // Joint publications research (selected translation abstract). Washington, 1963б.
- Parygin B. D.* The subject matter of social psychology // American Psychologist. V. 19 (5). 1964. P. 342–349.
- Parygin B. D.* La psicologia social como ciencia. Montevideo: Pueblos Unidos, 1967.
- Parygin B. D.* Socialni psychologie jako veda. Praga: Statni Pedagogiceske Nakladatelstvi, 1968б.
- Parygin B. D.* Grundlagen der sozialpsychologischen Theorie. Koln: Pahl Rugenstein Verlag, 1975.
- Parygin B. D.* Grundlagen der sozialpsychologischen Theorie. Berlin: Groschke, 1976.

Вклад В. М. Бехтерева в изучение проблемы внушаемости человека

В. М. Звоников, С. Ю. Баранов (Москва)

В настоящее время не подлежит сомнению, что внушение вместе с другими способами общения выполняет важные социально-психологические функции: способствует формированию общественной психологии людей, внедрению в их сознание сходных взглядов и убеждений, мнений и оценок, норм деятельности и поведения, направляет и регулирует активность личности, побуждая к одним делам и поступкам и удерживая от других. Оно способствует или препятствует использованию людьми потенциальных физиологических и умственных сил в тех или иных видах индивидуальной и общественной деятельности (Гримак, 1997, 2004; Звоников, Паков, Степанова, 2012; Короткин, Сулова, 1960; Кузнецова, 2011; Куликов, 1965, 1974; Петров, 1975; Пфафф, Звоников, 2000; Шерток, 1982; Шварц, 1973).

Внушение является естественным компонентом обычного человеческого общения, но может выступать и в качестве специально организованного вида воздействия, характеризующегося не критическим восприятием сообщаемой информации.

Указанные современные взгляды на внушение как важный процесс человеческого общения во многом опираются на работы выдающегося отечественного психиатра, физиолога и психолога В. М. Бехтерева. Именно его труды помогают взглянуть на внушение как на один из видов воздействия в системах «человек—человек», «общество—человек», определить его роль в общественной и индивидуальной жизни и выделить особое свойство личности — внушаемость.

Изучение работ В. М. Бехтерева позволило выделить ряд положений, имеющих не только историческое, но и актуальное научно-практическое значение.

Во-первых, гипноз и внушение до исследований В. М. Бехтерева в основном рассматривались только с позиции медицины. Великий ученый первым обратил внимание на то, что роль и функции внушения, а также сфера его проявления являются гораздо более широкими и масштабными. В своей книге «Внушение и его роль в общественной жизни», опубликованной в 1908 г. (первое издание работы датируется 1898 г.), он впервые обратил внимание на внушение не только, как на процесс воздействия врача на больного при гипнотерапии, но и как на способ «воздействия одних лиц на других» в обыденной жизни.

Указанная работа В. М. Бехтерева не утратила своей актуальности и в наши дни, прежде всего, в плане психологической трактовки понятия «внушение», которое дано автором четко и аргументированно.

По В. М. Бехтереву, «внушение представляет собою непосредственное прививание тех или иных состояний от одного лица к другому при посредстве слов, мимики и жестов. Результат же внушения есть не что иное, как вторжение в психическую сферу посторонней идеи без прямого непосредственного участия в этом акте личной сферы, вследствие чего последняя в большинстве случаев является совершенно безвластной ее отторгнуть или изгнать из сферы личности даже при условии, когда представляется ее нелепость. Проникая в психику без актив-

ного внимания, внушение остается вне личной сферы психики, благодаря чему и все дальнейшие последствия происходят без контроля личной сферы и без соответственной задержки» (Бехтерев, 2000а, с. 141).

Согласно данному определению, внушение выступает не только как составляющая часть гипнотического воздействия, но и как самостоятельный, специфический феномен, способ воздействия на человека и взаимодействия между людьми, проявляющийся в различных сферах жизни – в деятельности, обучении, общении.

Характерная особенность внушения состоит в том, что оно оказывает влияние на психику и поведение человека незаметно. Бесконтрольно проникая в психику человека, внушение влияет на его поступки, стремления, мотивы и установки. Оно определяет психологическое состояние человека и его поведение при том, что он не проявляет к внушаемому содержанию критического или аффективного отношения (Бехтерев, 2000а, б).

Во-вторых, Бехтерев первым дифференцировал внушение и убеждение. «Внушение сводится к непосредственному прививанию тех или других психических состояний от одного лица к другому – прививанию, происходящему без участия внимания воспринимающего лица и нередко даже без ясного с его стороны сознания. Именно в этом отличие внушения от убеждения. Убеждение производится всегда при посредстве активного внимания и логического мышления и с участием личной сферы психики» (Бехтерев, 2000а).

В-третьих, В. М. Бехтерев рассмотрел внушение как социально-психологический феномен – способ взаимодействия между людьми, заложив тем самым основы становления отечественной общественной (социальной) психологии. Но его идеи не нашли широкого отклика в научном сообществе того времени, еще не готовом к их восприятию и связывающем внушение и внушаемость только с гипнозом. Правда, Бернхейм, вслед за В. М. Бехтеревым, а возможно, и под влиянием его идей, писал в 1917 г. по поводу феноменов, наблюдавшихся в гипнозе: «Все эти феномены не являются результатом особого состояния, называемого гипнотическим состоянием, поскольку их можно вызвать в состоянии бодрствования у субъектов, которых никогда не усыпляли и которые никогда не видели, как усыпляют других. У внушаемых индивидов посредством словесного внушения наяву также можно добиться обезболивания, галлюцинаций, действий по приказу и т. д.» (цит. по: Шерток, 1982, с. 38).

Представления В. М. Бехтерева и Бернхейма о внушении как способе воздействия на человека, пребывающего в бодрствующем состоянии, сознания, были практически забыты почти на 50 лет, и только в 1960-х годах к ним вернулись исследователи внушения в психологии.

В-четвертых, В. М. Бехтерев выделил невольное внушение и взаимовнушение, а также целенаправленное внушение, имеющее конкретные цели, задачи и соответствующую технику его осуществления. Целенаправленное внушение достаточно широко используется в медицинской, педагогической, спортивной, военной и даже в криминальной сферах (Гримак, 1997, 2004). Что касается «невольного» (т. е. произвольного) внушения, то, несмотря на его значимость в плане понимания механизмов «прививания» психических состояний, изменения поведения в процессе межличностных контактов, в его трактовке остается больше вопросов, чем ответов. Незначительное количество работ, посвященных данной теме, связа-

но, на наш взгляд, с методическими трудностями исследования непроизвольно-го внушения. Однако проблема непроизвольного внушения остается чрезвычайно значимой, на что указывал В. М. Бехтерев: «В сущности, невольное внушение и взаимовнушение, будучи явлением всеобщим, действует везде и всюду в нашей повседневной жизни. Не замечая того, сами мы приобретаем в известной мере чувства, суеверия, предубеждения, склонности, мысли и даже особенности характера от окружающих нас лиц... Происходит, следовательно, в полном смысле слова психический взаимообмен между совместно живущими лицами, который отзывается не на одних только чувствах, мыслях и поступках, но даже и на физической сфере, поскольку на ней, вообще, может отражаться влияние психической деятельности» (Бехтерев, 2000а, с. 180).

В-пятых, В. М. Бехтерев первым ввел термин «внушаемость», определяя ее как индивидуальную характеристику личности, состоящую в той или иной степени «податливости» внушению (Бехтерев, 2000а, б). Очевидно, что именно от внушаемости индивида зависит эффективность воздействующего на него внушения.

Внушаемость, выступая одним из «нормальных свойств высшей нервной деятельности человека», в реальном конкретном проявлении «в высшей степени динамична» (Шерток, 1982).

В. М. Бехтерев отмечает, что лучшей внушаемостью отличаются люди, подвергающиеся воздействию со стороны эмоционально близких людей (Бехтерев, 2000а).

На основании проведенного теоретического анализа, можно выделить следующие концептуальные положения, важные с точки зрения использования знаний о внушаемости в прикладных целях:

- внушаемость является одним из свойств психики;
- внушаемость имеет свою специфическую структуру, а также множественные связи с другими психологическими и психофизиологическими свойствами;
- внушаемость не может детерминироваться односторонне только астеническими особенностями различных психических свойств и нейродинамических характеристик;
- внушаемость имеет типологические и индивидуальные особенности качественного и количественного характера;
- высокая значимость внушаемости для биологической и социальной адаптации индивида позволяет расценивать ее как компонент резервных возможностей психики человека и в этом качестве позволяет использовать ее в прикладных целях (медицинских, психолого-педагогических, социально-психологических и др.).

Литература

- Бехтерев В. М.* Внушение и его роль в общественной жизни // Гипноз. Донецк, 2000а. С. 125–346.
- Бехтерев В. М.* Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение // Гипноз. Донецк, 2000б. С. 3–124.
- Гримак Л. П.* Гипноз и преступность. М., 1997.
- Гримак Л. П.* Тайны гипноза: Современный взгляд. СПб., 2004.

- Звоников В. М., Паков М. М., Степанова В. Е.* Объективная оценка уровня внушаемости человека // Вестник восстановительной медицины. 2012. № 2. С. 14–17.
- Короткин И. И., Сулова М. М.* Сравнительное исследование действия, сделанного в гипнозе и бодрствовании // Журнал высшей нервной деятельности. 1960. № 2. С. 173–179.
- Кузнецова М. Д.* Субъектность восприятия рекламного сообщения: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2011.
- Куликов В. Н.* Вопросы психологии внушения в общественной жизни // Проблемы общественной психологии / Под ред. В. Н. Колбановского, Б. Ф. Поршнева. М., 1965. С. 23–29.
- Куликов В. Н.* Социально-психологические аспекты суггестии: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1974.
- Петров С. С.* Внушение и внушаемость // Проблемы внушаемости и психопатологии. Научные труды Рязанского медицинского института. Рязань, 1975. Т. 52. С. 12–15.
- Пфафф В. Ф., Звоников В. М.* Разработка и экспериментальная апробация методики объективной психофизиологической оценки эффектов внушения и внушаемости // Актуальные вопросы клинической железнодорожной медицины: Научные труды сотрудников ЦКБ МПС РФ. Т. 9. М., 2000. С. 75–80.
- Шертук Л.* Непознанное в психике человека. М., 1982.
- Шварц И. Е.* Внушение в педагогическом процессе. М., 1973.

Роль К. К. Платонова в создании и внедрении самолетов-лабораторий психофизиологического профиля

Н. Е. Казакова (Москва)

7 июня 2016 г. исполнилось 110 лет со дня рождения Константина Константиновича Платонова (1906–1984), заслуженного деятеля науки, доктора медицинских и психологических наук, автора более 300 публикаций, переведенных на 21 иностранный язык, ученого, внесшего огромный вклад в развитие разных направлений отечественной психологической науки.

Как указывается в справочнике «Видные деятели авиационной медицины и психологии», изданном в 1991 г. Научно-исследовательским институтом авиационной и космической медицины, К. К. Платонов сыграл огромную роль в разработке общеметодологических и методических проблем психологии и в развитии многих отраслей психологии, особенно авиационной психологии, признанным основоположником которой он является (Меденков, 1991).

К числу наиболее крупных достижений К. К. Платонова в этой области, несомненно, относится совершенствование летающих лабораторий психофизиологического профиля и выполненные на них исследования (1949–1959).

Некоторые авторы (Т. А. Зверева, 2007; Е. Н. Лысакова, 2012) считают, что самолет-лаборатория психофизиологического профиля был создан впервые именно К. К. Платоновым. Однако это мнение ошибочно. Пионерами в создании летающих лабораторий были Л. А. Орбели, его ученики и коллеги. Начав работать в названном направлении на шесть-семь лет позже, в год отстранения Л. А. Орбели от исследований в авиационной психофизиологии, Платонов вместе со своими последователями внес огромный вклад в дальнейшее усовершенствование и внедрение летающих лабораторий в исследовательскую практику. Причем сам Константин Константинович и его сотрудники использовали термин «самолет-лаборатория», а не «летающая лаборатория» в связи с тем, что проводили свои научные исследования только на самолетах.

На наш взгляд, история возникновения и развития летающих лабораторий психофизиологического профиля, начиная от дирижаблей и до космических аппаратов, показывает, что более точным является понятие «летающая лаборатория». Однако в связи с тем, что наша работа посвящена вкладу в решение данной проблемы К. К. Платонова и его сотрудников, здесь мы будем использовать принятый ими термин «самолет-лаборатория психофизиологического профиля» (СЛПП).

В мае 1947 г. приказом министра Вооруженных сил СССР Н. А. Булганина был воссоздан реорганизованный во время Великой Отечественной войны Институт авиационной медицины, называемый с этого времени Научно-исследовательским испытательным институтом авиационной медицины (НИИИАМ) ВВС. Руководителем института назначен полковник медицинской службы, лауреат Государственной премии Алексей Васильевич Покровский.

Среди поставленных перед Институтом задач значилась разработка «методов экспериментально-психологических исследований для внедрения в практику дифференцированного отбора кандидатов, поступающих в авиацию» (Покровский, 2006, с. 58). С целью реализации поставленных задач в Институте в 1949 г. был создан отдел экспериментальной психологии, который возглавил Константин Константинович Платонов, в то время полковник медицинской службы, кандидат медицинских наук.

Сам К. К. Платонов так пишет об этих событиях: «Мой начальник, полковник Алексей Васильевич Покровский, сказал мне (в который раз за последние месяцы): „Константин Константинович, вы же не глупый человек, а упорно хотите заниматься такой чепухой, как психология! Давайте переименуем ваш отдел в отдел физиологии высшей нервной деятельности, и я сразу в два, а то и в три раза увеличу ваш штат!“» (Платонов, 2005, с. 280).

Тем не менее одной из главных задач своего отдела Платонов считал теоретическое обоснование создания и организации конструирования учебного самолета, способного к объективной регистрации его отклонений, а также фиксации реакции летчика на эти отклонения. Подобный самолет должен был, по мнению Платонова, положить начало целой серии самолетов-лабораторий. Данные самолеты-лаборатории с помощью регистрации движений и действий летчика, кино съемки, показаний приборов должны были обеспечить проведение объективного изучения психологического состояния и особенностей деятельности летчика в полете. Кроме того, полученные данные помогли бы определить потенциальные нарушения алгоритма действий пилота, выяснить причины допущенных им ошибок.

Идея создания самолетов-лабораторий являлась для Платонова столь важной, что в октябре 1949 г. он добился встречи с А. Г. Ивановым-Смоленским, выступившим против Л. А. Орбели на знаменитой Павловской сессии, чтобы заручиться его поддержкой: «Дело в том, что в тот период его поддержка гарантировала успех любого дела, а мне необходимо было преодолеть инерцию моего начальства и решить вопрос об оборудовании моих заветных самолетов-лабораторий... Даже одного посещения его оказалось достаточно, чтобы протолкнуть нужное оборудование для самолетов-лабораторий» (там же, с. 281). Таким образом, уже к концу 1949 г. был оснащен оборудованием первый «платоновский» самолет-лаборатория психофизиологического профиля.

В отличие от летающих лабораторий Л. А. Орбели, экспериментировавшего последовательно на «Ла-5», «Як-9» и английском истребителе «Спитфайр», Платонов и его коллеги в качестве самолета-лаборатории использовали сначала «Як-11», а затем — «Ту-4», «МиГ-15УТИ», «МиГ-18», «Ил-28У» (учебный). Использование указанных самолетов-лабораторий было связано с повышающейся технической сложностью самолетов, появлением новых образцов летательных аппаратов, высокими темпами изменения оснащения авиации. Внедрение реактивной техники, являвшейся новой для летчиков, летавших ранее на поршневых самолетах, и, соответственно, предъявлявшей повышенные требования к подготовленности летного состава, вызывало необходимость периодического переучивания летчиков и подготовки авиационных кадров в более сжатые сроки.

Следует отметить, что уже первые летающие лаборатории, оборудованные под руководством Л. А. Орбели, были оснащены следующими приборами:

- акселерографами для точной регистрации величины перегрузки по времени;
- акселерометром;
- сигнализатором перегрузок;
- аппаратурой для регистрации скорости и высоты полета;
- приборами для регистрации физиологических функций летчика, в том числе динамометрической ручкой, отражающей степень управляемости самолетом и зависимости качества пилотирования от физиологического состояния летчика;
- комбинированным акселерографом конструкции Винокурова—Левашева (стандартный акселерограф с рядом приспособлений для регистрации наступления зрительных расстройств, изменений памяти, скорости ответной реакции и чувства заданного мышечного усилия под влиянием ускорения);
- самописцем отклонения руля самолета;
- киноаппаратом с автоматическим включением, снимающим одновременно изменение внешнего вида и поведения летчика, а также данные двух стрелочных акселерометров.

Полученные с использованием первой «летающей лаборатории психофизиологического профиля» результаты исследований были изложены в монографии «Новые данные о влиянии ускорения на организм летчика в полете» (Винокуров, Левашов, Хромушкин, 1946). Ее авторы отмечали, что дальнейшее усовершенствование объективной регистрирующей аппаратуры, возможностей управления приборами и работы на них должно быть направлено на обеспечение их максимального

приближения к естественным и профессиональным условиям деятельности летчика (характеру задачи, объему движений, месторасположению приборов и т. д.).

Однако полностью завершить намеченную программу исследовательский коллектив, возглавляемый Орбели, в силу известных причин, не успел. Многое в последующие годы добились сотрудники отдела, созданного К. К. Платоновым.

Одной из проблем, на решение которых были направлены исследования на СЛПП, была *проблема психологического состояния напряженности летчика в полете*. Данное состояние характеризуется двигательной и психической скованностью, отрицательно влияющей на летную деятельность. По данным объективной регистрации, напряженность летчика проявлялась в мимике — в скованности мимической мускулатуры и позы; в нарушении движения — в зажиме управления, увеличении резкости движений, их несоразмерности, некоординированности, нецелесообразном характере. Кроме того, напряженность проявлялась в сужении объема и недостаточности распределения внимания, затруднении его переключения; в нарушении очередности действий, забывании порядка их выполнения, неправильности оценки ситуации в полете, замедлении принятия решения и отсутствии осуществления уже принятых решений.

В качестве высокоинформативного и объективного метода изучения напряженности в полете выступал разработанный *метод записи резких рабочих движений и зажимов ручки управления на самолете-лаборатории*. Запись степени зажима управления проводилась у курсантов экспериментальной и контрольной групп; полученные сравнительные данные подтвердили эффективность данного метода в плане объективной оценки психологического состояния летчика в полете, а также обучения и подготовки летного состава.

Результаты исследований, проведенных на основе использования данного метода, разработанного и внедренного в отечественной авиации по инициативе и под руководством Платонова, позволили выявить факторы, обуславливающие возникновение резко выраженной напряженности, и объединить их в следующие группы:

- несоответствие имеющихся у обучающегося знаний и навыков предъявляемым ему требованиям;
- несоответствие индивидуально-психологических характеристик обучающихся требованиям выполняемой ими деятельности;
- неправильный педагогический подход при подготовке к летной деятельности без учета индивидуально-психологических особенностей обучаемого (иногда неосторожное, нечуткое слово);
- отклонения в нервно-психическом здоровье.

В ходе исследования было подтверждено, что указанные факторы могут выступать как в качестве условия, так и причины возникновения напряженности. Напряженность по своим физиологическим механизмам является пассивно-оборонительным рефлексом, чаще всего вызванным новизной обстановки. В любом случае уменьшение и снятие напряженности предполагают устранение этих факторов.

К. К. Платонов первым поставил вопрос о необходимости изучения и тренировки скорости и точности естественной для летной деятельности *«сенсомотор-*

ной координации», т. е. адекватного реагирования на характерные для условий полета раздражители.

На СЛПП записывалось (регистрировалось) время реагирования на взлете, при исправлении крена во время планирования, а также отклонений в период выполнения различных фигур высшего пилотажа. Регистрация сенсомоторной координации требовала оригинальных психофизиолого-технических решений. Они и были реализованы в созданных Платоновым и его коллегами самолетах-лабораториях авиаинженерами, летчиками-испытателями и др.

Платонов, используя возможности СЛПП, значительно усовершенствовал методику записи резких рабочих движений и зажимов ручки управления, впервые разработанную Винокуровым и Левашовым. При этом ему принадлежит приоритет в исследовании этого высокоинформативного, объективного метода изучения напряженности в полете, особенно в полете по приборам (так называемом «слепом» полете) (Платонов, 1958; 1969).

В понятие и практику сенсомоторики летчика Платонов ввел, наряду с сенсомоторными процессами, *идеомоторные*, связывающие представление о движении с выполнением движения.

Для психологии летного труда проблема идеомоторики имеет особенно большое значение как проблема связи рабочего движения с его идеальным образом.

Платонов считал, что именно идеомоторными процессами можно объяснить значение «воображаемых» полетов, эмпирически найденных летчиками-испытателями. Экспериментально доказано, что воображаемые полеты, в которых летчик произвольно и, возможно, более отчетливо воспроизводил в словесных формулировках обстановку полета и свои действия, способствовали восстановлению навыков, разрушившихся вследствие длительного перерыва в полетах.

В процессе исследования сенсомоторной координации в самолетах-лабораториях было выявлено множество ранее неизвестных фактов, имеющих большое значение для понимания не только механизмов психомоторики летчика, но и механизмов психомоторики в более широком плане.

В ходе работы Платоновым и сотрудниками его отдела была доказана ошибочность попытки специалистов по аэродинамике установления оптимальных стандартных движений летчика при выполнении фигур пилотажа. Результаты экспериментальных исследований коллектива отдела показали, что, в отличие от автомата, летчик в процессе полета может решать одну и ту же летную задачу с помощью различных движений, а посредством одного и того же движения — оптимально выполнять разные действия, достигать различных целей.

Записи самолетов-лабораторий убедительно показали, что одна и та же фигура пилотажа выполняется одинаково хорошо разными движениями летчика. Данные опыты проводились как на самолетах-лабораториях «Як-11» (Е. А. Карпов, К. К. Платонов, В. А. Попов, 1948), так и на самолетах-лабораториях «Ту-4» (О. Я. Боксер, К. К. Платонов, 1952) и «Миг-18» (Т. Х. Гурвич, К. А. Деревянко, И. А. Камышев, 1958).

Отдельного внимания заслуживают проводимые на СЛПП *исследования психологических особенностей полета по приборам*. К. К. Платоновым была выдвинута гипотеза, согласно которой «ориентировку в полете по приборам надо рассмат-

ривать как второсигнальную деятельность, как умственный навык... Наибольшая сложность чтения приборов заключается в том, что летчик должен не только ориентироваться по ним в пространственном положении и движении самолета, но и вовремя улавливать тенденции к изменению этого движения» (Платонов, 1960, с. 163). Доказывалась необходимость обучать летчика обобщенному считыванию показаний приборов и реагированию не по очереди на каждый прибор, а на изменение положения самолета и режима полета в целом.

Экспериментальные исследования, выполненные на самолетах-лабораториях, выявили наличие особенностей психологических состояний и действий летчиков во время визуального полета, полета по приборам и полета в сложных метеоусловиях. Существенные отличия доказывались записью зажимов ручки управления. Так, величина зажима управления в визуальном полете составляла 20 усл. ед., в полете со шторкой — 32 усл. ед., в облаках — 37 усл. ед.

В ходе этих исследований удалось обнаружить неизвестный ранее феномен — *идеомоторный зажим штурвала* (за несколько секунд до начала разворота, когда руль еще неподвижен).

Экспериментально на самолете-лаборатории было показано, что обучение исправлению сложных отклонений самолета, требующему одновременного наблюдения за показаниями трех приборов, более эффективно, чем обучение исправлению сначала отклонений по реагированию на каждый прибор в отдельности с последующим совмещением полученных навыков. Это говорит о значении обучения аналитико-синтетическому «чтению приборов» в общей системе обучения полету по приборам. Чем раньше курсант начнет упражнение, чем чаще и активнее будет упражняться в согласовании динамического образа, полученного им по аналитико-синтетическому «чтению приборов», с визуальным образом пространственного положения и режима полетов, тем скорее и лучше он научится правильно воспринимать приборную информацию (там же).

На основе исследований СЛПП Платонов разработал *теорию замкнутой системы регулирования самолета и человека в полете*, предметом которой является изучение частоты информации в единицу времени, в которую человек может отреагировать. Такие исследования цепных реакций с выбором были произведены на «Приборе НИИИАМ» (разработанном К. К. Платоновым и впоследствии названном «аппарат НИИИАМ» для исследования сенсомоторных реакций) и измерителе последовательных реакций ИПР-01.

К числу крупных достижений К. К. Платонова, полученных в период создания и совершенствования СЛПП (как правило, в соавторстве с авиаинженерами, летчиками-методистами и испытателями), относятся: разработка соответствующих авиапсихологических приборов, «психологическая рационализация» самолетных показывающих приборов и макетных самолетных приборных досок.

Опираясь на теорию функциональных систем П. К. Анохина, Платонов доказывал, что авиационные приборы, сгруппированные на приборной доске и на боковых панелях кабины самолета, являются частью афферентного поля летчика. В реальных условиях полета, проводимого на самолетах-лабораториях с различными приборными досками, учитывались и измерялись речевые реакции (приборы ТХР-56, ЭМР-01, ИПР-01), производилась киносъемка направления взгляда. Все это сопоставлялось с регистрацией качества полета.

К. К. Платонов одним из первых оценил перспективность телехронорефлексографии, особенно для СЛПП, активно и результативно содействовал промышленному внедрению телехронорефлексографов (ТХР). В 1948–1949 гг. главная инженерная служба ВВС направила ему действующий макетный образец лабораторного варианта ТХР для получения заключения. В силу значительного инженерно-психофизиологического авторитета Платонова его отзыв был решающим.

Таким образом, К. К. Платонов внес значительный вклад в создание и усовершенствование качества различных самолетных приборов и их рациональное размещение на приборных досках самолетов. Наиболее целесообразным, по Платонову, является смысловое комбинирование приборов, показания которых при чтении могут и должны обобщаться в единый образ, требующий также обобщенной двигательной реакции.

Решая задачу совершенствования учебной базы подготовки летчиков, К. К. Платонов, Г. Г. Голубев и И. И. Никифоров разработали психолого-педагогические и инженерно-психологические *требования к учебному самолету-истребителю*. Была выдвинута идея создания особого устройства рулей управления, позволявшего инструктору при необходимости пользоваться ими незаметно для курсанта и помимо его воли. Для этого среди прочего было важно обеспечить инструктору возможность наблюдения за лицом курсанта и его действиями.

Платонов предсказывал, что перспективным вопросом инженерной психологии будет изучение человека и самолета в полете как *единого целого*, звеньев единой цепи. Впоследствии идея такой системы явилась одним из подступов к формированию учения о функциональной биотехнической системе с биологической обратной связью от результата действия (Боксер, 1999).

В дальнейшем, в 1954–1955 гг., Платонов проводил совместные исследования в Ивановской высшей летно-тактической школе дальней авиации, где его бывший ученик и коллега О. Я. Боксер возглавлял психофизиологическую лабораторию. В ходе исследований были оборудованы и использовались два СЛПП: один — на основе пикирующего бомбардировщика «ПЕ-2», второй — на основе дальнего бомбардировщика «Ту-2». Платонов трижды приезжал в Иваново на полторы-две недели и принимал личное участие в исследованиях на базе названных самолетов, оснащенных новейшей психофизиологической, киносъемочной и радиотелеметрической аппаратурой.

По окончании экспериментов было смонтировано два экземпляра документального фильма. Один из них авторы демонстрировали на расширенном заседании штаба дальней авиации, второй затребовал Военно-медицинский музей ВС МО.

Инновационные авиопсихологические технологии и концепции К. К. Платонова, внедренные в широкую практику, явились результатом взаимосвязанных теоретических исследований и практических разработок, осуществленных им, его непосредственными учениками и сподвижниками.

Во введении к первому изданию своей книги «Психология летного труда» Платонов писал:

«Автор приносит глубокую благодарность товарищам О. Я. Боксеру, Г. Г. Голубеву, Б. М. Гольдштейну, Т. Х. Гурвичу, Е. А. Деревянко, В. Я. Дымерскому, Т. И. Жу-

ковой, Н. Д. Заваловой, Е. С. Завьялову, И. П. Ивановской, Е. А. Карпову, А. Ф. Катаеву, И. А. Камышову, А. И. Коновалову, И. И. Лепендиной, А. А. Макагоновой, И. И. Мунерман, Г. Д. Народицкой, И. И. Никифорову, Г. Д. Нилову, П. Я. Нурдыгину, А. Е. Ольшанниковой, Ю. А. Петрову, В. М. Пиковскому, Б. Л. Покровскому, М. Ф. Пономареву, В. А. Попову, А. М. Поспелову, Л. М. Розет, С. Я. Рубинштейн, Т. И. Тепеницыной, И. В. Терешкиной, Ш. А. Самхарадзе, Р. И. Ульченко, Ю. И. Шпигель, И. Е. Шрамко, Г. М. Энтину, Б. А. Якубову, многие материалы исследований которых были использованы при написании данной книги» (Платонов, 1960, с. 5–6).

Некоторые из названных специалистов впоследствии возглавили собственные научные школы, плодотворно функционирующие в различных направлениях, в том числе в направлении развития идей К. К. Платонова.

Литература

- Боксер О. Я.* Функциональные биотехнические системы // Вестник Российской академии медицинских наук. 1999. № 6. С. 29–34.
- Боксер О. Я., Казакова Н. Е.* К истории создания летающих лабораторий психофизиологического профиля. Шуя, 2002.
- Винокуров В. А., Левашов В. В., Хромушкин А. И.* Новые данные о влиянии ускорения на организм летчика в полете // Труды Летно-исследовательского института / Под ред. М. П. Бресткина. 1946. № 17. С. 25–37.
- Казакова Н. Е.* Акмеологическое исследование полипрофессионализма психолога (На материале анализа жизни и творчества К. К. Платонова): Дис. ... канд. психол. наук. Шуя, 2002.
- Казакова Н. Е.* Полипрофессионализм деятельности выдающегося психолога-акмеолога К. К. Платонова. Шуя, 2002а.
- Меденков А. А.* Видные деятели авиационной медицины и психологии. М., 1991.
- Платонов К. К.* К теории обучения ориентировке в полетах по приборам // Вопросы авиационной медицины. М., 1958.
- Платонов К. К.* Психология летного труда. М., 1960.
- Платонов К. К.* Напряженность в полете. М., 1969.
- Платонов К. К.* Мои личные встречи на великой дороге жизни (Воспоминания старого психолога). М., 2005.
- Покровский Б. Л.* Начальник психологического отдела НИИИАМ ВВС // Вестник МНАП-ЧАК. 2006. № 2 (21). С. 58–62.

М. М. Рубинштейн: жизнь и творчество в психологии

О. В. Коробова (Москва)

Жизненный путь М. М. Рубинштейна

В истории отечественной психологии есть личности, творческий вклад которых в ее развитие до настоящего времени не был предметом специального исследования и в полной мере не оценен. К их числу относится М. М. Рубинштейн.

Моисей Матвеевич Рубинштейн родился 15 (28) июня 1880 г. (по паспорту 1878 г.) в селе Захарово Верхнеудинского уезда Забайкальской области в зажиточной купеческой семье лютеранского вероисповедания. В 1899 г. он поступает в Императорский Казанский университет на математический факультет. Однако идеалом образовательной деятельности в сознании многих студентов того времени выступали зарубежные университеты, в которых стремительно развивалась философская и естественно-научная мысль. Руководствуясь этими соображениями и хорошо владея немецким языком, М. М. Рубинштейн в 1900 г. выезжает со своей женой в Германию. Впоследствии М. М. Рубинштейн опишет свои впечатления и трудности, связанные с учебой в Германии, в журнале «Московский еженедельник» в статье «К вопросу о русских студентах в немецких университетах»: «„Страна мыслителей и поэтов“ окутывалась в моих глазах, как у большинства абитуриентов, романтической дымкой, которая всему придала иной вид, чем было на самом деле. Прежде всего, приходится расстаться с наивным ожиданием всеобщего уважения и сочувствия к отважным искателям образования. Пока русских в немецких университетах было мало, они представляли известный интерес для некоторой более интеллигентной части немецкого студенчества, но теперь между русскими и немецкими студентами царит полное отчуждение, которое местами, в особенности в технических высших учебных заведениях, доходит до явной и очень обостренной вражды, и только западноевропейская корректность и требования вежливости кое-как затушевывают проявления этой вражды в повседневной университетской жизни. Коллективное требование об удалении иностранцев из немецких высших школ подавалось не раз, и требование это становится все настойчивее... Хуже всего то, что, как это ни странно, взгляды наших соотечественников на науку как на общечеловеческое достояние, своего рода научный интернационализм, далеко не разделяются массой немецкого студенчества. Для многих немецких студентов мы, иностранцы, представляем расхитителей их национальной собственности — таковы результаты национального угара, в котором еще до сих пор живут немецкие бюргеры. В качестве характерного случая позволим себе привести следующий факт: один студент, и не из худших, в разговоре во время совместной прогулки тоном полной объективности выразил свое удивление по поводу того, что правительство терпит иностранцев в немецких университетах. „Вы — наши конкуренты, соперники в той или иной области. Вы обучаетесь в наших школах, усваиваете *нашу* науку, а затем уезжаете домой и будете бороться с нами нашим оружием“. Мое возражение, что ведь физика, например, далеко не одними немцами создана, ни на йоту не изменило его

точки зрения. Да иначе и быть не могло; мы смотрим на предмет с разных сторон: мне был чужд тот национализм, который масса немецкого студенчества вносит даже в область научной жизни» (Рубинштейн, 1908, с. 38, 40).

Увлеченный идеями неокантианства, в частности личностью и взглядами философа, основателя Баденской школы неокантианства Вильгельма Виндельбанда (1848—1915), М. М. Рубинштейн переходит на философский факультет Фрейбургского университета, где приступает к работе над докторской диссертацией под руководством Г. Риккерта.

Впоследствии М. М. Рубинштейн на протяжении всего своего творческого пути будет развивать взгляды В. Виндельбанда и Г. Риккерта, утверждавших, что всякое явление или предмет приобретают смысл только благодаря связи с идеальными ценностями, которые представляют собой неисчерпаемую творческую задачу. Приближение к идеальным ценностям, стремление к совершенству М. М. Рубинштейн будет именовать «творчеством сущности» — освобождением в мире культуры от власти времени. Именно такие понятия и феномены, как «личность», «культура» и «ценности», станут лейтмотивом творчества Рубинштейна на протяжении всей его жизни.

Защитив успешно диссертацию в 1905 г. и получив ученую степень доктора философии в Фрейбургском университете, М. М. Рубинштейн начинает активно публиковаться в различных европейских и русских изданиях («Русская мысль» и «Вопросы философии и психологии», «Kantstudent» и др.).

Вскоре он покидает Германию и возвращается в Россию. В сентябре 1909 г. молодой ученый начинает читать лекции по истории педагогики, педагогике и педагогической психологии на высших женских курсах В. А. Полторацкой; в этом же году выходит его монография «Идея личности, как основа мировоззрения».

В сентябре 1910 г. Рубинштейн занимает должность декана педагогического отделения Московских женских педагогических курсов Д. И. Тихомирова, где для него обозначается новая сфера научных исследований — проблемы педагогики и детской психологии. Это отражается в его статьях «Детские игры и их социально-жизненное значение» (1912), «Женский вопрос как проблема культуры» (1911).

В этот же период Рубинштейн становится действительным членом Московского психологического общества, возглавляемого Л. Лопатиным.

Занимая должность приват-доцента, М. М. Рубинштейн продолжает исследования в области общей и педагогической психологии, педагогике, следствием чего становится издание его обширного труда «Очерк педагогической психологии в связи с общей педагогикой» (1913), выдержавшего впоследствии четыре переиздания, а в 1916 г. — работа «История педагогических идей в ее основных чертах».

В мае 1918 г. Моисей Матвеевич выехал из Москвы в Иркутск, получив задание Наркома просвещения А. В. Луначарского принять участие в создании в Иркутске госуниверситета.

Исполняя обязанности ректора Университета, Рубинштейн одновременно возглавлял кафедр философии и психологии. В 1920 г. он был освобожден по собственному желанию от должности ректора и по поручению Сибнархоза с осени 1920 г. занимался организацией Восточно-Сибирского педагогического института (ВСПИ). В 1921 г. произошло слияние ВСПИ с университетом, и Ру-

бинштейн был назначен деканом образованного при реорганизации педагогического факультета.

В декабре 1922 г. М. М. Рубинштейн едет в Москву с надеждой наладить прежние связи в вузах столицы, узнать о возможности издания и переиздания своих трудов, возобновить отношения с коллегами по науке. Вскоре выходит его монография «Проблема „Я“ как исходный пункт философии» (1923).

В 1923 г. Рубинштейн в очередной раз выезжает в Москву, где получает приглашение преподавать в московских вузах: МВТУ, МГПИ, Центральном институте физкультуры. Ученый принимает решение остаться в столице.

На рубеже 1920—1930-х годов на фоне острой классовой борьбы происходит укрепление тоталитарных тенденций в политической жизни страны. Это не могло не отразиться на состоянии науки и положении ученых. Административно-командный стиль управления, характеризующий тоталитарное государство, проникает и в область науки, что приводит к окончанию ее относительно свободного, «плюралистического» развития. На смену приходит сложный, драматический этап в развитии отечественной психологии, характеризующийся полной подчиненностью научной мысли господствующей идеологии и политике (см. Психологическая наука в России..., 1997).

В научно-общественной сфере разворачивается оголтелая и жестокая травля многих видных ученых, педагогов и профессоров, позволяющих себе мыслить не в русле партийных установок. Под преследование попадает и М. М. Рубинштейн. Его клеймят как буржуазного реакционера и идеалиста, не допускают к работе над советской педагогической энциклопедией, запрещают издавать его фундаментальные труды. Так, в 1929 г. был получен отказ на публикацию фундаментального труда Рубинштейна «Теория образования. Очерки»¹, в котором автор расширяет и уточняет понятия личности, индивидуальности, коллективизма и индивидуализма, выдвигает и глубоко обосновывает идею культурной детерминации развития человека, раскрывает разработанную им оригинальную концепцию образования.

Вскоре М. М. Рубинштейна арестовывают. После полугодичного пребывания в одиночной камере без предъявления каких-либо обвинений его отправляют в ссылку в Алма-Ату.

В 1933 г. Рубинштейн возвращается в Москву. Вследствие полученного им клейма «неблагонадежный» он долго не может устроиться на работу.

С началом Великой Отечественной войны Рубинштейн вместе с семьей эвакуируется в Сибирь. В Красноярском педагогическом институте ему предлагают заведовать кафедрой педагогики. В 1943 г. происходит коренной перелом на фронтах, что позволяет М. М. Рубинштейну вернуться в Москву, где он получает должность профессора кафедры педагогики в Московском государственном педагогическом институте.

Но испытания ученого на этом не заканчиваются. Его продолжают клеймить как человека, якобы «преклоняющегося перед иностранщиной», упрекают в неиспользовании в его лекциях ссылок на выступления Сталина. В результате постоянной травли в 1951 г. Рубинштейн вынужден покинуть Институт.

---

1 Рукопись неизданной книги Рубинштейна хранится в Научном архиве Института психологии РАН.

Умер М. М. Рубинштейн 3 апреля 1953 г. и похоронен на Введенском кладбище в Москве.

Этапы творческого пути М. М. Рубинштейна

Рассматривая жизненный путь М. М. Рубинштейна, можно условно разделить его на два периода: до 1928 г., когда происходит расцвет идей и взглядов молодого ученого, и после 1928 г., когда начинаются его преследования и гонения.

Естественно, социальная ситуация, в которой волей судьбы оказывался ученый на разных этапах его творческого пути, не могла не сказаться на показателях его научной деятельности. Это можно проследить по его публикационной активности.

Нами была проанализирована полная библиография изданных работ М. М. Рубинштейна, проведен их количественный подсчет, выявлена динамика публикационной активности ученого по всем годам его творческого пути (таблица 1).

Как показывают данные, приведенные в таблице, четко наблюдается значимое различие в публикационной активности М. М. Рубинштейна на двух выделенных этапах его творческого пути: активный рост числа научных публикаций до 1928 г., и их резкое уменьшение после 1929 г. вследствие репрессий, гонений и запрета на издание его трудов.

Был проведен также количественный анализ неопубликованных работ ученого и раскрыта динамика интенсивности его научной деятельности по этому критерию (таблица 2).

Сравнение данных, представленных в таблицах 1 и 2, свидетельствует об отсутствии существенных различий в динамике публикационной активности Рубинштейна и интенсивности его научной деятельности по подготовке неизданных работ: рост до 1929 г. и следующий далее спад, продолжающийся до конца жизни. Конечно, ученый, лишенный возможности публиковать свои работы, подвергающийся идеологическому давлению, вынужденный «писать в стол», утрачивает стимулы для продолжения научного творчества. Тем более что для Рубинштейна, человека с огромной эрудицией, сформировавшегося в лучших традициях классической европейской науки с ее духом свободомыслия и открытой полемике, было чрезвычайно сложно (если вообще возможно) высказывать свои мысли в рамках заданного «генеральной линией» узкого пространства развития науки.

В целях более глубокого исследования творчества М. М. Рубинштейна было подсчитано количество напечатанных страниц по годам и составлен график, отражающий динамику интенсивности его научной деятельности на всем протяжении творческого пути (рисунок 1).

На графике отчетливо видны 2 пика творческой активности Рубинштейна: период после его возвращения на родину из Германии (1911–1915), когда молодой, прекрасно подготовленный ученый активно включился в жизнь научного сообщества страны, и период возвращения в Москву из Иркутска, ознаменовавшийся взлетом интенсивности научной деятельности уже зрелого, состоявшегося ученого, приобретшего как жизненный опыт, так и навыки научно-организационной деятельности. Спад интенсивности научной деятельности с 1918 г. по 1923 г.

Раздел третий

Таблица 1
Показатели публикационной активности М. М. Рубинштейна
по всем годам его творческого пути

Год	Научные статьи	Отдельные издания	Газетные публикации	Рецензии	Редакторские работы	Переводы	Всего
1905	2	0	0	0	0	1	3
1906	0	0	0	0	0	0	0
1907	1	0	0	0	0	0	1
1908	1	0	0	5	0	0	6
1909	2	1	3	2	0	0	8
1910	3	0	0	0	0	1	4
1911	3	0	0	2	0	1	6
1912	6	1	2	0	0	1	10
1913	5	1	0	1	0	0	7
1914	5	1	1	2	0	0	9
1915	9	1	6	4	1	1	22
1916	2	5	1	4	0	0	12
1917	5	4	1	0	0	0	10
1918	0	2	5	0	0	0	7
1919	1	0	2	0	0	0	3
1920	0	3	0	0	0	0	3
1921	2	1	1	0	0	0	4
1922	0	1	7	1	0	0	9
1923	0	1	4	0	0	0	5
1924	7	2	0	0	1	0	10
1925	1	3	0	0	6	0	10
1926	0	2	0	0	4	0	6
1927	3	6	0	0	0	1	10
1928	0	2	0	0	1	0	3
1929	1	1	0	0	0	0	2
1930	1	0	0	0	0	0	1
1931	0	0	0	0	0	0	0
1932	0	0	0	0	0	0	0
1933	0	0	0	0	0	0	0
1934	1	1	0	0	0	0	2
1935	1	1	0	0	0	0	2
1936	3	1	0	0	0	0	4

Год	Научные статьи	Отдельные издания	Газетные публикации	Рецензии	Редакторские работы	Переводы	Всего
1937	0	0	0	0	0	0	0
1938	0	0	0	0	0	0	0
1939	0	0	0	0	0	0	0
1940	1	0	0	0	0	0	1
1941	2	0	0	0	0	0	2
1942	0	0	0	0	0	0	0
1943	1	0	0	0	0	0	1
1944	1	0	0	0	0	0	1
1945	1	0	0	0	0	0	1
1946	0	1	0	0	0	0	1
1947	0	0	0	0	0	0	0
1948	0	0	0	0	0	0	0
1949	1	0	0	0	0	0	1
1950	0	1	0	0	0	0	1

объясняется отвлечением сил Рубинштейна на решение задач организации Иркутского государственного университета; практически отсутствие подготовки научных работ после 1929 г. — как уже отмечалось, следствием репрессий и запрета на их публикацию.

Также было подсчитано общее количество страниц в год опубликованных и неопубликованных работ автора (рисунок 2).

Как видим, в этом случае картина несколько меняется. И хотя сохраняют лидирующие позиции 1915–1917 гг. и 1925–1928 гг., так же как после 1929 г. наблюдается резкий спад интенсивности научной деятельности, доходящей в 1937–1944 гг. до нулевой отметки, но в 1947 г. имеет место неожиданный подъем, что, вероятно, связано с найденной автором допустимой для него нишей научных исследований. Это говорит о том, что даже в сложных условиях идеологического давления ученый продолжал работать, проводить исследования, писать.

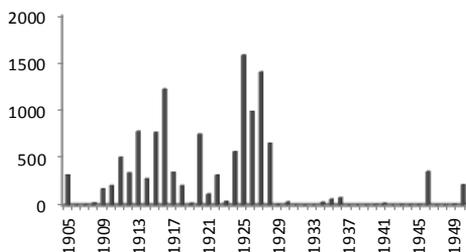

Рис. 1. Показатели динамики интенсивности творческой деятельности М. М. Рубинштейна на основе учета количества страниц, напечатанных им за все годы его творческого пути

Раздел третий

Таблица 2
Количественные показатели неизданных работ М. М. Рубинштейна
по всем годам его творческого пути

Год	Научные статьи	Отдельные издания	Газетные публикации	Рецензии	Редакторские работы	Переводы	Всего
1905	2	0	0	0	0	1	3
1906	0	0	0	0	0	0	0
1907	1	0	0	0	0	0	1
1908	1	0	0	5	0	0	6
1909	2	1	3	2	0	0	8
1910	3	0	0	0	0	1	4
1911	3	0	0	2	0	1	6
1912	6	1	2	0	0	1	10
1913	5	1	0	1	0	0	7
1914	5	1	1	2	0	0	9
1915	9	1	6	4	1	1	22
1916	2	5	1	4	0	0	12
1917	5	4	1	0	0	0	10
1918	0	2	5	0	0	0	7
1919	1	0	2	0	0	0	3
1920	0	3	0	0	0	0	3
1921	2	1	1	0	0	0	4
1922	0	1	7	1	0	0	9
1923	0	1	4	0	0	0	5
1924	7	2	0	0	1	0	10
1925	1	3	0	0	6	0	10
1926	0	2	0	0	4	0	6
1927	3	6	0	0	0	1	10
1928	0	2	0	0	1	0	3
1929	1	1	0	0	0	0	2
1930	1	1	0	0	0	0	2
1931	0	0	0	0	0	0	0
1932	0	0	0	0	0	0	0
1933	0	0	0	0	0	0	0
1934	1	1	0	0	0	0	2
1935	1	1	0	0	0	0	2
1936	3	1	0	0	0	0	4

Творческое наследие мыслителей и ученых

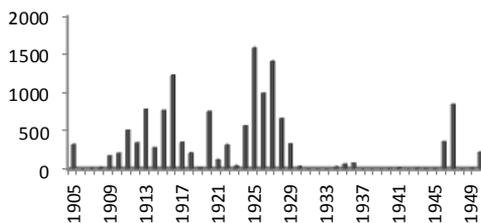
Год	Научные статьи	Отдельные издания	Газетные публикации	Рецензии	Редакторские работы	Переводы	Всего
1937	0	0	0	0	0	0	0
1938	0	0	0	0	0	0	0
1939	0	0	0	0	0	0	0
1940	1	0	0	0	0	0	1
1941	2	0	0	0	0	0	2
1942	0	0	0	0	0	0	0
1943	1	0	0	0	0	0	1
1944	1	0	0	0	0	0	1
1945	1	0	0	0	0	0	1
1946	0	1	0	0	0	0	1
1947	0	1	0	0	0	0	1
1948	0	0	0	0	0	0	0
1949	1	0	0	0	0	0	1
1950	0	1	0	0	0	0	1

За весь период своей творческой деятельности — с 1905 по 1950 г. (45 лет) — М. М. Рубинштейном было подготовлено 188 научных трудов, включая:

- 1) отдельные издания — 43 (23%);
- 2) научные статьи — 72 (38%);
- 3) рецензии — 21 (11%);
- 4) редакторские работы — 13 (7%);
- 5) газетные публикации — 33 (18%);
- 6) переводы — 6 (3%).

Из них на I этапе научного творчества — с 1905 по 1928 г. (24 года) — было опубликовано 168 трудов (в том числе переизданные книги), включая:

- 1) отдельные издания — 37 (22%);
- 2) научные статьи — 58 (34%);

Рис. 2. Показатели динамики творческой активности М. М. Рубинштейна и интенсивности научной деятельности по подготовке неопубликованных работ с учетом количества страниц, написанных ученым (по всем годам его творческого пути)

- 3) рецензии – 21 (12%);
- 4) редакторские работы – 13 (8%);
- 5) переводы – 6 (4%);
- 6) газетные публикации – 33 (20%).

На II этапе – с 1929 по 1950 г. (22 года) – было напечатано только 20 трудов, включая:

- 1) отдельные издания – 6 (30%);
- 2) научные статьи – 14 (70%);
- 3) рецензий – 0 (0%);
- 4) редакторские работы – 0 (0%);
- 5) газетные публикации – 0 (0%);
- 6) переводы – 0 (0%).

Сравнение двух этапов научного творчества М. М. Рубинштейна показывает, что они отличаются, во-первых, по количеству подготовленных работ: на первом этапе – 168; на втором – 20. Во-вторых, изменилась структура научной продукции. Если на первом этапе в ней были представлены все виды работ (отдельные издания, статьи, рецензии, редактируемые автором труды и т. д.) при лидирующих позициях научных статей и отдельных изданий, то на втором этапе сохранились только 2 вида научных работ – отдельные издания и научные статьи, причем с огромным численным превосходством статей. Полностью исчезли рецензии, газетные публикации, работы, редактируемые автором, переводы. Рецензирование, редактирование и выступление в прессе стали недоступными для опального и «неблагонадежного» ученого. Что касается переводов работ зарубежных ученых, то в условиях «железного занавеса» этот жанр научных изданий практически исчезает в нашей науке, по крайней мере, в области социогуманитарного знания.

Изучая научное творчество М. М. Рубинштейна, можно сказать следующее.

I этап (с 1905 по 1928 г.) – это формирование оригинальных идей и взглядов молодого ученого.

II этап (с 1929 по 1950 г.) – обобщение, уточнение и раскрытие основных идей М. М. Рубинштейна, подведение итогов научного творчества.

Основные идеи и проблемы в творчестве М. М. Рубинштейна

В своих работах М. М. Рубинштейн поднимал вопросы и проблемы, которые сохраняют свою актуальность и для современной науки и практики. Так, в русле исследования проблем педагогической психологии он выявил наиболее характерные тенденции развития юношеского возраста (склонность к самоанализу, самоопределению, стремление к самостоятельности, потребность в понимании, желание быть самим собой); раскрыл психологические особенности юных читателей и роль чтения в их развитии. Предметом его исследования выступали вопросы нравственного, эстетического, трудового и полового воспитания; проблемы социально-правовых представлений у детей, детских игр и их значения в жизни и развитии ребенка.

Рассматривая вопросы семейного и общественного воспитания, Рубинштейн подчеркивает их связь, говорит о необходимости обеспечения их целесообразно-

го взаимодополнения. Представляет интерес и может быть реализовано в современной системе образования его предложение о введении в учебную программу специального курса подготовки учащихся к семейной жизни: «материнствоведения» и «отцовствоведения».

Особую научную ценность представляет идея Рубинштейна о развитии личности в культуре. Согласно его убеждению, культура, образование и личность — эти три неразрывно связанные составляющие жизни.

Под культурой Рубинштейн понимает не только совокупность всех ценностей, которые созданы в настоящую эпоху и сохранились из прошлого, но и, прежде всего, «совокупность ее живых обработанных и подготовленных сил, ее запаса живых личностей, так как в культуру входят ее ушедшие творцы, поскольку память о них живет и продолжает действовать» (Рубинштейн, 1929¹). Иначе говоря, культура включает в себя как созданные людьми материальные и духовные ценности, так и их творцов. Так, литература представлена, не только произведением «Евгений Онегин», но и его создателем А. С. Пушкиным, не только романом «Война и мир», но и его автором Л. Н. Толстым. Культура — это не только богатство вещей, но и богатство людей. Эта целостность культурного пространства возникает в результате сочетания и взаимодействия индивидуальных творений и индивидуальных творцов, объединенных общими культурно-социальными стремлениями. Культура, согласно М. М. Рубинштейну, — это не только «богатство статики», но и «богатство динамики»: застывшая культура — это «отжившая культура».

Развивая свою мысль, ученый констатирует, что без человека культура не может существовать и развиваться; она рождается человеком и благодаря его усилиям обретает возможность для дальнейшего роста и преобразования. Это постоянный взаимопроникающий, динамический процесс: «Культура без движения, без дальнейшего творчества, без действия и деятельности перестает быть культурой в настоящем смысле слова, но все ее действие и деятельность совершается на человеке. Она в своем существовании целиком связана с развитием и дальнейшим продвижением личности. Культура может быть только человеческой, никакой другой культуры нет; сферы истины, добра, красоты, справедливости — это специфическая сфера человека и только его; для животных их нет, потому что у них нет для этого необходимых условий сознания, противоречия чувственности и разума, нет воображения и т. д., вообще нет места для *ценностей*; нет смысла в этих ценностях и нет возможности им возникнуть, потому что там нет противоречий истины и лжи, нет антагонизма добра и зла, нет места диалектике бытия и развития. Но есть один мир, и есть одна сфера ценностей, это сфера человеческая. Самый принцип ценностей — специфически человеческий принцип, потому что он построен на диалектике противоположностей и их взаимопроникновения. Культура немислима без личности; ее путь возможен только с личностью и через личность; а это, в свою очередь, обозначает, что он невозможен без образования» (там же).

---

1 Здесь и далее цитирование проводится по неизданной рукописи книги М. М. Рубинштейна «Теория образования: Очерки», хранящейся в Научном архиве Института психологии РАН. Этим обусловлено ограничение отсылкой к данному источнику без указания страниц.

Личность, подчеркивает М. М. Рубинштейн, — это индивидуальный творец культурных ценностей, обусловленный социально и культурно, т. е. это человек, взятый во всей его социальной и общекультурной включенности. «Без этого личности нет, потому что она мыслима только тогда, когда в индивидуальности осуществляются культурно-социальные объективные ценности» (там же). Социальное и культурное может осуществляться только через личности, а сама личность возможна только через социальность и культуру; они друг друга насыщают и питают. «К этому взаимонасыщению идут разными путями: художник — через искусство, ученый — через науку, политик и общественник — через социальное усовершенствование и организацию и т. д. Это не значит, что каждый из них жив только этим одним и может вырваться из общей живой связи социального охвата и культуры, но у него вход именно через эти врата, именно в этих пунктах он устанавливает связь с остальным сферами. Так создается идеал ценности для всех, но каждый его осуществляет на своих путях, ни на минуту не отрываясь от общей почвы. Этот путь глубоко привлекателен для человека именно потому, что он не только повышает и углубляет чувство жизни, т. е. обслуживает основное биологическое стремление человека, но и личный и персональный итог и смысл превращает в объективный и общезначимый, а через это и сам индивид как личность приобретает объективную ценность и смысл, т. е. делает свою жизнь не только своим личным делом. Биологически это значит, что она [личность — О. К.] получает новый мощный корень, способный питать и нести ее расширенную и углубленную жизнь» (там же).

Творчество, по Рубинштейну, складывается из двух основ: из «живых массовых людей, способных воспринимать культуру, ее ценности и питать этим своим пониманием творческие силы непосредственных творцов» (там же). Другими словами, развитие творчества предполагает наличие и его субъектов, творцов культурных ценностей, и воспринимающих эти ценности людей. И тот и другой аспекты важны и взаимосвязаны. Отсюда делается вывод, что воспитание должно охватывать и способных воспринимать, и способных создавать. Вот как пишет Рубинштейн в своей неопубликованной книге «Теория образования: Очерки»: «...если бы современная педагогика ставила себе целью создать творцов в прямом смысле слова из всех, это была бы утопия. У задач восприятия и понимания, как и усвоения, есть своя культурная ценность; без этой массовой подосновы творчество в настоящем размахе также невозможно; творец также не одиночка. С известным основанием правильно говорят, что без этой понимающей и воспринимающей среды живописный шедевр останется жалкой измазанной тряпкой. Таким образом, цель творческого воспитания ведет в двух направлениях: на воспитание восприимчивости к новому и на воспитание прямых творцов» (там же).

Обращаясь к проблеме личности, Рубинштейн, в отличие от принятой в то время ее трактовки как сугубо социального образования, указывает также на ее культурную обусловленность, отмечает, что личность — это явление «глубоко культурно-социальное». Ее формирование и обретение ею индивидуальных характеристик возможно, по его мнению, только в социальном окружении и культурной связности; «иначе она и не возможна, и не нужна даже самой себе». Как нет культуры без личности, так и личность не может существовать вне культуры. Личность глубоко интегрирована в культурное пространство и социальное окружение, вы-

ступающие факторами и источниками ее развития. «Изолированность индивида обозначает распад, гибель всех социальных и культурных связей», — пишет Рубинштейн (там же). При этом следует иметь в виду, что взаимозависимость личности и культуры носит динамический характер, зависит от того, на какие ступени и формы продвигаются культурные эпохи и слои. «Личность оказывается при этом тем выше, чем шире и глубже раскрыто ее стремление к сверхличным элементам культуры» (там же). Ценность личности, по Рубинштейну, состоит, прежде всего, в ее творчестве, действенной силе.

Таким образом, Рубинштейн, развивая идею культурной детерминации личности, расширяет объяснительный потенциал психологии и тем самым опережает не только свое время, но и современную психологическую науку, которая до сих пор не освоила в должной мере понятие «культура», не рассматривает культуру в качестве важнейшего фактора развития личности. Предложенное Рубинштейном понимание культуры как системы ценностей позволяет найти ответ на вопрос о том, почему люди, живущие, социализирующиеся, формирующиеся в одних и тех же социальных условиях, нередко совершенно по-разному воспринимают и оценивают те или иные события, реализуют в аналогичных ситуациях диаметрально противоположные формы поведения. Следуя логике взглядов Рубинштейна, это можно объяснить теми пластами культуры — культурными ценностями, которые восприняты и интериоризованы людьми, вошли в их внутренний мир и выступают в качестве той основы, которой определяются их установки и социальные представления, действия и поступки. Так, человек, выросший на ценностях добра, милосердия и всепрощения, пронизывающих всю классическую русскую культуру, базирующуюся на православии как ее духовной основе, и в своей жизнедеятельности, и в отношениях и оценках, и в поступках будет руководствоваться духовно-нравственными ориентирами.

В неопубликованной книге Рубинштейна «Теория образования: Очерки» глубоко обосновывается идея *целостности личности* как одновременно природного, биологического и социально-культурного существа. Целостность рассматривается как важный, неотъемлемый атрибут личности.

При этом целостность личности, согласно Рубинштейну, не тождественна ее гармоничности. Гармоничная душа представляется ученому невозможной, «нежизненной», некоей сентиментальной фикцией. «Проблема цельности и гармоничности разрешается не в унисоне, а в симфонии, часто в диссонансах, которые только не останавливаются на себе, а разрешаются в заключительном сочетании» (там же). Человеческие способности часто могут приходить в самый резкий конфликт друг с другом, не находясь в идиллических соотношениях. Как пишет Рубинштейн, «гармонии нет в самой структуре человека. Но эта игра сил не только и не всегда вредна, но часто она является очень плодотворным фактором, потому что только в этой борьбе с самим собой по-настоящему вызревают человек и [его — О. К.] умение управлять собой. Прекрасная душа справедливо стоит под подозрением незамутненного самодовольства и неподвижности, потому что там отсутствуют стимулы к движению вперед. Кроме того, и в ценностях нет этой гармонии: и тут этические, эстетические и логические ценности могут вступать в большой конфликт друг с другом, и в этом также есть своя положительная сторона. Мы снова подчеркиваем характер цельности в личности, хотя при этом

мы знаем, что индивидуальная, социальная и культурная личность могут быть в резком противоречии друг с другом. Гармония должна намечать, если пользоваться этим термином, не реальный идеал, а линию поведения в отношении наших стремлений» (там же). Таким образом, только в конфликте, в борьбе со своими желаниями и ограничениями происходит настоящее вызревание человека, умение владения собой.

В Научном архиве Института психологии РАН была также обнаружена рукопись М. М. Рубинштейна «Основные закономерности психологии в свете педагогики», датированная февралем 1947 г. (ее объем — 857 страниц).

Рукопись включает 4 части:

1 часть — «Основные закономерности субъекта»;

2 часть — «Закономерности познания»;

3 часть — «Закономерности деятельности»;

4 часть — «Закономерности воспитания».

В предисловии М. М. Рубинштейн пишет о необходимости построения психологии как системы закономерностей: «На данной стадии невозможно дать завершённый, достаточно бесспорный итог работы. Мною руководило убеждение, что психология в ее развитии подошла к тому этапу, когда необходимо сделать попытку строить ее как систему закономерностей» (Рубинштейн, 1947).

Как отмечает автор, *«психология — это наука о закономерностях, содержании, течении и форме душевных явлений, отражающих действительность во всех ее видах, и, прежде всего, внешний материальный мир, с которым человек находится во взаимодействии и в котором он существует, и его собственный внутренний мир, душевные явления сами становятся предметом переживаний»* (Рубинштейн, 1947).

Под субъектом Рубинштейн понимает человека, живущего и осуществляющего свою жизнедеятельность в реальной внешней среде.

Большое внимание ученый уделяет обоснованию целостности и неразложимости субъекта. Указывая, что в обыденной психологии утвердился взгляд на субъекта как сумму отдельных способностей, в противовес этому, как он считает, ложному представлению, Рубинштейн утверждает, что все отдельные способности выделяются путем только искусственного разложения. Ссылаясь на академика Быкова о целостности человека с точки зрения физиологии, М. М. Рубинштейн констатирует: *«Закон органической и функциональной цельности и единства психологического субъекта: какова бы ни была отдельная функция, действует, функционирует весь живой, конкретный человек»* (там же). Но при этом он не отрицает необходимости различения и дифференциации функций.

Поясняя свою мысль, он пишет: *«Способности должны быть поняты, как функции конкретного человека в целом, но с преобладанием (доминированием) данной или данных сторон: помнит не память, а живой, конкретный человек, но он в этом случае повернут к нам преимущественно той стороной, которую мы называем запоминанием; проявляется не радость или горе, не чувство как отдельная способность, а человек в направлении того, что мы называем чувством»* (там же).

Делается вывод: все функции должны изучаться как составляющие единой целостной личности во взаимосвязи с другими ее сторонами. «Все способности при изоляции становятся подлинными абстракциями», — пишет Рубинштейн

(там же). Отсюда следует, что психология должна начинаться не с конструирования, складывания или собирания человека, а с «живого единства», которое — что очень важно — «растет, развивается, дифференцируется, но не разрывается» (там же).

Психика, по Рубинштейну, выступает в двух ипостасях: как результат воздействия на человека действительности и как фактор человеческого воздействия на окружающую действительность. При этом подчеркивается, что двунаправленное действие в реальной жизнедеятельности осуществляется не по отдельности, а как «живой акт», в котором представлено и то и другое.

Рассматривая понятие психики, М. М. Рубинштейн пишет, что она представляет собой не изолированное бытие, а одну из сторон проявления жизнедеятельности человека. Поэтому, указывает ученый, *психика субъектна, а не субъективна*, так как все душевные переживания связаны с субъектом.

Заключение

Таким образом, анализ жизни и творчества М. М. Рубинштейна позволил выделить важные концептуальные положения, получившие развитие в работах ученого: целостности личности, ее социальной и культурной обусловленности, субъектности психического мира человека, его включенности во взаимодействие с миром и в жизнедеятельность человека.

Обоснована важность указанных идей для современной психологии, их эвристический характер и значение для понимания сущности личности, факторов ее развития.

Особую ценность для современной психологической науки представляет «пионерская» идея ученого о культурной обусловленности личности, обеспечивающая расширение системы детерминант ее формирования и развития. Новаторскими для своего времени являются введение понятия жизнедеятельности, обоснование двусторонней связи в системе «психика—окружающая действительность».

Количественный анализ научной продукции, подготовленной Рубинштейном (опубликованных и неизданных работ), свидетельствует о том, что, наряду с логико-научными факторами, определяющими продуктивность и интенсивность его творческой деятельности, значительную роль играли обстоятельства жизни и социальная ситуация, сложившаяся в стране в период утверждения тоталитарной формы государственной власти. В связи с этим правомерно предположить, что творческий путь М. М. Рубинштейна может выступать моделью изучения жизни и творчества других ученых на переломе эпох.

Литература

- Богуславский М. В. Соло М. М. Рубинштейна // Магистр. 1993. № 5. С. 52—59.
- Иванов Д. В. Становление педагогической концепции М. М. Рубинштейна в первой четверти XX в.: Дис. ... канд. пед. наук. Иркутск, 1999.
- Кольцова В. А. История психологии: проблемы методологии. М., 2008.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н. Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). М., 2006.

- Никольская А. А.* Некоторые аспекты научного творчества М. М. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1973. № 5. С. 137–145.
- Психологическая наука в России в XX столетии: проблемы теории и истории. Ч. 2 / Под ред. А. В. Брушлинского. М., 1997.
- Рубинштейн М. М.* К вопросу о русских студентах в немецких университетах // Московский Еженедельник. 1908. № 39. С. 38–48.
- Рубинштейн М. М.* Идея личности как основа мировоззрения: Критический философский очерк. М., 1909.
- Рубинштейн М. М.* Теория образования: Очерки. 1929 // Научный архив ИП РАН. Ф. М. М. Рубинштейна. Оп. 1. Д. 1.
- Рубинштейн М. М.* Основные закономерности психологии в свете педагогики. 1947. Ч. 1 // Научный архив ИП РАН. Ф. М. М. Рубинштейна. Оп. 1. Д. 2.

К. Д. Ушинский и разработка практической психологии

В. А. Мазилев (Ярославль)

Историографический анализ

Цель настоящей статьи состоит в уточнении места К. Д. Ушинского в истории мировой психологии и определении его вклада в разработку практико-ориентированной психологии.

Константин Дмитриевич Ушинский (1823–1870) – выдающийся отечественный педагог и психолог. Это утверждение, казалось бы, совершенно очевидно и не требует дополнительных доказательств. За прошедшие с момента его смерти почти полтора века соответствующие оценки его вклада в науку и места в истории научной мысли точно определены. Впрочем, последнее утверждение верно лишь наполовину, являясь справедливым только для мира педагогики.

Константин Дмитриевич Ушинский – так уж получилось – принадлежит одновременно двум мирам: миру педагогики и миру психологии. Для Ушинского из мира педагогики более всего подходит метафора «музей». Здесь идеи великого педагога, образно говоря, каталогизированы, разложены по полочкам, помещены под стекло и в красивые рамочки, аккуратно подписаны. Все устоялось, никаких изменений не предвидится. Понятно, что дело не в Ушинском, а в характере науки.

Однако в психологии картина совсем иная, и дело здесь, разумеется, не в Константине Дмитриевиче, а в самой психологии. Ответ очевиден: психология очень далека от состояния финальности, завершенности. Более того, нет никакой гарантии, что через несколько десятилетий она не изменится до неузнаваемости. Вообще, полезно помнить, что психология еще очень молодая наука, многое в ней не устоялось, поэтому, возможно, нас ожидают в самом скором будущем удиви-

тельные метаморфозы образа любимой науки. Известный психолог В. Ф. Петренко отмечает: «Нет единой психологической науки, а есть скорее конгломерат наук с разными объектами и методами исследования, называемый одним именем — „психология“. И ряд областей психологии, например, социальная психология, гораздо ближе по языку и методам к родственным научным дисциплинам, например, к социологии, чем к психофизике или медицинской психологии. Вполне возможно, что в дальнейшем из „психологии“ выделится целый букет предметных наук, как в свое время из философии выделились физика, химия, биология и сама психология» (Петренко, 2010, с. 93).

Отсюда следует, что метафора «музей» к данному случаю совершенно не подходит. Более соответствующей была бы метафора «строительная площадка», где все находится в движении и постоянно изменяется, где спуют люди в рабочих блузах, что-то с грохотом падает, что-то строится...

Мир педагогики давно признал, что Ушинский — великий педагог, «учитель русских учителей», автор классических трудов. В психологии Ушинский тоже признается выдающимся психологом. Но говорят об этом как-то не очень уверенно, не совсем убежденно и, что особенно настораживает, в общих словах, и обычно не уточняя заслуг и вклада ученого.

Но прежде чем объяснить этот парадокс, остановимся на одном биографическом моменте. Кажется, что жизнь и деятельность великого педагога подробно описаны, проанализированы, задокументированы, все досконально выяснено. Однако оказывается, что даже дата рождения К. Д. Ушинского остается под вопросом. Принято считать, что он родился 19 февраля 1824 г.¹ Между тем исследования тульского ученого Е. Г. Шаина показали, что Ушинский родился годом раньше: «В Туле семья Ушинских квартировала в двухэтажном доме купца П. И. Авчинникова на Барановой (ныне Тургеневской) улице (дом снесли, сейчас на этом месте, на углу с улицей Менделеевской, — административное здание). Здесь 19 февраля 1823 г. и родился в семье третий сын — Константин. Однако многие биографы уже больше ста лет указывают и другой год его рождения — 1824. А после того, как наиболее авторитетный исследователь жизни и деятельности великого педагога В. Я. Струминский, готовя к изданию 11-томное собрание сочинений К. Д. Ушинского, подержал эту дату, она стала восприниматься едва ли не канонической. Все официальные чествования памяти классика отечественной педагогики отмечались, исходя из этой даты» (Шаин, 2004, с. 63). Представляется, что нет необходимости подробно воспроизводить аргументацию Е. Г. Шаина; при желании можно поинтересоваться содержанием его интересной статьи. Заметим только, что убедительным подтверждением мнения Шаина выступает запись, сделанная советником хозяйственной экспедиции Тульской казенной палаты, отцом великого педагога Дмитрием Ушинским в 1823 г. о своих детях: «Александру 6 лет, Владимиру 4 года, а Константину 8 месяцев». Психологически невероятно, чтобы отец писал о своем еще не родившемся и не крещеном ребенке как о восьмимесячном, называя его по имени. Кажется, и доказательств больше никаких не нужно.

---

1 В начале статьи были приведены годы жизни Ушинского, из чего следует, что с этой датировкой автор не согласен.

Итак, в мире педагогики (и отечественном, и зарубежном) Ушинский — великий педагог. Правда, знают Ушинского-педагога в основном в славянских странах. В отечественной психологии Ушинский тоже считается великим психологом (с теми оговорками, которые были сделаны выше). Зарубежная же психология такого психолога вообще не знает — в многостраничных руководствах по истории психологии, написанных иностранными авторами (американцами, немцами, норвежцами, англичанами) и изданных в последние годы, его фамилия вообще не упоминается.

Как же освещается научное наследие К. Д. Ушинского в современной отечественной историографии психологии?

В популярном современном учебнике по истории психологии, написанном А. Н. Ждан (2004), отмечается, что К. Д. Ушинский позитивно оценил деятельность Н. И. Пирогова, идеи которого пробудили «спавшую педагогическую мысль», а принцип воспитания «человека в человеке» должен стать, согласно Ушинскому, требованием педагогики, основанной на психологии. «Органичное соединение педагогики с психологией происходит в фундаментальном произведении русской педагогической мысли — труде К. Д. Ушинского „Человек как предмет воспитания“... Здесь были использованы достижения всей мировой психологической мысли. Признавалась исключительная роль деятельности, особенно труда, в духовном развитии, в формировании характера и нравственных качеств. Труд Ушинского явился предтечей отечественной детской и педагогической психологии» (там же, с. 203). О великом психологе, как представляется, написано мало.

В двухтомной «Истории и теории психологии» А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского (Петровский, Ярошевский, 1996) К. Д. Ушинский лишь упоминается — приводится его известная цитата, причем в связи с историей советской психологии. В разделе о психологии XIX в., где было бы логично оценить его вклад, упоминания об Ушинском вообще отсутствуют. В книге «История психологии» Т. Д. Марцинковской и А. В. Юревича (Марцинковская, Юревич, 2008) К. Д. Ушинский не упоминается.

Но, конечно, не все так однозначно. Интерес к творчеству К. Д. Ушинского проявлял Б. Г. Ананьев, создатель концепции человекознания, развивавший антропологический подход в исследовании человека. Почти семьдесят лет назад, в 1945 г., в журнале «Советская педагогика» Ананьев опубликовал статью под однозначным названием «К. Д. Ушинский — великий русский психолог». В этой статье Ананьев писал: «Развивая гуманистические и демократические традиции русской передовой философской и научной мысли, К. Д. Ушинский создал новые пути в развитии научной психологии. В великом десятилетии русской психологии (60-е годы XIX столетия) К. Д. Ушинский выступил вместе Н. Г. Чернышевским и И. М. Сеченовым (но со своих особенных позиций) создателем русской психологии как системы науки» (Ананьев, 2007а, с. 388). Отмечая роль Ушинского «как зачинателя русской педагогической психологии», Ананьев, вместе с тем, считает неправомерным представление, что «лишь в этом специальном разделе психологии К. Д. Ушинский являлся новатором и создателем традиций, развиваемых ныне советской педагогической психологией». По мнению Ананьева, «нельзя понять оригинальности и значительности созданных К. Д. Ушинским

принципов педагогической психологии, не вскрыв особенных путей и принципов, разработанных впервые К. Д. Ушинским в общей психологии, в психологической науке в целом» (там же, с. 388–389).

Аргументируя свою мысль, Ананьев пишет: «Прежде всего, обращает на себя внимание знаменательный факт, что главнейшие теоретические труды К. Д. Ушинского посвящены системе психологических знаний, понятий и учениям об их критическом освещении. Достаточно сослаться в этом отношении на „Педагогическую антропологию“ („Человек как предмет воспитания“) и критический очерк „Вопрос о душе в его современном состоянии“. Но и в других, собственно педагогических и методических работах К. Д. Ушинского очень настойчиво сказывается психологический метод, разработанный им самим в трудах по общей и педагогической психологии» (там же, с. 389).

Причину выдающихся научных достижений Ушинского Ананьев видит в комплексе, междисциплинарном характере его творческой деятельности: «Обозревая всю картину развития русской психологии в XIX столетии, можно утверждать с полным основанием, что К. Д. Ушинский был великим психологом именно потому, что он был великим педагогом и, в свою очередь, его величие в педагогике в значительной мере связано с его капитальным вкладом в развитие русской научной психологии. ... Невозможно понять оригинальное направление К. Д. Ушинского в педагогике и методике родного языка, отсекая психологическую основу этого направления. И тем более невозможно понять глубокую жизненность и новизну психологических идей К. Д. Ушинского, рассматривая его лишь как психолога» (там же).

Превосходные степени и оценки психологической концепции Ушинского, кажется, оправданны. Обратим внимание на время написания этой статьи: заканчивается 1945 г. (статья Ананьева опубликована в декабрьском номере), только что завершилась Великая Отечественная война, начался переход к мирной жизни. В этих условиях Постановлением Совета народных комиссаров от 22 августа 1945 г. принимается решение об издании собрания сочинений Ушинского. В 1948 г. выходит в свет второй том собрания его сочинений, где статьи классика предваряются текстом «От редакции». Прочитируем этот документ: «Одновременно Ушинский приступил к выполнению давно поставленной им задачи теоретического обоснования научной педагогики. Предприняв с этой целью капитальный труд „Человек как предмет воспитания (Опыт педагогической антропологии)“, Ушинский вступил на путь *критического пересмотра идеалистических основ своего мировоззрения*. Пересмотр этот он начал с помещаемой в настоящем томе статьи „Вопрос о душе“, где, наряду с материалистическими высказываниями, много еще идеалистических мыслей. *Последовательным материалистом Ушинский не стал до конца жизни*» (курсив наш — В. М.) (Ушинский, 1948, с. 7–8). Иными словами, редакция объявляет Ушинского-психолога не вполне благонадежным. Напомним, в это время начинается борьба с космополитами, преклонением перед Западом. Согласно же Ушинскому, русская психологическая литература «почти равна нулю» (Ушинский, 1950, с. 28). В трех томах «Антропологии» он ссылается из русских психологов только два раза на Надеждина. А впереди Сессия двух Академий, которая должна решить, быть или не быть психологии в СССР. Именно в 1950 г. выходит восьмой том собрания сочинений Ушинского, где публику-

ется начало «Педагогической антропологии» (Ушинский, 1950). Великие ученые в столь неоднозначной области не нужны.

Обратимся к более поздним работам Б. Г. Ананьева, посвященным К. Д. Ушинскому. Примечательно, что великим психологом Ушинский больше не называется; оценки его вклада остались позитивными, но стали более скромными.

Б. Г. Ананьев отводил К. Д. Ушинскому большую роль в развитии научной психологии в России и неоднократно возвращался к анализу его идей (Ананьев, 2007а, 2007б, 1969). Для объективности воспользуемся оценкой В. А. Кольцовой (2002), отмечающей, что особенно ценным представляется Б. Г. Ананьеву антропологический подход Ушинского: центром его системы являлся человек как предмет воспитания. Он отмечает гуманистический характер психолого-педагогической концепции Ушинского, утверждающей огромные возможности и резервы человеческой природы и их актуализацию в процессе воспитания; указывает на использование им психологии и физиологии как теоретических основ педагогики; выделяет своеобразие интерпретации в его работах принципа развития (включающего переход от физиологических процессов к психофизиологическим, от них — к психологическим и, наконец, — к «психоидеологическим» или «духовным» явлениям). Антропологизм Ушинского проявлялся в его идее о неразрывности физического, умственного и нравственного развития, что приводило к выводу о необходимости целостного воспитания всех сторон личности (Кольцова, 2002).

Б. Г. Ананьев выделяет и прослеживает те сквозные линии, направления исследования и идеи, которые проходят через всю историю отечественной психологической научной школы в целом, определяя ее своеобразие, присущий ей неповторимый колорит. Анализ истории развития русской дореволюционной мысли приводит его к заключению, что уже в ней оформились те передовые традиции, которые получили впоследствии дальнейшее развитие и расцвет в советской психологии:

- материалистическая ориентированность исследований,
- объективный подход к анализу психических явлений,
- сравнительно-генетический метод,
- антифункционалистический подход, предполагающий изучение психологии живой, деятельной личности, а не абстрактных психических способностей. Указанные традиции русской психологии получили дальнейшее развитие в советской психологии на базе коренного преобразования ее философских основ, усвоения диалектико-материалистического мировоззрения (там же).

Итак, отметим, что в современной психологии наметилась отчетливая тенденция недооценки работ К. Д. Ушинского в области психологии. Обращает на себя внимание также попытка «прописать» Ушинского только в области детской и педагогической психологии, отмечая его вклад в развитие этих отраслей психологии.

Попробуем непредвзято оценить то, что сделано К. Д. Ушинским. В одной из поздних своих работ в 1968 г., когда времена вновь изменились, психология стала не только признанной, но и модной наукой, Б. Г. Ананьев задает важный вопрос, и сам словами Ушинского на него отвечает: «Сознавал ли сам Ушинский

необычность своего труда, новизну начатого им дела, отсутствие образцов в литературе, в которой он благодаря своей феноменальной образованности и широте кругозора ориентировался лучше, чем кто-либо из педагогов мира? Напомним в связи с этим, что в своем обращении к читателям Ушинский писал, что его книга „первый труд в таком роде — первая попытка не только в нашей, но и в общей литературе, по крайней мере, насколько она нам известна“ (Ананьев, 2007а, с. 531). И далее: «Действительно, он не нашел в педагогической литературе своего времени такого целостного знания о человеке, которое объясняло бы самую суть воспитания, образующего личность. Ушинский не нашел такой целостности знания о человеке и за пределами педагогики. Придавая особое значение физиологии и психологии человека в качестве научных основ педагогики, Ушинский, однако, отчетливо представлял их незавершенность и несовершенство в то время, невозможность, говоря его словами, „еще ни для психологии, ни для физиологии“ стройного изложения какой-либо картины человеческого развития» (там же, с. 531).

Говоря о разработке Ушинским проблем педагогической антропологии (Ушинский, 1950, 1951, 1952), следует отметить, что понятие «антропология», введенное Аристотелем, в середине XIX столетия было широко известно. В 1800 г. вышла «Антропология» И. Канта; проблемы антропологии разрабатывал Л. Фейербах. В Германии Карл Шмидт (1819—1864), известный педагог, получил титул «педагога-антрополога XIX века». Крестьянин по происхождению, он некоторое время был священником, но в 1850 г., сложив с себя духовное звание, занялся преподавательской деятельностью. Однако под антропологией он имел в виду френологию Ф. Галля, согласно которой по шишкам на голове определяются способности. Курс по «Педагогической антропологии» в Грейфсвальдском университете читал профессор Газерт.

Можно предположить, что обращение Ушинского к антропологии не случайно. Он решал конкретную задачу — разработку проблем воспитания, и для ее решения ему нужна была надежная научная основа. Если бы в то время существовала современная психологическая теория, он использовал бы ее в качестве основания для развития педагогики. Обратим внимание на то, что Ушинский уже сталкивался с подобной задачей. Еще в юности в Ярославле, разрабатывая подход к камеральному образованию и отвергнув европейские образцы как, по его мнению, неподходящие, он находит широкое понятие «родина» и начинает конструировать свою концепцию. Так и здесь — по той же методологии.

Константин Рамуль (1879—1975), эстонский психолог из Тартуского университета скрупулезно рассмотрел, на что мог опираться Ушинский в психологии. В Германии это: 1) натурфилософская школа; 2) психология школы Гегеля; 3) гербартовская школа; 4) школа Бенеке; 5) идеал-реалистическая школа; 6) физиологическая и экспериментальная психология. К. Рамуль отмечает, что было еще несколько одиночек, не примыкавших к этим направлениям (Рамуль, 1956).

Из всего этого наиболее основательной является последняя, но она не представляла интереса для Ушинского в силу ее элементаризма и атомистичности.

В Англии наиболее популярными были ассоциативное (Д. С. Милль, А. Бэн и др.) и эволюционное (Г. Спенсер и А. Бэн) направления.

Рамуль отмечает, что «симпатии Ушинского склонялись несколько более в сторону английской, чем немецкой психологии» (там же, с. 123). Это, на наш

взгляд, объясняется тем, что ассоциативное, особенно бэновское¹ направление было функциональным, поэтому *более целостным*, чем течения и школы Германии.

Рамуль делает следующий вывод: «Не примкнув, таким образом, ни к одной из современных ему психологических школ Запада и относясь к каждой из них вполне критически, Ушинский при этом, конечно, не мог совершенно уйти от влияния современной ему научной психологии в ее целом или в ее преобладающей части. Мы видим, что он еще не желает вполне отказаться от того, чтобы и в психологии не „вдаваться в метафизические воззрения там, где невозможно будет избегнуть их“, хотя и знает, что „эти воззрения не дадут положительных результатов“. Но, однако, Ушинский говорит, что, „не построив своей теории, мы, может быть, разрушим другие, потому что считаем полезным время от времени очищать метафизическую атмосферу от накапливающихся в ней миазмов, что особенно важно в области воспитания“» (там же, с. 118).

По мнению Рамуля, «подобно психологиям отдельных, в особенности немецких школ, психологическая система Ушинского была в значительной степени теоретизирующей и конструирующей. И хотя он сам не раз подчеркивает, что желает более всего основываться на наблюдении и добытых при его помощи фактических данных, его наблюдение и самонаблюдение остались, по существу, такими же, как они были в старой „эмпирической психологии“...» (там же). Объяснение этого Рамуль видит в том, что «новая, существенным образом отличающаяся от старой, психология едва еще зарождалась, и никто не мог предвидеть всех возможностей, которые в ней таились» (там же, с. 124).

Теперь самое главное: каким образом оценивать вклад Ушинского в психологию? С чем сравнивать его концепцию?

Сравнение психологической концепции Ушинского с вундтовской свидетельствует об их существенном различии.

Задачей Вундта было конституирование физиологической психологии путем отделения ее от философии. Через четыре года после смерти Ушинского Вундт сформулирует эту задачу в предисловии к «Основаниям физиологической психологии»: «Предлагаемый публике труд имеет целью ограничение новой области в науке. Я хорошо сознаю, что моя попытка может быть сочтена преждевременною. В самом деле, даже анатомио-физиологические основания излагаемой науки еще не достаточно утверждены, а экспериментальная разработка психологических вопросов едва лишь начата» (Вундт, 1880, с. III). Он исследовал экспериментально лишь ощущения, восприятия и движения — простейшие психические явления. При этом он методично отвечал на критику Канта в адрес психологии. Вундтовская психология — это реализация естественно-научного подхода по образцу 1786 г. (Мазилов, 1998), когда была написана кантовская работа «Метафизические основы естествознания».

В отличие от этого, задача Ушинского грандиозна: его антропология включает три отдела — телесный организм, душевные явления, духовные явления. Заметим, что к исследованию духовных явлений современная российская психология только подходит сегодня — через полтора века после Ушинского. Западной еще долго к этому идти.

---

1 Ушинский писал, что Бэн — психолог, «у которого мы заимствуем так много» (Ушинский, 1950а, с. 409).

Наверное, всех бы устроило, если бы удалось объявить Ушинского соратником Сеченова. Но это не получается, так как материалистические воззрения Ушинского не отличались последовательностью и невозможно не учитывать его жесткую критику в адрес Сеченова.

Основные положения психологической концепции К. Д. Ушинского

Конечно, в рамках статьи нет возможности полностью осветить методологические и общепсихологические взгляды К. Д. Ушинского. И в «Вопросе о душе», и в «Психологических монографиях», и тем более в «Педагогической антропологии» сформулированы положения, характеризующие позиции Ушинского в психологии.

Обозначим эти позиции.

1. Ушинский определяет предмет психологии, причем трактуя его широко и целостно.
2. Не ставя задачи отделения психологии от философии, Ушинский обосновывает их соотношение.
3. В работах Ушинского рассматривается также соотношение психологии с другими науками, т. е. определяется место психологии в системе научного знания.
4. Подробно обсуждается вопрос о методе психологии.
5. Рассматривается важнейший для конституирования науки вопрос, касающийся структуры психологии как отрасли научного знания.
6. Определяется соотношение психологии с физиологией.
7. Ушинский утверждает опытный характер психологической науки.
8. Определяется соотношение теории и метода в новой психологии, что было редкостью для той эпохи.

Как видим, Ушинский в своих работах фактически поставил и обсудил *весь комплекс вопросов*, который необходим для определения статуса психологии.

Мы полагаем, что Ушинский не успел заявить практико-ориентированную психологию как новую науку. Этот момент, связанный с конституированием психологии, он откладывал до завершения третьего тома, когда будет создана *целостная система психологии, включающая все богатство душевной жизни — от психофизиологии до высших проявлений человеческого духа*. Новаторство создаваемого им научного проекта Ушинский хорошо осознавал, но реализовать его в полном объеме не успел. И наш долг — восстановить историческую справедливость, вернув Ушинского в число основателей психологической науки. Безусловно, Константин Дмитриевич Ушинский — создатель *первой в истории мировой психологии практико-ориентированной психологии*.

Более того, К. Д. Ушинский — великий психолог мирового уровня. Если бы по-другому сложились обстоятельства, развитие мировой психологии от Ушинского могло пойти по иному пути.

Он первым в мировой науке начал разрабатывать психологию с позиций целостного, а не предметного подхода, представленного работами В. Вундта, Ф. Brentano, В. Джемса, выделявшими в сознании тот или иной аспект для анализа. К разработке основ психологии Ушинский подходил прагматически (вспомним кантов-

скую «Антропологию», обоснованную прагматически), но прагматизм его был усилен нацеленностью на решение задач воспитания человека. Поэтому психология Ушинского не *предметна, а объектна*; ее объект — человек, поэтому она обречена быть целостной.

В наши дни активно обсуждается парадигма практической психологии. Однако про основателя этого подхода в мировой психологии при этом обычно не помнят. Полагаем, что историческая справедливость должна восторжествовать, и Константин Дмитриевич Ушинский как великий психолог должен занять свое законное место в истории мировой психологии.

Заключение

К. Д. Ушинский — великий психолог мирового уровня. Опередив свое время, он попытался создать систему практической психологии, определил предмет психологии, трактуя его широко и целостно, рассмотрел соотношение психологии с философией, физиологией и другими науками, обосновав тем самым место психологии в системе научного знания. В его работах ставится вопрос о методе психологии, о ее структуре, обосновывается ее опытный характер.

Парадигма практической психологии только формируется в наши дни. Ушинский в рамках педагогической антропологии первым в истории мировой психологии попытался решить эту задачу.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Педагогическая антропология К. Д. Ушинского и ее современное значение // Вопросы психологии. 1969. № 2. С. 3–14.
- Ананьев Б. Г.* «Педагогическая антропология» К. Д. Ушинского и ее современное значение // Ананьев Б. Г. Избранные труды по психологии. Т. 2: «Развитие и воспитание личности» / Под ред. Н. А. Логиновой. СПб., 2007а. С. 531–546.
- Ананьев Б. Г.* Проблемы педагогической антропологии // Ананьев Б. Г. Избранные труды по психологии. Т. 2: «Развитие и воспитание личности» / Под ред. Н. А. Логиновой. СПб., 2007б. С. 499–514.
- Ананьев Б. Г.* К. Д. Ушинский — великий русский психолог // Ананьев Б. Г. Избранные труды по психологии. Т. 1: «Очерки психологии. История русской психологии» / Под ред. Н. А. Логиновой. СПб., 2007в. С. 388–409.
- Вундт В.* Основания физиологической психологии. М., 1880.
- Ждан А. Н.* История психологии от Античности до наших дней. М., 2004.
- Кольцова В. А.* Методологические проблемы истории психологии в трудах Б. Г. Ананьева // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 4: «Методологические проблемы историко-психологического исследования: Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН» / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М., 2002. С. 80–99.
- Мазилев В. А.* Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998.
- Марцинковская Т. Д., Юревич А. В.* История психологии. М., 2008.
- Петренко В. Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М., 2010.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* История и теория психологии. Т. 1. Ростов-н/Д., 1996.

Рамуль К. А. К. Д. Ушинский и западноевропейская психология // Вопросы психологии. 1956. № 5. С. 115–124.

Ушинский К. Д. Сочинения. Т. 2. М.–Л., 1948.

Ушинский К. Д. Соч. Т. 3. М.–Л., 1950а.

Ушинский К. Д. Соч. Т. 8. М.–Л., 1950б.

Ушинский К. Д. Соч. Т. 9. М.–Л., 1951.

Ушинский К. Д. Соч. Т. 10. М.–Л., 1952.

Шаин Е. Г. Дата рождения К. Д. Ушинского // Педагогика. 2004. № 4. С. 63–64.

Психологические взгляды С. Смайlsa на саморазвитие человека

В. Г. Маралов, В. А. Ситаров (Москва)

Введение

Психология саморазвития человека — относительно новое направление в современной науке. Оно сформировалось в последней четверти XX—начале XXI столетия. Еще 20 лет назад Г. А. Цукерман писала по этому поводу: «Проблема саморазвития буквально ворвалась в современное педагогическое сознание, как выпущенный из бутылки джинн, и (в точности как освобожденный джинн, не руководимый мудрым хозяином) немедленно принялась возводить дворцы для новых властителей дум (идей, провозглашающих примат индивидуального над всеобщими) и разрушать дворцы былых владык (идей, выводящих индивидуальное сознание из общественного)» (Цукерман, Мастеров, 1995, с. 15).

К настоящему времени вполне определились предмет, цели и задачи данного направления. В качестве его предмета выступают закономерности становления и функционирования человека как субъекта собственного развития. Цель же психологии саморазвития состоит в выявлении, описании и объяснении того, каким образом человек может произвольно (намеренно) изменять себя, т. е. управлять своим развитием. Под саморазвитием традиционно понимается особая деятельность человека по созданию чего-то качественно нового в своем сознании, отношениях, переживаниях и поведении, и которая осуществляется в соответствии с жизненными задачами и внутренними побуждениями человека при помощи специальных психологических средств (Низовских, 2007). Проблемное поле саморазвития достаточно широко и многообразно. Оно включает многочисленные исследования проблем субъектности человека, его активности, механизмов, форм, условий, средств саморазвития и мн. др.

Когда начинают говорить о психологических истоках и предпосылках выделения психологии саморазвития в отдельное направление, то чаще всего это в отечественной психологии связывают с именами Л. С. Выготского (идея са-

мовоспитания), С. Л. Рубинштейна (идея субъектности и самостроительства), А. Н. Леонтьева (идея ведущей роли деятельности в саморазвитии личности), Б. Г. Ананьева (идея субъектности) и др.; а в зарубежной психологии — с именами представителей гуманистического подхода (К. Роджерс, А. Маслоу, Ш. Бюлер и др.), а также представителей когнитивно-поведенческой психологии (Р. Харре, Э. Деси и Р. Райан, Дж. Бауэр и др.). Однако эти истоки нужно искать в более раннем периоде развития психологии — во второй половине XIX столетия.

Пожалуй, впервые в науке наиболее отчетливо и всесторонне проблема саморазвития была поставлена шотландским писателем, реформатором, психологом Сэмюэлем Смайлом (1812—1904), написавшим ряд книг философско-нравственного содержания, среди которых особую известность приобрел его труд, название которого в русском переводе звучит как «Саморазвитие (самодетельность) умственное, нравственное, практическое». Эта книга издавалась в России с 1866 г. до 1903 г. десять раз и пользовалась огромным успехом. Ее достоинством является живое изложение с массой примеров саморазвития людей: общественных деятелей, ученых, представителей творческих профессий, простых людей, достигших совершенства в своей деятельности. В настоящей статье мы будем опираться на второе издание книги в переводе В. Вольфсона (1900), которое было переиздано в 2000 г. в Минске.

Основная часть

Уже с первых страниц книги С. Смайла четко заявляет свою позицию, заключающуюся в признании приоритета личности в построении своего жизненного пути, ответственности за все то, что с ней происходит. «Законы, управляющие человеком извне, — пишет он, — имеют сравнительно небольшое значение: гораздо важнее то, каким образом человек управляет сам собой» (Смайлс, 2000, с. 16). И далее еще более определенно: «Человеческая личность формируется под влиянием бесчисленного множества условий: примера и наставлений, жизни и литературы, друзей и знакомых, настоящего и прошлого. Но, как бы ни было велико значение этих влияний, человек должен сам быть руководителем своей жизни и, не отвергая содействия других, рассчитывать лишь на самого себя» (там же, с. 28). Фактически здесь заявляется важность и значимость субъектности человека, который, согласно современным представлениям, являясь субъектом своей жизнедеятельности, при благоприятных условиях становится и субъектом собственного саморазвития. Сравним данное Смайлом определение с тем, которое приводит В. И. Слободчиковым и Е. И. Исаевым: «Саморазвитие — это фундаментальная способность человека становиться и быть подлинным субъектом своей жизни, превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования» (Слободчиков, Исаев, 2000, с. 147).

Основное внимание в книге уделено доказательству того, что только трудолюбие и прилежание являются мерилами успешности человека, состоятельности его в жизни как личности. «Трудолюбие и прилежание, — пишет автор, — являются основами успеха, как и основами счастья; быть может, высшее наслаждение жизни состоит в добровольном, сознательном и плодотворном труде; подобный труд развивает в нас энергию, веру в свои силы и многие другие добрые качества»

(там же, с. 85). Причем Смайлс не просто постулирует тот факт, что трудолюбие является мерилом состоятельности человека как личности, но и пытается раскрыть некоторые содержательные психологические характеристики трудолюбия. К ним он относит усидчивость, внимательность и основательность: «Усидчивость, внимание и основательность являются главными качествами настоящего работника. Величайшими людьми являются не те, которые относятся с презрением к мелочам, но те, которые относятся к ним с наибольшим вниманием» (там же, с. 102).

Согласно Смайлсу, важнейшим условием саморазвития и достижения успеха в жизни является воля: «Только воля — сила настойчивости — делает человека способным сделать то, что он намерен был сделать, и сделаться тем, чем он намерен был сделаться» (там же, с. 197). В этой цитате поражает последняя ее часть. Фактически здесь С. Смайлс сформулировал основной постулат самоактуализирующейся личности. Вспомним А. Маслоу: «Самоактуализация — это умение человека стать тем, кем он способен стать» (Маслоу, 1982, с. 110).

Большое значение придается автором времени как ценности, которую нужно беречь и использовать рационально: «Утраченное богатство может быть возвращено энергичной деятельностью, утраченные знания — изучением, утраченное здоровье — воздержанием или лечением; но потерянное время невозвратимо: оно пропало навеки» (там же, с. 238). И далее: «Просто поразительно, чего человек может достигнуть путем саморазвития при энергии и настойчивости, употребляя с пользой то время, которое большинством людей проводится в праздности» (там же, с. 277). Другими словами, ученый гениально предвосхитил психологическое явление, которое в последующем получило название «тайм менеджмент» — управление временем.

Таким образом, в концепции С. Смайлса в определении успешности в жизни и состоятельности человека как личности акцент делается на самом человеке, его способности к самоактуализации, что достигается посредством труда, воли и настойчивости. При этом интересно отметить, что автор не обходит стороной и такие по-современному важные проблемы, как условия саморазвития, его средства, роль социального окружения в развитии личности.

В настоящее время считается, что саморазвитие идет рука об руку с самопознанием. Одно без другого невозможно. Нельзя поставить адекватные цели саморазвития, если человек не знает себя. У Смайлса это звучит следующим образом: «Молодые люди должны изучать самих себя, анализировать свое поведение и сравнивать свои поступки и мысли со своими нравственными убеждениями» (там же, с. 263). Подчеркивается также тот факт, что «не количеством занятий и не количеством прочитанных томов измеряется степень саморазвития, достигнутая человеком, но исключительно основательностью изучения того или другого предмета» (там же, с. 279). Согласимся, что это звучит вполне современно и актуально для нашего времени, когда все чаще и чаще мы сталкиваемся с феноменом так называемого «клипового мышления», которое характеризуется поверхностностью, стремлением к упрощению, отсутствием критичности и т. п.

Особо Смайлс подчеркивает роль самостоятельности в познании окружающего мира и в своем саморазвитии. Он пишет: «То, что внушено нам другими, всегда менее прочно, чем то, что приобретено собственными усилиями. Знание, приобретенное трудом, становится достоянием, полной собственностью; такое

знание придает уму больше ясности и постоянства. Знания, приобретенные постоянным трудом, никогда не изглаживаются. Саморазвитие, как и всякая другая самостоятельная работа, укрепляет умственные силы и характер» (там же, с. 273).

И еще на одном важном моменте хотелось бы остановиться. В современной психологии саморазвития значительное место уделяется таким конструктам, как самопринятие, самоуважение, уверенность в себе. Смайлс также в определенной степени обращает на них внимание, во многом предвосхитив последующие исследования данных конструктов. «Самовоспитание и самоконтролирование, — пишет автор, — являются основами житейской мудрости; в свою очередь, они основаны на самоуважении. Отсюда проистекает самоуверенность, которая и служит лучшим залогом преуспевания, ибо человек, уверенный в самом себе, может творить чудеса» (там же, с. 285). Причем самоуверенность здесь трактуется в позитивном ключе — как уверенность человека в своих силах и возможностях.

Наконец, Смайлс затрагивает, пожалуй, наиболее интересную для нашего времени проблему — проблему стимулирования стремления личности к саморазвитию. Здесь он также очень четко и определенно обозначает свою позицию. В его подходе можно выделить два важных момента.

Во-первых, он отвечает на вопрос, что нужно делать, чтобы побудить у подрастающего поколения стремление к саморазвитию. По его мнению, человеку нужно просто-напросто предоставить известную самостоятельность и свободу: «Человека надо приучать с самого раннего возраста полагаться на свои собственные силы, и для этого ему нужно предоставить известную долю самостоятельности и свободы» (там же, с. 279). Иными словами, задолго до К. Роджерса и других представителей гуманистической психологии признается, что только при определенном уровне самостоятельности и свободы личность обретает неопределимые качества, связанные со способностью возлагать ответственность за все, что с ней происходит, на себя, т. е. способность к саморазвитию.

Во-вторых, Смайлс четко определяет роль социального окружения, в частности родителей, в формировании способности человека к саморазвитию. Он пишет: «Важнейшие положительные стороны человеческой личности приобретаются не в школе благодаря учителям, а вырабатываются лишь самовоспитанием; поэтому родителям, дети которых не успевают в школе, нечего горевать, если только они в них замечают прилежание, желание преуспеть. Пусть родители подадут хороший пример и заботятся об их здоровье, а главное — пусть они выработают в детях стремление к саморазвитию, и тогда они могут быть уверены, что дети их преуспеют в жизни» (там же, с. 306). Смайлс признает ведущее влияние социальной среды на личность, а родители составляют важнейшую часть этой среды. Роль родителей заключается в том, чтобы служить примером для своих детей, т. е. самим встать на путь саморазвития. «Нравственные свойства в молодых людях, — пишет автор, — вырабатываются исключительно под влиянием окружающей среды; значение примера, подаваемого родителями детям, столь громадно, что вся система воспитания, которую родители должны давать детям, может быть сформулирована двумя словами: „Совершенствуйтесь сами“» (там же, с. 310).

Приведенные высказывания С. Смайлса созвучны идеям Л. С. Выготского, которые он сформулировал в своей «Педагогической психологии» в 1926 г. (в России эта книга была издана только в 1991 г.). Вот лишь некоторые цитаты из его кни-

ги: «Строго говоря, с научной точки зрения, нельзя воспитывать другого. Оказывать непосредственное влияние и производить изменения в чужом организме невозможно; можно лишь воспитываться самому, т. е. изменять свои природные реакции через собственный опыт» (Выготский, 1991, с. 82). И далее: «Воспитание должно быть организовано так, чтобы не ученика воспитывали, а ученик воспитывался сам» (там же). И наконец: «Воспитание осуществляется через собственный опыт ученика, который всецело определяется средой, и роль учителя при этом сводится к организации и регулированию среды» (там же, с. 85). Таким образом, согласно и С. Смайлсу, и Л. С. Выготскому, человек воспитывает себя сам (занимается саморазвитием). Задача взрослых состоит в том, чтобы создать соответствующую благоприятную среду для саморазвития личности. Правда, у Л. С. Выготского это трактуется в более широком диапазоне; Смайлс же основной упор делает на личный пример и стремление самих воспитателей (взрослых) к самосовершенствованию.

Заключение

Итак, завершая краткое изложение взглядов С. Смайлса, следует констатировать, что им разработана достаточно логически построенная концепция саморазвития человека.

Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что Смайлс в саморазвитии усматривает несомненную ценность. В то время понятие «субъект» еще не использовалось в психологии, однако в работах Смайлса реально речь идет, говоря современным научным языком, именно о субъектности человека, и в качестве ее признака выделяется способность личности к саморазвитию.

Во-вторых, С. Смайлс пытается доказать на многочисленных примерах, что встать на путь саморазвития можно только посредством упорного труда, проявления воли и настойчивости. В настоящее время мы говорим о роли деятельности и активности индивида в самопостроении своей личности.

В-третьих, им затрагиваются важные проблемы, связанные с внутренним миром человека, как бы мы сказали сейчас, с «Я-концепцией» личности, проблемой самопринятия, самоуважения и уверенности в себе.

В-четвертых, Смайлс раскрывает роль социального окружения в стимулировании стремления личности к саморазвитию. В его понимании, на первое место становится пример взрослых, которые сами должны избрать путь саморазвития.

В заключение следует отметить, что взгляды С. Смайлса на проблему саморазвития не утратили своего значения и в наше время. Детальное изучение его творчества позволило глубже понять суть саморазвития как психологического феномена и его назначения в жизни человека.

Литература

- Выготский Л. С.* Педагогическая психология. М., 1991.
Маслу А. Самоактуализация // Психология личности: Тексты. М., 1982.
Низовских Н. А. Человек как автор самого себя: психосемантический анализ жизненных принципов в структуре саморазвивающейся личности. М., 2007.

Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Учебное пособие для вузов. М., 2000.

Смайл С. Саморазвитие умственное, нравственное и практическое. Минск, 2000.

Цукерман Г. А., Мастеров Б. М. Психология саморазвития. М., 1995.

Этапы развития и направления творческой деятельности В. Н. Дружинина

Н. Г. Немировская (Москва)

Введение

Владимир Николаевич Дружинин (1955–2001) – выдающийся российский ученый, психолог, доктор психологических наук, профессор, лауреат премии им. С. Л. Рубинштейна Российской академии наук (1996), лауреат премии Президента РФ в области образования (1998), лауреат Всероссийского конкурса книг по образованию (1997)¹, лауреат конкурса «Пушкинская библиотека» фонда Сороса (2000), руководитель исследовательских проектов по Федеральной программе «Одаренные дети». Всю свою многогранную деятельность он посвятил психологии, оставив разнообразное и богатое по содержанию научное наследие, которое должно быть осмыслено и использовано в современной психологии.

Изучение жизненного пути и творческой лаборатории В. Н. Дружинина, позволяет, во-первых, определить его место в истории отечественной психологии и вклад в ее развитие; во-вторых, акцентировать внимание на новаторских идеях автора в области исследования и психодиагностики способностей, важных для решения задач, стоящих перед современной наукой и практикой.

Расцвет творческой деятельности В. Н. Дружинина пришелся на сложное, перестроечное для нашей страны и науки время. На рубеже XX–XXI столетий отечественная психология столкнулась с серьезными трудностями, обусловленными коренным изменением социальных условий ее развития (Кольцова, 2004, 2006, 2008). Ряд авторов указывает на существование методологического кризиса российской психологии как проявления глобального системного кризиса всей мировой психологической науки (Борисенков, 2006; Зверева, 2012; Мазиллов, 2001; Шульдин, 2001; и др.). Его особенности – противопоставление естественно-научного и гуманистического подходов, а также восточного и западного направлений психологической мысли; рост прикладной ориентированности науки и связанная с этим жесткая детерминированность тематики исследований сиюминутными запросами; чрезмерная прагматичность ряда психологических под-

---

1 Первое место за книгу «Психология общих способностей».

ходов. Одновременно происходит ослабление фундаментальных теоретических разработок, которые всегда являлись сильной стороной отечественной психологической школы, следствием чего становится разрыв преемственности в развитии научного знания.

Вместе с тем в последнее время наметилась тенденция возвращения в психологическую науку наследия ученых, расцвет научной деятельности которых приходился на конец XIX—середины XX столетия. Разработке историко-психологических проблем посвящены работы И. С. Алексеенко, Е. А. Будиловой, А. Н. Ждан, В. А. Кольцовой, Н. А. Логиновой, Т. Д. Марцинковской, Ю. Н. Олейника, О. Г. Носковой, В. В. Умрихина, М. Г. Ярошевского и многих других авторов. Однако необходимость воссоздания полной картины развития психологической науки на всех ее этапах как условия понимания ее современного состояния и формирования ориентиров ее дальнейшего развития требует изучения творчества современных ученых. В этой связи важным представляется обращение к исследованию психологических взглядов Владимира Николаевича Дружинина.

В. Н. Дружинин — яркий, одаренный ученый; его научное творчество отличалось непрерывной эволюцией научных идей; оно оригинально, достойно изучения и развития. Профессиональная биография В. Н. Дружинина уникальна по своей интенсивности, объему и качеству сделанного им как в области фундаментальных психологических исследований, так и в сфере психологического образования. Как отмечается в психологической литературе, он не относился к типу ученых «одной идеи», которые всю жизнь разрабатывали один подход, наоборот, его отличали необыкновенная широта и динамизм научных интересов.

Впервые всероссийскую известность В. Н. Дружинин приобрел как специалист в области психодиагностики в связи с выходом его работы «Психологическая диагностика способностей: теоретические основы», в которой был представлен новый взгляд на проблему психологического тестирования (1990). К его наиболее известным работам относятся: «Психология общих способностей» (1995); «Экспериментальная психология» (1997); «Психология семьи» (1996б); «Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии» (2000а); «Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие» (2001) и др. Неизменный успех имеет изданная под редакцией В. Н. Дружинина серия учебников по психологии для высшей школы, в том числе «Современная психология» (1999); «Психология (для экономических, гуманитарных и технических вузов)» (2000); «Когнитивная психология» (2001) и др.

Сфера научных интересов Владимира Николаевича охватывала общую и когнитивную психологию, психологию интеллекта, психологию семьи, психологию личности, дифференциальную психометрику, психологию и психодиагностику общих способностей и др. В свете обострения интереса к проблемам методологии психологической науки особую актуальность приобретают методолого-теоретические разработки В. Н. Дружинина в области психологии. В настоящее время в Институте психологии РАН работает лаборатория психологии способностей и ментальных ресурсов, которая развивает научные идеи В. Н. Дружинина.

Несмотря на огромное психологическое наследие, оставленное В. Н. Дружининым, необыкновенную научную многогранность, широту взглядов и интересов, весомые организационно-научные заслуги, его творчество до сих пор не было

в должной мере изученным и осмысленным. Это грозит утратой ряда его идей, ценных для современной психологии и практических разработок.

Выбор темы нашего исследования обусловлен тем, что идеи В. Н. Дружинина представляют не только исторический интерес, но и занимают важное место в современной науке, актуализируют поиски в ряде ключевых направлений психологической науки XXI века.

Периодизация жизненного пути и научной деятельности В. Н. Дружинина

Прежде чем приступить к исследованию проблематики научной деятельности ученого, необходимо выделить основные периоды его творческой деятельности, дать характеристику выполнявшихся им социально-профессиональных задач. Построение периодизации — итог изучения динамики той или иной проблемы во времени с учетом социально-культурных и исторических условий. В настоящее время особое значение приобретает проблема разработки объективных критериев периодизации. Уровень и характер решения этого вопроса обуславливают строгость и точность определения динамики и этапов развития исследуемого процесса. В случае отсутствия обоснованных критериев периодизации логично встает вопрос о ее объективности. Сложность членения единого историко-научного процесса обусловлена необходимостью соотнесения периодов развития творческой деятельности ученого с социально-культурным контекстом. Соответственно, в основу периодизации должны быть положены как сугубо исторические критерии — специфика периодов общественного развития, так и логико-научные, связанные с динамикой и особенностями собственно научного процесса.

В историко-психологических работах отмечается необходимость выделения при построении периодизации того или иного явления, включая биографии и научную деятельность ученых, не одного, а множественных критериев, что обусловлено сложностью и многоаспектностью рассматриваемых феноменов (Кольцова, Мешалкина, 2002; Олейник, 2008).

В нашей работе также использовался ряд критериев: основные события в жизни и научном творчестве В. Н. Дружинина; выполняемые им социально-профессиональные роли; доминирующая сфера личностных и профессиональных интересов. Опираясь на указанные критерии, мы выделили 5 периодов жизненного и профессионального пути Дружинина (таблица 1).

Хронология основных периодов жизненного и профессионального пути В. Н. Дружинина была составлена на основе материалов личного архива ученого, а также «Антимемуаров», подготовленных женой В. Н. Дружинина, и воспоминаний его коллег.

В разные периоды творческого пути Дружинина особенности его личности, полученный им опыт научной и научно-организационной работы, ближайшее окружение и оппонентный круг ученого, выполняемые им социальные и профессиональные роли по-разному определяли сферу и направленность его личностных и профессиональных интересов.

Первые периоды жизни ученого (1–2) были временем накопления жизненного и профессионального опыта. Как пишет жена ученого, «мало встречается людей,

Таблица 1

Периоды жизненного и творческого пути В. Н. Дружинина

Название периода	Ведущая социально-профессиональная роль и главные события профессиональной жизни
1-й период (1955–1972) Детство и школьные годы	12.08.1955 г. – рождение в пос. Дунилово Большесельского района Ярославской области С 1962 г. – обучение в школе: весь курс школьных учебников прочитан еще в начальной школе; увлекался поэзией, рисованием, лепкой, философской литературой 1972 – окончание школы с золотой медалью
2-й период (1973–1978) Студенческие годы	На III–IV курсах ЯрГУ – исследование роли моторики и актуализации представлений; по результатам сделан доклад на конференции НСО, удостоенный диплома МГУ им. М. В. Ломоносова На V курсе – проведение под руководством В. Д. Шадрикова исследования, посвященного системогенезу способностей 1978 г. – окончание факультета психологии и биологии Ярославского государственного университета (ЯрГУ) с дипломом с отличием Ярко выражены познавательные интересы и серьезное отношение к науке. Изучение психологии сочеталось с углублением знаний в области математики и теории психологического эксперимента В сфере личностных интересов появилось увлечение футболом, поэзией, сохранившиеся на всю жизнь
3-й период (1979–1982) Начало работы в ИП АН СССР Защита кандидатской диссертации	С ноября 1979 г. – начало работы в Институте психологии АН СССР в должности младшего научного сотрудника Проведение исследований в области психологии труда, потребностей и мотивации личности В 1982 г. – защита кандидатской диссертации на тему «Изменение мотивации в процессе профессиональной подготовки»
4-й период (1983–1991) Работа в ИП АН СССР Защита докторской диссертации	В 1987 г. – получение должности старшего научного сотрудника в Институте психологии (ИП) АН СССР Ведущая тематика – психология способностей, экспериментальная психология, психодиагностика, методология психологии В 1991 г. – назначение заведующим лабораторией психологии способностей и профессионально важных качеств В 1991 г. – защита докторской диссертации «Теоретические основы психологической диагностики познавательных способностей»
5-й период (1992–2001) Научная, научно- организационная и преподавательская деятельность	С 1992 г. – заместитель директора ИП РАН В 1993 г. – получение звания профессора В центре научных интересов – психология интеллекта, когнитивная психология, психология творчества и одаренности С 1995 г. – декан факультета психологии Государственного университета гуманитарных наук РАН С 1999 г. – ректор Института практической психологии ИМАТОН (Санкт-Петербург), профессор МГУ и МПГУ В сфере личностных интересов – поэтическое творчество, результатом чего стало издание сборника стихотворений разных лет «Разговор с эхом» 2001 – трагическая кончина

наделенных таким набором талантов и способностей, как Владимир Дружинин. Блестящая память и врожденная тяга к культуре позволили ему стать образованнейшим человеком нашего времени, владеющим энциклопедическими познаниями. Он обладал тем, что называется общей одаренностью, и мог бы достичь вершин в любом деле, которым занимался» (Дружинина, 2005, с. 5).

В Университет на факультет психологии Владимир Николаевич пришел молодым человеком, уже четко представляющим, чего он хочет добиться в жизни. Он учился азартно, с увлечением, сочетая изучение психологии с познанием математики и теории психологического эксперимента. Как вспоминает М. М. Кашапов, Владимир Николаевич «по отдельно взятому абзацу психологического текста мог определить стиль любого крупного психолога, прекрасно мог имитировать научный стиль разных маститых ученых. Образные, оригинальные высказывания Володи, представленные в факультетской стенгазете, охотно цитировали на учебных занятиях не только студенты, но и преподаватели» (Кашапов, 2005, с. 417).

На 3–4-м курсах ЯрГУ он проводил исследования роли моторики в актуализации представлений; по результатам этой работы был сделан доклад на конференции НСО, удостоенный диплома МГУ им. М. В. Ломоносова за лучшую научную работу. На 5-м курсе под руководством В. Д. Шадрикова В. Н. Дружинин проводил исследования, посвященные системогенезу способностей, в которых были выявлены качественные различия систем способностей на разных этапах профессионализации и особенности их динамики (Дружинин, Шадриков, 1979). Уже дипломная работа В. Н. Дружинина показала, что он владеет широким арсеналом методических средств, обеспечивающих высокое качество психологических исследований. Это свидетельствует о большом потенциале молодого ученого, его серьезном отношении к науке как области применения своих сил в сфере личностного и профессионального самоопределения.

Следующие периоды (3–5) охватывают многогранную научную, научно-практическую и научно-организационную деятельность В. Н. Дружинина.

Выделение основных периодов жизнедеятельности В. Н. Дружинина позволило соотнести содержание его профессиональной деятельности, условий научного творчества с интенсивностью и тематикой его научных исследований.

Динамика интенсивности научной деятельности В. Н. Дружинина

Для определения интенсивности научной деятельности в разные периоды жизни ученого использовался метод библиографического анализа (составление полного перечня всех работ автора – 175 единиц за период активной творческой деятельности – в течение 23 лет: с 1979 по 2001 г. и их разделение по выделенным периодам). Единицами анализа выступала вся научная продукция, созданная В. Н. Дружининым на протяжении его творческого пути, которая была разделена на три вида: книги (15); научные статьи и тезисы (151); отчеты (9). Далее она была соотнесена с соответствующими периодами научной деятельности автора. Задачами данного исследования стало рассмотрение количественных характеристик научной деятельности ученого с целью выявления его публикационной активности.

В таблице 2 представлены данные о количестве единиц научной продукции В. Н. Дружинина, подготовленной и опубликованной в каждый период его науч-

Таблица 2

Интенсивность научной и деятельности В. Н. Дружинина (по критерию среднего числа работ за год) в разные периоды его творческого пути

Периоды	Научные публикации	В том числе: книги	Отчеты	Всего работ	Длительность периода жизни (количество лет)	Среднее количество работ за 1 год
III период (1979–1982)	6	0	2	8	4	2
IV период (1983–1991)	51	2	7	60	9	7
V период (1992–1998)	94	13	0	107	10	10,5
Общее число за всю трудовую жизнь	151	15	9	175	23	7,5

ной деятельности. Здесь же содержатся показатели среднегодовой научной продуктивности ученого.

Данные, представленные в таблице 2, показывают, что наиболее высокая публикационная активность характерна для IV и V периодов научной деятельности Дружинина, что объясняется, на наш взгляд, рядом причин. Во-первых, в эти периоды В. Н. Дружинин – уже зрелый, состоявшийся ученый, накопивший большой опыт проведения эмпирических исследований и теоретических разработок, создавший собственные оригинальные концепции в области изучения способностей, интеллекта, проблем психометрики и психодиагностики, позволяющие ему выйти на уровень обобщения полученного им большого материала. Во-вторых, изменение его статуса (заведующий лабораторией, заместитель директора Института) открыло для него возможности для самостоятельного планирования и организации исследований по интересующим его вопросам. В-третьих, в научном сообществе В. Н. Дружинин приобрел статус авторитетного ученого; его работы стали широко востребованными и, соответственно, возрос запрос на их издание. В-четвертых, вокруг него в это время объединяются его многочисленные ученики и сторонники его идей, проводившие под его руководством исследования, что приводило к расширению базы данных и позволяло апробировать, подтвердить на разных выборах и объектах выдвигаемые им положения.

Тематика научных исследований В. Н. Дружинина

Для получения данных, касающихся тематических направлений научных исследований В. Н. Дружинина, использовался метод сленгового анализа, включающий систематизацию и тематическую классификацию всех научных работ ученого по их названиям (всего 175 наименований). Единицами анализа выступала вся научная продукция, созданная В. Н. Дружининым, которая классифицировалась в соответствии с представленными в ней направлениями и проблемами исследований. Задачами данного исследования являлись выделение тематической направленности исследований и ее динамики по каждому периоду. Далее проводился содержательный анализ работ, представленных в каждом периоде.

В результате проведенного анализа удалось выделить проблемное поле исследований ученого, включающее 7 тематических направлений.

1. *Психология способностей, дифференциальная психология*

Наибольшую известность В. Н. Дружинин приобрел как специалист в области психодиагностики способностей, много сделавший для развития этой области психологического знания. Одной из ключевых проблем психологии способностей В. Н. Дружинин считал соотношение интеллектуальных и творческих способностей (Дружинин, 1990; 1995).

2. *Психология труда, психология потребностей и мотивации личности*

Владимир Николаевич начинал свой творческий путь с изучения динамики мотивации и потребностей в процессе профессиональной подготовки (Дружинин, 1979).

3. *Экспериментальная психология, психодиагностика (способностей), психометрия*

Целый ряд новых научных фактов был получен В. Н. Дружининым и его учениками в экспериментальных исследованиях общих познавательных способностей (Дружинин, 1996а, 1997). Основным научным достижением в этой области является разработанная им модель «интеллектуального диапазона», выступающая в качестве своего рода прогностического инструмента по отношению к оценке продуктивности разных видов интеллектуальной деятельности.

4. *Методологические проблемы психологии*

Разработка методологических вопросов психологии является важным направлением исследований В. Н. Дружинина. Значимым вкладом Дружинина в методологию современной психологии является рассмотрение проблемы метода и систематизация психологических методов (Дружинин, 1993).

5. *Психология интеллекта, когнитивная психология, психология творчества, психология одаренности*

Наиболее значительное место в теоретических исследованиях В. Н. Дружинина занимала проблема интеллекта, в понимании природы которого он вышел за пределы традиционных факторно-аналитических теорий. Им было введено чрезвычайно эвристическое понятие «когнитивный ресурс» для описания механизмов индивидуальных различий в продуктивности интеллектуальной деятельности. В настоящий момент ресурсный подход является одним из наиболее перспективных теоретических оснований исследования психологии способностей (Дружинин, 2001).

6. *Экзистенциальная психология и психология семьи*

В. Н. Дружинин дал описание психологической структуры семьи, выделил психологические типы семьи в европейской культуре (Дружинин, 1996б).

Стремительная эволюция научных позиций ученого ярко выражена в его последней книге «Варианты жизни: очерки экзистенциальной психологии» (Дружинин, 2000а).

7. *Психологическая наука российского общества, общая психология*

В. Н. Дружинин на протяжении всей своей научной жизни обращался к жанру научной публицистики, чтобы его голос профессионального психолога был

услышан. Лейтмотивом всех этих работ является беспокойство о состоянии интеллектуального потенциала российского общества. В доступной для широкого круга читателей форме Владимир Николаевич рассматривал вопросы психологии способностей и одаренности, психологии семьи и т. д. (Дружинин, 1989, 1994, 2000б и др.).

Эти работы представляют Владимира Николаевича как глубокого теоретика и методолога, блестящего экспериментатора и компетентного психодиагноста, тонкого экзистенциального психолога и равнодушного гражданина.

В. Н. Дружинин организовал издание учебников психологии нового типа. Все эти учебники отличает общий замысел — каждая глава написана ведущим специалистом в соответствующей области и отражает современное состояние психологической науки. Под редакцией В. Н. Дружинина вышла серия учебников по психологии для университетов: «Современная психология» (1999); «Психология (для экономических, гуманитарных и технических вузов)» (2000); «Когнитивная психология» (2001). Эта серия уже прошла испытание временем, оценена читателем, выдержала переиздания, и спустя много лет, продолжает сохранять свою значимость, что говорит о таланте редактора и высоком профессиональном уровне авторов.

Заключение

Достижения В. Н. Дружинина в разных областях психологии очень разнообразны и многосторонни. Многочисленные блистательные идеи, подхваченные и развитые в трудах его учеников и коллег, обогатили психологическую науку и способствовали психологическому просвещению нашего общества.

Владимир Николаевич Дружинин известен как автор фундаментальных научных исследований. Его книги, учебники, статьи по психологии способностей, одаренности, воспитания, творчества, по экспериментальной психологии отличаются высоким уровнем научной культуры, легкостью изложения, изяществом стиля.

Дружинин В. Н. был талантливым организатором науки. Под его руководством, благодаря его инициативе, энергии, научному авторитету, возникли и обрели силу научно-исследовательские, научно-практические, образовательные структуры.

Реконструкция жизненного пути ученого дает возможность приблизиться к пониманию механизмов формирования его творческой индивидуальности.

Литература

- Борисенков В. П.* О развитии фундаментальных педагогических исследований Российской академии образования // Мир психологии. Научно-методический журнал. № 1 (45). Январь—март. М.—Воронеж, 2006.
- Дружинин В. Н.* О перестройке в психологии: причины застоя и средства ускорения // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 1. С. 3—9.
- Дружинин В. Н.* Психологическая диагностика способностей: теоретические основы. В 2 ч. Саратов, 1990.
- Дружинин В. Н.* Структура и логика психологического исследования. М., 1993.

- Дружинин В. Н.* Новые хозяева вишневого сада // Вестник Российской академии наук. 1994. Т. 64. № 3. С. 213–216.
- Дружинин В. Н.* Психология общих способностей. М., 1995.
- Дружинин В. Н.* Психодиагностика общих способностей. М., 1996а.
- Дружинин В. Н.* Психология семьи. М., 1996б.
- Дружинин В. Н.* Экспериментальная психология. М., 1997.
- Дружинин В. Н.* Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М., 2000а.
- Дружинин В. Н.* Размышление о психологических справочниках и развитии психологии в России // Психологическая газета. №6/57. 2000б. С. 8–10.
- Дружинин В. Н.* Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. М., 2001.
- Дружинин В. Н.* Антимемуары. М., 2005.
- Дружинин В. Н.* Психология способностей: Избранные труды. М., 2007.
- Дружинин В. Н., Шадриков В. Д.* Формирование подсистемы профессионально-важных качеств в процессе профессионализации // Проблемы индустриальной психологии: Межвузовый тематический сборник. Ярославль, 1979. С. 3–18.
- Дружинина Н. В.* Предисловие // Антимемуары. М., 2005. С. 3–15.
- Журавлев А. Л., Холодная М. А., Шадриков В. Д.* Предисловие // Психология способностей: Избранные труды. М. 2007. С. 5–11.
- Зверева Т. В.* Система психологических взглядов К. К. Платонова: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.
- Кашапов М. М.* О Володе Дружинине // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В. Н. Дружинина. ИП РАН, 19–20 сентября 2005 г. М., 2005. С. 417–421.
- Кольцова В. А.* Теоретико-методологические основы историко-психологического исследования. М., 2004.
- Кольцова В. А.* Актуальные проблемы методологии современной отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2006. № 2. С. 6–18.
- Кольцова В. А.* История психологии: проблемы методологии. М., 2008.
- Кольцова В. А., Мешалкина Н. Б.* Периодизация развития отечественной психогигиены // Актуальные проблемы истории психологии на рубеже тысячелетий. В 2 ч. М., 2002. Ч. 1.
- Мазилев В. А.* История психологии: необходим новый историко-методологический подход // Ярославский психологический вестник. Вып. 5. М.–Ярославль, 2001. С. 8–13.
- Олейник Ю. Н.* Периодизация истории психологии: проблемы и перспективы // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 2. С. 25–32.
- Шульдин Б. П.* О стратегии развития России в начале XXI века // Пути развития общества в эпоху перемен: Материалы II региональной научной конференции. Н. Новгород, 2001. С. 7–17.

Д. Т. Кацаров и идеи функционализма в болгарской психологии первой половины XX века

М. Д. Няголова (Велико Търново, Болгария)

Начало творческого пути Димитра Тодорова Кацарова

Имя Димитра Тодорова Кацарова (1881–1960) — одно из самых ярких в истории болгарской психологии. Его научная деятельность продолжалась более полувека, а его преподавательская работа осуществлялась в стенах двух университетов — Женевского и Софийского. В науке он прошел долгий путь от рядового ассистента педагогики и психологии до члена-корреспондента Болгарской академии наук.

Димитр Тодоров Кацаров родился 14 января 1881 г. в небольшом болгарском городе Ботевграде в семье служащего. В 1897 г. после окончания средней школы (гимназии) в Софии он поступает учиться в высшее Военное училище (Кацаров. Ф. 138, а. е. 1). Успешно освоив все изучаемые дисциплины, он в 1899 г. окончил полный курс обучения. 1 января 1900 г. Кацарова производят в офицеры с чином подпоручика (Кутева, 2000; Златев, 2011). Прослужив четыре года в гарнизонах городов Софии, Видина и Белоградчика, он покидает армию по собственному желанию и уезжает в Швейцарию (Кацаров. Ф. 138, а. е. 1; а. е. 8).

С 1904 г. по 1906 г. Кацаров обучается в Женевском университете, по окончании которого получает диплом *licencié* по социальным наукам. В это время проявляется его интерес к психолого-педагогическим дисциплинам, и он принимает решение продолжить обучение по этой специальности. Однако Женевский университет не удовлетворил его желание, и он переезжает в Фрейбург, где поступает в университет. Здесь в 1907 г. Кацаров сдает дипломные экзамены по философии, педагогике и истории славянских литератур.

В Женеве он посещал лекции по психологии и педагогике Эдуарда Клапареда, и это определило его дальнейшую научную судьбу. Качества Клапареда как ученого и преподавателя, а также его инициативность и организаторские способности произвели на болгарского студента огромное впечатление. Позже он напишет, что «личность Клапареда была и останется для многих источником вдохновения, импульсом научных поисков и настоящим примером для подражания» (Кацаров, 1940, с. 6).

У Кацарова сотрудничество с выдающимся швейцарским ученым началось еще со студенческой скамьи. С самого начала их встреч он понял, что нашел свое призвание и своего Учителя в науке. «Я хотел бы, — пишет он Клапареду, — подчинить Вам все мои воззрения и мотивы, сформированные в процессе нашего общения, которые могли бы Вас заинтересовать» (Katzaroff. 138, а. е. 96).

В 1907 г. сразу же после получения диплома о высшем образовании Кацаров приступил к работе в должности ассистента Клапареда в лаборатории экспериментальной психологии и педагогики. В 1910 г. под его руководством он защитил докторскую (кандидатскую) диссертацию по психологии в Женевском университете. И после возвращения Кацарова на родину вплоть до самой смерти швейцарского психолога в 1940 г. продолжались их научные и дружеские связи.

В 1939 г. по докладу Кацарова и представлению деканата историко-филологического факультета Софийский университет удостоил Клапареда звания Почетного доктора (*Doctor Honoris Causa*) (Пирьов, 1988). Посещение в связи с этим Клапаредом Софии стало подлинной манифестацией преемственности научных традиций созданной им научной школы в работах Кацарова и его болгарской педологической школы.

В Софии Клапаред выступал в лекциями не только перед студентами Софийского университета, но также перед учителями и широкой общественной аудиторией столицы (Белдедов, 1941, с. 47). Повсюду его встречали как выдающегося ученого. Слушатели задавали вопросы и разговаривали с ним на французском языке. Было видно, что его авторитет в стране очень высок, а идеи функционализма широко распространены в болгарском научном сообществе.

Кацаров сумел не только творчески развить теоретические положения Учителя и сделать их достоянием широкой болгарской общественности, но и реализовать их в своей научной деятельности и педагогической практике. На протяжении всего своего творческого пути Кацаров оставался верен идеям Клапареда, углублял свои функционалистские позиции, ставшие «путеводной звездой» всей его научной деятельности.

Изучение творчества Кацарова приводит к необходимости осветить взгляды самого Клапареда, которые отличают его подход от американского функционализма и придают ему определенную европейскую специфику.

Вклад Д. Т. Кацарова в экспериментальное изучение памяти и узнавания

В Швейцарии Кацаров принимает активное участие в экспериментальной работе Женевской лаборатории психологии. Переписка между учителем и учеником свидетельствует о том, что в 1907 г. он уже закончил свое первое экспериментальное исследование, посвященное изучению памяти и способностям запоминания (Кацаров. Архив БАН. Ф. 138, а. е. 161). Речь идет о подготовке и защите его дипломной работы под руководством Клапареда. Ее тема связана с изучением роли чтения наизусть как фактора, способствующего развитию памяти в онтогенезе. Научный руководитель высоко оценивает то, что сделано дипломником, и в 1908 г. в журнале «Архив психологии» по материалам дипломного исследования опубликована первая научная статья Кацарова «Испытания роли чтения наизусть как фактора запоминания» (Katzaroff, 1908).

Эта первая публикация Кацарова вызывает большой интерес научной публики. Она цитируется впоследствии многими авторами по всему миру. На нее ссылаются даже Карл Юнг, изучая соотношение сознательных и бессознательных функций памяти (Jung, 1977, p. 883). Эта тема оказалась предметом не одной диссертации по психологии и педагогике. Ряд исследователей считает данную статью Кацарова первым экспериментальным примером изучения запоминания и развития памяти у детей (например, Arthur, 1917).

Почти одновременно с ней по материалам исследования запоминания выходит вторая статья Кацарова, опубликованная на болгарском языке в журнале «Школьное обозрение». В содержательном отношении она является продолжени-

ем первой его работы. В ней обсуждаются результаты второй части дипломного исследования Кацарова, цель которого состоит в выявлении факторов, влияющих на развитие памяти ребенка и улучшение процесса запоминания, с «психотехнической точки зрения» (Кацаров, 1908).

В статье «Запоминание и пересказ прочитанного» Кацаров указывает, что необходимо экспериментальными средствами ответить на вопрос Клапареда «Как найти самый лучший способ запоминания данного текста за определенное время?» (Claparède, 1909, p. 37). Научный поиск приводит Кацарова к выделению двух возможных вариантов: либо ребенок только читает вслух, либо только рассказывает. Второй вариант кажется ему лучшим, потому что рассказ требует от субъекта больше активности, а это способствует запоминанию текста. Вместе с тем рассказ «вызывает у ребенка „чувства-дифференциалы“, облегчающие сохранение и воспроизведение воспоминания» (Кацаров, 1908а, с. 257).

Другое исследование, принесшее международную известность автору, связано с его участием в широкомасштабном психологическом изучении детских рисунков, проведенном по инициативе Клапареда в школах и детских садах романской Швейцарии. Благодаря публикации по этой теме статьи Кацарова в «Архиве психологии», его имя становится одним из самых цитируемых в сфере психологической диагностики с применением рисуночных тестов (Katzaroff, 1910). Авторитетные издания на французском языке реферируют его статью «Что рисуют дети?» и обсуждают ее выводы (Piéron, 1910, p. 244; Maigre, 1910).

В данной статье Кацаров обобщает результаты анализа около 12000 детских рисунков и приходит к заключению, что предпочтения детей относятся, скорее всего, к изображению домов и пейзажей. Второе место занимают изображения человеческих фигур, третье — изображение птиц. Рисунки, проанализированные по фактору пола, выявили различия: у девочек и мальчиков оказались разные предпочтения в содержании изображений (Katzaroff, 1910).

Получив высокую оценку и за эту свою экспериментальную работу (Claparède, 1903, а. е. 161), в 1910 г. Кацаров успешно защищает докторскую (кандидатскую) диссертацию по теме «К вопросу об изучении узнавания». Выбор темы продиктован убеждением Клапареда, что из всех процессов памяти только узнавание можно изучать более или менее независимо от ассоциаций. Согласно его представлениям, проявление памяти возможно на основе функционирования несколько отдельных процессов. К процессуальным характеристикам памяти относятся запоминание, сохранение, воспроизведение (или произвольное вспоминание), узнавание и локализация. Из всех этих процессов только узнавание возможно вне зависимости от ассоциативных связей по сходству (Г фдинг) или по смежности (Леман, Бурдон). В качестве познавательного психического явления память характеризует личность посредством узнавания и локализации. Последняя обеспечивает проекцию во времени, без которой нормальная жизнь личности невозможна (Claparède, 1903, p. 334—338).

Что касается понятия личности, то Клапаред во многом разделяет взгляд У. Джеймса о том, что личность человека зависит от ее общественных взаимоотношений, но не удовлетворен его идеей о множественности личностей. Он вводит свое оригинальное понятие «moi-ité», указывая, что, «несмотря на то, что у человека много личностей, единство „Я“ существует всегда, вопреки различиям эм-

пирических личностей» (Claparède, 1903, p. 334–335). При этом переживание оказывается объединяющим звеном «Я». Введением термина «*Sentiment de Moi-même*» Клапаред утверждает функциональное единство личностного «Я» и его чувственное содержание.

Смысл экспериментального исследования узнавания состоит, согласно Клапареду, в возможности опровергнуть основное положение ассоциативной психологии о существовании психики в качестве разнообразных ассоциативных комбинаций. В рамках Женевской школы работе Кацарова предшествовало сравнительно-патологическое исследование узнавания, проведенное немецким психологом М. Бааде под руководством Клапареда в 1907–1909 гг. (Claparède, 1907; Claparède, Baade, 1909). Основываясь на изучении случаев парамнезии и амнезии, Клапаред приходит к заключению, что узнавание может осуществляться без локализации, т. е. без соотнесения со временем предыдущего наблюдения. Таким образом, при помощи сравнительно-патологического метода он доказывает несостоятельность определения Джеймса Милля, что «в памяти все сводится к ассоциациям» (Claparède, 1903, p. 307).

С целью получения новых доказательств в подтверждение независимости памяти от ассоциативных связей Кацаров проводит свое исследование узнавания, но уже без использования сравнительно-патологического метода. Его конкретная задача сводится к «изучению психического и физиологического механизмов узнавания» (Katzaroff, 1911, p. 3).

Приступая к работе, он уточняет содержание понятий «узнавание» (*reconnaissance*) и «распознавание» (*reconnaissance*). Согласно его мнению, узнавание относится к непосредственному психическому процессу «уже испытанного чувства», а распознавание «относится к содержанию объектов и их значению» (Katzaroff, 1911a, p. 2). Следовательно, узнавание соответствует процессам памяти, а распознавание — процессу восприятия. Скорее всего, распознавание связано с повторяющимся восприятием какого-нибудь объекта, т. е. с представлением.

Полученные Кацаровым экспериментальные результаты подтверждают теоретические положения Клапареда. Самый существенный вывод болгарского исследователя заключается в том, что узнаванию объекта всегда предшествует временная локализация воспоминания. Экспериментальным путем окончательно доказано, что узнавание и память не сводятся к ассоциациям представлений. Процесс психического познания невозможен без памяти. Следовательно, узнавание как проявление памяти относится к познавательным психическим явлениям, но его познавательный характер определяется аффективным переживанием в целом (Katzaroff, 1911a, p. 71–77).

В теоретическом отношении Кацаров вносит вклад в изучение человеческой психики как присущей целостной личности. Он предлагает онтологический подход к исследованию познавательных психических явлений. На фоне доминирующей в психологии методологии когнитивизма особого внимания заслуживает попытка болгарского психолога интерпретировать узнавание с позиции понимания ведущей роли аффективности.

На последующих этапах своего научного творчества Кацаров углубляет разработку процессов памяти. Его научные интересы направлены на раскрытие ее практического значения в учебной деятельности школьников (Кацаров, 1926, 1932).

Пионер болгарской тестологии

Вернувшись на родину в 1910 г., Кацаров продолжает свою профессиональную деятельность в Софийском университете. На протяжении десяти лет он работает ассистентом известного болгарского педагога, профессора Петра Нойкова. В 1920 г. он получает звание доцента, а в 1923 г. — профессора. Два раза Кацаров занимает должность декана историко-филологического факультета Софийского университета (в 1928/1929 гг. и в 1938/1939 гг.). В 1942/1943 гг. он становится ректором Университета, а в 1947 г. — членом-корреспондентом Болгарской академии наук (Кутева, 2000, с. 20–21).

В течение всего этого времени, работая на кафедре педагогики, он одновременно преподает психологию, читает курсы лекций по экспериментальной педагогике и психологии, детской психологии, дифференциальной (индивидуальной) психологии и педологии. В своих лекциях и научных исследованиях Кацаров отстаивает принципы функционализма и неоднократно призывает к объединению педагогики и психологии в процессе изучения, воспитания и образования целостной личности.

С 1913 по 1919 г. он заведует лабораторией экспериментальной педагогики и психологии Университета. К этому времени относится и проведение им первого экспериментального исследования в Болгарии с применением тестов. До этого болгарская экспериментальная психология развивалась успешно, но только в русле использования аппаратурных методик Вильгельма Вундта (Димитрова, 1910, с. 49–51).

В 1915 г. Кацаров публикует свою работу «Корреляции между школьными способностями детей» (Кацаров, 1915). Работа выполнена с применением методики Стэнли Холла (Stanley Hall) «Mental Tests». Статистическая обработка данных осуществлена методом вычисления другого болгарского ученика Клапареда — Ефрема Иванова (Ivanoff, 1908). Обобщая результаты исследования, Кацаров заключает, что умственное развитие нельзя рассматривать как сумму способностей. Оно зависит от определенного объединяющего фактора, коррелятивной связи, существующей между способностями человека. Результаты исследования подтверждают предложенные Спирмэном выводы о целостности и единстве интеллектуального развития (Кацаров, 1915, с. 168–169).

В болгарской психологии данное исследование уникально по своему замыслу и реализации. Автор проверяет и защищает гипотезу о способностях как проявлениях характера. Способности и характер рассматриваются как содержание психической деятельности личности (там же, с. 2–3).

Согласно Кацарову, понятие общих способностей практически тождественно индивидуальным особенностям целостного умственного развития, или так называемой «общей интеллигентности». Он указывает, что изучаемые в школе предметы можно объединить в две группы: «основные», относящиеся к научным дисциплинам, и «технические», относящиеся к изучаемым практическим дисциплинам. К «основным» относится изучение родного и иностранных языков, точных, природных, социальных и гуманитарных наук. Общее название «технические» включает пение, рисование, гимнастику, каллиграфию. Индивидуальные особенности умственного развития проявляются в успехе школьников по «основным» учебным предметам теоретического характера. «Успех по одному

или другому техническому предмету, — пишет Кацаров, — не может служить показателем общей интеллигентности школьника», потому что он зависит не столько от способностей, сколько от формирования умений (там же, с. 175).

В заключение он делает вывод, что развитие способностей зависит от склонностей личности. Склонность школьника к одному предмету, относящемуся к определенной группе учебных дисциплин, приводит к повышению его успешности по всем остальным предметам данной группы (там же, с. 182). Следовательно, склонность оказывается глубинной причиной повышения успеваемости школьников и пробуждения их интеллектуальных способностей.

Период деятельности Кацарова с 1920 по 1930 г. насыщен экспериментальными работами в области педагогической (школьной) психологии. Объект исследования — в основном дети младшего школьного возраста. Кацаров проводит новое исследование памяти. На этот раз им изучается взаимосвязь памяти и внимания, а также процесс запоминания. При этом применяется не одна методика, а целая батарея тестов. Исследование включает два этапа. На первом этапе в качестве испытуемых выступают дети с нормальным умственным развитием; на втором этапе объектом исследования являются дети, отстающие в своем умственном развитии. Важной задачей является сопоставление и анализ результатов обоих этапов.

Для проведения исследования на первом этапе Кацаров адаптирует несколько тестовых методик: методику изучения памяти А. П. Нечаева; методику свободных ассоциаций; тест «Бине—Симона»; методику итальянского психолога Санте де Санктиса. Для изучения отстающих детей используется методика русского психиатра Н. П. Постовского, представленная в 1910 г. на Первом всероссийском съезде по экспериментальной педагогике. Как известно, это видоизмененный вариант методики Санктиса, приспособленный к целям сравнительно-патологического исследования (Будилова, 1960, с. 299).

В процессе изучения особенностей запоминания выявляются некоторые различия по фактору пола. Оказывается, что у девочек зрительная память намного лучше, чем у мальчиков. Возможности словесной памяти, однако, одинаковы у школьников обоих полов. С переходом к старшей возрастной группе и у девочек, и у мальчиков зрительная память уступает по своим возможностям словесной.

Исследование внимания Кацаров проводит по таким показателям, как его объем, интенсивность (сила), продолжительность. По показателю объема внимание мальчиков направлено, скорее всего, на один предмет, но при этом отличается большой сосредоточенностью. Внимание девочек, наоборот, направляется одновременно на большое число предметов, но является поверхностным. По показателям интенсивности и продолжительности половых различий не обнаружено. Дети лучше замечают изменения формы и величины объектов и почти не фиксируют изменения их содержания. У детей исследуемого возраста амплитуда внимания относится к первым 10—15 минутам наблюдения, после чего точность внимания резко падает.

Результаты изучения связи памяти с ассоциациями с помощью методики свободных ассоциаций приводят Кацарова к выводу, что у мальчиков ассоциации в процессе запоминания играют бо льшую роль, чем у девочек. У младших школьников в целом ассоциации по контрасту способствуют улучшению процесса запоминания.

Кацарова интересуется вопрос о том, как память, внимание и ассоциации связаны с успешностью детей в процессе обучения и насколько их особенности влияют на формирование интеллектуальных способностей детей. Анализ результатов, включая данные сравнительно-патологического исследования, показывает, что в этом возрастном периоде важнейшую роль в умственном развитии ребенка играет внимание. Особенности процесса запоминания и ассоциативная познавательная деятельность постепенно оказываются в зависимости от функционирования внимания (Кацаров, 1926).

Большая и углубленная работа, проведенная Кацаровым при исследовании памяти, интеллектуальных способностей и умственного развития в целом, не ограничивается рамками академической психодиагностики. Он видит возможности ее применения в практической работе по профессиональной ориентации учащихся, считает, что общество и школа обязаны работать над тем, чтобы выбор профессии молодыми людьми не был случайным. При выборе профессии всегда необходимо учитывать существующие закономерные связи между интеллектуальными способностями, склонностями и задатками.

Кацаров отмечает, что «школьные способности» учащегося и его интеллектуальные способности не всегда совпадают. У ребенка часто бывают плохие школьные способности, но хорошо развитый интеллект. Это означает, что такой ребенок не может приспособиться к требованиям школы, к общепринятым образовательным методам. Поэтому при выборе профессии школьный успех не всегда может служить точным критерием.

Психология нравственности

Проблеме изучения морали отводится значительное место в трудах всех представителей функциональной психологии. В 1932 г. Жан Пиаже издает труд, посвященный развитию нравственности у детей, — «Моральное суждение у ребенка». Рассмотрению этических проблем психологии посвящена работа Э. Клапареда «Мораль и политика» (1940) (Hameline, 1993, p. 164—165). Годом позже, в 1941 г., выходит в свет работа Д. Кацарова по проблемам нравственности под названием «Нравственное развитие и нравственное образование».

За последние две десятилетия в психологии все более ощущается потребность в уточнении понятий «мораль» и «нравственность». Откликаясь на нее, М. И. Воловикова предлагает выводить семантику слова «нравственность» из этимологического значения славянского слова «нрав» («характер», «черта характера») (Воловикова, 2005). В Этимологическом словаре Фасмера указывается, что в церковно-славянском языке этому слову соответствует «нравъ», в старославянском — «нървъ», а в праславянском — «нъгавъ» (Фасмер, 1986, с. 448). Следовательно, можно выделить смысловое различие в трактовке этих понятий: «нравственность» — характеристика потребностно-мотивационной сферы личности, а «мораль» — отношение личности к общественным нормам.

В одном случае личность становится субъектом нравственности в процессе формирования черт характера. Во втором — личность либо принимает нормы общественной морали, либо усваивает их критически. Этот второй случай продемонстрирован в исследовании Жана Пиаже выводом о формировании у детей

в процессе усвоения правил двух видов морали: принуждения и сотрудничества (Piaget, 1932).

В отличие от него, Кацаров подходит к проблеме, больше учитывая субъективные особенности личности. Он делает упор на переживании субъектом определенных чувств по поводу общественных норм, отмечая, что «нравственность всегда более или менее эмоционально насыщенная» (Кацаров, 1941, с. 10). Кроме чувств, к внутренним предпосылкам нравственности Кацаров относит инстинктивные стремления индивида к счастью, социальный инстинкт, инстинкты игры и подражания, порыв к сексуальному, родительский и материнский инстинкты, а также необходимость функционального равновесия.

Как известно, понятие функционального равновесия введено Жаном Пиаже. Им обозначается логическая согласованность действий субъекта (его поведения) с общественными нормами (правилами) (Piaget, 1932). Согласно Кацарову, суть его содержания — в «духовной гармонии», в борьбе противоположных склонностей (Кацаров, 1941, с. 16–17). Ссылаясь на И. Канта и Л. Н. Толстого, он заключает, что функциональное равновесие нравственного сознания является результатом стремлений к самосохранению и творчеству.

Отличается подход Кацарова и в отношении понимания сознания. Если швейцарский психолог уделяет много времени и научных средств разработке психологической теории сознания на основе генетического подхода, то Кацаров не выходит за рамки этического понимания сознания. Согласно его представлениям, индивидуальное сознание — это совесть личности. Очень сдержанно он относится к понятию социального сознания, считая его вообще не имеющим отношения к проблематике психологии.

Хотя нравственность рассматривается Кацаровым как процесс усвоения норм или развития чувств в соответствии с установленными нормами, он не принимает теории социализации. Как указывает Е. С. Минькова, в основе педологии лежит философия позитивизма Огюста Конта (Минькова, 2012, с. 180), а из позитивизма О. Конта и Э. Дюркгейма возникают в психологии проблема социализации и обсуждение способов экстеориоризации/интереориоризации. Болгарский психолог во многом соглашается с Пиаже, но что касается идеи социализации, он даже не делает намека на возможный переход индивида от до-социальной к социальной стадии онтогенетического развития.

Критическое сопоставление взглядов Кацарова и Пиаже на онтогенетическое формирование нравственности позволяет заметить существенные различия их подходов к изучению данной проблемы. Пиаже проводит очень последовательно принципы когнитивного подхода. В отличие от него, идеи Кацарова базируются на принципах онтологизма. Он не ограничивает свой анализ рамками психологии; его понимание нравственности отличается расширенным этико-психологическим характером.

Своим творчеством Кацаров всегда и последовательно защищает принципы научного гуманизма. И в 1941 г. он смело заявляет, что его концепция развития нравственного сознания основывается не только на теориях западных авторов, но и на этическом учении Л. Н. Толстого. Он пишет о необходимости свободного воспитания, цель которого состоит в формировании творческой личности, обладающей не только знаниями, но и нравственными ценностями.

Друг России, российской культуры и науки

Подобно большинству известных болгарских психологов и философов первой половины XX в., Кацаров любил русский народ, высоко ценил достижения его культуры и науки. Через всю свою жизнь он пронес верность идее Л. Н. Толстого о всепобеждающей силе добра.

Во время учебы в Швейцарии Кацаров женился на своей русской коллеге Ольге Николаевне Вульф. Супруги дали своей единственной дочери русское имя Татьяна. Члены семьи общались дома по-русски. Таким образом, у Кацарова русская идея имела свой глубоко личный смысл.

Даже в сложных жизненных ситуациях он не считал возможным подавлять свое братское чувство к русскому народу. Например, во время Первой мировой войны капитан артиллерии Д. Кацаров заявлял, что он не будет соблюдать правило «на войне, как на войне», когда на кораблях противника в Черном море находятся русские моряки. За нарушение приказа и отказ «стрелять по целям» его уволили, а военный суд осудил его на трехмесячное строгое тюремное заключение (Кацаров Д. Ф. 138, а. е. 1; Кацаров, 1947, с. 4; Кутева, 2000, с. 17; Златев, 2011, с. 82–84).

Ни война, ни Октябрьская революция, ни изоляция Советской России от Запада не помешали общению Кацарова с русской культурой и наукой. Он вел научную переписку с российскими учеными не только до революции, но и после нее. При жизни ему не удалось лично посетить Россию, но он был частым гостем культурных отделов российских посольств в странах Западной Европы. Сохранились архивные документы о том, что в 1925 г., например, он получил специальное приглашение принять участие в праздниках русской культуры в Париже (Письмо Александра Чекотинна Кацарову. Ф. 138 к, а. е. 132).

На страницах издаваемого им педологического журнала «Свободное воспитание» Кацаров опубликовал целый ряд статей российских психологов и педагогов 20-х и 30-х годов XX века. Например, в журналы за 1937 г. включены три статьи педагога Е. А. Аркина: «Ленивые дети» (Аркин, 1937в, с. 38–44), «Почему дети разные?» (Аркин, 1937б, с. 119–130) и «Всегда ли родители понимают своих детей?» (Аркин, 1937а, с. 259–269), а также статья психолога К. Н. Корнилова «Воля ребенка» (Корнилов, 1937, с. 180–188). Наряду с этим, были опубликованы и статьи нескольких российских учительниц, посвященные их работе в школе.

Кацаров относился с особым уважением к творчеству российского ученого в эмиграции профессора С. И. Гессена. Существуют данные о том, что они лично знали друг друга. Кацаров рекомендовал к переводу на болгарский язык некоторые из его трудов и опубликовал очень позитивные отзывы о выходе его книг «Основы педагогики» (т. I) и «Глобальный метод, или глобальное обучение грамоте» (Кацаров, 1936, 1937б). Несмотря на то, что Гессен был представителем неокантианства, их объединяла общая направленность взглядов по проблеме индивидуальности в педагогике, интерес к изучению педагогических идей Л. Н. Толстого. Сходной по смыслу была и их неудовлетворенность влиянием социологизаторства на педагогическое и психологическое исследование личностного развития.

Развитие наук о человеке в СССР не осталось в стороне от интересов Кацарова. Особое внимание он обращал на труды К. Н. Корнилова, читал и конспектировал его книги, содействовал изданию на болгарском языке учебника Кор-

нилова «Психология» (1947). Кацаров внимательно изучал все работы Корнилова, касающиеся проблем действия и поведения. Из дореволюционных русских ученых Кацаров высоко ценил Н. Я. Грота и В. М. Бехтерева. Сохранились его подробные конспекты их книг: «Психология чувствования» Грота, «Психика и жизнь» и «Сознание и его границы» Бехтерева (Кацаров. 138к, а. е. 88).

В качестве члена Исполнительного комитета Международной Лиги о «новом воспитании» Кацаров содействовал восстановлению членства в организации российских ученых, потерявших эту возможность в связи с политической и культурной изоляцией Советской России и разгромом педологии в СССР (Минькова, 2010, с. 46–47).

После Второй мировой войны изоляция советской науки от научной жизни Европы вступает в новый этап. С одной стороны, развитию международных связей российских ученых препятствовали «железный занавес», созданный тоталитарным государством в СССР, и развернувшаяся борьба с космополитизмом. С другой стороны, углубление изоляции российской науки в немалой степени определялось послевоенной антикоммунистической политикой западных государств и США в условиях начавшейся «холодной войны». По этой причине с 1945 по 1954 г. СССР отказывается от членства своих представителей в Международной Лиге о «новом воспитании». Тем самым сталинский режим фактически выражает негативное отношение к Организации, видя в ней потенциальную опасность для «восстановления и распространения педологии и педоцентризма». Только после смерти Сталина, в условиях хрущевской «оттепели», возобновляются переговоры о восстановлении членства СССР в этой авторитетной международной организации.

От имени Лиги переговоры вел именно Кацаров. Сохранилась его переписка с Министром просвещения СССР того времени, Александром Волковым, по поводу необходимости восстановления членства страны в Организации. В 1956 г. планировалось проведение очередного конгресса Лиги в индийском городе Нью-Дели. В связи с этим Кацаров пишет Волкову о необходимости обеспечить участие российских ученых в конгрессе.

До конца своей жизни Кацаров относился с большой симпатией к российской культуре и науке. Несмотря на смену разных политических властей и ориентаций, он всегда разделял духовные и культурные ценности русского народа. Велик и его вклад в организацию интеркультурного диалога России и Запада. Он никогда не занимал дипломатическую должность, но на протяжении нескольких десятилетий фактически был «дипломатом науки», ратующим за сотрудничество с Россией.

Литература

- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М., 2006.
- Будилова Е. А.* Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке (вторая половина XIX–начало XX в.). М., 1960.
- Воловикова М. И.* Представления русских о нравственном идеале. М., 2005.
- Димитрова Н.* Основные моменты развития психологии в Болгарии в первой половине XX века // Методология и история психологии. 2010. Вып. 2. С. 49–56.

- Минькова Е. С.* Особенности становления психологии развития в России второй половины XIX—первой трети XX века // *Методология и история психологии*. 2010. Вып. 2. С. 40—48.
- Минькова Е. С.* Международный съезд педологов в Бельгии: несбывшиеся мечты // *Арзамасские чтения — 2: «Основные направления развития отечественной и зарубежной психологии»* / Отв. ред. Е. С. Минькова. М.—Арзамас, 2012. С. 178—180.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М.—Л., 1940.
- Умрихин В. В. Ромащук А. Н.* Функциональный подход как неявное основание становления психологии XX века // *Методология и история психологии*. 2010. Вып. 3. С. 26—37.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. / Пер. с нем. О. Н. Трубачева. М., 1986. Т. III. С. 448. URL: <http://www.narod.ru> (дата обращения: 12.05.2016).
- Шехтер М. С.* Психологические проблемы узнавания М., 1967.
- Аркин Е. А.* Винаги ли разбирает родителите своите деца? // *Свободно възпитание*. 1937а. Кн. 7—8. С. 259—268.
- Аркин Е. А.* Защо децата са различни? // *Свободно възпитание*. 1937б. Кн. 3—4. С. 119—130.
- Аркин Е. А.* Ленивите деца // *Свободно възпитание*. 1937в. Кн. 1—2. С. 38—44.
- Белдедов Е.* Проф., д-р Едуард Клапаред // *Училищен преглед*. 1941. № 1. С. 47—59.
- Корнилов К. Н.* Волята у детето // *Свободно възпитание*. 1937. XV. Кн. 5—6. С. 180—188.
- Кутева В.* Димитър Кацаров — първостроител на педагогическата наука в България. Велико Търново, 2000.
- Arthur I. G.* Recitation as a factor in memorizing // *Archives of Psychology*. № 40. N. Y., 1917.
- Calkins M.* The self in scientific psychology // *American Journal of Psychology*. 1915. P. 1—30.
- Claparède E.* Association des idées. Paris, 1903.
- Claparède E.* Expériences sur la mémoire dans un cas de psychose de Korsakoff // *Revue médicale de la Suisse romande*. Genève, 1907.
- Claparède E.* Psychologie de l'enfant. Genève, 1909.
- Claparède E.* Récognition et Moïité // *Archives de Psychologie*. 1911. P. 79—90.
- Claparède E., Baade M.* Recherches expérimentales sur un cas d'hypnose // *Archives de Psychologie*. Genève, 1909. T. 8.
- Ivanoff E.* Recherches experimentales sur le dessin des écoliers de la Suisse romande // *Archives de Psychologie*. 1908. T. VIII. P. 97—155.
- Haidt J.* Morality // *Perspectives on Psychological Science*. January 2008. V. 3. Number 1. P. 65—72.
- Hameline D.* Edouard Claparède (1873—1940) // *Perspectives: revue trimestrielle d'éducation comparée*. 1993. V. XXIII. № 1—2. Mars—juin. P. 161—173.
- Jung C. G.* The Symbolic Life: Miscellaneous Writings, Collected Works of C. G. Jung. V. 19. Princeton University Press, 1977.
- Кацаров Д.* Помнене на разказаното и прочетеното // *Училищен преглед*. 1908а. № 4. С. 231—260.
- Katzaroff D.* Expériences sur le rôle de la récitation comme facteur de la mémorisation // *Archives de Psychologie*. 1908б. T. VIII.
- Katzaroff D.* Qu'est-ce que les enfants dessinent? // *Archives de Psychologie*. T. IX. 1910. № 34. Janvier. P. 124—133.
- Katzaroff D.* Contribution à l'étude de la récognition // *Archives de Psychologie*. T. XI. 1911а. № 41. Avril. P. 1—90.
- Кацаров Д.* Учението на Л. Толстой // *Демократически преглед*. 1911б. Кн. 1. С. 12—54.
- Кацаров Д. Т.* Корелации между училищните способности на децата. София, 1915.

- Кацаров Д. Т.* Професия и професионално образование. София, 1922.
- Кацаров Д.* Лев Николаевич Толстой (по случай 15 години от смъртта му) // Свободно възпитание. 1925. Кн. 1–2. С. 1–4.
- Кацаров Д.* Няколко психопедагогични изследвания // Училищен преглед. 1926. № 7–8. С. 6–27.
- Кацаров Д.* Диференциална (индивидуална) психология. София, 1932–1933.
- Кацаров Д.* «Основи на педагогиката» от профессор С. И. Гессен. Т. I // Свободно възпитание. 1936. XIV. Кн. 3–4. С. 157.
- Кацаров Д.* Проф. С. И. Гессен: Глобален метод или глобално обучение // Свободно възпитание. 1937а. XV. Кн. 7–8. С. 318–319.
- Кацаров Д.* Педология. София, 1937б.
- Кацаров Д.* Едуард Клапаред // Сборник в памет на профессор Едуард Клапаред / Под ред. на Д. Кацаров. София, 1940. С. 3–18.
- Кацаров Д.* Нравствено развитие и нравствено образование. София, 1941.
- Кацаров Д.* Пояснение / Вестник «Изгрев». 1947. № 835. София. 26. VI. С. 4.
- Maigre E.* L'Enfant et la pédagogie // L'Année psychologique. 1910. V. 17. P. 461–472.
- Minkova E. S., Nyagolova M. D.* A historical-comparative analysis of the theoretical bases of pedology in Russia and Bulgaria // Revista de historia de la psicología. 2015. V. 36. Núm 3. Septiembre. P. 67–86.
- Piaget J.* Le jugement moral chez l'enfant. Paris, 1932.
- Piéron H.* Revue des périodiques étrangers. Suisse // Revue de Psychiatrie et de psychologie expérimentale. Juin 1910. T. XIV. P. 240–259.
- Пиръв Г.* Димитър Кацаров. София, 1988.
- Raymond A.* L'éducation naturelle: une idée centrale mais controversée dans les congrès de la Ligue internationale pour l'éducation nouvelle (1921–1936) // Carefour de l'éducation. 2011/1 (№ 31).
- Терзиева М. Т.* Разправата с профессор Димитър Кацаров на страниците на списание «Народна просвета» // Образование и изкуство. Т. I / Под ред. на И. Иванов, Р. Милкова, Г. Цоков, Шумен, 2004. С. 258–262.
- Терзийска М.* Димитър Кацаров и движението за ново възпитание. София, 2013.
- Vassilev D. D.* On the understanding of the psychic structure of man // Personality Psychology in Europe / Eds H. Bonarius, G. Van Heck, N. Smid. Lisse: Swets & Zeitlinger, 1984. P. 369–382.
- Златев М.* Випусници на Военното училище – академици // Дни на науката 2011. Великотърновски клон на съюза на учените в България. Т. 1 / Под ред. на П. Ст. Петков, Велико Търново, 2011. С. 80–88.
- Документи личного архива члена-корреспондента БАН, профессора Димитра Тодорова Кацарова (Фонд 138к), хранящегося в Научном архиве Болгарской академии наук**
- Анонимно изложение. Няколко бележки върху научния труд на проф. Димитър Кацаров «Нравствено развитие и нравствено образование». Ф. 138к. Оп. I, а. е. 179.
- Claparède E.* Lettre à Katzaroff de 14 juin 1907, Genève. Научен архив БАН. Ф. 138 к, а. е. 161.
- Кацаров Д.* Автобиография. Научен архив БАН. Ф. 138к, а. е. 1.
- Кацаров Д.* Ролята на чувството в образователния процес. Лекции, четени в Софийския университет през зимния семестър на учебната 1939/1940 г. Научен архив БАН. Ф. 138к, а. е. 49.
- Кацаров Д.* Библиография на руски език. Научен архив БАН. Ф. 138к, а. е. 88.
- Кацаров Д.* Психология. Научен архив БАН. Ф. 138 к, а. е. 89.

Кацаров Д. Lettre à Claparède de 10. 10. 1908, Novaggio. Научен архив БАН. Ф.138к, а. е. 96.
Katzaroff D. Les faits et les aspirations pédagogiques en Bulgarie, Heidelberg. Научен архив БАН. Ф. 138к, а. е. 132.

Письмо Александра Чекотина к Д. Кацарову. Научен архив БАН. Ф. 138к, а. е. 132.

Психология профессиональной деятельности: комплексный подход (К 85-летию со дня рождения В. А. Бодрова)

А. А. Обознов (Москва)

Введение

В современной отечественной психологии достойное место принадлежит заслуженному деятелю науки и техники Российской Федерации, лауреату Премии имени С.Л. Рубинштейна РАН, доктору медицинских наук, профессору Вячеславу Алексеевичу Бодрову (01.10.1931–06.02.2012), известному специалисту в области психологии труда, инженерной психологии и эргономики, авиационно-космической и экстремальной психологии, психофизиологии и медицины.

Свыше полувека своей научной работы Вячеслав Алексеевич посвятил главной теме — *изучению человека как субъекта профессиональной деятельности*. В стенах Военно-морской медицинской академии (позже Военно-медицинская академия, г. Ленинград), Государственного научно-исследовательского испытательного Института авиационной и космической медицины (г. Москва), Института психологии РАН под научным руководством и при непосредственном участии Бодрова разрабатывались методологические, теоретические и методические проблемы изучения, диагностики, коррекции и развития профессиональной пригодности человека к специальностям экстремального профиля (военные летчики, космонавты, водолазы, подводники, спасатели МЧС), развития личности профессионала, его работоспособности и функциональных состояний (стресс, утомление), профессиональной и функциональной надежности, профессиональной адаптации и медико-психологической реабилитации, профессиональной мотивации, инженерно-психологического проектирования новой техники, эргономического обеспечения операторской деятельности, а также целый ряд таких актуальных вопросов, как психологическая совместимость летных экипажей, проявления функциональной асимметрии летчиков и др. Результаты этих многолетних и многоплановых исследований отражены в более чем в четырехстах научных трудах.

Отметим три взаимосвязанных момента, характерных для исследований Бодрова.

Во-первых, его исследования исходно были направлены на *решение социально важных вопросов*, что требовало новых научных знаний. С наибольшей очевид-

ностью такая направленность проявлялась в 30-летний период (1959—1988) службы Бодрова в научно-исследовательских организациях Министерства Обороны СССР. Однако и в последующий, почти 25-летний, период (1988—2012) работы в Институте психологии АН СССР (позже Институт психологии РАН) он, разрабатывая фундаментальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики, всегда соотносил создаваемые теории и концепции с возможностями их практического применения.

Во-вторых, для исследований Бодрова была характерна направленность на создание *целостных научных представлений о человеке* как субъекте профессиональной деятельности. Имеется логическая связь между стремлением к целостному представлению научных знаний и их использованием для решения социально значимых вопросов: практическое применение разрозненных знаний, как известно, существенно затрудняется.

В-третьих, в исследованиях Бодрова субъект профессиональной деятельности рассматривался в контексте выполнения определенных трудовых задач, содержания, средств, условий, организации и других конкретных обстоятельств деятельности. Для обеспечения ее эффективности и надежности недостаточно иметь целостные представления только о субъекте деятельности. Необходимо также знания о влиянии *факторов деятельности и рабочей среды* на трудовую активность субъекта, рассмотрение системы «субъект—рабочая среда».

Указанные моменты во многом объясняют стремление Бодрова разработать теоретико-методологические, методические и эмпирические основы авторского видения психологии профессиональной деятельности.

Психология профессиональной деятельности

Как отмечал В. А. Бодров (2006), предложенная им психология профессиональной деятельности, будучи разделом психологической науки, опирается на теоретические положения и результаты исследований не только психологии труда и инженерной психологии (Актуальные проблемы..., 2009; 2011, 2012а, б; и др.), но и психологии управления, организационной, дифференциальной, социальной, когнитивной психологии и других ее областей (Проблемы фундаментальной и прикладной психологии..., 2008; Психология: современные направления..., 2003). Кроме того, психология профессиональной деятельности опирается на исследования ряда смежных научных дисциплин — эргономики, гигиены, физиологии и медицины труда, системотехники, кибернетики и т. д. Т. е., психологические качества (включая личностные), состояния, процессы и психологические отношения человека, включенного в труд, необходимо рассматривать в двух планах: во-первых, во взаимосвязи с другими качествами человека — социальными, психофизиологическими, физиологическими, биомеханическими и др.; во-вторых, во взаимосвязи с характеристиками деятельности и рабочей среды — содержанием, средствами, условиями и результатами труда, социальным окружением и т. п.

В первом случае речь идет о совокупности разноуровневых и разнопорядковых качеств, которые обеспечивают процесс труда и носителем которых является человек как субъект профессиональной деятельности. Вообще говоря,

состав и количество указанных совокупностей может быть практически неограниченным, поэтому Бодров выделил те из них, которые определяли наиболее значимые показатели любого вида труда и которые он обозначил как *категории*. К их числу были отнесены категории профессиональной пригодности, работоспособности, функционального состояния, надежности и безопасности человека. Можно полагать, что выбор Бодровым термина *категория* для обозначения выделенных им совокупностей качеств не случаен. Он указывает на особый модус этих совокупностей, которые следует рассматривать как *интегральные* социально-биологические свойства, объединяющие социальные, психологические, психофизиологические, физиологические, физические и другие качества человека.

Во втором случае речь идет о совокупностях качеств и характеристик, носителем которых является метасистема «человек-профессия» (Бодров, 1985, 2001б, 2004, 2006).

Основное внимание в своих исследованиях В. А. Бодров уделил интегральным свойствам, носителем которых является человек как субъект профессиональной деятельности. Категория *субъект деятельности* стала центральной в психологии профессиональной деятельности. При ее рассмотрении Бодров опирался на положение субъектно-деятельностного подхода, сформулированные в работах С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского и К. А. Абульхановой-Славской. Согласно данному подходу, человек в результате включения в процесс трудовой деятельности, а также другие виды целенаправленной и осознаваемой активности (учеба, игра, общение), приобретает специфические (субъектные) возможности — самоорганизации, саморегуляции, самоконтроля, согласования внешних и внутренних условий и средств активности, координации психических процессов, состояний и свойств с объективными и субъективными условиями своей активности, в частности профессиональной деятельности.

Главным в субъектно-деятельностном подходе Бодров считал положение о том, что человек становится субъектом в процессе деятельности, проявляя, формируя и отражая свои деятельностно ориентированные возможности. Он подчеркивал, что становление субъекта профессиональной деятельности — следствие прохождения человеком сложного пути своего развития, подготовки к вхождению в мир профессий, освоения профессиональной деятельности, адаптации к ней и совершенствования профессионального мастерства (Бодров, 2001а; Бодров и др., 2012; Бодров, Журавлев, 2003; и др.).

Исследовательский и практический интерес Бодрова к процессу становления субъекта профессиональной деятельности во многом связан со спецификой объекта изучения — деятельности военных специалистов, управляющих сложными техническими системами в экстремальных условиях. В ходе выполнения профессиональных задач эти специалисты сталкиваются с непредвиденными, неопределенными и опасными для здоровья и жизни ситуациями. Успешный выход из таких ситуаций требует от специалистов проявления упоминавшихся выше *субъектных качеств* — самоорганизации, саморегуляции, самоконтроля и др. Эти качества занимают высший уровень в иерархии свойств человека и преломляют (опосредствуют) влияние других его качеств и свойств на показатели профессиональной деятельности.

Профессиональная пригодность субъекта деятельности

Концепция профессиональной пригодности субъекта является основополагающим и наиболее разработанным разделом психологии профессиональной деятельности (Бодров, 1969, 1985, 2001б, 2004; и др.). Его пристальное внимание к данному феномену не случайно. Оно сформировалось еще в период его обучения в Военно-морской медицинской академии, когда на выпускном курсе он был включен в учебную группу для освоения комплекса научных дисциплин и практических навыков выполнения врачебных функций с целью оказания медицинской помощи в условиях длительных подводных плаваний и обеспечения водолазных погружений. В последующих после завершения обучения исследованиях, проводившихся в реальных условиях рабочей среды, у Вячеслава Алексеевича сформировался устойчивый интерес к проблемам психологического анализа профессиональной деятельности, изучению индивидуально-психологических характеристик личности специалистов, причин развития у них неблагоприятных функциональных состояний, нарушений работоспособности и другим аспектам «человеческого» и «личностного» фактора.

Подчеркивая перманентную значимость проблемы профессиональной пригодности, Бодров приводил следующую цитату: «Каждый человек, в принципе, может овладеть любой профессией (или почти любой), но все дело в том, сколько на это понадобится сил и времени. Период трудовой активности в жизни человека ограничен, а непродуктивная, безрадостная деятельность не только личное несчастье — оно отражается, в конечном счете, на всем обществе. Поэтому прогнозирование профессиональной пригодности и путей ее формирования никогда не утратит своего актуального значения» (Гуревич, 1970, с. 5).

По своей сущности, проблема профессиональной пригодности, как считал Бодров, является проблемой *взаимной адаптации* человека и деятельности, ее средств, содержания, условий и организации. С одной стороны, речь идет об антропоцентрическом подходе, т. е. адаптации самой деятельности к возможностям человека, с другой — профессиоцентрическом подходе, т. е. адаптации человека к требованиям профессиональной деятельности. Первый подход предусматривает эргономические решения по оптимизации деятельности, второй — психологическое, физиологическое, медицинское и другое обеспечение процесса формирования профессионала (Бодров, 2001а).

В работах Бодрова профессиональная пригодность рассматривалась, прежде всего, с позиции профессиоцентрического подхода, т. е. адаптации человека к требованиям деятельности (Бодров и др., 2012; Психология адаптации..., 2007). Такое рассмотрение вполне оправданно, если принять во внимание, что в своих работах он изучал пригодность к профессиям экстремального профиля, которые предъявляют повышенные требования к человеку. Эти требования таковы, что далеко не все кандидаты могут успешно завершить процесс своего профессионального становления в отведенные сроки.

В своих исследованиях Бодров затронул сложный вопрос о роли *взаимовлияния личности и профессии* для формирования профессиональной пригодности человека как субъекта труда. Данный вопрос рассматривался с точки зрения профессиоцентрического подхода. Как считал Бодров, главные черты данного подхода заключаются в следующем:

- подход основан на изучении закономерностей становления социального и психологического компонентов субъекта труда в процессе профессионального пути;
- в подходе предусматриваются возможности активного управления процессом формирования профессиональной пригодности и становления профессионала;
- подход ориентирован на согласование ресурсных возможностей и требований профессии, прогнозирование психологических особенностей перспективных видов профессий и специальностей (Бодров, 1999, 2001а).

Как отмечал Бодров, термин «формирование» отражает результат активных форм воздействия внешних и внутренних факторов на процесс развития личности. При этом внешние детерминанты развития являются важными, но сопутствующими факторами. В итоге он предложил следующую формулу формирования личности профессионала: человек, формируясь в процессе профессионализации как субъект деятельности, раскрывается как личность (Бодров, 1991).

Теоретической основой данной формулы является положение С. Л. Рубинштейна о взаимосвязи личности и деятельности: личность формируется и проявляется в деятельности. В этой связи Бодров приводит следующий тезис Б. Ф. Ломова о роли психологии в изучении связи психики и деятельности: «С одной стороны, она рассматривает деятельность как детерминанту системы психических процессов, состояний и свойств субъекта. С другой стороны, она изучает влияние этой системы на эффективность и качество деятельности, т. е. рассматривает психическое как фактор деятельности» (Ломов, 1984, с. 205).

Необходимо подчеркнуть, что развитие личности профессионала предполагает активную роль самого профессионала в процессе своего развития посредством оценки значимости и закрепления в своем психическом складе определенных форм поведения. При этом способ включения в деятельность, изменения своей внутренней позиции по ходу ее осуществления являются особыми качествами субъекта профессиональной деятельности (см. также: Личность профессионала..., 2013; Методы психологического обеспечения..., 2014; Современное состояние и перспективы..., 2015; Современные тенденции развития..., 2015; и др.).

При диагностике, прогнозировании и формировании профессиональной пригодности как интегрального качества необходимо учитывать несколько видов свойств человека. Данные свойства рассматривались Бодровым как факторы профессиональной пригодности. Это собственно *профессиональный фактор*, который определяется уровнем профессиональной подготовленности субъекта: объемом, глубиной, устойчивостью необходимых знаний, навыков, умений, а также опытом работы в конкретной трудовой сфере. Далее, это *медицинский фактор*, отражающий взаимное влияние особенностей трудовой деятельности и профессионального здоровья, их причинно-следственные отношения. *Физиологический фактор* пригодности характеризует ее с точки зрения адаптационных возможностей организма и психики в конкретных условиях деятельности, величины энергетических ресурсов организма и функциональных резервов органов и систем при напряженной деятельности. *Психологический фактор* отражает влияние индивидуально-психологических качеств на следующие показатели профессиональной пригодности:

- выбор профессии (вида деятельности), наиболее полно соответствующей склонностям и способностям человека;
- сохранение интереса к выбранной профессии и удовлетворенность процессом и результатами конкретной деятельности;
- эффективность, надежность и безопасность выполнения профессиональных задач, требуемая результативность деятельности;
- реализация социального, личностного и профессионального самоопределения, самоутверждения, самосовершенствования субъекта в выбранной профессии и выполняемой деятельности;
- формирование у субъекта адекватного образа «Я-профессионал», его стремление к достижению эталонной модели профессионала.

Перечисленные факторы, определяющие профессиональную пригодность человека, обуславливают необходимость использования *комплексного подхода* (Методология комплексного человекознания..., 2008; Психология человека в современном мире..., 2009; и др.) к определению и формированию этого интегрального свойства. При этом следует различать профессиональную пригодность как совокупность исходных индивидуальных качеств человека, предопределяющих успешность ее *формирования* к конкретной деятельности (или классу деятельностей) в процессе обучения; и как совокупность наличных, сформированных и взаимосвязанных качеств (профессиональных, психологических и др.), обеспечивающих эффективное *выполнение* конкретных профессиональных задач. При данном подходе к оценке профессиональной пригодности человека требуется учитывать особенности компенсации отдельных профессионально важных качеств и функций, их взаимосвязь, изменчивость и динамичность – то, что определяет возможности индивидуального приспособления к конкретной трудовой деятельности, в ходе которого вырабатывается ее индивидуальный стиль (Бодров, 2001б, 2004).

Как показали результаты исследований, указанные совокупности индивидуальных качеств могут полностью не совпадать, что позволило объяснить, почему успешное освоение деятельности человеком еще не означает ее эффективного выполнения в последующем (Бодров, 1985, 2001б; Бодров и др., 1984).

Единство теории, эксперимента и практики

В исследованиях профессиональной пригодности, проводившихся под руководством и при участии Бодрова, получил дальнейшее развитие и реализацию сформулированный Б. Ф. Ломовым принцип единства теории, эксперимента и практики в психологической науке (Ломов, 1984; 2006), согласно которому, теоретические положения и концепции автора, основанные на эмпирических данных, подвергаются экспериментальной проверке и обязательно оцениваются на практическую эффективность предлагаемых решений.

Наиболее очевидным примером реализации положения о единстве теории, эксперимента и практики следует считать разработанную Бодровым систему определения профессиональной пригодности военных специалистов (Бодров, 1969), а также созданные на ее теоретико-методической основе системы психологического отбора подводников, летчиков и космонавтов (Бодров и др., 1984). Дан-

ные системы создавались в единстве с положениями рассмотренной выше концепции профессиональной пригодности человека и включают следующие этапы.

Задачи определения профессиональной пригодности. При решении задачи первичного отбора на обучение профессии основные критерии пригодности определяются успешностью приобретения специальных знаний и формирования профессиональных навыков, а достижение их высокого уровня зависит, прежде всего, от уровня развития общих способностей. Поэтому выявлению подлежат специальные профессиональные способности. При решении задачи распределения выпускников учебного заведения необходимо определить ту специальность, которая по своим психологическим требованиям к личности наиболее соответствует особенностям конкретного выпускника. Процедура прогнозирования профессиональной пригодности в этом случае основана на соотнесении индивидуально-психологических особенностей личности с набором профессиональных требований специальностей. В задачах комплектования учебных и производственных групп (например, подбор недостающего штурмана в экипаж пассажирского самолета) определение и прогнозирование профессиональной пригодности производится на основе оценки профессионально важных качеств личности, не только соответствующих конкретной индивидуальной деятельности, но и определяемых характером взаимодействия членов групп, их социальным статусом в группе и т. п. Задача экспертизы профессиональной пригодности лиц с психосоматическими расстройствами, участников профессиональных происшествий, а также лиц с жалобами на хронические затруднения в работе предполагает использование в каждом конкретном случае специфического диагностического комплекса.

Определение профессиональных требований к личности, предъявляемых особенностями конкретной деятельности. Для выявления этих особенностей используются различные методические подходы. Теоретико-экспериментальный подход основан на массовом психологическом обследовании специалистов различного уровня профессиональной пригодности с последующим выявлением с помощью корреляционного анализа наиболее информативных психологических показателей. Метод экспертных оценок позволяет получить перечень указанных требований от наиболее квалифицированных специалистов. Целесообразно также использовать методы профессиографического анализа деятельности с составлением психограмм, содержащих требования к психической сфере кандидатов.

Подбор и разработка психологических методик определения профессиональной пригодности. При решении данного вопроса следует исходить из того, что любое психологическое качество не может быть определено каким-либо одним измерением. Определяемые в одной ситуации проявления психологического качества могут быть отличными в другой ситуации. Поэтому при подборе психологических методик следует предусматривать оценку достаточно устойчивых качеств личности и возможных преобразований этих качеств в динамике профессионального обучения, а также в связи с возможными изменениями требований деятельности.

Разработка критериев определения профессиональной пригодности. Для обоснования дифференциальных критериев прогнозирования профессиональной пригодности чаще всего применяется метод установления ранговой и балльной стандартной оценки, а также метод, основанный на модификации последова-

тельного статистического анализа отношения вероятностей значений психологических показателей.

Проверка эффективности предложенных рекомендаций и подготовка организационно-методического пособия по реализации разработанной системы — заключительный этап определения профессиональной пригодности. Указанная проверка осуществляется с помощью пролонгированного мониторинга успешности обучения и/или эффективности и надежности профессиональной деятельности. В случае достижения относительно высокого уровня совпадения психологического прогноза с данными фактической пригодности (не менее 70% совпадения) методические рекомендации могут быть использованы в практической работе.

Есть все основания считать, что разработанная система имеет универсальный характер и является значительным вкладом в практическое решение проблемы профессиональной пригодности специалистов

Заключение

Характерная особенность научных исследований В. А. Бодрова состояла в том, что каждая из поставленных им проблем рассматривалась в контексте комплексного подхода к изучению человека, с привлечением теоретических и методических положений не только из различных областей психологии (общей, социальной, когнитивной и дифференциальной психологии, психофизиологии), но и других наук о человеке, поэтому теоретические обобщения автора приобретали междисциплинарный характер.

Вклад Бодрова в психологическую науку состоит в разработке методологических, теоретических и эмпирических основ психологии профессиональной деятельности, которая, являясь разделом психологической науки, опирается на результаты исследований как в области психологии, так и смежных с ней отраслей научного знания — эргономики, физиологии, гигиены и медицины труда, системотехники, кибернетики и т. д.

Литература

- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 1 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М., 2009.
- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 2 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М., 2011.
- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 3 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М., 2012а.
- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 4 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М., 2012б.
- Бодров В. А.* Психофизиологические основы профессионального отбора военных специалистов: Дис. ... докт. мед. наук. Л., 1969.
- Бодров В. А.* Проблемы профессионального психологического отбора // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 2. С. 85–94.
- Бодров В. А.* Психологические исследования проблемы профессионализации личности // Психологические исследования проблемы профессионализации личности профессионала / Под ред. В. А. Бодрова. М., 1991. С. 3–26.

- Бодров В. А.* Психологические проблемы профессиогенеза в операторской деятельности // Проблемы психологии и эргономики. 1999. № 2. С. 38–44.
- Бодров В. А.* Профессиогенетический подход к проблеме формирования профессионала // Психология субъекта профессиональной деятельности / Под ред. А. В. Брушлинского, А. В. Карпова. М.—Ярославль, 2001а. С. 54–72.
- Бодров В. А.* Психология профессиональной пригодности: Учебное пособие для вузов. М., 2001б.
- Бодров В. А.* Методологические и теоретические вопросы изучения проблемы профессиональной пригодности субъекта труда // Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход / Под ред. В. А. Бодрова. М., 2004. С. 10–27
- Бодров В. А.* Психология профессиональной деятельности: Теоретические и прикладные проблемы. М., 2006.
- Бодров В. А., Дикая Л. Г., Журавлев А. Л.* Психологическая адаптация к профессиональной деятельности: Основные направления и результаты современных исследований // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 3 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М., 2012. С. 9–32.
- Бодров В. А., Журавлев А. Л.* Методологические принципы и результаты фундаментальных исследований профессиональной деятельности // Проблемы психологии и эргономики. 2003. Вып. 2 (23). С. 64–69.
- Бодров В. А., Малкин В. Б., Покровский Б. Л., Шпаченко Д. И.* Психологический отбор летчиков и космонавтов // Проблемы космической биологии. Т. 48. М., 1984.
- Гуревич К. М.* Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы. М., 1970.
- Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М., 2013.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Ломов Б. Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М., 2006.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М., 2008.
- Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / Под ред. Л. Г. Дикой, А. Л. Журавлева, М. А. Холодной. М., 2014.
- Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М., 2008.
- Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М., 2007.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. В. Тарабриной. М., 2003.
- Психология человека в современном мире. Т. 1: «Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна» / Под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Барбанщикова, М. И. Воловиковой. М., 2009.
- Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. М., 2015.

Психология личности в трудах Л. И. Анцыферовой и современные представления о личностном развитии и посттравматическом росте¹

Н. Е. Харламенкова, А. Л. Журавлев (Москва)

Введение

Раскрывая в своих работах сущность *динамического подхода* к психологическому изучению личности, Л. И. Анцыферова убедительно показывает, что личность существует в процессе постоянного несовпадения с собой, выхода за свои пределы (Анцыферова, 1981). Автор пишет, что сохранение устойчивости, интегративности личности связано с ее перманентным изменением, поступательным развитием, личностным ростом. Эти положения динамического подхода не совпадают с представлениями о личности, сформулированными в теории деятельности, поскольку вносят существенную поправку в ее главный тезис о социально значимой деятельности как ведущей форме развития личности. Анцыферова подчеркивает, что речь надо вести не просто о деятельности, а о *действующем индивиде, о личности в состоянии деятельности*. Парадоксы психологической теории деятельности связаны с ее отрывом от изучения процесса развертывания личности в деятельности, с недостаточностью такой модели предметно-практической деятельности, в которой предполагается, что результат должен совпасть с целью.

Методология психологии и психология личности в работах Л. И. Анцыферовой

Объективными основаниями развития личности, по мнению Анцыферовой, являются ее потребности, структура которых постоянно трансформируется: связь биологических и духовных потребностей изменяется вследствие проникновения ненасыщаемых духовных потребностей в витальные. Развитие мотивационно-потребностной сферы личности осуществляется за счет поиска и привлечения ею других мотивов. Показано, что в своем фундаменте этот механизм выступает как усилие индивида вписать свое занятие (деятельность) в более широкую систему социальных отношений, осмыслить ее место в более широком контексте социальной действительности и тем самым отыскать новый ее смысл, найти новые побуждения в универсальности своих общественных отношений.

Авторский подход ученого к проблеме личности в психологии постоянно развивался, включая в себя новые аспекты этой крайне сложной и одновременно не меняющей своей актуальности проблемы (Журавлев, Харламенкова, 2009, 2014). В 1988 г. вышла в свет коллективная монография, подготовленная и изданная под научной редакцией Анцыферовой, «Категории материалистической диалектики в психологии» в которой были рассмотрены философские *категории*, в том числе составляющие понятийный аппарат психологической науки: актив-

¹ Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ №0159-2016-0010.

ности (И. А. Джидарьян), возможности и действительности (Т. И. Артемьева), формы и содержания (В. Г. Асеев), отражения (В. С. Тюттин) и др. В этой книге в целом определена мировоззренческо-методологическая функция философии по отношению к специальным наукам, в том числе к психологической, а также такие более частные функции, как «обобщение научных знаний и выявление общих принципов научного исследования, синтез всего научного знания, опосредствование связи конкретной дисциплины с социокультурными факторами и общественными ценностями, выполнение научно-эвристической и прогностической роли, раскрытие мировоззренческого значения результатов развития специального научного знания, обеспечение взаимовлияния разных научных дисциплин, комплексного подхода к изучению сложных объектов науки, выработка общих методов научного исследования, создание целостной, научно обоснованной картины мира» (Анцыферова, 1988, с. 4). Изучая проблему личности, невозможно было не обратиться к категории и принципу развития (Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988), которые, так же как и остальные научные понятия, детально проанализированы в этой книге.

В представлении Анцыферовой, *личность* это — действующий индивид, который *преобразует* социальные ситуации, но он изменяет их не только в соответствии с логикой самих ситуаций, но и с логикой своего индивидуального, социально обусловленного существования. Преобразовательная деятельность личности не является самодостаточной и ведущей, а предполагает существование иных форм личностной активности. «В других случаях целью и результатом деятельности может выступить переоценка собственных ценностей, работа над упорядочиванием своего внутреннего мира, переосмысливание своего прошлого и т. д.» (Анцыферова, 2004, с. 190). По мнению Анцыферовой, человек наделен *способностью к непрерывному развитию*, которое является, как она утверждает, основным способом существования личности, особенно учитывая современные требования общества к совершенствованию человека. Наиболее критически автор оценивает мнение ряда исследователей относительно периода зрелости и поздней взрослости, которые, по сравнению с детством, юностью и ранней взрослостью, оценивались как возрастные этапы с замедленным или отсутствующим развитием; автором приводится ряд аргументов в пользу идеи о поступательном развитии личности в течение всей ее жизни.

В 80-е годы XX в. Анцыферова анализирует проблемы методологии психологии, философские основания конкретно-научных исследований, в частности такие, как проблема субъекта и системный подход (Анцыферова, 1982, 1988, 1989). Наряду с работами таких известных психологов, как К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, Е. А. Будилова, Б. Ф. Ломов, К. К. Платонов, Я. А. Пономарев, Е. В. Шорохова и др., Анцыферова своими трудами закладывала фундамент важнейшей традиции в Институте психологии АН СССР, связанной с разработкой методологических и теоретических проблем психологической науки, что имело огромное значение для дальнейших исследований в отечественной психологии в целом, было важно для системного изучения проблемы личности в психологии (Психологические исследования духовно-нравственных проблем, 2011; Психологические исследования личности..., 2016; Психологические исследования нравственности, 2013; Психологические проблемы семьи и личности..., 2012; и др.).

Динамический подход к исследованию личности

Обобщение результатов исследования психологии личности частично представлено Анцыферовой в статье «Личность в динамике: некоторые итоги исследования» (Анцыферова, 1992), в которой на материале многочисленных теоретико-эмпирических исследований показано *преимущество динамического подхода* к личности. Прежде всего, акцентируется внимание на изучении реальных отношений личности с миром и на ее поступательном развитии при условии чувствительности личности к своим возможностям, рефлексивном отношении к себе и творческом отношении к прошлому, настоящему и будущему. Важнейшим результатом работы является утверждение, согласно которому *сформированность личности как субъекта жизни определяет качество ее жизни*. Рассматривая человека с позиции его потенциальных возможностей, Анцыферова верно замечает, что, с одной стороны, личностная динамика представляет собой качественное *преобразование* человека как личности, с другой, — напоминает драму, открытие личностью своей *несостоятельности* в тех или иных отношениях. Однако, несмотря на реальность представленной картины, в этой и особенно в последующих работах автора утверждается *гуманистический подход* к личности, вера в ее стремление к «конструированию новых путей жизни» (Анцыферова, 1992, с. 24). В целом же, согласно Анцыферовой, функционирование личности следует соотносить с предметно-преобразующей деятельностью и постоянным личностным развитием, поступательным личностным ростом.

Кроме опыта включенности в преобразовательную деятельность и поступательного личностного развития, как утверждает автор, человек может переживать трудные моменты своей жизни, находиться в состоянии «претерпевания и страдания» (Анцыферова, 2004, с. 190). Обращение к проблеме жизненных трудностей, к примерам деформации личностного развития, тем не менее существенно не меняет общего взгляда на *личность как на субъекта, способного к преодолению, преобразованию, переосмыслению* возникших обстоятельств (Анцыферова, 1993, 1994). Все интенсивнее эксплицируется представление о вариантах жизненных выборов, о разных стратегиях совладания с трудностями, о том, что своевременность действий и поступков человека следует трактовать как одно из проявлений его мудрости (Журавлев, Харламенкова, 2014). Кроме того, подчеркивается важность эффективной саморегуляции и социальной поддержки, необходимость обращения человека за помощью. Все это тем не менее не заменяет главной мысли автора об *активности и действенной позиции самого человека*, о том, что «лишь сам субъект в силах изменить свою индивидуальную „теорию“, сделать ее более реалистичной, переосмыслить выпавшее на его долю несчастье как неотъемлемую часть жизни, а не как незаслуженное наказание судьбы» (Анцыферова, 1994, с. 7).

Мнение о личностном развитии человека на разных возрастных этапах жизни стабильно высказывалось Анцыферовой даже при анализе трудных жизненных ситуаций; утверждалось представление о так называемых *креативных силах человека* в совладании (борьбе) с деформирующими социально-психологическими условиями жизни. Детальный анализ работ известных ученых — А. Адлера, К. Юнга, Э. Фромма, Э. Эриксона и др. — позволил выявить наличие у человека особых ресурсов совладания с трудностями, показать роль его собственной активности в преодолении личностных деформаций. Более того, Анцыферова соглашается с мнением Маслоу, который считал, что в качестве условий, обес-

печаивающих развитие у человека способности к самоактуализации, следует рассматривать и *страдание*, которое принуждает включаться в борьбу и тем самым стимулирует развитие.

Несмотря на оптимистическую позицию ученого в отношении совладания человека с жизненными трудностями, немаловажно учитывать не только его ресурсность, возможности, но и интенсивность воздействующих стрессоров.

Проблема развития личности в экстремальных жизненных ситуациях

Исследование проблемы жизненных трудностей и совладания с ними находит продолжение в изучении последствий воздействия на психику человека стрессоров высокой интенсивности (Тарабрина, 2009, 2012), проблемы психологической безопасности человека (Тарабрина, Журавлев, 2012), психической травмы и картины мира. Все эти идеи активно используются и развиваются в рамках одного из актуальных научных направлений исследования в современной психологии — *психологии посттравматического стресса*, в котором анализируются психологические последствия влияния на человека стрессоров высокой интенсивности, таких травматических событий, которые связаны с угрозой жизни и сопровождаются «переживанием негативных эмоций интенсивного страха, ужаса или чувства безвыходности (беспомощности) ...» (Тарабрина, 2009, с. 28).

Травматический характер переживаний определяется тем, что у человека «драматически нарушена способность к интеграции травматического опыта с другими событиями жизни» (там же, с. 47), что он склонен отсроченно (спустя 6 мес. и более после воздействия стрессора) вспоминать это событие, повторно переживать его в ситуациях, напоминающих его (*вторжение*), избегать эти ситуации (*избегание*), чувствовать беспокойство, раздражительность, повышенный уровень бодрствования и др. (*физиологическая возбудимость*), т. е. по совокупности этих признаков переживать посттравматический стресс (ПТС).

При высоком уровне ПТС, который коррелирует с клинической картиной ПТСР (посттравматического стрессового расстройства) в основном происходят изменения негативного характера, которые указывают на фиксацию человека на этом событии: наблюдаются снижение социальной активности, ослабление профессиональной мотивации, стремление к изоляции. Все эти признаки в целом не соотносимы с показателями психического развития, а в большей степени демонстрируют его регрессивный характер.

Несмотря на негативные последствия ПТС, в современной литературе обсуждается вопрос о том, что травматическое событие может привести и к позитивным психическим изменениям, названным *посттравматическим ростом*. В статье Ю. В. Быховец рассматриваются три области таких изменений — в самовосприятии, в межличностных отношениях, в философии жизни (Быховец, 2016). Автор подчеркивает, что связь ПТС и посттравматического роста не является однозначной: в одних случаях индивиды справляются с травмой и используют опыт ее переживания в качестве ресурса развития, в других — последствия психической травматизации оказываются не столь благополучными. Отмечаемая Быховец вариативность последствий психической травматизации показывает, что даже в экс-

тремальных жизненных обстоятельствах человек способен восстанавливать свои ресурсы и развивать их, но это не всегда бывает именно так. Не останавливаясь на причинах, которые приводят к разным последствиям ПТС, обсудим вопрос о смысловой близости понятий *психическое развитие* и *посттравматический рост*.

Психическое развитие и посттравматический рост

Учитывая важность категории развития для психологии, С.Л. Рубинштейн придал ей статус важнейшего методологического принципа психологии. «Развитие психики является для нас не только более или менее интересной частной областью исследования, но и общим *принципом* или *методом* исследования всех проблем психологии. Закономерности всех явлений, и психических в том числе, познаются лишь в их развитии, в процессе их движения и изменения, возникновения и отмирания» (цит. по: Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988, с. 25).

Необходимыми и достаточными характеристиками развития являются обратимые, закономерные, направленные качественные изменения организованных объектов, осуществляющиеся системным образом. Характерными чертами развития Л. И. Анцыферова, Д. Н. Завалишина и Е. Ф. Рыбалко (1988) называют:

- преемственность между этапами,
- целостность,
- завершенность, результативность,
- структурность,
- которые связаны с такими фундаментальными характеристиками развития, как:
  - имманентность изменений,
  - направленность и необратимость,
  - качественный характер.

Соединение принципа развития, дифференциации, системности, генетической заданности, эквивинальности, появления качественно новых образований, но при условии осуществления взаимодействия данной системы (личности) с другими системами соответствует современным представлениям о процессе развития, которые находят отражение в системно-эволюционном (П. К. Анохин, В. Б. Швырков, Ю. И. Александров), системно-субъектном (Е. А. Сергиенко) и историко-эволюционном (А. Г. Асмолов) подходах, в динамической теории личности (Л. И. Анцыферова).

Сравнивая по перечисленным выше характеристикам психическое (личностное) развитие с посттравматическим ростом, можно указать на некоторые различия в том, как протекают эти процессы. Одно из таких различий связано с характером *преемственности* этапов развития и этапов посттравматического роста. Как известно, травма часто делит жизнь человека на «до» и «после», и поэтому говорить о преемственности личностного роста при ПТС в том смысле, как она понимается при анализе развития в целом, достаточно трудно; при этом абсолютно отрицать преемственность тоже не следует, поскольку личностный рост не может возникнуть беспричинно. Разумно, с нашей точки зрения, объяснить специфику связанности развития в травматических ситуациях существованием

таких процессов, которые протекают скрытно, не проявляются со всей очевидностью. Речь идет о «латентно-протекающей деятельности» (Анцыферова, 2004), о «латентных, нерелевантных свойствах» ситуации (Критская, Мелешко, 2015). По мнению Анцыферовой, такие субдоминантные деятельности не осознаются человеком, но выполняют важную роль в процессе психического развития личности и ее интеграции. «Этот выход из психологического пространства деятельности, направленной на сознательно поставленную цель, переживается как потеря мысли, которую часто так и не удается вспомнить. Но впоследствии оказывается, что она воспроизводится как очень уместная и удачная при совершенно ином занятии. В то же время вклинивание латентных пластов в актуальное занятие обогащает его, придает ему творческий характер» (Анцыферова, 2004, с. 198).

С нашей точки зрения, латентно протекающие процессы являются тем «звеном», благодаря которому связываются между собой различные этапы психического развития субъекта, особенно в случаях влияния на него травматических событий. Конечно, латентно протекающая деятельность характеризует процессы развития личности как в относительно нормальных условиях жизни, так и при влиянии травматических событий. Тем не менее в случае экстремального опыта в латентных процессах возникает особая необходимость, поскольку только благодаря им, как представляется, можно объяснить «как бы вдруг» возникающий личностный рост, казалось бы, не имеющий никакого основания для возобновления психического развития в опыте травмированной личности.

Другая характеристика психического развития — *необратимость* изменений — также не очевидна для ПТС и последующего посттравматического роста, который не всегда предполагает проработанность травмы, и поэтому вероятность регресса развития остается достаточно высокой. В связи с этим необратимость психического развития в нормальных условиях жизни аксиоматична, тогда как в процессе посттравматического роста не стоит отрицать даже не столько обратимость развития, сколько возможный возврат к повторному переживанию травматической ситуации, который может произойти вследствие влияния на человека дополнительных факторов. Известно, например, что человек, переживший острый стресс, через некоторое время может почувствовать облегчение, и его состояние нормализуется. На фоне такой стабильности часто наблюдаются видимые успехи, заметное личностное и профессиональное развитие. Однако если травматическое событие было вытеснено, подавлено, то любое напоминание о нем способно оживить воспоминания и вернуть интенсивные переживания, как если бы воздействие стрессора не прекращалось. Конечно, можно лишь с определенной долей уверенности говорить при этом об инверсии того, что было достигнуто в процессе посттравматического роста, но абсолютно не допускать в этом процессе некоторой обратимости развития невозможно.

Развитие и посттравматический рост: психологические механизмы

Сопоставление процессов психического развития и посттравматического роста, которое было предпринято выше по двум характеристикам развития — преемственности и необратимости (Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988), показало,

что это не идентичные процессы, и посттравматический рост, скорее всего, является одним из вариантов психического развития личности в целом. Дополнительным аргументом в пользу такого вывода является анализ *психологических механизмов*, благодаря которым осуществляется поступательное развитие личности, с одной стороны, и посттравматический рост — с другой.

Согласно Анцыферовой, психологические механизмы — это «закрепившиеся в психологической организации личности функциональные способы ее преобразования, в результате которых появляются различные психологические новообразования, повышается или понижается уровень организованности личностной системы, меняется режим ее функционирования... они являются механизмами реальных или мысленных преобразований взаимоотношений индивида с обществом, с миром в целом» (Анцыферова, 2004, с. 190).

Большое значение в развитии личности Анцыферова придавала *непрерывному образованию*, считая его важным для усвоения новых знаний и развития интеллекта, необходимым для интеграции личности, обеспечения ее перехода на новые уровни развития. Она писала, что «осознание образования как одной из основных форм жизнедеятельности человека в любой период его жизни окажет благоприятное влияние не только на интеллектуальную сферу растущего человека, но и на формирование всей его личности» (там же, с. 94). Роль познания в психическом развитии человека состоит в регуляции интеллектуальных и эмоциональных процессов, в развитии новых психологических способностей. Благодаря способностям у человека повышается общий уровень мотивации и «формируется механизм поиска новых, необычных, трудных ситуаций... социальный механизм сохранения и воспроизведения некоторых характеристик периода юности на стадии взрослости» (там же, с. 89).

Принцип непрерывного образования, таким образом, задает общее направление психического развития, которое осуществляется посредством *механизмов реструктуризации* личности, повышения ее социальной и интеллектуальной активности, изменения и усиления мотивации, развития эмоциональной регуляции, расширения сферы социально-значимой деятельности, которая стимулирует человека к повышению уровня личностного функционирования. Согласно Анцыферовой, «непрерывное образование само выступает фактором качественного преобразования и совершенствования личности — перехода ее на более масштабный уровень мировоззренческих позиций, самостоятельного поиска путей самосовершенствования, повышения степени точности самооценки, постоянного расширения и углубления связей с миром, выработки новых форм отношения к нему» (там же, с. 94). В этом смысле важнейшим ресурсом для личностного развития являются «креативные силы» человека, *механизм творческого отношения* к жизни как способность открывать перед собой новые жизненные перспективы, использовать скрытые, находящиеся в латентном состоянии резервы.

По мнению Анцыферовой, непрерывное образование может выступить одним из способов успешного разрешения кризисов периода взрослости, которые нередко препятствуют осуществлению поступательного развития личности. Возможно, что и в более трудных ситуациях непрерывное образование позволит человеку разрешить конфликты и выйти из сложных обстоятельств. Одна-

ко в самых драматических обстоятельствах — травматических ситуациях — общие механизмы психического развития (посттравматического роста) должны иметь свою специфику. Мы склоняемся к тому, что посттравматический рост осуществляется благодаря работе целой *системы механизмов*, одним из которых является *механизм компенсации*. Однако компенсаторные механизмы могут начать работу только после того, как травматическое событие было интегрировано в историю жизни личности, и человек перестал проживать его как актуальное событие. Благодаря компенсации человек перенаправляет свои усилия к той цели, которую ему по тем или иным причинам не удалось достичь, на новые цели. Причем, их достижение должно быть до определенной степени связано с успехом. Механизм замещения, который лежит в основе компенсации, регулирует возникшее напряжение и неудовлетворенность и через достижения в иной, но тоже значимой сфере жизнедеятельности влияет на самооценку личности.

Компенсация как один из механизмов развития личности может приводить как к стабилизации развития, так и к его прогрессированию и регрессированию. Неоднозначность эффектов компенсации показывает, что психическое развитие человека — системный процесс, который детерминирован целым комплексом факторов; его своеобразие определяется разными предикторами. В целом можно сказать, что благодаря компенсации реализуется одно из важнейших свойств психического развития — *пластичность* как способность находить разные возможности для достижения поставленных жизненных целей, не только восстанавливать и поддерживать развитие на достаточном уровне функциональности при нарушении различных функций, но и обнаруживать новые возможности, которые до определенного времени находились в *латентном* состоянии. Именно поэтому компенсация — это механизм, благодаря которому происходит возобновление того или иного процесса с помощью новых средств, а также возможное изменение самого процесса развития (Харламенкова, 2016).

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что *принцип развития*, детально и глубоко разработанный Анцыферовой, продолжает оставаться актуальным направлением исследования в современной психологии (Сергиенко, Журавлев, 2016). Своей ценности не утратили общее понимание психического развития, его механизмов, кризисов и возрастной специфики развития. Продолжение исследований в этой области многообразно (Принцип развития..., 2016), однако в настоящей работе было показано приложение общих представлений о психическом развитии к такой его специфической форме, как посттравматический рост. В работе сделан вывод, что понятия поступательного психического развития и посттравматического роста не идентичны. Эти процессы различаются, по крайней мере, по двум характеристикам развития — по преемственности этапов развития и его необратимости. Обсуждены психологические механизмы и различия между ними при реализации психического развития в норме и в случае его развертывания как процесса посттравматического роста. В статье затронута одна из актуальных проблем психологии, начало разработки которой было положено экспериментами Анцыфе-

ровой в области психологии мышления — проблема латентных свойств психики, субдоминантных форм деятельности, которая, как и многие другие вопросы, поставленные Анцыферовой, продолжает исследоваться в современной общей психологии, психологии личности и психологии развития.

Литература

- Анцыферова Л. И.* О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 8–18.
- Анцыферова Л. И.* Методологические принципы и проблемы психологии // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 2. С. 3–17.
- Анцыферова Л. И.* Материалистическая диалектика и психологическая наука // Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л. И. Анцыферовой. М., 1988. С. 3–21.
- Анцыферова Л. И.* Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук / Сост. Е. В. Филиппова; отв. ред. И. Т. Фролов. М., 1989. С. 426–433.
- Анцыферова Л. И.* Личность в динамике: некоторые итоги исследования // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 5. С. 12–25.
- Анцыферова Л. И.* Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2. С. 3–17.
- Анцыферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.
- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М., 2004.
- Анцыферова Л. И., Завалишина Д. Н., Рыбалко Е. Ф.* Категория развития в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л. И. Анцыферовой. М., 1988. С. 22–55.
- Быховец Ю. В.* Феномен посттравматического роста // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М., 2016. С. 214–227.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Психология личности как открытой и развивающейся системы (К юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Мудрость личности (К 90-летию со дня рождения Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 99–101.
- Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л. И. Анцыферовой. М., 1988.
- Критская В. П., Мелешко Т. К.* Патопсихология шизофрении. М., 2015.
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М., 2016.
- Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М., 2012.
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М., 2011.
- Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М., 2016.

- Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А. В. Юревич. М., 2013.
- Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А. И. Ляшенко, В. Е. Иноземцева, Д. В. Ушаков. М., 2012.
- Сергиенко Е. А., Журавлев А. Л.* Генезис принципа развития в современной психологии (вместо предисловия) // Принцип развития в современной психологии. М., 2016. С. 5–27.
- Тарабрина Н. В.* Психология посттравматического стресса: Теория и практика. М., 2009.
- Тарабрина Н. В.* Психологические последствия воздействия стрессоров высокой интенсивности: посттравматический стресс // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 20–33.
- Тарабрина Н. В., Журавлев А. Л.* Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям (вместо предисловия) // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М., 2012. С. 5–21.
- Харламенкова Н. Е.* Компенсация как один из механизмов психического развития личности // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М., 2016.

Наследие Эрнеста Беккера и современные теории страха смерти

К. А. Чистопольская, С. Н. Ениколопов (Москва)

Введение

Эрнест Беккер (27.09.1924–06.03.1974) – культурный антрополог, обогативший своими идеями многие гуманитарные науки. В психологии с 1986 г. наиболее полно его идеи развивают и доказывают на практике авторы теории управления страхом смерти (Greenberg et al., 1986). На его рассуждения о страхе смерти опираются Р. Баумайстер (Baumeister, 1990) в своей теории страха исключения и бегства от самосознания и Ф. Зимбардо (Zimbardo, Boyd, 2008) в теории временной перспективы. Эксперт в области социальной работы Д. Личти (Liechty, 2000), а также психологи П. Манли и Ф. Джонсон (Munle, Johnson, 2003) указывают на важность его размышлений об индивидуальных системах героизма и значении смерти в работе с умирающими пациентами и в психотерапии. Авторы теории генеративности, развиваемой в рамках нарративного подхода, вслед за Беккером полагают, что генеративность возникает из желания символического бессмертия (Chandler, Proulx, 2008; St Aubin, 2004; McAdams, Logan, 2004). Социологи У. Дюбуа и Д. Райт, вдохновившись трудами этого ученого, пишут о необходимости ценностной науки о человеке и гуманистической социологии (Du Bois, Wright, 2002).

Наиболее известны последние работы Беккера: «Отрицание смерти» (Becker, 1973), за которую ему была присуждена Пулитцеровская премия в жанре публи-

цистики, и изданный посмертно его женой труд «Бегство от зла» (Becker, 1975). Он подверг критике и пересмотру многие классические психоаналитические понятия, в основу человеческой деятельности поставил страх смерти и проанализировал с этой позиции индивидуальное и культурное человеческое развитие. Причиной человеческих страданий Беккер считал отчуждение в самых разных жизненных ситуациях: во взаимодействии человека и группы, двух людей, а также в отношениях человека с самим собой, когда он обращается с собой как с объектом (Чистопольская, Ениколопов, 2014б).

О смерти и бессмертии

Поздние работы Э. Беккера, «Отрицание смерти» и «Бегство от зла», можно охарактеризовать как попытку пристально рассмотреть, что есть зло для человека и как он привык с ним справляться (Becker, 1973; 1975). В первой книге представлен индивидуальный психологический анализ проблемы смерти, во второй — социокультурный, анализ человеческих обществ. В основе его размышлений — то, как человек справляется с мыслью о том, что он смертен, как пытается избежать смерти, как он ее понимает и представляет.

Человек — единственное существо, ожидающее свою смерть, рассуждает Беккер. Культура подавляет человека не для того, чтобы уменьшить проявление его инстинктов (теория классического психоанализа), а чтобы он избежал мыслей о смерти. Первичной репрессии подвержено сознание смерти, а не сексуальность. Человек строит характерные защиты, чтобы избавиться от страха смерти (и страха перед чистым бытием). Они жизненно необходимы ему; он не может без них существовать. Одновременно человек никогда не может чувствовать абсолютную уверенность в себе. Как тело не является для человека полностью им самим, так и защиты характера были когда-то привнесены извне (поэтому ему постоянно необходимо подтверждение собственной правоты).

Человек не может отказаться от области символического, а значит, от своих характерных защит. Все его развитие происходит из наложения ограничений на естественные проявления. Вытеснение исполняет витальную функцию, позволяя действовать без тревоги. Это представляет собой безмерное расширение опыта и возможного контроля, естественное стремление к жизненной силе, экспансии. Жизнь в теле — не «все, что мы имеем», если у нас есть это. Чтобы развиваться, это должно иметь возможность отрицания, связывать время, остановить тело. Зрелость — способность видеть и ограничения, и возможность в определенном балансе, в который человек может творчески уместиться. Человеку необходим «миф внутренней жизни»: убеждения о реальности влияют на реальные действия людей; они помогают новому войти в мир.

Последняя работа Э. Беккера «Бегство от зла» (Becker, 1975) посвящена концепции бессмертия. Он анализирует различные религиозные системы, на которых строились общества от первобытных и до наших дней, — с точки зрения того, насколько безопасно они защищали людей от страха смерти и от самой смерти. Ближе всего ему была модель племенного общества, но до того как вождь стал воплощением бога. Помещение божественного в сферу видимого привело к перевесу власти, обесцениванию жизнью подданных (в некоторых обществах они,

в соответствии с верованиями, даже не имели души). Возникла необходимость в усердном доказательстве бессмертия, что осуществлялось, в первую очередь, через смерть врагов («удача — это когда стрела попадает в стоящего рядом», цитирует Беккер Аристотеля). По мнению автора, христианство совершало попытку к возвращению равенства, но она не вполне удалась.

Идеология бессмертия обнаруживается в физическом родителстве, в продолжении рода, когда ребенок является духовной собственностью семьи, не имеет права на личный выбор. Деньги, накопление — тоже форма преодоления смерти, так как монеты, появившиеся впервые в религиозных культах, воспринимаются как несущие в себе отпечаток божественного. В «одномерном» атеистическом обществе люди бессознательно продолжают опираться на многие способы достижения бессмертия, избегания осознания своей смертной природы. Беккер полагает, что человеку необходима некоторая система, картина мира, включающая область трансцендентного, но при этом она должна быть критичной, учитывающей хрупкость жизни в настоящем.

Современная теория: управление страхом смерти

В 1986 г. Дж. Гринбергом, Т. Пыжински и Ш. Соломоном была предложена теория управления страхом, которая продолжает идеи Эрнеста Беккера в сфере социальной психологии как эмпирической науки (Greenberg, Pyszczynski, Solomon, 1986). Это острая и неординарная концепция, вызвавшая много споров в психологической литературе (Чистопольская, Ениколопов, 2014а). На данный момент в ее рамках проведено более 400 исследований в разных странах. Авторы полагают, что большая часть человеческого поведения может быть понята как попытка достичь психологического равновесия перед лицом осознания своей смертной природы. Люди достигают этого спокойствия через культуру, которая поднимает их над остальными животными. Культурный буфер тревоги состоит из (а) веры в культурную картину мира и (б) самооценки, которая выводится из жизни по стандартам этой картины мира. Культурная картина мира — это набор хороших концепций для понимания мира и собственного места в нем, совокупность стандартов, через которые человек достигает чувства личной ценности и обещания буквального и/или символического бессмертия для тех, кто живет по этим стандартам. Самооценка — это чувство личной ценности, социальный конструкт, основанный на разделяемой окружающими концепции реальности, которая требует постоянного подтверждения, в основном со стороны носителей своей культуры (Pyszczynski et al., 2004).

Сравнительные исследования демонстрируют, что эффекты защиты от страха смерти специфичны для напоминаний о смерти и не встречаются при просьбе подумать о других неприятных событиях (провал на важном экзамене, исключение из социума, паралич и др.). Авторы разработали модель двойного процесса защиты от сознательных и бессознательных мыслей о смерти. Если человек непосредственно размышляет о смерти, действуют проксимальные защиты. Они подавляют мысли о смерти и отодвигают событие в будущее, отрицая факторы, которые делают человека склонным к преждевременной смерти. Если мысли о смерти не попадают в фокус сознания, вовлекаются дистальные защиты — под-

держка веры через создание определенной картины мира и самооценка (Arndt et al., 1997).

Авторы теории, основываясь на допущениях Э. Беккера (Becker 1973) и теории привязанности Дж. Боулби, выделили дополнительную систему защиты от смерти — отношения привязанности (Hart et al., 2005). Предполагается, что люди с разными стилями привязанности (надежный, избегающий, или тревожно-амбивалентный) отдают предпочтения разным защитам: близким отношениям, культурной картине мира или самооценке (Mikulincer et al., 2003). В соответствии с теорией Боулби, система привязанности активируется в трудные для человека времена и служит трем важным психологическим функциям: с ее помощью люди достигают близости, безопасности и надежной основы, с которой они могут начать новое поведение, например исследование или дружбу. Негативный опыт в ранних привязанностях приводит людей к тому, что они начинают больше полагаться на другие способы защиты от смерти, т.е. отношения привязанности — главная и первая защита человека от страха смерти и других угроз. В целом обдумывание смерти увеличивало чувство преданности в романтических отношениях; напоминание о текущих отношениях уменьшало необходимость в других защитах (как картина мира и самооценка); напоминание о возможных прерываниях отношений приводило к актуализации мыслей о смерти (это происходило, когда просили представить реальную угрозу чувству длительности и связности, которое человек испытывает в длительных близких отношениях). Исследователи пытались понять, какие защиты для человека предпочтительнее, и в ряде экспериментов показали, что люди предпочитают оставаться в отношениях и поступаются картиной мира и самооценкой.

Другая интересная часть работ в рамках теории управления страхом касается ностальгии. Авторы определили ностальгию как значимую для «Я», в целом позитивную эмоцию с «горько-сладким» компонентом. Люди вспоминают своих любимых и близких, а также социальный контекст в целом (Sedikides et al., 2008). Когда в воспоминаниях возникали описания отрицательных переживаний: разочарований, потерь, физического увечья, разлуки и даже смерти любимых, чаще всего истории выстраивались, формируя «последовательность искупления». Это нарративный паттерн (McAdams, Logan, 2004), при котором человек движется в описании событий от несчастья к его смягчению, улучшению, находит какие-то позитивные черты в происшедшем (иначе говоря, «все хорошо, что хорошо кончается»). «Последовательность смешения», когда хорошее изменяется в худшую сторону, наблюдалась значительно реже. Люди испытывают ностальгию чаще всего в ситуациях одиночества и печали, и, как предполагают исследователи, это происходит потому, что ностальгия способна дать человеку некоторое равновесие. Это соответствует исследованию Зимбардо и Бойда по временной перспективе: студенты, у которых преобладала шкала позитивного прошлого, были чаще вовлечены в текущие романтические и дружеские отношения и менее склонны к рисковому поведению (Zimbardo, Boyd, 2008). Ностальгия облегчает переживание длительности «Я», когда происходят опыты прерывания этой длительности (Sedikides et al., 2008).

Рутледж и коллеги, изучая творчество с позиции теории управления страхом (Routledge, Arndt, Sheldon, 2004), пришли к выводу, что после обдумывания смер-

ти творчество уменьшает страх смерти, и после творческой активности людям уже не требуется защита через культурную картину мира. Однако защита от смерти через творчество тоже имеет слабую сторону: оно, как и отношения привязанности, может увеличивать чувство вины (Arndt et al., 1999; Mikulincer et al., 2003). Поскольку творчество является средством индивидуации, оно становится проблематичным после обдумывания смерти, если человек не имеет надежной основы: ассимиляции с другими людьми.

Дальнейшее развитие идей

В 2011 г. возникло продолжение ТМТ — теория разрушения буфера тревожности, сформулированная на базе исследований людей с симптомами ПТСР, переживших землетрясение (Иран), военные действия (Кот-д’Ивуар), семейное насилие (Польша), смерть близкого (США) (Pyszczynski, Kesebir, 2011). Обнаружилось, что люди с относительным небольшим опытом травматических событий и неярко выраженными диссоциативными симптомами более склонны к классическим защитам, описанным в ТМТ (приверженность своей культуре, осуждение нарушителей, снижение доступности мыслей о смерти, повышение самооценки). Люди, пережившие более глубокую травму и имеющие развернутую картину ПТСР (навязчивые воспоминания, гипервозбуждение, избегание), напротив, демонстрируют отсутствие защит при одновременном росте эмоционального беспокойства. Наше исследование людей с разным опытом суицидальных попыток дало сходные результаты (Чистопольская, Ениколопов, 2013, 2015).

Согласно ТМТ, опора на внутренние, истинные ценности — по теории самоопределения Э. Деси и Р. Райана (родство, компетентность, автономия) — приводит к меньшим защитам, чем внешние, наносные (красота, слава, богатство) (Arndt et al., 2002; Deci, Ryan, 1985). То же происходит и с истинной, глубокой религиозностью, по Г. Олпорту, в противовес социально желательной (Jonas, Fischer, 2006). Была разработана модель управления страхом смерти в сфере физического здоровья (Goldenberg, Arndt, 2008) и опоры на просоциальные ценности (Vail et al., 2012). В целом было показано, что позитивный ответ возможен, но для него требуется больше усилий. Чем выше когнитивный диссонанс, тем человеку сложнее, но начальная приверженность внутренним ценностям или напоминание о них перед манипуляцией на тему смерти часто дает симметричный поведенческий ответ. Люди действительно склонны объединяться против быстро возникающего образа врага, но если им предложить широкие общности (человечество) и угрозу (изменение климата), они способны предпочесть эти ценности поиску «козлов отпущения».

ТМТ способствовала возникновению теории управления смыслом (Wong et al., 1994). По убеждению П. Вонга, люди, которые боятся смерти и стараются избегать напоминаний о ней в повседневности, крайне привязаны к жизни. Люди в тяжелых жизненных обстоятельствах или в ситуации близости к смерти принимают смерть как бегство и даже предвкушают ее, черпают смысл жизни из религиозных или других учений о жизни после смерти, или же смерть просто кажется им более привлекательной, чем жизнь. Наиболее «здоровым», благоприятным, по мнению П. Вонга, является нейтральное принятие смерти — взгляд на нее как на естественное, неизбежное и неотвратимое явление.

Авторы теории амебного «Я» (Burgis, Rempel, 2008), не оспаривая ТМТ, вписали ее в свою концепцию, по которой смерть означает конец телесного, социального и пространственно-символического «Я», конец мотивов поглощения, сопротивления и очищения. Но их больше интересуют «маленькие смерти», которые обладают способностью дезориентировать человека, не вызывая мыслей о смерти.

Р. Баумайстер дополнил ТМТ исследованиями саморегуляции. Зная, что эффекты напоминания о смерти работают после отсрочки (Arndt et al., 1997), он исследовал как раз момент этой отсрочки (DeWall, Baumeister, 2007). Показано, что автоматический процесс совладания заключается в ориентировке на эмоционально позитивную, приятную информацию и ассоциации. Этот процесс возникает быстро, и люди его не осознают. Он назвал это открытие парадоксальным, противоречащим здравому смыслу. В одном эксперименте он просил участников предсказать, как они поведут себя после напоминания о смерти, и их ответ был полностью противоположным: они ожидали, что никаких позитивных ассоциаций это действие не вызовет. Р. Баумайстер и коллеги доказали, что саморегуляция играет ключевую роль в совладании с мыслями о смерти и вызванной ими тревогой (Galliot et al., 2006). Люди с высоким самоконтролем обнаруживали значительно меньше мыслей, связанных со смертью, сообщали о более низкой тревоге и реагировали с меньшей защитой картины мира. Однако совладание с мыслями о смерти приводило к истощению саморегуляции, что выражалось в сниженных показателях в заданиях на самоконтроль.

Заключение

Э. Беккер писал, что основой человеческого функционирования является страх смерти, от которого человек защищается с помощью личного проекта *causa sui*, а также различных идеологий бессмертия (Becker, 1973, 1975). В более ранних работах он указывал, что человек прочно вписан в общество через чувства-маркеры социального принуждения: тревогу, стыд, вину (Becker, 1972, 1974). Благодаря им люди связывают опыт, а с помощью прощения и любви позволяют себе новый опыт и новую спонтанность. Современные подходы к исследованию страха смерти, опирающиеся на его концепцию, точно повторяют его идеи и доказывают их на практике, в том числе и российских авторов (Ениколопов, Мкртчян, 2010; Прусова, 2015; Чистопольская, Ениколопов, 2013, 2015).

Литература

- Ениколопов С. Н., Мкртчян А. А. Психологические последствия терроризма и роль СМИ в процессе их формирования // Национальный психологический журнал. 2010. Т. 4. № 2. С. 41–46.
- Прусова И. С. Влияние страха смерти на представление об идеальном политике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 3. С. 41–51.
- Чистопольская К. А., Ениколопов С. Н. Проблема отношения к смерти после суицидальной попытки // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2013. Т. 19. № 2. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 21.09.2016).

- Чистопольская К. А., Ениколопов С. Н.* Концепция поведенческого времени Эрнеста Беккера и современность // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2014а. №4. С. 1–19.
- Чистопольская К. А., Ениколопов С. Н.* Теория управления страхом смерти: основы, критика и развитие // Вопросы психологии. 2014б. №2. С. 125–142.
- Чистопольская К. А., Ениколопов С. Н.* Отношение к смерти после попытки самоубийства: стигматизация и самостигматизация суицидальных пациентов // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. Т. 11. № 1. С. 8–20.
- Arndt J., Greenberg J., Solomon S., Pyszczynski T., & Simon L.* Suppression, accessibility of death-related thoughts and cultural worldview defense: Exploring the psychodynamics of terror management // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. V. 73. № 5. P. 5–18.
- Arndt J., Greenberg J., Solomon S., Pyszczynski T., Schimel J.* Creativity and Terror Management: Evidence that Creative Activity Increases Guilt and Social Projection Following Mortality Salience // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. V. 77. № 1. P. 19–32.
- Arndt J., Schimel J., Greenberg J., Pyszczynski T.* The intrinsic self and defensiveness: Evidence that activating the intrinsic self reduces self-handicapping and conformity // Personality and Social Psychology Bulletin. 2002. V. 28. № 5. P. 671–683.
- Baumeister R.* Anxiety and deconstruction: On escaping the self // Self-inference processes: The Ontario Symposium / Eds J. Olson, M. Zanna. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1990. V. 6. P. 259–291.
- Becker E.* The Birth and Death of Meaning: An Interdisciplinary Perspective on the Problem of Man. Harmondsworth, 1972.
- Becker E.* The denial of death. N. Y., 1973.
- Becker E.* Revolution in psychiatry: A new understanding of man. N. Y., 1974.
- Becker E.* Escape from evil. N. Y., 1975.
- Burriss C., Rempel J.* Spanning time: An amoebic self-perspective // Self-continuity: Individual and collective perspectives / Ed. by Fabio Sani. N. Y., 2008. P. 227–239.
- Chandler M., Proulx T.* Personal persistence and persistent peoples: Continuities in the lives of individuals and whole cultural communities // Self-Continuity: Individual and collective perspectives / Ed. by F. Sani. N. Y., 2008. P. 213–226.
- Deci E., Ryan R.* Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. N. Y., 1985.
- DeWall C., Baumeister R.* From terror to joy: Automatic tuning to positive affective information following mortality salience // Psychological science. 2007. V. 18. № 11. P. 984–990.
- Du Bois W., Wright D.* What is humanistic sociology? // American Sociologist. 2002. V. 33. № 4. P. 5–36.
- Galliot M., Schmeichel B., Baumeister R.* Self-regulatory processes defend against the threat of death: effects of self-control depletion and trait self-control on thoughts and fears of dying // Journal of personality and social psychology. 2006. V. 91. № 1. P. 49–62.
- Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S.* The causes and consequences of a need for self-esteem: a terror management theory // Public self and private self / Ed. by R. F. Baumeister. N. Y., 1986. P. 189–212.
- Goldenberg J., Arndt J.* The implications of death for health: A terror management health model for behavioral health promotion // Psychological Review. 2008. V. 115. № 4. P. 1032–1053.
- Hart J., Shaver P., Goldenberg J.* Attachment, self-esteem, worldviews: Evidence for a tripartite security system // Journal of personality and social psychology. 2005. V. 88. № 6. P. 999–1013.
- Jonas E., Fischer P.* Terror management and religion: Evidence that intrinsic religiousness mitigates worldview defense following mortality salience // Journal of personality and social psychology. 2006. V. 91. № 3. P. 553–567.

- Liechty D.* Touching mortality, touching strength: Clinical work with dying patients // *Journal of Religion and Health*. 2000. V. 39. № 3. P. 247–259.
- McAdams D. P., Logan R. L.* What is generativity? // *The generative society: Caring for future generation* / Ed. by Ed de St Aubin, D. McAdams, T.-C. Kim. Washington, 2004. P. 15–32.
- Mikulincer M., Florian V., Hirschberger G.* The existential function of close relationships: Introducing death into the science of love // *Personality and social psychology review*. 2003. V. 7. № 1. P. 20–40.
- Munley P., Johnson P.* Ernest Becker: A vital resource for counseling psychology // *Counseling psychology quarterly*. 2003. V. 16. № 4. P. 363–372.
- Pyszczynski T., Greenberg J., Solomon S., Arndt J., Schimel J.* Why do people need self-esteem? A theoretical and empirical review // *Psychological bulletin*. 2004. V. 130. № 3. P. 435–468.
- Pyszczynski T., Kesebir P.* Anxiety buffer disruption theory: A terror management account of posttraumatic stress disorder // *Anxiety, stress and coping: An international journal*. 2011. V. 24. № 1. P. 3–26.
- Routledge C., Arndt J., Sheldon K. M.* Task engagement after mortality salience: The effects of creativity, conformity, and connectedness on worldview defense // *European journal of social psychology*. 2004. V. 34. № 4. P. 477–487.
- Sedikides C., Wildschut T., Routledge C., Arndt J.* Nostalgia as enabler of self-continuity // *Self-continuity: Individual and collective perspectives* / Ed. by F. Sani. N. Y., 2008. P. 227–239.
- St Aubin de E.* The Propagation of genes and memes: Generativity through culture in Japan and the United States // *The generative society: Caring for future generation* / Ed. by Ed de St. Aubin, D. P. McAdams, T.-C. Kim. Washington, 2004. P. 63–82.
- Vail K., Juhl J., Arndt J., Vess M., Routledge C., Ruitjens B.* When death is good for life: Considering the positive trajectories of terror management // *Personality and social psychology review*. 2012. V. 20. № 10. P. 1–27.
- Wildschut T., Sedikides C., Arndt J., Routledge C.* Nostalgia: Content, triggers, functions // *Journal of personality and social psychology*. 2006. V. 91. № 5. P. 975–993.
- Wong P. T., Reker G. T., Gesser G.* Death-attitude profile-revised: A multidimensional measure of attitudes toward death // *Death anxiety handbook: Research, instrumentation and application* / Ed. R. Neimeyer. N. Y., 1994. P. 121–148.
- Zimbardo P., Boyd J.* The time paradox: The new psychology of time that can change your life. N. Y., 2008.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

**ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ОБЩЕСТВ, ШКОЛ, НАУЧНЫХ,
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ**

К столетию первых съездов по экспериментальной педагогике в России¹

В. В. Аншакова (Астрахань), В. А. Кольцова (Москва)

Психология как самостоятельная научная дисциплина, выйдя на авансцену истории в конце XIX в., завладела умами миллионов людей на планете. С ее помощью предполагалось решить многие проблемы, встающие перед людьми в различных областях жизни и деятельности, приобрести, по выражению Н. Я. Грота, «новые точки опоры для правильного учения о мире и жизни», освещения загадок бытия и выяснения «смысла вопросов, которые вечно терзали человеческий дух». В Германии, а позднее и в других странах, в том числе и в России, открывались экспериментальные психологические лаборатории, создавались и функционировали психологические общества, издавалась психологическая литература, выходили периодические издания — журналы, альманахи, научные обзоры и т. д. В частности, «для выражения некоторых вновь возникающих у нас направлений мысли и общественных стремлений» начал издаваться под редакцией Н. Я. Грота первый психологический журнал «Вопросы философии и психологии».

Маститые ученые, известные исследователи, студенты, воспитатели и учителя, врачи, юристы, инженеры — все, кто были увлечены психологией и видели в ней инструмент для изменения жизни в широком смысле слова, — нуждались в обмене мнениями, широком обсуждении интересующих общество вопросов. Идея о необходимости организации съездов по психологии витала в воздухе, сама атмосфера, казалось, была психологизирована; можно сказать, что в начале XX столетия в России наблюдался своеобразный психологический бум.

Вспомним хронологию первых психологических съездов. Первый съезд по педагогической психологии открылся 31 мая 1906 г. и продолжался 5 дней. Вторым съездом по педагогической психологии собрался через три года — в 1909 г. — и работал с 1 по 5 июня. В дальнейшем съезды стали называться съездами по экспериментальной педагогике в связи с накоплением обширного экспериментального

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-06-10857.

материала, появлением многочисленных лабораторий и особенно первой экспериментальной лаборатории по изучению детской психологии (1901), организатором и руководителем которой был А. П. Нечаев.

Работать в этом новом психологическом центре пригласили лучших специалистов того времени — А. Ф. Лазурского, А. А. Крогиуса, В. И. Вартанова, Н. П. Гундобина, Г. И. Россолимо и др. Лаборатория была оснащена современными экспериментальными приборами и аппаратурными методиками. Отдельные приборы изготовлялись по специальному заказу в Лейпциге в известной фирме «Э. Циммерман». Лабораторное оборудование неоднократно экспонировалось на различных выставках как у нас в стране («Детский мир», 1903; «Оборудование школы», 1906; «Гигиеническая выставка», 1911), так и за рубежом (Женева, 1908; Франкфурт-на-Майне, 1909; Берлин, 1912) и всегда удостоивалось высших наград.

И хотя с именем А. П. Нечаева связывают, как правило, разработку отечественной педагогической психологии, он внес существенный вклад в развитие и других отраслей психологической науки — авиационной психологии, психологии труда, возрастной психологии, психологии творчества и др.

В начале XX в. психологические и педагогические общества создавались уже не только в столичных городах, но и на периферии, например, в Астрахани. Периодические психолого-педагогические издания расширяли свою тематику и увеличивали тиражи. Важным событием в этом ряду явилось открытие учебного заведения — Педагогической академии. При Академии была организована и экспериментальная школа, обучение в которой велось исходя из индивидуальных особенностей психики ребенка.

Накопленный практический материал был востребован педагогическим сообществом. Еще в 1899 г., находясь на стажировке в экспериментальной психологической лаборатории В. Вундта, в одной из своих статей А. П. Нечаев сожалел о том, что психологи владеют приемами изучения психики, но не имеют «исследуемого материала», а школьные педагоги имеют богатый материал, но не знают, как его оценить. Соединению науки и практики как раз и способствовали съезды по экспериментальной педагогике.

Первый всероссийский съезд по экспериментальной педагогике проходил в Санкт-Петербурге в 1910 г. (с 26 по 31 декабря); второй — в 1913 г. (с 26 по 31 декабря). На этом съезде была предпринята попытка анализа и обобщения накопленного экспериментальной педагогикой за предшествующее десятилетие материала. В основном были представлены результаты исследовательской работы, проводимой под руководством А. П. Нечаева.

Третий съезд по экспериментальной педагогике работал уже в переименованном Санкт-Петербурге — Петрограде — в 1916 г. (2–7 января). Тематика обсуждаемых проблем касалась как теоретических, так и практических вопросов. Обращение к программе съездов приводит к выводу о том, что вопросы, поднимаемые для обсуждения, созвучны тем, которые и сегодня дискутируются в педагогическом сообществе: психологические основы обучения и воспитания; роль искусства в развитии ребенка; взаимосвязь психологии и школьной гигиены; особенности дошкольного воспитания; требования к подготовке педагогических кадров; методика преподавания различных предметов; положение детей, не посещающих

школу; причины и пути предотвращения школьной утомляемости; исследование мышления ребенка; динамика работоспособности школьников в течение дня; одаренность и ее диагностика; занятия рисованием и лепкой как средства развития ребенка; умственная недостаточность и отбор детей во вспомогательные классы; организация психологических кабинетов для помощи родителям в воспитании детей.

Сто лет назад, как и сейчас, актуальными были вопросы реформирования системы образования, поиска путей совершенствования процессов обучения и нравственного воспитания учащихся.

Психологии при этом отводилась роль средства, с помощью которого удастся решить важнейшие задачи образования. Все участники съезда были единодушны в признании недостаточности только «философских рассуждений о существе и смысле воспитания» и необходимости глубокого психологического изучения законов развития «детской души». Безусловно, все понимали, что это путь «трудный и утомительный, но единственно верный и надежный».

Роль первых психологических съездов состояла также в пропаганде психолого-педагогических знаний, педагогической профессии, повышения интереса к преподавательской деятельности.

Приветствуя Первый всероссийский съезд по экспериментальной педагогике от Военно-медицинской академии, Психоневрологического института, Женского медицинского института, В. М. Бехтерев отметил, что задача съезда состоит в «отыскании новых путей, новых приемов обучения и создании новых начал для оздоровления школы» (Бехтерев, 1911, с. 12). В своей речи он указал на тесную взаимосвязь культуры и образования со здоровьем нации, подчеркнул «близость интересов педагогов и врачей в школьном деле», призвал педагогическую общественность сотрудничать в решении задач воспитания здорового человека и выразил надежду «в оздоровлении школы», сравнивая ее с полем чистых колосьев, которое даст доброкачественное зерно.

Съезды стали событием большой общественной значимости. Об этом свидетельствуют обширная география и количество участников, число приветственных телеграмм и выступлений от имени различных учебных и научных учреждений, педагогических обществ и других общественных организаций — как отечественных, так и зарубежных.

Обилие и разнообразие откликов на происходящие психологические форумы в печати также говорят об общественном резонансе, который получили съезды. Часто споры, начавшиеся на заседаниях съездов, переносились на страницы периодических изданий (известна полемика между Г. И. Челпановым и А. П. Нечаевым; Г. И. Челпановым и Г. И. Россолимо).

Много разногласий вызвал вопрос об участии учителей в сборе эмпирического материала. Так, Н. Н. Ланге в своем выступлении не отрицал возможности проведения массовых экспериментальных исследований силами учителей, но считал, что анализ собранного материала должен проводиться специалистами. Эта мысль Н. Н. Ланге интересна в том отношении, что им предполагался особый тип психологического экспериментального исследования — иной, чем у Г. И. Челпанова. Это было исследование, вышедшее из стен кабинета в жизнь и оперирующее конкретными фактами психической деятельности человека.

Замечание Г. И. Челпанова, сторонника интроспекции, являющейся, по его мнению, главным методом изучения психики, о дилетантстве различных «любителей психологии» многие расценили как стремление вообще снизить роль эксперимента в психологической науке. Челпанов считал, что эксперимент не внес ничего принципиально нового ни в методы, ни в задачи психологии. Возражая ему, П. О. Эфрусси подчеркнула, что важнейшее преимущество эксперимента состоит в возможности объективного контроля, поскольку опыты могли быть воспроизведены, а выводы проверены как самим исследователем, так и другими учеными.

В своем выступлении А. Н. Бернштейн указал на невозможность использования самонаблюдения при изучении психики детей и душевнобольных. По мнению Н. Н. Ланге, ошибочным является утверждение Г. И. Челпанова о том, что самонаблюдение является более простым методом, чем эксперимент, так как предполагается систематическое обучение самонаблюдению, наличие у испытуемого определенного объема психологических знаний, правильное употребление терминологии. В силу этого самонаблюдение не является популярным и общедоступным методом.

Несмотря на протесты Г. И. Челпанова, его выступление восприняли как направленное против экспериментальной психологии в целом.

Вопрос о предмете и задачах педагогической психологии освещался на Втором съезде по педагогической психологии (1916) в докладах Н. Н. Ланге и Н. Д. Виноградова.

Оживленная дискуссия, начавшаяся на съезде и получившая продолжение в печати, развернулась при обсуждении вопроса о возможностях использования тестов как метода диагностики одаренности школьников (Г. Н. Россолимо и А. М. Шуберт). Начало дискуссии было положено докладом Г. И. Россолимо о его «методе профилей», который должен служить средством быстрой, с применением очень простых приемов диагностики индивидуальных различий детей по их умственным способностям. Россолимо не называл предложенные им приемы тестами, но по существу они были испытаниями подобного типа. Этот период в стране как раз ознаменовался растущим увлечением тестами. Тогда же началась и борьба с ними.

Г. И. Челпанов, его ученики К. Н. Корнилов и Н. А. Рыбников упрекали Г. И. Россолимо в том, что он подбирает свои испытания чисто эмпирически, не понимая того, что собирается измерять. Критиковали Россолимо и за применяемый им понятийный аппарат. В частности, говоря о предмете измерения, Россолимо пользуется несколькими дефинициями: «психологическая конструкция», «конструкция личности», «интеллектуальная наличность», «интеллект». Термины «одаренность», «психомеханика», «состояние психических функций» понимались ученым как синонимичные.

Критикуя Россолимо, оппоненты утверждали, что психология пока не располагает адекватным инструментарием для «определения размера одаренности».

Проведенный анализ показывает, что вопросы, обсуждавшиеся на первых психологических съездах, не утратили своей актуальности и по прошествии ста лет. Активные дискуссии по ключевым вопросам психологии, касающиеся роли психологии в обществе, места и форм эксперимента в психологическом исследо-

вании, взаимоотношений педагогики и психологии, задач и методов педагогической психологии, способов исследования индивидуальных различий и способностей, способствовали разработке теоретических основ отечественной психологической науки, критическому осмыслению различных подходов к исследованию психического, стимулировали включение ученых в решение стоящих перед психологией задач.

Литература

- Бехтерев В. М.* Приветственная речь на открытии Первого всероссийского съезда по экспериментальной педагогике // Труды Первого всероссийского съезда по экспериментальной педагогике в С.-Петербурге с 26 по 31 декабря 1910 г.: Отчет, составленный секретарем съезда Н. Е. Румянцевым. СПб., 1911. С. 11–12.
- Грот Н. Я.* О задачах журнала // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 1. С. V–XX.
- Румянцева Н. Е.* Первый всероссийский съезд по экспериментальной педагогике // Ежегодник экспериментальной педагогики. 1911. Т. 4.
- Труды Второго всероссийского съезда по педагогической психологии в С.-Петербурге в 1909 г. (1–5 июня): Отчет, составленный секретарем съезда М. И. Коновым при содействии секретарей съезда А. И. Неклюдовой и Н. Е. Румянцевой. СПб., 1910.
- Труды Второго всероссийского съезда по экспериментальной педагогике в Петрограде с 26 по 31 декабря 1913 г.: Отчет, составленный секретарем съезда И. В. Эвергетовым. Петербург, 1914.
- Труды Первого всероссийского съезда по педагогической психологии в С.-Петербурге в 1906 г. (31 мая–4 июня): Отчет, составленный секретарем съезда М. И. Коновым. СПб., 1906.
- Труды Первого всероссийского съезда по экспериментальной педагогике в С.-Петербурге с 26 по 31 декабря 1910 г.: Отчет, составленный секретарем съезда Н. Е. Румянцевым. СПб., 1911.
- Труды Первого всероссийского съезда учителей городских по Положению 1872 г. училищ 7–14 июня 1909 г. / Под ред. В. А. Самсонова и Г. Г. Тушина. В 2 т. СПб., 1910. Т. 2.
- Щелованов Н. М.* Отчет о деятельности Третьего съезда по экспериментальной педагогике // Вестник психологии. 1916. Т. 12.
- Личный архив А. П. Нечаева // Научный архив ИП РАН, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 25.

Московское психологическое общество конца XIX–начала XXI века и его роль на разных этапах развития России

Д. Б. Богоявленская (Москва)

Юбилеи Московского психологического общества (далее – МПО) традиционно отмечаются в легендарной «Челпановской аудитории» Психологического института, где с момента его открытия в течение более столетия проходят заседания Общества. «Это важно для сохранения традиций, заложенных основателями Общества: чтобы те, кто начал это значимое для становления и развития нашей науки дело, услышали нас, чтобы знали, что оно живет, что мы помним и чтим заложенные ими традиции» (Богоявленская, 2015, с. 3).

Именно так начиналось предисловие к пятитомному изданию материалов конференции, посвященной 130-летию юбилею Московского психологического общества¹, включающему статьи 1300 участников конференции. Тематика докладов конференции была распределена по 50 секциям, на которых заслушано около 500 докладов. Пленарные доклады и дискуссии, ряд круглых столов дополнили программу юбилейной конференции (Программа..., 2015). Мощь этого события сопоставима со значимостью самого факта образования МПО для психологической науки и сообщества психологов. Почему организация Общества стала столь значимым событием? В чем заслуга инициаторов его учреждения?

Как известно, психология занимает центральное место в системе научного знания. Согласно классификации наук Б. М. Кедрова, она находится в центре квадрата на пересечении диагоналей, идущих из его вершин, обозначающих гуманитарные и естественные науки, технику и философию. Как бы предвосхищая такое положение психологии в системе наук, инициатор организации Общества М. М. Троицкий (1835–1899) обосновывал необходимость в его создании задачами более интенсивного развития молодой науки. Причину отставания психологии от других наук он видел в самой специфике ее предмета – самого сложного по сравнению с другими науками. Для ее успешной разработки необходимо объединение знаний из разных отраслей науки – антропологии, физиологии, анатомии, этнографии, истории, лингвистики. Это и привело заведующего кафедрой философии историко-философского факультета Московского университета Матвея Михайловича Троицкого к выводу о необходимости учреждения Психологического общества, которое бы объединяло представителей отраслей знания, важных для развития психологии. Поэтому Московский университет с его факультетами, представляющими основные направления развития науки, соответствовал задаче объединения наук. Коллеги с других факультетов поддержали идею создания Общества и вошли в состав учредителей. Это были известные ученые: *филологи* (Всеволод Федорович Миллер, Николай Ильич Стороженко,

1 Всероссийская конференция с международным участием «От истоков к современности», посвященная 130-летию создания Психологического общества при Московском университете (29 сентября–1 октября 2015 г., Москва).

Филипп Федорович Фортунатов); *юристы* (Николай Андреевич Зверев, Георгий Евграфович Колоколов; Сергей Андреевич Муромцев); *социолог, правовед и этнограф* Максим Максимович Ковалевский; *экономист* Александр Иванович Чупров; *антрополог* Дмитрий Николаевич Анучин; *зоолог, антрополог* Анатолий Петрович Богданов; *зоолог* Сергей Алексеевич Усов; *физиолог* Федор Петрович Шереметьевский; *математик* Николай Васильевич Бугаев *невропатолог и психиатр* Алексей Яковлевич Кожевников; *доктор медицины*, руководитель кафедры судебной медицины на юридическом факультете Виктор Алексеевич Легонин.

15 июля 1884 г. Министр Народного просвещения утвердил Устав Общества, в соответствии с которым Психологическое общество, состоящее при Императорском Московском университете, имеет целью «разработку Психологии в ее составе, приложениях и истории и распространение психологических знаний в России... Означенной цели Общество достигает обсуждением в своих заседаниях вопросов: а) системы Психологии во всех формах ее обработки; в) приложения психологических учений к разработке других наук, как то: Логики, Морали, Философии права, Эстетики, Педагогике и т. д.; и в) истории Психологии и ее приложений в древнее и новое время...» (Устав..., 1885, с. 3).

Учрежденное под названием «психологическое», Общество отражало понимание М. М. Троицким места и роли психологии в философии и науках: психология признавалась общей основой многих научных дисциплин и философских наук. Нерасторжимую связь психологии с философией философ и психолог Г. Г. Шпет, активный член Общества с 1907 г., называл «природной связью», подчеркивая, что «у психологии есть один путь, который прямо ведет ее к философии» (Шпет, 1996, с. 47). Эту мысль он выразил в статье «Один путь психологии, и куда он ведет» (Шпет, 1996), опубликованной в сборнике, которым МПО отметило 30-летие научно-педагогической деятельности Льва Михайловича Лопатина, члена МПО с момента его основания и его Председателя в 1899–1920 гг., редактора журнала «Вопросы философии и психологии» на протяжении многих лет (Философский..., 2012).

На первом заседании 24 января 1885 г., которое носило организационный характер, были избраны члены Совета общества, определено место проведения его заседаний. Председателем МПО был избран профессор Московского университета М. М. Троицкий, по инициативе которого оно и было создано.

Прошло 130 лет с того времени. В деятельности Общества это не сплошная, непрерывная траектория; она дважды прерывалась вследствие революционных преобразований общественного строя, что четко разграничивает работу МПО на разные периоды. При этом роль МПО меняется в зависимости от общей социальной ситуации в стране.

Первый период деятельности МПО

На первом публичном заседании МПО 14 марта 1885 г. М. М. Троицкий произнес большую речь «Современное учение о задачах и методах психологии», в которой изложил взгляды на задачи психологии и МПО (Троицкий, 1885). Центральной мыслью его выступления было положение о необходимости регулярного междисциплинарного взаимодействия психологии с другими науками внутри универ-

ситетского сообщества. Опираясь на авторитетных ученых, он раскрыл значение изучения связи духа, психических фактов с фактами телесными — как в здоровом организме, так и при болезненных изменениях его строения и функций. Отсюда вытекало утверждение о необходимости для разработки науки о духе знаний из области анатомии, физиологии, психиатрии. Факты исторического развития психических сил человека вместе с успехами культуры — свидетельство значения для разработки психологии достижений в области изучения истории общества и культуры, языка, этнографии. Психология человека должна разрабатываться также в сравнении с психикой животных. Свой обзор М. М. Троицкий завершил выводом о значении психологии для логики, философии права, эстетики, педагогики, для теории общества и практической политики и т. д. В последующем всей своей деятельностью Психологическое общество утверждало эту идею объединения наук как гуманитарного, так и естественно-научного профиля, необходимости научной образованности для развития философско-психологического мышления в целях синтетического исследования психологических проблем.

В этот период деятельность Психологического общества имела следующие направления.

1. *Проведение научных заседаний* (2 раза в месяц) с обсуждением докладов по широкому кругу психологических, философских проблем, проблем психопатологии, этики и психологии.
2. *Издание «Трудов Московского Психологического общества»* с целью распространения философских и психологических знаний в России. «Труды» (выходили в 1888—1894 гг.; выпуски 1—8) включали тексты докладов членов Общества, но главным образом — переводы философско-психологической классики — работ И. Канта, К. Фишера, Б. Спинозы, Р. Декарта, Г. Лейбница.
3. Важным направлением деятельности МПО было *издание журнала «Вопросы философии и психологии»* (первый номер журнала издан в 1889 г.; последний номер (кн. 141—142) — в 1918 г.) — первого в России журнала по психологии и философии. Статьи, помещаемые в нем, в значительной степени состояли из сообщений, обсужденных на заседаниях Общества. С 1899 г. журнал издавался совместно с Философским обществом, созданным при Петербургском университете в 1897 г., став, таким образом, *общим органом русской философской и психологической мысли*. С этого времени в названии журнала указывалось: «Издание МПО при содействии Петербургского философского общества».

Л. М. Лопатина на посту председателя МПО сменил Николай Яковлевич Грот (1887—1899), в личности которого воплощались современные ему социальные и идеологические устремления русской интеллигенции. Это определяло его научную и педагогическую деятельность: желание не только обучать, но и нравственно воздействовать, формируя у слушателей определенные ценности и стремления. Поэтому задачи, которые он ставил перед собой как председатель Общества, включали не только реализацию научных исследований, но и проведение большой просветительской работы МПО, нацеленной на то, чтобы сделать достижения науки достоянием всего общества. В уставе Общества эти два основных направления его деятельности представлены в виде четкой формулировки — разработка и распространение научного знания. В связи с этим часто заседания Общества

приобретали большое общественное звучание. Так, Н. Я. Грот, будучи избранным председателем общества 24 января 1887 г., уже 5 марта на годовичном распорядительном заседании Общества выступает с докладом «О свободе воле», а на заседании, состоявшемся 14 марта 1887 г., обсуждается доклад Л. Н. Толстого «О понятии жизни». Этой линии в работе Общества способствовал и созданный в ноябре 1889 г. Н. Я. Гротом журнал «Вопросы философии и психологии» (до 1893 г. издавался при участии МПО, а с 1893 г. — под грифом МПО).

Широкий размах научной деятельности и глубокие дискуссии по актуальным теоретическим вопросам, проходившие по докладам, заслушиваемым на заседаниях Общества («Об отношении методов и задач философии и психологии» Н. Я. Грота; «О внутреннем опыте и его значении для психологии и общего философского мирозерцания» П. Е. Астафьева; «О формах расстройства памяти» С. С. Корсакова; «К вопросу о цветном слухе» Г. Р. Иваницкого и др.), должны были преодолеть отчужденность между учеными разных научных ориентаций и обеспечить формирование научной школы. Этого требовала сама логика развития отечественной науки. На рубеже веков заканчивается период разработки проблем учеными-одиночками и зарождается эпоха научных школ. Грот с его энергией и преданностью науке смог привлечь к совместной плодотворной деятельности, казалось бы, несовместимых людей, воодушевить их идеей совместного творчества.

Итак, в первый период своего существования Московское психологическое общество выступало в роли прообраза *междисциплинарной научной школы*. Оно являлось продуктивной формой институционализации и организационного объединения ученых, интересовавшихся вопросами психологии.

Отметим и еще одно обстоятельство, характерное для этого периода. При установке на комплексные исследования естественно-научного характера традиционно подразумевалось, что нравственным развитием человека занимаются философские науки. Следует также учитывать, что Общество было организовано при философском факультете. Его руководители принадлежали к философско-психологической школе, сложившейся при Московском университете. В таком положении психологии — на пересечении других наук — были и плюсы, и минусы. Например, В. В. Давыдов (1930—1998), известный отечественный психолог и педагог, академик и вице-президент РАО, видел в этом опасность, полагая, что психология, находясь между этими науками, была обречена на метания между физиологической и философской редукциями. Он говорил, что предпочитает философскую. Но любая редукция есть редукция. Она искажает представление о собственных, специфических для данной науки закономерностях. Однако органическая связь психологии с философией в период ее становления не только плодотворна, но и необходима, поскольку она стимулирует к концептуализации имеющихся фактов и осмыслению их оснований, на которых психология строится. Философская образованность признавалась необходимой составляющей профессиональной подготовки психолога. Г. И. Челпанов прямо связывал такую подготовку с научностью, иначе, по его мнению, возникает опасность дилетантизма и профанации в науке. Внимание к философским и теоретическим проблемам психологии является драгоценным приобретением, важным историческим уроком и сегодня продолжает оставаться характерной особенностью московской

психологической школы. В этом плане знаменательна речь Н. Я. Грота на заседании общества 21 февраля 1893 г. «Психологическое общество и его значение в развитии философской мысли в России».

В 1895 г. Общество отмечало свой первый юбилей. На торжественном заседании 4 марта 1895 г. было заслушано три доклада: Н. Я. Грота «Устой нравственной жизни и деятельности», А. Н. Веселовского «Вольтер как мыслитель», В. П. Преображенского «О некоторых чертах психической стороны зрения». Тематика этих докладов является довольно символичной для характеристики деятельности всего общества — проблемы нравственности, философии, психологии. Эта направленность на осмысление нравственно-философских проблем сохраняется и сегодня: 12 октября 1896 г. Общество отмечало 300-летие Декарта. Через сто лет отечественные психологи отметили также уже 400-летний юбилей ученого, пригласив на конференцию философов.

После смерти Н. Я. Грота (1899) председателем МПО стал Л. М. Лопатин (1899—1918), являвшийся с 1894 г. также соредактором, а с 1905 г. — единственным и бессменным редактором журнала «Вопросы философии и психологии» вплоть до прекращения его издания (апрель 1918 г.).

Деятельность МПО под председательством Л. М. Лопатина проходила в русле тех же направлений, которые сложились и получили развитие при Н. Я. Гроде: заседания, посвященные обсуждению состояния философии и психологии; издательская деятельность; популяризация психологических знаний; интеграция ученых разных научных направлений и ориентаций. Исходя из взаимосвязи философии и нравственных проблем, Л. М. Лопатин признавал высокую значимость психологического анализа явлений *нравственного мира*, уделял большое внимание вопросам этики как в деятельности МПО в целом, так и в собственных выступлениях на заседаниях Общества и в статьях в журнале «Вопросы философии и психологии». Он считал, что философский анализ данных науки должен обеспечить создание такого учения о жизни, которое давало бы человеку более прочные и ясные начала для его нравственной деятельности. Согласно Л. М. Лопатину, в отношении к вопросам нравственности и в деятельности в области теоретической психологии не должно быть «двойной бухгалтерии». «Если бы мы больше чувствовали нравственный смысл наших теоретических взглядов и их глубокую неразрывную связь с нашими нравственными воззрениями, — писал Лопатин, — мы относились бы к коренным вопросам теоретического знания живее и серьезнее» (Вопросы..., 1893, с. 114).

31 января 1909 г. председателем Общества вновь был избран Л. М. Лопатин, товарищем председателя — Г. И. Челпанов, кандидатом товарища председателя — проф. В. П. Сербский, библиотекарем — проф. П. П. Соколов. С именем Г. И. Челпанова, ставшего одним из самых активных участников деятельности Общества после его переезда в Москву в 1907 г., связана идея о необходимости преемственности научного знания, которая в итоге привела его к мысли об открытии Психологического института. Это был следующий шаг в институционализации психологической науки, создании условий, благоприятствующих и необходимых для ее развития.

Деятельность Общества выполняла и еще одну важную миссию. МПО способствовало установлению творческих связей русских ученых с выдающимися

деятелями *зарубежной психологии, философии и науки*. Авторитетные ученые разных стран были Почетными членами Общества; в их числе — В. Вундт, Г. Гельмгольц, Э. Дюбуа-Реймон, В. Виндельбанд, Э. Целлер (Германия), А. Бэн, Г. Спенсер (Англия), Т. Рибо, Ш. Рише (Франция), У. Джеймс, Э. Титченер (Америка), Г. Гефдинг (Дания) и др. Отчеты о деятельности МПО помещали зарубежные научные журналы, а в самом журнале «Вопросы философии и психологии» регулярно давались рецензии и обзоры иностранной литературы почти одновременно с выходом книг и статей западноевропейских философов и психологов.

К этому моменту в Обществе числилось 14 Почетных членов, 5 членов-учредителей, 164 действительных члена, 21 член-соревнователь (среди них Н. А. Бердяев), 6 членов-корреспондентов. Всего — 210 человек.

Годичное распорядительное заседание 23 января 1910 г. продолжалось до половины первого ночи. На нем обсуждался вопрос об организации торжественного заседания в связи с 25-летием существования Общества. Было решено устроить торжественное заседание в марте в Богословской аудитории, вход в которую планировалось проводить по билетам. В программу заседания были включены вопросы о вручении премии П. А. Столыпина и о баллотировке предложенных к избранию в Общество членов, в том числе Ивана Александровича Ильина (1883—1954).

На юбилейном заседании, состоявшемся 21 марта, были заслушаны следующие доклады: Л. М. Лопатина «Настоящее и будущее философии»; Г. И. Челпанова «О современной индивидуальной психологии и ее практическом значении»¹; П. И. Новгородцева «Общественный идеал в свете современных исканий». Тематика докладов не случайна: она точно отражала основную направленность работы Общества.

Вопросом жизненной важности являлось определение предмета и метода психологии. Его обсуждение представлено в диссертации Н. Н. Ланге, работах Н. Я. Грота «Основания экспериментальной психологии» и Л. М. Лопатина «Метод самонаблюдения».

Предметом рассмотрения также выступали проблемы детерминации психического, духовно-нравственной составляющей психологии человека. В этом проявлялся русский менталитет с его нравственной акцентуацией. Связь с духовной жизнью русского общества являлась характерной особенностью МПО. Итак, высокая философская и теоретическая культура, научная строгость исследований, неразрывная связь научных исканий с запросами общества, чуткое внимание к нравственной стороне научной работы составляли особенность московской школы.

С открытием Психологического института при Московском университете в него переместились и разработка проблем психологии, и распространение знаний в этой области.

В истории отечественной психологии началась новая эпоха ее развития как самостоятельной отрасли науки, имеющей собственные структурные учреждения для проведения исследований и подготовки кадров в этой области научного знания и практики. В этих новых исторических условиях Психологическое общество стало органом координации и объединения научно-исследовательских работ.

---

1 Представления Г. И. Челпанова об одаренности звучат абсолютно современно.

1918—1922 гг. — этап кризиса в работе МПО. Масштабные общественно-политические события в жизни России второго десятилетия XX в. — Первая мировая война 1914—1918 гг., Октябрьская революция 1917 г. и последующая за ней Гражданская война 1918—1920 гг. — создали экстремальные условия, коренным образом повлиявшие на характер и содержание деятельности МПО. Прекратилась издательская деятельность. Перестал выходить журнал «Вопросы философии и психологии»: последний сдвоенный номер вышел в 1918 г. Общество работало очень неравномерно.

30 марта 1918 г. на годовичном распорядительном заседании было избрано Правление Общества (председателем вновь был избран Л. М. Лопатин). В этот период обсуждались в основном *философские* вопросы. Психологическая проблематика была представлена лишь на двух заседаниях, на которых обсуждались проблемы эволюции психики: заслушаны доклады А. Н. Северцова «Психика как фактор эволюции высших животных и человека» (6 апреля 1919 г.) и доклад Н. Н. Котс «Проблема «мыслящих» животных и ее вероятная разгадка» (27 апреля 1919 г.). Затем в деятельности Общества последовал годичный перерыв, в течение которого умерли председатель Общества Л. М. Лопатин и его заместитель В. М. Хвостов.

Постепенно сокращаясь, психологическая проблематика к концу деятельности МПО практически сошла на нет, а затем и само Общество прекратило свое существование. После высылки в 1922 г. за границу на печально знаменитом «философском пароходе» И. А. Ильина, возглавлявшего общество после кончины Л. М. Лопатина, Психологическое общество было распущено.

Второй период деятельности МПО

И все же преемственность сохраняется. Эстафета передается в руки обитателю стен Психологического института. В 1957 г. первым Президентом Общества психологов СССР избирается Анатолий Александрович Смирнов (1883—1962), мудрый, истинно интеллигентный и сильный человек. При нем Психологический институт достигает в своем развитии апогея, оставаясь местом существования МПО¹. Опираясь на сложившиеся направления, опыт и традиции, в новых исторических условиях МПО возобновило свою деятельность как Отделение Общества психологов РСФСР, созданного при АПН РСФСР. Его председателями были видные ученые: А. В. Запорожец (1957—1964), Н. А. Менчинская (1964—1983), А. В. Брушлинский (1983—1988), И. И. Ильясов (1988—1989). А. В. Запорожец, а затем и Н. А. Менчинская, сотрудники института, классики психологии, благороднейшие личности, способствовали восстановлению традиций МПО. Историки психологии признают, что именно Психологический институт в 1950—1960-х годах был подлинным оазисом былой научной атмосферы. Однако восстановление Общества произошло уже на другой основе. За 35 лет, прошедших с момента прекращения деятельности МПО прежнего состава, сформировались научные психологические школы, существенно изменились методологические основы психологии. Этим определялось изменение задач МПО.

1 По завещанию Шукина Общество и его библиотека должны всегда оставаться в здании Института.

1950–1980-е годы – это уже не период зарождения и становления научных школ, а время их борьбы. Школы росли и крепили в борьбе. Соответственно, Общество не формировало, а примиряло и объединяло сложившиеся школы. Оно помогло установить контакты с зарубежными коллегами, непосредственное общение с ними.

По-прежнему проведение съездов и конференций выступало важной формой научного общения, своеобразной «выставкой» психологической мысли, показателем состояния психологической науки.

В. В. Давыдов восстанавливает в Институте философский методологический семинар. М. К. Мамардашвили, Ф. Т. Михайлов, А. С. Арсеньева, В. Г. Библер, Г. П. Щедровицкий ведут жесточайшие дискуссии, которые становятся центром научной мысли психологов и образцом ее культуры.

В 2013 г. исполнилось 110-лет со дня рождения А. Н. Леонтьева. С его именем – ученого и организатора науки – связана целая эпоха в психологии. Он являлся ученым, верным традициям российской науки. Благодаря его таланту и энергии был создан факультет психологии в МГУ, происходила консолидация профессионального сообщества всей страны. Он был вторым Президентом Общества психологов СССР в период с 1963 г. по 1968 г. Именно в этот период российская психология занимает весомое место и в мировом профессиональном сообществе; впервые и единственный раз в 1966 г. в Москве проходит VI Всемирный конгресс по психологии; в страну приезжают Жан Пиаже, Поль Фресс.

Третий президент Общества психологов СССР – Б. Ф. Ломов. Создание им Института психологии в системе Академии наук СССР – следующий шаг в утверждении позиций психологии, открывший широкие горизонты для ее проникновения не только в образование, но и в другие сферы общественной практики, включая космонавтику. Первыми диссертациями по этой теме руководили Б. Ф. Ломов, Ф. Д. Горбов, К. К. Платонов.

На этом фоне МПО проводит конференции по широкому кругу проблем: «Научное творчество» (1969); «Проблемы деятельности в советской психологии» (1973); «Экспериментальное исследование продуктивных процессов мышления» (1977).

Философское общество проводит в 1988 г. конференцию «Творчество и Педагогика», привлекая меня к ее организации в силу репутации после проведения конференций по диагностике в Таллине (1974–1980). Веду эту работу за 2 дня до защиты докторской, и, как следствие, в 1989 г. меня единогласно выдвигают на пост председателя МПО.

Третий период деятельности МПО

Распад СССР автоматически прекращает существование МПО, но лишь формально: закона о его запрещении нет; председатель МПО сохраняет свои полномочия. Продолжает работать Общемосковский методологический семинар; МПО проводит достаточно систематические заседания. Они были нужны людям вдвойне. Можно было видеть слезы на глазах участников семинаров, у которых МПО осталось, по сути, единственным местом профессионального общения. И как только вышел закон об общественных организациях, естественно, москвичи составили основу инициативной группы по восстановлению Общества в рамках РФ. Мо-

сковское общество психологов как региональное отделение Российского психологического общества было создано 10 октября 1994 г.

22–24 ноября 1994 г. в Москве, в помещении Института Молодежи, проходил Учредительный съезд Российского психологического общества (РПО). Открыл работу съезда сопредседатель оргкомитета, академик РАО Е. А. Климов. Председателем съезда избран директор-организатор оргкомитета Т. Ю. Базаров.

В работе съезда принимали участие 153 делегата от 56 регионов Российской Федерации: 11 инициаторов создания РПО, 13 членов оргкомитета, 86 гостей. Съездом были получены приветствия вице-президента РАН В. Н. Кудрявцева, грузинских психологов, президента Международного союза психологических наук (IUPsyS), профессора Гамбургского университета Курта Павлика. Перед участниками съезда выступили: Г. А. Сатаров, помощник президента РФ; А. В. Петровский, президент Российской академии образования В. В. Новиков, президент Международной академии психологических наук; Ю. М. Орлов, президент Международной академии информатизации.

Участники съезда приняли Устав РПО, который включал положение о том, что РПО создается при Президиуме РАН. Съездом также был сформирован координационный совет (КС РПО), в который вошли председатели региональных отделений РПО, инициаторы создания Общества и ряд членов оргкомитета. Из членов Координационного совета был избран Президиум Координационного совета, который, в итоге, выбрал трех вице-президентов РПО — В. А. Барабанщикова, Р. В. Габдреева, Ю. К. Корнилова. Исполнительным директором РПО был назначен Т. Ю. Базаров. Президентом Российского психологического общества избран академик РАО, декан факультета психологии МГУ Е. А. Климов.

В рамках работы Учредительного съезда РПО прошло заседание научно-методического совета УМО университетов РФ по психологии, в котором приняло участие около 70 человек. В состав УМО по психологии были приняты университеты, в которых уже проводилась подготовка профессиональных психологов: Уральский, Красноярский, Чувашский, Иркутский, Казанский, Удмуртский, а также Московская высшая школа психотерапии (на базе Психологического института РАО), Институт молодежи (ныне — Московский гуманитарный университет).

Первая Всероссийская конференция, которую провело МПО в рамках вновь созданного РПО, состоялась в 1996 г. Ее задачей была разработка научной программы деятельности РПО (на учредительном съезде в 1994 г. не делался акцент на научной программе). Разработкой программы руководила председатель МПО, реализуя задачу, поставленную Президентом РПО Е. А. Климовым по восстановлению научных связей, потеря которых оказалась особенно болезненной в тот период для региональной психологии.

Одновременно это был сморз сил: а кто «жив»? Резкое прекращение финансирования, уход многих ученых из сферы науки ставили вопрос: «Какова психология сегодня?» Под таким названием и состоялась Первая всероссийская конференция МПО постсоветского периода. В ситуации дефицита общения и резкого снижения информации это был подлинный праздник. 38 симпозиумов, несколько «круглых столов» (в том числе междисциплинарных, например «Психология глазами физиков»), высочайший профессиональный уровень дискуссий до сих пор сохраняется в памяти его участников. Общим итогом конференции стал вы-

вод, что «психология жива» и продолжает развиваться в чрезвычайно сложных условиях.

В новой для России ситуации надо было определять задачи и основные направления работы. Менталитет российских ученых, отдающих приоритет, в первую очередь, теории, отсутствие грубо утилитарной направленности позволили психологии, вопреки «указам», дефициту кадров, бурно развиваться. Сохраняя свои традиции, она служила высоким научным идеалам. Многие как позитивные, так и негативные явления делали советскую психологию достаточно крепкой цитаделью, недоступной влиянию чуждых ей тенденций. Снятие «железного занавеса» привело к тому, что волна зарубежной научной продукции всех уровней захлестнула наш психологический рынок. Эта волна вместе с методиками и тренингами привнесла стоящую за ними концептуальность. Грустно, но ею поспешили воспользоваться ученые, декларировавшие, но не присвоившие теоретическое богатство собственной науки или не сумевшие увидеть разницу между одними и другими постулатами.

Смещению парадигм способствовали социальные изменения в обществе, что подняло флаг эклектики как консенсуса мнений, либерализма. Однако преодоление «идеологизированности» науки обернулось не свободой, а анархией. В 1990-х годах положение усугубилось жесточайшим общесистемным и финансовым кризисом, в частности, кризисом финансирования отечественной науки. В этой ситуации особенно важна была роль Общественного методологического семинара при МПЮ, который проводится тремя ведущими организациями в области психологии: Психологическим институтом РАО, Институтом психологии РАН и психологическим факультетом МГУ. С разной периодичностью семинар работает более 30 лет. Как наиболее знаковые в последние годы можно отметить семинары, на которых рассматривались методологические проблемы, связанные с актуальными сторонами общественной жизни: «Динамика социально-психологических явлений в изменяющихся экономических условиях» (докладчик — проф. А. Л. Журавлев, ИП РАН); «Проблемы развивающего обучения» (докладчик — проф. В. В. Рубцов, ПИ РАО); «Субъект и деятельность» (докладчик — академик РАН В. А. Лекторский, ИФ РАН).

В связи с необходимостью оценки деятельности парадигмы в контексте утверждения идей плюрализма и либерализма в науке ряд заседаний был посвящен именно этой проблематике: проф. В. В. Розин (ИФ РАН) предложил к обсуждению проблему понятия деятельности в методологической и культурологической традициях; проф. Д. Б. Богоявленская (ПИ РАО) выступила с докладом «Понятие творчества и одаренности в процессуально-деятельностной парадигме». Был заслушан и обсужден доклад академика РАО проф. Ф. М. Михайлова (ИФ РАН) «Философия психологии»; на семинаре выступил директор Дрезденского института психологии проф. Б. М. Величковский (МГУ) с докладом «Когнитивно-аффективная наука: вчера, сегодня, завтра». Состоялось заседание с темой «Проблематизация образа человека в творчестве Ф. М. Достоевского» (к 190-летию со дня рождения писателя), на котором выступили В. С. Собкин, Б. С. Братусь, В. Т. Кудрявцев, В. Ф. Петренко.

Изменения, происходящие в российском обществе, как позитивные (осознание необходимости воспитания интеллектуальной элиты), так и негативные (все

большая коммерциализация системы образования), выдвинули на повестку дня проблему выявления и развития одаренных детей. В этой связи следует особо отметить почин ученых, поддержанный Министерством образования РФ, которые, учитывая запросы практики, провели большую работу по обеспечению эффективности деятельности педагогов, предохранения их от нежелательных ошибок. Так, по инициативе председателя секции «Творчество и одаренность» МПО при поддержке и участии в работе зам. министра Министерства образования РФ В. Д. Шадрикова была разработана в 1998 г. «Рабочая концепция одаренности». В целях ее внедрения в практику образования Московское отделение РПО провело три Общероссийских и две Международных конференций («Отечественная концепция одаренности», 2000 г., и «Отечественная концепция одаренности — в практику образования», 2004 г.). В. Д. Шадриков отметил, что проведение конференций — это проявление гражданской направленности ее организаторов и участников.

В отличие от первой (1996), пятая Всероссийская конференция РПО (2002), проводимая силами Московского отделения РПО, ставила уже кардинально иные задачи, которые определялись новыми, более динамичными и эффективными формами научных дискуссий. Введение новой формы — пленарных дискуссий — в программу конференции объяснялось желанием включить в обсуждение «горячих точек» состояния психологической науки всю аудиторию. Эта форма, естественно, не предполагала, что будут найдены все ответы по затронутым вопросам, но она в большей мере должна была повысить нашу «озадаченность» ими, а также в ситуации теоретического плюрализма и консенсуса вернуть психологию в лоно фундаментальной науки (системы строгих, определенных понятий) и сделать более очевидным, что практическая психология — это приложение фундаментальной. Это связано также с тем, что в прошедшие годы наметился определенный «откат» от идей отечественных школ.

Требовалось понять, что представляет собой психологическая наука этого времени. Справедливо утверждение, что психологическое знание тиражируется в различные науки. А что и сколько почерпнула сама психология из других наук? Каково положение психологии в системе наук? Равным образом необходимо было понять, является психология единой наукой или системой направлений? И наконец, ни одному человеку сегодня не придет в голову рассматривать психологию как чисто академическую науку. Каковы же отношения теории и практики, фундаментальной и практической психологии? Из системы знаний психология в настоящее время превращается в профессиональную деятельность. Но *кто* и *что* будет «прикладывать»? Вместе с тем превращение психологии в массовую профессию требует от Московского отделения РПО решения ряда новых задач.

Современную ситуацию в теории и практике отличает не только эклектика концептуальных подходов, но и наличие своего рода «кентавров», в которых сочетаются представление о природе явления и его идентификация из разных научных парадигм. При этом не учитывается, что за каждым методом стоит определенное теоретическое основание. Вместе с тем не каждое концептуальное представление сопровождается «удобная в употреблении» диагностическая процедура, если она вообще есть, отсюда — необходимость для его экспериментального подтверждения заимствования методов и методик, разработанных в рамках других теоретических подходах. Кроме того, рыночные принципы диктуют: «Числом побо-

лее, ценою подешевле» и «Время — деньги». Каждая концепция самодостаточна и убедительна в своей логике, но многие из них несовместимы. Плюрализм хорош в политике, обеспечивает свободу развития науки в целом, но недопустим в одной голове. Эклектика подобна героям басни о лебедь, раке и щуке: она дает лишь видимость движения.

Современная ситуация требует организации профессионального сообщества с его возможностями социальной и правовой защиты своих членов и профессионального контроля над их деятельностью. МПО пока — профессиональная общественная организация со всеми вытекающими отсюда ограниченными возможностями.

Долгие годы с Натальей Александровной Менчинской работал Андрей Брушлинский. После ее смерти он возглавил МПО и не выходил из его Совета МПО до самой смерти. Став директором Института психологии, он оставался членом совета Московского отделения РПО и очень помогал в его работе. Он делал очень много, идя на жертвы и компромиссы, добиваясь единства наших рядов. Приз «Золотая Психея» за работу по объединению психологов получило МПО, и мы вручили ее его вдове не только из чисто гуманитарных соображений, но и оценивая особый вклад А. В. Брушлинского в интеграцию психологического сообщества.

Излагая историю МПО, закономерно привести слова из последнего выступления Брушлинского: «Дорогие коллеги! Я буду краток... Я от души приветствую очень интересную конференцию... Психологическое общество успешно продолжает работу, несмотря на трудности — внешние и внутренние. Оно хорошо преемствует Психологическое общество СССР, первый съезд которого состоялся в 1959 г. Вот такая преемственность всячески гарантирует развитие нашей науки. XX век был веком физики, к середине XX века, в конце и начале XXI века он стал, конечно, веком биологии. Мне кажется, и это совершенно очевидно, что придет время, и будет век самой главной, великой науки — психологии, потому что она раскрывает, изучает, помогает развитию генома человека. Мы будем и дальше работать в этом Обществе, и дальше способствовать и помогать развитию психологической науки. В таком направлении будет работать и наша конференция. И когда наступит век психологии, то вспомнят тот вклад, который вносит в развитие психологии наше Общество».

Этот вклад стал более осознанным в связи с восстановленной по инициативе М. Г. Ярошевского традиции проведения юбилеев МПО. В 2005 г. впервые были изданы 3 тома статей юбилейной конференции; в 2010 г. — уже 4 тома. До сих пор психологи вспоминают этот юбилей как ярчайший съезд.

В настоящее время возникает вопрос об использовании нового Устава общественных организаций. То, что в данный момент требуется для некоторых общественных организаций с целью усиления ответственности их руководителей, неприменимо к научной организации. Авторитарность управления в науке гибельна для нее.

Литература

Аксенова Е. А., Носкова О. Г. К созданию Российского психологического общества // Минск: Белорусская цифровая библиотека LIBRARY.BY. URL: <http://library.by/>

portalus/modules/psychology/readme.php?archive=1120045935&id=1107367986&start_from=&subaction=showfull&ucat= (дата обращения: 23.09.2016).

- Белкин А. С.* Обзор деятельности Московского Психологического Общества за первое десятилетие (1885—1895) // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 27. С. 251—258.
- Богоявленская Д. Б.* Московское психологическое общество конца XIX—начала XX века // Развитие личности. 2005. № 1.
- Богоявленская Д. Б.* Предисловие // От истоков к современности. Юбилейная конференция: 130 лет организации психологического общества при Московском университете. В 5 т. / Под ред. Д. Б. Богоявленской. М., 2015. Т. 1. С. 3—6.
- Богоявленская Д. Б.* История Московского психологического общества конца XIX—начала XXI в. // URL: <http://psygus.ru/regional/77/about.php> (дата обращения: 16.08.2016).
- Виноградов Н.* Краткий исторический очерк деятельности Московского Психологического Общества за 25 лет // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 103. С. 249—262.
- Ждан А. Н.* Московское психологическое общество (1885—1922) // Вопросы психологии. 1995. № 4. С. 82—93.
- Ждан А. Н.* История Психологического общества при Императорском Московском университете (1885—1922) // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3). С. 34—38.
- Ждан А. Н.* Московское психологическое общество при Московском Императорском университете 1885—1922 гг.: Этапы развития / Альма-матер. 2010. № 10. С. 45—48.
- Ждан А., Донцов А.* Роль Московского психологического общества в развитии психологии в Московском университете // Развитие личности. 2005. № 1.
- Лопатин Л. М.* Большая искренность // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 16. С. 109—114.
- Маляров Н. А.* Организация Московского психологического общества (1885—1887) // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 1 (4). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-moskovskogo-psihologicheskogo-obshchestva-1885-1887> (дата обращения: 21.12.2016).
- Программа Всероссийской конференции с международным участием «От истоков к современности», 29 сентября—1 октября 2015 г. URL: <http://www.pirao.ru/images/news/2015/09/mpro-2015.pdf> (дата обращения: 11.12.2016).
- Психологическое общество // Русские ведомости. 1891. 21 октября. № 290.
- Список заседаний Московского психологического общества за 25 лет // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 103. С. 207—223.
- Троицкий М. М.* Современное учение о задачах и методах психологии (Речь, произнесенная на первом публичном заседании Психологического общества 14 марта 1885 г.) // Вопросы психологии. 1995. № 4. С. 93—108.
- Устав психологического общества, состоящего при Императорском Московском университете. М., 1885.
- Философский сборник: Льву Михайловичу Лопатину к тридцатилетию научно-педагогической деятельности от Московского психологического общества (1881—1911). М., 1912.
- Шпет Г. Г.* Один путь психологии, и куда он ведет // Шпет Г. Г. Психология социального бытия / Под ред. Т. Д. Марцинковской. М., 1996.

Лаборатория психологии личности ИП РАН: история в лицах¹

М. И. Воловикова (Москва)

Введение

Со времени образования лаборатории психологии личности в Институте психологии АН СССР (ныне – РАН) прошло 42 года. Представляется важным воссоздать историю становления и развития лаборатории и определить ее место в отечественной психологии. Такой анализ предполагает обращение к деятельности и личности тех ученых, которые внесли особый вклад в психологические исследования личности и, прежде всего, работавших в лаборатории психологии личности либо сделавших очень много для ее создания. Это важно еще и потому, что многих из них уже нет с нами: Л. И. Анцыферовой, В. Г. Асеева, А. В. Брушлинского, Г. С. Тарасова, И. И. Чесноковой.

История создания лаборатории психологии личности

Необходимо вспомнить непростую историю развития самой проблемы личности в отечественной психологической науке. С. Л. Рубинштейн в «Основах общей психологии» предостерегал от попыток включения целостной личности как объекта исследования в психологию. Он писал: «Как ни велико значение проблемы личности в психологии, личность в целом никак не может быть включена в эту науку. Такая психологизация личности неправомерна» (Рубинштейн, 2000, с. 679). И. А. Джидарьян вспоминает, что, поступив в начале 1960-х годов в аспирантуру Института философии АН СССР и утверждая на заседании сектора философских проблем психологии тему диссертации, касающуюся потребностей личности, увидела дружелюбное удивление и одобрение коллег – психологией личности в те годы заниматься было не принято. Можно, конечно, предположить, что виной тому стремление советской психологии отгородиться от «буржуазных концепций». Но и в дореволюционной психологии личность понималась очень неоднозначно.

Как отмечает историк Ф. Гайда, до 1830-х годов слово «личность» употреблялось лишь в негативном смысле: назвать кого-то *личностью* можно было лишь при желании обидеть человека. Впервые в позитивном значении это понятие было использовано в заметках Сперанского в 1838 г.: «Собственность лица есть власть человека над собственными его силами, как душевными, так и телесными. Власть сия основана на первообразной власти духа над душой и души над телом. Сие называется личностью, самостоятельностью...» (цит. по: Гайда, 2011). Гайда отмечает, что в России XIX в. сформировалось два понимания человеческой личности: 1) происходившее от гегелевской философии, связанное с переживанием собственного «Я», и 2) основанное на святоотеческой традиции, предполагаю-

---

¹ Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ №0159-2016-0002.

шее самореализацию человека в духе, любви и стремлении уподобиться личности Христа. Сперанский имел в виду трактовку личности в русле святоотеческого подхода. С ним были солидарны славянофилы.

Следуя отечественной гуманитарной традиции, С. Л. Рубинштейн исходил, скорее всего, из недосягаемости для познания таинственной глубины личности. Так, в «Основах общей психологии» он писал: «Личность не тождественна ни с сознанием, ни с самосознанием» (Рубинштейн, 2000, с. 679).

И все же именно от Рубинштейна следует вести отсчет истории лаборатории, так как под его руководством в созданном им секторе философских проблем психологии Института философии сформировалась группа талантливых ученых, сделавших личность предметом своих исследований.

В 1972 г. сектор, возглавляемый Е. В. Шороховой, в полном составе вошел в созданный Б. Ф. Ломовым Институт психологии АН СССР, тем самым укрепив его высококвалифицированными специалистами, обеспечившими формирование методолого-теоретических основ психологии в целом и психологические исследования, развернувшиеся в Институте. На рубеже 1973 и 1974 гг. из сектора философских проблем психологии выделилась лаборатория социальной психологии, которую возглавила Екатерина Васильевна Шорохова, а руководство сектором перешло к Людмиле Ивановне Анцыферовой.

В секторе философских проблем психологии работали такие видные ученые, как Т. И. Артемьева, В. Г. Асеев, А. В. Брушлинский, И. А. Джидарьян, Д. Н. Завалишина, Я. А. Пономарев, Г. С. Тарасов, И. И. Чеснокова, а также молодые сотрудники и аспиранты — И. В. Вавилов, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина, В. А. Елисеев, Н. В. Золотарева, Т. Б. Карцева, Н. Е. Харламенкова и др.

В этот и последующие периоды в секторе активно разрабатывается личностная проблематика. В издательстве «Наука» выходят в свет работы, в которых рассматриваются проблемы самосознания личности (Чеснокова, 1977), способностей (Артемьева, 1977), мотивации (Асеев, 1976) и потребностей личности — духовных (Тарасов, 1979) и эстетических (Джидарьян, 1976). Издается «докторская» монография Л. И. Анцыферовой «Материалистические идеи зарубежной психологии» (Анцыферова, 1974).

Под редакцией Л. И. Анцыферовой в эти годы подготовлены две коллективные монографии: «Принцип развития в психологии» (1978) и «Психология формирования и развития личности» (1981). Содержащиеся в них идеи и концептуальные положения стали теоретическим фундаментом будущей лаборатории психологии личности.

В работах Л. И. Анцыферовой личность рассматривается как развивающаяся системная целостность, для которой развитие — основной способ существования. Личность определяется через способ бытия человека в обществе как индивидуальной формы существования и развития ее социальных связей и отношений. «Личность, наконец, — пишет Анцыферова, — это человек, постоянно повествующий самому себе о своих взаимоотношениях с целым миром и во внутренней полемике с подразумеваемыми собеседниками утверждающий, защищающий, осуждающий, изменяющий, совершенствующий себя» (Психология формирования..., 1981, с. 4).

Знакомство с публикациями Анцыферовой периода, предшествующего созданию лаборатории психологии личности (да и последующих периодов), пока-

зывает, что тема самосовершенствования, самоактуализации, саморегуляции личности занимает в них центральное место. Во многом Анцыферова опиралась на прекрасное знание зарубежных теорий личности, будучи в то время одним из немногих специалистов в этой области.

Научная деятельность лаборатории психологии личности в 1984–1991 гг.

Лаборатория психологии личности была образована в 1984 г., а Л. И. Анцыферова стала ее первым заведующим, оставаясь в этой должности до 1991 г., и в дальнейшем, перейдя на должность главного научного сотрудника, продолжила продуктивно работать в лаборатории. Первыми сотрудниками лаборатории психологии личности были: В. Г. Асеев, Т. А. Артемьева, Н. И. Бетчук, А. В. Брушлинский (продолжавший считать себя членом коллектива лаборатории и позже, после назначения его директором Института), И. А. Джидарьян, Е. С. Калмыкова, Т. Б. Карцева, А. А. Кроник, Г. С. Тарасов, Н. Е. Харламенкова, И. И. Чеснокова и др. Разработки, начатые в этот период, в том числе в виде кандидатских и аспирантских исследований Т. Г. Гаевой, А. А. Файзулаева, Е. С. Калмыковой, Т. Б. Карцевой, Е. А. Спиркиной, Т. Д. Шевеленковой, Н. Е. Харламенковой, представляют интерес и в наше время. В издательстве «Наука» в 1988 г. и в 1989 г. вышли два сборника, в которых участвовали, в том числе, сотрудники лаборатории (Категории..., 1988; Тенденции развития..., 1989). Представленные в этих книгах работы отличаются высоким уровнем методологического анализа, широтой философских обобщений, тщательностью проработки и подачи материала. В этом огромная заслуга Людмилы Ивановны как ученого и редактора. В этот период был заложен мощный фундамент будущего развития лаборатории и в целом — психологии личности как важнейшей отрасли психологической науки.

Научная деятельность лаборатории психологии личности в 1991–2009 гг.

В 1991 г. в стране начались кардинальные социально-экономические, политические и идеологические преобразования, в характере и результатах которых еще предстоит разобраться специалистам (см.: Абульханова-Славская, Воловикова, Елисеев, 1991).

С 1991 г. по 2009 г. заведующей лабораторией была Ксения Александровна Абульханова, идеи которой оказались очень созвучны времени. Личность рассматривается ею как субъект инициативы и ответственности. Разработан типологический подход к исследованию сознания личности, позволяющий на уровне общественных процессов выделить и проследить их психологическую составляющую, определить вектор развития психологии личности в условиях быстро изменяющегося общества.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов под редакцией К. А. Абульхановой вышел двухтомный труд «Психология личности в социалистическом обществе» (1989, 1990), в который вошли и работы сотрудников лаборатории. На закате «социалистического общества» удалось опубликовать и тем самым сохранить многие науч-

ные разработки (в том числе совместные с учеными других стран бывшего «социалистического лагеря»), которые остаются актуальными и в наше время. Здесь содержались продуманные и взвешенные предупреждения о проблемах личности, связанных с крушением идеологии, выводы о последующем расслоении общества и о печальных последствиях этого расслоения для человека.

Сложное время, в которое вступили и страна, и отечественная наука в 1990-е годы, оказалось тем не менее очень продуктивным для лаборатории. Выходили сборники научных статей, читая которые можно заметить, что психология личности не закрывалась от возникающих социальных проблем, а оказывалась в самой гуще событий, предлагая не только грамотные объяснения, но и возможные решения. Это книги: «Психология личности в условиях социальных изменений» (1993); «Сознание личности в кризисном обществе» (1995); «Российский менталитет (психология личности, сознание, социальные представления)» (1996); «Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики» (1997) и др. В центре внимания оказалось сознание личности в условиях социальных изменений, исторически сложившиеся особенности российского менталитета и его современное состояние. Исследованиями сотрудников, докторантов и аспирантов лаборатории был охвачен широкий спектр вопросов, касавшихся отечественной специфики представлений об умном человеке (Смирнова, 1995), о счастье (Джидарьян, 2013); о правде, истине и справедливости (Знаков, 1995); об ответственности (Е. Н. Пашенко); о нравственном («порядочном») человеке (Дикевич, 1999), представлений личности об отношении к ней других людей (Гордиенко, 2000) и др. В 2000-е годы это направление исследований было продолжено в работах по психологии мудрости (Анцыферова, 2004, 2006), психологии самоутверждения личности (Харламенкова, 2007), нравственной психологии, психологии совести (Воловикова, 2005; Проблемы нравственной и этической..., 2011; Мустафина, 2012), аксиопсихологии личности (Журавлева, 2006, 2013), психологии счастья и оптимизма (Джидарьян 2013), психологии праздника (Воловикова, Тихомирова; Борисова, 2003) и др.

Научная деятельность лаборатории психологии личности на современном этапе развития психологической науки

Период с 2009 г. по 2015 г., время заведования лабораторией М. И. Воловиковой, можно было бы назвать переходным. С одной стороны, отмечалось сохранение и развитие традиций лаборатории. С другой стороны, возникали новые социальные условия жизни и лаборатории, и Института, и психологической науки в целом, связанные с реформой Российской академии наук.

Лаборатория заметно выросла. Успешно работают в ней молодые исследователи (Н. В. Борисова, А. М. Борисова, Н. А. Журавлева, Л. Ш. Мустафина). Включились в лабораторную проблематику известные специалисты в области психологической науки (Т. В. Галкина, А. Н. Лебедев и др.). Заведование коллективом взял на себя А. В. Юревич. Есть и «хранитель» традиций лаборатории – сотрудник, который никогда не расставался с нею, – Инна Аршавировна Джидарьян. За большой вклад в развитие гуманистической направленности отечественной психологии в 2014 г. ей была присуждена премия РАН им. С.Л. Рубинштейна.

Одно из недавних исследований И. А. Джидарьян связано с рассмотрением веры, надежды и любви как оптимистической триады чувств, основы жизнелюбия личности (Джидарьян, 2013). Образующие оптимистическую триаду единичные сущности, включающие веру, надежду, любовь, в психологической структуре личности относятся к тому классу высших, хотя четко и не очерченных, структурно трудно дифференцируемых чувств, которые выражают сферу духовного в человеке, отношения с трансцендентальным, мета-эмпирическим измерением реальности. Они интегральны по отношению к личности и всей ее жизни. Показано, что уникальность триады состоит в максимально присущей ей позитивности и выраженности того, что С.Л. Рубинштейн называл «человеческое в человеке» и что делает людей способными смягчать, превозмогать, преодолевать объективный трагизм жизни. Показано, что по своему объективному смыслу и направленности она является антиподом «трагической триады» В. Франкла в его логотерапевтической концепции (страдание, вина, смерть). В результате проведенного теоретического исследования И. А. Джидарьян пришла к выводу, что вера, надежда и любовь как высшие чувства и важнейшие составляющие внутреннего мира личности образуют своеобразную духовную ось, генерирующую необходимые для полноценного человеческого бытия благотворные, созидательные силы. Триединая сущность этих чувств выражается в том, что каждое из них имеет свои основания в двух других, усиливая жизненный потенциал и способствуя более полной реализации позитивных возможностей друг друга.

В настоящее время коллектив лаборатории разрабатывает тему «Детерминанты психологического здоровья личности» (Психологическое здоровье..., 2014). Интерес к психологической норме, к позитивным качествам личности, ее стремлению к самоактуализации, условиям поддержания психологического здоровья личности характеризовал направленность исследований в лаборатории с момента ее образования, а также все научное творчество Л. И. Анцыферовой в разные периоды, особенно в последние десятилетия. Следовательно, разработка проблем психологического здоровья является логическим продолжением тех идей, над которыми лаборатория работала в разные годы. Очевидна и ее тесная связь с проблемой нравственности. Нравственные деформации личности с неизбежностью приводят к разрушению психологического здоровья. И наоборот, восстановление нравственного состояния человека и общества — это путь к укреплению психологического здоровья граждан. Намечены пути помощи личности в восстановлении психологического здоровья.

Личность, не являясь в полной мере объектом психологии, открывается некоторым психологическим методам исследования, когда речь идет о представлениях, о защите психологического здоровья, о созидательной силе нравственного закона в триединстве веры, надежды и любви.

Заключение

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть огромный вклад в развитие психологии личности, который внесли Л. И. Анцыферова и К. А. Абульханова, создавшие собственные оригинальные теории личности. Теорию личности Анцыферовой можно назвать формулировкой одной из ее статей — «личность как открытая система»;

теорию личности Абульхановой — «личность как субъект своего жизненного пути». Перспективы исследований связаны с развитием и того и другого направления.

Большое научное значение имеют идеи и разработки И. А. Джидарьян психологии оптимизма, жизнелюбия, высших человеческих чувств и состояний. Перспективны исследования молодых сотрудников: Н. А. Журавлевой (ценности личности), Л. Ш. Мустафиной (психология совести) и др.

Нужно также помнить о той позитивной роли, которую в становлении российской психологии личности сыграли исследования тех, кого уже нет с нами, — В. Г. Асеева, А. В. Брушлинского, Г. С. Тарасова, И. И. Чесноковой. Труды этих, а также ныне работающих ученых в российской науке утвердилась психология личности как направление, впитавшее в себя отечественные гуманитарные традиции и творчески осмыслившее и использующее лучшие достижения мировой психологии.

Литература

- Абульханова-Славская К. А., Воловикова М. И., Елисеев В. А.* Проблема исследования индивидуального сознания // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 4. С. 27–40.
- Анцыферова Л. И.* Материалистические идеи в зарубежной психологии. М., 1974.
- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М., 2004.
- Артемьева Т. И.* Методологический аспект проблемы способностей. М., 1977.
- Асеев В. Г.* Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976.
- Воловикова М. И.* Представления русских о нравственном идеале. М., 2004.
- Воловикова М. И., Тихомирова С. В., Борисова А. М.* Психология и праздник: Праздник в жизни человека. М., 2003.
- Гайда Ф.* К пониманию человеческой личности в русской традиции // Интернет-журнал «Православие.ру». 12 мая 2011 г. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/46437.htm> (дата обращения: 17.02.2016).
- Гордиенко Е. В.* Представления личности об отношении к ней других людей: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.
- Джидарьян И. А.* Эстетическая потребность. М., 1976.
- Джидарьян И. А.* Психология счастья и оптимизма. М., 2013.
- Дикевич Л. Л.* Обыденные представления о порядочном человеке: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1999.
- Журавлева Н. А.* Динамика ценностных ориентаций личности. М., 2006.
- Журавлева Н. А.* Психология социальных изменений. Ценностный подход. М., 2013.
- Знаков В. В.* Психология понимания в познании и общении: Дис. ... докт. психол. наук. М., 1995.
- Категории материалистической диалектики / Под ред. Л. И. Анцыферовой. М., 1988.
- Мустафина Л. Ш.* Структура социальных представлений учащейся молодежи о совести: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.
- Принцип развития в психологии / Под ред. Л. И. Анцыферовой. М., 1978.
- Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / Под ред. М. И. Воловиковой. М., 2011.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, М. И. Воловиковой, Т. В. Галкиной. М., 2014.

- Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности. Т. 1 / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской и Б. Ф. Ломова. М., 1989.
- Психология личности в социалистическом обществе: Личность и ее жизненный путь. Т. 2 / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской и Б. Ф. Ломова. М., 1990.
- Психология личности в условиях социальных изменений / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской, М. И. Воловиковой. М., 1993.
- Психология формирования и развития личности / Под ред. Л. И. Анцыферовой. М., 1981.
- Российский менталитет (психология личности, сознание, социальные представления) / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской, М. И. Воловиковой. М., 1996.
- Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинского и М. И. Воловиковой. М., 1997.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб., 2000.
- Смирнова Н. Л.* ИмPLICITные концепции интеллекта: представления об умном человеке в обыденном сознании: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1995.
- Сознание личности в кризисном обществе / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской, М. И. Воловиковой. М., 1995.
- Тарасов Г. С.* Проблема духовной потребности (на материале музыкального восприятия). М., 1979.
- Тенденции развития психологической науки / Отв. ред. Б. Ф. Ломов, Л. И. Анцыферова. М., 1989.
- Харламенкова Н. Е.* Самоутверждение подростка. М., 2007.
- Чеснокова И. И.* Проблема самосознания. М., 1977.

Психологическая служба промышленного предприятия конца советского периода (на примере социально-психологической службы производственного объединения «Курганприбор»)¹

А. А. Грачев (Москва)

Психологические службы в 70–80-х годах XX в. появились в разных сферах социальной жизни (прежде всего, в образовании и промышленности) в результате влияния трех основных факторов. Первый из них — *социальный заказ*, обусловленный возрастанием роли человеческого фактора в развитии общества, что предполагало управление обществом не только по критериям выживаемости человека, но и по всему спектру его жизненных интересов. Второй был связан с *внутренней логикой развития психологии* — поиском ее практических приложений и, соот-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Изучение новых гуманитарных технологий и инноваций на основе информационных сетей в сфере научно-психологических исследований, проект № 15-06-10082.

ответственно, появлением, наряду с традиционным для академической психологии языком описания и объяснения, языка управления, воздействия, характерного для практикоориентированной психологии (Журавлев, Ушаков, 2011; Грачев, 2012). Наконец, третий фактор — усиление *междисциплинарного взаимодействия* в разных научных областях. Проявлением такого взаимодействия стало создание служб, ориентированных на человека: в области образования в создании школьной психологической службы принимали участие, прежде всего, психологи и педагоги, а в области промышленности — социологи и психологи.

Социальный заказ, связанный с более интенсивным включением психологии в промышленное производство, проявился в дальнейшей гуманизации управления, связанной с повышением роли человеческого фактора в промышленности и возрастанием ценности человека в обществе. Это нашло свое выражение в том, что руководители, обратив внимание на удовлетворение интересов персонала не только в материальной сфере, но и в других областях человеческой жизни, что было связано с комплексным мотивированием персонала, стали ощущать дефицит психологических знаний.

Влияние второго фактора проявилось в том, что, во-первых, потенциал практической психологии, накопленный при решении отдельных задач (определение профпригодности, развитие профессионально важных качеств, определение совместимости, социально-психологического климата, оценка психологического состояния и др.), требовал его комплексной реализации по отношению к человеку-работнику, что предполагало развитие таких прикладных отраслей психологии, как психология труда, психология управления, инженерная психология. Во-вторых, развитие академических исследований побуждало к использованию их результатов в практических сферах (прежде всего, это касалось социальной психологии). Все это обусловило становление новой для психологии отрасли — *организационной психологии*.

Наконец, в 1970—1980-х годах требования к прикладному психологическому знанию оформились в таком организационном образовании, как социологическая служба промышленного предприятия. Так, в одной из ведущих социологических служб — службе Пермского телефонного завода — социологическая лаборатория, являющаяся ее ядром, по мере своего развития трансформировалась в отраслевой научно-исследовательский отдел социологии и психофизиологии труда.

Таким образом, в конце 1970—начале 1980-х годов сформировались предпосылки для создания первых в стране психологических служб промышленных предприятий.

Все эти тенденции проявились в появлении и развитии социально-психологической службы производственного объединения «Курганприбор», которая в начале 1980-х годов стала одной из ведущих не только психологических, но и социологических служб страны¹.

Начало этой работы было обусловлено тесным взаимодействием генерального директора ПО «Курганприбор» Е. В. Таранова с Институтом психологии АН СССР, результатом которого стала защита им в 1976 г. кандидатской диссертации

---

1 Интересно, что социологической эту службу называли сами социологи.

ции, посвященной социально-психологическим проблемам адаптации молодого рабочего. Следующим шагом этого взаимодействия стало осмысление опыта использования социально-психологического знания в руководстве предприятием (Журавлев, Таранов, 1979).

Наконец, в 1980 г. в объединении была создана социально-психологическая служба, которая во взаимодействии с Институтом психологии АН СССР (Б. Ф. Ломов, Ю. М. Забродин, Е. В. Шорохова) разрабатывала концепцию психологической службы производственной организации, работала как подразделение, обеспечивающее жизненные интересы работников объединения.

Служба «Курганприбора» решала задачи в форме проектирования целостной системы социального управления.

Эту систему регламентировал *стандарт социального управления* объединением. В нем было зафиксировано положение о том, что содержанием социального управления является организация среды жизнедеятельности работников объединения на основе социального планирования. При этом существенно, что организация среды жизнедеятельности направлена на удовлетворение потребностей и интересов работников, развитие их личности. В соответствии с таким подходом социально-психологическая служба объединения выступает основным *инструментом* социального управления.

Говоря о *структуре службы*, следует заметить, что общее руководство ее работой осуществлял генеральный директор объединения Е. В. Таранов, непосредственное руководство — В. Н. Гюппенен, выполняющий функцию заместителя генерального директора по инновациям, а руководителем лаборатории, выступающей ядром службы, был А. А. Грачев, закончивший аспирантуру Института психологии и защитивший там кандидатскую диссертацию по психологии (руководитель — Б. Ф. Ломов).

Состав лаборатории обеспечивал комплексную работу по реализации интересов персонала: начальник лаборатории — психолог; психологи — 5 человек; физиолог (физиологические методы оценки состояния, обеспечение рационального питания, адекватного двигательного режима) — 1 человек; социолог (анализ социальной структуры организации, осуществление социального проектирования) — 1 человек; врач (интегральные методы диагностики состояния организма, разработка и апробация скрининг-системы) — 1 человек; группа НОТ — 3 человека.

Содержание работы лаборатории определялось тем, что она являлась ядром социально-психологической службы, в свою очередь, выступающей инструментом социального управления. В работе лаборатории были определены *три уровня*, имеющие свою специфику.

Работа на уровне производственных подразделений и организации в целом — формирование оптимальной организационной среды.

Работа с персоналом — повышение удовлетворенности человека различными сторонами своей жизнедеятельности (как на производстве, так и в быту), оптимизация его психофизиологического состояния, повышение уровня развития личности.

Работа с группой (бригадные формы организации труда) — оптимизация социально-психологического климата и повышение уровня развития групп.

Формы работы:

- анализ организационной среды по показателям жизненных интересов персонала, определение проблемных зон, разработка предложений по разрешению проблем (совместно с подразделениями объединения);
- обучение руководителей социальному управлению;
- разработка перспективных планов социального развития (для подразделений и объединения в целом); оперативный контроль социального управления;
- предоставление руководителям необходимой социальной информации о подразделении, о работниках (с учетом интересов работников), о социально-психологическом климате и уровне развития рабочих групп;
- диагностика и оптимизация психофизиологического состояния;
- индивидуальные психологические консультации;
- адаптация молодых рабочих;
- групповые тренинги с целью оптимизации делового и межличностного взаимодействия, подготовки к совместной деятельности.

Таким образом, содержание работы специализированной лаборатории, выступающей ядром социально-психологической службы, имело комплексный характер, на что обращали внимание не только работники службы (Таранов, 1983; Грачев, 2008), но и академические ученые (Журавлев, Зотова, 1982; Боровик, Журавлев, Крылова, 1986), и соответствовало современному уровню организационной психологии, в которой наиболее эффективными считались методы структурных изменений.

В значительной степени организационные основы социального управления задавались *ежегодными планами социального развития* подразделений, имеющими заданную структуру и требующими для своей разработки поиска проблем по каждому разделу плана, определения предложений по решению проблем, сроков и ответственных. Эти планы утверждались решением общего собрания работников подразделения. Общий контроль над качеством и реализацией плана осуществлялся так называемой балансовой комиссией, состоящей из топ-менеджеров предприятия, оценивающей итоги работы подразделения в истекшем году и в первой половине января.

Годичный план социального развития подразделения включал в себя одиннадцать обязательных разделов: обогащение содержания труда; совершенствование системы оплаты труда; улучшение условий труда, охрана здоровья и техника безопасности; разработка рациональных режимов труда и отдыха, средств восстановления состояния работников; повышение социальной значимости результатов труда; совершенствование системы профессионального роста; адаптация молодых рабочих; совершенствование системы социальной информации; улучшение жилищно-бытовых условий рабочих; организация их свободного времени; обеспечение возможностей для реализации социальной активности (самоуправление, техническое творчество, общественно-политическая активность).

Оперативное управление и контроль осуществлялись на основе разработки и реализации *ежемесячных планов социального управления* подразделений, согласованных с ежегодными планами социального развития. Ежемесячная балльная оценка выполнения этих планов была включена в комплексную систему эффек-

тивности и качества управления (КСЭКУ) и влияла на размер премии подразделения. (Оценка определялась социально-психологической службой).

Ответственность за разработку и реализацию планов возлагалась на руководителей подразделений, которые прошли обучение социальному управлению по программам, разработанным лабораторией.

В качестве примера можно привести некоторые мероприятия, планируемые и реализованные цехами объединения (обсуждаются лишь несколько разделов из ежегодных планов социального развития):

I. Обогащение содержания труда

Проблемы, часто определяемые цехами:

- выраженная и слабовыраженная (по отзывам рабочих) монотония на отдельных участках (указываются конкретные участки);
- слабовыраженное деловое взаимодействие между работниками.

Решения:

- беседы руководителей и психологов с мастерами и бригадирами о необходимости обогащения труда;
- обучение рабочих всем операциям, имеющимся на участке; совмещение операций; смена операций, типов элементов; освоение смежных профессий; работа на нескольких станках (последовательная смена);
- самостоятельное планирование рабочими производственных заданий (последовательность операций, ритм и т. п.);
- создание комплексных бригад с возможностью взаимозамены;
- перепланировка рабочих мест с целью организации возможностей для общения; проектирование рабочих мест с учетом взаимных выборов (социометрия);
- трансляция функциональной музыки; управление процессом трансляции функциональной музыки самими рабочими (участие в составлении программ, регуляции громкости, определении продолжительности трансляции); организация информационных выпусков; организация творческой группы из работников цеха при радиоузле для создания музыкальных, познавательных программ, литературных передач;
- внедрение физкультпауз.

II. Организация свободного времени

Проблемы:

- отсутствие массовости в физкультурно-оздоровительной работе;
- низкий уровень массовых форм организации свободного времени.

Решения:

- организация спортивных секций на базе цехов; организация спортивных мероприятий (в том числе, семейных);
- выезды за город; коллективные походы в кино, театр, дискотеки;
- организация цеховой художественной самодеятельности;
- организация цеховых кружков и клубов по интересам (семейный, автолюбителей, книголюбов, любителей песни, музыки, литературы, бега, пешей ходьбы, подледного лова, встреч с интересными людьми и т. д.);

- организация творческих выставок (фотографических, художественных, детских работ, кулинарных и др.);
- встречи с авторами стихов – работниками цеха.

III. *Разработка рациональных режимов труда и отдыха, средств восстановления психофизиологического состояния работников*

Проблемы:

- неблагоприятное состояние работников определенных категорий (утомление, монотония);
- высокий уровень заболеваемости работников;
- нерациональные представления работников об оптимальном режиме труда и отдыха.

Решения:

- организация условий для отдыха (комнаты, уголки, зоны отдыха, в том числе, летние площадки);
- организация регламентированных перерывов, чаепитий в регламентированные перерывы;
- организация производственной гимнастики с учетом характера труда (с подготовкой общественных инструкторов);
- организация функциональной музыки;
- организация стендов с информацией о рациональных режимах труда и отдыха, а также о здоровом образе жизни;
- организация игр в обеденный перерыв (шашки, шахматы, теннис);
- внедрение программ психологической разгрузки; обучение саморегуляции;
- мониторинг психофизиологического состояния работников.

IV. *Совершенствование системы социальной информации*

Проблемы:

- недостаточный уровень полезной для работника информации.

Решения:

- проведение опросов работников подразделений для определения актуальных для подразделения проблем;
- организация доступных для работника каналов информации по значимым вопросам (оплата, условия труда, жилье и т. п.);
- регулярное проведение опросов работников с целью определения запросов на консультирование; организация консультаций: психолога, повара, юриста, специалиста по вопросам эстетики и др.;
- радиопередачи с полезной для работника информацией; регулярное проведение лекций и бесед в соответствии с запросами работников;
- оформление стендов с актуальной для работников информацией (хозяйственные вопросы, здоровье, воспитание детей и т. д.);
- организация в подразделении службы «Ваше настроение».

V. *Адаптация молодых рабочих*

Проблемы:

- низкий уровень работы с адаптантами (указываются участки);

- высокая текучесть среди адаптантов;
- низкий уровень вовлеченности адаптантов в общественную работу.

Решения:

- проведение профдиагностики и профконсультирования поступающих на работу;
- разработка регламента по работе с адаптантом (знакомство с коллективом, включение в коллектив и т. д.), учитывающего специфику цеха;
- внедрение системы обрядов (торжественное вручение адаптантам рабочих путевок, посвящение в рабочие, получение первой зарплаты, проводы в армию);
- организация системы информации для адаптантов (по значимым для них позициям);
- издание информационного листка адаптанта;
- разработка памятки для наставника, подбор наставников по профессиональным качествам (ориентация на обучение, высокий моральный уровень), организация обучения наставников, организация работы совета наставников;
- информирование коллектива об успехах адаптантов;
- включение адаптантов в работу школ передовых методов труда, вовлечение адаптантов в общественную работу;
- привлечение к индивидуальной работе с адаптантами, кроме наставника, начальника цеха и представителей общественных организаций;
- организация соревнования и конкурсов профмастерства среди адаптантов.

В работе по организации социального управления начальники подразделений (руководители среднего звена) находились в непосредственном подчинении у заместителя генерального директора по инновациям (топ-менеджер). При этом они могли непосредственно взаимодействовать с лабораторией, которая оказывала им необходимую методическую помощь.

Реализации системы социального управления на ее низших уровнях способствовало то, что в крупных цехах объединения работали цеховые психологи, включенные в штат цеха, находящиеся в непосредственном подчинении начальнику цеха, а в функциональном — руководителю лаборатории. В трудовой книжке их должность обозначалась, как «цеховой психолог, помощник начальника цеха по социальным вопросам».

Следует отметить, что должность цехового психолога была лишь в службе «Курганприбора».

Формы работы цехового психолога:

- участие в разработке плана социального развития цеха;
- оперативный контроль социального управления;
- включение рядовых работников в управление (прежде всего — в решение социальных вопросов);
- организация и контроль процесса адаптации;
- диагностика и обучение руководителей младшего звена — мастеров и бригадиров;
- профдиагностика и профконсультирование работников;

- оценка и оптимизация социально-психологического климата;
- оценка и оптимизация психофизиологического состояния работников;
- обучение общению, формирование коммуникативных способностей (тренинги);
- индивидуальные консультации работников.

В 1980-е годы в СССР появились и другие психологические службы (как психологические они обозначались по преобладанию в их работе психологической составляющей), причем это были не только службы предприятий (см.: Самсонов, Журавлев, 1983), но и отраслевые службы, наиболее известной из которых была служба Миннефтехимпрома (В. В. Новиков).

В результате, когда в 1984 г. в Москве в Институте психологии АН СССР состоялась I всесоюзная конференция по вопросам психологической службы в СССР, службы промышленных предприятий были представлены на ней довольно широко. При этом явно проявилась *тенденция междисциплинарного подхода* в определении содержания работы служб. Правда, среди служб, занимающихся социальным управлением, большинство составляли социологические службы. Кроме социально-психологической службы «Курганприбора», в состав наиболее известных служб страны входила лишь одна психологическая служба – Красногорского механического завода (зав. лабораторией – В. Н. Безносиков).

Комплексный подход и междисциплинарный характер работы проявился в ходе анализа состава и задач, решаемых социологическими и психологическими службами (139 служб), проведенного в 1986 г. нами совместно с Н. В. Крыловой (Грачев, Крылова, 1986).

Состав типичной службы

Согласно полученным данным, в 51% случаев основу службы составляла небольшая лаборатория социологических исследований, которую возглавлял психолог или социолог (реже – философ). Лаборатория находилась в подчинении либо начальнику отдела НОТ, либо заместителю руководителя по кадрам. Численность типичной службы – один-пять человек (в 60% случаев). В этом отношении социально-психологическая служба «Курганприбора» отличалась от типичных служб того времени выходом на более высокий уровень управления, комплексностью и многочисленностью состава специалистов, что позволяло решать не только оперативные, но также стратегические и исследовательские задачи.

Решаемые задачи

Основной формой работы служб выступало составление планов социального развития. Конкретные направления проводимых ими работ были связаны со стабилизацией трудового коллектива на основе организации процесса адаптации молодых рабочих, совершенствования социально-психологического климата и других мероприятий по уменьшению текучести кадров.

Значительное место занимала работа с руководителями, резервом и ИТР (аттестация, оценка личностных качеств, обучение), пропаганда психолого-социологических знаний. Большое внимание уделялось профориентации школьни-

ков. Определенную часть своих задач службы связывали с внедрением бригадных форм труда, развитием социальной активности, обследованием общественного мнения и организацией службы «Ваше настроение». Наконец, службы занимались оптимизацией психофизиологического состояния, участвовали в совершенствовании системы управления производством.

Примечательно то, что служба «Курганприбора» решала все эти и многие другие задачи в форме проектирования целостной системы социального управления.

Перспективные задачи

В качестве *перспективных* службы выделяли задачи, связанные с оптимизацией психофизиологического состояния работников, улучшением условий труда, организацией комнат психологической разгрузки. Большое внимание уделялось отбору и обучению руководителей и резерва, совершенствованию систем управления производством. Значительное место занимала работа по организации профотбора, системы профориентации и профконсультирования. Многие службы планировали организацию системы «Ваше настроение», совершенствование бригадных форм организации труда. Видно, что этот блок задач повторяет уже решаемые задачи.

Новыми для большинства служб были следующие задачи: организация психологической диагностики и консультирования, служб семьи, организация досуга. Характерно было то, что основная часть служб намеревалась вести дальнейшую работу в форме организации системы социального управления, хотя и выражала большие сомнения в реализации этой задачи.

Эти данные показывают, что опыт работы социально-психологической службы ПО «Курганприбор» отвечал прогрессивным требованиям того времени. Актуальным он остается и сегодня.

Показателем научно-практической актуальности опыта службы является то, что на базе объединения «Курганприбор» совместно с Институтом психологии АН СССР были проведены несколько всесоюзных конференций, две из которых (1983 г. и 1985 г.) были посвящены обсуждению теоретических, методических и организационных основ работы социально-психологических служб промышленных предприятий.

Развитие служб привело к тому, что эта работа была регламентирована на государственном уровне, основой чего послужило постановление Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам, Президиума АН СССР и ВЦСПС от 1 апреля 1986 г. «Об улучшении организации социологической работы в отраслях народного хозяйства и утверждении типового положения о службе социального развития предприятия, организации, министерства».

Для этого постановления характерно то, что, с одной стороны, признается приоритет социологии в этой области (говорится о социологической работе в народном хозяйстве), но, с другой стороны, комплексность и практическая ориентированность в этой работе нашла свое выражение в обозначении службы как службы социального развития (а не социологической).

В постановлении были названы передовые службы социального развития страны – службы «АвтоЗИЛа», Ленинградского объединения «Светлана», объ-

единения «Курганприбор», Норильского горно-металлургического комбината, Тираспольского швейного объединения, Днепровского машиностроительного завода, Московского станкостроительного завода «Красный пролетарий», Пермского телефонного завода.

В этом списке лишь одна служба — объединения «Курганприбор» — была психологической, остальные традиционно относились к социологическим.

Комплексность и междисциплинарность служб нашла свое отражение в значительной в этом отношении работе — практическом пособии «Служба социального развития предприятия», которое вышло в 1989 г. в издательстве «Наука». Руководителями авторского коллектива, состоящего примерно в равных пропорциях из социологов и психологов (с некоторым преобладанием социологов), выступили Б. Ф. Ломов (психолог) и В. Н. Иванов (социолог).

Наметившееся взаимодействие психологов и социологов в области разработки научно-методических основ служб социального развития промышленных предприятий прекратилось во второй половине 1980-х годов в связи с кризисом в промышленности, который привел к распаду служб предприятий. В настоящее время лишь складываются предпосылки возрождения таких служб в связи с общемировой тенденцией гуманизации управления и стремлением России приблизиться в этом отношении к развитым странам.

Примечательно, однако, то, что в психологии обращение к опыту работы таких служб практически не представлено в связи с тем, что психологи-практики работают преимущественно не в промышленности, а в образовании, силовых структурах и коммерческих организациях. В современных социологических работах эти службы обозначаются уже не как службы социального развития, а как социологические. Так, в социологических работах (Социология в России, 1998; Щербина, 2008) в качестве передовых называются службы таких предприятий, как КАМАЗ, ВАЗ, АЗЛК, «Светлана», «Курганприбор», Тираспольское швейное объединение, и эти службы определяются как социологические, что справедливо для всех названных служб, кроме службы «Курганприбора».

Таким образом, в конце 70—начале 80-х годов XX в. в СССР сложились предпосылки для практической реализации психологического знания в форме психологической службы промышленного предприятия. Эти предпосылки были связаны с гуманизацией управления промышленными предприятиями, стремлением психологии к развитию своих практических приложений, с запросом к психологическому знанию со стороны социологии. Становление психологической службы, с одной стороны, и опыт работы социологических служб промышленных предприятий — с другой, показали, что эта служба должна иметь комплексный характер, что требует междисциплинарных знаний о человеке, ядром которых выступает психологическое знание. Это и было реализовано в передовых службах социального развития промышленных предприятий СССР и нашло свое выражение в деятельности социально-психологической службы объединения «Курганприбор», выступающей инструментом социального управления предприятием. В этом отношении опыт работы службы «Курганприбора» соответствует современной модели управления — управлению человеческими ресурсами — и может использоваться передовыми предприятиями, способными реализовать эту модель управления.

Литература

- Боровик В. С., Журавлев А. Л., Крылова Н. В.* Проблемы «службы человека» на производстве // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 1. С. 154–160.
- Грачев А. А.* Психологическое проектирование производственной организации. СПб., 2008.
- Грачев А. А., Крылова Н. В.* Основные задачи социально-психологических служб // Первый Всесоюзный симпозиум по социальной психологии. Кострома, 1986. С. 64–66.
- Журавлев А. Л., Зотова О. И.* Психологическая служба промышленного предприятия: поиски, решения // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 1. С. 155–158.
- Журавлев А. Л., Таранов Е. В.* Социально-психологические основы опосредованных методов руководства // Психологические механизмы регуляции социального поведения / Отв. ред. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. М., 1979. С. 287–304.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.
- Новиков В. В.* Принципы построения и опыт работы отраслевой психологической службы Миннефтехимпрома СССР // Социально-психологическая служба промышленного предприятия: теория, опыт, практика / Под ред. Е. В. Таранова, Ю. М. Забродина. Курган, 1983. С. 27–35.
- Самсонов В. Ю., Журавлев А. Л.* Организационные формы и направления работы психологической службы ПО «Электростальтяжмаш» // Социально-психологическая служба промышленного предприятия: теория, опыт, практика / Под ред. Е. В. Таранова, Ю. М. Забродина. Курган, 1983. С. 51–59.
- Служба социального развития предприятия: Практическое пособие. М., 1989.
- Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. М., 1998.
- Таранов Е. В.* Методологические и организационные основы социально-психологической службы производственной организации» // Социально-психологическая служба промышленного предприятия: теория, опыт, практика / Под ред. Е. В. Таранова, Ю. М. Забродина. Курган, 1983. С. 12–27.
- Таранов Е. В., Грачев А. А., Гюппенен В. Н.* Человек в производственной организации. Курган, 1981.
- Щербина В. В.* Заводская социология и управленческое консультирование в советский и постсоветский периоды // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 115–124.

История зарождения и этапы развития психологической службы уголовно-исполнительной системы России

М. Г. Дебольский, Ф. И. Ушков (Москва)

Использование психологических знаний в уголовно-исполнительной системе имеет давнюю традицию. Понимание исторических тенденций дает возможность адекватно оценить современное состояние психологического обеспечения

уголовно-исполнительной системы и наметить перспективы ее дальнейшего совершенствования. Выделим основные этапы развития психологической службы.

Первый этап — формирование представлений о возможностях использования психологической науки в пенитенциарной практике и накопление соответствующих знаний.

Как отмечает в докторской монографии по истории пенитенциарной психологии В. М. Поздняков, лишь в XVIII в., в эпоху Просвещения, как за рубежом, так и в России в трудах ученых стали появляться достаточно плодотворные пенитенциарно-психологические идеи (Поздняков, 2000, с. 6). В более ранний период своего развития уголовно-исполнительная система просто не нуждалась в психологических знаниях. Не случайно наш соотечественник, всемирно известный писатель Ф. М. Достоевский, отбыв наказание в одном из сибирских островов и описав все ужасы тюремной жизни, назвал его «мертвым домом» («Записки из мертвого дома»). Впоследствии С. В. Позднышев писал: «Для несложных целей и примитивной грубости этого «мертвого дома» особых пенитенциарных знаний не требуется. Строгий и распорядительный начальник, крепкие замки и решетки, наружная дисциплина и отсутствие побегов — вот все, что, казалось, нужно у нас для хорошей постановки пенитенциарного дела». Но по мере того как менялась цель наказания от возмездия к исправлению личности, менялось и отношение к преступнику, появлялась потребность в психологических знаниях.

Так, один из сподвижников реформ Петра I И. Т. Посошков отмечал необходимость учитывать при исполнении наказания психологию преступников, осуществлять их классификацию «во избежание вредного влияния худших на менее испорченных» (см.: Посошков, 1951).

Историк и философ князь М. М. Щербатов в известной книге «История российской с давних времен» указывал на важность понимания законодателями «человеческого сердца» и создания законов с учетом психологии народа. Он одним из первых поднял вопрос о возможности досрочного освобождения исправившихся осужденных.

В период царствования Екатерины II была предпринята одна из первых попыток реформирования тюремной системы (1775). В составе комплекса мер она предполагала и создание условий для исправления осужденных. «Цель наказания, — писала Екатерина II, — состоит не в том, чтобы мучить тварь, чувствами одаренную. Она на тот конец предписана, чтоб воспрепятствовать виноватому, дабы он впредь не мог вредить обществу, и чтобы отвратить граждан от содеяния преступлений» (см.: Гернет, 1981, с. 13).

Необходимо отдать должное ученым юристам, которые первыми осознали общественную потребность в применении психологических знаний в сфере исполнения наказаний и активизировали научные поиски в этом направлении. Особенно активно психологические идеи стали развиваться во второй половине XIX в. Так, юрист С. И. Баршев в работе «Взгляд на науку уголовного законоведение» (1858) указывал, что ни один вопрос уголовного права не может быть решен без помощи психологии, которая должна быть его составной частью; а, во-вторых, именно психология учит законодателя «видеть в преступнике не необузданного зверя, а человека, которого нужно перевоспитывать» (Поздняков, 2000).

От описания важности учета психологического фактора в перевоспитании осужденных во второй половине XIX—начале XX в. осуществляется переход к не-

посредственному изучению личности преступников, описанию особенностей их поведения в местах лишения свободы и разработке конкретных рекомендаций по дифференциации и индивидуализации процесса исполнения наказания. Большой вклад в изучение данной проблемы внесли такие ученые, как психолог и невропатолог В. М. Бехтерев, психолог А. Л. Лазурский, юристы Л. В. Владимиров, С. П. Познышев, М. Н. Гернет и др.

На становление и развитие пенитенциарной психологии на рубеже XIX–XX вв. существенное влияние оказали русские писатели: Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, М. Горький. Художественным, доступным для понимания большинства людей языком они описали механизмы преступного поведения, психологические портреты типичных преступников и глубинные мотивы их поступков, показали влияние наказания и социальной среды осужденных на психику человека, лишённого свободы. Российский социокультурный фактор сыграл важную роль в формировании гуманистических представлений о личности преступника и возможности его реабилитации.

Существенное развитие юридическая психология и пенитенциарно-психологические идеи исправления и перевоспитания осужденных получили в 20-е годы XX в., то есть в советский период. С целью изучения личности преступника, разработки рекомендаций по профилактике преступлений и исправления осужденных были созданы психологические и криминологические кабинеты во многих крупных городах: Петрограде, Москве, Самаре, Саратове, Минске, Ростове-на-Дону, Харькове, Одессе, Тифлисе, Баку и др. В 1925 г. при НКВД РСФСР создан Государственный институт по изучению преступности и личности преступника. В числе основных задач данного института значилась разработка системы методов изучения и воспитательного воздействия на осужденных.

В 1920-е годы были опубликованы такие фундаментальные труды по пенитенциарной психологии, как монография С. В. Познышева «Криминальная психология: Преступные типы» (1926), книга М. Н. Гернета «В тюрьме: Очерки тюремной психологии» (1927), обобщающая методическая работа Ю. Ю. Бехтерева «Изучение личности заключенного» (1928) и ряд других. По достигнутым успехам в развитии пенитенциарной психологии этот период порой образно называют «серебряным веком» (Поздняков, 1998, с. 28).

Однако изменение идеологии государства, выдвижение ложного лозунга об усилении классовой борьбы, культ личности привели к изменению и уголовно-исполнительной политики. Начали создаваться лагеря для «социально неблагонадежных» граждан, элементарные права человека стали игнорироваться. Потребность в психолого-педагогических исследованиях не только отпала, но имела и трагические последствия для ряда ученых и руководителей мест заключения (Петровский, Ярошевский, 1994, с. 143–160).

Лишь в конце 1950–начале 1960-х годов изменение государственной политики, реорганизация пенитенциарных учреждений, создание отрядной системы, ориентация законодательства на исправление осужденных способствовали возрождению интереса к пенитенциарной психологии. Выходят работы таких авторов, как М. А. Ефимов «Изучение личности заключенного и оценка доказательств его исправления и перевоспитания» (1963), А. Г. Ковалев «Психология исправления и перевоспитания заключенных» (1964), издается цикл лекций по предмету

исправительно-трудовой психологии А. Г. Глоточкина и В. Ф. Пирожкова (1966—1970). В 1974 г. данные авторы издают первый отечественный учебник «Исправительно-трудовая психология» под редакцией известного отечественного психолога К. К. Платонова.

В первой половине 1970-х годов проблемы психологии личности и социальной среды осужденных начинают активно изучаться во вновь созданных учебных и научно-исследовательских заведениях: научно-исследовательской лаборатории Рязанской высшей школы МВД, на кафедре психологии управления Академии МВД, в секторе судебной психологии ВНИИ Прокуратуры, ВНИИ МВД и др.

В конце 1960—начале 1970-х годов были сформированы научные предпосылки для создания психологической службы в уголовно-исполнительной системе. Не случайно один из наиболее авторитетных специалистов по уголовно-исправительному праву этого периода Б. С. Утевский поставил вопрос о необходимости введения должностей психолога и педагога в штат исправительно-трудовых колоний. «Для повседневного научно обоснованного управления исправительно-трудовой колонией и тюрьмой, безусловно, необходима в каждой из них штатная должность специалиста-психолога и, по возможности, специалиста-педагога. Введение в штат этих двух специалистов с лихвой окупится благодаря повышению качества и сокращению сроков исправления, которое, несомненно, последует после усиления аппарата указанными работниками» (Утевский, 1969, с. 25).

Введение должности психолога — это принципиально новый подход к проблеме психологического обеспечения деятельности исправительно-трудовых учреждений. Он позволяет более квалифицированно и полно использовать возможности психологической науки в функционировании УИС. И эти возможности постепенно стали реализовываться.

Второй этап развития психологической службы УИС — введение должности психолога в штаты воспитательных колоний (ВК) для работы с несовершеннолетними осужденными (1974) и экспериментальная апробация модели деятельности психологической лаборатории в исправительной колонии (1987—1990) для всех категорий осужденных. Положительный опыт психологической работы с несовершеннолетними нашел отражение в научно-методической литературе (Башкатов, Саблина, 1977; Андреев и др., 1983). Однако эффективность работы психологов ВК все же была ниже ожиданий, имела место также высокая текучесть специалистов. Это обусловлено несколькими причинами: нехватка квалифицированных специалистов (количество выпускников психологических факультетов в тот период в стране было очень незначительное), должность психолога была не аттестованной и заработная плата существенно уступала другим специалистам; психологическая наука еще не имела отчетливо выраженной практической направленности, психотехнологии диагностики и коррекции были очень ограничены; в работе с осужденными, да и с персоналом, основная ставка делалась на политико-воспитательные методы воздействия, а социально-психологические недооценивались.

В конце 1980-х годов, в период так называемой «перестройки», вновь предпринимаются активные меры по дальнейшему развитию психологической службы. По инициативе управления исполнения наказаний Саратовской области (начальник — Ю. И. Калинин) в порядке эксперимента создается психологическая лабо-

ратория численностью до 4 человек на базе одной из колоний (1987–1990). На нее возлагалась задача отработки методов психологической диагностики осужденных.

Психологические лаборатории также были созданы в Пермской области (начальник — А. В. Вотинов) в воспитательной колонии и двух исправительных колониях для осужденных женщин. Они в большей степени специализировались на апробации методов психокоррекционного воздействия на осужденных (педагогического аутотренинга) (Новоселова, 1988). Результаты эксперимента были положительно оценены учеными и практиками, однако политическая ситуация в стране в тот период, не позволила принять меры по созданию психологических лабораторий и в других регионах.

В конце 1980-х годов произошло еще одно важное событие, способствовавшее развитию психологической службы. В Академии ФСИН России (в то время Рязанская высшая школа МВД СССР) создано отделение по подготовке практических психологов для уголовно-исполнительной системы (1989), преобразованное в психологический факультет (1991). Это важное управленческое решение инновационного характера, оно отразило уверенность руководства Главного управления исполнения наказаний, научной элиты и профессорско-преподавательского состава учебного заведения во главе с его начальником, профессором А. И. Зубковым в том, что психологическая служба в уголовно-исполнительной системе необходима и будет создана в ближайшее время.

Третий этап — создание психологических лабораторий во всех территориальных органах УИС России (1992–1998). В изменившихся социально-экономических условиях потребность уголовно-исполнительной системы в психологической работе существенно возросла. Это обусловлено деполитизацией воспитательной работы; ориентацией на международные стандарты обращения с осужденными, где психологическая работа являлась общепринятой; дефицитом средств исправления осужденных (возникли проблемы с трудовой занятостью контингента); возросшим уровнем криминализации лиц, отбывающих наказание и увеличением их численности. Поэтому весьма востребованным стал приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации № 305 «О создании психологических лабораторий исправительно-трудовых учреждений» от 2 сентября 1992 г. Это важная веха в истории развития практической психологии в органах, исполняющих наказания. Начиная с 2007 г., в соответствии с приказом директора ФСИН России, а впоследствии и Минюста России, 2 сентября стало отмечаться как профессиональный праздник — *день пенитенциарного психолога*.

В исправительных колониях ряда территориальных органов (Республики Башкирия, Татарстан; Санкт-Петербург и Ленинградская область, Красноярский, Пермский край, Орловская, Самарская, Саратовская, Ростовская, Рязанская, Ярославская) за короткие сроки были созданы психологические лаборатории со штатной численностью 2–3 человека. В ряде территориальных органов ФСИН России в работе с несовершеннолетними и осужденными женщинами начали применяться программы педагогического аутотренинга, разработанные доктором педагогических наук А. С. Новоселовой, стал накапливаться опыт проведения психологического консультирования и социально-психологических тренингов с осужденными и персоналом учреждений (Т. Ю. Базаров, М. Г. Дебольский, Т. В. Калашникова, В. С. Красник; А. В. Пищелко, Л. С. Саблина, В. И. Серов и др.) (Дебольский, 1994).

Однако служба развивалась неравномерно. Во многих территориальных органах ФСИН России в штаты исправительных учреждений было введено всего лишь по одному психологу, а в ряде учреждений их не было совсем. В 2008 г. численность психологической службы составляла всего 800 чел., тогда как исправительных колоний, ВК и СИЗО было более тысячи, в местах лишения свободы содержалось более 1 миллиона подозреваемых, обвиняемых, осужденных. Другими словами, численность психологической службы и качество оказываемых ею услуг не отвечали потребностям практики.

Причины такого положения дел — как субъективные, так и объективные. Субъективные (личностные) проявлялись в том, что часть руководителей территориальных органов ФСИН России не понимали значимости психологической службы и не стремились к ее развитию. Что касается объективных причин, то они также были. Необходимо отметить, что вопросы исполнения наказания, исправления осужденных никогда не были приоритетными для Министерства внутренних дел, в структуру которого входила уголовно-исполнительная система, а решение в одном ведомстве задач раскрытия преступлений и содержание под стражей на досудебном этапе создавало предпосылки для дополнительного «давления» на подозреваемых, обвиняемых при расследовании преступлений. В 1990-е годы все еще не хватало квалифицированных специалистов, и на должность психолога часто назначались люди с педагогическим образованием. Ведомственная система переподготовки и повышения квалификации психологов также не была создана, в структуре Главного управления исполнения наказаний отсутствовало подразделение, которое занималось бы организацией деятельности психологической службы.

Четвертый этап развития психологической службы (1999–2009). После передачи в 1998 г. уголовно-исполнительной системы в ведение Министерства юстиции Российской Федерации, психологическая служба стала развиваться более интенсивно. В 1999 г. введены должности психолога (старшего психолога) в отделы специального назначения, управления охраны. В новом типовом штатном расписании территориальных органов УИС предусмотрена должность начальника психологической службы. В 2000 г. в структуре ГУИН Минюста России создан самостоятельный отдел психологической службы, которым непосредственно руководил один из заместителей начальника ГУИН. На новое структурное подразделение возлагались задачи текущего (повседневного) и стратегического (перспективного) управления деятельностью психологов уголовно-исполнительной системы. *Создание самостоятельного отдела психологической службы в структуре ГУИН — это важная веха в развитии ведомственной психологической службы.* Его создание способствовало разработке научно обоснованной концепции функционирования ведомственной службы, централизации управления и внедрению единых стандартов по основным направлениям деятельности психологов.

В Концепции развития психологической службы определены цели службы, ее миссия, приоритетные задачи и направления деятельности. Концепция и план ее реализации утверждены в 2001 г. заместителем Министра юстиции Российской Федерации и явились стратегическим документом развития психологической службы. Остановимся кратко на основных элементах Концепции развития ведомственной психологической службы, организации ее деятельности и некоторых результатах.

Цель психологической службы УИС — максимально полное использование достижений психологической науки и практики для повышения эффективности процесса исполнения и отбывания уголовных наказаний. В соответствии с уголовным законодательством «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». Как показывают научные исследования, психологическая служба оказывает существенное влияние на достижение целей наказания.

Миссия (предназначение) психологической службы УИС состоит в повышении профессиональной культуры исполнения наказаний, исправлении (коррекции поведения) осужденных, оказании им психологической помощи и оптимизации («очеловечивании») отношений между персоналом и осужденными. Основываясь на принципах системного подхода, мы можем утверждать, что психологическая служба не только порождает новый вид профессиональной деятельности, которую осуществляют психологи, но качественно влияет на деятельность всей уголовно-исполнительной системы, а именно: кадровый аппарат и изменение принципов профессионального отбора персонала; обращение сотрудников службы безопасности к осужденным; индивидуальный стиль деятельности руководителей, обладающих более полной информацией как о себе, так и индивидуальных свойствах подчиненных; социально-психологическую (оперативную) обстановку в учреждении и уровень воспитательной работы с лицами, состоящими на профилактическом учете; поведение осужденных посредством использования психокоррекционных программ; сферу семейных отношений посредством консультирования сотрудников и членов их семей.

Другими словами, психологическая служба меняет «внутренний облик тюрьмы» и способствует функционированию уголовно-исполнительной системы с *позиций человек-центрированного подхода к управлению людьми*. Сущность этого подхода в том, что люди в организации, их потребности, интересы, возможности всегда *находятся в центре внимания* и определяют стратегию управления. Поэтому осознание миссии психологической службы ее сотрудниками и руководителями учреждений УИС является важной предпосылкой развития уголовно-исполнительной системы в целом.

В соответствии с принципом законности, важное внимание в организации психологической службы уделялось *нормативно-правовому обеспечению* деятельности психологов. В уголовно-исполнительном законодательстве России до 2003 г. лишь косвенно отмечалась необходимость психологической работы (статьи 8, 9, 110 УИК РФ). По инициативе отдела психологической службы ФСИН России в установленном законом порядке были внесены изменения в уголовно-исполнительное законодательство. Статья 12 УИК РФ была дополнена новым пунктом (б.1): «Осужденные имеют право на психологическую помощь, оказываемую сотрудниками психологической службы и иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи» (Уголовно-исполнительный кодекс..., 2011). По сути, впервые на законодательном уровне было закреплено не только право осужденных на психологическую помощь, но и *признан субъект, осуществляющий соответствующие функции*, — *психологическая служба*. На законодательном уровне также закреплен принцип добровольности: «*психологическая помощь осужденным оказывается на добровольной основе*» (там же).

К сожалению, не все предложения отдела психологической службы ФСИН России нашли отражение в Законе. Во-первых, Законодатель не определил, кто относится к «иным лицам». По нашему мнению, это специалисты, имеющие базовое психологическое образование или сертификат, подтверждающий специализацию в той или иной сфере психологической практики. Кроме того, эти лица должны соблюдать уголовно-исполнительное законодательство России, ведомственные нормативно-правовые акты и профессиональную этику пенитенциарного психолога. Во-вторых, в законе не указано, что активное участие осужденных в психологических мероприятиях может рассматриваться как стремление к развитию социально значимых свойств личности и учитываться при решении вопроса об изменении условий содержания, а также условно-досрочном освобождении. В-третьих, не определены основные виды психологической работы в целом и в частности, виды оказания психологической помощи осужденным.

К числу важных источников, регламентирующих деятельность психологической службы, относятся подзаконные нормативные акты – приказы Министерства юстиции Российской Федерации. Именно приказами Минюста России утверждены «Инструкция по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы» и примерные нормативы времени на выполнение основных видов работ психолога, формы отчетности психологической службы территориальных органов УИС, типовая структура и штаты психологической службы, положение о межрегиональных психологических лабораториях территориальных органов ФСИН России и др.

В Инструкции по организации деятельности психологической службы УИС прописаны и получили апробацию на практике *основные виды и направления психологической работы*. К числу основных видов психологической работы или психологических функций, которые возлагаются на психологическую службу УИС, относятся: психологическая диагностика, прогнозирование, психологическая экспертиза, психологическая коррекция, психотерапия, психологическое просвещение. Это универсальные функции, они реализуются при решении многих служебных задач, независимо от того, осуществляется работа с осужденными или персоналом (изучение осужденных в карантине, прием на службу сотрудников, психологическое обеспечение деятельности отрядов специального назначения). Каждая из функций осуществляется относительно однородными и типичными для нее средствами, методами (инструментарием).

Штаты и организационная структура ПС регламентированы ведомственными приказами. Организационная структура иерархична. Она представляет собой систему распределения выполняемых задач, функций, властных полномочий и ответственности между различными уровнями управления (федеральным – ФСИН России, уровень субъекта федерации – территориальные органы управления УИС, исполнительные органы – исправительные учреждения, СИЗО, уголовно-исполнительные инспекции и другие учреждения).

Подготовка, переподготовка и повышение квалификации психологов. Практически все сотрудники психологической службы имеют высшее образование. В 2009 г. доля психологов, имеющих базовое психологическое образование, составляла 70% (в 2000 г. – всего 40%), 17% прошли переподготовку в соответствии с установленным государственным стандартом (более 500 часов), 7% обучаются без отры-

ва от службы по специальности «Психология», и лишь 6% сотрудников не в полной мере соответствуют квалификационным требованиям.

В Федеральной службе исполнения наказаний организована разветвленная система переподготовки и повышения квалификации специалистов с учетом вида учреждения (подразделения), в котором они работают: для психологов следственных изоляторов и тюрем, воспитательных колоний, колоний-поселений, исправительных колоний для осужденных к пожизненному лишению свободы, исправительных колоний для содержания осужденных женщин; для начальников психологических служб, психологов отделов охраны, управления по конвоированию, отделов специального назначения, психологов межрегиональных психологических лабораторий, образовательных заведений. Кроме того, проводятся специализированные курсы повышения квалификации по направлениям психологической деятельности: психодиагностике, психологическому консультированию, проведению различных психокоррекционных программ, психологическому обеспечению деятельности сотрудников УИС в экстремальных ситуациях.

Научно-методическое обеспечение ПС направлено на использование современных научно обоснованных психодиагностических и психокоррекционных технологий. Наряду с традиционными субъектами научных исследований (ФКУ НИИ ФСИН России и образовательные учреждения ФСИН России) необходимо особо подчеркнуть роль межрегиональных психологических лабораторий (МПЛ). Они созданы приказом Минюста России в 2001 г. в 12 территориальных органах ФСИН России численностью 8 штатных единиц. МПЛ внесли весомый вклад в разработку научно обоснованных технологий работы с осужденными и персоналом УИС.

Психологическая служба УИС – открытая система, она взаимодействует с учеными других ведомств и постепенно интегрирует в психологическое сообщество России. Делегации сотрудников ПС УИС принимали активное участие в работе съездов Российского психологического общества. По пенитенциарной психологии функционировали отдельные симпозиумы и круглые столы. Известные ученые имели возможность не только принять участие в теоретических дискуссиях, но и ознакомиться с деятельностью пенитенциарных психологов на базе Азовской воспитательной колонии (Ростовская обл., 2007). Пенитенциарные психологи являются участниками многих общероссийских и региональных конференций.

С психологами УИС длительное время сотрудничают известные ученые Т. Ю. Базаров, Е. Г. Дозорцева, С. Н. Ениколопов, Ю. П. Зинченко, В. С. Мухина, Ф. С. Сафуанов и многие другие. На протяжении 10 лет В. С. Мухина регулярно (ежеквартально) посещает исправительную колонию особого режима, в Республике Мордовия, в которой содержатся осужденные к пожизненному лишению свободы. Результаты психологической работы с осужденными освещаются в журнале «Развитие личности» начиная с 2002 г. по настоящее время, а в 2009 г. нашли отражение в фундаментальной монографии (см.: Мухина, 2009).

Пятый этап развития ПС (2010–2013). В 2010 г. распоряжением Правительства Российской Федерации утверждена Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. Важное место в данной Концепции уделено совершенствованию психологической работы с осужденными. В указан-

ный период продолжалось увеличение численности сотрудников ПС, разработаны и апробированы базовые типовые программы психокоррекционной работы с основными категориями осужденных, значительное внимание уделено психотерапевтической подготовке сотрудников ПС. Вместе с тем разделение единой психологической службы на два подразделения (организация работы с личным составом и организация психологической работы с осужденными) нарушило целостность службы, приводило к противоречиям в выборе приоритетов работы, нарушало принцип взаимозаменяемости. Не уделялось должного внимания научно-методической работе, сотрудничеству с Российским психологическим обществом и психологами других ведомств.

Шестой этап развития ПС УИС (2013—настоящее время). Приказом Директора ФСИН России восстановлена единая психологическая служба. Руководством ФСИН России уделяется существенное внимание научно-методическому обеспечению деятельности практических психологов, усилено внимание к проведению мониторинга социально-психологической обстановки в подразделениях, в ряде территориальных органов отрабатывается новая модель психологического обеспечения Центра исправления осужденных исправительного учреждения, отрабатывается модель деятельности клинического психолога. Вместе с тем в 2013 г. произошло существенное снижение численности сотрудников психологической службы в связи с сокращением должности психолога в отделах охраны, что отрицательно сказывается на качестве психологической работы с персоналом и осужденными.

Заключение

Создание и развитие ПС УИС обусловлено объективными потребностями общества и реформированием уголовно-исполнительной системы, ее ориентацией на ресоциализацию осужденных и снижение уровня рецидива. Каждый этап развития психологической службы характеризуется качественным своеобразием. Инновационный потенциал руководителей ФСИН России, территориальных органов и психологических служб также сказывается на развитии службы.

С целью дальнейшего развития ведомственной психологической службы, повышения научной обоснованности модели деятельности пенитенциарных психологов и повышения эффективности их работы целесообразно реорганизовать Координационный совет психологической службы УИС в Научно-методический совет, повысив его роль в решении следующих задач: проведение экспертизы психодиагностических и психокоррекционных программ, рекомендованных психологам-практикам; предварительное обсуждение (психологическая экспертиза) нормативно-правовых документов, регламентирующих работу ПС; обсуждение и оценка положительного опыта психологического обеспечения работы с осужденными и личным составом; проведение добровольной сертификации психологов УИС и иных лиц, оказывающих психологическую помощь осужденным. Нуждается в дополнении Инструкции по организации деятельности психологической службы УИС с учетом накопленного опыта, требуется внесение изменений в уголовно-исполнительный кодекс, поскольку психологическая работа с осужденными является одним из средств их исправления.

Литература

- Баршев С. И.* Взгляд на науку уголовного законовещения. СПб., 1858. URL: <http://www.books.ru/books/vzglyad-na-nauku-ugolovno-zakonovedeniya-1566094> (дата обращения: 12.08.2016).
- Башкатов И. П., Саблина Л. С.* Психолог ВТК. М., 1977.
- Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. М., 1981. Т. 2.
- Дебольский М. Г.* Становление и развитие психологической службы в уголовно-исполнительной системе. // Вестник Рязанской высшей школы МВД РФ. Человек: преступление и наказание. 1994. № 3–4.
- Мухина В. С.* Отверженные: абсолют отвержения. М., 2009.
- Новоселова А. С.* Психолого-педагогические основы взаимодействия убеждения и внушения как условия ресоциализации личности осужденного: Теория и техники. Пермь, 1988.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* История психологии. М., 1994.
- Поздняков В. М.* Личность преступника и исправление осужденных (Историко-психологический очерк). Домодедово, 1998.
- Поздняков В. М.* Отечественная пенитенциарная психология: история и современность. М., 2000.
- Посошков И. Т.* Книга о скудности и богатстве и другие сочинения. М., 1951.
- Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. М., 2011.
- Утевский Б. С.* Что надо знать работникам исправительно-трудовых учреждений о кибернетике. М., 1969.

Значение научного наследия классиков московской психологической школы для современной клинической (медицинской) психологии

Н. В. Зверева, И. Ф. Рощина (Москва)

Введение

С конца 20—начала 30-х годов XX в. в рамках московской психологической школы начали формироваться две новые отрасли психологии и клинической (медицинской) психологии — патопсихология и нейропсихология. Их развитие связано с именами выдающихся отечественных ученых, классиков психологии — А. Р. Лурии (1902—1977), Б. В. Зейгарник (1901—1988), С. Я. Рубинштейн (1911—1990), Ю. Ф. Полякова (1927—2002), В. В. Лебединского (1927—2008). Каждый из этих ученых оставил богатое научное наследие, воплотившееся в их трудах и продолжающее свое развитие в деятельности их учеников и последователей. Это наследие, наряду с работами В. Н. Мясищева, является фундаментом современной клинической (ме-

дицинской) психологии, а также источником развития различных современных направлений прикладной и фундаментальной психологии.

Вклад Б. В. Зейгарник и С. Я. Рубинштейн в формирование экспериментально-психологической школы патопсихологии

Выпускники психологического отделения и факультета психологии МГУ с благодарностью вспоминают Блюму Вульфовну Зейгарник и Сусанну Яковлевну Рубинштейн как выдающихся психологов, имевших фундаментальное психологическое и общегуманитарное образование, колоссальный опыт практической работы в клинике с больными с разной патологией психики и щедро делившихся своими знаниями со студентами.

Б. В. Зейгарник получила психологическое образование на факультете психологии Берлинского университета. Ее дипломная работа, выполненная под руководством выдающегося психолога XX в. Курта Левина, получила мировое признание, а ее имя осталось в истории психологии в названии «эффект Зейгарник».

Главным делом жизни Б. В. Зейгарник было создание в нашей стране патопсихологии как самостоятельного направления научно-практической деятельности психологов. Патопсихология, по образному выражению Б. В. Зейгарник, является «смежной областью знаний» между психологией и психиатрией, опирающейся на психологические понятия и закономерности. В 1930-е годы Б. В. Зейгарник тесно сотрудничала с Л. С. Выготским и разделяла многие его представления о психике, ее генезе и патологии. Она развивала идеи В. М. Бехтерева о специфике работы психолога в психиатрии.

Совместно с С. Я. Рубинштейн она сформулировала такие принципы патопсихологического обследования, как качественный анализ деятельности больного, моделирование обычной психической деятельности, учет особенностей личности пациента, индивидуальный подход к подбору диагностических средств и др. Основной научный труд Блюмы Вульфовны – «Патопсихология» (последнее издание – 1986 г.), в котором представлены разработанные ею психологические классификации нарушений мышления и памяти, и сегодня остается широко востребованным в практической работе клинических психологов. Помимо этого, Б. В. Зейгарник внесла вклад в исследование патологии личности с опорой на теорию деятельности А. Н. Леонтьева (исследование нарушений иерархии мотивов и формирования патологических потребностей у больных алкоголизмом и нервной анорексией).

С. Я. Рубинштейн и Б. В. Зейгарник считали важным проведение экспериментальных патопсихологических исследований применительно к проблемам патологии психики у больных в широком возрастном диапазоне (детство, подростковый возраст, зрелость, старость). Они разработали новые методические средства для исследования патологии психики, необходимые для практической работы психологов в учреждениях здравоохранения.

С. Я. Рубинштейн является автором первого пособия для патопсихологов – «Экспериментальные методики патопсихологии и опыт их применения в клинике» (1970), которое многократно переиздавалось и используется до сих пор.

Блюма Вульфовна и Сусанна Яковлевна много лет преподавали патопсихологию (лекции, практикумы в психиатрической клинике), руководили аспирантами, проводили циклы семинарских занятий для практиков-психологов, т. е. участвовали в подготовке специалистов для новой сферы деятельности психологов. Работы С. Я. Рубинштейн, в частности «Психология умственно отсталого школьника» (1970), являются одними из первых в отечественной психологии, в которых систематизированы знания в области психологии аномального развития.

Важный опыт Блюма Вульфовна и Сусанна Яковлевна приобрели, работая под руководством А. Р. Лурии в тыловом нейрохирургическом госпитале на Южном Урале в г. Кисегач во время Великой Отечественной войны, где они разрабатывали методы реабилитации пациентов с нарушением высших психических функций вследствие ранений и поражения центральной нервной системы.

А. Р. Лурия – создатель отечественной нейропсихологии

В настоящее время А. Р. Лурия – самый цитируемый отечественный психолог в мировой психологии (наряду с И. П. Павловым и Л. С. Выготским). В 20-х годах XX в. совместно с Л. С. Выготским А. Р. Лурия участвовал в разработке теории культурно-исторического развития психических процессов. Его ранние работы по объективному изучению аффективных состояний положили начало целому ряду аналогичных исследований как в России, так и за рубежом, послужили базисом для создания детектора лжи. В области генетической психологии, изучая на близнецах роль генетических и социальных факторов в развитии психических процессов, он показал значение речи в организации психической деятельности у детей.

А. Р. Лурия является создателем московской школы нейропсихологии, ее методологических основ, автором первого учебника по нейропсихологии – «Основы нейропсихологии» (1973).

Важным результатом работы Александра Романовича было создание теории системной динамической локализации высших психических функций в головном мозге (совместно с Л. С. Выготским) и структурно-функциональной модели мозга как субстрата психической деятельности. Он ввел понятие нейропсихологического фактора для анализа симптомов нарушений психических функций при локальной патологии мозга, разработал метод комплексного нейропсихологического обследования больных с локальной патологией мозга, главным принципом которого является качественный синдромный анализ результатов психической деятельности больного. Созданные им новые классификации нарушений речи (афазий), праксиса (апраксий), описание синдромов нарушений психических функций при поражении затылочных, теменных, височных, лобных и глубинных структур мозга легли в основу отечественной нейропсихологии.

Еще одно новое направление нейропсихологии – нейрореабилитация больных с органическими заболеваниями головного мозга – явилось продолжением работы, проводившейся в нейрохирургическом госпитале во время Великой Отечественной войны. В рамках этого направления нейропсихологии сформулированы общие принципы и разработаны конкретные методы и методики восста-

новления речи и др. психических функций у больных с поражениями головного мозга.

А. Р. Лурия — один из создателей факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (1966). Он организовал кафедру нейро- и патопсихологии МГУ и до конца жизни руководил ею, читал лекции по общей психологии и нейропсихологии, создал лабораторию нейропсихологии в Институте нейрохирургии имени Н. Н. Бурденко.

Значение деятельности Ю. Ф. Полякова для развития клинической (медицинской) психологии

Ю. Ф. Поляков был одним из инициаторов создания и практической реализации образовательной специальности «клиническая психология» для подготовки студентов-психологов в данной области психологии. Написанная им учебная программа до настоящего времени служит ориентиром для преподавателей различных дисциплин этой специальности.

Ученик Б. В. Зейгарник Юрий Федорович Поляков много лет возглавлял лабораторию патопсихологии в Институте психиатрии АМН СССР, в которой проводились исследования нарушений психической деятельности у больных разного возраста с эндогенной психической патологией. В этой лаборатории разрабатывались новые методики для исследования восприятия, речи, мышления и др. сфер психики, которые используются в работе медицинских психологов. Юрий Федорович являлся приверженцем мультидисциплинарного подхода в научно-практической деятельности специалистов, связанной с изучением патологии психики.

За время работы Ю. Ф. Полякова как активного участника «Проблемной комиссии по медицинской психологии АМН СССР» (впоследствии РАМН) медицинская психология существенно расширила область научных исследований и практической деятельности: специалисты- психологи стали работать не только в психиатрии, но и в неврологии, нейрохирургии, наркологии, соматической и детской клинике, в женских консультациях.

Важным результатом научных исследований, проводившихся под руководством Ю. Ф. Полякова и представленных в монографии «Патология познавательной деятельности при шизофрении» (1974), является широко известная идея о своеобразии избирательности познавательной деятельности у больных шизофренией, которая сегодня используется при рассмотрении и обсуждении результатов современных исследований нарушений психической деятельности при психических расстройствах. Ю. Ф. Поляков считал необходимым в патопсихологии, так же как в нейропсихологии, разрабатывать проблему патопсихологического синдрома. Его коллеги, Т. К. Мелешко и В. П. Критская, по результатам многолетних исследований описали структуру патопсихологического синдрома при шизофрении в монографии «Патопсихология шизофрении» (2015).

Юрий Федорович внес большой вклад в подготовку клинических (медицинских) психологов, возглавляя после А. Р. Лурии в течение 20 лет кафедру нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ (1980—2000).

В. В. Лебединский – один из создателей типологии психического дизонтогенеза

В. В. Лебединский – ученик А. Р. Лурии, который начинал свою профессиональную деятельность с исследований в области нейропсихологии. Виктор Васильевич был преподавателем факультета психологии МГУ со времени его основания и работал там до конца жизни. В 1985 г. в издательстве МГУ вышла книга В. В. Лебединского «Нарушения психического развития у детей». В ней были системно изложены взгляды автора на психический дизонтогенез, его виды, проявления, факторы возникновения. Была предложена типология психического дизонтогенеза, которая рождалась в ходе научной и педагогической работы Виктора Васильевича. Эта работа опиралась на клинические разработки детской психиатрии и достижения научной психологической школы Выготского – Лурии – Зейгарник. При этом главным был анализ нарушенного развития с психологических позиций и в психологических понятиях. В течение многих лет В. В. Лебединский преподавал дисциплину «Психология аномального развития», совершенствуя и дополняя сформулированную им типологию психического дизонтогенеза.

С конца 70-х годов XX в. в исследованиях В. В. Лебединского главное место занимала проблема детского аутизма, которую он вместе с учениками разрабатывал с позиций научной психологии. Виктор Васильевич воспитал плеяду учеников, которые и в настоящее время продолжают разработку психологических основ и подходов к коррекции и обучению детей с различными особенностями развития.

Заключение

Идеи московской психологической школы имеют основополагающее значение для развития современной клинической (медицинской) психологии. Важнейшие среди них – сочетание качественного и количественного подходов, синдромный анализ нарушений психической деятельности, мультидисциплинарный подход в научной работе и практической деятельности клинических психологов и др. – продолжают жить в научно-практической работе современных клинических (медицинских) психологов.

Научно-практический проект «Опыт решения психологических задач в годы Великой Отечественной войны» как форма деятельности студенческого психологического добровольческого движения Центра экстренной психологической помощи МЧС России

И. Н. Елисеева, Ю. С. Шойгу (Москва)

История и основные задачи студенческого психологического добровольческого движения ЦЭПП МЧС России

Одной из важных задач Центра экстренной психологической помощи МЧС России (ЦЭПП МЧС России) является формирование культуры безопасности жизнедеятельности населения. Для решения столь масштабной задачи привлекаются студенты – будущие психологи, которые проходят необходимую подготовку под руководством специалистов психологической службы МЧС России и проводят интерактивные занятия и тренинги с различными группами населения, прежде всего с детьми, молодежью и пожилыми людьми.

История студенческого психологического добровольческого движения ЦЭПП МЧС России началась в 2007 г., когда был создан первый отряд в Москве. С организацией отрядов в городах базирования филиалов ЦЭПП МЧС России стала расширяться география движения и спектр выполняемых им задач. На сегодняшний день студенты объединены в 13 студенческих психологических добровольческих отрядов в Москве, Хабаровске, Красноярске, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Пятигорске, Севастополе, Санкт-Петербурге, Пушкине (Ленинградская область), Владимире, Пензе и Горно-Алтайске. Все отряды составляют единое студенческое психологическое добровольческое движение ЦЭПП МЧС России, деятельность которого построена на основе единых методологических, методических и организационных подходов.

К основным направлениям работы отрядов относится: 1) проведение тренингов безопасного поведения для разных групп населения; 2) обучение по программам оказания первой помощи и психологической поддержки в рамках Всероссийского проекта «Научись спасать жизнь!»; 3) оказание содействия в проведении мероприятий, проводимых ЦЭПП МЧС России и его филиалами, в том числе в работе на «горячих линиях», открытых в связи с чрезвычайными ситуациями; 4) оказание психологической поддержки детям, находящимся на стационарном лечении в детских больницах. Таким образом, деятельность студентов в отрядах носит профессионально ориентированный характер, а широкий спектр задач создает условия для их профессионального самоопределения, что делает привлекательной работу в отрядах для студентов. В свою очередь, увеличение количества отрядов и численности добровольцев позволяет получать ощутимые результаты. Так, за 2014 г. добровольцами совместно со специалистами ЦЭПП МЧС России было проведено 824 мероприятия с охватом более 18000 человек, за 2015 год – 808 мероприятий с охватом 14331 человек.

Как правило, добровольцы входят в состав отрядов в течение нескольких лет и за этот период проходят три этапа: 1) сотрудники психологической службы МЧС России проводят базовую подготовку новых членов отрядов по разработке и проведению мероприятий; 2) студенты разрабатывают и проводят мероприятия при поддержке специалистов-психологов МЧС России; 3) наиболее опытные студенты самостоятельно проводят мероприятия при систематической методической поддержке, а также передают накопленный опыт молодому поколению добровольческих отрядов. На всех трех этапах работа добровольцев сопровождается системой мотивирования, способствующей сохранению и повышению интереса к данной деятельности и более глубокому погружению в нее. Так, ежегодно проводится конкурс «Доброволец года». Тематика конкурса определяется наиболее актуальной в соответствующем периоде задачей добровольческого движения. Лучшие работы добровольцев публикуются и используются в деятельности отрядов.

Научно-практический проект «Опыт решения психологических задач в годы Великой Отечественной войны»: этапы реализации

Знаменательная дата в истории России – 70-летие Победы в Великой Отечественной войне – была отмечена реализацией научно-практического проекта студенческого психологического добровольческого движения ЦЭПП МЧС России, первоначально получившего название «Отечественные психологи в годы Великой Отечественной войны». Цель проекта – изучение и популяризация достижений в области психологии и смежных с ней отраслей науки и практики в период Великой Отечественной войны – объединила в творческий коллектив представителей академической науки, высших учебных заведений, осуществляющих подготовку по направлению «психология», специалистов психологической службы МЧС России и студентов-добровольцев.

Научными руководителями проекта выступили заместитель директора ФГУН «Институт психологии Российской академии наук» В.А. Кольцова и директор ФКУ ЦЭПП МЧС России Ю.С. Шойгу. Научные консультанты проекта – заведующий кафедрой общей психологии и истории психологии АНО ВПО «Московский гуманитарный университет» Ю.Н. Олейник и начальник отдела ЦЭПП МЧС России И.Н. Елисеева – планировали и сопровождали работу отрядов по проекту на всех его этапах.

Задачи проекта, сформулированные на этапе его планирования, позволили конкретизировать направления деятельности творческого коллектива и определили широкий спектр работ по проекту, включающих: создание условий для вовлечения студентов-добровольцев в исследовательские проекты, посвященные истории страны; создание условий для развития профессиональных компетенций добровольцев в области историко-психологических исследований; расширение и детализация знаний студентов-добровольцев о развитии отечественной психологической мысли в период Великой Отечественной войны; активизация взаимодействия студенческой молодежи, ветеранов и тружеников тыла Великой Отечественной войны, оказание психологической поддержки ветеранам; выявление ранее не введенных в научный оборот сведений о деятельности отечест-

венных психологов и специалистов смежных специальностей в период Великой Отечественной войны.

Проект реализовывался поэтапно. На методическом этапе группа специалистов ЦЭПП МЧС России, Московского гуманитарного университета и Института психологии РАН разработала темы полуструктурированных интервью ветеранов и тружеников тыла Великой Отечественной войны, а также специалистов смежных с психологией специальностей. Полуструктурированные интервью включали 6 тематических блоков: деятельность респондента в период Великой Отечественной войны; межличностные и межгрупповые отношения в этот период; организация медицинского обеспечения, в том числе восстановительных мероприятий; адаптация к мирному времени после окончания войны; применение опыта, полученного в военное время, после войны; современные условия жизни и степень удовлетворенности ими.

Для организации поиска материалов о деятельности психологов в библиотеках и архивах были выделены основные тематические рубрики, с опорой на исследования В. А. Кольцовой и Ю. Н. Олейника (Кольцова, Олейник, 2005; 2006): психология (восстановление трудоспособности и боеспособности раненых, восстановление функций мозга после ранений, социально-психологические и личностные качества военнослужащих, проблемы общей и педагогической психологии), педагогика, военное дело, медицина (психиатрия, неврология, в дальнейшем — терапия, хирургия). Также были разработаны правила фиксации, хранения и передачи полученной информации.

Содержанием второго этапа реализации проекта стала практическая работа студентов-добровольцев и сотрудников ЦЭПП МЧС России по подготовке, проведению, расшифровке и анализу интервью ветеранов и тружеников тыла Великой Отечественной войны. Также осуществлялся поиск и сбор сведений о деятельности психологов и специалистов смежных специальностей в архивах и библиотеках. Работа участников проекта сопровождалась научно-методической поддержкой научных консультантов проекта Ю. Н. Олейника, И. Н. Елисеевой, а также сотрудников ЦЭПП МЧС России М. С. Талмач и Е. В. Марченко в формате регулярных дистанционных семинаров и консультаций.

Проведение интервью позволило добровольцам прикоснуться к переживаниям непосредственных участников событий и получить уникальную возможность приобщиться к личному опыту ветеранов. Работа в библиотеках способствовала ознакомлению с полными текстами работ выдающихся отечественных психологов, психофизиологов и психиатров (С. Г. Геллерштейн, К. Х. Кекчеев, А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец, В. А. Гиляровский, Н. Н. Тимофеев и др.), как правило, не входящих в программу университетского курса истории психологии. Исследование архивных документов и периодических изданий позволило уточнить представления о проблемах гражданского и военного управления; практических задачах, решаемых в военное время; морально-психологическом климате коллективов; специфике межгрупповых отношений; условиях функционирования научных, педагогических и других коллективов; бытовых условиях жизни и деятельности и т. д.

Третий этап — аналитический — реализовывался по мере сбора, анализа и систематизации информации в форме апробации и публикации промежуточных результатов исследований. Так, в мае 2015 г. в Москве был проведен круглый

стол «Отечественные психологи в годы Великой Отечественной войны» с участием профессоров В. М. Звоникова, А. Г. Караяни, В. П. Коханова, Ю. Н. Олейника и участников проекта. Промежуточные результаты работы по проекту докладывались на пленарном заседании научной-практической конференции «Актуальные проблемы состояния и перспективы развития психологической службы МЧС России» в июне 2015 г. в Кисловодске, на секционном заседании Школы молодых ученых факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, а также в рамках круглого стола «70-летие Великой Победы» юбилейной конференции «От истоков к современности» (130 лет организации психологического общества при Московском университете), на совещании специалистов Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ и научных консультантов проекта.

Значимым событием в реализации проекта явилась состоявшаяся в июне 2015 г. на форуме молодежи Уральского федерального округа «Утро-2015» (г. Тюмень) презентация и защита результатов исследований, проведенных студентами Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина, Российского государственного профессионально-педагогического университета, Уральского государственного педагогического университета, Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), Южно-Уральского государственного университета, Тюменского государственного университета.

Завершающим этот этап мероприятием стала научно-практическая конференция «Опыт решения психологических задач в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)», которая состоялась 26 ноября 2015 г. в ЦЭПП МЧС России. В работе конференции приняли участие директор ЦЭПП МЧС России Ю. С. Шойгу, профессора А. Г. Караяни, О. Г. Носкова, Ю. Н. Олейник, ведущие научные сотрудники Психологического института Российской академии образования Е. П. Гусева, О. Е. Серова, представители Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, представители Государственного социально-гуманитарного университета, сотрудники ЦЭПП МЧС России и его филиалов, студенты-добровольцы. Проведение конференции в очно-дистанционной (on-line) форме обеспечило участие в ней представителей отдаленных регионов, что представляло особую ценность, учитывая междисциплинарный характер конференции и высшую научную квалификацию в историко-психологических и исторических исследованиях ряда ее участников. По итогам конференции подготовлен сборник научно-практической конференции «Опыт решения психологических задач в годы ВОВ (1941–1945 гг.)», в который включены 17 статей и 31 интервью с ветеранами войны и тружениками тыла.

Результаты реализации проекта

Подводя итоги проекта, необходимо отметить его наиболее значимые результаты для расширения представлений о развитии истории отечественной психологической мысли в военный период.

Представляют интерес факты о деятельности высших учебных заведений, и прежде всего педагогических институтов. Так, обнаружены сведения о заседании Ученого совета при Свердловском педагогическом институте 10 апреля 1942 г.,

на котором обсуждалось выполнение плана научно-исследовательских работ Института. На заседании Ученого совета подчеркивалась важность разработки вопросов программно-методической и воспитательной работы в школе, методики преподавания школьных предметов, отмечалось усиление преподавательского состава сотрудниками, прибывшими в эвакуацию. В том числе упомянуто, что планировалось заслушивание доклада В. С. Мерлина «Психология немецкого солдата по его высказываниям» (ГАСО. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 51. Л. 66).

В рамках проекта были уточнены сведения о деятельности В. С. Мерлина в военный период, трудовом и жизненном пути заведующего кафедрой психологии Свердловского государственного педагогического института А. К. Перова, деятельности Горьковского государственного педагогического института в период войны и работе С. М. Василейского в послевоенные годы, работе заведующего кафедрой педагогики и психологии Иркутского педагогического института М. Ф. Беляева, работе кафедры психологии и педагогики Ростовского государственного университета.

Утверждение программы по психологии для педагогических ВУЗов страны является известным фактом (Программа по психологии, 1944). Представляет интерес процесс внедрения этой программы, отраженный в сведениях о деятельности кафедр педагогики и психологии в военный период в разных регионах страны. В 1948 г. отмечалось, что в течение двух предшествующих лет на кафедре педагогики и психологии Иркутского государственного педагогического института, возглавляемой профессором М. Ф. Беляевым, была проведена большая работа по совершенствованию содержания учебных курсов по психологии. Особое внимание уделялось разработке вопросов ленинской теории отражения, соотношения психики и материи, разных направлений в психологии (Идейно-политическое воспитание студентов..., 1948, с. 3). М. Ф. Беляев работал в институте со дня его основания и был награжден государственными наградами, в 1945 г. доценту, кандидату педагогических наук М. Ф. Беляеву был вручен знак «Отличник народного просвещения» (Награждение научных работников, 1945, с. 3). В сферу научных интересов М. Ф. Беляева входили проблемы познавательных интересов учащихся, формирования моральных ценностей и нравственного воспитания. Его лекции по теории мышления, памяти, внимания пользовались неизменным успехом; отмечалось, что лектор умеет преподнести в понятной форме сложный материал. Много времени М. Ф. Беляев уделял подготовке научно-педагогических кадров; при его непосредственном участии и руководстве была проведена первая областная научно-педагогическая конференция (Шварц, 1940).

В документах кафедры психологии и педагогики Ростовского государственного университета за 1946–1947 гг. указано, что программа по психологии объемом в 70 часов преподавалась согласно утвержденному 26 декабря 1944 г. плану. Подчеркнуто, что студенты проявляли большой интерес к психологии, однако испытывали сложности с пониманием психологических знаний и применением их на практике. В документе представлены результаты анализа знаний по психологии и предложения по повышению интереса студентов к психологии. Отмечалась необходимость корректировки методики преподавания психологии, важность изучения психологических особенностей студентов и их учета в проведении занятий. В качестве одной из форм подготовки студентов стала организованная

кафедрой конференция по психологии. В архиве найдена стенограмма лекции И. Канаева, прочитанной на втором курсе отделения логики и педагогики 26 ноября 1948 г. и посвященной теме психики ребенка, в которой подчеркнута значимость социальной среды как детерминирующего фактора развития (ГАРО Ф. Р-46. Оп. 10). Также найдены сведения о дефиците квалифицированных преподавателей психологии в послевоенные годы в Ростове-на-Дону (ГАРО Ф. Р-4066. Оп. 1).

Героический труд школьных педагогов и воспитателей детских домов нашел отражение в интервью тружеников тыла и архивных документах. Найдены данные о восстановлении работы школ и детских садов в Ставропольском крае в 1943 г., Крыму в 1944 г. и т. д., о подготовке и обучении воспитателей детских садов и учителей школ, о внеурочной работе школьников в составе тимуровских команд по поддержке раненых бойцов и пожилых людей.

Нельзя не упомянуть материалы об Ишакском детском доме (с. Ишаки, Чувашская республика), история которого представляется типичной, учитывая многочисленные отчеты и справки о работе детских домов и школ, найденные в архивах. Ишакский детский дом начал работу с августа 1943 г., когда из блокадного Ленинграда было эвакуировано более 100 воспитанников детских домов и несколько сопровождавших их сотрудников. Сохранились воспоминания воспитанников детского дома, воспитателей, а также акты обследования детского дома. В воспоминаниях описано психическое состояние детей сразу после прибытия в Чувашию (ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 23. Д. 666. Л. 50). В 1944 г. в результате обследования детского дома было отмечено, что, несмотря на тяжелейшие условия быта и практически полное отсутствие пособий и материалов для учебно-воспитательной работы, проводились занятия по развитию речи, лепке, рисованию на газетах, моделированию игрушек, вышиванию, ознакомлению с природой, разучиванию стихов и песен, игры и т. д. (ЦГА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2474. Л. 94–97). Однако найденные материалы не позволяют раскрыть психологическое содержание работы воспитателей, а также установить уровень их подготовки.

Отдельным направлением исследования стало изучение работы психиатров, неврологов и врачей других специальностей. В рамках проекта проведена большая работа по анализу междисциплинарного подхода в деятельности отечественных психиатров в годы Великой Отечественной войны, прослежены предпосылки формирования этого подхода в истории отечественной психиатрии.

По мнению ученых и практиков, «моральный фактор» оказывал определяющее влияние на психическое и физическое состояние военнослужащих и гражданского населения, обуславливая невысокие показатели психогенных потерь, а также был значимым при определении подходов к лечению. Кроме того, зафиксированное врачами снижение распространенности психопатий и неврозов в условиях военного времени указывало на значимое влияние социального фактора при формировании стойкой компенсации (Тимофеев, 1944).

Также представляет интерес описанный В. А. Гиляровским пример «командной истерии контуженных» в госпитале, вызванной повторным переживанием боя одним из больных, что сопровождалось эмоциональным заражением других больных в палате и оказанием взаимопомощи при припадках (Гиляровский, 1942).

Взгляды терапевтов военного времени на причины развития и лечение гипертонии отражены в Трудах эвакуогоспиталей фронтового эвакуопункта и лечеб-

ных учреждений армии (Труды эвакогоспиталей..., 1944; Сборник научных работ..., 1944). Значительная часть терапевтов, оказывающих медицинскую помощь как военнослужащим, так и гражданскому населению, отмечали увеличение распространенности гипертонии в Ленинграде в 1943–1944 гг. В качестве ведущего фактора в развитии заболевания определялась «психическая травматизация», что подкреплялось сравнением статистических данных о распространенности гипертонии во фронтовых и тыловых частях, в мирное и военное время, в период Первой мировой и Великой Отечественной войн. Подчеркивая первостепенное значение центральной нервной системы в патогенезе гипертонии, врачи указывали на такие важные условия лечения, как установление режима длительного покоя для больных, лечебную физкультуру с последующим переходом к трудотерапии. Подчеркивалась также значимость дисциплинированности медицинского персонала. В то же время необходимо упомянуть, что в 1945 г. была опубликована работа, опровергающая ведущую роль психической травматизации в развитии гипертонии и обосновывающая роль алиментарного истощения как основного фактора в развитии болезни в Ленинграде (Бурлова, 1945).

Значительное внимание уделялось подготовке врачей, среднего и младшего медицинского персонала. В частности, в пособиях по подготовке санитаров указывалось на важность формирования доверия к медицинскому работнику, необходимость оказания моральной поддержки больному и внушения ему уверенности в благополучном исходе болезни (Капралов, 1941; Боголепов, 1943). Настрой медицинских работников, внимательное отношение к больным и понимание их переживаний нередко становились важным фактором быстрого восстановления и выздоровления больных (Ксенофонтов, 2008). Схожие мысли высказывались хирургами В. Ф. Войно-Ясенеvским (1946), А. В. Бондарчуком (1942) и др.

Психологические механизмы развития ятрогений раскрыты в известном труде А. Р. Лурии. В ходе исследования обратила на себя внимание брошюра «О поведении врача и сестры в операционной», также посвященная проблеме ятрогений (Ребельский, 1945а). Брошюра была подготовлена главным психиатром Третьего Белорусского фронта И. В. Ребельским и посвящена вопросу сохранения психического здоровья пациента в пред- и пост операционный период. В ней указывается на необходимость «психологической подготовки» больного к операции и важность продуманной организации работы медицинского персонала с целью минимизации психотравматизации больного и исключения ятрогений.

Необходимо отметить многогранность и междисциплинарный характер научных интересов И. В. Ребельского. В 20-е годы XX в. И. В. Ребельский, имея опыт работы заведующим Саратовским губернским отделом народного образования, опубликовал брошюру «Вечера вопросов и ответов (Как их организовать и проводить)» (Ребельский, 1924а). В дальнейшем последовало значительное количество публикаций, посвященных азам пропагандистско-воспитательной и педагогической работы (Ребельский, 1924б, 1925, 1926а, б, 1930, 1934).

В годы Великой Отечественной войны И. В. Ребельский, уйдя добровольцем на фронт, служил главным психиатром Западного фронта, а впоследствии — Третьего Белорусского фронта (Кузнецова, 2003). В опубликованных фрагментах дневника И. В. Ребельского описаны многочисленные случаи последствий психической травматизации гражданского населения и военнослужащих, упомина-

ются размышления о возможных последствиях войны для психического здоровья людей в послевоенный период (там же).

В сферу научных интересов психиатра И. В. Ребельского входили и вопросы психологии научного творчества. В 1945 г. помимо уже упомянутой брошюры Ребельский подготовил работу «О способностях и качествах научного работника», в которой описал комплекс необходимых личностных качеств для исследователя в области изучения человека (Ребельский, 1945б). В работе автор подчеркивает важность выбора тематики исследований, соответствующей потребностям страны и ориентированной на решение практических задач.

Психологи, медицинские работники и специалисты смежных специальностей активно вели просветительскую работу. Так, в программе стационарного лектория Ленинградского Дворца пионеров на февраль 1945 г. был прочитан цикл лекций по естественным наукам «Мозг и психика», в который были включены лекции Б. Г. Ананьева «Темперамент и характер», Г. С. Рогинского «Психика животных и сознание человека» (Календарь стационарного лектория..., 1945). Также в программе лектория выходного дня указано, что 25 февраля была прочитана лекция «Внушение и гипноз» (Календарь лектория..., 1945). В программе Университета марксизма-ленинизма при ленинградском обкоме ВКП(б) профессор Б. Г. Ананьев был указан в качестве преподавателя в 1944–1945 учебном году. На него было возложено чтение лекций объемом 16 часов, посвященных природе психических процессов, происхождению человеческого сознания, процессам ощущения и восприятия, памяти и воображения, мышления и речи, мотивам и воли, представлениям. Впоследствии были опубликованы «Очерки психологии» (Ананьев, 1945).

Лекции на медицинские темы в популярном изложении, которые проводили преподаватели высших учебных заведений и научные работники, проходили с успехом во многих городах страны. Так, профессора Красноярского медицинского института включились в работу по санитарному просвещению трудящихся Красноярска и других городов. В числе прочих были прочитаны лекции на темы: «Последствия боевой травмы нервной системы», «Неврозы и борьба с ними» и др.

Свидетельства, иллюстрирующие известный факт о широком использовании трудотерапии в эвакогоспиталях Ставропольского края, Ростовской, Ленинградской, Ивановской, Свердловской областей, Чувашии и др., были найдены в различных источниках (см., например: Тимофеев, 2001). В то же время, было выявлено различное понимание термина «трудотерапия» и близких к нему дефиниций, в результате чего стала очевидной необходимость сравнительного анализа используемой в источниках военного времени терминологии. В результате исследования были выделены по крайней мере два подхода к трудотерапии – фундаментального и утилитарного.

Житейские представления о психологической поддержке людей, переживающих утрату, отражены в официальной переписке местных органов военного управления и исполнительно-распорядительных органов государственной власти (Белоконь, 2005), воспоминаниях непосредственных участников событий (Страницы памяти, 1995, с. 321–322). Анализируя интервью респондентов, проведенные в рамках проекта, можно сделать выводы о том, что житейские психологические знания, навыки психологической поддержки использовались повсеместно.

Представляет интерес отмечаемая необходимость коммуникативной компетентности для военных переводчиков. Так, в руководстве по немецкому военно-

му переводу Б. Э. Шванебаха прямо указывается, что «переводчик должен вместе с тем быть и психологом, и тонким наблюдателем», и описываются простые приемы проведения эффективного допроса (Шванебах, 1943, с. 5). Также указано на необходимость учета индивидуально-психологических особенностей, актуального психического состояния, использования «психических атак» при проведении задержания и допроса противника.

Житейская психология была востребована агитаторами и политработниками. Так, в материалах для политбесед, изданных в 1943 г., даются рекомендации по установлению контакта с аудиторией, описан пример работы агитатора с военнослужащим, в качестве одного из критериев эффективности агитатора указано изменение отношения к воинским обязанностям военнослужащих (Материалы для политбесед, 1943; Политическая работа командира, 1944).

Образ врага и образ советского человека, представленные в материалах для агитаторов и политработников, в полной мере согласуются с аналогичными образами, представленными в сообщениях Совинформбюро. Анализ сообщений Совинформбюро позволил выделить несколько характеристик, используемых при описании врага (обладает одним или несколькими однозначно отрицательными качествами): бесчеловечный, жестокий, слабый, высокомерный, трусливый, наглый. В то время как при описании советского человека используются следующие качества и характеристики (наделен одним или несколькими положительными качествами): преодолевающий трудности, бесстрашный, целеустремленный (помогающий), смелый, отважный, сметливый (Сообщения Совинформбюро, 1941–1945).

Заключение

Таким образом, результаты работ по проекту показывают, что полученные материалы значительно расширили тему проекта и позволили сформулировать ее весьма масштабно — «Опыт решения психологических задач в годы Великой Отечественной войны». Источниковая база, актуализированная в рамках проекта, предоставила широкие возможности в выборе направлений исследований: творческое наследие ученых и практиков; развитие отраслей психологии и отдельных направлений; развитие научных школ и центров подготовки психологов; развитие психологии в отдельных регионах; междисциплинарные связи психологической науки и практики; развитие житейского психологического знания и т. д.

Наиболее значимым результатом проекта является то, что к изучению многогранного опыта жизни и деятельности советских людей в период Великой Отечественной войны, источников, условий и мотивов каждодневного подвига советского народа, достижений в области науки было привлечено более 200 студентов из 11 российских городов.

Литература

Ананьев Б. Г. Очерки психологии. Л., 1945.

Белоконь В. В. Ставрополье: правда военных лет: Великая Отечественная в документах и исследованиях // Комитет Ставропольского края по делам архивов. Ставрополь, 2005.

- Боголепов Н. К.* Психотерапия в работе медицинской сестры // Медицинская сестра. 1943. № 4–5. С. 11–14.
- Бондарчук А. В.* Каузалгия и ее хирургическое лечение. Л., 1942.
- Бурлова Л. Я.* Особенности кровяного давления у некоторых профессиональных групп в Ленинграде в 1943 г. // Сборник научных работ за годы Отечественной войны. Ленинградский научно-исследовательский институт гигиены труда и профессиональных заболеваний. Л., 1945. *Войно-Ясенецкий В. Ф.* Очерки гнойной хирургии. М., 1946.
- Гиляровский В. А.* О роли вегетативных нарушений в генезе истерических расстройств у контуженных // Хирургия. 1942. № 3–4. С. 34–41.
- Из доклада секретаря партийной организации Иркутского государственного педагогического института тов. А. Ф. Потапова // Восточно-Сибирская правда. 1948. № 137 (8375).
- Календарь лектория выходного дня Ленинградского Дворца пионеров на февраль 1945 г. на январь, февраль, март, апрель месяцы 1945 г. Л., 1945.
- Календарь стационарного лектория Ленинградского Дворца пионеров на февраль 1945 г. Л., 1945.
- Каприлов А. Г.* Что нужно знать санитару. Л., 1941.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 2006.
- Ксенофонтов Г. Н.* Эвакогоспиталь для военнопленных № 3064. Чебоксары, 2008.
- Кузнецова Л.* Собираю разрозненные бревнышки народа своего... // Вестник on-line. 2003. № 18 (329). URL: <http://www.vestnik.com/issues/2003/0903/win/kuznetsova.htm> (дата обращения: 30.06.2016).
- Материалы для политбесед (в помощь агитатору). Вып. 18. Л., 1943.
- Награждение научных работников // Восточно-Сибирская правда. 1945. № 220 (7687).
- Политическая работа командира: Сборник статей и газет. Л., 1944.
- Программа по психологии: Для государственных педагогических институтов и университетов / Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР. М., 1944.
- Сообщения Советского Информбюро. Т. 1 «Июнь—декабрь 1941 г.». М., 1944.
- Сообщения Советского Информбюро. Т. 2 «Январь—июнь 1942 г.». М., 1944.
- Сообщения Советского Информбюро. Т. 3 «Июль—декабрь 1942 г.». М., 1944.
- Сообщения Советского Информбюро. Т. 4 «Январь—июнь 1943 г.». М., 1944.
- Сообщения Советского Информбюро. Т. 5 «Июль—декабрь 1943 г.». М., 1944.
- Сообщения Советского Информбюро. Т. 6 «Январь—июнь 1944 г.». М., 1944.
- Сообщения Советского Информбюро. Т. 7 «Июль—декабрь 1944 г.». М., 1944.
- Сообщения Советского Информбюро. Т. 8 «Январь—май 1945 г.». М., 1945.
- Ребельский И. В.* Вечера вопросов и ответов (Как их организовывать и проводить). М., 1924а.
- Ребельский И. В.* Самообразование. Как организовать кружок самообразования без руководителей. Чита, 1924б.
- Ребельский И. В.* Год клубной работы: Методические указания и материалы к постановке клубной работы в комвузах, вузах, совпартшколах, рабфаках и школах взрослых. М., 1925.
- Ребельский И. В.* Азбука умственного труда: как читать, как слушать, как готовиться и выступать с докладом. М., 1926а.
- Ребельский И. В.* Инсценированные суды (Как их организовать и проводить). М., 1926б.
- Ребельский И. В.* В помощь организаторам работы по самообразованию: Инструктивное письмо. М., 1927.

- Ребельский И. В.* Как заочнику организовать свою учебную работу. М., 1930.
- Ребельский И. В.* Организация и гигиена умственного труда. Объяснительный текст к серии диапозитивов. М., 1934.
- Ребельский И. В.* О поведении врача и сестры в операционной (к вопросу о ятрогении на войне). Санитарное управление Третьего Белорусского фронта, 1945а.
- Ребельский И. В.* О способностях и качествах научного работника. Санитарное управление Третьего Белорусского фронта, 1945б.
- Сборник научных работ Института за второй год Отечественной войны. Ленинградский институт усовершенствования врачей им. С. М. Кирова. Л., 1944.
- Страницы памяти (канашцы о войне, товарищах, о себе) / Сост. А. Г. Плотников. Канаш, 1995.
- Тимофеев В. В.* Трудности эвакуации и их преодоление в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (на материалах республик Марий Эл, Мордовии и Чувашии) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2001. № 4. С. 113–120.
- Тимофеев Н. Н.* Опыт и задачи военной психиатрии // Военная медицина на Западном фронте Великой Отечественной войне. № 8. М., 1944. С. 9–17.
- Труды эвакуогоспиталей фронтового эвакуопункта и лечебных учреждений армии № 14 «Гипертоническая болезнь» / Отв. ред. г.-м. мед. службы Д. Н. Верховский. Л., 1944.
- Университет марксизма-ленинизма Учебные планы. Л., 1944.
- Шванебах Б. Э.* Руководство по немецкому военному переводу. Вып. 1. М., 1943.
- Шварц Е.* Психолог-исследователь // Восточно-Сибирская правда. 1940. № 148. С. 3

Императорский Санкт-Петербургский воспитательный дом как инновационное учреждение в отечественной психологической науке и образовании¹

М. С. Игнатенко (Санкт-Петербург)

История создания и развития системы учреждений «Санкт-Петербургский Императорский воспитательный дом»

Единственная в своем роде система учреждений «Санкт-Петербургский Императорский воспитательный дом» базировалась на философско-богословских психологических идеях и накопленном многовековом опыте познания человека выдающимися русскими православными подвижниками, богословами, святы-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 16-06-00914 «Роль научных студенческих объединений в развитии психолого-педагогической науки в первой половине XX века».

ми, мыслителями, литераторами, а также на естественно-научных достижениях отечественных и зарубежных ученых, философов и просветителей. Она возникла в эпоху инновационных преобразований в России на фоне общественной потребности в осмыслении сущности человека с гуманистических позиций — идей достижения всеобщего блага, процветания и счастья, служения Отечеству и народу, создания идеального просвещенного государства.

Под влиянием идей отечественных и зарубежных философов, ученых, просветителей, педагогов — М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, В. Н. Татищева, И. И. Бецкого, Г. С. Сковороды, Н. И. Новикова, Я. П. Козельского, И. Г. Песталоцци, Ж-Ж. Руссо, Я. А. Коменского и др. — в Санкт-Петербургском Императорском воспитательном доме закладывались научные, образовательные, просветительские традиции на основе принципов системности, преемственности, гуманизма, демократизма, народности, патриотизма. Это способствовало инновационному развитию образовательно-воспитательной работы и познания человека в Гатчинском Николаевском сиротском институте и Санкт-Петербургском женском сиротском институте (1837), Санкт-Петербургском Николаевском сиротском институте (1855), Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена (1925); сегодня они сохраняются и приумножаются в Герценовском университете (с 1991).

Век Просвещения ознаменовался реализацией широкомасштабной программы реформ в России, формированием модели идеального просвещенного государства, созданием инновационной инфраструктуры, в том числе особого типа государственных учреждений — воспитательных домов.

Лучшие умы России понимали, что полноценное развитие общества не может состояться без среднего сословия (вольных людей — искусных ремесленников, фабричных рабочих, механиков, художников, музыкантов, ученых и т. п.). Была сформирована идея создания «нового чина» людей из числа детей, в основном незаконнорожденных, воспитания и обучения их за счет государства, обеспечения их серьезной образовательной и профессиональной подготовки.

Для реализации этого замысла было поручено И. И. Бецкому, государственному деятелю, реформатору, педагогу, организатору системы общественного воспитания, автору оригинальной концепции воспитания и образования, разработать проект создания воспитательных домов — «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», который в 1764 г. получил силу закона. Проект был нацелен на осуществление планов просвещенного монарха о формировании городского сословия, готового и способного служить Отечеству. И. И. Бецкой писал: «„Новое порождение“ рассматривается как дело „совокупленное с невероятным трудом“, прямая польза которого может быть оценена потомками» (Бецкой, 1789, с. 2). Центральная идея Бецкого состояла в воспитании людей нового типа — будущей опоры государства — в изолированных от окружающей среды «детских питомниках» (воспитательных домах).

Теоретическими предпосылками проекта выступили идеи Д. Локка о приобретении опыта, необходимого для практической деятельности, подготовки из ребенка «добродетельного и мудрого человека»; Ж-Ж. Руссо — о необходимости изолирования ребенка от развращенного общества и порочной семьи; Я. А. Коменского — о гуманном отношении к ребенку, отказе от наказаний, ориентации на возрастные особенности.

Целью проекта стало «просвещение разума» воспитанника «науками и художествами» согласно «природе, полу и склонности каждого», подготовка «добродетельного» и «мудрого» человека, обладающего опытом практической деятельности.

Были сформулированы задачи воспитания — придание необходимого направления «воле и сердцу», формирование характера, соответствующего природе человека, «здорового чувства», нравов и правил поведения, искоренение предрассудков. Примечательно, что в числе задач воспитания отмечается необходимость внушения человеку уважения к себе: «Человек, почитая себя человеком... не должен допускать поступать с собою, как с животными» (На пути к человеку, 2009, с. 18).

Более даровитых воспитанников, которые могут принести больше пользы изучением наук, отсылали в Московский университет и Академию художеств.

Главными направлениями деятельности в воспитательных учреждениях были призрение, попечение, лечение, воспитание и образование.

Общественная и государственная форма поддержки воспитательных домов осуществлялась как путем их государственного финансирования, так и за счет средств, выделяемых меценатами («доброхотных подаяний»).

При Санкт-Петербургском воспитательном доме на начальных этапах его становления открываются различные учреждения: «Госпиталь для родильниц отворен человеколюбием г. Прокофия Акинфиевича Демидова в 1-й день октября 1771 года»; училище акушерства («еще небывалые заведения, как-то научение искусных бабок и аттестование надежных и здоровых кормилиц») (1784) (Педагогический университет им. А. И. Герцена, 2007, с. 18).

Еще одним инновационным направлением стало учреждение женского воспитания и образования, которое было ориентировано в основном на формирование «нового порожения» жен и матерей, способных приносить пользу государству через воспитание «отечеству верного сына». Были заложены также необходимые основания для осуществления профессионального образования женщин, а в случае имеющих способности — «приобщения их к науке».

Одновременно решалась задача обеспечения Воспитательных домов подготовленными специалистами — профессиональными педагогами, «наставниками и наставницами, домашними учителями и учительницами» на базе французских классов (1808). Для этого на основе достижений наук разрабатывались образовательные программы, в содержание которых, наряду с общекультурными дисциплинами, включались специальные курсы по педагогике, психологии, логике и дидактике, антропологии. Большое значение придавалось обеспечению единства теоретической и практической подготовки, учету склонностей и способностей будущих педагогов. Значительный вклад в образовательную практику, развитие психолого-педагогической науки был внесен сотрудниками Ведомства учреждений Императрицы Марии А. Г. Ободовским, Е. О. Гугелем, П. С. Гурьевым и др.

Развитие системы воспитательных домов во второй половине XIX–начале XX столетия

Независимое существование Санкт-Петербургского Императорского воспитательного дома с 1780 г., патронируемого императорской семьей, способствовало его превращению в XIX в. в полифункциональное учреждение, своеобразную

лабораторию разных видов образовательно-воспитательной деятельности, в научно-образовательный комплекс университетского уровня. В немалой степени этому способствовало сотрудничество педагогов Воспитательного дома с выдающимися деятелями в области педагогики, медицины, права.

Обращаясь в своем духовном завещании к своим последователям, Императрица Мария Федоровна писала: «Все мы воодушевлены одной мыслью — сохранить в точности и неизменно все правила, начертанные для сбережения всех привилегий, дарованных заведениям, соединяя все старания к тому, чтобы сберечь детский возраст, развивая в нем насколько можно материнские чувства, стараясь уметь прийти на помощь вдовам и сиротам, облегчить страждущих, и... только тогда мы исполняем дела милосердия, в которых Божественный спаситель даровал нам собою пример, потому это заведение и названо „Дом, основанный на благодеянии“» (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена в истории психологического образования и практики, 2008, с. 15).

Важный период в развитии Санкт-Петербургского Императорского воспитательного дома ведомства учреждений Императрицы Марии — это середина XIX столетия. Изменения социально-экономических условий, подъем общественной мысли, развитие философских знаний, антропологических идей, успехи отечественного естествознания способствовали возникновению психологии как самостоятельной отрасли научного знания. Универсальные естественно-научные принципы были положены в основу отечественной системы образования, воспитания, просвещения. Потребность в воспитании «нового человека» активизировала общественно-педагогическое движение, которое рассматривало этот процесс с разных позиций — политической идеологической, культурной, научной, социальной.

Один из ярких представителей демократического направления в общественной и педагогической мысли XIX в. — К. Д. Ушинский, рассматривавший культуру, науку, просвещение как ведущие средства, направленные на социальные преобразования. Он был приглашен учителем словесности (1852), затем назначен инспектором классов Гатчинского Николаевского сиротского института (1855—1859), позже стал членом Учебного комитета ведомства учреждений Императрицы Марии (1862).

К. Д. Ушинский был выдающимся мыслителем энциклопедического склада, философом, психологом, педагогом. Этим определялось его стремление к обеспечению синтеза наук. Философские и общественно-политические воззрения ученого воплотились в созданной им целостной педагогической теории, охватывающей основные фундаментальные проблемы науки и образования. Ушинский понимал, что разработка методологии науки — это основа для решения ее частных проблем. «Дело воспитания» определялось им как «глубочайший вопрос человеческого духа», «вопрос жизни».

Определение цели воспитания Ушинский считал «лучшим пробным камнем всяких философских, психологических и педагогических теорий» (Ушинский, 1950, с. 20). По его мнению, воспитание обретет силу только тогда, когда оно будет ориентироваться на общественное развитие, соответствовать общественным потребностям.

Ядро концепции К. Д. Ушинского — принцип «народности воспитания»: школа и воспитание должны строиться в полном соответствии с потребностями и особенностями страны, а также с национальными «воспитательными идеями»

и интересами, быть нацелены на служение своему Отечеству и народу. Представляется важной идея Ушинского о значении родного языка в развитии сознания ребенка и профессионального самосознания педагога.

Время работы в Ведомстве в качестве учителя, инспектора классов, члена учебного комитета — это «золотой период» в научном творчестве ученого, развитии его философских, психолого-педагогических воззрений, антропологических взглядов на сущность и природу человека, разработке проблем воспитания и образования. К. Д. Ушинский осознал запросы времени, готовность общества к серьезному обсуждению психологических и педагогических проблем, вопросов народного образования. Разработка им указанных проблем в опоре на принципы народности, антропологизма, целостности обогатила отечественную психолого-педагогическую мысль.

Значительный вклад в развитие психолого-педагогического знания внес педагог и психолог П. Ф. Каптерев, плодотворно сотрудничавший с Ведомством учреждений императрицы Марии (1849—1917) и Императорским Петербургским воспитательным домом (1878—1917), где преподавал педагогику, логику, дидактику и психологию в течение 6 лет, а позже служил чиновником по управлению и инспектированию женских учебных заведений и возглавлял Учебный комитет.

П. Ф. Каптерев являлся сторонником целостного, всестороннего изучения ребенка — его природы и факторов развития. В основе педагогики, считал Каптерев, должен лежать комплекс наук о человеке, среди которых особо важная роль принадлежит психологии. В предисловии к третьему изданию своей книги «Педагогическая психология» он писал: «Мы полагаем, что педагогическая психология — это есть дисциплина, соединяющая педагогику с психологией, ведущая от психологии к педагогике» (Каптерев, 1914, с. V).

XX в. ознаменовался качественными преобразованиями системы высшего образования в России: открытием новых университетов, институтов, академических центров; совершенствованием профессиональной подготовки психологов, педологов, специалистов высшей квалификации.

В 1903 г. учреждается Императорский женский педагогический институт, в котором преподавалась психология как самостоятельная учебная дисциплина. Создаются лаборатории и кабинеты по исследованию проблем педологии и психологии. В 1925 г. Институт был включен в состав Объединенного однофакультетного педагогического института им. А. И. Герцена.

Научная, научно-организационная и преподавательская деятельность в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена

Кардинальные преобразования в идеологической, политической, социально-экономической жизни России, произошедшие после революции 1917 г., не могли не коснуться системы Ведомства учреждений Императрицы Марии. Постановлением Наркомпроса от 23 февраля 1918 г. все учебные заведения Ведомства были переданы в ведение Народного комиссариата просвещения. Разрушилась уникальная, стройная система высшей педагогической и средней профессиональной подготовки кадров в разных сферах деятельности, включая и женское обра-

зование. Проект Устава учительских институтов и приданных им опытных школ от 5 октября 1918 г. определил новый тип учебных педагогических учреждений — педагогический институт. В процессе реформирования, объединения изменялись учебные планы и программы профессиональной подготовки.

По постановлению Коллегии НКП от 8 апреля 1925 г. был образован объединенный педагогический институт — «однофакультетный ВУЗ с десятью отделениями», в том числе отделением психологии и педологии — путем слияния следующих высших учебных заведений: Института педологии и дефектологии; Института дошкольного образования; Института внешкольного образования; Педагогического института им. А. И. Герцена (I и II педагогических институтов, Николаевского женского сиротского института), который стал называться Ленинградским государственным педагогическим институтом (ЛГПИ) им. А. И. Герцена. По сути, он стал правопреемником ряда высших воспитательных и образовательных учреждений ведомства учреждений Императрицы Марии и Министерства народного просвещения.

Несмотря на кардинальные изменения в системе высшего образования, во вновь созданном Институте продолжилось инновационное развитие. Так, началась подготовка профессиональных психологов и педологов на педологическом отделении, которое возглавил молодой ученый М. Я. Басов — профессор, Действительный член ГИИП(а) Главнауки, ученик В. М. Бехтерева и А. Ф. Лазурского, последователь идей М. В. Ломоносова, К. Д. Ушинского, П. Ф. Каптерева и др. (1925).

Развитие научных идей, воззрений, концептуальных положений осуществлялось до 1931 г. на кафедре психологии, педологии, методов педологического наблюдения Института, а также в Психологическом подотделе ГИИП(а) коллективом сотрудников, возглавляемых М. Я. Басовым. Научная и образовательная деятельность была направлена на проведение конкретных исследований, развитие теории педологии, интегрирующей науки о человеке, прикладной педологии и психологии и определялась задачей формирования «нового человека». В состав Отделения вошли кафедры психологии, педологии методов педологического наблюдения, физиологии высшей нервной деятельности, гигиены и НОТ, на которых осуществлялась подготовка специалистов психологов-педологов, преподавателей психологии, педологов-исследователей.

Таким образом, М. Я. Басов, решая фундаментальную теоретическую проблему целостного изучения человека, возглавлял созданный им крупнейший психолого-педологический научно-учебный и экспериментально-исследовательский центр, методологической основой деятельности которого выступали принципы системности, целостности, преемственности, гуманизма, беззаветного служения науке. Решая эти масштабные исследовательские и научно-организационные задачи, Басов привлекал к работе в качестве преподавателей и научных сотрудников известных ученых, молодых исследователей и наиболее перспективных аспирантов, подготовка которых осуществлялась в этих двух центрах. В состав сотрудников кафедры входили: профессор А. П. Болтунов, занимавшийся разработкой проблем общей и экспериментальной психологии, школьной психотехники (психодиагностики); профессор Л. С. Выготский, педолог, психолог, автор будущей культурно-исторической концепции развития психики человека; профессор В. А. Вагнер, основоположник зоопсихологии и сравнительной психоло-

гии; доцент В. Н. Мясищев, исследовавший проблемы дифференциальной психологии и психологии отношений; доцент С. Л. Рубинштейн, будущий классик отечественной психологии; аспирант В. С. Мерлин, один из талантливых последователей и преданных учеников Басова, среди студентов — А. И. Щербаков, будущий ректор Института (Игнатенко, 2015б).

В 1926 г. согласно решению ЦК ВКП(б) Наркомпрос разработал Положение о введении в вузах института студентов-выдвиженцев. Его целью являлось привлечение студентов к проведению исследований в период обучения в вузе с тем, чтобы подготовить их к будущей аспирантской исследовательской деятельности. Для выдвижения кандидатов в аспирантуру учитывались: необходимая академическая подготовка, научные способности и достижения, а также активная гражданская позиция, целеустремленность и направленность на служение науке (Игнатенко, 2015а).

Идея М. Я. Басова о целостном изучении человека, его положение о био-социо-культурной природе человека составляют основу инновационности в развитии герценовской психологической научной школы.

С. Л. Рубинштейн как преемник М. Я. Басова в руководстве кафедрой смог связать воедино исследования, относящиеся к различным ветвям психологии (общая психология, детская и педагогическая психология), реализуя целостный подход как в научной деятельности, так и в организации учебного процесса. Каждая из этих ветвей психологии была обогащена новыми исследовательскими задачами и методами их решения. Психические явления (запоминание, восприятие, внимание, мышление, речь) изучались в развитии у людей, включенных в конкретную деятельность: игру или учение. Основные направления работы кафедры — это разработка методологических и методических проблем общей, экспериментальной, педагогической психологии. С. Л. Рубинштейн выделяет три направления в научной работе кафедры. Первое — разработка проблем методологии психологии и построение системы психологических знаний. Второе — собственно теоретическое — дальнейшая разработка принципа единства сознания и деятельности, а также других общепсихологических принципов: детерминизма, развития, социальной обусловленности психики и сознания и др. Третье направление включало применение принципа единства сознания и деятельности с опорой на экспериментальные исследования психических процессов (восприятия, мышления, речи и др.) в изучении конкретных видов деятельности человека.

Большая работа проводилась по подготовке кадров высшей квалификации. В диссертационном совете, руководимом С. Л. Рубинштейном, защищали докторские диссертации такие выдающиеся ученые, как Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев, Б. М. Теплов, Б. Н. Кампанейский, М. Н. Шардаков и др. (Игнатенко, Семикин, 2015).

Задачи модернизации современной системы подготовки специалистов в высшей школе

В 1991 г. ЛГПИ им. А. И. Герцена был реорганизован в Российский государственный университет (РГПУ) им. А. И. Герцена, перед которым были поставлены задачи модернизации образования и перехода на многоуровневую систему подготовки специалистов в высшей школе. Следует подчеркнуть, что, развиваясь

в русле инновационных идей модернизации образования России, Герценовский университет продолжает сохранять и приумножать накопленные научные и образовательные традиции, является одним из главных центров подготовки специалистов в области гуманитарного образования. Свидетельством тому является возвращение, после вынужденного перерыва, к подготовке профессиональных психологов сначала на факультете биологии кафедрой психологии и факультете философии кафедрой практической психологии (1991), затем на базе созданного психолого-педагогического факультета (возглавляемого профессором В. В. Семикиным (с 1997), который преобразован в Институт педагогики и психологии (2015). Заложенные традиции подготовки высококвалифицированных профессионалов-психологов, педагогов на основе интеграции научной и образовательной деятельности сохраняются и продолжают свое развитие.

На базе Университета при активном участии Института педагогики и психологии был реализован национальный проект «Создание инновационной системы подготовки специалистов в области гуманитарных технологий в социальной сфере» (2007–2008). Это новый качественный этап в разработке образовательных программ и системы подготовки специалистов, ориентированных на совершенствование высшего профессионального образования, направленного на формирование профессиональной компетентности и качеств личности специалистов, обеспечивающих гибкость в поведении и деятельности (Инновационная образовательная..., 2007).

В настоящее время инновационное развитие как приоритетная задача обновления экономики и социальной сферы страны определяется уровнем качества образования, что обуславливает необходимость разработки новых моделей, программ и технологий подготовки специалистов к инновационной деятельности, создания современной научно-исследовательской инфраструктуры института.

В стратегической перспективе образование рассматривается как важнейший фактор и ресурс развития общества и государства. В условиях модернизации и инновационного развития российского образования возрастают требования к личности и деятельности современного педагога. Общество нуждается в педагогах нового типа, обладающих потенциалом личностного и профессионального роста, инновационным педагогическим мышлением, способных к творческому решению широкого спектра образовательных задач, конкурентоспособных в условиях современного экономического развития, рынка труда. Деятельность педагогов, в первую очередь, направлена на создание условий для личностного роста учащихся, развитие их творческого потенциала, гибкости, самостоятельности и ответственности в постановке и достижении целей.

Инновационность как основной вектор развития сопровождает Университет уже на протяжении более двухвекового периода и позволяет решать важнейшие задачи развития отечественной системы образования.

Заключение

Рассмотрение истории становления и функционирования уникального образовательно-воспитательного центра – «Санкт-Петербургского Императорского воспитательного дома», преобразованного впоследствии в Ленинградский госу-

дарственный педагогический институт им. А. И. Герцена и далее – в Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, показывает, что, несмотря на формальные различия, между этими тремя центрами имеется сущностное сходство: *единство задач* (подготовка высококвалифицированных специалистов-педагогов), *объекта изучения* (ребенок на разных стадиях его взросления, в процессе развития, воспитания и обучения), *научных ориентаций* (всестороннее и целостное, т. е. системное и комплексное, познание человека, опора на перспективные идеи человекознания и их активное развитие), *традиций* (гуманизма, преемственности, системности, инновационного подхода к решаемым задачам, постоянного совершенствования и модернизации исследовательской и педагогической деятельности, организационной структуры учреждений, воплощение в их деятельности возникающих актуальных запросов времени и т. д.). Следует также отметить высокий уровень кадрового потенциала этих образовательных центров, привлекающих на всех исторических этапах к работе лучшие умы своего времени, ярких ученых, внесших большой вклад в развитие психолого-педагогической мысли в России. В разное время в рамках Воспитательного дома ЛГПИ – РГПУ им. А. И. Герцена осуществляли свою исследовательскую деятельность известные ученые, имена которых вписаны в летопись отечественной педагогики и психологии: Е. О. Гугель, В. Ф. Одоевский, К. Д. Ушинский, П. Ф. Каптерев, В. Н. Сорока-Росинский, А. П. Болтунов, М. Я. Басов, С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский и др.

Санкт-Петербургский Императорский воспитательный дом – Герценовский университет, являясь основоположником в подготовке профессиональных педагогов и психологов в России, демонстрирует инновационность в развитии, сохраняя преемственность заложенных образовательных и научных традиций уже на протяжении более двух веков.

Стратегическое направление современных исследований – продолжение развития продуктивных идей, заложенных классиками отечественной психологической науки, работавшими в разные периоды в Санкт-Петербургском Императорском воспитательном доме – РГПУ им. А. И. Герцена.

Литература

- Бецкой И.* Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества. Собрание учреждений и предписаний касательно воспитания в России обоего пола благородного и мещанского юношества. Т. 1. СПб., 1789. С. 1–11.
- Игнатенко М. С.* Из истории научно-исследовательской деятельности обучающихся педологического отделения Герценовского педагогического института // Письма в Эмиссия. Офлайн: электронный научный журнал. 2015а. № 7. ART 2381. URL: <http://www.emissia.org/offline/2015/2381.htm>.
- Игнатенко М. С.* Преемственность научных идей ученых-психологов Герценовского педагогического института в XIX–первой трети XX вв. // Письма в Эмиссия. Офлайн: электронный научный журнал. 2015б. № 6. ART 2371. URL: <http://www.emissia.org/offline/2015/2371.htm>.
- Игнатенко М. С., Семикин В. В.* К истории психологической науки и психологического образования в Герценовском университете. От истоков к современности: 130 лет органи-

- зации психологического общества при Московском университете // Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 т. Т. 1 / Под. ред. Д. Б. Богоявленской. М., 2015.
- Игнатенко М. С., Семикин В. В.* Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена в истории психологического образования и практики. Психология и педагогика в инновационных процессах современного образования // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. С. 13–28.
- Инновационная образовательная программа на 2007–2008 гг. СПб., 2007.
- Кантерев П. Ф.* Педагогическая психология. Издание третье, переработанное и дополненное. СПб.: Книжный склад, «Земля», Невский проспект 55, 1914.
- На пути к человеку. Развитие антропологических идей: От Санкт-Петербургского Императорского воспитательного дома к Российскому государственному педагогическому университету им. А. И. Герцена: Коллективная монография. СПб., 2009.
- Педагогический университет им. А. И. Герцена. От Санкт-Петербургского Императорского воспитательного дома до Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб.: Лики России, 2007.
- Ушинский К. Д.* Человек как предмет воспитания (Опыт педагогической антропологии). Собр. соч. Т. 8. М.—Л.: Изд-во Академия педагогических наук РСФСР, 1950.

Возрастные изменения альфа-спектра вызванной биоэлектрической активности мозга в процессе позиционной компьютерной игры как развитие системного подхода в психофизиологии

О. И. Клочкова, И. В. Погорелова, Г. А. Шабанов (Владивосток)

Функциональная устойчивость и лабильность, отраженная в частотных характеристиках нервного субстрата, являются одними из основных идей российской нейрофизиологической школы (Анохин, 1973, 1975; Швырков, 1995). Психические явления понимаются не как статичные, неизменные в своей структуре внутри-мозговые феномены, но как деятельность — гностическая, перцептивная, мнемическая, мыслительная, коммуникативная и т. д. Такой подход ориентирует психофизиологию на выявление эволюционных изменений мозговых процессов в ходе овладения определенными видами психической деятельности.

С помощью измерений ЭЭГ было показано, что раздражение любого анализатора отражается в специализированных областях коры головного мозга в виде вызванных потенциалов, концентрируясь в фокусах максимальной активности (ФМА). В любом активном состоянии наблюдаются два взаимоисключающих процесса — перемещение ФМА в передне-заднем и в межполушарном направлениях (Павлова, Романенко, 1988).

Процессы принятия решения, творческого поиска, улучшения восприимчивости информации, расслабленного состояния бодрствования обычно связывают с появлением изменений ритмов мозга в диапазонах тета (4–8 Гц) и альфа (8–13 Гц). Ритм зависит не только от функционального состояния коры головного мозга, но и от структуры корковых полей. Для корковых полей, содержащих большое количество звездчатых нейронов, характерен альфа-ритм.

В данном исследовании анализируется проявление возрастных изменений альфа-спектра вызванной биоэлектрической активности левого полушария головного мозга.

Методы и программа исследования

Измерения выполнены в лаборатории нейрокибернетики НИЦ «Арктика» ДВО РАН на программно-аппаратном комплексе с регистратором спектра «МЭГИ-01» (Ribchenko, Shabanov, Lebedev, Korochentsev, 2014; Шабанов, Максимов, Рыбченко, 2011) и аппаратом нормализации и коррекции функций «АНКФ-01». Полоса охвата фильтров составила от 0,2 до 27 Гц; время суммации – 160 с (длительность кадра).

В течение кадра с двух электродов с одним общим вертикальным электродом, находящимся на сагиттальной линии головы в верхней части роландовой борозды, регистрировались частотные составляющие вызванной биоэлектрической активности мозга испытуемых. На основе быстрого преобразования Фурье строилась разностная спектральная функция Сеанс2-Фон: т.е. разностная функция вызванной биоэлектрической активности (СВЭМА) мозга испытуемого в состоянии с открытыми глазами минус функция СВЭМА испытуемого в состоянии фона с открытыми глазами без интеллектуальной нагрузки.

В фоновом состоянии (до компьютерной игры) перед испытуемым стоял включенный ноутбук с позиционной игрой: испытуемый двигал компьютерную мышь и производил клики бесцельно (Клочкова, 2014).

Измерены данные разностной спектральной функции семи испытуемых – женщин, постоянно занятых интеллектуальной работой с использованием компьютера, в возрасте от 23 до 58 лет. Испытуемые взаимодействуют с ноутбуком в процессе четырех сеансов (кадров) позиционной компьютерной игры. Для анализа испытуемые были объединены в возрастные группы (по 2 человека): в 1-й группе (далее группа 1) средний возраст испытуемых составляет 22,5 года; во 2-й группе (далее группа 2) – 40 лет; в 3-й группе (далее группа 3) – 54 года; в 4-й группе (далее группа 4) – 58 лет.

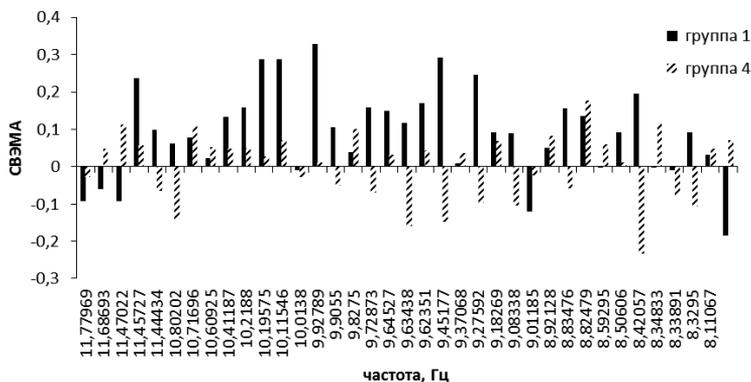
Объем выборки составил 108 точек альфа-спектра СВЭМА в каждой группе.

Статистический анализ проводился в программах Statistica 10; вычисления и графики сделаны в MS Excel 2010. Использовалась только непараметрическая статистика при доверительной вероятности $P = 0,95$.

Целью работы является анализ возрастных изменений в группах вызванной биоэлектрической активности мозга в диапазоне альфа (8–13 Гц) ритмики с помощью регистрации функции спектра вызванной биоэлектрической активности мозга в процессе второго сеанса позиционной компьютерной игры.

Результаты исследования

Согласно U-критерию Манна–Уитни, имеется незначимое различие в значениях СВЭМА между группами 1 и 2 в левом полушарии. Значимое различие функции СВЭМА, согласно этому критерию, выявлено между группами 1 и 4, а также критерий Колмогорова–Смирнова показал значимое различие разностной функции СВЭМА между группами 1 и 4 для левого полушария.

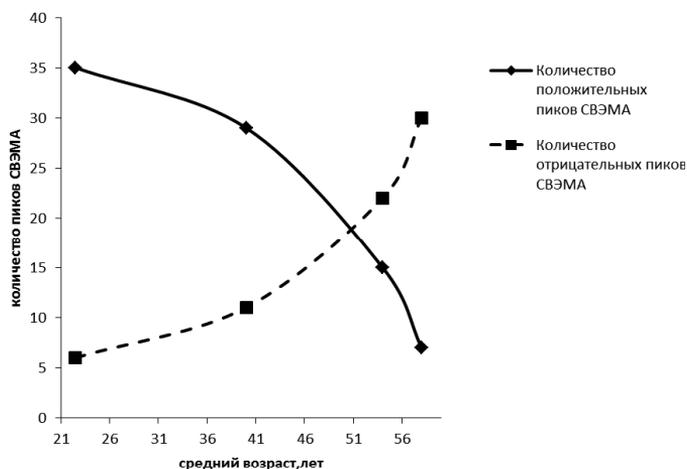

Рис. 1. Разностная функция левого полушария испытуемых по второму сеансу компьютерной игры в зависимости от частоты альфа-ритма группы 1 и 4
По оси X — возраст испытуемых, по оси Y — количество частот.

На рисунке 1 приведен график разностной функции СВЭМА левого полушария в области альфа-ритмов для группы 1 и 4 (разница в возрасте — 35,5 лет). Из рисунка 2 следует, что положительных значений (пиков возбуждения) у испытуемых группы 1 в два раза больше, чем количество положительных значений (пиков возбуждения) у испытуемых группы 4. При этом отрицательных значений (пиков торможения) у испытуемых группы 4 значительно больше, чем у испытуемых группы 1. Как упоминалось выше, различия значимы по критерию Колмогорова–Смирнова. Скорее всего, скорость протекания процессов возбуждения и торможения в нейронах левого полушария у испытуемых группы 1 выше, чем у испытуемых группы 4. Это согласуется с возрастными изменениями когнитивной функции головного мозга не только из-за ухудшения кровоснабжения мозга, но и вследствие возрастной потери нейронов в разных отделах головного мозга, уменьшения размеров тел нейронов и отростков, снижения их функциональных возможностей. В целом динамика возрастных изменений (22–59 лет) количества пиков функции СВЭМА в области альфа-спектра показана на рисунке 2.

Как видно из рисунка 2, группа 4, в отличие от группы 1, характеризуется достаточно резким спадом возбуждения и ростом торможения в нейронах левого полушария.

Пересечение кривой возбуждения и кривой торможения свидетельствует о том, что у испытуемых промежуточной группы 3, процессы возбуждения и торможения в нейронах протекают примерно с равной скоростью.

Рис. 2. Возрастная динамика разностной функции СВЭМА в области альфа- спектра левого полушария испытуемых по второму сеансу позиционной компьютерной игры в зависимости от среднего возраста группы

Заключение

Исследование показало продуктивность системно-эволюционного подхода П. К. Анохина—В. Б. Швыркова. Анализ объективных данных показал, что возрастные изменения для испытуемых женщин в процессе позиционной компьютерной игры в разностной функции вызванной биоэлектрической активности Сеанс2-Фон, проявляются в области альфа-спектра в левом полушарии головного мозга. Выводы согласуются с положением о возрастном снижении уровня функциональной активности комплекса субкортикальных структур, поддерживающих баланс между тормозными и возбуждательными процессами. Очевидно, что возрастные изменения выражаются в комплексе дефицитарных симптомов, связанных с преобладанием тормозных процессов (Руководство по геронтологии..., 2010).

Литература

- Анохин П. К.* Принципы системной организации функций. М., 1973.
- Анохин П. К.* Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975.
- Клочкова О. И.* Количественная оценка использования кратковременного эпизодического буфера рабочей памяти студентов при взаимодействии с компьютером // Тихоокеанский медицинский журнал. 2014. № 3. С. 93–96.
- Павлова Л. П., Романенко А. Ф.* Системный подход к психофизиологическому исследованию мозга человека. Л., 1988.
- Руководство по геронтологии и гериатрии. В 4 т. Т. 1: «Основы геронтологии. Общая гериатрия» / Под ред. В. Н. Ярыгина, А. С. Мелентьева. М., 2010.
- Шабанов Г. А., Максимов А. Л., Рыбченко А. А.* Функционально-топическая диагностика организма человека на основе анализа ритмической активности головного мозга. Владивосток, 2011.

Швырков Б. В. Введение в объективную психологию: Нейрональные основы психики. М., 1995.

Ribchenko A. A., Shabanov G. A., Lebedev U. A., Korochentsev V. I. RS MEGI-01 Coil Recorder of Spectrum of Magnetoelectric Activity of Human Brain // Biomedical Engineering. 2014. V. 47. № 6. P. 282–284.

В. С. Филатов и создание ярославской психологической школы

В. А. Мазилев (Ярославль)

Введение

Понятие научной школы в науковедении и философии науки распространено достаточно широко. Это не удивительно, так как существование научных школ очевидно. История психологии также изобилует примерами различных научных школ.

Феномен научной школы предполагает наличие двух составляющих: 1) комплекса идей, составляющих ядро содержания данной школы, выражающих специфику ее научного подхода; 2) круг лиц, разделяющих эти идеи, т. е. коллектив исследователей.

Есть и более развернутые определения научной школы. Согласно С. А. Лебедеву, школа представляет собой коллектив исследователей, удовлетворяющий следующим критериям: 1) наличие научного лидера, конструктора новой исследовательской программы; 2) наличие «учеников», последователей, приверженцев созданной лидером научно-исследовательской программы (объединенных либо в формальную научную группу, либо в «невидимый колледж»); 3) воспроизводство нескольких поколений (не менее трех) приверженцев данной программы; 4) эффективность программы, подтвержденная деятельностью ее приверженцев в условиях резко возросшей динамики современных научных коммуникаций (Лебедев, 2008).

Вместе с тем стоит отметить, что понятие «научная школа» неизбежно «размывается», включаясь в различные контексты. Поскольку речь может идти о национальной научной школе, школе в масштабах региона, школе в рамках университета или иного научного или учебного заведения, авторской научной школе и т. д., становится ясно, что критерии в этих случаях становятся достаточно специфическими. При этом сам феномен научной школы своей значимости и определенности не утрачивает.

Жизненный путь и путь в науке В. С. Филатова

24 августа 2015 г. исполнилось 115 лет со дня рождения Василия Степановича Филатова (1900–1974), известного отечественного ученого, философа и психолога,

создателя ярославской психологической школы. Несомненно, ярославская психологическая школа является одной из ведущих в нашей стране; дело профессора Филатова достойно продолжается сегодня новыми поколениями ярославских психологов.

В. С. Филатов родился 24 августа 1900 г. в крестьянской семье в селе Промзино Алатырского уезда Симбирской губернии. В 1915 г., закончив Высшее начальное училище в селе Промзино, занимался репетиторством и готовился к сдаче экзаменов на аттестат зрелости. В 1917 г. он окончил восьмой (педагогический) класс гимназии и поступил на филологический факультет Казанского университета, где проучился 2 года. В 1921 г. по студенческой мобилизации Филатов был направлен на политпросветработу при штабе дивизии Казанского военного округа.

В 1923 г. он продолжает учебу: сначала в Одессе, где слушает лекции С. Л. Рубинштейна, а затем во 2-м МГУ. После реорганизации последнего Филатов переводится в Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена. По окончании Института (1926) он работает преподавателем в Покровском педагогическом училище в Подмоскowie, где преподает психологические и педагогические дисциплины. В августе 1927 г. Филатов становится научным сотрудником и одновременно аспирантом научно-исследовательского института педагогики в Москве. С 1930 г. он работает на руководящих должностях в ряде вузов СССР.

С 1 сентября 1946 г. В. С. Филатов приступает к работе в Ярославском педагогическом институте в должности заместителя директора Института и заведующего кафедрой психологии. Летом 1946 г. он заканчивает Всесоюзные курсы преподавателей логики.

Можно сказать, что для Ярославского педагогического института с этого времени начинается «филатовский этап развития». С его приходом в Институт кафедра психологии становится самостоятельной. До 1946 г. существовала кафедра психологии и педагогики, созданная в 1936 г. после постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» вместо упраздненной кафедры психологии и педологии. При кафедре открывается кабинет логики и психологии, в котором сосредоточивается психологическая литература, накапливается оборудование для проведения лабораторных занятий по психологии.

По инициативе В. С. Филатова в Институте открывается отделение логики и психологии, на котором осуществляется подготовка преподавателей этих дисциплин для средней школы. Напомним, что после войны какое-то время эти предметы преподавались в средней школе. Важно подчеркнуть и то, что возрос уровень психологической подготовки выпускников; некоторые из них (например, Г. А. Мурашов, Н. П. Ерастов) стали впоследствии членами кафедры. Вместе с тем преподавание психологии на более высоком уровне потребовало повышения квалификации преподавателей и привлечения кадров из Москвы и Ленинграда. По воспоминаниям Г. А. Мурашова, «для ведения отдельных дисциплин приглашались преподаватели и сотрудники московских и ленинградских вузов и научных учреждений. Так, историю психологии читал старший научный сотрудник Института психологии АПН М. Г. Ярошевский, историю логики – старший научный сотрудник Института философии АН СССР А. И. Рубин, практикум по экспериментальной психологии вел старший преподаватель ЯГПИ И. А. Васильев» (Мурашов, 1998, с. 33).

Представляется вполне обоснованной следующая оценка Г.А. Мурашова: «Не смотря на все издержки, открытие отделения логики и психологии знаменовало новый этап в развитии психологического образования в стране, поскольку значительно расширилось число центров психологической подготовки, ранее ограниченное четырьмя городами — Москвой, Ленинградом, Тбилиси и Киевом» (там же).

Сам В. С. Филатов читал лекции по общей психологии и логике. Как отмечает Мурашов, Филатов был хорошим лектором, умел просто и доступно объяснить самые сложные вопросы. Способствуя повышению квалификации преподавателей кафедры психологии, он не забывал и о собственном научном росте. В октябре 1949 г. В. С. Филатов поступает в докторантуру при секторе психологии Института философии АН СССР. Его научным консультантом, как и ранее руководителем по кандидатской диссертации, был С. Л. Рубинштейн, с которым Филатов был знаком еще с Одессы с 1923 г., когда в мореходке слушал лекции будущего классика отечественной психологии.

Первые публикации В. С. Филатова посвящены экспериментальному исследованию речи (1931). Эти работы относятся к ставропольскому этапу работы учебного. Они обобщены в кандидатской диссертации «Речь школьника», защищенной в 1941 г. в Ленинграде под руководством С. Л. Рубинштейна. В 1930-е годы В. С. Филатов публикует конспект лекций по психологии для студентов (Ставрополь, 1933), а также работу, посвященную социальному развитию личности в свете задач коммунистического воспитания (Калинин, 1935).

1940-е годы по понятным причинам оказались небогатыми на публикации. Но в 1948 г. Филатов пишет статью «Ушинский о воле и ее воспитании». Эта работа значима не только тем, что в ней рассмотрен важный вопрос о взглядах Ушинского на волю. Сам Филатов предстает в этой работе как зрелый историк психологии, а анализ методологических взглядов Ушинского позволяет ему сформулировать идеи, которые будут заложены в основание будущей научной школы.

К 1950 г. Филатов завершает работу над рукописью «Учение о характере и его формировании в условиях социалистического общества», которая двумя годами позже защищена в Институте философии АН СССР как докторская диссертация по философии. В 1953 г. в сборнике трудов Института философии АН СССР «Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии» публикуется работа Филатова «Психология характера в свете павловского учения о высшей нервной деятельности».

После успешной защиты докторской диссертации в 1952 г. Филатов получает звание профессора. В феврале 1952 г. он возвращается в Ярославль в качестве директора института и заведующего кафедрой психологии.

В октябре 1954 г. В. С. Филатов направляется в длительную (по август 1956 г.) командировку в Китай, где работает советником Министерства просвещения КНР по высшему образованию, оказывая помощь китайским коллегам в развитии педагогических вузов, развертывании научно-исследовательской работы и подготовке научно-педагогических кадров.

В 1950-е годы издается ряд его статей, посвященных различным аспектам формирования характера.

В 1960-е годы в работах В. С. Филатова появляются новые проблемы: выходит ряд публикаций по психологии труда, профориентации, научной организации труда, публикуются монографии о формировании характера и личности в тру-

де (1962, 1965), по проблемам социальной (1965, 1970) и детской психологии. Следует отметить также подготовленную им главу в учебнике по психологии для учащихся «Личность и ее направленность» (1967) и разработанную в соавторстве с В. И. Селивановым и Н. Ф. Добрыниным программу по психологии для педагогических институтов (1965, 1967). Несомненно, это является показателем признания авторитета ученого. Напомним, что в СССР программы были обязательными для всех педагогических институтов РСФСР и союзных республик.

Как уже было отмечалось, в 1948 г. В. С. Филатов публикует большую статью, посвященную анализу взглядов К. Д. Ушинского на проблему воли. Работа выполнена на высоком уровне, и это свидетельствует о том, что В. С. Филатов является специалистом по истории психологии.

Не имея возможности дать полный анализ этой статьи, обратим внимание на то, что в ней подробно обсуждается новаторство Ушинского в трактовке души: отмечается, что, согласно Ушинскому, не сознание составляет сущность души, а «врожденное стремление к деятельности, к жизни, для которого и самое сознание служит только одним из средств» (Филатов, 1948, с. 75). Обычно исследователи творчества Ушинского этот момент упускают.

Оценивая подход Ушинского, В. С. Филатов пишет: «Величие Ушинского как педагога и психолога, смелого новатора в области науки, заключается в том, что он в своей педагогической системе блестяще осуществил принцип гармонического сочетания психологической теории с педагогической практикой» (там же, с. 100).

По мнению Филатова, «Ушинского можно смело назвать основоположником русской научной (и особенно педагогической) психологии, стоящей на уровне русской передовой мысли того времени и на более высоком уровне, чем современная западноевропейская психология... Говорить, что автор „Человека, как предмета воспитания“ стоит на высоте западноевропейской науки, — писал известный педагог и психолог Блонский, — значит говорить об Ушинском слишком сдержанно; он стоял на самых крайних высотах ее, лицом обращенный на правильный путь грядущей педагогики» (там же, с. 101).

Выдвинутый Ушинским «принцип гармонического сочетания психологической теории с педагогической практикой» был положен в фундамент методологии ярославской школы. Отметим, что это в традиции Ушинского — продумать методологию, а потом ее реализовывать.

По возвращении из Китая в августе 1956 г. В. С. Филатов снова назначается директором Ярославского государственного педагогического института и профессором кафедры психологии и педагогики (после отъезда Филатова в Китай кафедра психологии была соединена с кафедрой педагогики). Создается впечатление, что тогда в провинциальном вузе кафедра создавалась исключительно «под человека». В ноябре 1959 г. кафедра психологии становится самостоятельной и в этом качестве существует до настоящего дня.

История создания ярославской психологической школы

С 1956 г. начинается целенаправленная работа В. С. Филатова по созданию ярославской психологической школы. Есть основания считать, что ярославская школа именно *создавалась* ее руководителем, это не был стихийный процесс. Г. А. Му-

рашев отмечает: «Василий Степанович был талантливым организатором. Как уже отмечалось, с его именем связано создание стабильной современной кафедры психологии пединститута. До него непродолжительные периоды самостоятельного ее существования были связаны с приезжими психологами, работавшими по совместительству. И хотя среди них были серьезные ученые, в истории ярославской психологии их след несравним с филатовским в силу загруженности этих преподавателей по основному месту работы и эпизодичности пребывания в Ярославле» (Мурашов, 1998, с. 34).

По инициативе В. С. Филотова при кафедре открывается аспирантура (1949). По свидетельству Г. А. Мурашова¹, «за эти годы через нее прошло более 50 человек. Подавляющее большинство выпускников защитили кандидатские диссертации, а многие потом стали докторами наук и профессорами, заведующими кафедрами, деканами факультетов, ректорами вузов. С 1967 г. по 1974 г. Ученому Совету института было дано право принимать защиту кандидатских диссертаций по психологии. Через этот совет прошли двести аспирантов и соискателей ряда вузов страны» (там же, с. 34–35).

Представляет интерес замечание Мурашова, что на кафедре у Филотова смена поколений происходит «в оптимальном варианте»: «С середины 50-х гг. постепенно один за другим уходят психологи поколения, пережившего годы революции и гражданской войны, коллективизации и репрессий 30-х гг., бесконечно тянувшиеся годы Отечественной войны, варварское вмешательство в психологическую науку. Первой из послевоенного поколения психологов на кафедре появилась в 1958 г. М. М. Рыбакова. За ней пришли: в 1963 г. — В. В. Карпов, в 1964 г. — Г. А. Мурашов, в 1965 г. — А. В. Филиппов, в 1966 г. — Н. П. Ерастов, в 1967 г. — В. В. Новиков, в 1968 г. — В. Д. Шадриков, в 1969 г. — Ю. К. Корнилов» (там же, с. 35–36).

По мнению Мурашова, «с их приходом произошел не только количественный рост психологов, но и существенные качественные сдвиги в уровне квалификации. Это связано, в первую очередь, с оформлением собственного научного направления, на долгие годы определившего область научных исследований в психологии. 60-е гг. вообще отмечены быстрым развитием целого ряда направлений в возрастной и педагогической психологии, постепенно начинающих занимать все более важное место в учебных планах пединститутов. Восстанавливается в правах социальная психология, но бесспорным лидером тех лет становятся инженерная психология и психология труда. Поэтому проблемы психологии труда, трудового обучения и воспитания, ставшие во главу угла кафедральных исследований, были весьма актуальны и современны» (там же, с. 36).

В 1964 г. в Ярославле создается головная для Министерства просвещения РСФСР лаборатория психологии труда, трудового обучения и воспитания. «Первым заведующим лабораторией стал А. В. Филиппов. Открытие же ее было подготовлено исследованиями В. В. Карпова по сигнальному программированию. Избранное им направление работы в области психологии труда и инженерной психологии, создание необходимой экспериментальной базы, поначалу очень скромной, послужило основой для исследований, проведенных позднее на кафедре ее многочисленными сотрудниками и аспирантами» (там же).

---

1 Статья Г. А. Мурашова написана в начале 1990-х годов.

Не останавливаясь подробно, обратим внимание на происходящие на кафедре изменения:

- приток молодых и энергичных сотрудников;
- успешная работа аспирантуры;
- открытие диссертационного совета;
- активная издательская деятельность, издание сборников научных трудов;
- активные контакты с другими вузами и участие в научных конференциях.

«Кафедра становится межвузовским центром психологии и приобретает заслуженный авторитет в этой области... Начиная с 1963 г. каждые последующие два-три года здесь состоялись межвузовские, а, по существу, Всесоюзные и даже Международные конференции по проблемам психологии труда, трудового обучения и воспитания. Раз от разу эти конференции становились все более представительными и популярными. В них принимали участие многие ведущие психологи страны: Б. Ф. Ломов, Н. Ф. Добрынин, К. К. Платонов, Е. А. Климов, Д. А. Ошанин, Е. И. Игнатъев, Н. Ф. Талызина, А. В. Петровский, Е. В. Шорохова и мн. другие ученые, психологи из Венгрии и Чехословакии» (там же, с. 37).

Являясь очевидцем и участником жизни кафедры, Г. А. Мурашов вспоминает: «Запомнилась атмосфера всеобщей увлеченности делом. Уже в 7–8 часов утра начинались работы в лабораториях и мастерских кафедры, продолжавшиеся до позднего вечера. Создавались экспериментальные стенды и приборы, шел постоянный приток новых аспирантов, ежегодно защищались диссертации. Бесспорными лидерами в организации хозяйственных исследований были А. В. Филиппов и В. Д. Шадриков. За ними тянулись другие молодые сотрудники» (там же).

В 1970 г. начинается новый этап в развитии коллектива кафедры. «В 1968 г. уезжает в Москву А. В. Филиппов. В 1970 В. С. Филатов, В. В. Новиков, М. М. Князев и В. Д. Шадриков переходят в создаваемый Ярославский государственный университет (и, по существу, являются основателями нового факультета психологии). В 1971 к ним присоединяется Ю. К. Корнилов, в 1974 — Н. П. Ерастов» (там же, с. 38).

Нас интересует собственно возникновение школы, которое связано с деятельностью В. С. Филатова, поэтому мы в настоящей статье сосредоточились на этапе ее возникновения. Тем не менее нельзя не согласиться с А. Л. Журавлевым в том, что важна проблема критериев возникновения нового качества, будь то отрасль психологии или научная школа. Как справедливо отмечает А. Л. Журавлев, в обсуждении исторических вопросов «уместно поставить и более общий вопрос — о науковедческих *критериях рождения* (возникновения, начала) той или иной отрасли науки, в данном случае социальной психологии. Среди, бесспорно, многих возможных критериев должны выделяться основные (или главные), а может быть, и только главный. При таком понимании хочется выделить следующий критерий: проведение специального (т. е. по предмету новой отрасли) *теоретического или эмпирического исследования* и оформление его результатов в виде *отдельного научного издания*. В данном случае речь идет, фактически, не о нескольких, а об одном критерии, который, однако, двояко выражается: в содержании — через выполненное исследование, соответствующее предмету социальной психологии, и в отчужденной форме — через отдельное научное издание, включающее результаты проведенного исследования» (Журавлев, 2009, с. 39).

Прежде всего, отметим, что надо дифференцировать, является ли сам акт создания целенаправленным или стихийным. Скажем, акция В. Вундта по обоснованию физиологической психологии как самостоятельной науки была вне всяких сомнений осознанной и хорошо спланированной. Что касается «случая В. М. Бехтерева», описываемого А. Л. Журавлевым, то, представляется, что ученый решал предметные вопросы, а возникновение самостоятельной дисциплины было, скорее, «побочным продуктом».

В случае В. С. Филатова можно полагать, что мы имеем целенаправленную деятельность лидера. Прежде всего, речь идет о создании и сплочении лидером-руководителем малой группы, в которой формируется ценностно-ориентационное единство, специальное внимание уделяется сплоченности группы, формированию позитивного социально-психологического климата.

Эффективности создания группы (ядра школы) способствуют следующие условия:

- наличие у лидера-организатора харизмы;
- наличие авторитета;
- наличие опыта научной деятельности и руководства научным сообществом;
- наличие интеллектуальных возможностей;
- наличие возможностей предложить базовую платформу для проведения первых исследований;
- наличие организационных возможностей;
- наличие программы развития школы;
- наличие учеников, сподвижников, представителей разных поколений (представители старшего поколения как носители ценностей).

Обо всем вышесказанном по возможности приводились свидетельства очевидцев и современников. В пояснении нуждается, очевидно, тезис о базовой платформе. Первоначально базовую платформу составлял антропологический подход, основы которого были заложены еще К. Д. Ушинским, применительно к деятельности учителя и задачам его подготовки переосмысленный и конкретизированный лидером школы (1948, 1965, 1968).

Среди публикаций сотрудников кафедры следует отметить статью доцента И. М. Цветкова (работал на кафедре с 1930 г.), посвященную вопросам воспитания трудолюбия у детей (по Ушинскому). Фактически все преподаватели кафедры имели публикации, касающиеся психологических взглядов К. Д. Ушинского на изучаемый тем или иным автором предмет (В. С. Филатов, И. М. Цветков, В. В. Карпов, Н. П. Воронин, Ю. П. Вавилов, Н. П. Ерастов, Г. А. Мурашев, А. Г. Поддубный, и др.). Поэтому первоначальной платформой научно-исследовательской работы кафедры выступала практико-ориентированная методология и психология Ушинского. Последующий анализ показал, что Ушинского можно считать создателем практико-ориентированной психологии (Мазилов, 2014а, б).

Это действительно стало «визитной карточкой» ярославской школы – сочетание научности и практической ориентированности. Первоначально практическая ориентированность шла от К. Д. Ушинского, затем, как мудрый человек, В. С. Филатов оценил перспективы возрождающейся в стране после разгрома в тридцатые годы психологии труда и добился организации лаборатории по этой проблематике.

Вопрос о том, что считать критериями возникновения школы, несомненно, важен. При этом в каждом конкретном случае необходимо учитывать контекст возникновения той или иной научной школы.

Здесь, вероятно, достаточно сформулировать следующие соображения.

Скорее всего в качестве критериев могут выступать следующие положения:

- общая для научной школы исследовательская проблематика;
- пространственно-временное единство;
- принципы, характеризующие исследовательский подход в данной научной школе;
- представленность в научной школе разных поколений ученых;
- организационные условия: наличие кафедры, лаборатории, института;
- открытие аспирантуры и решение проблемы воспроизводства научных и преподавательских кадров;
- проведение научных конференций;
- издательская деятельность, обеспечивающая издание научной продукции школы;
- признание достижений школы коллегами и научным сообществом.

Нельзя не сказать о В. С. Филатове и как о человеке. Вот как о нем вспоминал В. В. Новиков, ученик В. С. Филатова, известный ярославский психолог: «Я думаю, что самой главной и самой лучшей чертой его личности является доброта. Он добротой добротой, которая сочетается с такой же большой требовательностью. И еще, что не менее важно для характеристики нашего профессора, — он очень верит в людей, а потом во всем доверяет им. И эти доброта, требовательность и доверие буквально окрыляют всех, кто с ним работает, кто, так или иначе, с ним общается.

Вот уже шесть лет я являюсь членом кафедры психологии, которой руководит профессор Василий Степанович Филатов. На моих глазах произошло чудо: за это время кафедра получила известность во всем Советском Союзе, семь учеников Василия Степановича стали кандидатами наук и столько же подготовили кандидатские, а один и докторскую диссертацию. Этот успех удивляет буквально всех, и все, кто знакомится с этим, спрашивают: „Как это произошло?! Что делает В. С. Филатов, чтобы так быстро и так хорошо готовить научные кадры, чтобы так продуктивно работала кафедра?“

Я думаю, секрета тут никакого нет. Те три качества личности Василия Степановича, которые я называл, в сочетании с большими знаниями и большой работоспособностью и обеспечивают ему успех. Будучи психологом, Василий Степанович хорошо понимает, что не может быть двух одинаковых людей и не надо ни в коем случае их подравнивать. Поэтому на нашей кафедре все так не похожи друг на друга, и потому на ней такое взаимопонимание, такая согласованность, такая взаимопомощь и такая взаимная требовательность.

Василий Степанович Филатов многое сделал для Института, для подготовки высококвалифицированных учителей и преподавателей, для развития той науки, которой он посвятил свою жизнь. Орден Ленина на его груди — яркое признание заслуг этого человека. Но я хорошо знаю, что Василий Степанович, несмотря на свои немолодые уже годы, еще не сказал своего последнего слова» (Новиков, 1970, с. 1).

Заключение

Можно констатировать, что в результате целенаправленной деятельности В. С. Филатова в Ярославском педагогическом институте сложилась научная психологическая школа. Подробно проанализирована деятельность В. С. Филатова по созданию школы, обсуждается проблема критериев возникновения научной школы. Выделяются следующие критерии (наличие лидера, общая для школы исследовательская проблематика, пространственно-временное единство, принципы, характеризующие исследовательский подход в данной школе, наличие разных поколений ученых в школе, организационные условия – наличие кафедры или лаборатории, института, открытие аспирантуры и решение проблемы воспроизводства научных и преподавательских кадров, проведение научных конференций, издательская деятельность, отражающая продукцию школы, признание достижений школы коллегами и научным сообществом). Дается анализ особенностей складывающейся школы, выделяются условия, способствовавшие ее формированию.

Литература

- Журавлев А. Л.* Роль В. М. Бехтерева в становлении отечественной социальной психологии // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «V Московские встречи» / Под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой, Ю. Н. Олейника. М., 2009. С. 39–46.
- Ермаков А. М.* Ректоры ЯГПУ (1908–2013). Ярославль, 2013.
- Лебедев С. А.* Философия науки: Краткая энциклопедия. М., 2008.
- Мазилев В. А.* Разработка практической психологии: непонятый и неоцененный проект К. Д. Ушинского // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал. 2014а. № 3. Т 2: «Психолого-педагогические науки». С. 191–199.
- Мазилев В. А.* К. Д. Ушинский как создатель парадигмы практической психологии: непонятый проект // Образовательная панорама. Ярославская область: пространство образовательных возможностей. Научно-методический журнал. 2014б. № 1. С. 48–60.
- Мурашев Г. А.* Из истории Ярославской психологии // Психологический пульс Ярославля / Под ред. В. В. Новикова. М.–Ярославль, 1998. С. 21–47.
- Профессора ЯГПУ (1908–2008): Биографические очерки / Сост. А. В. Еремин. Ярославль, 2008.
- Филатов В. С.* Учение Ушинского о воле и ее воспитании // Ученые записки. Педагогика и психология. Ярославль, 1948. Вып. 13 (23). С. 75–101.
- Школы в науке. М., 1977.

История становления и развития психологического факультета Академии ФСИН России

В. М. Поздняков (Москва), Е. Е. Гаврина (Рязань)

Более 25 лет в стенах ведущей образовательной организации ФСИН России – Академии права и управления – ведется подготовка высококвалифицированных кадров для уголовно-исполнительной системы – пенитенциарных психологов и социальных работников. Рязанская высшая школа (РВШ) МВД СССР стала первым и единственным на тот период вузом среди ведомственных учебных заведений, в котором была организована подготовка психологов с высшим профессиональным образованием для нужд правоохранительных органов. Это не было случайностью, так как волею судеб именно в этом учебном заведении долгие годы зарождались, накапливались и развивались специальные знания как о психологии преступников и осужденных, так и о психологических особенностях деятельности сотрудников правоохранительных органов. Открытию психологического факультета предшествовала долгая и кропотливая работа в различных областях: научно-исследовательской, учебной, административной, правовой, хозяйственной.

В 1990 г. в Рязанской высшей школе МВД СССР было создано психологическое отделение. В этом же году был осуществлен первый набор будущих психологов-практиков со специализацией «Психология практическая для органов и учреждений, исполняющих наказания».

Однако днем рождения психологического факультета по праву может считаться 21 марта 1991 г. – дата подписания приказа МВД СССР № 99 об образовании факультета подготовки психологов. С этого момента факультет стал самостоятельным структурным подразделением, а в его составе были сформированы две кафедры: общей психологии, которую возглавил В. М. Поздняков, и социальной психологии, руководителем которой стал А. Н. Сухов. Название «психологический факультет» было закреплено приказом МВД России № 473 от 23 декабря 1992 г.

В 1993 г. в структуру психологического факультета были включены кафедра юридической психологии и педагогики, лаборатория психофизиологического и психологического отбора, а также сформировано учебно-строевое подразделение – курс факультета. С этого периода начинается этап становления психологического факультета как самостоятельного структурного подразделения вуза со слаженной организационно-штатной структурой. Надо отметить, что до этого времени (с 1975 г.) существовала лишь общеинститутская кафедра исправительно-трудовой педагогики и психологии.

Учитывая, что на тот период аналогов подготовки пенитенциарных психологов не было как за рубежом, так и в отечественных гражданских вузах, в РВШ МВД СССР была создана инициативная группа из числа ведущих преподавателей (В. Г. Деев, А. И. Ушатиков, В. М. Поздняков, А. Н. Сухов), которая занялась разработкой нормативных и иных документов, требующихся для организации учебного процесса.

По действовавшим в советский период нормативным требованиям учебный план и программы подготовки психологов-практиков должны были обсуждаться

ся и утверждаться на УМО университетов «Психология» (МГУ). В связи с этим была весьма тщательно изучена вся учебная документация по ведомственной подготовке кадров и университетскому учебному процессу психологов. В итоге проект учебного плана подготовки психологов-практиков, разработанный сотрудниками РВШ МВД СССР и вынесенный на обсуждение УМО университетского психологического образования, представлял собой документ, отражающий три ключевых момента. Во-первых, обеспечивалась преемственность имеющейся десятилетней практики факультета психологии Ленинградского госуниверситета по специализации «Юридическая психология». Во-вторых, было учтено мнение психологов, которые работали на соответствующих гражданских должностях в воспитательно-трудовых колониях. В-третьих, в план была включена инновационная составляющая, обоснованная с учетом зарубежного опыта и предложений от главков МВД СССР. В целом разработанный проект гармонично сочетал в себе фундаментальность и прикладную направленность в профессиональной вузовской подготовке пенитенциарных психологов.

При обсуждении проекта учебного плана на заседании УМО в МГУ, проведенном под председательством декана психологического факультета профессора Е. А. Климова 30 июня 1990 г., состоялась длительная профессиональная дискуссия. Несмотря на остроту заданных вопросов и полемичность отдельных выступлений членов УМО, была создана атмосфера заинтересованности, прежде всего, при определении направлений обеспечения качества подготовки новой категории психологов-практиков. Крайне важно сегодня вспомнить заключительное выступление-рекомендацию профессора Е. А. Климова, суть которого свелась к следующим аспектам: с одной стороны, было подтверждено то, что обсуждаемый проект содержательно конструктивен и с его реализацией откроются новые перспективы развития теоретической, методической и психопрактической составляющих пенитенциарной психологии; с другой стороны, подчеркнуто, что необходимо развивать данное новшество с мониторингом и поддержкой от академической психологической науки.

Дополнительные коррективы в Учебный план по новой специализации в области психологии, внесенные в МВД СССР, а также реальная поддержка образовательной инновации А. Г. Асмоловым, тогда главным психологом Министерства высшего образования СССР, дали «зеленый свет» расширенной подготовке психологов-практиков не только в РВШ МВД СССР, но и в других вузах правоохранительных и силовых ведомств. Впоследствии именно данный, утвержденный этим министерством учебный план был взят за основу при создании учебно-дидактической документации по психологическим специальностям, открытым в Санкт-Петербургском и Московском университетах МВД России, в Вологодском институте права и экономики ФСИН России, а также в Военном университете Минобороны России.

Осуществление первого набора будущих психологов в РВШ МВД СССР велось на основе предоставленного ведомством вузу права самому формировать личные дела абитуриентов и с приглашением преподавателей гражданских вузов осуществлять приемные экзамены по профильно-вступительным дисциплинам. Одновременно впервые в системе ведомственных вузов была апробирована технология психологического тестирования абитуриентов, к проведению

которого были привлечены ведущие сотрудники Центра психофизиологии управления МВД СССР (А. Э. Драч, Н. В. Андреев, Н. М. Филиппов). С учетом итога вступительных экзаменов и данных психодиагностики в качестве первых слушателей-психологов были зачислены 69 кандидатов. Именно с ними были начаты занятия в учебном центре РВШ МВД СССР, чтобы лучше ознакомиться с особенностями личности и профессиональной направленностью поступивших, так как их значительная часть была набрана без профотбора кадровыми службами территориальных подразделений УИС.

Особенностью учебного процесса первого набора будущих психологов было то, что занятия с ними на первом курсе проводились преподавателями не только ведомственного вуза, но и профессорами, приглашенными из Рязанского медицинского института. Для повышения профнаправленности личности будущих психологов была организована непрерывная внеучебная практика на базе Льговской воспитательно-трудовой колонии и исправительной колонии № 2 УИН по Рязанской области. Форсировано создавалась материально-техническая база для проведения лабораторного психологического практикума. В этих целях при финансовой поддержке министерства МВД уже к концу 1990 г. было приобретено современное психотехническое оборудование на сумму более 300 тысяч рублей, а также 30 персональных компьютеров, которые стали основой компьютерной психодиагностики. Приоритетным направлением являлось и заключение договоров о сотрудничестве с психологическими факультетами страны, что позволило получить оригинальные психологические издания, а также организовать командирование ведущих ученых-психологов для участия в занятиях I летней психологической школы, которая проводилась на базе РВШ МВД СССР в июне 1991 г. при участии приглашенных 7 докторов и 3 кандидатов наук. В последующем подобные многодневные психологические школы стали проводиться здесь ежегодно, создав традицию, обеспечивающую повышение качества подготовки кадров психологов. При этом летние психологические школы, на наш взгляд, способствовали научному становлению и адъюнктов-психологов.

Развитие психологического факультета ежегодно требовало привлечения на работу новых преподавателей, имеющих конкретные психологические специализации. Профессорско-преподавательский состав психологического факультета расширялся как за счет опытных кадров (А. П. Краковский, О. Е. Сапарин, В. В. Солонников и др.), так и недавних выпускников психологических факультетов университетов страны (Э. Ю. Амелин, М. В. Шевелев, В. В. Яковлев, А. В. Чечкова и др.). Важным критерием нового пополнения преподавательского состава являлся опыт многолетней работы в пенитенциарных учреждениях. В связи с этим одной из первых на факультете стала работать кандидат психологических наук Т. В. Калашникова, имевшая 11-летний стаж службы в воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних осужденных женского пола, а позднее — В. В. Васильев, являвшийся заместителем руководителя одного из управлений лесных исправительно-трудовых учреждений. Роль этих сотрудников была крайне важной для развития связей с практическими органами.

Первые годы работы психологического факультета были периодом интенсивного развития материально-технической базы, подготовки и издания разнотипных дидактических материалов по преподаваемым дисциплинам. Это

было крайне актуальным и в связи с открытием по решению министерства МВД в РВШ МВД России с 1992 г. годичных очно-заочных курсов психологов, которые выполняли функцию переподготовки кадров сотрудников, назначенных на соответствующие должности в учреждениях разных регионов страны.

В 1994 г. психологический факультет РВШ МВД России прошел первую аттестацию комиссией Минобразования России. Председатель психологической группы данной комиссии профессор Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова Виктор Васильевич Новиков, выступая на общем подведении итогов аттестации, констатировал успешность в подготовке будущих психологов, в том числе обеспеченную высокой квалификацией профессорско-преподавательского состава, качеством разноплановых дидактических пособий, созданной многоуровневой лабораторно-кабинетной базой, активным включением обучающихся в научно-исследовательскую работу и оказанием помощи органам и учреждениям, исполняющим наказания. Одновременно профессор В. В. Новиков, являвшийся не только создателем психологического факультета в Ярославском госуниверситете, но и организатором психологической службы в одном из министерств, а также Президентом Международной психологической академии, отметил конструктивную роль рязанских психологов в развитии психологической службы своего ведомства, в том числе в концептуальном и практико-ориентированном аспектах. Он обратил особое внимание на инновацию, состоящую в создании учеными из РВШ МВД России и распространении более чем в 40 учреждениях УИС (причем, после целенаправленного обучения психологов) комплекта дидактических и технических средств для организации и функционирования кабинетов психологической поддержки личного состава.

Важной вехой в истории психологического факультета следует считать подготовку с 1997 г. кадров по специальности «Социальная работа в исправительных учреждениях». Это в полной мере соответствовало новым ориентирам в уголовно-исполнительной политике страны. При этом конструктивным следует признать многолетнее научно-методическое сотрудничество психологического факультета с Институтом социальных работников кантона Базель Швейцарской Конфедерации, а также с департаментами юстиции ряда других европейских стран, обеспечившее качественную практическую подготовку будущих отечественных социальных работников (Лузгин, 2006).

С момента появления в Рязанском институте права и экономики МВД России научных журналов, а также в рамках изданий по результатам многочисленных научно-практических конференций сотрудники психологического факультета всегда занимали экспертную позицию по новациям в ведомстве, отстаивая гуманистические взгляды на обращение с различными категориями осужденных и психотехнический подход к их исправлению. Мнение рязанских пенитенциарных психологов было авторитетным и в рамках дискуссий, которые проходили на съездах психологов России и на заседаниях методологического семинара в Институте психологии РАН по теме «Актуальные проблемы юридической психологии».

С учетом выросшего научного потенциала профессорско-преподавательского состава с 1997 г. при Рязанском институте права и экономики МВД России стал функционировать диссертационный совет по специальностям «Юридичес-

кая психология» (19.00.06) и «Общая педагогика, история педагогики и образования» (13.00.01). Именно в данном совете были успешно защищены диссертации как первых выпускников и молодых преподавателей рязанского ведомственного вуза (Е. Н. Казакова, А. В. Наприс, В. В. Яковлев и др.), так и сотрудников-психологов УИС России (И. Т. Ковалева, И. И. Пацакула, И. С. Дорошенко и др.). К сожалению, с 2016 г. действие данного совета ВАК приостановлено. Его возрождение, на наш взгляд, следует считать одной из главных целей рязанских психологов, так как многие сотрудники психологического факультета активно собирают материал по утвержденным темам докторских диссертаций.

В целях реализации концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. в области подготовки и переподготовки кадров с учетом дальнейшей дифференциации видов наказаний, повышения роли отдельных видов наказания, альтернативных лишению свободы, пенитенциарной психологии и пенитенциарной медицины на психологическом факультете кафедры юридической психологии и педагогики преобразована в две кафедры: юридической психологии и педагогики; психологии профессиональной деятельности в УИС (приказ ФСИН России от 17.06.2013 № 349 и приказ начальника Академии ФСИН России от 24.10.2013 № 807-л/с).

На современном этапе факультет представляет собой сформировавшееся многопрофильное, целостное структурное подразделение академии, в которое входят четыре кафедры:

- общей психологии (начальник – кандидат психологических наук, доцент полковник внутренней службы Е. Е. Гаврина);
- юридической психологии и педагогики (начальник – доктор педагогических наук, профессор полковник внутренней службы Т. В. Кириллова);
- социальной психологии и социальной работы (начальник – кандидат педагогических наук, доцент полковник внутренней службы В. Е. Матвеевко);
- психологии профессиональной деятельности в УИС (начальник – кандидат психологических наук, доцент, полковник внутренней службы Ю. Ю. Красикова).

Штатная численность факультета составляет 68 единиц:

- из них – 50 должностей профессорско-преподавательского состава четырех кафедр факультета;
- более 80% лиц из числа профессорско-преподавательского состава (ППС) имеют ученые степени;
- образовательный процесс реализуют более 40 докторов и кандидатов наук;
- 2/3 ППС факультета обладают опытом практической работы в УИС, в их числе бывшие руководители исправительных учреждений, служб, факультетов, кафедр.

На кафедрах психологического факультета действуют общественные лаборатории: межфакультетская акмеологическая лаборатория «Актуальные проблемы профессионализма личности и деятельности специалистов Федеральной службы исполнения наказаний», межкафедральная психологическая лаборатория «Криминальная деструктивность личности» и научные лаборатории «Социаль-

ное проектирование и социальные технологии», «Организация психологического сопровождения служебной деятельности в УИС».

На психологическом факультете функционируют семь научных школ:

- профессора В. Г. Деева – по изучению проблемы направленности личности осужденных;
- профессора А. И. Ушатикова – по исследованию проблем пенитенциарной и прикладной пенитенциарной психологии;
- профессора Н. А. Тюгаевой – по изучению проблем пенитенциарной педагогики, организации образования и профессиональной подготовки осужденных;
- профессора А. Н. Сухова – по комплексному исследованию психологических проблем социальной деформации, конфликтов, безопасности, социальной работы и др.;
- профессора Г. И. Аксеновой – по исследованию проблем психологии и педагогики становления субъекта образования;
- профессора И. И. Купцова – по исследованию проблемы духовно-нравственного развития личности;
- профессора Д. В. Сочивко – по исследованию проблемы современной психодинамики.

Профессорско-преподавательский состав кафедр принимает участие в реализации 8 программ бакалавриата, 16 программ специалитета, 4 программ магистратуры, 8 программ подготовки научно-педагогических кадров, 27 программ дополнительного образования в соответствии с профилем вуза.

Сегодня по программам высшего профессионального образования на факультете обучается 576 человек, в том числе 315 курсантов по очной форме обучения и 261 слушатель по заочной форме обучения.

С 1991 г. по настоящее время психологический факультет является флагманом подготовки высококвалифицированных кадров психологов и социальных работников для органов и учреждений УИС. За 25-летний период своей деятельности факультет подготовил более двух тысяч пенитенциарных психологов и более пятисот социальных работников.

Литература

Лузгин С. А. Социальная работа с осужденными в России: историческая ретроспектива, современность и будущее. Рязань, 2006. С. 109–110.

Губернские университеты как центры развития психологического знания: Нижегородский университет в 1920-е годы

Н. Ю. Стоюхина (Нижний Новгород)

Введение

В дореволюционной российской провинции, какой является вся территория страны за исключением столицы, высших учебных заведений было немного, поэтому культурные центры формировались вокруг гимназий, семинарий, салонов, театров, литературных кружков. В связи с появлением интереса к областному принципу в культуроведении в 1920-х годах российский ученый-литературовед Н. К. Пиксанов ввел понятие «культурного гнезда» — «тесного единения, органического слияния культурных явлений и деятелей» (Пиксанов, 1923). «Та централизация, — писал он, — которая так заметна в политической русской истории, сказалась и на истории русского искусства и русской литературы, больше того, она обнаружилась и в русской исторической мысли. Подчиняясь централистским тенденциям, наша историческая мысль под новой русской культурой и литературой разумеет собственно культуру и литературу столичную, не учитывая, просто забывая, областную... В движениях и поворотах „русской“, т. е. общерусской, столичной литературы мы многого не поймем, если не изучим областных культурных гнезд» (Пиксанов, 1928, с. 52). Согласно его представлению, именно в областях есть свой пласт культуры, в частности особые «культурные гнезда», изучение которых необходимо для последующего использования в описании истории науки и культуры в целом. Так в 1920-х годах была поставлена проблема целостного изучения провинциального культурного наследия.

Что касается научного психологического сообщества, то в нем до сих пор отсутствует адекватное представление о роли и месте в истории науки провинциальной психологии и психологов, что привело к необозначенности и неосмысленности судеб последних в истории психологии. До сих пор провинциальная психология не осознается как равноправная часть отечественной психологической науки. Образ провинциальной психологии в немногочисленных опубликованных материалах представлен редкими фрагментами, «осколками» некоторых биографий и описаниями достижений отдельных ученых-психологов, хотя В. А. Кольцова признает бесспорность интеллектуального потенциала и роль российской провинции, проявившихся в становлении ключевых процессов в жизни психологического сообщества нашей страны начала XX в. (Кольцова, 2006).

Народный университет в Нижнем Новгороде

В становлении любого университета гуманитарная составляющая является важной частью университетского образования. В данной статье мы попытаемся проследить путь формирования психологического вектора в гуманитарном знании в Нижегородском университете.

Количество и география высших учебных заведений в России стали меняться с началом Первой мировой войны в связи с эвакуацией вузов с западных территорий в удаленные от театра боевых действий районы страны (Киевский университет частично эвакуирован в 1915 г. в Саратов, Варшавский университет — в Ростов-на-Дону, Варшавский политехникум — в Нижний Новгород), что способствовало появлению здесь новых самостоятельных университетов.

Необходимо также помнить о роли народных университетов, чьи общества создаются с декабря 1905 г. в Москве, Варшаве, Казани, Нижнем Новгороде, Оренбурге, Смоленске, Саратове, Воронеже, Пскове и др. Сами университеты были открыты позже: в 1908 г. — Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского; в 1915 г. — университет в Томске; планировалось также открыть их в Киеве и Харькове, но помешала война.

В начале 1916 г. начал функционировать Народный университет в Нижнем Новгороде, организованный с помощью коллег из Московского университета им. А.Л. Шанявского. Известно о трудностях, с которыми столкнулись первые преподаватели и студенты (Хохлов, 1998), а вот о преподавателях психологии и педагогики до сих известно немного (Стоюхина, 2013а). В связи с этим важно восстановить особенности формирования гуманитарного знания (на примере знаний по психологии), его культурную преемственность в Университете в 1910—1920-е годы.

С самого начала на всех отделениях вновь созданного вуза работали как приезжие, так и местные педагогические кадры.

18 января 1916 г. в Нижегородском народном университете были прочитаны первые лекции первокурсникам. М.С. Григорьевский приступил к чтению курса психологии.

Митрофан Семенович Григорьевский (1872—?) приехал в 1913 г. в Нижний Новгород из Глухова (Украина), где был директором Учительского института. В Нижнем Новгороде его назначили директором народных училищ, и для учителей, работающих там, он написал «Лекции по педагогической психологии, читанные народным учителям» (Стоюхина, 2013б; Стоюхина, Сироткина, 2016). Пожалуй, это был главный труд в его творчестве.

Как известно, термин «педагогическая психология» ввел П.Ф. Каптерев в 1877 г., назвав так «руководство для народных учителей и воспитателей, цель которого — донести до массы педагогов основные сведения по психологии» (цит. по: Никольская, 1995, с. 74). Сначала он не ставил другой задачи, но, как пишет А.А. Никольская, к моменту выхода 3-го издания книги (1914) были накоплены данные по изучению ребенка, достигнута достаточная зрелость теоретической мысли, и это позволило П.Ф. Каптереву внести уточнения в определение рассматриваемой предметной области психологии: «Педагогическая психология... есть дисциплина, соединяющая педагогику с психологией, ведущая от педагогики в психологию» (цит. по: Никольская, 1995, с. 155). В данном Каптеревым определении уже четко обозначается специфика педагогической психологии как самостоятельной научной дисциплины и ее направленность — решение задач, стоящих перед педагогикой.

К проблемам педагогической психологии в это время обращаются и другие ученые, высказывающие свое понимание ее предмета и задач: Н.Д. Виноградов «Педагогическая психология в связи с общей педагогикой» (1916); М.М. Рубин-

штейн «Очерк педагогической психологии в связи с общей педагогикой» (1920); Н. Е. Румянцев «Лекции по педагогической психологии для народных учителей» (1913); Л. Е. Оболенский «Новая наука педология» (1900) и др.

Свой взгляд на педагогическую психологию предложил народным учителям и М. С. Григорьевский. Он считал, что психология нужна воспитателю, чтобы показать «законы постепенного роста духовных способностей ребенка» и дать ему ключ к разгадке личности ребенка. «Только при свете психологических данных можно составить более или менее правильный план воспитательного воздействия применительно к будущим духовным силам живого детского организма... продумать до конца ход обучения детей» (Григорьевский, 1914, с. 13). Вслед за К. Д. Ушинским, Григорьевский полагал, что «изучение человеческой природы в ее вечных основах, в ее современном состоянии и в ее историческом развитии составляет главную основу педагогики или искусства воспитания» (там же, с. 15). Это, в свою очередь, требует от учителя большого труда и самоотвержения, которые вознаграждаются теми результатами, которые они приносят учителю: «педагогический кругозор его расширяется, и из-за учебных руководств, расписаний и экзаменов он яснее увидит ребенка; представления об окружающем делаются яснее, является большая вера в себя и в тоже время развивается критическое отношение к делу, способное оказать сильное влияние на его такт, терпение и гуманное обращение с детьми» (там же, с. 15). По его мнению, содержание курса педагогической психологии для народных учителей должно ограничиваться конкретными данными для практического применения, включать минимум сведений из научной психологии и быть «в высшей степени популярным; те, кто чувствует влечение к предмету, могут пойти дальше, насколько пожелают» (там же, с. 15).

М. С. Григорьевский посвятил несколько страниц описанию проявлений религиозного чувства у детей. Он считал, что Бог близок детям ввиду особенностей их религиозного сознания: «Бог для них представляется „Отцом небесным“, к которому они и обращаются с наивною молитвой... это обладающий всемогуществом отец, награждающий и порицающий личный властитель мира», богатый, знатный, всемогущий (там же, с. 247). Дети любят молиться; молитва дает им счастье. Религиозное сознание детей определяется влиянием родителей и воспитателей, и догматическое обучение вызывает у них большую путаницу, поэтому «элементарное преподавание Закона Божия более всего действует на детей не раскрытием догматических истин, а при помощи указаний на примеры святых и великих личностей» (там же, с. 248). Педагогика никогда не должна отказываться от религиозного обучения в школе, утверждает Григорьевский, так как религиозное мировоззрение объединяет человеческие интересы, дает покой душе, порождает жизнерадостность, нравственное мужество и нравственную активную силу. Из нравственных чувствований любовь к матери занимает первое место.

Курс лекций наполнен именами и цитатами из работ всех современных автору психологов и педагогов — Д. Т. Лэдда, К. Д. Ушинского, А. П. Нечаева, Э. Меймана, У. Джемса, Г. И. Челпанова, Г. Бюхнера, Я. Молешотта, В. Вундта, Дж. Болдуина, В. Ерузалема, И. Ф. Гербарта, Э. Вебера, Г. Фехнера, Г. Эббингауза, Х. Гефдингса, Дж. Селли, М. М. Манасеиной, П. Ф. Каптерева и др.

Борис Васильевич Лавров (1880—?), преподаватель словесности и психологии первой Нижегородской мужской гимназии, автор «Учебника по психологии», чи-

тал в Народном университете несколько учебных дисциплин: «Теория художественного творчества», «Введение в философию», «Психология чувствований и волевого процесса» (Стоюхина, 2009а, 2013а).

Из Москвы приезжали приват-доценты Московского университета: Павел Петрович Блонский (1884–1941) для чтения курса философии и Владимир Михайлович Экземплярский (1889–1957) для чтения курса педагогики на III курсе литературного и исторического отделения. Экземплярский также читал лекции по основным направлениям в этике (Стоюхина, 2013а).

Выпускники Московского университета – преподаватели НГУ

Весна 1918 г. ознаменовалась важным для города событием: «28 марта в заседании исполнительного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов было принято единогласно при громе аплодисментов постановление открыть Университет» (Стоюхина, 2013а, с. 22). 16 сентября начались занятия на десяти открывшихся факультетах: агрономическом, биологическом, горно-технологическом, инженерно-строительном, математическом, механическом, профессиональном, рабоче-энциклопедическом, химическом и электротехническом. 8 ноября на совещании преподавателей гуманитарного знания было единогласно принято решение о целесообразности открытия также историко-филологического факультета.

Послереволюционное время для российского высшего образования оказалось определяющим: с 1918 г. стали открываться государственные университеты практически во всех губернских городах. По мнению историка А. Н. Еремеевой, «появление новых вузов, факультетов, кафедр в российских регионах вызвало переезд туда столичных молодых талантливых ученых, надеявшихся на быстрое получение профессорских должностей и возможность возглавить кафедры. Такого рода культурная миграция не могла не воздействовать на интеллектуальную атмосферу провинциальных городов» (Еремеева, 2012, с. 407). В отличие от этого, А. А. Тахо-Годи считает, что столичные ученые уезжали в провинцию по более прагматическому поводу – они спасались от голода (Тахо-Годи, 2007).

Первым деканом историко-филологического факультета Нижегородского государственного университета (НГУ) стал преподаватель психологии Б. В. Лавров, ранее работавший в гимназии, а затем в Народном университете. Надо сказать, что вначале психология была включена в структуру биологического факультета, что Б. В. Лавров объясняет следующим образом: «Современная психология есть наука опытная... вставши на путь строго эмпирических исследований, она тем самым была приобщена к циклу наук биологических в широком смысле этого слова... психология оказывается дисциплиной естественно-научной» (Стоюхина, 2009а, 2013).

Благодаря мастерству нижегородского писателя Н. И. Кочина фигура Лаврова осталась запечатленной в образе профессора Бориса Васильевича Миртова из романа «Нижегородский откос».

Летом 1919 г. декан Б. В. Лавров был арестован. Арест был недолгим, продлился месяц, и после ходатайств студентов он был освобожден. Однако Лавров отказался от должности декана, оставив только чтение курсов «Психология волевого

процесса», «Теория и психология художественного творчества», а также практические занятия по экспериментальной психологии.

В целях совершенствования педагогического процесса на историко-филологическом факультете администрация Университета приглашала новых преподавателей. Среди вновь приехавших были те, кто обеспечивал философские дисциплины: Алексей Федорович Лосев (25 января 1919 г.), Николай Васильевич Петровский (28 апреля 1919 г.), Павел Сергеевич Попов (18 декабря 1919 г.). Эти молодые ученые были недавними выпускниками Московского университета, где они слушали лекции известного российского ученого, философа и психолога Г. И. Челпанова. Их научные интересы, четко обозначившиеся в НГУ, определили научную карьеру каждого на последующую жизнь: А. Ф. Лосев стал известным философом античности; П. С. Попов — логиком; Н. В. Петровский — психологом-психотехником (Стоюхина 2009б, 2013а).

Николай Васильевич Петровский читал лекции по психологии, вел практические занятия по экспериментальной психологии и семинары по теме «Психология волевых процессов». Молодой преподаватель находился под большим влиянием своего учителя Г. И. Челпанова, представителя эмпирического направления в психологии. Петровский разделял мнение Челпанова о том, что только непосредственно пережив те или иные психические явления, человек может посредством обращения к своим состояниям и чувствам воспринять аналогичные переживания другого человека и адекватно их интерпретировать. Самонаблюдение оценивалось им тогда как основной метод исследования психических явлений, хотя одновременно большое значение он придавал и экспериментальному методу в его вундтовском понимании. 24 октября 1919 г. Петровского выбрали деканом факультета, и он вместе с друзьями добился перевода психологии с биологического факультета на историко-филологический, увеличения числа курсов по педагогическим дисциплинам и даже планировал учредить особую кафедру педагогики. В ноябре 1920 г. Петровский получил звание профессора.

Весной 1921 г. было решено упразднить все историко-филологические факультеты в университетах, реорганизовав их в факультеты общественных наук. Преподаватели разъехались на каникулы, осенью же их не пригласили вернуться. Официальная дата увольнения Лосева, Петровского, Попова — 17 октября 1921 года.

Врачи-психиатры – преподаватели психологии

С этого момента и вплоть до 1923 г. университетские курсы психологии вели два педагога с медицинского факультета — врачи-психиатры А. И. Писнячевский и В. М. Чегодаева.

Профессор медицинского факультета Александр Иосифович Писнячевский (1863—1938) читал курсы психопатологии и дефектологии.

Вера Макаровна Чегодаева (Гуменная) (1885—1953) родилась в Нижегородской губернии, в 1903 г. закончила двухгодичные педагогические курсы в Москве, занималась педагогической деятельностью. Затем она поступила в Санкт-Петербургский психоневрологический институт, где ее преподавателями были профессора А. Ф. Лазурский и Г. И. Россолимо. Будучи студенткой четвертого курса, Чегодаева работала в психологической лаборатории, созданной В. М. Бехтеревым

и возглавляемой Лазурским. Результаты проведенных ею в лаборатории исследований представлены в работе «Воспитание сочетательно-двигательного рефлекса на электро-болевые раздражения»¹. Начатая под руководством А. Ф. Лазурского работа «О влиянии ритмической гимнастики на волю и внимание» осталась незаконченной в связи со смертью руководителя (1917).

Кроме обучения у блестящих ученых Вера Макаровна в течение двух лет состояла слушательницей Женских высших курсов в Санкт-Петербурге, участвовала в семинаре профессора С. Л. Франка по философии, слушала курс психологии профессора И. И. Лапшина.

По окончании Психоневрологического института она работала в клиниках нервных болезней профессоров Г. Миллера и Л. В. Блюменау, занимаясь «микроскопической техникой», с июня 1915 г. по ноябрь 1918 г. была ординатором больницы Николая Чудотворца для душевнобольных.

В 1919 г. В. М. Чегодаева переехала в Нижний Новгород, застав здесь Н. В. Петровского и П. С. Попова и прослушав их курсы по экспериментальной психологии и логике. С 1922 г. Чегодаева начала преподавательскую деятельность в НГУ, читая курсы нервных и душевных болезней на медицинском факультете (до 1925 г.), а с 1923 г. приступив к преподаванию курсов «педагогическая психология» и «экспериментальная психология» на всех факультетах Нижегородского института народного образования и Нижегородского университета.

Практически все десятилетие 1920-х годов в Университете работал В. М. Экземплярский, вероятно, приезжая по мере необходимости.

Педология в Нижегородском университете

С 1 июля 1926 г. Нижегородский педагогический институт, преобразованный в педагогический факультет с рядом отделений, объединили с НГУ, и все сотрудники пединститута перешли в университет.

В числе пришедших в НГУ был Александр Николаевич Чеботарев (1893–?), штатный преподаватель психологии Нижегородского педагогического института и первый практический психолог (Стоюхина, 2014). После окончания историко-филологического факультета Варшавского университета с дипломом I степени, Петроградской педагогической академии и службы в Красной армии (РККА) он работал в средних и высших учебных заведениях Омска и Иваново-Вознесенска. Как психолог-практик А. Н. Чеботарев проводил психотехнические исследования курсантов пехотной школы в Омске, написал статью «Культура исследования творческого и изобретательского мышления курсантов старшей группы 27-й пехотной школы». На основе другого его исследования вышла статья практического-психологического содержания «Исследования представлений у детей 8-летнего возраста, поступающих в школы г. Кокчетав в 1919–1920 уч. г.». В конце августа 1923 г. он, тридцатилетний иваново-вознесенский педагог, обратился в Нижегородский педагогический институт с предложением своих услуг по чтению лекций по педагогической психологии, был единогласно избран на должность преподавателя кафедры педагогики и с осени 1923 г. приступил к работе. Он вел курсы:

---

1 Указанная статья не была опубликована.

«Экспериментальная педагогика», «Экспериментальная психология», «Основы трудового воспитания» и «Трудовая школа на производственной основе».

В октябре 1924 г. Главнаука разослала письмо по всем вузам с предложением предоставить список лиц для направления на научную стажировку за границу с подробным обоснованием. А. Н. Чеботарев был одним из пяти кандидатов; в своем заявлении он указывал на необходимость приобретения знаний в области практической психологии. Увы, поехать никому из заявителей не удалось.

Работа в Нижегородском педагогическом институте требовала от Чеботарева много сил и времени. Достаточно перечислить круг выполняемых им обязанностей и решаемых задач: заведование кафедрой педологии, председательство в методико-педагогической комиссии, где рассматривались методические и практические вопросы (сопровождение курса экспериментальной психологии демонстрациями; дополнительное оборудование психологического кабинета; составление практикума по экспериментальной психологии; переход от лекционной системы к семинарской проработке психологических и педагогических дисциплин; предоставление курсу «Организация детской среды и пионердвижения» дополнительных часов и др.); заведование психологической лабораторией института, оснащенной 80 приборами прежних небольших психологических кабинетов из гимназий для проведения практикума по экспериментальной психологии; секретарство в Государственной квалификационной комиссии; представительство в губернском методическом бюро и в редакционной комиссии журнала «Школа и Жизнь», где издавались его статьи психолого-практической направленности.

С 1 июля 1926 г. педагогический институт со всеми сотрудниками вошел в структуру Нижегородского университета на правах факультета. Чеботарев продолжил свою психолого-педагогическую деятельность как сотрудник НГУ.

В русле исследований, проводимых Всесоюзной организацией «Лига „Время“», нацеленных на обучение советских людей умению правильно пользоваться ресурсом времени как главным условием восстановления разрушенного после революций и войн народного хозяйства, А. Н. Чеботарев исследовал затраты времени учащимися на различные виды деятельности. Взяв за основу хронокарты, разработанные педологическим отделом Института методов школьной работы, Чеботарев получил данные (на примере одной из школ Нижнего Новгорода), свидетельствующие о том, что ученики расходуют очень много времени на работу (учебные занятия дома, помощь по хозяйству). «Ненормально, — писал он, — что у некоторых групп наших ребят рабочий день превышает восьмичасовой рабочий день взрослого. Сокращение легко может произойти за счет сокращения домашних учебных занятий. Три часа ежедневно на домашние учебные занятия — слишком много. Поменьше работ на дом. Перегруженность ребят подготовкой уроков заставляет их избегать общественной работы... время на общественную работу должно быть увеличено, по крайней мере, до одного часу ежедневно (схема Наркомздрава — 1,5 часа ежедневно)» (Чеботарев, 1927, с. 54). А вот на санитарно-гигиенические мероприятия по уходу за собой у них уходит меньше чем 0,5 часа. Также неудовлетворительно обстоит дело и с расходом времени на физкультуру и спорт — «в среднем 15 минут в сутки — мало. Мало расходуют времени наши ребята и на кружковую работу — тоже 15 минут в сутки» (там же, с. 54). Он реко-

мендовал учителям физкультуры обратить на это внимание. Статья изобилует таблицами и числовыми выкладками.

Еще одна проблема, интересовавшая А. Н. Чеботарева, как и всех педологов и психотехников, была связана с профессиональным отбором. Огромное значение придавалось профотбору молодежи на строящиеся в Нижнем Новгороде «гиганты пятилетки». В связи с этим важно было изучить профессиональные интересы и наклонности подростков. Исследовав интерес молодежи (640 подростков) к квалифицированным рабочим профессиям и влияние на их выбор школы, Чеботарев обнаружил незначительную мотивацию к получению рабочих профессий (3,28% подростков). Объясняя полученные данные, он указывает, что «1) на выбор профессии квалифицированного рабочего оказывает... влияние среда, окружающая школьника вне школы; 2) школа еще недостаточно заинтересовала своих питомцев этими профессиями, а это школа должна сделать путем правильной организации трудового воспитания» (Чеботарев, 1927в, с. 102). Профессиональные интересы к различным профессиям у нижегородских школьников в 1926 г. распределились следующим образом: интеллигентские профессии, связанные с техникой и индустрией; медицинские профессии; профессии кооператора; деятельность в области искусств; конторские служащие.

Удивление автора вызвало то, что интерес к профессии учителя проявили лишь 3,42% учеников. Примечательно, что многие учащиеся не смогли объяснить свой выбор. Но тем не менее, отмечает Чеботарев, «на первом месте стоят мотивы личной пригодности к той или иной профессии. У мальчиков они встречаются чаще, чем у девочек. Преобладают эти мотивы у детей рабочих... Очень скромное место в нашем исследовании занимают мотивы альтруистического и материального характера (5,15% и 4,37%). Мотивы альтруистического характера преобладают над мотивами материального, но незначительно. Мотивы альтруистические чаще всего приводятся детьми ремесленников и служащих и реже — детьми рабочих и крестьян» (там же, с. 102).

Центральное место в научных исследованиях и педагогической работы А. Н. Чеботарева-педолога занимала личность конкретного ученика. Поэтому возникла необходимость в разработке методических рекомендаций о том, «как изучать школьника». По мнению Чеботарева, это отвечает потребностям практики, ставящей успех и производительность педагогической работы в тесную зависимость от правильного понимания материала учениками и идеологии. «Настало время додумать до конца наше мировоззрение», — писал он, — понять, что педагогический процесс есть процесс соотносительной деятельности детского организма со средой, что ребенок есть продукт производственно-классовой среды» (Чеботарев, 1927б, с. 3). По мнению А. Н. Чеботарева, педагогу необходимо овладевать методами изучения ребенка и применять их к детям той среды, с которыми столкнула его практическая работа. Нижегородские педологи хорошо знали также его тесты для определения степени умственной одаренности. Будучи заведующим педологической лабораторией педагогического факультета НГУ, А. Н. Чеботарев участвовал в работе I Всесоюзного педологического съезда, проходившего в Москве с 27 декабря 1927 г. по 4 января 1928 г., что стало важным фактом причастности нижегородских педологов к научным событиям в стране и вместе с тем — подтверждением правильности их работы.

В НГУ А. Н. Чеботарев проработал до 24 июля 1928 г. и ушел из-за недостатка нагрузки, когда в Университет прошел по конкурсу психолог из Минска, профессор С. М. Василейский (Кандыбович, Стоюхина, 2009; Стоюхина, 2010). О дальнейшей судьбе А. Н. Чеботарева ничего не известно.

К моменту начала работы в НГУ имя Серафима Михайловича Василейского (1888–1961) было широко известно в стране. Получив образование в Санкт-Петербургском университете и Психоневрологическом институте, он начал работать в Самарском университете, в 1923 г. уехал в Витебск, но уже через год переехал в Минск, возглавив здесь республиканскую психотехническую лабораторию. За несколько лет пребывания в Белоруссии Василейским были написаны несколько важных для психологов, педологов и психотехников работ по педологии, психотехническому профотбору, математической статистике. Конечно, приход его на педфак НГУ серьезно усилил педагогический состав факультета. В университете Василейский проработал до лета 1930 г., до момента выделения Нижегородского педагогического института в самостоятельное образовательное учреждение.

Заключение

Очевидно, что провинциальных психологов прошлого не отнесешь к «героям» отечественной истории психологии, жизнь и творчество которых изучается и освещается в историографической литературе. Да и исследователю трудно отказаться от привычных и удобных штампов — представлений о «больших» и «рядовых» ученых. История психологии построена как история психологических «генералов», и это часто определяет в наших умах конфигурации психологического процесса, лишая альтернативных, может быть, не всегда бесспорных построений. Однако нельзя забывать, что новые, революционные научные идеи не возникают на пустом месте, а являются ответами на вызовы своего времени, результатом совокупной научной деятельности многих ученых, каждый из которых вносит свой вклад в развитие научного знания. Жизнеописания провинциальных ученых — яркие, но при этом типичные примеры особенностей ментальности научного сообщества эпохи как серьезного фактора развития науки. Их выявление и исследование очень важно для психологической науки как части культуры, находящейся в состоянии смены своих парадигмальных оснований.

С начала существования Нижегородского университета (еще в рамках Народного университета) преподавателями психологии были разные российские психологи: представители Московского и Санкт-Петербургского университетов, Психоневрологического института, Киевской духовной академии. Представляя активную часть психологического сообщества, они формировали образ науки в провинции, распространяли и пропагандировали ее достижения. Но при всем блеске и разнообразии ученых в университете не появилась ни одна научная психологическая школа: само время обусловило много внешних и внутренних причин разрыва традиций. Что касается психологического знания, то оно, завершив свое развитие в стенах университета в 1930 г., переместилось на историко-филологический факультет, вновь созданный только в 1946 г.; психологическое отделение на факультете социальных наук было открыто в 1996 г.

- Григоревский М. С.* Лекции по педагогической психологии, читанные народным учителям. Н. Новгород, 1914.
- Докторов Б. З.* Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М., 2008.
- Еремеева А. Н.* Образовательная и научная политика в условиях гражданского противостояния // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х–1930-е годы). М., 2012. С. 404–434.
- Кандыбович Л. А., Стоюхина Н. Ю.* Психотехники Беларуси: имена и судьбы (20–30-е годы XX в.). Монография. Минск, 2009.
- Кольцова В. А.* Интеллектуальный ресурс провинциальной психологии: историко-психологический экскурс // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, помнить настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV Московские встречи» / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М., 2006. С. 486–489.
- Никольская А. А.* Возрастная и педагогическая психология в дореволюционной России. Дубна, 1995.
- Пиксанов Н. К.* Областной принцип в русском культуроведении. М., 1923. URL: <http://krau.ucoz.ru/index/0-20> (дата обращения: 24.06.2016).
- Пиксанов Н. К.* Областные культурные гнезда. М., 1928.
- Стоюхина Н. Ю.* Б. В. Лавров – нижегородский педагог и психолог // Нижегородское образование. 2009а. № 2. С. 194–198.
- Стоюхина Н. Ю.* Становление гуманитарного образования в Нижегородском университете: 1919–1921 // Вестник ННГУ. 2009б. № 3. С. 294–301.
- Стоюхина Н. Ю.* Судьба и научное творчество Серафима Михайловича Василейского // Методология и история психологии. 2010. № 2. С. 115–131.
- Стоюхина Н. Ю.* Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918–1921 гг.). Н. Новгород, 2013а.
- Стоюхина Н. Ю.* Психологическое образование в Нижнем Новгороде в начале XX в. // Нижегородское образование. 2013б. № 3. С. 232–238.
- Стоюхина Н. Ю.* Психолог-практик А. Н. Чеботарев в Нижнем Новгороде // Нижегородское образование. 2014. № 1. С. 162–168.
- Стоюхина Н. Ю., Кандыбович Л. А.* Психотехники Беларуси: имена и судьбы (20–30-е гг. XX ст.). Минск, 2009.
- Стоюхина Н. Ю., Сироткина Т. В.* Богослов и педагог Митрофан Семенович Григоревский // Історія філософії у вітчизняній духовній культурі / Відп. ред. Г. Аляєв, Т. Суходуб. Тов-во рос. філософії при Укр. філ. фондi; Центр гум. освіти НАН України. Полтава, 2016. С. 389–399.
- Тахо-Годи А. А.* Лосев. М., 2007.
- Хохлов А. Ф.* Университет, рожденный трижды. История создания и становления Нижегородского университета. Н. Новгород, 2001.
- Чеботарев А.* Бюджет времени учащихся нижегородской школы II ступени им. В. И. Ленина // Школа и жизнь. 1927а. № 11. С. 48–55.
- Чеботарев А.* Как изучать школьника // Школа и жизнь. 1927б. № 6–7. С. 1–14.
- Чеботарев А.* Профессиональные интересы нижегородских школьников, оканчивающих семилетку // Школа и жизнь. 1927 в. № 2–3. С. 97–103.

Тенденции исследования молодежного лидерства в курской социально-психологической лаборатории (1964–2016)¹

А. С. Чернышев, И. Н. Логвинов, С. В. Сарычев (Курск)

В начале 60-х годов XX столетия созданная Л. И. Уманским в Курском госпединституте социально-психологическая лаборатория приступила к изучению молодежного лидерства на основе заложенного классиками отечественной психологии В. М. Бехтеревым, С. Л. Рубинштейном, Б. Ф. Ломовым методологического принципа единства теории, эксперимента и практики (Ломов, 1984). В качестве экспериментальной базы выступила организованная в 1965 г. первая в нашей стране психологическая школа молодежных лидеров.

В школе лидеров проводилось обучение организаторской деятельности комсомольского актива (комсомольских организаторов) средних школ Курской области. В связи с этим психологическая школа получила звонкое название «Комсорг», которое сохранилось и до настоящего времени. В последующем в нее приезжали обучаться молодежные лидеры из разных регионов страны и других стран. В эти же годы разрабатывалась *параметрическая теория малых групп и коллективов* (учебных), включающая феномен лидерства как одно из общих свойств социально-психологической структуры группы.

Опираясь на теоретические положения, выдвинутые А. С. Макаренко, А. С. Залужным и др., сотрудники курской социально-психологической лаборатории — И. А. Френкель, Л. И. Уманский, А. С. Чернышев, А. Н. Лутошкин, А. С. Крикунов, И. С. Полонский, Л. И. Акатов, Е. И. Дымов, Е. И. Тимошук, В. Я. Подорога, Е. А. Шанин — выдвинули и обосновали важное положение о связи феномена лидерства с уровнем развития группы. Понимая под лидерством социально-психологическое явление, сущность которого состоит в осуществлении ведущего влияния одних членов группы на других с целью обеспечения оптимального решения групповой задачи, авторы в ходе исследований установили, что осуществление лидерства в контактной группе зависит от уровня ее развития (Чернышев, 1980).

Среди лидеров различной направленности (лидеры-интеллектуалы, лидеры-эмоционалы; лидеры духовно-нравственной направленности и т. д.) особая роль отведена лидерам-организаторам.

Постулируется, что объектом организаторской деятельности лидера-организатора является, прежде всего, развивающаяся как коллектив группа, т. е. группа, находящаяся в процесса *коллективообразования*. Соответственно, все функции лидера-организатора сводятся к управлению коллективообразованием.

Л. И. Уманский, исследуя психологию организаторской деятельности и организаторских способностей, выделил ряд специфических свойств личности способного лидера-организатора. К ним относятся: психологическая избиратель-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-06-00876 «Социально-психологические условия становления успешных лидеров-организаторов».

ность; практически-психологический ум; психологический такт; энергичность; требовательность; критичность; склонность к организаторской деятельности (Уманский, 1968). Опираясь на динамическую структуру личности К. К. Платонова, Л. И. Уманский разработал динамическую структуру личности организатора (Уманский, 1980). Им были выделены критерии, по которым можно выявить лидера в малой группе:

- высокая активность, направленная на интеграцию всех членов группы для достижения общегрупповых целей;
- центральное положение в обмене информацией;
- значительный, наибольший в группе вклад в общий результат (там же).

На основе критерия выполняемых лидером функций Л. И. Уманским была разработана типология лидерства, включающая в себя шесть типов лидеров:

- лидер-организатор (выполняет функцию групповой интеграции);
- лидер-инициатор (главенствует при решении новых проблем, выдвигает идеи);
- лидер-генератор эмоционального настроения (доминирует в формировании настроения группы);
- лидер-эрудит (отличается обширностью знаний);
- лидер-эталон (является центром эмоционального притяжения, соответствует роли «звезды», служит образцом, идеалом);
- лидер-мастер, умелец, специалист в каком-то виде деятельности (Уманский, 1972).

Развивая идеи Л. И. Уманского о типологии лидерства, его ученик А. С. Чернышев на основании результатов исследования проблемы организованности предложил выделять лидеров-организаторов и лидеров-дезорганизаторов (Чернышев, 1980).

И. С. Полонский, проводя в рамках параметрической теории коллектива исследование нравственного содержания деятельности неофициальных групп подростков и юношей, акцентировал внимание на воздействии на группу членства со стороны лидеров-дезорганизаторов (Полонский, 1974).

В исследованиях А. С. Чернышева, посвященных рассмотрению социально-психологических основ организованности первичного коллектива, установлено, что лидерство является одной из детерминант уровня развития группы как коллектива (Чернышев, 1980). Согласно параметрической концепции Л. И. Уманского – А. С. Чернышева, уровень развития группы является причиной количественного и качественного роста лидеров. В группах высокого уровня развития лидеров больше, они качественно разнообразнее (представлены все виды лидерства), причем здесь у лидера-организатора появляется новая функция – выдвижение и интеграция лидеров различных видов. В группах же низкого уровня развития не было обнаружено морально-нравственного лидерства и чаще встречалось организационное лидерство. В группах среднего уровня развития в основном отмечалось профессионально-деловое и организационное лидерство (Уманский, 1980; Чернышев, 2006).

Показано, что каждый уровень развития группы характеризуется определенной спецификой лидерства.

На первом этапе группового развития (*диффузные группы*) наряду с лидерами-организаторами действуют и лидеры-дезорганизаторы. Многие вопросы организации совместной деятельности решаются импульсивно; самоуправление развито слабо; организационное ядро группы не пользуется авторитетом. Управлять такими группами трудно, поскольку они вялы, пассивны. Отсутствие твердого, авторитетного центра приводит к рыхлости, «рассыпчатости» группы. Такая группа существует формально, не принося радости и удовлетворения всем, кто в нее входит.

На следующем этапе развития, в *группах-ассоциациях*, в противовес официальным лидерам-организаторам выступают 2–3 ярко выраженных дезорганизатора, и чаще всего проявляется пассивное поведение членов группы. Управлять такими группами трудно, потому что они вялы, пассивны, часто не реализуют общих целей и задач. В группе, находящейся на этой ступени, заметны первые усилия по сплочению ее членов, хотя они робки. Не все получается у организатора, отсутствует достаточный опыт совместной работы. Скрепляющим звеном здесь еще выступают формальная дисциплина и требования старших. Подлинного мастера – хорошего организатора – пока нет или ему трудно себя проявить, так как по-настоящему его некому поддержать.

Группы-кооперации – это достаточно организованные и сплоченные объединения, но они проявляют активность, прежде всего, в собственных интересах, противопоставляют себя другим группам, строят межгрупповые отношения на основе конкуренции и соперничества. Лидеры обладают весомым авторитетом, им есть на кого опереться.

На высшем этапе группового развития (*группа-коллектив*) между группировками и их лидерами складываются хорошие деловые и личные отношения. Здесь много лидеров-организаторов, способных организовать любое дело, отсюда – «способность группы построиться и перестроиться для любой задачи» (Макаренко, 1988). Управлять такими группами, с одной стороны, легко, так как они организованы и дееспособны, с другой – трудно, так как они требуют высокого уровня управления, не идут на компромиссы и не боятся риска (Чернышев 2006).

А. Н. Лутошкин сформулировал правила успешного взаимодействия молодежного лидера-организатора с группами разного уровня развития, которые учитывали особенности развития основных качеств группы (Лутошкин, 1981). Он подробно охарактеризовал каждый из этапов развития коллектива и характерного для него лидерства «на языке пользователя»: «Песчаная россыпь», «Мягкая глина», «Мерцающий маяк», «Алый парус», «Горящий факел». По его мнению, лидер должен являться, прежде всего, организатором, реализующим в своей деятельности один из предложенных им стилей:

- «Разящие стрелы». Лидер приказывающий, требующий настаивающий. Он единолично принимает решения, настойчиво добивается его решения.
- «Возвращающийся бумеранг». Лидер советуется с участниками организуемого дела. Учитывая их мнение, он принимает решение и начинает действовать, при этом не забывая коллективно обсуждать итоги, оценивать вклад каждого.
- «Снующий челнок». Лидер уговаривающий, просящий, компромиссный. Такой организатор стремится к компромиссу на любой основе, лишь бы приглушить конфликт и оставаться удобным для всех.

- «Плывущий плот». Лидер соглашающийся, уступчивый, не вмешивающийся. Такие организаторы предпочитают плыть по течению, не беспокоясь, куда оно их вынесет (Лутошкин, 1981).

В 1980–1990-х годах произошли глубокие политические, социально-экономические и социально-психологические изменения в стране (авария на Чернобыльской АЭС, распад СССР, снижение социальной защиты человека, поляризация социальных групп и т. д.), обострившие значимость проблемы лидерства и молодежных групп.

В этих условиях современный состав сотрудников Курской лаборатории – А. С. Чернышев, Ю. А. Лунев, С. В. Сарычев, С. Г. Елизаров, И. Н. Логвинов, Д. В. Беспалов, Ю. Л. Лобков, К. М. Гайдар, Т. А. Антопольская – начал исследование лидерства на основе обновления, коррекции традиционной параметрической теории в направлении рассмотрения группы в качестве *субъекта совместной деятельности* как в рамках самой группы, так и в системе социальных организаций разного уровня.

К. М. Гайдар, изучая динамику субъектного развития студенческой группы в период обучения, показала, что лидерские отношения возникают на втором году обучения в вузе (Гайдар, 1994). Ею была выявлена специфика студенческого лидерства, состоящая в доминировании неофициального лидерства над официальным, представленным в студенческой группе старостой и профоргом. Что же касается самих лидерских отношений в студенческих группах, то они отличаются разнообразием и изменчивостью. Было установлено, что к концу обучения в вузе первыми распадаются именно деловые и лидерские отношения (Гайдар, 2006).

Предметом исследования стала проблема надежности группы в обычных, напряженных и экстремальных ситуациях.

С. В. Сарычев, изучая надежность группы в напряженных и экстремальных ситуациях совместной деятельности, пришел к выводу о том, что лидерство выступает одним из факторов, определяющим эффективность групповой деятельности в таких условиях (Сарычев, 1991). Позже им было установлено, что лидерство в малой группе в напряженных ситуациях совместной деятельности выступает, с одной стороны, как социально-психологический механизм актуализации надежности группы, с другой – как социально-психологический механизм формирования надежности молодежных групп (Сарычев, 2007). Показано, что в качестве одного из компонентов надежности группы выступает феномен «ярко выраженного лидерства», понимаемого как «наличие в группе стратегических и тактических лидеров, сочетание лидерских и сублидерских функций у многих членов группы, совместимость лидеров» (там же). Однопорядковым психологическим феноменом является «резерв лидеров», который образуют «лица, имеющие высокий уровень притязаний на лидерство и готовности включиться в организацию в рамках тех свойств группы, которые они желают актуализировать в предстоящей деятельности» (Сарычев, 2009).

Проблема лидерства изучалась С. Г. Елизаровым в контексте детерминации форм включенности малой группы в основной коллектив (Елизаров, 1994). Было установлено, что в качестве механизма формирования мотивационно-ценностной включенности учебных групп в социальную систему (систему групп) различных типов выступает обогащение и преобразование лидерства (Елизаров, 2011).

В рамках исследований лидерства в учебных группах в районах «чернобыльского следа», осуществленных в 1980–1990-х годах, И. Н. Логвиновым было установлено, что лидеры в условиях социальной депривации имеют ряд психологических особенностей, которые проявляются в структуре ценностных ориентаций, в сближении психологической дистанции с группой членства, а также в особенностях их личности, выражающихся в завышенной самооценке, недостаточном уровне развития таких качеств, как настойчивость и самообладание. Кроме того, в молодежных учебных группах в условиях депривации складывается специфическая структура лидерства, состоящая в доминировании лидеров парциального типа над лидерами абсолютного типа (Логвинов, 1996). Среди лидеров парциального типа в районах «чернобыльского следа» большинство составляют лица женского пола, в то время как большинство среди лидеров абсолютного типа (в тех же районах) составляют лица мужского пола. Наличие таких личностных качеств, как высоко развитая личностная и ситуативная познавательная активность, высокий уровень развития потребностей в общении и достижениях, у старшеклассника является необходимым условием для завоевания им лидерской позиции в условиях социальной депривации. В условиях депривации среди лидеров преобладают лица, относящиеся к аффективному типу и демократическому стилю лидерства (Логвинов, 1996).

Новый предмет в исследовании молодежного лидерства был обозначен в работах Д. В. Беспалова, где на основании теоретического анализа работ по проблеме молодежного лидерства были введены понятия «деструктивное лидерство» и «деструктивный лидер». Было предложено две типологии деструктивного лидерства. В основе первой лежит критерий направленности активности. В соответствии с ним выделены два типа лидерства: деструктивное лидерство отрицательной направленности (асоциальное деструктивное лидерство) и деструктивное лидерство положительной направленности (просоциальное деструктивное лидерство). На основе критерия сферы влияния лидера в группе были выделены следующие типы лидерства: деструктивное инструментальное лидерство и деструктивное эмоциональное лидерство (Беспалов, 2012).

Автором было установлено, что психологические особенности конструктивного и деструктивного лидерства в молодежных группах детерминируются уровнем организованности группы. На основе изучения динамики лидерства в группах подростков и юношей выявлены детерминирующие ее факторы, которые включали уровень развития группы и возрастные особенности лидеров, особенности социальной среды и соотношение руководства и лидерства в молодежных группах, соотношение деструктивного и конструктивного лидерства в молодежных группах» (Беспалов, 2013). Исследование Д. В. Беспаловым совместно с Н. В. Набасовой динамики молодежного лидерства в малых группах различной организованности позволило выявить детерминанту этого процесса. В этой роли выступил уровень развития организованности группы (Беспалов, Набасова, 2013).

Изучение влияния организованности группы на лидерство и его эффективности в напряженных ситуациях совместной деятельности привело к выявлению ряда закономерностей. В частности, установлено, что потенциальные возможности лидерства, сложившиеся в высокоорганизованных группах, реализуются в напряженных ситуациях совместной деятельности в совпадении уровня притязаний

лидеров и их реального вклада в группу, оптимальном сочетании стратегического и тактического лидерства. Успешность совместной деятельности организованных групп в напряженных ситуациях определяется способностью лидеров к интеграции индивидуальных и групповых мотивов, расширением включенности индивидов в совместную деятельность на всех этапах ее реализации, созданием в группе положительного психологического настроя (Беспалов, 2005).

Появление лидеров-дезорганизаторов в группе обусловлено отсутствием возможности у потенциальных лидеров реализовать себя в рамках официальных структур, а также нравственными чертами личности лидера. Длительное пребывание лидера в роли дезорганизатора или организатора сказывается на особенностях его личности. Лидерство в различных социальных средах имеет имманентные специфические характеристики, жестко не связанные с уровнем организованности группы, выражающиеся в личностных особенностях лидеров. Социальная ситуация в молодежных центрах в большей степени способствует актуализации и становлению эффективного лидерства, чем ситуация, сложившаяся в школе (Беспалов, 2005).

Ю. А. Лунев рассматривает феномен лидерства как одну из социально-психологических детерминант поведения группы в межгрупповом взаимодействии. Им разработан ряд психологических методик (в том числе аппаратурных), которые позволяют, наряду с исследованием межгруппового взаимодействия, изучать в этом контексте особенности лидерства (Лунев, 1991).

Т. А. Антопольская, исследуя социально-психологические факторы детерминации генезиса малой группы в молодежных учебно-воспитательных организациях, доказала, что именно лидерство выступает в роли ведущего внутригруппового механизма группового генезиса. При этом уточняется, что динамика развития группы детерминируется особенностями взаимодействия лидеров с группой членства (Антопольская, 1995).

В середине 1990-х годов А. С. Чернышев, Ю. В. Белянский, Ю. А. Лунев и С. В. Сарычев разработали программу подготовки молодежных лидеров и социально-психологической помощи подросткам и юношам (Чернышев и др., 1995). Несколько позже группой курских психологов во главе с А. С. Чернышевым была разработана программа изучения уровня развития школьного класса как коллектива и состояния лидерства в нем (Чернышев и др., 1996). Впоследствии коллективом курских психологов во главе с А. С. Чернышевым разработана программа проектирования развивающей социальной среды и подготовки молодежных лидеров (Чернышев и др., 2005). Большое внимание А. С. Чернышев и его сотрудники уделяли экспериментальным методам исследования лидерства, где ведущая роль отводилась аппаратурным методикам (Чернышев, Лунев, Сарычев, 1990, 2005).

На основании обобщения многолетнего опыта работы в областной школе молодежных лидеров Курской области (ОШМЛ) «Комсорг» А. С. Чернышев и его сотрудники предложили ряд социотехник, позволяющих реализовать социальное обучение лидеров:

- социотехника формирования мотивации достижения успеха;
- социотехника регуляции эмоционального настроя;
- социотехника развития способности личности к социальной интеграции;

- социотехника формирования способности личности к гибкой групповой идентификации;
- социотехники на основе методов моделирования совместной деятельности (Чернышев, 2005).

Резервом молодежных лидеров являются социально одаренные дети. Социальная одаренность включает в себя три вида одаренности: организационную, лидерскую и аттрактивную (Чернышев, Лобков, Сарычев, Скурятин, 2007). Авторы считают, что эффективно развивать лидерские и организаторские способности возможно только в условиях специально созданных развивающих сред через социальное обучение. Такие среды были названы «социальными оазисами». В Курской области первым «социальным оазисом» стала ОШМЛ «Комсорг», основанная в 1960-е годов курскими социальными психологами Л. И. Уманским, А. С. Чернышевым, Л. И. Акатовым и др.

На основе обобщения опыта работы с социально одаренными подростками и детьми в ОШМЛ «Комсорг» были сформулированы ключевые положения организации естественного формирующего эксперимента посредством создания развивающей социальной среды. Опыт школы молодежных лидеров по созданию развивающих социальных сред показал свою высокую эффективность в социальных условиях современной России для личностного развития детей из районов «чернобыльского следа» (Чернышев, 2008).

С. Аль-Гафри, анализируя роль лидерства в функционировании учебной группы как субъекта совместной деятельности, установил, что уровень социально-психологической зрелости учебной группы детерминируется структурой лидерства в группе, причем сама структура лидерства включает в себя три группы лидеров: положительных, отрицательных и лидеров смешанного типа. Показано, что лидеры воздействуют на группу, используя следующие социально-психологические механизмы:

- дифференцированный образ группы в сознании лидеров, детерминированный типом направленности лидеров (положительной, отрицательной, смешанной);
- адекватный образ лидеров разной направленности и их роли в жизнедеятельности группы в групповом сознании;
- оптимальное соотношение в структуре лидерства лидеров различной направленности (Аль-Гафри, 2010).

При этом избирательность воздействия лидеров на отдельные параметры социально-психологической структуры группы детерминируется степенью их включенности в различные виды совместной деятельности. Установлено, что в старших классах происходят изменения в структуре лидерства: значительно преобладают лидеры положительной направленности, при этом возрастает число лидеров-юношей и происходит „сближение“ образов группы в сознании лидеров разной направленности» (Аль-Гафри, 2010).

Н. А. Галкина, изучая процесс формирования направленности активности юношеских групп, пришла к выводу о том, что лидеру принадлежит ведущая роль в формировании этого группового показателя. При этом в высокоразвитых

группах ценности лидера и группы совпадают в большей степени по сравнению с группами, имеющими более низкий уровень развития. Лидеры-дезорганизаторы оказывают минимальное влияние на формирование направленности активности в группах высокого уровня развития. В группах же низкого уровня развития такие лидеры способны оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на формирование направленности активности в юношеских группах (Галкина, 2013).

Другую сторону лидерства исследовала В. В. Гулякина. Она изучила основные копинг-стратегии, которые применяют молодежные лидеры подросткового возраста. Было установлено, что в трудных жизненных условиях лидеры-подростки активно используют конструктивные преобразующие стратегии, в то время как их ведомые — неконструктивные стратегии преодоления. Кроме того, для лидеров в такой ситуации типичны напористость и настойчивость в удовлетворении своих интересов; они избирают линию кооперации, выражая тем самым готовность пойти навстречу другому в удовлетворении его потребностей (Гулякина, 2013).

Одной из наиболее динамично развивающихся проблемных областей современной психологии лидерства является проблема формирования и развития лидерских качеств, или лидерства в группе. Данная проблематика успешно исследуется А. С. Чернышевым и его учениками С. В. Сарычевым, С. Г. Елизаровым, Ю. Л. Лобковым, И. Н. Логвиновым, Д. В. Беспаловым.

А. С. Чернышев не только поставил проблему подготовки молодежных лидеров на рубеже XX—XXI вв., но и разработал концептуальные основания и технологические средства подготовки молодежных лидеров гуманистической ориентации; сформулировал условия реализации лидерского потенциала социально одаренных детей; совместно с С. В. Сарычевым экспериментально исследовал и выявил социально-психологические условия подготовки молодежных лидеров; совместно с С. В. Сарычевым и Ю. Л. Лобковым проанализировал психологические аспекты, которые необходимо учитывать при подготовке будущих лидеров из числа социально одаренных детей; выявил совместно с С. Г. Елизаровым, Ю. Л. Лобковым, Д. В. Беспаловым и С. В. Сарычевым динамику мироощущения подростков и юношей в изменяющейся России, что необходимо учитывать при проектировании социального обучения; описал совместно со своими учениками основные этапы проектирования психологической помощи подросткам и юношам в личностном развитии (Чернышев, Сарычев, Лобков, 2012).

А. С. Чернышев разработал, как аппаратные методики исследования лидерства (основаны на использовании приборов-моделей совместной деятельности «Арка», ГСИ-7 и др.), так и особый вид естественного формирующего эксперимента. Отметим, что активное применение приборов-моделей совместной деятельности в условиях формирующего эксперимента повышает эффективность формирования молодежного лидерства в условиях социально развивающейся среды (Чернышев, Сарычев, Лобков, 2012).

Новое перспективное направление в исследовании молодежного лидерства, которое успешно реализуется в изучении этого феномена в рамках параметрической концепции малой группы в курской социально-психологической лаборатории, обозначено в работах И. Н. Логвинова. Оно связано с исследованием гендерных характеристик молодежного лидерства. В результате проведения цикла

исследований по этой проблеме было установлено влияние на социально-психологические характеристики лидерства таких факторов, как половая принадлежность лидеров, их возраст (подростковый или юношеский), место проживания (районы Курской области, подвергшиеся радиоактивному загрязнению вследствие аварии на Чернобыльской АЭС или «чистые» районы), наличие или отсутствие опыта социального обучения (социальное обучение осуществляется в Курской областной школе молодежных лидеров «Комсорг») (Логвинов, 2011). Кроме того, получены эмпирические данные, согласно которым, например, гендерная принадлежность лидера детерминирует уровень развития его ситуативной тревожности, волевых качеств, ценностных ориентаций, определяет тип молодежного лидерства, а также особенности благоприятности психологической атмосферы для лидера в группе членства (Логвинов, 2015).

Заключение

Теоретические, технологические и практические аспекты проблемы лидерства тесно связаны с социальным, социально-психологическим и духовно-нравственным состоянием общества. Перспективным направлением в изучении лидерства представляется систематическая, многолетняя исследовательская работа коллектива психологов, объединенных общей теоретической платформой на основе методологического принципа единства теории, эксперимента и практики.

Критерием эффективности исследования феномена лидерства и целенаправленного формирования лидерских качеств, наряду с новыми теоретическими положениями, является успешность воспитанников психологической школы (всего более 45 тысяч за столетия), многие из которых стали крупными организаторами в разных сферах народного хозяйства. Кроме того, в общественном сознании региона произошло признание того, что создание школы молодежных лидеров и исследование проблемы лидерства являются ценными достижениями научного знания и научно-практической деятельности психологов Курской области.

Литература

- Аль-Гафри С.* Роль лидерства в функционировании учебной группы как субъекта совместной деятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2010.
- Антопольская Т. А.* Социально-психологические факторы детерминации генезиса малой группы: Дис. ... канд. психол. наук. Курск, 1995.
- Беспалов Д. В.* Влияние организованности группы на лидерство и его эффективность в напряженных ситуациях совместной деятельности: Автореф. дис.... канд. психол. наук. Курск, 2005.
- Беспалов Д. В.* Психологические особенности конструктивного и деструктивного лидерства в молодежных группах // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2012. № 9. С. 77–83.
- Беспалов Д. В.* Анализ научных подходов к пониманию деструктивности как основа рассмотрения деструктивного лидерства в малых группах // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 3. Т. 1 (27). URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/031-031.pdf> (дата обращения: 15.08.2016).

- Беспалов Д. В., Набасова Н. В.* Динамика лидерства в группах различной организованности // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 1 (25). URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/029-032.pdf> (дата обращения: 25.09.2016).
- Гайдар К. М.* Динамика субъектного развития студенческой группы в период обучения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1994.
- Гайдар К. М.* Субъектный подход к психологии малых групп: история и современное состояние. Воронеж, 2006.
- Галкина Н. А.* Роль лидерства в формировании направленности юношеских групп // Духовно-нравственные потенциалы молодежного коллектива: диагностика и развитие: Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. А. С. Чернышева. Курск, 2013. Ч. 2. С. 178–182.
- Гулякина В. В.* Копинг-стратегии у лидеров в подростковом возрасте // Малая группа как объект и субъект психологического влияния: Материалы всероссийской научной конференции (с международным участием) / Под ред. А. С. Чернышева. Курск, 2011. Ч. 1. С. 220–223.
- Елизаров С. Г.* Эффективность влияния референтной группы на формирование ценностных ориентаций личности (по материалам изучения молодежных групп): Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1994.
- Елизаров С. Г.* Обогащение и преобразование лидерства как механизм формирования мотивационно-ценностной включенности учебных групп в условиях социальных систем различного типа // Организаторские способности в системе психологического менеджмента и ментального управления потенциалами социальных групп и организаций: Сборник материалов 3-го международного симпозиума. Кострома, 2011. С. 124–126.
- Логвинов И. Н.* Лидерство в учебных группах в регионах «Чернобыльского следа»: Дис. ... канд. психол. наук. Курск, 1996.
- Логвинов И. Н.* Социально-психологическое исследование гендерного аспекта структуры типов молодежного лидерства // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2011. № 24. С. 966–971.
- Логвинов И. Н.* Тенденции исследования лидерства в современной социальной психологии. Курск, 2015.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Лунев Ю. А.* Социально-психологические факторы детерминации поведения группы в межгрупповом взаимодействии: Дис. ... канд. психол. наук. Курск, 1991.
- Луточкин А. Н.* Как вести за собой: старшеклассникам об основах организаторской работы. М., 1981.
- Макаренко А. С.* О воспитании. М., 1988.
- Полонский И. С.* К проблеме нравственного содержания деятельности неофициальных групп подростков и юношей // Вопросы психологии личности и коллектива школьников и студентов. Т. 31. Курск, 1974. С. 22–30.
- Сарычев С. В.* Социально-психологические основы надежности группы в напряженных ситуациях совместной деятельности // Первые международные ломовские чтения: Тезисы докладов. М., 1991. С. 248–250.
- Сарычев С. В.* Надежность группы в напряженных и экстремальных ситуациях совместной деятельности (социально-психологические основы). Курск, 2007.

Раздел четвертый

- Сарычев С. В.* Социально-психологические факторы надежности малых групп в различных социальных условиях: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Курск, 2009.
- Уманский Л. И.* Психология организаторских способностей: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1968.
- Уманский Л. И.* Психология работы комсорга. М., 1972.
- Уманский Л. И.* Психология организаторской деятельности школьников. М., 1980.
- Чернышев А. С.* Социально-психологические основы организованности первичного коллектива (на материалах исследования молодежных групп и коллективов): Дис. ... докт. психол. наук. М., 1980.
- Чернышев А. С.* Проектирование психологической помощи подросткам и юношам в личностном развитии. Курск, 2005.
- Чернышев А. С.* Организованность и лидерство в молодежных группах: теория, эксперимент, практика: Избранные труды. Курск, 2006.
- Чернышев А. С.* Проблемы подготовки молодежных лидеров на рубеже XX–XXI веков // Практическая психология: проблемы и перспективы: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2008. С. 17–20.
- Чернышев А. С., Белянский Ю. В., Лунев Ю. А., Сарычев С. В.* и др. Программа подготовки молодежных лидеров и социально-психологической помощи подросткам и юношам. Курск, 1994.
- Чернышев А. С., Лунев Ю. А., Лобков Ю. Л., Сарычев С. В.* Психологическая школа молодежных лидеров. М., 2005.
- Чернышев А. С., Лунев Ю. А., Сарычев С. В.* Комплексная методика комплектования молодежных групп // Социально-психологические методы практической работы в коллективе: диагностика и воздействие. М., 1990. С. 38–46.
- Чернышев А. С., Сарычев С. В.* и др. Программа изучения уровня развития школьного класса как коллектива и состояния лидерства в нем (для обследования 6–11-х классов). Курск, 1996.
- Чернышев А. С., Сарычев С. В., Лунев Ю. А.* Аппаратурные методики психологической диагностики группы в совместной деятельности. М., 2005.
- Чернышев А. С., Сарычев С. В., Лобков Ю. Л.* Психологические аспекты подготовки будущих лидеров из числа социально одаренных детей: Учебное сетевое электронное издание: IMS content package на 1 CD носителе. Курск, 2012.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

**ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ:
ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Проблема психоманипуляций исторической памятью в российском обществе в кризисный постсоветский период¹

А. А. Гостев (Москва)

Постановка проблемы

Сегодня в психологической науке проблема отображения истории конкретных стран и государств, человечества в целом в индивидуальном, групповом, общественном сознании становится все более актуальной. Это связано не только с негативными моментами общей виртуализации человеческого бытия, возрастанием в этой связи роли фантазий, вымыслов (Гостев, 2008). «Переписывание истории» становится объектом информационно-психологических воздействий на человека, «битвами за историческое сознание», за будущее человечества. Фальсификация истории, ее «ретроспективное творение» выступает, следовательно, важнейшим аспектом тотальной психоманипуляции глобального масштаба через все каналы СМИиК, искусство, литературу (даже историческую науку), через любое содержание сообщений в информационном поле планеты. Ведь давно известно, что тот, кто пишет историю, контролирует настоящее, достигая при этом высочайшей степени эффективности информационно-психологических воздействий.

Власть в любом государстве всегда озабочена интерпретацией прошлого своей страны. Власть, разрывающая связь народа с его прошлым в своих целях, разрушает сложившиеся у людей ценности, устоявшийся образ мира.

Социально-политические воздействия в обществе оказываются долго живущими лишь при опоре на образы исторической памяти. На уровнях глобальной психоманипуляции можно найти свидетельства многовековых усилий по корректировке истории, целенаправленному созданию некими субъектами психоманипуляции образов «диких» народов, «варварских» культурных традиций и т. д.

Используемое в «психоисторических битвах» информационно-психологическое оружие становится особенно опасным для стран и народов (субъектов геопол-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-06-10293.

литики), находящихся в кризисном или транзитном состоянии. Переписывание истории, создание «новой истории» — эффективный способ изменения отношения людей к происходящему и будущему страны и мира. Искаженная историческая память усиливает неадекватность социального восприятия. Стремление к новому прочтению истории понятно: оно помогает иллюзорно освободиться от «груза прошлого», воспринимаемого как препятствие на пути к «новому светлому будущему», участвует в формировании его образа. Поэтому проблема фальсификация истории в ходе психоманипулятивных воздействий на сознание народа имеет несомненную теоретическую и практическую значимость для современной России, вот уже почти 30 лет пребывающей в «перестроечно-реформаторском», «исторически-подвешенном» состоянии. В этой связи к данной проблеме должно быть проявлено совместное внимание исторической, социальной и политической психологии. «Социально-политическо-историческая психология» как некая система междисциплинарных психологических знаний призвана осмыслить, в какой мере образы истории были искажены в ходе информационно-психологических войн и какие реальные социально-политические язвы были вскрыты. Однако в любом случае важно понять, что иллюзорность социального восприятия является примером *виртуализации истории* — важнейшего элемента искажения духовно-нравственной сферы человеческого бытия.

Историческая память как одна из основ индивидуально-личностной и коллективной (национальной и государственной) идентичности

Целью исследования, некоторые результаты которого отражены в данной статье, является рассмотрение использования образов исторической памяти как индикатора ценностных ориентаций и идеалов личности и общества.

Данная задача предполагает описание и психологическое осмысление основных видов искажений исторической памяти о значимых событиях в истории нашей страны в XX столетии: революции 1905 г. и 1917 г., Первой мировой войны и Великой Отечественной войны, предвоенный и послевоенный периоды, «перестройку» в СССР и ее подготовку в смысле преднамеренности и исторической закономерности распада СССР, реформы 90-х годов прошлого века. Отражение истории РФ в XXI в. также является предметом рассмотрения, хотя в большей мере в плане перспективных исследований. Иными словами, трансформация образов исторических событий на уровне индивидуального и коллективного сознания является важнейшим показателем изменения психологии личности и общества в транзитные периоды, эпохи кардинальных социально-политических и экономических преобразований. Историческая память в этом плане выступает одной из основ индивидуально-личностной и коллективной (национальной и государственной) идентичности.

Психоманипулятивные технологии в воздействии на историческую память народа

Изменение образов исторической памяти могут быть спонтанными, возникающими под влиянием происходящих в обществе идеологических, социально-поли-

тических и экономических процессов. Но в значительной степени они являются результатом психоманипуляций, фальсификаций в соответствии с возникшими новациями, как правило, предполагающими пересмотр прежней системы социальных представлений. Очевиден и политический психоманипулятивный заказ. Образы «нового прочтения истории», в соответствии с принципом единства психического отражения и регулирования, входят во внутренний мир личности, создавая потенциал влияния индивидуального сознания на сознание коллективное, а через актуализацию и материализацию образов — на жизнь конкретного общества, на мир в целом.

Национал-этно-культурный субъект, особенно имеющий качество государственной геополитической субъектности, должен знать свою историю, бороться с неадекватной мифологичностью исторического сознания, отстаивать свои ценности и достижения. Поэтому в своих работах (Гостев, 2007, 2008, 2012, 2015 и др.) я подчеркиваю значимость осмысления образов «*культуро-генетической памяти*» группового субъекта — т. е. памяти его исторического опыта — и влияния этих «историко-событийных записей» на социальное восприятие. «Образы исторической памяти» отличаются от образов локальных архетипов культур. Выделяются образы-следы *исторических событий* и *образы-прототипы/архетипы*. Соответственно, подчеркивается проблема сложных закономерностей взаимодействия образов в структуре менталитета конкретной социально-исторической общности.

Отметить, что групповой субъект реализует свой исторический путь на основе взаимодействия его *свободы воли*, *культуро-генетической памяти* и многовариантной *духовной* программы. Система образов коллективного сознания/неосознаваемого вместе с проявлениями коллективной *эмоционально-волевой*, *мотивационной* и *духовно-нравственной сфер* влияет на происходящее (меняясь под влиянием текущих событий), определяет будущее через исторический выбор, формирует особенности самого группового субъекта. Общество должно иметь связь как минимум трех поколений, хранить культурно значимое прошлое на протяжении нескольких веков, формировать обозримые перспективы.

Поскольку идентичность общества во многом определяется восприятием истории, следует говорить об «управлении историей», которое становится «психоисторическим оружием» (А. И. Фурсов) в современных и будущих геополитических битвах. Никакое переписывание истории не остается без результата в сознании людей. Вульгарная, наглая фальсификация еще может быть отброшена, не принята людьми. Но когда происходит тонкая расстановка акцентов, фокусировка внимания на одних событиях при замалчивании и игнорировании других, фальсификация истории оседает в сознании, в глубинах внутреннего мира личности более прочно. И отсюда исправленная история «бьет» по обществу. Изменение восприятия обществом истории, как показывают события в Украине, меняет его до неузнаваемости. Если освещение в СМИК «Пакта Молотова—Риббентропа» при замалчивании «Мюнхенского сговора» и многих других исторических деталей (например, в связи с публичной и непубличной многовековой колонизаторской деятельностью в мире Британской Империи) можно отнести к грубым манипуляциям с историческим сознанием, то раздувание темы якобы «зверств Советской армии» в Германии после окончания войны при замалчивании наси-

лия, осуществляемого американцами в Европе, является более тонким видом искажения исторической памяти.

Технологии манипуляций историческим сознанием направлены на уничтожение государствообразующих символов, систем традиционных представлений, смыслов, понятий. Если оно поколеблено, тем более разрушено, государство, нация, народ оказываются в опасности. За последние 30 лет в России активно разрушалась историческая память. Это было как результатом применения приемов информационно-психологической войны, так и спонтанным процессом борьбы части общества с советским периодом истории. Манипулирование историей страны было широко задействовано и в период подготовки разрушения СССР, и после него. СМИиК были буквально «оккупированы» интерпретаторами отечественной истории. И вот уже 30 лет с разными акцентами и в разных «обертках»/контекстах современному человеку внушается мысль о том, что в СССР все было отвратительно. Со стороны различных западных фондов постоянно звучали слова о необходимости изменения менталитета русского народа, и в соответствии с этим писались «новые» школьные учебники по истории и литературе. Можно ли представить, что некий российский Фонд начинает работать в США, диктуя американским школам трактовки американской истории?

Бестактно и ложно освещались исторические события, выходящие за рамки советского периода. С конца 1980-х годов в России активно искажалось знание об исторической России в целом. В СМИиК создавались негативные представления о российской государственности, умалялось духовно-нравственное наследие страны. Замалчивались и искаженно трактовались факты участия России в мировой истории, в частности, в качестве освободителя народов (Европы, балканских стран, Грузии и Армении и др.). Много ли людей знает, например, что первая инициатива всеобщего разоружения, выдвинутая еще в конце XIX в., которую «просвещенная Европа» отвергла, принадлежит императору Николаю II. На искажения истории «государства российского» в постсоветский период наложились исторические переинтерпретации, ошибки и фальсификации в рамках перестроечно-реформаторских идей. И этот общий пересмотр истории до сих пор препятствует возвращению к отечественной духовно-нравственной почве, которая позволяет двигаться к адекватности исторического сознания.

Разрушалась символика великого прошлого «государства российского». Эти символы осмеивались и очернялись. Символика исторического наследия часто превращалась в «народный юмор» (как отмечал Фрейд, остроты атакуют то, что защищено от открытого оскорбления). С. Кара-Мурза, акцентируя вопрос о разрушении национальных символов, подчеркивает, что именно они упорядочивают историческую память, задают ориентиры, указывают цели и опасности, поддерживают в сложных социально-политических обстоятельствах. Особое место в мире символов занимают образы умерших, которые «продолжают участвовать» в делах страны. Манипуляции с такими образами-символами — важная часть политического процесса (примерами могут служить факты осквернения могил воинов-освободителей, обесценивание подвигов защитников отечества и т. д.) (Кара-Мурза, 2000, с. 442).

Изменения представлений об исторических событиях можно добиться и без непосредственного информационно-психологического воздействия. Так, А. Н. Лебе-

деву указывает, что после прихода к власти политических сил с взглядами, противоположными предшествующим, решается вопрос интерпретации исторических событий. Это может осуществляться в форме изменения учебных программ в вузах, переписывания учебников, учреждения новых праздников, переименования улиц, городов и т. д. Подобные действия власти не предполагают прямого воздействия на сознание людей. Психологическое воздействие здесь осуществляется именно через изменение условий жизнедеятельности граждан; главными механизмами являются сокращение количества информации, перестановка акцентов с одних событий на другие, устранение «противоречивой» информации, возможности толкования событий с разных позиций и т. д. (Лебедев, 2014, с. 40).

Искажения образа «истории государства российского» осуществлялись начиная с XVIII столетия. Использовалась зарубежная идея о порочности, «кошмаре» российской истории в целом. Т. В. Грачева подчеркивает навязывание гражданам России *комплекса исторической неполноценности*: свою историю они должны ненавидеть, стыдиться ее, отказаться от нее, поклонившись мифам истории «доброй Европы». Но ненависть к истории, указывает она, неизбежно перейдет в ненависть к стране, сформировав «комплекс рабства» (Грачева, 2010).

Для разрушения образов истории использовались «научные авторитеты», ссылки на неопределенные источники, фальшивые цитаты. В исторической науке, публицистике, в манифестах политических течений пересматривались основания российской государственности, в результате чего прошлое становилось мозаичным. Так, уже объявлена мифом историческая преемственность Киевской Руси, Московского царства и Российской Империи. Историческое время разрывалось, и его фрагменты либо выбрасывались как порочные, либо, оторванные от единого исторического прошлого, уходили далеко на периферию исторической памяти народа. Образ России и ее роли в мировой политике целенаправленно очерняется в исторически близких России странах. Отметим и роль исторических телесериалов, внесших огромный вклад в фальсификацию отечественной истории.

Особенно заметно осквернение победы СССР в Великой Отечественной войне. В год 60-летия Победы в прокат вышли фильмы, внушающие мысль о том, что наша страна выиграла войну не потому, что на защиту отечества встал народ, а благодаря заградотрядам. На Западе (на уровне международных организаций, например, ПАСЕ) взялись за организацию международного осуждения коммунистических режимов, уравнивание сталинизма и гитлеризма, коммунизма и фашизма. С конца 1980-х годов в Восточной Европе и в СССР СМИиК начали призывать каяться за преступления сталинизма, согласиться с определением Советского Союза как «империи зла». То, что происходило вокруг 70-летней годовщины Великой Победы, стало фронтом усиливающихся, все более масштабных информационных сражений в борьбе за отечественную историю. Отношение к Победе проявило себя как «психогеополитическое оружие», направленное против России. Оно выступило водоразделом в мировоззрении людей как в России, так и в мире в целом. Изучение феноменологии образов Победы в зависимости от различных факторов, прежде всего психологических (например, личностные особенности, ценностные ориентации и пр.), является поэтому важнейшей темой психологических исследований.

В изучении манипуляций с исторической памятью особое значение приобретает духовно-нравственный аспект. Т. В. Грачева вводит интересный для социальной, политической и исторической психологии термин-словосочетание — «память русской души» (Грачева, 2010, с. 34–60). Под ним подразумевается особый вид памяти, связанный со способностью к запоминанию, сохранению и воспроизведению духовной информации, передающейся из поколения в поколение. Воспроизведение ее человеком означает применение этой информации во всех делах и поступках. Пробуждение «памяти души народа» связано с обращением к российской истории. Историческая память является основой личной, национальной и государственной идентичности. Именно поэтому историческая память умело стирается теми субъектами геополитической психоманипуляции, кто понимает, сколь велика роль исторического сознания. Историческая память — это осознаваемая народом собственная духовно-нравственная традиция вместе с исторической программой, связывающей его прошлое, настоящее и будущее, определяющей предназначение, смысл исторического бытия. Например, память о народных героях, их образы непроизвольно работают на исторические победы. Историческая память русского народа, подчеркивает Т. В. Грачева, объединяла его, позволяла понимать происходящее, помогала не теряться в исторических событиях, формировала личность, сопричастную выполнению общих исторических целей всех предшествующих поколений, трудившихся над осуществлением общей для всех программы, заложенной в исторической памяти. Именно историческая память делает этническую общность народом, имеющим и осознающим свое цивилизационное предназначение. Разобщенность русских объясняется утратой исторической памяти, а с ней и программы «вселенского призвания русского народа», наполняющей единым смыслом и силой жизнь людей. Чтобы перестать безответственно относиться друг к другу, нужно почувствовать общую ответственность за общее дело, сплоченность, готовность к самопожертвованию, а также силу противостоять превращению народа в «этнобиомассу», сосредоточенную на удовлетворении примитивных потребностей.

Формой «исторического беспамятства» является отсутствие интереса к своей истории, в частности, отрыв отечественной истории от православия. Без понимания духовной сущности исторических дат и событий история не станет руководством к действию. Человек не сможет противостоять исторической дезориентации, «отравлению» памяти ложной информацией. Следствие этого — отрицательное отношение к собственной истории и предательство памяти предков и веры отцов. Память, пораженная лжеисторической информацией, толкает народ на ложный путь. Т. В. Грачева вводит понятие «готовность памяти» — способность народа быстро извлекать из исторической памяти и применять опыт в трудных обстоятельствах. Предполагается способность обращаться к разным этапам истории и оперативно принимать решения в интересах отечества.

Программа русского народа, заложенная в его исторической памяти, имеет три цели:

- 1) военный проект защиты «исторической Руси»;
- 2) политический проект сохранения национальной государственности России;
- 3) религиозный проект сохранения чистоты православной веры, противодействия унификации религий.

России необходимо приступить к выполнению своей исторической программы. Память русской души хранит в себе для этой цели дух победы и созидания, дает защиту, смысл и перспективу жизни.

Показательно, что, когда историческая память утрачивалась народом, Россия оказывалась под угрозой уничтожения. Выключение исторической памяти было целью врагов нашего государства, делающих все, чтобы народ потерял осознание смысла происходящих событий, перестал видеть угрозы и защищать себя. Предательство памяти предков набирало силу, когда право интерпретировать отечественную историю, особенно в школьных учебниках, было отдано оппонентам исторической российской государственности.

В ходе информационных атак удалось подвести наш народ к тому, что он оказался способным надругаться над исторической памятью. Появилось уже много поколений, не помнящих веры отцов, истории своей страны. Отсутствие интереса к отечественной истории, отрыв ее от духовных корней становится блоком в понимании сущности мировых событий. Это толкает народы на путь своего разрушения. В публицистической литературе, блогосфере, интернет-форумах и пр. часто встречается образ рабов-манкуртов, у которых отбита память (манкурт не знает даже своего имени). Сегодня можно говорить о современном «коллективном манкурте», создаваемом глобальной психоманипуляцией. Действительно, при искажении исторической памяти любую проблему прошлого, настоящего и будущего можно представить ложно и в соответствии с чьими-то интересами. Поэтому специалистам в области исторической психологии полезно знакомиться с картиной отечественной истории по работам «державно ориентированных» отечественных историков. Это поможет массовой актуализации исторической памяти нашего народа, духовно-нравственному пробуждению национального российского самосознания.

Заключение

В заключение отмечу, что историческая память является неотъемлемым компонентом коллективной памяти народа, связана со способностью к запоминанию, сохранению и применению в жизни образов исторических событий, передаваемых из поколения в поколение. В исторической памяти социального группового субъекта хранится программа, определяющая его историческое целеполагание, социально-политические ориентиры в происходящих событиях. На примере изменения современного российского исторического сознания можно заключить, что психологическое изучение спонтанного и психоманипулятивного «перепиывания истории», создания «новой истории», фальсификации исторических событий и т. п. являются мощным *диагностическим средством* исследования изменения индивидуального и общественного сознания в критические и транзитные исторические периоды стран, народов, национальных культур и субкультур, социальных общностей. Очевиден высокий регулятивный психоманипулятивный потенциал фальсификаций истории. Искаженная историческая память, в свою очередь, снижает адекватность социального восприятия и прогнозирования будущего. Сегодня мы видим, как вслед за социально-политическими и экономическими изменениями в мире меняются общепринятые представления об исто-

рии. Манипуляции с историческим сознанием — эффективный способ изменения отношения личности, социальных групп и общества в целом к происходящему в стране и мире, к будущему человечества.

Очевидна теоретическая и практическая важность изучения способности конкретного человека и народа в целом извлекать из исторической памяти опыт и применять его в текущих обстоятельствах, особенно в эпоху социальных перемен/трансформаций.

Актуальной психологической проблемой является изучение исторической дезориентации людей через *денационализацию исторической памяти* — насаждение мифов, направленных на искажение истории, и *глобализацию исторической памяти* — переключение фокуса сознания людей на события мировой истории. Денационализация исторической памяти ведет к подрыву государственности и, соответственно, к самоуничтожению народа. Глобализация исторической памяти нацелена, в частности, на демонтаж православной идентичности как фундамента национальной государственности. Для изучения процесса исторической дезориентации необходимо рассмотреть изменения образов конкретных исторических событий в транзитные периоды жизни российского общества.

В дальнейших исследованиях по теме следует более глубоко рассмотреть психологические факторы, влияющие на искажение исторической памяти. Особое внимание планируется уделить мировоззренческому отношению (на понятийном и эмоционально-образном уровнях) к фактам, противоречащим имеющейся у человека картине исторических реалий, и в этой связи готовности/нежеланию менять образы исторической памяти под влиянием различных психоманипулятивных воздействий.

Литература

- Гостев А. А.* Психология вторичного образа. М., 2007.
- Гостев А. А.* Психология и метафизика образной сферы человека. М., 2008.
- Гостев А. А.* Манипуляция социальными представлениями путем воздействия на образную сферу личности // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М., 2012. С. 225–246.
- Гостев А. А.* Влияние православно-христианской традиции на российский менталитет как проблема исторической психологии // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015. С. 25–47.
- Грачева Т. В.* Когда власть не от Бога. Рязань, 2010.
- Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М., 2000.
- Лебедев А. Н.* Информационная неопределенность как механизм психологического воздействия // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации. М., 2014.
- Фурсов А. И.* Психоисторическая война против России. URL: <http://www.dentv.ru/content/view/andrej-fursov-psihoistoricheskaya-vojn-a-protiv-rossii> (дата обращения: 11.09.2016).

Психологическая атмосфера в СССР в 1941–1945 годы и реформа школы

О. Г. Жукова (Москва)

Деятельность средств массовой информации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

Воскресным утром 22 июня 1941 г. всю страну встревожило сообщение Ю. Левитана о важном правительственном обращении, которое будет передано в 12 часов. Ровно в полдень Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов сообщил о вероломном нападении на Советский Союз фашистской Германии, закончив речь пророческими словами: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» (Молотов, 1941, с. 1).

Это был четкий психологический посыл, установка, данная всему советскому обществу, не терпящая отступления даже в мыслях, означающая не «Мы стараемся, приложим все силы...», а именно «Мы победим!» — безапелляционное утверждение.

С этого дня радио в домах и на площадях не отключалось, сплывшая многомиллионный народ в единое целое, живущее общими задачами, одной великой целью. Уже через 45 минут в эфир вышел экстренно подготовленный первый военный выпуск «Последних известий» с призывами: «Ответим на удар врага сокрушительным ударом!»; «Удесятим трудовые усилия для помощи Красной Армии!»; «Сметем с лица земли фашистских поджигателей войны!». В ночном выпуске «Последних известий» передано первое краткое сообщение с фронта.

Быстро меняющаяся обстановка в воюющей стране, необходимость тотчас откликаться на события и давать комментарии к ним кардинально изменили работу Всесоюзного радио. До войны большинство передач готовилось заранее, в записи; составлялась программа на неделю вперед и публиковалась в газетах. В связи с эвакуацией основных мощных радиостанций столицы на восток Центральное радиовещание перешло на короткие волны, используя вместо трех программ всего одну, и большинство ее передач выходило в режиме прямого эфира. Предварительно подготовленные тексты выступающих, конечно, прочитывались редакторами, но проконтролировать прямой эфир невозможно, и при самых строгих циркулярах цензуры каждый выступающий сверял свои слова с «внутренним цензором», зная, что его речь слушает весь мир — и друзья, и враги. В записи готовились лишь репортажи и интервью с фронтами и предприятий. Репортеры приезжали туда отнюдь не с портативным диктофоном, как сегодня, а на специально оборудованном автобусе, наполненном аппаратурой. «Бойцы культурного и идеологического фронта» — журналисты, писатели, поэты, артисты, художники — становились в ту пору стихийными психологами, понимающими, что от правильно подобранной ими интонации, эмоционального накала их выступлений и произведений, в конечном счете, зависит будущая победа.

Функционирование пропагандистской «машины» рейха

При подготовке к психологической пропагандистской войне против СССР в каждой военной и гражданской структуре фашистской Германии были созданы специальные отделы, подчиняющиеся Управлению по делам пропаганды. В особые роты вермахта, целью которых выступало оказание психологического, пропагандистского прессинга на противника, призывались военные журналисты, фото-кино-радиорепортеры, специалисты по изданию листовок, плакатов, газет, книг. Центральный орган — Министерство (с красноречивым дисгармоничным названием) народного просвещения и пропаганды — включал в свой состав особый восточный отдел с подразделениями, ориентированный для работы с населением СССР под названием «Винета» (одно из древних названий славян и русских в Европе). Мало того, в области пропаганды вменено работать и созданному с началом нападения на СССР Министерству по делам оккупированных восточных территорий, возглавляемому прибалтийским немцем Розенбергом, создавшим дополнительно спецподразделения пропаганды в оккупированных районах, радио, прессу и даже пытавшимся взять под свой идеологический контроль духовенство. Много усилий в пропаганде «нового мирового порядка» для славян прилагала сотрудничающая с немцами белоэмигрантская организация «Антикоминтерн». Но крах блицкрига к осени 1941 г. и успехи Красной Армии в борьбе с захватчиком в 1942—1943 гг., неопровержимо доказавшие неэффективность фашистской пропаганды, заставили гитлеровское руководство выделить роты пропагандистов в вермахте в особый род войск, обеспеченный радиомашинами, полиграфическим оборудованием, бумагой (Огороков, 2011, с. 246).

Только в оккупированной Литве фашисты, обрабатывая сознание населения, выпускали 8 газет общим тиражом 500 тыс. экземпляров, а также 16 журналов. Общий тираж выпускаемых книг составил 3,5 млн экземпляров (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Л. 258. Л. 91). Когда в республику вступили советские войска, большая часть литовской интеллигенции открыто заявляла об опасении «русификации» Литвы, но несмотря на это население проявляло живой интерес к происходящим событиям. Как пишут очевидцы происходящего в те годы, «в Вильнюсе ежедневно в часы передач по радио сводок Советского Информбюро и последних известий на польском и русском языках около уличных динамиков собираются толпы народа. Такой же огромный интерес и к центральным газетам, вывешенным в витринах. Около киосков Союзпечати устанавливаются очереди еще до получения газет» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Л. 258. Л. 105).

Пропагандистская деятельность в СССР в годы войны

Гигантской пропагандистской машине фашистской Германии в годы войны противостояли в СССР, прежде всего, Управление агитации и пропаганды при ЦК ВКП (б) под руководством Г. Ф. Александрова и Главное политическое управление Красной армии, которое с начала 1942 г. возглавлял секретарь ЦК ВКП(б) и начальник Совинформбюро А. С. Щербаков. Эти организации курировали работу радио, редакций газет, журналов, книжных издательств. Сотни тысяч общественных агитаторов и пропагандистов, черпавших знания и силу духа из радио-

передач, газетных и журнальных публикаций, работали на фронте и в трудовом тылу, занимаясь пропагандой и агитацией. Миллионы листовок самолеты разбрасывали над вражескими позициями.

Уже в дни неожиданного для врага мощного контрнаступления под Москвой генерал-полковник А. Йодль (который как представитель вермахта 7 мая 1945 г. подпишет Акт о капитуляции Германии) в директиве командирам войсковых подразделений вермахта «О политической пропаганде» раздраженно констатировал идеологический проигрыш: «Советский противник в области пропаганды развивает исключительную деятельность. Зима будет еще в большей степени использована противником для разложения нашей армии. Поэтому невыполнение приказа о сдаче или уничтожении вражеских листовок может повлечь за собой тяжелые последствия и даже смертельную опасность для армии и народа. Необходимо инструктирование личного состава на то, чтобы борьба с пропагандой противника велась также беспощадно, как и против всякого другого оружия врага» (О Московском битве..., 1997, с. 145–146).

Одним из направлений деятельности вражеской агентуры на территории СССР было распространение ложных панических слухов, легко подхватываемых населением. Потому 6 июля 1941 г. Президиумом Верховного Совета СССР был издан Указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». Виновные в подобных преступлениях отныне приговаривались к тюремному заключению сроком от 2 до 5 лет. Если же «целью распространения ложных слухов было содействие врагу», то «преступление квалифицируется как измена родине, т. е. по ст. 58 1а УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик» (Ведомости Верховного Совета СССР, 1941).

Но панику и слухи нельзя запретить никаким указом; их надо развеивать, понимая, что эти явления являются лишь следствием, а порождающая их причина — отсутствие информации. Поэтому роль средств массовой информации в критических ситуациях первостепенна.

О панике первых дней войны, вызванной недостатком информации об истинном положении в стране, написано и сказано много. Но архивные документы свидетельствуют, что в обществе циркулировали также иные настроения и слухи.

С первых же дней войны на всех предприятиях столицы и ряда других городов прошли митинги, началась запись добровольцев в действующую армию. Предпринимались меры духовной мобилизации граждан СССР на отражение вражеской агрессии. Ответственные контролеры Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) направились «в народ». В отчете заместителю председателя КПК М. Ф. Шкирятову контролера Байбакова с завода «Шарикоподшипник» сообщается, что моральное состояние коллектива хорошее. Вместе с тем приводятся факты, свидетельствующие о циркуляции среди рабочих ложной информации: «Рабочий завода Алексеев... сообщил... что он собственными глазами видел, как наша зенитная артиллерия, якобы, сбила германский бомбардировщик... При подробном опросе т. Алексеева в партийном комитете и на собрании коммунистов цеха выяснилось из его собственных признаний, что заявил он это с целью похвалиться. На заводе усиленно циркулируют слухи о взятии Варшавы, Кенигсберга и о том, что, якобы, застрелился Риббентроп. В информацион-

ную сводку на имя парткома завода поступали также заявления отдельных товарищей о вражеских десантах в районе Москвы...» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 44).

Подобные и другие слухи распространялись и на других московских предприятиях: «Красная Армия разбомбила и взяла Варшаву, Кенигсберг и ведет успешное наступление на Румынию»; «Германия практикует высадку десантов, и у нас вот под Ленинградом немцы сбросили 10 тыс. парашютистов, не успел из них никто приземлиться...» (там же). В отчете Байбакова отмечается необходимость усиления разъяснительной работы среди рабочих, убеждения их, что «подобные слухи могут быть использованы антисоветскими элементами для своих целей» (Там же).

Среди средств массовой информации военного времени — газет, журналов и радио — важнейшее значение приобретает именно радио, ибо оно не имело равных себе по скорости оповещения и эмоциональному воздействию на слушателей «живым голосом».

В мемуарах знаменитой метростроевки, депутата Московского совета Т. Фёдоровой приводится интересный рассказ о роли радиовещания в формировании у людей в трагические годы войны надежды на грядущую победу. Описываются события осени 1941 г., когда враг находился на подступах к столице и тревога царила в душах людей на фронте и в тылу: «Я сдавала воздвигнутые метростроевцами оборонительные сооружения молоденькому военпреду. После соблюдения всех формальностей, когда документы были подписаны, он сказал: „Вы знаете, товарищ Фёдорова, сегодня наш радист слушал, как всегда, московские «Последние известия». А потом стали передавать объявления, что в городе открылись мастерские по починке примусов, обуви... Вот здорово, правда?“. Фёдорова пишет, что вначале она не поняла, что так обрадовало фронтовика. «Однако иногда самая незначительная мелочь приобретает глубокий смысл... Моей приятельнице — радиожурналистке, ветерану „Последних известий“ было поручено составлять сначала пяти-, а потом десятиминутные объявления о всякого рода починочных мастерских, о покупке и продаже тары магазинами. Причем было сказано, что делать это нужно не формально, а с душой. Она возмутилась: ее, квалифицированного работника, занимающегося многие годы литературой, хотят использовать на составлении каких-то объявлений... Прошла одна передача, вторая, третья... и с фронтов пошли письма. Сначала десятки, потом сотни. Содержание их было примерно одинаковым: „Спасибо, товарищи радиоработники, за нечаянную радость. Фриц прет на Москву, а вы там так мобилизовали население, что оно не только строит окопы и противотанковые рвы, но и живет нормальной жизнью: починает хозяйственную утварь, ходит в театр“¹». Встречались и совсем короткие письма-треугольники: «Привет крепкому тылу!» (Фёдорова, 1981, с. 161).

Так, с первых дней войны в стране складывалась *особая психологическая атмосфера, особый настрой*, поддерживаемый сохранением разных сторон бытовой мирной жизни — театров, кино, парикмахерских, прачечных, бань, т. е. всего того социокультурного комплекса услуг, который, несмотря на все трудности, помогал человеку в этих неимоверно тяжелых условиях остаться в возможных границах цивилизации.

Особенно важно было учитывать психологию блокадников работникам Ленинградского радио. Так, например, одно время были прекращены детские пере-

1 В этих объявлениях потом сообщалось о предстоящих концертах и спектаклях.

дачи, поскольку ленинградские малыши с ревом рвались с эвакуационных пунктов обратно в город, считая, что, раз к ним таким родным, знакомым, «мальчишеским» голосом обращается артистка Мария Петрова (политрук обороны Дома радио), значит, дома все по-прежнему и совсем не страшно. После возобновления детских передач актриса рассказывала своим слушателям не только волшебные сказки, но и истории из их же жизни — о маленьких ленинградцах, дежурящих на крышах домов во время бомбежек, с риском для жизни возящих воду с Невы, сражающихся в партизанах и выслеживающих диверсантов. Она также читала сводки с полей сражения, фронтовые корреспонденции, стихи, русскую классику (Осинский, Васильева, Ковтун, 2011).

Трудно представить, какое напряжение сил и какая ответственность требовались от дикторов и радиожурналистов при подготовке материалов и выходе в прямой эфир, сколь непросто было обеспечить бесперебойность работы радиооборудования инженерам и техникам связи. Это был подвиг, не замечаемый на фоне героизма на фронте и в тылу даже самими творческими и техническими сотрудниками Всесоюзного радио.

Московский диктор А. Уколычев вспоминает: «24 июня я был вызван к председателю радиокомитета Дмитрию Алексеевичу Поликарпову, от которого получил назначение в штаб МПВО Москвы... Начальником штаба в то время был майор С. Е. Лапиров. Кратко ознакомив меня с моими обязанностями, [он. — О. Ж.] особое внимание обратил на то, как я должен объявлять по городской радиотрансляционной сети воздушную тревогу в случае налета вражеской авиации, что в моем голосе не должно быть даже намека на волнение. Кроме того, мне предстояло регулярно читать тексты о том, как москвичам вести себя во время воздушных тревог и в случае химического нападения... Помню, как мое волнение нарастало в ожидании команды начальника штаба об объявлении тревоги, как в эти секунды я непрерывно повторял про себя всего лишь три слова: „Граждане! Воздушная тревога“, чередуя их со словами самовнушения: „Спокойно. Спокойно!“» (цит. по: Каммерер, Караулов, Лапиров, 2000, с. 53—54).

На третий день счастья, 24 июня, Постановлением ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР было создано Советское информационное бюро, в обязанность которого вменялась ежедневная подготовка для радио и прессы военно-оперативных сводок об обстановке на фронте по сведениям, предоставляемым оперативным отделом Генерального штаба Красной Армии (см.: Коммунистическая партия..., 1971, с. 13). Каждый день миллионы людей замирали у радиоприемников при словах Юрия Левитана «От Советского Информбюро...». Сводки — утреннее и вечернее сообщения — повторялись многократно в течение дня.

Но с первых часов нападения телефонная связь частей Красной Армии с Москвой и между собой оказалась поврежденной фашистскими парашютистами-диверсантами на разных участках фронта. В Москву доходили лишь случайные, отрывочные донесения. А. С. Щербаков, взявший на себя ответственную обязанность подбора и подготовки текстов сводок (Штеменко, 1975, с. 193—194), прибег к обобщающему слову «направления», показывая этим масштаб вторжения по всей западной границе. Примером может служить одна из сводок: «В течение 24 июня противник продолжал развивать наступление на Шауляйском, Каунасском, Гродненско-Волковысском, Кобринском, Владимир-Волынском и Брод-

ском направлениях, встречая упорное сопротивление войск Красной Армии» (Сообщения Советского Информбюро, 1944, с. 3). Вполне конкретно звучала лишь точная информация за 26 июня о действиях против румынской армии, наступавшей на южном направлении: «Наша авиация в течение дня бомбардировала Бухарест, Плоешти и Констанцу...» (там же). Вот почему по Москве тут же пошли слухи о том, что советские войска успешно наступают на Румынию.

28 июня фашисты захватили Минск. В утренней сводке Совинформбюро в этот день сообщается: «На Минском направлении войска Красной Армии продолжают успешную борьбу с танками противника, противодействуя их продвижению на восток. По уточненным данным, в боях 27 июня на этом направлении уничтожено до 300 танков 39-го танкового корпуса противника» (там же, с. 8).

Вечерняя сводка за 29 июня не проясняет ситуацию: «На Минском направлении усилиями наших наземных войска и авиации дальнейшее продвижение прорвавшихся мотомехчастей противника остановлено. Отрезанные нашими войсками от своих баз и пехоты мотомехчасти противника, находясь под непрерывным огнем нашей авиации, поставлены в исключительно тяжелое положение» (там же, с. 11). И никто не знает, что в первый день войны пограничные заставы, на подавление которых враг отводил полчаса, держатся сутками, неделями, а Брестская крепость — больше месяца, что, несмотря на уничтожение в первые часы вторжения более 1200 наших самолетов на аэродромах, «советские соколы» в первый день сражаются в небе свыше 200 фашистских самолетов, из них 16 — невиданным в других армиях мира приемом — воздушным тараном (Жукова, 2005, с. 10–11).

В сводке за 10 июля появилась и стала постоянной «глухая» фраза: «В течение дня на фронте не произошло чего-либо существенного» (Сообщения Советского Информбюро, 1944, с. 43), а бои называются то крупными, то ожесточенными, то местного значения. Только в вечернем сообщении за 13 августа впервые прозвучала горькая правда: «Несколько дней назад наши войска оставили город Смоленск» (там же, с. 139). 14 августа в сводке была дана информация о гигантской мощи вторжения, косвенно объясняющей причины отступлений Красной Армии: «В течение 14 августа наши войска вели ожесточенные бои с противником на всем фронте от Ледовитого океана до Черного моря. На южном направлении оставили города Кировоград и Первомайск» (там же, с. 140).

Необъективную подачу материала в сводках первых месяцев войны с позиций сегодняшнего дня можно осуждать, но в тот период обтекаемые формулировки были оправданны и необходимы — важно было не допустить упаднических настроений и паники. Сотрудники Совинформбюро, радио и редакций газет не были профессиональными психологами и уж тем более ничего не слышали о столь модном сегодня нейролингвистическом программировании (НЛП). Но журналистское чутье подсказывало им необходимые «кодовые слова», повторяющиеся рефреном в сводках Совинформбюро и передовых статьях газет, «программирующие» людей на победу: «временно оккупированные советские территории»; «временные успехи противника»; «наши временные неудачи»...

Другой тонкий психологический прием, используемый в сводках, — своеобразное «уравновешивание» информации. Даже в дни фронтовых поражений сводка включала сообщения и о ярких боевых эпизодах, называя имена отдельных героев, отличившихся полков и дивизий, рассказывая о трудовых победах советского

тыла и тут же говоря о тяжелом положении в европейских странах, оказавшихся под «фашистским сапогом», приводила покаянные признания немецких пленных.

Когда «наши временные неудачи» удалось преодолеть, и 5 декабря 1941 г. Красная Армия перешла в решительное контрнаступление под Москвой, в сводке Совинформбюро от 7 декабря осторожно отмечалось: «На ряде участков Западного фронта наши части, отбив ожесточенные атаки противника, своими контратаками нанесли немецким войскам большой урон в технике и живой силе и продвинулись вперед» (там же, с. 397). Необходимо иметь в виду, что в те дни сводок Совинформбюро ждали не только в нашей стране, но и во всем мире.

Реформирование советской школы в годы войны

Сводки тех лет не рассказывали слушателям о той грандиозной работе по реформированию советской школы, которая проводилась в условиях, когда страна тратила в сутки на военные расходы в среднем 388 млн. рублей, платила союзникам за поставки вооружения и продуктов по ленд-лизу золотыми слитками с колымских приисков. Удивительно, но она еще и выделила немалые средства на введение в школах раздельного обучения для девочек и мальчиков, единую форменную одежду для школьников. Были и другие изменения: испытания (экзамены) с 7 класса, новые учебники и новые предметы — логика, психология и т. д.

Казалось бы, зачем вводить все эти новшества, если при остром дефиците тетрадей и чернил в дальних селениях дети нередко писали между строк газет соком свеклы или ягод? Если металлические перышки для ручек приходилось изготавливать внеурочно даже на оборонных заводах? Если из далеких от центра районов расселения эвакуированных учителей шли жалобы на неисполнение местными властями постановлений Правительства об обеспечении педагогов самым необходимым — мылом, солью, спичками, керосином, дровами, промтоварами и обувью, а их зарплата была крайне низкой? В связи с этим ряд учителей переквалифицировались в официанток, продавщиц, парикмахерш. «Но кто тогда будет учить детей?» — такими словами заканчивалось письмо из Хакасии эвакуированных из Ленинграда учителей с жалобой на местную власть. Но тех, кто остался верен долгу учителя, было большинство.

Со времени прихода Гитлера к власти в СССР понимали, что в грядущей войне советское молодое поколение может понести огромные и невосполнимые потери. И то, какое новое поколение придет на смену, во многом зависит от школы.

Общее руководство делом народного образования осуществлялось Наркоматом просвещения (Наркомпросом) РСФСР, созданным в первые дни после революции 1917 г. (26 октября/8 ноября 1917 г.). Обращает на себя внимание название Наркомата — не «образования», а «просвещения». Образование рассматривалось в неразрывной связи с культурой, поэтому Наркомпрос контролировал все культурно-гуманитарные сферы: образование и науку, музеи, театры и кино, книгоиздательство и библиотечное дело, клубы и избы-читальни, парки культуры и отдыха, охрану памятников архитектуры и культуры и т. д.¹ Наркомат Российской

¹ В стране в тот период не существовало Наркомата культуры, как и общесоюзного Наркомата просвещения: культурно-образовательная деятельность регулировалась наркоматами, существовавшими в каждой советской и автономной республике.

Федерации был зачинщиком многих общесоюзных инициатив и нововведений, а в годы войны стал правофланговым благодаря неординарной личности наркома, подававшего пример смелых творческих решений.

С 1940 г. Наркомат просвещения РСФСР возглавлял 66-летний опытный политик, дипломат, первый заместитель Наркома иностранных дел Владимир Петрович Потёмкин, начинавший в конце XIX—начале XX в. свой трудовой путь как педагог.

Поражает его биография. Выходец из дворянской семьи, Владимир Петрович исповедовал взгляды «кающихся дворян», считавших своим долгом заглянуть вину своих предков-крепостников за бесправие крестьян просвещением народа, ликвидацией безграмотности. В молодости он по окончании историко-филологического факультета Московского университета, где стал специалистом в области гебраистики¹, преподавал в классической гимназии, в реальном техническом училище и в Институте благородных девиц. Параллельно он читал просветительские лекции тем, кому вход в эти заведения был запрещен, — рабочим воскресных и вечерних курсов. За свободомыслие Потёмкин был арестован и в 1909 г. лишен права на преподавательскую деятельность. В 1919 г. он в качестве члена коллегии Наркомпроса участвовал в разработке программы единой трудовой советской школы для всех сословий. И пока при активнейшем участии дореволюционной научно-технической и гуманитарной интеллигенции (о чем сегодня почти забыли) страна осуществляла индустриализацию и электрификацию страны, ее передовой отряд — учительство — проводило ликвидацию неграмотности².

Владимир Петрович едва успел ознакомиться с постановкой образования в республике и работой культурно-просветительских учреждений, как началась война. «Учительская газета» 9 июля 1941 г. напечатала обращение наркома ко всем заведующим краевыми и областными отделами народного образования и наркоматам просвещения АССР, предлагая им совместно с местными комитетами комсомола и советами ОСОВИАХИМа «организовать в летний период занятия учащихся 7—10-х классов по военной подготовке и военно-санитарному делу». В дополнение к этому обращению «Учительская газета» 12 ноября опубликовала приказ Наркомпроса РСФСР «О военной подготовке учащихся старших классов средних школ», согласно которому военная подготовка юношей-учащихся 9—10-х классов должна проводиться по 110-часовой программе всеобуча; на военную подготовку отводилось 7 часов в неделю.

Через три дня, 15 ноября 1941 г., когда враг был на подступах к столице, а Геббельс по радио известил весь мир о скором торжественном вступлении в Москву германского воина-победителя, Наркомпрос издал директиву, казалось бы, несвоевременную в тех условиях — «О сборе материалов Великой Отечественной войны». Это продемонстрировало твердую уверенность В. П. Потёмкина в разгроме захватчиков. Музейные работники, подчиняясь железной дисциплине военного времени, вместе с учителями и школьниками приступили к поиску экспонатов для музеев — писем с фронта, фотографий воюющих и погибших земляков, плакатов,

1 Гебраистика — комплекс дисциплин, изучающих древнееврейский язык и культуру.

2 Моя бабушка рассказывала, как она, третьеклассница, учила пожилых людей читать и писать, и они из уважения стали вдруг обращаться к ней на «Вы».

киноафиш, вырезок из местных газет о трудовых подвигах и т. п. В прифронтовых областях фиксировались и собирались свидетельства варварских бомбардировок и артобстрелов — осколки мин и бомб, гильзы, фашистские листовки и т. д. Вслед за этим Академия наук и Правительство создали комиссии по сбору материалов по истории Великой Отечественной войны для будущих экспозиций в музеях.

Деятельность Наркомпроса в годы войны охватывала широкий круг задач: реализация мер по предупреждению беспризорности осиротевших детей путем их направления в детские дома, ремесленные училища, школы ФЗО для получения рабочих профессий; организация школ рабочей и сельской молодежи, вечернего и заочного обучения в техникумах и вузах; строгий учет и контроль над охватом всех детей учебной, включая детей из семей эвакуированных; помещение в суворовские и нахимовские училища тех, кто потерял отца-героя; организация пришкольных участков (огородов, садов, животноводческих хозяйств) для обеспечения дополнительного питания школьников и учителей; строгое следование национальной политике — обучение родному языку в автономных республиках, национальных округах.

Среди масштабных акций Наркомпроса следует отметить сбор книг и учебников для освобожденных от оккупации районов, в которых оказалось уничтожено более 100 млн книг. Потёмкин принял решение создать при Наркомпросе государственный фонд литературы для восстановления разграбленных и сожженных библиотек. За короткий срок было собрано до 10 млн. книг и учебников.

Другая очень заметная акция — решение Наркомпроса в канун первого военного Нового года (1942) на фоне набирающего силу контрнаступления наших войск под Москвой всем отделам народного образования разного уровня отметить этот праздник нарядными елками, утренниками, подарками для детей в школах, детских домах, детских садах.

Прогремела на всю страну инициатива учительства — сбор денежных средств на создание танковой колонны «Народный учитель». «Собирать» большинству учителей было нечего; они писали заявления о передаче однодневного заработка в Фонд Оборона — «На танки!».

Наконец, самым масштабным нововведением Наркомпроса стало издание Постановления от 16 июля 1943 г. «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек». Толчком к этому послужили факты хулиганского поведения подростков в общественных местах, наблюдаемые в крупных городах страны комиссиями из представителей органов народного образования, общественности, комсомола, профсоюзов. Оказалось, например, что кинотеатры во многих городах «являются местом сбора подростков в часы школьных занятий. Слышна нецензурная брань, нередки факты появления подростков в нетрезвом виде... спекуляции с билетами» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 214. Л. 166).

В письме наркома В. П. Потёмкина секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову и в Совнарком В. М. Молотову «Об обслуживании детей и подростков театрами и кинотеатрами» после краткого изложения вопиющих фактов предлагаются конкретные меры по их устранению. Среди них — запрет на продажу билетов в кино подросткам в будние дни на дневные сеансы. Предлагалось устраивать коллективные выходы классов в кино в сопровождении учителя или членов родительского комитета, но главное — организовать сеть кинопередвижек для показа всех

новых фильмов в школах. Взрослых, покупающих у детей билеты по спекулятивным ценам, милиция должна была привлекать к ответственности. Все предложения наркома были приняты, дополнены приказом Комитета по делам искусств СССР и утверждены Постановлением ЦК ВКП(б), а значит, распространены на все республики СССР. Специальным приказом всем ответственным органам вменялось «организовать выпуск копий документальных, художественных и научно-технических фильмов для школьных узкоплечных аппаратов... Восстановить детские театры во многих городах страны» (там же).

Но в результате работы проверочных комиссий работа Наркомпроса подверглась серьезной критике за отсутствие «систематической работы по подготовке новых учебников» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 69).

Приводятся и примеры. «Грамматика русского языка» С. Г. Бархударова «составлена без учета воспитательного значения материала; примеры и упражнения не способствуют воспитанию в школьниках патриотических чувств; не использованы изречения Александра Невского, Суворова, Кутузова...». Авторы учебника «Литература XX века» Л. М. Поляк и Е. Б. Тагер «крайне упрощенно понимают прошлое России», утверждая, например, что «скудная действительность прошлого не давала материала для создания полноценного человека», таким образом «выбрасывая из русской литературы все образы передовых русских людей, созданных крупнейшими русскими писателями». Учебник «не раскрывает идеалы великих русских писателей, их понимание характера русского человека (его преданность родине, верность долгу, смелость и другие высокие качества)». По причине схематичности изложения отклонены учебники географии Н. Н. Баранского, не способствующие формированию у детей умения ориентироваться в географических картах. Учебник истории России предлагается переписать с объективных позиций, включив в него материалы, касающиеся периода Великой Отечественной войны. Работа над учебниками объявлена срочной; рецензии на новые учебники предлагается печатать в широкой прессе, обсуждать и издавать только после необходимых исправлений по замечаниям учительского сообщества, а также личного изучения и одобрения наркомом (Там же).

В. П. Потёмкин смог в военные годы ввести в учебные программы школ несколько важных для становления личности дисциплин — логику, психологию, краеведение, а в нескольких школах Москвы экспериментально — латынь.

Для подведения серьезного научного фундамента под развитие школьной реформы, направленной на то, чтобы сделать советское образование лучшим в мире, 6 октября 1943 г. СНК СССР утверждает проект организации Академии педагогических наук. 20 ноября 1944 г., когда Красная армия, переименованная в советскую, изгоняет врага за пределы родной земли, В. П. Потёмкин собирает II сессию Академии педагогических наук. На повестке дня — вопрос о самобытности и оригинальности русской педагогики и психологии. В преддверии победы по предложению Наркомата просвещения РСФСР СНК РСФСР издает Постановление, стимулирующее научные изыскания в учительской среде, — «Об установлении в Академии педагогических наук РСФСР денежных премий за лучшие научные работы по педагогическим наукам».

3 сентября 1946 г. в Москве в большом зале Московской консерватории Академия педагогических наук проводит заседание, посвященное 75-летию вели-

кого русского педагога К. Д. Ушинского. С докладами выступают члены Академии Е. Н. Медынский и А. М. Еголин, председательствует и открывает своим вступительным словом академик В. П. Потёмкин. И никто не знает еще, что это последние дни жизни наркома просвещения РСФСР. Благодаря проведенным под его руководством реформам выросло поколение, покорившее космос и заставившее работать на благо человечества мирный атом, впервые в мире пробурившее землю на 13 км на Кольской сверхглубокой скважине, дополнившее таблицу Менделеева новыми элементами, создавшее шедевры в кино, литературе, музыке, живописи, балете и многое другое.

Заключение

Таким образом, изучая культурную жизнь в СССР в годы войны, особую роль агитации и пропаганды в жизни советского общества, можно прийти к заключению, что в стране была создана особая психологическая атмосфера, ставшая своеобразным феноменом в истории, способствующая укреплению веры в неизбежность победы. А реформа средней школы, проводником которой стал нарком просвещения РСФСР В. П. Потёмкин, способствовала воспитанию гармонично развитой личности, осознающей себя частью великого целого — родной страны. Плоды реформы, заложенной в военные годы, сказались на взрослении поколения детей войны, ставших основной силой в ее послевоенном восстановлении и возрождении.

Литература

- Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 32.
- Жукова Л. Н.* Выбираю таран. М., 2005.
- Каммерер Ю. Ю., Караулов В. С., Лапиров С. Е.* «Москве — воздушная тревога!»: Местная ПВО в годы войны. М., 2000.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1971). Т. 6: «1941—1954». М., 1971.
- Молотов В. М.* Обращение к советскому народу заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР и народного комиссара иностранных дел 22 июня 1941 г. // Известия. 1941. 24 июня. С. 1.
- Окороков А. В.* Особый театр военных действий // Генерал Сандалов: Сборник документов и материалов. М., 2011.
- О Московской битве и Великой Отечественной войне: Воспоминания и статьи. М., 1997.
- Осинский В. Г., Васильева Т. В., Ковтун В. Г.* Нигде не значило радио так много, как в нашем городе во время войны // Санкт-Петербургский университет. 2011. № 11 (3836). URL: <http://journal.spbu.ru/?p=4647> (дата обращения: 11.04.2016).
- Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г.—1942 г. М., 1997. Т. 13.
- Сообщения Советского Информбюро. М., 1944. Т. 1.
- Фёдорова Т. В.* Наверху — Москва. М., 1981.
- Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1975.

Филиация психологических идей в русской психологии

О. В. Клыта (Петрозаводск)

Введение

Филиация психологических идей в русской психологии является особым механизмом общественной памяти, посредством которого осуществляется накопление и хранение психологического знания прошлого и его дальнейшее развитие на последующих этапах истории психологии.

Любая культура самобытна, так как возникает и развивается в процессе накопления уникального культурно-исторического опыта народа, поэтому можно говорить об усвоении и передаче самобытных форм и методов психологического познания от поколения к поколению, а психологическую мысль русского средневекового периода правомерно рассматривать как фундамент для возникновения и дальнейшего развития традиционного для нашей науки духовно-нравственного подхода в трактовке человека и его внутреннего мира.

Известно, что преемственность может быть непрерывной, когда культурные ценности прошлого постоянно функционируют в культурной жизни народа, и прерывной, когда какие-либо ценности на время исчезают из культурного обихода. Поэтому, анализируя филиацию психологических идей периода русского Средневековья, мы сознательно не касаемся советского периода в развитии отечественной психологии, так как в это время была прервана преемственность анализируемых нами психологических идей, основанных на православном миропонимании (во всяком случае, в официальной психологии). Вновь преемственность этих идей обнаруживается в современной отечественной психологии. Вместе с тем следует отметить, что преемственность народных языческих форм и методов психологического познания практически никогда не прерывалась.

Духовные основы русской средневековой психологической мысли

Первоначально отечественная средневековая психологическая мысль была непосредственно связана с жизнедеятельностью человека, включена в нее и определялась ею. Жесткая зависимость от природных сил в трудных условиях существования рождала в общественном сознании анимистические представления и мифологические образы, воплощающиеся в народных ритуалах, обрядах, суевериях, произведениях устного народного творчества. С возникновением на Руси христианско-православной культуры психологическая мысль обретает новую почву для своего развития, становится частью этой культуры, формируется в ее русле. Появляется и укрепляется взгляд на человека как божье творение, призванное руководствоваться в своих действиях и поступках Евангельскими Заповедями. Отражение и воплощение этих новых мировоззренческих установок представлено в психологических воззрениях авторов переводных про-

изведений и русских богословов (Илариона, Климента Смолятича, Феодосия Печерского, Кирилла Туровского, Андрея Рублева, Феофана Грека, Дионисия и др.).

В центре внимания русских мыслителей стояла проблема человека; главный вопрос, на который они искали ответ, — «Что есть человек?». В их работах обсуждался широкий спектр антропологических проблем, касающихся строения человека, его добродетелей и пороков, норм общения и поведения, смысла жизни, путей совершенствования личности и т. д.

Проблема психологического познания рассматривалась русскими средневековыми мыслителями с позиции нравственности. Знание, как утверждалось, не может существовать в отрыве от нравственных идеалов. Так, проблема воли связывалась с вопросом о добре и зле. Отмечалось, что человек, обладая свободой воли, сам определяет свою судьбу. И выбор им своего жизненного пути обусловлен его нравственными ориентирами.

Зло и добро часто сложно отделить: зло может быть смешано с добродетелями. Для понимания источников, природы и проявлений добра и зла предлагалось обратиться к рассмотрению души, позволяющему выделить истинные мотивы поступков.

Следует подчеркнуть, что русская психологическая мысль развивалась в традициях исихазма, старчества с его интересом к человеку, его жизненным ценностям, индивидуальным переживаниям. Вокруг старцев собирались собеседники и «совопросники», которые обсуждали проблемы человекознания, духовности, смысла существования.

Ярким примером глубины осмысления человека и его души выступают работы религиозного мыслителя XV в. Нила Сорского, сторонника и активного проводника на русской почве идей исихазма, постулировавшего уход от мирской жизни, сосредоточение человека на своем внутреннем мире как условия духовно-нравственного роста и самосовершенствования. По оценке В. М. Соловьева, М. В. Соколова, именно в его работах впервые в русской религиозно-философской мысли была поставлена и получена оригинальную трактовку проблема личности. Нил Сорский призывал человека к очищению души от оскверняющих ее «помышлений зла», к борьбе с греховными помыслами и страстями, осуществлению постоянного самоконтроля над своими мыслями, желаниями, поступками. Путь нравственного совершенствования личности он связывал с проблемой страстей, вскрывая причины возникновения, стадии развития и пути их преодоления.

Русских средневековых мыслителей волновали вопросы психологического состояния человека, отвечая на которые они обращались к анализу изменений собственного внутреннего мира. Период русского Средневековья — это период самоуглубления, самоанализа, глубинного исследования человеческой души, напряженной аскезы, развития экзистенциального взгляда на человека.

От воззрений летописцев Илариона, Климента Смолятича, Феодосия Печерского, Владимира Мономаха, Кирилла Туровского, Андрея Рублева, Феофана Грека, Дионисия и др. можно провести линию преемственности к психологическим концепциям русских мыслителей следующих веков.

Духовно-религиозная трактовка человека в философско-психологическом знании Нового времени

XVIII столетие в России – век Просвещения, науки, образования: в это время открывается Императорская Санкт-Петербургская академия наук, создается Московский университет; в русский лексикон прочно входит слово «ученый». Развитие науки сопровождалось поиском и обобщением знаний, накопленных в жизненной практике людей, сохранением и культивированием духовного наследия народа. Осуществлялся сбор материалов об обычаях, быте, нравах, семейном укладе русского народа. На основе складывающихся веками воззрений на природу души формировались достаточно целостные психологические представления.

Как отмечает В. А. Кольцова, в отличие от предшествующего этапа, когда философско-психологическая мысль была слита с теологией, развивалась внутри духовной культуры, «век Просвещения знаменует начало отделения философии от религии, ее сближение с наукой, превращение в светскую мудрость. Возникновению и развитию указанных тенденций способствовало освоение принципов европейского рационализма. Но, несмотря на указанные тенденции, в целом, в своих базовых основаниях философская антропология, ее понятийный аппарат и способы аргументации сохраняли религиозный характер, развивались по-прежнему в русле богословского знания...» (Кольцова, 2004, с. 353).

Психологическое осмысление человека в русле духовной традиции представлено в философско-психологических трудах мыслителей XVIII в. – Н. Н. Поповского, А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, В. Н. Татищева, Д. С. Аничкова, С. Е. Десницкого, Я. П. Козельского, П. С. Батурина, Г. С. Сковороды, М. В. Ломоносова и др.

Предметом их размышлений выступали метафизические проблемы, касающиеся соотношения в человеке божественного и тварного, души и тела, добродетелей и пороков, смысла жизни и смерти и т. д.

«Признание Бога как исходного основания существования мира и человека было характерно для мыслителей диаметрально различных идеологических течений – „выразителя дворянской идеологии и консервативного крыла в истории общественной мысли“ М. М. Щербатова (Русская мысль..., 1991, с. 191), с одной стороны, основоположника естественно-научного материализма в русской науке М. В. Ломоносова и представителя революционно-демократического в отечественной философской мысли А. Н. Радищева, с другой» (там же, с. 354). Так, Ломоносов, давая материалистическое объяснение природных явлений, одновременно признавал Бога как Творца всего сущего. Радищев, опираясь на систему доказательств и используя в том числе сугубо научную аргументацию (закон сохранения энергии; принцип постепенности и бесконечности эволюционного развития мира и души и т. д.) обосновывал бессмертие души – положение, являющееся основополагающей идеей богословско-религиозного учения. В работах Г. С. Сковороды освещены вопросы, касающиеся природы человека: единства тела и души; способностей человека, его индивидуальности. Я. П. Козельский определял душу как особое существо, одаренное волей и разумом.

Таким образом, в работах философов XVIII в. сочетались эмпирические наблюдения с религиозными рассуждениями, естественно-научные знания – с метафизическими, материалистические идеи – с идеалистическими.

Примечательно, что в русской просветительской философии отсутствовали атеизм, богоборчество, попытки онтологической трактовки Бога, теоретизирования по поводу его природы, что как раз отличало европейскую философию Нового времени.

В первой половине XIX в. в трудах Д. М. Велланского, А. И. Галича, П. Лобовского, И. И. Юрьевича и др. человек и его качества рассматривались в связи с явлениями физического мира, а сама душа описывалась в единстве всех ее душевных начал — представлений, страстей, воли и др. Большое место в их работах занимали метафизические размышления.

В духовных академиях в курсах по догматическому и нравственному богословию много внимания уделялось психологии. Психологией были пронизаны антропологические и богословские труды: «О человеке», «Нравственная антропология» (архиепископ Иннокентий); «Записки по нравственной философии» (И. М. Скворцов). Христианский взгляд на психологические вопросы отражен в произведениях В. Н. Карпова («Вступительная лекция в психологию») и О. М. Новицкого («Руководство к опытной психологии»).

Во второй половине XIX в. психология оформляется в самостоятельную науку. Этот процесс в России происходил в сложных условиях. А. Н. Ждан отмечает: «Переживаемый Россией кризис крепостничества, завершившийся отменой крепостного права и утверждением капитализма, получил отражение в столкновениях и спорах между различными направлениями общественно-исторической мысли, в различных течениях в философии, а также в художественной литературе, которая в России всегда была источником философско-этических и психологических знаний. В рамках этих споров осмыслились проблемы своеобразия России, ее культуры и философии в сопоставлении с западноевропейской мыслью и философией (особенно западничество и славянофильство, почвенничество и «боготворчество» Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого)» (Ждан, 2009, с. 7).

В конце XIX—начале XX в. работы А. И. Введенского, Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина, Н. О. Лосского, В. С. Соловьева, С. Н. Трубецкого, С. Л. Франка послужили основанием к признанию религиозно-философского знания о человеке: развиваются идеи религиозной психологии, в рамках которой душа трактуется как средоточие, фокус духовной жизни человека. Указывается на необходимость формирования позитивного отношения к себе, принятия себя.

П. Д. Юркевич, М. И. Владиславлев, Г. Струве, К. Д. Кавелин отстаивали мысль о наличии в человеке особого нематериального начала — души. Душа рассматривалась ими как феномен человеческой субъективности, основа личного отношения человека к миру.

Появляются многочисленные психологические работы духовных писателей, богословов: «Основания опытной психологии» (архимандрит, впоследствии епископ Гавриил); «Систематический свод учения святых отцов церкви о душе человеческой (протоиерей С. Н. Кашменский); «Язык физиологов и психологов», «Из науки о человеческом духе», «Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова Божия» (П. Д. Юркевич); «Бессмертие души» (В. Д. Кудрявцев-Платонов); «Умозрительная психология» (Ф. А. Голубинский); «Учебник психологии» (А. К. Гиляревский); «Психология» (В. А. Снегирев); «Психология веры» (А. И. Введенский) (Шеховцова, Зенько, 2012, с. 27–28).

В начале XX в. проблема изучения души человека рассматривалась в трудах В. В. Зеньковского, И. А. Ильина, И. В. Киреевского, Г. Г. Шпета, С. Л. Франка и др. Разработку антропологической проблематики с опорой на наследие отцов Церкви мы находим в произведениях Н. А. Бердяева, Б. П. Вышеславцева, Л. П. Карсавина, Л. Лопатина, П. А. Флоренского и др.

Религиозно-психологические исследования освещены в трудах иеромонаха Михаила («Психология таинств»); Л. Соколова («Психология греха и добродетели по учению св. Подвижников древней церкви в связи с условиями пастырского душепопечения»); В. Ф. Давыденко («Святоотеческое учение о душе человека»); П. П. Соколова («Вера: Психологический этюд»); В. В. Платонова («Психология молитвы») (там же, с. 28–29).

Таким образом, можно констатировать, что психологическая мысль в период русского Средневековья во многом определила развитие *духовно-нравственной проблематики* в структуре психологического знания в России. Главное внимание уделялось раскрытию экзистенциально-бытийной сферы личности, проблеме ее духовно-нравственного роста и совершенствования. Психологическая мысль не только Средневековья, но и XIX–начала XX в. характеризуется стремлением к интуитивному объяснению психических явлений, отличается своеобразным сочетанием рационализма и мистики.

XX в. (после Октябрьской революции) в отечественной психологии ознаменовался утверждением естественно-научного подхода в познании внутреннего мира человека — высшие проявления души (дух, духовность), как и само это понятие, исчезли из сферы научного знания. К 1930-м годам в результате проводившейся борьбы с религией и утверждения идеологии материализма и атеизма религиозно-философское направление психологии было практически полностью уничтожено. Утверждалось, что объективными психологическими методами постичь феномен души невозможно. Как отмечает Б. С. Братусь, в XX в. психология ориентировалась на «человека физиологического», «человека рефлекторного», «человека поведенческого», «человека подсознательного» (Братусь, 1998, с. 76).

Возрождение духовно-религиозного направления в отечественной психологии постсоветского периода

В конце XX в., особенно в XXI в., душа, душевная жизнь вновь становятся одним из предметов исследования в русской психологии (Б. С. Братусь, Ф. Е. Васильюк, Е. К. Веселова, М. И. Воловикова, А. А. Гостев, М. Я. Дворецкая, В. А. Елисеев, Ю. М. Зенько, В. Х. Манеров, Б. Нечипоров В. И. Слободчиков, Л. Ф. Шеховцова, Т. А. Флоренская и др.). В работах ученых подчеркивается необходимость возвращения в психологию понятия души, призванного заменить понятия психических явлений и обеспечить тем самым целостное понимание личности и смысла жизни. «Психологии пристало служить, ориентироваться на полного, целостного человека, имеющего не только тело, сложность сознания, многообразие переживаний, внешнюю сторону души, но и ее внутреннюю сторону и высшие проявления (дух). <...> Научная психология занята преимущественно горизонтальной плоскостью — человеком как конкретным деятелем во времени и пространстве. Религия

дает предельные ответы на вопросы „в чем смысл?“, „ради чего?“, научная психология стремится ответить на вопросы „как?“, „для чего?“, „каковы механизмы?“ Сопряжение вертикали и горизонтали (при всей его реальной сложности) здесь более чем необходимо — оно неизбежно подразумевает, изнутри требует, жаждет осознания ее смысла, а смысл подразумевает реализацию, то есть осуществленное движение в конкретном времени и пространстве» (Братусь, 1998, с. 76–77).

В рамках возникшего в последние десятилетия направления православной психологии с позиции христианского учения рассматриваются проблемы интеллекта, эмоциональных явлений, воли, внимания, памяти, воображения, нравственности, разрабатываются принципы духовно ориентированного диалога в психологическом консультировании.

Л. Ф. Шеховцова и Ю. М. Зенько (2012) выявили как общее, так и различное в православном учении о душе и психологическом научном знании.

Так, интеллект, ум и в том и в другом случае понимаются как составная часть природы человека, способность человека к познанию. Развитие ума происходит под влиянием среды.

Различие наблюдается в трактовке уровней познания, позволяющих человеку построить картину мира: если в секулярной психологии познание выступает в форме чувственного, рационального и интуитивного, то в духовно-религиозной традиции вводится также высшая его ступень — «божественное откровение», доступное только нравственно чистой и совершенной душе. Примечательно, что здесь четко и однозначно постулируется связь познания и нравственного, этического начала.

Особенностью духовно-религиозного подхода к пониманию познавательной способности является наличие онтологической координаты: если в секулярной психологии интеллект связан со способностью адаптироваться к окружающему миру, познание происходит ради познания и комфортного существования, то в православной — познание себя и Бога имеет целью преображение мира, восстановление вселенской гармонии.

В характеристике эмоционально-потребностной сферы основное отличие духовно-религиозной психологии заключается в том, что в качестве ведущих потребностей человека признаются не физиологические, а духовные; в этом случае душа подчиняется духу, а тело — душе. Для нее характерна антиномичность в описании чувств человека, когда они оцениваются в зависимости от направленности на объект (любовь к ближнему — положительное чувство, а любовь к земным благам — отрицательное); доминирование в потребностной сфере страстей к земным (материальным) благам расценивается как грех; высшими состояниями человека признаются состояния молитвы, покаяния, а высшим чувством человека — любовь к Богу и ближним.

Особенность православного подхода к воле заключается в признании свободы выбора, основанной на спасении души, понимание развития воли как свободного и добровольного подчинения воле Божьей.

Сравнение представлений о внимании в научной и православной психологии показывает, что в православии акцент делается на внутреннюю динамику переходов внимания, процесс самонаблюдения (опыт святых отцов-подвижников за своим духовным возрастанием — опыт умного делания).

Характеризуя память, православные психологи развивают идею совершенствования человека за счет преодоления злопамятства через прощение зла врагам и обидчикам, памяти о заповедях, грехах, о смертности человека.

Большое внимание в современной православной психологии уделяется проблеме самовоспитания как активной позиции человека — воспитание себя, своих ценностей. Если в научной психологии характер рассматривается в основном как результат воспитания ребенка в детстве, то, согласно православной психологии, человек сам воспитывает себя: детально, пошагово описаны особенности и ступени обретения человеком добродетели. «Особенность христианского понимания человека в том, что человек рассматривается в динамике совершенствования, должностования, и все части и силы души, психики видятся святыми отцами именно в аспекте подчинения этой цели» (Шеховцова, Зенько, 2012, с. 215).

В настоящее время в России активно развивается православная психотерапия (Д. А. Авдеев, А. А. Гостев, П. В. Добросельский, Д. Е. Мелехов В. К. Невярович, А. Фомин и др.). С православной точки зрения рассматриваются причины психических заболеваний, неврозов, психосоматических расстройств, обсуждаются духовные причины алкоголизма, наркомании, игромании и других зависимостей.

Д. А. Авдеев в качестве общей задачи православного психотерапевта определяет помочь человеку в поиске глубины покаяния, в восстановлении правильного духовного ощущения жизни в душе человека, правильного отношения к своему греху и к своему бессмертному человеческому достоинству (Авдеев, 2012, с. 52).

П. В. Добросельский отмечает: «Излечивая душу человека от страстей, являющихся источниками греха, или исцеляя (уничтожая) страсти, святоотеческая психотерапия предотвращает тем самым совершение новых грехов. При этом устранение (лечение) последствий ранее совершенных грехов (отпущение грехов) происходит с помощью определенных церковных таинств (например, покаяния, соборования). Следует отметить, что вообще таинства являются одним из великих лечебных средств, используемых святоотеческой психотерапией. Они освящают человека и дают ему силы для противления греху» (Добросельский, 2008, с. 190—191). Подчеркивается, что, «подобно тому, как при лечении телесных недугов нужен (а в некоторых случаях и необходим) искусный врач, также (и даже гораздо более этого) для излечения души необходим опытный духовный наставник, играющий важнейшую роль в духовном лечении» (там же, с. 193).

В заключение следует отметить, что основы житейской (обыденной, вненаучной) психологии, зародившиеся в период русского Средневековья, сохраняются и в жизни современного человека. До сих пор активно используются обряды, традиции, фольклорные произведения. Более того, многие люди и сегодня обращаются за помощью к колдунам, ведьмам, знахаркам, гадалкам, астрологам, целителям, экстрасенсам; по центральному телевидению демонстрируются передачи по эзотерике, парапсихологии. Как отмечает В. А. Мазиллов (2007), рассуждая о психологическом кризисе XX в., наблюдается высокая конкуренция со стороны паранауки, разрыв между научной психологией и техниками, ориентированными на углубленное самопознание (от мистики и эзотерических учений до современной трансперсональной психологии). Человек, интересующийся познанием своего «Я», ищущий свой духовный путь, обращается не к научной психологической литературе, а к специалистам, далеким от научной психологии.

Вместе с тем необходимо отметить, что современные квалифицированные психологи и психотерапевты активно используют сказкотерапию, пословицы и поговорки, арттерапию, библиотерапию, куколтерапию, игротерапию и т. д., направленные на решение внутренних проблем, оздоровление, исцеление, личностный и духовный рост.

В работах А. А. Гостева, В. А. Елисеева, А. Г. Фомина (2006) указывается на возможность соотнесения ряда положений святоотеческих идей с современным психологическим знанием. Это соотнесение применимо к следующим предметным областям духовной психологии:

- проблема личности и внутренней природы человека;
- духовная составляющая человеческого общения;
- духовно-психологическое развитие личности;
- духовный аспект взаимодействия души и тела;
- православно-христианский взгляд на личностную психопатологию.

Таким образом, святоотеческое духовное наследие содержит в себе огромное богатство психологического знания, которое еще предстоит исследовать и освоить.

Литература

- Авдеев Д. А.* Очерки православной психотерапии: В помощь страждущей душе. М., 2012.
- Братусь Б. С.* Двойное бытие души и возможность христианской психологии // Вопросы психологии. 1998. №4. С. 71–79.
- Гостев А. А., Елисеев В. А., Фомин А. Г.* К проблеме концептуально-терминологического перевода святоотеческих описаний психологических реалий // Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи». М., 2006. С. 177–187.
- Добросельский П. В.* Общие аспекты психики или введение в православную психологию. М., 2008.
- Кольцова В. А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М., 2004.
- Кольцова В. А.* История психологии: проблемы методологии. М., 2008.
- Мазилев В. А.* Проблема предмета и метода в психологии // Вопросы психологии. 2007. №1. С. 12–16.
- Российская психология: Антология / Авт.-сост. А. Н. Ждан. М., 2009.
- Русская мысль в век Просвещения. М., 1991.
- Шеховцова Л. Ф., Зенько Ю. М.* Элементы православной психологии. М., 2012.

Психологические предпосылки революционных преобразований общественной жизни¹

В. А. Кольцова (Москва)

Причины возникновения и динамика революционных настроений

В развитии человечества его эволюционные этапы, характеризующиеся постепенными изменениями в рамках существующих социально-экономических и политических систем при сохранении их качественной специфики, перемежаются с революционными, представляющими собой коренной слом общественного строя, парадигмальные преобразования всех его сторон.

Как справедливо утверждает наука, главным творцом истории является человек, движимый своими интересами, творящий и разрушающий созданное, сохраняющий и преобразующий культурные ценности.

Задачей нашей статьи является попытка рассмотрения причин возникновения и динамики революционных настроений как фактора воздействия на политические системы.

Неосновательной представляется «теория заговоров», усматривающая причину революций исключительно в воздействии внешних сил, якобы способных поднять массы на борьбу, хотя этот фактор нельзя исключать. Его роль нашла подтверждение и ярко проявилась в «цветных революциях» последних десятилетий. Выступая важным условием активизации политических сил общества, он не является основным и не достигает поставленной цели при отсутствии подготовленной для этого внутренней почвы. Трудно и невозможно организовать революционный переворот на пустом месте. Как и любое сложное социально-политическое явление, революция обусловлена системой детерминант — базовых и ситуативных, внутренних и внешних, социальных, этнических, религиозных, психологических.

Предпосылки революции вызревают постепенно и, достигая критической точки, прорываются при определенных условиях, обостряющих существующие в обществе противоречия, в массовый бунт. В основе их лежит назревший социально-политический кризис, определение которого дал В. И. Ленин в известной формуле «верхи не могут», а «низы не хотят», с поправкой, что *не всегда* революции предшествует крайнее обнищание масс. Как известно, «цветные революции» последнего времени осуществлялись и в странах, отличающихся относительно благополучным материальным состоянием народных масс (пример тому — Ливия, Украина). Поэтому представляется, что ленинская формула отражает конкретную ситуацию, сложившуюся в предреволюционной России. При этом не вызывает сомнения, что главным вектором в развитии революционного противостояния выступают отношения в системе «власть—народ».

Очевидно также и то, что революционному взрыву предшествует серьезная идеологическая обработка сознания масс, направленная на формирование в об-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-06-10293.

шествие *революционных настроений*, готовности активной его части к решительным действиям. Само понятие «революционные настроения» (Королев, 1982; Шиллер, 1980) охватывает сложный и широкий комплекс чувств, включающих недовольство условиями жизни, недоверие к существующей власти, признание ее неспособности решить назревшие проблемы времени, укрепляющееся убеждение в несправедливости общественного устройства, усиливающееся желание радикальных преобразований в социально-политической и экономической жизни, хотя часто при отсутствии осознания их направленности и т. д.

Указанные настроения формируются на почве реальной жизни людей и отражают возникающие на конкретном этапе истории сложившиеся социально-политические противоречия в обществе. Так, в качестве катализаторов роста революционных настроений масс в преддверии Февральской революции 1917 г. выступили: возрастающая поляризация российского общества на небольшой слой богатого и огромное число нищающего населения страны, испытывающего на себе все трудности военного времени; сбой с продовольственным снабжением столицы и крупных городов; растущее число людских потерь в «империалистической войне», отторгающей народом как ведущейся не во имя защиты своего отечества, но втягивающей в свою орбиту все новые массы трудоспособного населения; рост стимулируемых революционной пропагандой пораженческих настроений и др. Именно на этой основе возникало и крепло недовольство масс, вылившееся в активную борьбу против существовавшего политического строя. Власть осталась безразличной к нуждам и настроениям народных масс, пребывая в уверенности в их покорности и политической пассивности. Она не осознала тот факт, что русский народ качественно преобразился: пройдя через «Кровавое воскресенье» 1905 г. и Ленские расстрелы 1912 г., он утратил преданность и любовь к царю; переживая трудности военного времени и связанное с этим обнищание, он обрел решимость к отстаиванию своих прав. Более того, ослабленная войной, раздираемыми ее внутренними противоречиями, власть уже была не способна обуздать усиливающуюся революционную стихию.

В этих условиях обостряется борьба между партиями за влияние на массы. Преимущество большевиков перед другими политическими силами было обусловлено тем, что им удалось осознать и в своих политических лозунгах четко сформулировать то, что волновало простой народ, являлось его вековыми чаяниями, способствовало разрешению назревших проблем времени: «Мир — народам, земля — крестьянам, фабрики — рабочим». Они явились той политической силой, которая, по словам С. Г. Кара-Мурзы, «чувствовала революцию», наиболее полно соответствовала духу народа. Как пишет П. П. Марченя, «психология большевизма не была „анархической“, она объединила в себе полярные, антиномичные начала народной психологии — стремление к безвластию и преклонение перед властью, пресловутые „бунт“ и „смирение“» (Марченя, 2009, с. 31–32). Возглавив стихийное народное движение и придав ему организованные формы, большевики добились превращения империалистической войны в гражданскую, буржуазной революции — в социалистическую, завершившуюся свержением царского режима и открывшую новую страницу в истории России. «Колебания психологии масс от упоения революционной анархией до признания необходимости настоящей — твердой, авторитарно-патерналистской — власти, в психоло-

гическом плане сохраняющей преемственность от традиционного российского самодержавия, по железной логике истории закончилось установлением диктатуры, способной применить долгожданную государственную силу и собственной беспощадностью обуздать мнимо „бессмысленную“ беспощадность русского бунта» (там же, с. 32).

Таким образом, неперенным условием роста и усиления революционной стихии является слабость власти, ее оторванность от реальной жизни народа, неспособность уловить и правильно оценить настроения масс, переоценка запаса их терпения и т. д.

Начавшись с первых локальных демонстраций своих притязаний в виде митингов, демонстраций, постепенно протестные движения расширяются, приобретают все более массовый характер. Срабатывает механизм заражения, передающий по принципу цепной реакции настроение недовольства от лица к лицу, накаляющий страсти, возбуждающий людей.

На фоне усиливающегося единства чувств возникает взаимное стимулирование участниками протестных акций к решительным действиям. Слабости и нерешительности власти противопоставляется крепнущее единство настроя митингующих, усиление их направленности на кардинальное изменение условий своей жизни.

При этом необходимо иметь в виду, что настроения – динамический феномен, характеризующийся подъемами и спадами, быстрыми изменениями своей направленности.

Сила настроений как психологического фактора возрастает при появлении «вождей», способных канализировать их в определенное русло, внести в стихию народного движения организацию, выдвинуть четкую программу действий.

Обязательными свойствами вождей являются, согласно Г. Лебону, наличие сильной воли, побуждающей к действию безвольную массу, горячая вера в идею, которую они привносят в массы, личностное обаяние («престиж»).

Разнообразны используемые вождями приемы воздействия на массы: критика властей, агитационные антиправительственные воззвания, демагогические обещания и т. д.

В этих условиях роковую роль могут сыграть неверные действия власти, проявляющиеся, как в отсутствии договороспособности, в неумении, а часто и нежелании оперативно предложить народу программу преобразований, отвечающую его ожиданиям, так и в попытке применения силовых методов разгона демонстраций. Последний путь (особенно при появлении человеческих жертв) фактически приводит к превращению мирного характера народных выступлений в революционное противостояние народа и власти. В сознании людей возникает резкая поляризация политических сил на «мы» (протестующие, независимо от их социальных установок) и «они» (властные структуры всех уровней). Ожесточение и решительность масс усиливаются; окончательно разрушается социальное единство макросоциума; шансы на примирение становятся минимальными.

Нельзя не учитывать и особенности национального менталитета, состоящие, по мнению Д. С. Лихачева, в характерном для русского исторического развития сочетании консерватизма с быстрой сменой общественных настроений (Лихачев, 1988).

Психологические проявления человека в толпе и психология масс

Предметом осмысления должны стать также содержащиеся в научной литературе описания психологических проявлений личности в толпе и психологии массы. Конечно, митинги, демонстрации, майданы и пр. не относятся к тому типу классической толпы, о которой писали С. Сигеле, Г. Тард, Г. Лебон, Н. М. Михайловский, В. М. Бехтерев и др., так как их участников связывает единство цели, настроения, осознанного отношения к тем или иным событиям и явлениям общественной жизни. Однако и в этом массовом скоплении большого числа людей действуют психологические механизмы взаимодействия, характерные для больших неорганизованных, неструктурированных социальных групп.

«Толпа, — писал Г. Тард, — это — груда разнородных, незнакомых между собой элементов. Лишь только искра страсти, перескакивая от одного к другому, наэлектризует эту нестройную массу, последняя получает нечто вроде внезапной, самопроизвольно зарождающейся организации. Разрозненность переходит в связь, шум превращается в нечто чудовищное, стремящееся к своей цели с неудержимым упорством. Большинство пришло сюда, движимое простым любопытством; но лихорадка, охватившая нескольких, внезапно завладевает сердца ми всех, и все стремятся к разрушению» (цит. по: Сигеле, 1998, с. 31).

В условиях митинговой активности возникает также эффект внушения, состоящий в росте восприимчивости к различным идеям, не представлявшимися столь очевидными в обычных условиях, происходит передача людьми друг другу своих эмоциональных состояний, которые при этом многократно усиливаются. Как пишет Сигеле, «в толпе-то именно и проявляется самым резким образом явление внушения и... там оно переходит от формы вдвоем к эпидемической, так как в толпе единство времени и места и непосредственное общение индивидов доводит быстроту эмоционального заражения до *pes plus ultra*¹» (там же, с. 44).

Согласно Н. М. Михайловскому, наиболее подвержены подражанию, являющемуся, по его мнению, основой массового поведения, личности, не способные руководить собой и делегирующие эту функцию чужой воле.

Характеризуя психологические состояния, возникающие у человека в толпе, Г. Лебон указывает на следующие присущие ему в этих условиях черты: сознание собственной «непреодолимой силы»; следование «таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один»; исчезновение чувства ответственности; подчинение личного интереса коллективному; рост восприимчивости к внушению и заражению» (Лебон, 1896, с. 165–169). Завершая, Лебон пишет: «Итак, исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действие внушенные идеи — вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть сам собою и становится автоматом, у которого своей воли не существует» (там же, с. 170).

Близкие к этим оценкам черты выделяются Лебоном и при описании психологии массы. По его мнению, масса импульсивна, раздражительна, изменчива,

1 До высшей точки.

управляется главным образом сферой бессознательного. Она ничего не делает преднамеренно. Желания и даже страстные стремления массы кратковременны, быстро проходят; ее отличает направленность на их немедленное осуществление. Она чрезвычайно восприимчива к внушению, легковерна, некритична, мыслит образами, а не логическими категориями; предпочитает иллюзии, ирреальное действительно существующему, реальному. Ее чувства просты и чрезмерны; она не знает сомнений и колебаний. Массу отличает уверенность в своих силах, склонность к крайностям, гиперболизации: антипатия здесь быстро превращается в дикую ненависть. Отличаясь нетерпимостью к иным мыслям и чувствам, масса в то же время доверчива к авторитету, ждет от него проявления силы и охотно ему подчиняется, более того, жаждет, чтобы ее подчиняли и подавляли. Она не может существовать без властелина.

Вместе с тем под влиянием внушенных соответствующих идей масса способна на высоконравственные поступки — бескорыстие, преданность идеалам и т. д.

Заключение

Все сказанное, во-первых, убеждает в актуальности исследования рассматриваемой проблемы, во-вторых, убедительно подтверждает положение о том, что важными условиями сохранения в обществе социально-политической стабильности, обеспечения его инновационного эволюционного развития является тщательное изучение существующих в обществе настроений, оперативное реагирование власти на их изменения, принятие мер по снятию напряженности путем разрешения возникающих проблем и противоречий, реформирования и модернизации социально-политической системы, честного и открытого диалога с народом и тем самым предотвращения резкого социального противостояния в его крайней форме — революции с ее разрушительными последствиями.

Литература

- Королев Ю. А.* Чилийская революция. М., 1982.
- Лебон Г.* Психология народов и масс / Пер. с фр. Я. Фридмана, Э. Пименовой. СПб., 1896.
- Лихачев Д. С.* Россия // Литературная газета. 1988. № 41. С. 6.
- Марченя П. П.* Психология масс и партий в русской революции: от февраля к октябрю 1917 г. // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2009. № 3. С. 23–32.
- Сигеле С.* Преступная толпа: Опыт коллективной психологии // Преступная толпа. М., 1998. С. 11–116.
- Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием. М., 1980.

Формирование криминальной субкультуры в России в XIX веке: источники и историография

А. А. Королёв (Москва)

Актуальность исследования

Актуальность исследования проблемы формирования криминалитета в России в XIX в. определяется тем, что в современных условиях в нашей стране происходит криминализация различных сфер общественной жизни, представляющая угрозу национальной безопасности российского государства. По количеству заключенных «на душу населения» Россия значительно опережает цивилизованные страны, уступая по этому показателю лишь США. Каждый четвертый взрослый мужчина в России имеет тот или иной опыт тюремной жизни (Самодуров, 2007, с. 16). Если присовокупить к этому близких родственников, которые оказываются в сфере влияния бывших и настоящих преступников, то картина негативного воздействия тюремной субкультуры оказывается еще более мрачной.

Под криминализацией следует понимать не только рост преступности, но и, прежде всего, проникновение идеологии, образа жизни и мышления, неформальных правил («понятий») криминальной среды в общество в целом (И. Полонский).

На формирование криминалитета современной России продолжают, несомненно, оказывать влияние и стойкие уголовные традиции, которые своими корнями уходят в далекое прошлое. Механизм проникновения криминальной (тюремной) субкультуры в повседневную жизнь следует искать в укоренившихся тюремных практиках, неписаных правилах («понятиях»), таких как тюремный жаргон («феня»), блатное песнетворчество, фольклор.

Развитие криминальной психологии и криминальной патопсихологии в России в XIX столетии

Важное место в становлении уголовной субкультуры занимает XIX в., когда происходило становление системы наказания и перевоспитания преступников, уголовного законодательства и прояснялись контуры тюремоведения – пенитенциарной науки.

Составными частями отечественного тюремоведения были криминальная психология и криминальная патопсихология. В основе первой дисциплины лежит изучение личности преступника, мотивы и цели совершения правонарушения; вторая дисциплина имеет целью исследование психоневрологических характеристик лиц с серьезными психическими заболеваниями, совершивших преступления.

Во второй половине XIX в. российская криминальная психология находилась под сильным влиянием итальянской антропологической школы, в частности, концепции Ч. Ломброзо, тюремного врача, впоследствии профессора. В Рос-

сии были широко известны его труды (Ломброзо, 1994, 2012, 2015). Им был создан метод фиксации антропологических данных преступников, разработана их типология, проведено изучение и систематизация татуировок. Все это не утратило свое научное и практическое значение и сегодня. Однако критическую оценку получила его биологизаторская идея о прирожденной преступности.

По внешнему виду (скошенный лоб, удлиненные или неразвитые мочки ушей, облысение и т. д.) он считал возможным определять потенциального преступника, которого, по его утверждению, необходимо как можно раньше изолировать от общества.

Идеи Ломброзо оказали сильное влияние на развитие отечественной антропологической (биологической) школы в криминологии, в частности на взгляды П. Н. Тарковской. В российской науке она известна по двум трудам: «Женщины-воровки» и «Женщины-убийцы». Как врач-психиатр, имеющая богатую практику, она пришла к выводу о том, что тюрьма и каторга лишь усиливают предрасположение к совершению рецидива и что по отношению к женщинам-преступницам законодатель применяет чрезмерно жесткие наказания.

Большой вклад в развитие криминальной психологии (в рамках тюремоведения) внес русский юрист и психолог, профессор Московского университета, Московского психоневрологического института, Тулузской академии наук С. В. Познышев. Он являлся автором многочисленных работ в области криминологии и криминальной психологии: «Основные вопросы учения о наказании» (1904); «Учение о карательных мерах и мере наказания» (1908); «Детская преступность и меры борьбы с ней» (1910); «Подстрекательство к преступлению» (1914); «Основы пенитенциарной науки» (1923); «Криминальная психология: Преступные типы» (1926) и др. Его заслуга состоит в том, что он впервые дал типологию преступников и четко разграничил «корни» преступления. Первый из них – в личности преступника, это внутренняя (эндогенная) причина правонарушений, основанная на жизненном опыте и мотивации преступника. Преступление, считал он, предполагает вину: умысел или неосторожность. Второй «корень» преступления – внешние (экзогенные) для данной личности факторы, толкнувшие ее на преступный путь (Познышев, 2007).

Разработкой вопросов судебной психиатрии, криминальной психопатологии занимался также известный отечественный психиатр, психолог, религиозный деятель, ректор Варшавского университета П. И. Ковалевский, автор трудов «Судебная психиатрия» (1902), «Судебно-психиатрические анализы» (1881), «Психология преступника по русской литературе о каторге» (1900) и др. Опираясь на анатомо-физиологические знания своего времени, в первую очередь, на рефлекторную теорию выдающегося физиолога И. М. Сеченова, Ковалевский развил материалистические представления о сущности психических явлений, о норме и патологии (Петрюк, 2009). Свои научные изыскания он внедрял в практику, будучи врачом отделения душевнобольных Харьковской губернской земской больницы (Сабуровской дачи). Так же, как и В. М. Бехтерев, он был сторонником «не стеснения» больных, выступал против бытовавшей в то время практики использования смирительных рубашек, заковывания буйных умалишенных в кандалы, ратовал за приобщение пациентов к физическому труду в созданных при больницах мастерских.

Русские писатели о психологических аспектах преступных деяний

Следует обратить внимание на такой источник исследования проблем криминалитета, как документальные очерки журналистов и художественные произведения писателей, в творчестве которых получили яркое реалистическое освещение особенности тюремной субкультуры, уголовных традиций, психологии и психопатологии преступного мира. Среди них – как дореволюционные (В. В. Крестовский, А. Н. Островский, А. П. Чехов, В. М. Дорошевич, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко и др.), так и советские (А. Н. Куприн, М. Горький, В. А. Гиляровский и др.) писатели.

Чем ценен этот источник? Во-первых, писатели, судебные хроникеры и репортеры использовали так называемое включенное наблюдение. Ряд из них обладали сильной интуицией и провидческим даром, способны были проникать в inferнальный мир арестантов – убийц, бродяг. Располагая порой минимумом фактов и свидетельств, они могли выявить внутренние, потаенные мотивы криминальных действий, в отличие от судебных чиновников, которые, погрязнув в обычной рутине, не могли (а порой и не хотели) докопаться до истины, до глубинных причин совершенных преступлений. Во-вторых, писатели и публицисты, как правило, не понаслышке знали о криминальной субкультуре; некоторые из них сами оказывались в «мертвом доме» – на каторге, в тюрьме и ссылке (Ф. М. Достоевский, В. Г. Короленко) или являлись присяжными заседателями в судебных процессах (А. Н. Островский и Л. Н. Толстой).

Авторы работ по патопсихологии указывали, что «болезненные расстройства психики неразрывно вплетаются в творчество, внося своеобразие в созерцание и форму выражения произведения» (О психиатрической патографии..., 2016).

Так, из-под пера Ф. М. Достоевского вышли романы и повести («Записки из мертвого дома», «Преступление и наказание», «Записки из подполья», «Братья Карамазовы»), потрясающие глубиной проникновения в психологию преступника пореформенной эпохи, когда ломались не только социально-политические и экономические устои общества, но также быт, нравы, характеры. Писатель гениально отобразил психологическое состояние человека, оказавшегося в стрессовых, критических ситуациях. В письме к главному редактору журнала «Русский вестник» М. Н. Каткову в 1865 г. он кратко сформулировал основную мысль, фабулу романа «Преступление и наказание». По его словам, после убийства процентщицы («старуха глупа, глуха, больна, жадна, берет жидовский процент, зла и заедает чужой век...») «развертывается весь психологический процесс преступления». Достоевский указывает на духовную драму убийцы, перед которым стоят неразрешимые экзистенциальные вопросы. Закон земной и человеческая природа берут верх над его противоречивыми чувствами: он вынужден сдать себя полиции. К этому его побуждает «чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством» (см.: Опульская, Коган, Фридендер, 1989, с. 524).

Великий русский писатель Л. Н. Толстой в основу романа «Воскресение» положил криминальный сюжет, подсказанный ему знаменитым юристом А. Ф. Кони. Речь идет об истории одной девушки, которая оказалась соблазненной и покинутой. В конечном счете после мытарств и жизненных передряг она оказалась в доме терпимости, став невольно причастной к убийству своего клиента.

Под гениальным пером писателя обычный, заурядный случай обрел свою жизнь, полную драматизма и мучительных исканий одного из героев, князя Нехлюдова, который в конце концов приходит к духовно-нравственному возрождению. Он пытается найти ответы на вопросы, почему одни люди осуждены на тюремное заключение, а другие, точно такие же, находятся на свободе, радуются жизни и судят себе подобных; какую роль играет наследственность в преступлении, существует ли прирожденная безнравственность; что такое сумасшествие и вырождение и т. д. Толстой и его герой не получили ответа на эти «проклятые» вопросы (Толстой, 1977, с. 247–248).

Если Толстой сосредоточил внимание на судьбе одной героини, Екатерины Масловой, «падшего ангела», то другой писатель, А. И. Куприн, посвятил свою повесть «Яма» носительницам «цитадели греха», их нравам, образу жизни, социальным условиям, породившим отверженных обществом женщин с изломанными судьбами, неспособных выбрать из этой «ямы». Его герой, Платонов, будучи филантропом, пытается покончить в доме терпимости с развратом, доводящим жрицу любви до самоубийства. Но все его усилия оказались бесполезными. Выкупленные из борделя женщины возвращаются к прежнему ремеслу. А одна из них, Женька, доведенная до отчаяния, мстит своим клиентам, заражает сифилисом по десять — пятнадцать «двуногих подлецов» (Куприн, 1958).

А. П. Чехов начинал свою деятельность как очеркист-документалист, предприняв поездку на остров Сахалин. Результатом явилось научно-публицистическое, по существу, исследование (Чехов, 1987). Писатель совершил подворный обход сыльных поселенцев (в его архиве находится 10000 карточек, на которые занесены ответы на поставленные автором вопросы). Выслушав исповедальные речи закоренелых преступников, в том числе каторжан, прикованных к тачкам, Чехов пришел к печальному выводу: тюрьмы и ссылки не дают практически ничего для исправления преступников. Что касается характера криминальных деяний сахалинских каторжан, то большинство из них, по мнению писателя, носит случайный, ситуативный характер, а не обусловлено их врожденными, порочными наклонностями.

Примечательно, что Чехов уделяет определенное внимание гендерной психологии каторжан и сыльных. Он отмечает, что женщины-преступницы на острове имеют особый социальный статус. Волей государственных установлений они становились сожительницами бывших каторжан, вышедших на поселение, для ведения совместного крестьянского хозяйства, а также, по существу, наложницами у представителей нижней администрации — надзирателей, писарей, солдат и т. д.

Другим открывателем «сахалинского ада» стал писатель и репортер В. М. Дорошевич. Если Чехов оказался на Сахалине с разрешения властей, то Влас Михайлович устроил сам себе почти годовую командировку на остров. Результатом этой поездки явилась большая книга очерков о быте, нравах арестантов. В художественно-документальных зарисовках автора психологически верно отображены характеры людей с изломанными жизненными обстоятельствами судьбами (Дорошевич, 2001). Перед читателями проходит целая плеяда закоренелых преступников: убийц, промышлявших разбоем и получивших приговор на бессрочную каторгу; «людоедов» — беглых каторжников, во время побега питав-

шихся плотью своих товарищей. Дорошевич описывает различные типы каторжного мира: это «Иваны» и «Иваны-непомнящие». Первые — это «аристократы» каторги, долгосрочные или бессрочные арестанты, которым нечего терять, лихачи, «отчаянные башки», головорезы. Эти закоренелые преступники «держат в страхе и трепете всю остальную забитую каторгу, называемую ими презрительно «шпанкой», «Иванами-непомнящими». Последние — простые бродяги, бедолаги.

Знатком мира отверженных зарекомендовал себя и В. Г. Короленко, у которого за плечами было 8 лет тюрем и ссылок. Он обратил внимание на сибирских бродяг — «чалдонов». Их миропонимание и противоправные поступки соответствовали хронотопу сибирских просторов с медленным течением времени и контрастировали с «хронотопом тюрьмы», «где замкнутое пространство с остановившемся временем окрашено в отрицательные эмоционально-ценностные тона» (Макарова, 2007). Образ кочевника-бродяги представлен в «Сибирских рассказах», таких как «Убивец», «Сон Макара», «Соколинец», «Федор бесприютный», «Черкес», «Марусина заимка». Итогом жизненных размышлений и наблюдений писателя явилась автобиографическая эпопея «История моего современника», в которой большое место отведено его личному опыту арестанта и ссыльного.

Он описал картину пребывания в девяти тюрьмах (Ярославской тюрьме, Спасской части и Литовском замке в Петербурге, Басманной части в Москве, Вышневолоцкой тюрьме, Томской, Тобольской, Красноярской и Иркутской тюрьмах) и пяти ссылках (в Кронштадте, Глазове, Березовских Починках, Перми, слободе Амче в Якутии).

Если Короленко психологически точно раскрыл сибирский тип бродяг, то М. Горький и В. А. Гиляровский воспроизвели ментальные особенности городских босяков центральной и волжской части России. Горький, в молодые годы много путешествующий по Руси, отобразил свои наблюдения о босяках в рассказах «Челкаш», «Емельян Пиляй», «Дед Архип и Ленька», в пьесе «На дне».

Сюжет рассказа «Челкаш» был подсказан писателю одним босяком, с которым он лежал в больнице в г. Николаеве. Горький оказался там, столкнувшись с дикими нравами улицы. Он заступился за женщину, которую зверски избивал муж. Толпа наблюдала за этой сценой с гоготом и каким-то сладострастием. А мужики заступника Горького избили до полусмерти. Спас писателя случайно проезжавший человек.

В рассказе «Челкаш» Горький сталкивает два характера, две жизненные философии. На одном полюсе — «старый травленный волк ... заядлый пьяница и ловкий смелый вор», Гришка Челкаш, презирающей корыстных и алчных людей. На другом полюсе — крестьянин Гаврила, верный своей рабской психологии, ослепленный дармовыми деньгами, готовый ради них пойти на убийство.

Превосходным знатком и бытописателем старой Москвы, населенной в избытке трущобными людьми — пьяницами, беглыми каторжанами, проститутками, являлся В. А. Гиляровский. Его произведения «Москва и москвичи» (Гиляровский, 2004), «Трущобные люди» (Гиляровский, 1984) написаны в жанре повседневности, воскрешают нравы, обычаи бродяг, нищих, босяков, короче, «бывших людей» большого города.

Заключение

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что XIX в. явился тем временем, когда происходило формирование криминальной субкультуры в царской России. Именно тогда происходило становление тюремной системы, включающей свод законоположений и сети исправительных учреждений, началась разработка тюремоведения. В рамках этой комплексной дисциплины формировались ее важнейшие составляющие — криминальная психология и криминальная патопсихология, решавшие задачи выявления причин преступных деяний, мотивов и целей совершения преступлений.

Как показало изучение первоисточников, в российской судебной психологии во второй половине XIX в. была преодолена однобокость биологических, антропологических концепций (труды С. В. Познышева, П. И. Ковалевского и др.), наметилось стремление связать антропологию с психологическими характеристиками личности преступника.

Другой важнейший источник для изучения криминального менталитета — это труды русских писателей и публицистов. Их художественно-творческое восприятие, интуитивное проникновение во внутренний мир человека позволяли взглянуть на преступника как на противоречивую личность, «падшего ангела», сохранившего человеческие черты в экстремальных условиях.

Литература

- Гиляровский В. А.* Трущобные люди: Рассказы и очерки. М., 1984.
- Гиляровский В. А.* Москва и москвичи. СПб., 2004.
- Дорошевич В. М.* Сахалин. Каторга. Кн. 3: «Сахалинское Монте-Карло». М., 2001.
- Куприн А. И.* Яма // *Куприн А. И.* Собр. соч. М., 1958. Т. 5.
- Ломброзо Ч.* Преступление. М., 1994.
- Ломброзо Ч.* Женщина — преступница или проститутка / Пер. Г. И. Гордон. М., 2012.
- Ломброзо Ч.* Человек преступный. М., 2015.
- Макарова Е. А.* Типология героя и «светоцветовое» видение мира в «Сибирских рассказах и очерках» В. Г. Короленко // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 37–44.
- О психиатрической патографии в отечественной научной литературе (на примере болезни В. Х. Кандинского). 2016. URL: <http://varles.ru /index.html?http://varles.ru/lekzii1/444.html> (дата обращения: 06.02.2016).
- Опульская Л. Д., Коган Г. В., Фридендер Г. М.* Примечания // Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 15 т. Преступление и наказание Л., 1989.
- Петрюк П. Т.* Профессор Павел Иванович Ковалевский — выдающийся отечественный ученый, психиатр, психолог, публицист, бывший сабурянин (К 160-летию со дня рождения) // Психічне здоров'я. 2009. № 3. С. 77–87.
- Познышев С. В.* Криминальная психология, преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности. М., 2007.
- Полонский И.* Криминализация России. В чем суть влияния на общество криминальной контркультуры? URL: <http://www.riasyu.ru/entry/181184> (дата обращения: 22.06.2016).

Самодуров В. Тюрьма для чайников: Практическое пособие по выживанию в российской тюрьме // Аргументы недели. 2007. № 50.

Толстой Л. Н. Воскресение. Кишинев, 1977.

Чехов А. П. Остров Сахалин (из путевых заметок) // Чехов А. П. Полн. собр. соч. В 18 т. М., 1987. Т. 14—15.

Психологический портрет меланхолика в художественном творчестве Ги де Мопассана (по новелле «Господин Паран»)

Е. С. Минькова (Нижний Новгород), М. И. Борискова (Арзамас)

Постановка проблемы

Имя Ги де Мопассана (1850—1893) занимает достойное место среди плеяды блестящих мастеров художественного творчества конца XIX столетия.

О литературном творчестве Мопассана написано достаточно много работ (Ю. И. Данилин, Н. Н. Куроедова и др.), однако в современной научной литературе за малым исключением (И. И. Гливенко, К. Леонгард) отсутствует глубокий психологический анализ построения писателем художественных образов его героев.

Современник Мопассана психиатр И. А. Сикорский писал: «Писатели, одаренные Божьей искрой, всегда были историческими диагностами, которые распознают добро и зло, здоровье и болезнь общественной души. Для психиатра художественная литература составляет истинную настольную книгу его профессии» (Сикорский, 1905, с. 609). Герои французского реалиста могут выступать яркой иллюстрацией для психолога, изучающего проблемы акцентуированных личностей. Во Франции именно Мопассан открыл психологическое направление в западноевропейском романе конца XIX и начала XX столетия.

Психологический анализ героя новеллы Мопассана «Господин Паран»

Предметом нашего исследования является рассмотрение психологического портрета главного героя новеллы Мопассана «Господин Паран» (1886) Анри Парана.

Один из исследователей литературного творчества Мопассана писал о том, что он обладал удивительным умением улавливать внутренний драматизм будней жизни (Раскин, 1964). Как и у героев А. П. Чехова, его персонажи просто «обедают, пьют чай, а в это время рушатся их судьбы». Вот и главный герой его новеллы, Анри Паран, «человек лет сорока», который «уже поседел и начинал полнеть», живет обыденной жизнью среднего французского буржуа, не представляющей, на первый взгляд, ничего исключительного.

Автор не посчитал нужным описывать подробно внешность героя; портрет его героя ясен и лаконичен, лишен деталей. Гораздо больше внимания Мопассан уделил описанию внутреннего мира Парана. У читателя новеллы с первой страницы возникает противоречивое отношение к данному персонажу: с одной стороны, он вызывает жалость, с другой — отвращение.

Жизнь Анри Парана подчинена одной цели — воспитанию своего единственного сына. Эту направленность героя автор показывает в самом начале новеллы: его жизнь — это его сын Жорж, которого он безмерно любит.

Мопассан наделяет своего героя ярко выраженными чертами акцентуированной личности. Анри Парана отличают боязливое и тревожное отношение к любым событиям. Также автор отмечает мнительность, обеспокоенность героя: за каждым углом Анри видит опасность, что характерно для людей тревожно-боязливого типа. Анри Паран — меланхолик со слабым, неуравновешенным типом нервной системы. Положительные черты его характера — доброжелательность, мягкость, человечность; отрицательные — мнительность, ранимость, замкнутость, повышенная тревожность.

Известно, что писатель проявлял большой интерес к психологии и психиатрии. Связано это было с тем, что его мать всю жизнь мучилась неврозами, а младший брат, по профессии врач, умер в лечебнице для душевнобольных. Зная о плохой наследственности, Мопассан посещал даже лекции Шарко в Салпетриере, посвященные нервным болезням. Писатель не понаслышке знал страдания, которые испытывают больные. В письме к неизвестному, датированном 1877 г., он делился мыслями о том, как у него рождаются образы героев его произведений: «Все виденное проходит через восприятие писателя и принимает в зависимости от творческой способности его духа особенный цвет, форму, протяженность, дает свои логические следствия» (Переписка Мопассан, письмо 33). И далее там же писатель признается: «Я люблю широту неожиданных горизонтов, открывающихся порой перед меланхоликами, равно как искреннюю, жгучую и зачастую ограниченную страсть чувственных людей. Зачем ограничивать себя? Натурализм так же узок, как и фантастика...» (там же).

Паран — человек, не уверенный в себе, живущий с чувством постоянного страха перед своей юной женой. Она, казалось бы, должна следовать за своим более зрелым мужем, но читатель видит обратное: как только Паран старается подстроиться под свою жену, сразу в ответ получает упреки и оскорбления. И самое страшное заключается в том, что он привык к такой форме семейных отношений.

Главный герой постоянно испытывает тревогу, боится сделать что-то не так. После того как няня его сына, Жюли, рассказала ему о том, что его жена с первых дней замужества «грешит» с его другом Лимузенном, замуж вышла только из-за денег и что любимый Жорж вовсе не его сын, Паран приходит в ярость и даже выгоняет няню из дома. Но значит ли это, что он ей не поверил? Нет, его одолевают сомнения, он гонит от себя эти мысли, но все же у него возникает решение проверить достоверность полученной информации. Убедившись в измене жены, Паран испытывает состояние злобного бешенства. Как пишет Леонгард, «в этом случае мы имеем дело с острым проявлением долго тормозившегося аффекта, который созрел постепенно» (Леонгард, 1997, с. 304).

Мопассан блестяще передает противоречивость черт характера Анри Парана: его герой долго не решается, как ему поступить с женой; сомнения и нерешительность — типичные черты человека с ярко выраженной педантичной акцентуацией характера. Вместе с тем в конце произведения, когда Паран все же совершает попытку «отомстить», видно, что даже спустя двадцать лет он по-прежнему зол на тех, кто причинил ему тяжелые страдания. В этом проявляются черты застревающего характера: люди, принадлежащие к такому типу личности, долго задерживают свои чувства (гнев, ярость, страх) и так же долго и ярко переживают свои поражения.

Во второй части произведения Анри Паран — это спившийся и опустившийся одинокий человек, обвиняющий в своих несчастьях трех людей: Анриетту, Лимузена и даже ранее горячо любимого Жоржа. Одиночество — один из главных лейтмотивов произведений Мопассана. По-видимому, связано это с внутренним ощущением самого писателя, который в одном из писем называл свою жизнь «тяжелой штукой». Как и его герой, писатель признавался другу Флоберу: «Я живу в совершенном одиночестве, так как люди наводят на меня скуку, а сам я скучаю, так как не могу работать. Я нахожу свои мысли заурядными и однообразными, а мозг у меня настолько устал, что я не могу даже выразить их» (Переписка Мопассана, письмо 59).

Таким образом, Анри Паран Мопассана — противоречивый герой с ярко выраженной гаммой амбивалентных чувств. Он добрый, но в то же время злопамятный. Его нельзя назвать безвольным или подкаблучником: если бы он был им в полной мере, он бы продолжил «все не замечать» и закрывать на все глаза. Но он проявил решительность, убедился в обоснованности своих подозрений. А что случилось дальше? Узнав обо всем, он не понимает, как ему дальше с этим жить. И он нашел свое успокоение в пивной лавке, не собираясь ничего менять. Многое в нем остается загадкой: в чем-то он проявлял решительность, а в чем-то, напротив, — боязливость, отказавшись от сына Жоржа, в котором раньше видел смысл своей жизни. Получается, что Парану было легче принять мысль, что Жорж — это сын Лимузена, и спокойно просиживать жизнь в пивной лавке, вина всех в своих бедах, нежели воспитывать сына. Но разве не тот истинный отец, кто воспитал?

До самого конца новеллы читатель надеется на обретение Параном жизненного благополучия: может быть, ему встретится любящая женщина, с которой он найдет свое семейное счастье, может быть, старая нянька Жюли вернется, чтобы помочь ему преодолеть все печали жизни... Но это лишь надежды читателя. Автор же решает оставить некую недосказанность, но в ней и так все предельно ясно.

Новелла Мопассана «Господин Паран» является одной из вариаций на тему о том, как драматично, жестоко и несправедливо складывается жизнь человека, сколь бесплодными оказываются его усилия изменить сложившуюся трудную жизненную ситуацию, в которой он оказался. Внутреннее ощущение главным героем никчемности и пустоты близко самому художнику. Скептицизм Мопассана связан с эпохой безвременья, с которой совпала жизнь писателя. «Политика мешает мне работать, выходить, думать, писать. Я подобен флегматику, ставшему пылким сангвиником, и пацифисту, ставшему кровопийцей. Париж живет в ужасной лихорадке. Эта лихорадка обуяла и меня: все остановилось, замерло, как перед крушением; я перестал смеяться и всерьез рассвирепел», — писал Мопассан Флоберу (Переписка Мопассана, письмо 49).

На момент публикации новеллы Мопассану остается прожить недолгие 7 лет, из которых последние два года он провел в лечебнице для психических больных в состоянии измененного сознания. С 1891 г. писатель уже не напишет ни строчки. Ги де Мопассан умер в 1893 г. от паралича мозга.

Литература

- Гливенко И. И.* Мопассан и Чехов (сравнительный этюд). Киев, 1904.
- Данилин Ю. И.* Жизнь и творчество Мопассана. М., 1968.
- Де Мопассан Ги.* Господин Паран // Ги де Мопассан. Полн. собр. соч. В 12 т. М., 1958. Т. 6.
- Куроедова Н. Н.* Ги де Мопассан и Иван Сергеевич Тургенев: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1952.
- Леонгард К.* Акцентуированные личности. Ростов н/Д., 1997.
- Переписка Мопассана. URL: http://mopassan.krossw.ru/pisma/Pismo_Gi_de_Mopassana_№33_Neizvestnomu.html.
- Переписка Мопассана. URL: http://mopassan.krossw.ru/pisma/Pismo_Gi_de_Mopassana_№49_Neizvestnomu.html.
- Переписка Мопассана. URL: http://mopassan.krossw.ru/pisma/Pismo_Gi_de_Mopassana_№59_Neizvestnomu.html.
- Раскин Б.* Ги де Мопассан (1850–1893), его университеты / Писатели Франции: Сборник статей / Сост. Е. Эткин. М., 1964. С. 145–156.
- Сикорский И. А.* Психологические основы воспитания // Вопросы нервно-психической медицины. 1905. № 4. С. 608–622.
- Тассар Ф.* Записки о Ги де Мопассане его слуги Франсуа. СПб., 1912. Т. 1.

Характеристика мировоззрения и психологии русского народа в трудах С. Л. Франка

И. В. Новочихина (Москва)

В последнее время в науке возрастает интерес к изучению национальных традиций, ценностей, установок русского народа. На фоне глобализационных процессов, с одной стороны, и кардинальных перемен в социально-политической и экономической жизни России в последние десятилетия – с другой, изучение русского менталитета становится все более актуальным. Без выявления и учета особенностей мировоззрения народа, системы его ценностей, убеждений, отношения к разным событиям и явлениям действительности невозможно успешное реформирование общества и государства, ибо укореняются, становятся жизнеспособными лишь те инновации, которые соответствуют «духу народа», закрепленным в его многовековой истории представлениям о справедливом и правильном мироустройстве.

Особое место в истории изучения специфики русского менталитета занимает исторический период конца XIX—начала XX в., типологическая близость которого к современной эпохе глобальных изменений несомненна. Большой вклад в изучение этой проблемы внес один из наиболее ярких исследователей культуры и психологии русского народа, выдающийся русский философ и религиозный мыслитель Семен Людвигович Франк (1877—1950).

Хотя в течение жизни Франка его мировоззрение менялось довольно значительно, однако эта динамика носила эволюционный характер — для него не характерна кардинальная перемена убеждений. По этой причине, подводя итоги исследования особенностей русского мировоззрения и психологии русского народа в зрелый период своего творчества, Франк опирается на ранее разработанные им методологию и философскую концепцию.

В ранний период творчества Франк рассматривает отрицательные формы реализации русского мировоззрения в контексте размышлений о нигилизме и революции 1917 г. В поздний период он обращается к его положительной составляющей.

В работе «Этика нигилизма» (1909) С. Л. Франк отмечает такие характерные черты умонастроения интеллигенции, как абсолютизация абстрактной морали в сочетании со «страстной преданностью излюбленной идее» и стремлением к абсолютному и всеобщему благу (Франк, 1991а, с. 90).

Цель ее нравственных усилий — «счастье народа, и эта цель может быть осуществлена, и притом в абсолютной и вечной форме», — писал Франк (там же, с. 93). Непризнание и отрицание высших абсолютных объективных ценностей, принесение их в жертву субъективным интересам «ближнего», пусть даже коллективного — народа, по оценке Франка, превращает морализм русской интеллигенции в нигилизм. Фанатически приверженная идее служения народу, обеспечения его блага, понимаемого как удовлетворение его материальных потребностей, интеллигенция, по сути, предстает как сила, враждебная культуре, ориентирующаяся не на духовные ценности, а на материальные, не на творческое созидание нового, а на разрушение и перераспределение уже существующего.

В статье «De profundis» (1918), отмечая «связь совершившегося в 1917 г. с самим существом русского общественного сознания» (Франк, 1991б, с. 480), ученый пишет о парадоксальном сходстве нравственного облика представителей радикально настроенной и консервативной частей русского общества: «Самый замечательный и трагический факт современной русской политической жизни, указующий на очень глубокую и общую черту нашей национальной души, состоит во внутреннем сродстве нравственного облика типичного русского консерватора и революционера» (там же, с. 482). Это сходство Франк видит, прежде всего, в непонимании подлинных духовных основ человеческого общежития, приверженности механическим мерам внешнего принуждения в воздействии на общество и «сочетании ненависти к живым людям с романтической идеализацией отвлеченных политических форм и партий» (там же, с. 485).

Сопоставляя историческое развитие западноевропейских стран, также прошедших через горнило революционных потрясений (прежде всего, Франции и Англии), с русской историей, Франк приходит к выводу о своеобразии проявления в России исторических процессов — резкая поляризация политических сил и острота их противостояния: «...у нас религиозно-психологически невозможны

промежуточные тенденции, на которых уже давно зиждется западноевропейская жизнь, — ни реформация, ни либерализм, ни гуманизм, ни безрелигиозный национализм, ни демократизм» (Франк, 1996а, с. 118).

Итоги своих многолетних наблюдений С.Л. Франк подводит в серии работ о русской философии, а также в статье «Русское мировоззрение» (Франк, 1996б). Определяя предмет своего исследования, ученый отмечает, что национальное мировоззрение нельзя рассматривать ни как механическую совокупность отдельных мировоззрений, ни как некое национальное учение. По его мнению, речь может идти только о «духовных тенденциях и ведущих направлениях», т. е. об интуитивно познаваемой «сути национального духа». Научную обоснованность обеспечивает обращение к объективным проявлениям национального духа в научном и художественном творчестве, т. е., как сформулировал сам Франк, «преимущественно в идеях и философиях, объективно и ощутимо для всех содержащихся в воззрениях и учениях русских мыслителей» (там же, с. 162).

В качестве таких ключевых идей ученый выделяет:

- играющее ключевую роль понятие «правда», объединяющее гносеологический и аксиологический аспекты, т. е. выражающее стремление к синтезу абсолютной истины и абсолютного добра¹ (Франк, 1996б, с. 171–172);
- противопоставление индивидуализму и рационализму Запада «идеи целостной духовно-общественной культуры» христианского Востока, (Франк, 1996г, с. 648);
- имеющее основополагающее значение понятие «соборность» (Франк, 1996б, с. 180–181).

К числу особенностей русского философского мышления Франк относит:

- 1) синтез интуитивного и рационального подходов к познанию мира: «Неприятие всякого рода туманного иррационализма и восторженности является даже особенностью русского духа. Но, с другой стороны, ему совсем не свойственно постижение истины в логических связях и благообразной систематичности» (Франк, 1996д, с. 149);
- 2) особую литературно-художественную форму творческого развития философии (Франк, 1996в, с. 206);
- 3) ценностно-личностное отношение к познанию: «Русское философское мышление в своей типично-национальной форме никогда не было „чистым познанием“, бесстрастным теоретическим пониманием мира, а всегда было выражением религиозного поиска святости» (там же, с. 207).
- 4) особый национальный критерий истины — «живая жизнь», опыт, но не как чувственная очевидность, а как «жизненно-интуитивное постижение бытия в сочувствии и переживании» (Франк, 1996д, с. 158); «русский дух решительно эмпиричен: критерий истины для него — всегда, в конечном счете, опыт» (Франк, 1996б, с. 164);
- 5) нравственные основания русского мировоззрения: «...главным содержанием русского философского мышления является религиозная этика» (Франк, 1996д, с. 151).

1 В анализе этого понятия Франк опирается на свою раннюю работу «Предмет знания».

Подытоживая свое описание сущности русского мировоззрения, С. Л. Франк приходит к выводу о том, что в русском национальном восприятии «психология, с одной стороны, переходит в религиозную онтологию, а с другой — в религиозную социальную науку и социальную этику» и в конечном итоге превращается в религиозную пневматологию. «Излюбленная тема русских размышлений — человек как звено во всеобщей богочеловеческой связи», — считает ученый (Франк, 1996д, с. 160).

Обращаясь непосредственно к вопросам психологии русского народа, С. Л. Франк отмечает, что она коренным образом отличается от психологии европейцев, которая «рассматривает душевное снаружи, со стороны явления в чувственно-предметном мире» (Франк, 1996б, с. 183). Русская психология — «совершенно иная психология», потому что анализирует душевную жизнь «по направлению изнутри вовне — именно так, как душевное переживание являет себя не холодному и постороннему наблюдателю, а самому себе, переживающему „Я“» (там же, с. 191). Благодаря такому подходу *человек оказывается центром русского мировоззрения*. Он воспринимается как «нечто неизмеримо большее и качественно иное, чем маленький осколок мира», — в качестве микрокосма, «таинственного мира колоссальных потенциально бесконечных сил». По мнению Франка, именно такое представление о человеке является «принципиальной позицией русского духа в области душевного» (там же, с. 186).

Второй важнейшей особенностью русской национальной психологии ученый считает творческое устремление к «глубочайшим онтологическим истокам жизни души» (там же, с. 188).

Это стремление реализуется через третье неотъемлемое свойство русского духа — *тотальную религиозность*. «Русский дух... не знает ценностей, помимо религиозных, стремится только к святости, к религиозному преображению» (там же, с. 189). Именно этим обусловлена недифференцированность различных культурных сфер — морали, науки, искусства, права, национальности и т. п. Любые культурные составляющие обретают значение лишь в контексте их отношения к абсолютной истине и абсолютному спасению. «В этом состоит принципиальный радикализм русского духа» (там же, с. 190).

Так же как и другие русские мыслители (Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, Ф. М. Достоевский и др.), Франк указывает на *антиномичность и противоречивость русской души*: «Русский человек либо имеет в своей душе истинный „страх Божий“, подлинную религиозную просветленность, и тогда являет черты благодати и величия, изумляющие мир, либо же есть чистый нигилист, который уже не только теоретически, но и практически ни во что не верит и которому все позволено» (Франк, 1996а, с. 120).

На поздних этапах своей творческой деятельности С. Л. Франк обращается к религиозному аспекту человеческой природы, фактически разрабатывая новое философское направление — религиозную антропологию (Франк, 1996д, с. 159).

Литература

Франк С. Л. Этика нигилизма // Франк С. Л. Сочинения / Под ред. Н. В. Россиной. М., 1991а. С. 77–113.

- Франк С.Л. De profundis // Вехи. 5 / Сост. и подг. текста А.А. Яковлева. М., 1991б. С. 478–499.
- Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996а. С. 112–130.
- Франк С.Л. Русское мировоззрение // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996б. С. 161–195.
- Франк С.Л. Русская философия, ее характерная особенность и задача // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996в. С. 205–210.
- Франк С.Л. Русская философия конца XIX и начала XX века // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996г. С. 645–656.
- Франк С.Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996д. С. 149–160.

Восприятие современными студентами исторических памятников (на примере архитектурных сооружений прошлого)

Г. В. Семенова, А. Е. Васильев (Санкт-Петербург)

Актуальность исследования

В последнее двадцатилетие исследования, выполненные на стыке двух предметных областей — истории и психологии, дают возможность выявить важные закономерности формирования, развития и существования человека, отдельных социальных групп и общества в целом. Такие исследования позволяют лучше понять психологию «человека на войне», в том числе комбатанта (Сенявская, 1999), осмыслить поведение «посттравматика» (Бейкер, Гиппенрейтер, 1995; Гулина, Гулин, 2016), раскрыть закономерности функционирования многопоколенных семей (Шутценбергер, 2005). Большинство этих исследований направлено на выявление в исторической транспективе тех сложных, драматичных, травмирующих факторов, которые оказывают влияние на человека в настоящем.

В связи с этим возникает вопрос: если в истории общества, страны, семейного рода есть события такого деструктивного плана, то нет ли там и конструктивных ресурсов, которые могут выступать в виде «поддерживающих» факторов? Размышляя над этим вопросом, необходимо признать, что культура дает большее число образцов, которые могут выполнять функцию опоры и поддержки. Безусловно, радостные события прошлого так или иначе отпечатываются в коллективном бессознательном и благотворно действуют на потомков. Так, например, М. И. Воловиковой, С. В. Тихомировой и А. М. Борисовой (2003) показано, что среди пожилых русских москвичей ($n = 37$) праздник День Победы, отмечаемый ежегодно 9 мая, большая часть опрошенных считает даже более радостным

и значимым, чем Новый год. Однако такие события, окрашенные положительно-ми эмоциональными переживаниями, постепенно вытесняются из памяти потомков тех людей, которые были их очевидцами и непосредственными участниками.

Вероятно, именно для сохранения памяти о тех или иных временах и людях значимые события в истории человечества имеют тенденцию материализоваться в культурных памятниках, в частности в архитектурных сооружениях.

Теоретико-методологические основания исследования

Субъектно-средовой подход (Нартова-Бочавер, 2008) позволяет считать, что каждый исторический период породил не только своих героев, но и свои памятники — материализованные переживания, отражающие события конкретной эпохи, ее ценности и уникальность. Представители экологического направления в психологии также отмечают, что материализованные культурно-исторические памятники зачастую символизируют положительные коллективные переживания, что обуславливает позитивный эмоциональный эффект при их восприятии нашими современниками (Панов, 2004; Филин, 2001). Яркими примерами таких благотворно влияющих архитектурных сооружений авторы экологического направления считают здания старинных церквей.

Х. Э. Штейнбах и В. И. Еленский (2004) рассматривают понятие жизненного пространства преимущественно как внешнюю среду, которая создается человеком, а затем оказывает серьезное влияние на его личность. В качестве примера авторы приводят архитектурный кризис 60-х годов XX в.: появление в городах «спальных» районов — бетонных, унифицированных, построенных машинами, что привело к немотивированным всплескам агрессии и вандализма у жителей этих районов. Примечательно, что в результате архитектурной доработки зданий и придания постройкам определенной оригинальности хулиганские выходы в таких районах прекратились.

Е. Ю. Коржова рассматривает «фрагменты среды» как внешние объективные обстоятельства жизнедеятельности, «с которыми происходит непосредственный контакт человека», как элементы жизненной ситуации личности (Коржова, 2001, с. 41). При этом она обращает внимание на то, что рассмотрение ситуации неизбежно ставит проблему человека в психологии: ведь именно личность наполняет ситуацию психологическим содержанием и смыслом. То, как человек воспринимает, понимает ситуацию, как себя в ней ведет, определяет психологический смысл ситуации и среды.

Для описания воздействия среды и ее психологических факторов на человека К. Левин ввел понятие поля. Психологическое поле не является физической, объективной реальностью, а существует феноменологически. Физический и психологический миры не изолированы, а находятся в едином пространстве. Субъект и его окружение неотделимы друг от друга и включены в «жизненное пространство» индивида. Поведение человека предсказуемо, так как оно во многом обусловлено именно этим жизненным пространством. Позже в понятие психологического поля в работах К. Левина включается понятие «жизненное пространство». Жизненное пространство — это среда и личность в их взаимоотношениях (Зейгарник, 1981; Левин, 2001а, б).

Таким образом, теоретико-методологическими основаниями данного исследования стали:

- 1) исследования зрительного восприятия в рамках экологической психологии (В. И. Панов) и видеоэкологии (В. А. Филин);
- 2) субъектно-средовой подход (С. К. Нартова-Бочавер);
- 3) ситуационный подход и теории жизненного пространства в психологии (К. Левин, Л. Ф. Бурлачук и Е. Ю. Коржова, Х. Э. Штейнбах и В. И. Еленский).

Эмпирическое исследование

Целью проведенного исследования было изучение особенностей восприятия студентами исторических памятников.

Объектом исследования выступали процессы восприятия и отношения личности; *предметом* – восприятие исторических памятников (архитектурных сооружений) и эмоционально-оценочное отношение к ним у студентов вуза.

Обоснование выбора конкретных архитектурных сооружений

Рассматривались следующие архитектурные сооружения прошлого: (1) пирамида Хеопса; (2) Колизей; (3) мавзолей Теодориха; (4) церковь Покрова на Нерли; (5) церковь Преображения Господня в Кижих; (6) Искупительный храм Святого Семейства Саграда Фамилия.

Выбор исторических памятников проводился по следующим критериям: необходимо было отобрать как отечественные, так и зарубежные сооружения; как культовые, так и светские; как древние, так и современные; выполненные из разных материалов, в разных стилях с использованием различных технологий; находящиеся в различных географических зонах. Памятники также должны были отличаться уникальностью и создаваться, в том числе, с целью оказания психологического воздействия на современников (т. е. нести определенный смысл).

Пирамида Хеопса (Хуфу), или Великая пирамида Гизы (Древний мир, Древнее царство Древнего Египта, территория современного Египта), – самая крупная из египетских пирамид, предназначавшаяся для погребения фараона Хеопса. Почти четыре тысячи лет (до сооружения кафедрального собора в Линкольне, Англия, около 1300 г.) эта пирамида являлась самой высокой постройкой на Земле. Ее высота составляла первоначально свыше 146 метров; сейчас высота пирамиды составляет около 139 м. При постройке пирамиды было использовано свыше 2300000 каменных блоков, некоторые весом более 30 тонн. Данное архитектурное сооружение было выбрано в связи с тем, что является единственным «чудом света», сохранившимся до наших дней. Это уникальная по сложности создания, крупная, высокая постройка; кроме того, во времена 4-й династии Древнее Царство достигает своего наивысшего расцвета, что отражается в масштабности этого сооружения (Всеобщая история искусств, 1956; Васильев, 1998). Таким образом, сооружение пирамиды – это демонстрация мощи государства (силы его психологического воздействия на массы). Историки отмечают сложность создания такой постройки и ее безусловную уникальность.

Колизей (от лат. «colosseus» — громадный, колоссальный), или амфитеатр Флавиев (Древний мир, Римская империя, территория современной Италии — между Эсквилинским, Палатинским и Целиевским холмами), — одно из самых грандиозных сооружений Римской империи. Он строился в период 72–80 гг. при императорах Веспасиане и Тите из травертина, вулканического туфа и бетона; здание рассчитано на 50 тыс. человек. Это самый большой античный амфитеатр: длина наружного эллипса равняется 524 м, длина, высота стен — от 48,5 м. С момента открытия и до начала VI в. на арене Колизея проходили гладиаторские бои, морские сражения (для этого арена заполнялась водой) и звериные травли — каждому времени свойственны свои развлечения. Со второй половины VI в. Колизей приходит в упадок, а с XIV в. его используют как источник строительного материала. Сейчас в Колизее ведутся обширные реставрационные работы (Колпинский, Бритова, 1982; Словарь античности, 1989). При выборе этого объекта для восприятия мы руководствовались тем, что Колизей был построен после завершения смуты, начавшейся после смерти императора Нерона, т. е. это сооружение демонстрирует возвращение времен порядка и стабильности. Изначально же он был предназначен для гладиаторских боев и отражал характерный для того времени культ красивой смерти на арене. Серьезное воздействие гладиаторских игр на зрителей было способом демонстрации единства власти и народа. Здесь также обнаруживается психологическое влияние на людей и уникальное предназначение архитектурного сооружения (смерть на арене, публичность смерти и даже ее желательность в случае проигрыша).

Мавзолей Теодориха (время строительства — 520 г., раннее Средневековье, Королевство остготов, территория современной Италии) — гробница остготского короля Теодориха. Мавзолей создан после падения Западной Римской империи на ее территории. Единственный сохранившийся образец остготской архитектуры. Характерной чертой этого сооружения является наличие 300-тонного купола, венчающего его. Интересно то, что купол не является таковым в полном смысле этого слова: он был вытесан из каменного монолита, получив в итоге некую «куполообразную» форму. Диаметр купола — 10,5 м. Столь сложный подход объясняется, скорее всего, отсутствием у остготов необходимых строительных навыков. Мавзолей является явным подражанием римским образцам (Всеобщая история искусств, 1960; Словарь Античности, 1989). Сооружение гробницы связано с демонстрацией силы власти, преемственности. Этот исторический памятник также отличает уникальность и целевое назначение — психологическое воздействие на массы.

Церковь Покрова на Нерли (Средневековье; эпоха феодальной раздробленности на Руси, домонгольский период. Находится на территории современной России во Владимирской области недалеко от Боголюбова) — русский белокаменный храм домонгольского периода крестово-купольного типа, четырехстолпный трехапсидный, одноглавый. Церковь создана в период формирования нового политического центра Русских земель — Владимиро-Суздальского княжества, является выдающимся памятником архитектуры владимиристо-суздальской школы. Время строительства — 1166 г. Инициатором строительства выступил князь Андрей Боголюбский. Изначально к храму с трех сторон примыкали галереи, которые впоследствии были утрачены. Уникально расположение церкви. Она стоит

при впадении р. Нерли в Клязьму, поэтому корабли, двигавшиеся по Клязьме, поворачивали здесь к княжеской резиденции. Таким образом, церковь являлась как бы выдвинутой вперед частью грандиозного архитектурного ансамбля. Многие исследователи считают церковь Покрова на Нерли самым красивым русским храмом (Раппопорт, 1986; Колпакова, 2007). В нашем исследовании изображение церкви использовалось по причине ее уникального расположения (у слияния двух рек, на рукотворном холме), а также в связи с целью постройки и оказываемым ею сильным психологическим воздействием (на народ, гостей Владимира, окрестные земли).

Церковь Преображения Господня (построена в 1714 г., Новое время, эпоха Петра Великого; находится на территории современной России, на острове Кижь Онежского озера) — многоглавая (22 главы) деревянная церковь, самое известное и выдающееся сооружение архитектурного ансамбля в Кижях, уникальный памятник русского деревянного зодчества. Основой церкви является восьмигранный сруб — «восьмерик» с четырьмя приделами, увенчанный шестью ярусами декоративных глав, которые восходят к центральному куполу. Форма и размеры глав меняются по ярусам. Это придает облику церкви неповторимый ритмический рисунок. Высота храма составляет 37 м. В настоящее время проводится реставрация. Следует отметить, что постройка создана на переломе эпох (реформы Петра Великого, Северная война). Несмотря на то, что в это время усилилось влияние западной культуры, церковь выполнена в традициях русского деревянного зодчества — с ориентацией на старину, на старый уклад (Лисаевич, Дружников, 1966; Емохонова, 1998). В нашем исследовании изображение этого архитектурного сооружения использовалось в связи с особенностью материала (дерево) и способа строительства, оказываемым психологическим влиянием (в свое время для северных областей, не избалованных крупными храмами, церковь представлялась чем-то невероятным, была центром притяжения для верующих).

Искупительный храм Святого Семейства Саграда Фамилия (начало строительства — с 1882 г., строительство продолжается по настоящее время; находится на территории современной Испании, в Барселоне, в районе Эшампле) — знаменитый проект архитектора Антонио Гауди, строится исключительно на частные пожертвования. Пятинефная церковь спланирована в форме латинского креста. В ней нет ни одного прямого угла. Конструкция незаметно переходит в скульптурное изображение, а затем — в мозаику или живопись. Предполагается, что строительные работы будут закончены не ранее 2026 г. (Емохонова, 1998; Роу, 2014). Данный исторический памятник был выбран в связи с тем, что он является самым известным «долгостроем» современности. Уникальность и нетрадиционность архитектурных решений создают облик, нехарактерный для религиозного здания. По идее, храм должен прославлять Святое Семейство, но из-за нетрадиционного подхода к архитектуре вызывает у верующих (и нет только у них) противоречивые чувства. Тем не менее привлекателен именно в силу своей необычности.

Таким образом, все предлагаемые для восприятия архитектурные сооружения отвечали требованиям уникальности и в свое время создавались с целью определенного психологического воздействия на людей, а также для трансляции важных идей и переживаний. При этом памятники относятся к разным ис-

торическим эпохам, находятся в различных частях света, построены по разным принципам и из различных материалов.

Изображения сооружений представлялись испытуемым на цветных фотографических снимках, распечатанных в высоком качестве на листах формата А5.

Выборку испытуемых составили студенты 1–3 курсов РГПУ им. А. И. Герцена. Группа однородна по возрасту: от 18 до 20 лет. В исследовании приняло участие 38 человек, обучающихся на психолого-педагогическом факультете и факультете безопасности жизнедеятельности; из них 10 юношей и 28 девушек.

Организация исследования

20 испытуемым было предложено целенаправленно воспринимать 1–3 сооружения (пирамида Хеопса, Колизей, мавзолей Теодориха), а 18 участникам исследования – 4–6 сооружений (церковь Покрова на Нерли, церковь Преображения Господня в Кижях, храм Святого Семейства). Такое разделение студентов на группы было вызвано трудоемкостью организации процедуры целенаправленного восприятия и оценки воспринимаемых объектов.

Исследование состояло из непосредственного визуального восприятия фотографических снимков частей, а затем и целостных изображений выбранных архитектурных сооружений, а также заполнения пакета методик, предназначенных для оценки воспринимаемых образов.

Основными *методиками* были: анкета, направленная на получение общих сведений об испытуемом и выявлении его осведомленности об историческом памятнике; методика незаконченных предложений, при дополнении которых испытуемые давали характеристики воспринимаемым историческим памятникам; авторская модификация методики когнитивной самооценки чувств и эмоций. Для систематизации характеристик воспринимаемых архитектурных сооружений использовалась процедура контент-аналитической обработки данных; для определения достоверности различий между воспринимаемыми категориями – φ^* -критерий Фишера.

В качестве *гипотезы* исследования выдвигалось следующее предположение: при восприятии различных архитектурных сооружений у студентов будут активизироваться различные личностные ресурсы (полиmodalность восприятия, эмоциональный отклик на объекты, вербализация переживаний).

Анализ и обсуждение результатов исследования

При характеристике воспринимаемых объектов испытуемые использовали отдельные слова и словосочетания, характеризовавшие различные репрезентативные системы (каналы восприятия). Наиболее актуальными оказались характеристики размеров, цвета (а также света, температуры), формы, структурности (содержания, составных частей), временные характеристики. Такая полиmodalность восприятия, с нашей точки зрения, была вызвана актуализацией синестезии как процесса рождения разнородных ощущений в ответ на зрительную стимуляцию. Это может считаться тем позитивным ресурсом, который возникает при восприятии исторических памятников, и он, в свою очередь, связан с функ-

цией психической интеграции (в противоположность психической диссоциации и дезинтеграции, нередко сопровождающих негативные эмоциональные переживания и травматизацию).

Кроме того, все архитектурные сооружения вызывали то или иное эмоционально-оценочное отношение, что может свидетельствовать о субъективной значимости воспринимаемого материала, свойственной большинству испытуемых.

При восприятии изображения пирамиды Хеопса, как демонстрируют результаты контент-анализа, наибольшее значение имели особенности света, цвета и температуры («теплый», «светлый», «яркий», «солнечный», «горячий», «бежевый», «теплого цвета») — на них обратили внимание 65% испытуемых. Временные характеристики («древний», «старый») для описания пирамиды использовали 50% студентов. Столько же участников исследования обратили внимание на структуру сооружения («многоступенчатый», «каменистый», «песочный», «сложный», «кирпичный»). Согласно статистическому критерию, контент-аналитические категории «временные характеристики» и «структура сооружения» не имеют достоверных различий с наиболее выраженной категорией света, цвета и температуры; остальные характеристики пирамиды находятся в значительном отрыве от этих трех групп описаний. Отметим также отсутствие негативных эмоционально-оценочных характеристик при описании пирамиды современными студентами.

При анализе восприятия изображения Колизея по такому же статистическому критерию были выделены наиболее значимые контент-аналитические категории для этого сооружения. Ими оказались: характеристики времени («исторический», «древний», «старый», «античный»), которые встречались у 65% испытуемых; характеристики света, цвета, температуры («светлый», «серый», «теплый», «жаркий», «холодный») — у 55% студентов; характеристики эмоционально-оценочного отношения («красивый», «великий», «вдохновляющий», «суровый», «жестокой», «приятный») — у 50% опрошенных. Обращает на себя внимание амбивалентность в описании Колизея: современные студенты явно противоречивы в своих оценках, которые колеблются от «жаркого» до «холодного» и от «приятного» до «жестокого».

Мавзолей Теодориха в основном характеризовали с точки зрения света, цвета и температуры (75% выборов); остальные характеристики сооружения представлены достоверно реже. Однако направленность этих характеристик была прямо противоположной той, которая выявилась при восприятии студентами пирамиды: здесь преобладали такие слова, как «темный», «мрачный», «теневой», «серый», «неяркий», «холодный». Очевидно, что впечатление, которое складывается у студентов при восприятии этого архитектурного сооружения, скорее, тяжелое. Это предположение подтверждается при анализе эмоционального отношения студентов к воспринимаемому сооружению. Действительно, среди эмоционально-оценочных характеристик этого исторического памятника — слова «элегантный», «непривлекательный», «устрашающий».

Церковь Покрова на Нерли 50% опрошенных студентов описывали с позиции временных характеристик («старый», «древний», «исторический»); по 33,3% испытуемых указывали на свойства цвета, света, температуры («светлый», «белый», «холодный», «грязный», «чистый»); на форму («четкий», «овальный», «симметричный», «круглый»); на свое эмоционально-оценочное отношение («необычный», «величественный», «красивый», «приятный»). 27,8% респондентов отметили раз-

мер исторического памятника («большой», «массивный»). Здесь также встречаются противоречивые характеристики («грязный» — «чистый»), но таких категорий меньше, чем при восприятии Колизея.

Церковь Преображения Господня в Кижях в основном, в 61,1% случаев, характеризовалась испытуемыми с точки зрения структуры («деревянный», «мокрый», «многодетальный») и в 44,4% случаях — с точки зрения размера («большой», «высокий», «массивный»). Эмоционально-оценочное отношение также занимает большое место в ответах (50% испытуемых указывают на это); тут преобладают такие характеристики, как «грустный», «красивый», «статный», «изумительный», «душевный», «величавый». Эти слова имеют достаточно позитивную коннотацию.

Наконец, Саграда Фамилия воспринималась студентами, прежде всего, с точки зрения эмоционального отношения (77,8%); выделены следующие характеристики: «необычный», «красивый», «загадочный», «страшный», «величественный», «удивительный», «привлекательный», «сказочный», «интересный», «мертвый», «непостижимый», «таинственный», «завораживающий», «гнетущий». В 61,1% случаев она воспринималась с точки зрения формы («острый», «резной») и стиля («оригинальный», «готический»). Для характеристики этого архитектурного сооружения испытуемые использовали больше всего слов, а их эмоциональная оценка храма — самая сложная и разнообразная, в основном связанная с какой-то загадочностью и тайной. Также отмечается некоторая амбивалентность: с одной стороны, храм привлекателен, с другой, — пугает и гнетет.

При анализе различий разных модальностей восприятия, выраженных в контент-аналитических категориях «размер», «время», «свет, цвет, температура», «структура», «форма» для разных архитектурных сооружений, мы сравнивали с помощью φ^* -критерия Фишера наибольшие и наименьшие процентные доли.

По характеристикам размера достоверных различий выявлено не было. На размер воспринимаемых объектов обратили внимание от 25% (пирамида) до 44,4% (церковь Преображения Господня в Кижях) испытуемых.

Временные характеристики менее всего актуальны при описании Саграды Фамилия (22,2% слов-референтов), а более всего — при описании Колизея (65% слов), $\varphi^* = 2,8$; $p \leq 0,01$.

По характеристике «свет, цвет, температура» максимальное значение имеет мавзолей Теодориха (75%); однако это слова, отражающие холод, отсутствие света. 65% ответов по этой категории получено при восприятии пирамиды, в котором преобладают, наоборот, тепло и свет. Интересно, что все воспринимаемые храмы (церкви Покрова на Нерли, Преображения Господня в Кижях, Саграда Фамилия) получили одинаковые оценки — 33,3%. По этим характеристикам при восприятии мавзолея и церковей были получены достоверно значимые различия ($\varphi^* = 2,7$; $p \leq 0,01$).

По структурным характеристикам наибольшее значение обнаружено у церкви Преображения Господня (61,1%), наименьшее (16,7%) — у церкви Покрова на Нерли ($\varphi^* = 2,9$; $p \leq 0,01$).

Форма в восприятии объектов более всего отражается при оценке Саграда Фамилия (61,1%), менее всего — при оценке пирамиды (20%); достоверность различий — $\varphi^* = 2,7$; $p \leq 0,01$. Это, с нашей точки зрения, полностью соответствует реальной простоте/сложности воспринимаемых архитектурных сооружений.

Стиль сооружений испытуемые чаще всего отмечали при восприятии Саграда Фамилия (61,1%), реже всего – при восприятии церкви Покрова на Нерли (16,7%) ($\varphi^* = 2,9$; $p \leq 0,01$).

В процессе восприятия, безусловно, важную роль играет опыт. При рассмотрении архитектурных сооружений апперцептивная сторона может складываться из когнитивного, эмоционального и поведенческого аспектов опыта: испытуемые могли получить информацию о воспринимаемых объектах из каких-либо источников (книги, фильмы, другие люди и т. д.) или личного посещения данных архитектурных сооружений, что, как правило, сопровождается аффективными переживаниями.

Изначально нами выдвигалось предположение, что исторические памятники будут узнаваться при восприятии фрагментов изображений в том случае, если в опыте субъекта присутствует личное посещение данного объекта. Однако из всех опрошенных студентов те или иные сооружения видели воочию лишь 6 человек, что составляет 15,8% от выборки. Из этих 6 человек трое бывали в храме Покрова на Нерли, хотя назвать эту церковь смог только 1 человек; двое бывали в Кижях, однако затруднились дать точное название архитектурного сооружения, обозначив его в одном случае как «церковь в Кижях», а во втором – как «храм в Кижях»; 1 человек указал, что посещал храм Св. Семейства, хотя при этом также написал, что это сооружение находится в Милане. Сам факт того, что статистически ($\varphi^* = 6,6$) большее число студентов (84,2%) не имело опыта посещения данных исторических памятников, свидетельствует о том, что знакомство с историческими памятниками не является в силу каких-то причин доступным большому числу молодых людей. И если в отношении архитектурных сооружений, находящихся за рубежом, можно предположить, что они недоступны в силу каких-то материально-физических причин (нехватка денег для поездок, закрытость России или других стран, особенно в контексте последних мировых событий – например, крушения над Синайским полуостровом самолета Airbus A321 из-за теракта, в результате которого погибли все российские туристы, возвращавшиеся из Египта 31 октября 2015 г.), то в отношении архитектурных сооружений, расположенных на территории России, вероятно, действуют другие причины. К числу таковых можно отнести отсутствие интереса, мотивации к познанию исторических памятников, низкий уровень культуры и осведомленности в отношении архитектурных сооружений. Материальные затраты и обширность территории страны также вносят свой вклад в создавшуюся ситуацию.

Наибольшее число категорий по эмоционально-оценочному отношению к архитектурным сооружениям обнаружено при восприятии Саграда Фамилия (77,8% ответов), наименьшее – при восприятии пирамиды и мавзолея Теодориха (по 25%, соответственно). Статистическая разница обнаружена: $\varphi^* = 3,4$; $p \leq 0,01$. Отметим также высокую интенсивность эмоциональных переживаний при восприятии Колизея и церкви Преображения в Кижях (по 50% ответов), хотя эти переживания достоверно меньше представлены при сравнении с числом эмоций относительно Саграда Фамилия ($\varphi^* = 1,8$; $p \leq 0,05$ для обоих случаев).

Интересны те результаты, которые были получены по методике когнитивной самооценки чувств и эмоций. Наш предшествующий опыт использования этого исследовательского инструмента показывает, что обычно у респондентов

возникают трудности с обозначением своих переживаний. В данном же исследовании испытуемые не только выбирали эмоции и чувства из предлагаемого списка, но и легко обозначали какие-то иные переживания, вызванные воспринимаемым объектом. Это свидетельствует об особом ресурсе восприятия архитектурных сооружений прошлого – снижении алекситимии и активизации в выражении и вербализации чувств и эмоций. Вероятно, есть и иные ресурсы в восприятии архитектурных сооружений прошлого и настоящего и переживании эмоционально-оценочного отношения к ним. Ответ на вопрос о том, какие это ресурсы, предстоит найти в последующих исследованиях.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые промежуточные выводы относительно восприятия исторических памятников (архитектурных сооружений) студентами. Цели, с которыми воздвигались и использовались архитектурные сооружения, транслируются современным реципиентам в виде эмоциональных переживаний и вызывают оценочное отношение. Разные архитектурные сооружения прошлого способны вызывать различные по модальности ощущения и переживания, что может актуализировать жизненные ресурсы конкретной личности.

Литература

- Бейкер К., Гиппенрейтер Ю. Б.* Влияние сталинских репрессий конца 30-х годов на жизнь семей в трех поколениях // Вопросы психологии. 1995. № 2.
- Булачук Л. Ф., Коржова Е. Ю.* Психология жизненных ситуаций. М., 1998.
- Васильев Л. С.* История Востока. В 2 т. М., 1998. Т. 1.
- Воловикова М. И., Тихомирова С. В., Борисова А. М.* Психология и праздник: праздник в жизни человека. М., 2003.
- Всеобщая история искусств. В 6 т. Т. 1: «Искусство Древнего мира» / Под общ. ред. А. Д. Чегодаева. М., 1956.
- Всеобщая история искусств. В 6 т. Т. 2: «Искусство средних веков». Кн. 1 / Под общ. ред. Б. В. Веймарна и Ю. Д. Колпинского. М., 1960.
- Гулина М. А., Гулин Ф. В.* Травма военного детства (Блокада, эвакуация, оккупация): историко-психологическое исследование. СПб., 2016.
- Емохонова Л. Г.* Мировая художественная культура. М., 1998.
- Зейгарник Б. В.* Теория личности Курта Левина. М., 1981.
- Колпакова Г. С.* Искусство Древней Руси: Домонгольский период. СПб., 2007.
- Колпинский Ю. Д., Бритова Н. Н.* Искусство этрусков и Древнего Рима. Памятники мирового искусства. М., 1982.
- Коржова Е. Ю.* Психологическое познание человека как субъекта жизнедеятельности: Дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2001.
- Левин К.* Динамическая психология: Избранные труды. М., 2001а.
- Левин К.* Теория поля в социальных науках // *Левин К.* Динамическая психология: Избранные труды. М., 2001б.
- Лисаевич И. И., Дружников И. А.* Кизи. Валаам. Л., 1966.
- Нартова-Бочавер С. К.* Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб., 2008.

- Панов В. И.* Экологическая психология: Опыт построения методологии. М., 2004.
- Раппопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. Л., 1986.
- Роу Д. Гауди.* Жизнь и творчество. М., 2014.
- Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.
- Словарь античности. М., 1989.
- Филин В. А.* Видеоэкология: Что для глаза хорошо, а что — плохо. М., 2001.
- Штейнбах Х. Э., Еленский В. И.* Психология жизненного пространства. СПб., 2004.
- Шуценбергер А.* Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. М., 2005.

Добрососедские отношения в русской крестьянской общине конца XIX–начала XX века

Е. Г. Синякина (Москва)

Введение

В последнее время в условиях обострения идеологической войны целенаправленно создаются и распространяются различного рода ложные утверждения о неприглядных сторонах личности русского человека, который представляется в образе грозного медведя — агрессивного, нелюдимого, некоммуникабельного, якобы не способного существовать в цивилизованном обществе. Наиболее действенным опровержением этих вымыслов, как представляется, может служить воссоздание тех черт личности русского человека, которые отличали его и отмечались многими авторитетными исследователями российского менталитета. Учитывая, что XX в. с его потрясениями — революциями, войнами, как минимум двумя попытками «создания нового человека», соответствующего «духу времени» (1920–1930-е годы и 1990-е годы—начало XXI столетия), внес определенные коррективы в национальный характер, на наш взгляд, целесообразно обратиться к рассмотрению психологии русского крестьянства конца XIX–начала XX в., где личность русского человека выступает в ее чистом, не замутненном последующими социальными наслоениями виде. Выбор крестьянства в качестве объекта исследования обусловлен тем, что в рассматриваемый исторический период крестьянство составляло более 80% населения Российской империи и являлось государствообразующей силой. Им в значительной мере определялся и менталитет русского народа в целом.

Исходя из понимания менталитета как устойчивого, консервативного образования, сохраняющего свои основные черты независимо от социально-политических преобразований общества и государства, логично предположить, что главные черты русского национального характера в своей основе остаются неизменными.

Поэтому выявленные в ходе реконструкции типичные личностные свойства русского человека характеризуют и человека современной России.

Личностные характеристики русского крестьянства

Все исследователи русского народа единодушны в признании его дружелюбия, доброжелательности, коммуникабельности. Согласно Н. О. Лосскому, *открытость, искренность, доверчивость и общительность* придавали русскому народу *особое обаяние*, составляли способность «жизни по сердцу» (Лосский, 1991, с. 296).

Корреспондентами Русского географического общества из Владимирской губернии, описывающими проживающее там крестьянство, отмечалось, что на соседских взаимоотношениях сказывалась разница в имущественной обеспеченности: бедный сосед мог оказаться в подчиненном положении к богатому. Если же бедный поправлял свои хозяйственные дела, менялось и отношение к нему (Громыко, 1991, с. 90). При этом *не наблюдалось подобострастия или раболепства* в отношениях основной массы крестьян *к богатым*. Скорее, имела место *почтительность*. Эти отношения не выходили за рамки «общекрестьянских». Правда, при встречах богатого и бедного последний снимал шапку и кланялся, в то время как первый только приподнимал свой головной убор. Вероятно, сказывалось то, что *умение нажать копейку служило в глазах* местного населения *мерилом ума, характера и достоинства* человека в целом. Подобное приветствие имело место и при встрече с особо почитаемыми представителями власти (Фирсов, Киселёва, 1992, с. 7).

Встречи людей одного достатка сопровождались одинаково вежливыми приветствиями. «Во всех случаях, когда экономическая зависимость отступала на второй план, торжествовала вежливость. При встречах крестьяне кланяются друг другу, снимают шапки, называют друг друга по имени-отчеству» (там же).

Беседы людей равного положения были, как правило, ласковыми, уважительными и почтительными. В общении людей наблюдалась боязнь поступить не по любви, оскорбить или обидеть кого-либо ненароком. «Русская душа полна человеческой христианской любви, более теплой, простой и искренней, чем... у других народов; отсюда рождается *проникновенность... манер, общения... деятельности*, — одним словом, *жизни и веры*» (курсив мой. — Е. С.) (Лосский, 1991, с. 359). Отмечалось, что «деловому общению, холодному, расчетливому и умозрительному рассудку русский человек противопоставляет в повседневной жизни *доверительный разговор „по душам“*¹. Но *презрительная и высокомерная тональность* все же была характерна для отношений богатых к беднякам (Фирсов, Киселёва, 1992, с. 8).

Равенство людей нарушалось в отношениях к женщинам. Мужчины были убеждены в своем превосходстве над женщинами, которым полагалось оказывать им знаки почитания: встречаясь, кланяться первыми и уступать дорогу, накрывать на стол (там же). Такое рыцарское отношение к женщине, ее подчиненное положение в крестьянском сообществе определялось главенствующей ролью мужчины в хозяйственной жизни деревни, а также господствующими здесь домостроевскими идеями и ценностями.

---

1 Цит. по: Андреев, 2008. URL: http://www.gumer.info/bogoslovBuks/Philos/Article/And_RuChel.php.

Соседская помощь односельчанам, оказавшимся в трудном положении, занимала почетное место в общественной жизни деревни. Она регулировалась целой системой норм поведения, существовавших в русской общине. Об этом свидетельствуют многочисленные данные, содержащиеся в различных источниках.

О готовности крестьян к соседской взаимопомощи писали корреспонденты из Владимирского уезда. Обратившись к соседям, отказа там не получали. «Небольшая услуга и помощь другим считается делом совести, и беспричинный отказ в подобных случаях вызвал бы осуждение» (Громыко, 1991, с. 90).

Взаимовыручка, поддержка и взаимопомощь являлись нормой поведения для русских крестьян. В. Белов пишет: «В деревне до мелочей была отработана взаимовыручка. Брать займы деньги считалось не очень-то приличным, но все остальное люди охотно давали и брали в долг. Мужики заимствовали друг у друга кожи, веревки, деготь, скальё, зерно. Давали на время полевой инвентарь и лошадь с упряжью. Женщины то и дело занимали предметы утвари, молочные продукты. Когда своя корова еще не доит, было принято брать молоко в долг, а у близких родственников — в дар. Занимали даже самоварные угли или хлебную закваску, если вдруг дома не оказывалось. Выручали друг друга и в большом, и в малом. Закатить бревно за угол, покачать зыбку с ребенком или прихватить что-то по пути для соседа не стоило никаких усилий. Но как приятно становилось и тебе, и соседу!» (Белов, 2000, с. 70).

Исследователь ярославских крестьян отмечает, что в их отношениях с соседями проявлялись *благоразумие и доброжелательность*: «Если у одного нет какой-либо необходимой вещи, то другой ссужает его, помня, что и у него может не случиться того или другого и что, следовательно, и он также может иметь необходимость в своем соседе. Кроме того, в случае нужды, здешние жители охотно подают друг другу полезные и необходимые советы, утешают друг друга в несчастии, советуя переносить горе терпеливо и великодушно; с плачущими плачут, с веселыми радуются: помогают ближнему не словом только, но и делом» (Архангельский, 1854, с. 47—48).

Община заботилась о больных односельчанах, направляя здоровых людей топить у них печи, готовить еду, ухаживать за их детьми. Трудовая помощь оказывалась вдовам и сиротам во время жатвы, сева, на покосе. Иногда мир обрабатывал участок сирот в течение ряда лет. Отказ вдове в лошади, если она не имела своей, считался «делом безбожным», сообщалось из Тверской, Московской, Владимирской и Псковской губерний (Громыко, 1991, с. 73, 84). Все платежи и повинности за убогих членов общины отбывались тоже миром.

В XVIII—XIX вв. в русской деревне существовало такое понятие, как мироплатимые наделы. Это означало, что община брала на себя оплату всех податей и выполнение повинностей, которые полагались за использование данного земельного надела. Такие наделы встречались у государственных крестьян в Бороголебском уезде Тамбовской губернии в 70-х годах XIX в. и принадлежали они вдовам. В этом же уезде из общественных хлебных магазинов по решению совета стариков выдавали хлеб на весь год беспомощным старикам и малолетним сиротам (Сборник материалов для изучения..., 1880, с. 14—15).

Особенно распространена была помощь общины всем миром погорельцам — и трудом, и деньгами. Сбор средств в пользу пострадавших начинался сразу после пожара (Фирсов, Киселёва, 1992, с. 13).

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. во многих общинах принимались решения сельских сходов о помощи семьям ратников: летом у таких семейств косили, связывали и везли на гумно хлеб, обмолачивали его, а остальную часть убирали в скирды; хозяйки угощали односельчан, участвовавших в этих работах (Громыко, 1991, с. 73).

Согласно крестьянским этическим взглядам, *безвозмездная помощь* общины соседу при неблагоприятных для него жизненных обстоятельствах *являлась необходимой*. В Пустынской общине Рязанской губернии «отношение мира к членам общины, подвергшимся несчастью, выражается главным образом в помощи» (Златовратский, 1880, с. 168). Определяющей силой этих обычаев, безусловно, выступала *православная система нравственных ценностей*.

Помощь общины отдельной семье оказывалась также и в связи со значимыми семейными событиями — свадьбой или похоронами, если семья в этом нуждалась. Иногда на средства общины готовили даже свадебный наряд невесты. Упоминания о «мирской» помощи обедневшему крестьянину в обычных условиях, если у него что-то не ладилось по хозяйству, встречаются значительно реже (Громыко, 1991, с. 74).

На соседских «помочах» ярко проявлялись *отзывчивость, соседская и родственная взаимопомощь*. Этот обычай заключался в приглашении знакомых людей для помощи в срочных работах, с которыми семья не успевала или не могла по каким-либо причинам справиться самостоятельно. Масштабы его распространения поразительны. «Помочи бывают к различным полевым работам в жнитве, распашке и пр., если кто захочет поскорее управиться или у кого нет скота или рабочих рук, ставит вино в праздничный день и созывает на помочь, это делают и богачи, и бедняки», — писал в 1878 г. корреспондент из Дергачёвской волости Новокузнецкого уезда Самарской губернии¹. Об устойчивости и широком распространении этого обычая свидетельствует и пословица: «Кто на помочь звал, тот и сам иди»². Таким образом, соседская помощь носила *взаимобразный характер*.

В некоторых общинах получение помочи осуществлялось в основном через решение схода: «Для получения помочи крестьянин... обращается к сельскому сходу, который и постановляет приговоры о помочи. Но иногда, по невозможности или по неудобству собрания мира, крестьянин обходит своих односельчан, приглашая на помочь, и тогда выезжают на помочь только те домохозяева, которые сами того желают. Охотников выезжать бывает достаточно, потому что помочь без угощения не обходится, да и всякий домохозяин помнит, что и он когда-нибудь сам будет нуждаться в помочи, и если он теперь не пойдет, то, пожалуй, когда ему понадобится, так и к нему никто не придет», — свидетельствовали корреспонденты Мураевенской волости, Данковского уезда, Рязанской губернии, а также и корреспонденты из Псковской губернии (70-е годы XIX в.) (Зиновьев, 1880, с. 323).

Таким образом, помочь выступала для крестьянина в качестве *нравственной нормы*, отказ от которой осуждался общественным мнением.

Каждый земледелец решал вопрос об участии в помочах для себя и своей семьи самостоятельно, но, как правило, руководствовался сложившимися нормами

1 rusinst.ru/docs/П_образ.pdf.

2 Там же.

поведения. В Казанской губернии участники помочи «работают скорее из-за чести, чтобы помочь человеку» (Громыко, 1991, с. 84). Согласно материалам Муравенской волости Рязанской губернии от 1877 г., крестьяне безусловной обязанностью для себя помочи не считали, но «они осознались ими как нравственная норма, и поэтому отказа в них почти не бывало» (цит. по: Семёнов, 1880, с. 129). Е. М. Якушкина из Тульской губернии Старухинской общины писала в 1879 г.: «Обработать поле и убрать его у одинокого большого, а также привезти лес на постройку мир считает нравственной обязанностью; в тех редких случаях, когда кто-нибудь из однодеревенцев под предлогом недостатка лошадей отказывается участвовать в помочи, мир не приступает ни к каким карательным мерам, но общественное мнение осуждает его, а идти против мира редко кто решается» (Якушкина, 1880, с. 202). Один из наблюдателей Императорского Вольного экономического общества, Н. Каневский, в 1879 г. сообщил о крестьянском отношении к мирской помочи: «Мирская помощь собирается преимущественно в праздники. Мир никогда не отказывается от нее» (Каневский, 1879, с. 139).

Работа в праздники в крестьянском обществе расценивалась как грех. А вот оказание помочи в воскресенье или любой другой праздничный день греховным делом не считалось. Напротив, нарушение обещания участвовать в помочи воспринималось народным сознанием как греховное деяние.

Вместе с тем, по наблюдениям священника А. Архангельского, встречались и такие случаи, когда крестьяне ходили на помочи «не столько для вспоможения хозяевам в работе, сколько для гульбы и пьянства. Да и хозяева села Давшино, у которых нужно поработать, зовут их не работать, а как бы заманивают их хлебом-солью. Вот как принимают здесь каждого на помочь: „Пожалуйте к нам кушать хлеба-соли, винца и пивца для гостей будет довольно; только сделайте милость, не оставьте просьбы нашей, помогите нам сравняться с прочими православными в работах наших“. Такое приглашение я не раз слышал от самих помочан, которые без стыда говорят хозяевам: „Мы вить пришли к вам не столько для работы, сколько для гулянья“» (Архангельский, 1854, с. 26).

Соборность русского народа выражалась не только в коллективном выполнении работ на помочах, но и в совместном проведении праздников — в общих трапезе и веселье. Ни одни помочи не проходили без традиционного обеда — угощения помочан, позволявшего хозяину отблагодарить односельчан за оказанную ими помощь, проявить радушие по отношению к ним, а самим помощникам — отдохнуть и восстановить силы. Общая трапеза символизировала единство всей общины крестьян; еда из одной посуды свидетельствовала о взаимоуважении. При этом главным для гостей являлось не угощение, а почет. «В полдень оживленная работа прерывается, все собираются в избу к тому хозяину, чей в данное время взят навоз, и приступают к угощению, которое выставлено хозяином». Подавали пироги, блины, щи с говядиной или сметками и квас. Затем следовал часовой отдых, также помогавший земледельцам укрепить свои силы для завершения работы (Зиновьев, 1880, с. 318).

После ужина на помочах начинались «хороводы, пляска и песни в знак благодарности хорошо угостившим хозяевам». Повсеместно встречались катания девушек и женщин на лошадях или гуляния по деревне, сопровождавшиеся песнями и продолжавшиеся всю ночь. После катания или гуляния по селению все расхо-

дильсь по домам (Лебедева, 1969, с. 178). Данные описания характера работы и отдыха помочан свидетельствуют о *благодарности русского крестьянства, его веселом настрое, приподнятом состоянии духа* и стремлении радостно проводить время, а также указывают о наличии у них немалого *запаса физической силы и здоровья, способности трудиться без усталости*, позволявших молодежи после трудового дня, наполненного тяжелой физической работой, устраивать гуляния и катания до самого утра.

Сельскохозяйственный труд выступал в качестве одной из корневых основ жизни русского крестьянства, единственного источника существования. Особенности русского менталитета и условия жизни определяли *трудолюбие крестьян, их добросовестное и ответственное отношение к работе*.

При выполнении сельскохозяйственных работ крестьяне проявляли особую тщательность и аккуратность. «Во многих местах для совершенной правильности скирда при кладке бивают по углам высокие колья и протягивают между ними веревки, чтоб по этим веревкам ровнее класть наружные срезы снопов» (Селиванов, 1987, с. 67).

Работали крестьяне, как правило, с азартом, энергично, поддерживая друг друга и «заражая» бодрым состоянием духа. Любили трудиться с шутками, прибаутками и остротами. Объединение усилий большого количества людей, совместный характер деятельности, доброжелательный настрой и веселье помогали поселянам легко и быстро справляться с любой трудной крестьянской работой. При этом труд приносил им удовольствие. Уходя с поля после напряженного, забирающего почти все силы трудового дня, крестьяне находили в себе силы петь песни. Осенняя рубка капусты во дворах, как и другие женские виды деятельности, сопровождалась шумом, спорами и, конечно, песнями. «Бабы, собравшиеся вместе на какую бы то ни было работу, не могут исполнять ее тихо, но всегда поднимают самые шумные разговоры. Частые споры доходят иногда до попреков, но ссор продолжительных никогда не бывает. Говорят, что ручная работа идет у баб скорее, когда они разгорячены спором. Где работают двадцать мужиков, то, подойдя близко к ним, порой не услышишь ни одного слова; но где сошлись хоть три бабы, то можно подумать, что тут целый базар» (Селиванов, 1987, с. 108).

Труд крестьянина носил коллективный характер и выполнял воспитательную функцию. Он сплавивал людей, создавал общий оптимистический настрой, обеспечивал «здоровую» соревновательность, способствовал формированию коллективистических ориентаций личности, умения сопрягать свои собственные усилия с решаемыми задачами и деятельностью других членов трудового сообщества.

Крестьяне вообще с трудом переносили время праздности. Русская пословица гласит: «Скучен день до вечера, коли делать нечего» (Даль, 1957, с. 312). По свидетельству корреспондента императорского Русского географического общества, исследователя Пошехонья священника А. Архангельского, «здешний народ весьма деятелен и трудолюбив, так что без какого-нибудь дела, хотя бы самого неважного, не может пробыть даже в воскресные дни. Поэтому после каждого праздника он очень скучает о том, что несколько дней сряду был в праздности и бездеятельности» (Архангельский, 1854, с. 47).

Русский крестьянин воспринимал тяжелую, неприятную работу оптимистично и благосклонно. Он не унывал, не пасовал перед трудностями, а, напро-

тив, умел сделать любой труд радостным. Это умение трудиться с полной отдачей сил, легко, весело и даже азартно — одна из характерных особенностей русского менталитета. В православном человеке, по словам В. В. Розанова, «есть подлинная веселость без вина и опьянения, удивительная легкость духа без какого бы то ни было уныния» (цит. по: Сохряков).

Литература

- Архангельский А.* Село Давшино, Ярославской губернии Пошехонского уезда // Этнографический сборник. Вып. II: «Собрание местных этнографических описаний России». СПб., 1854. С. 1–81.
- Белов В. И.* Лад. М., 1989.
- Волков В. М.* Русская деревня: Труд, быт и нравы наших предков. М., 2004.
- Громыко М. М.* Мир русской деревни. М., 1991.
- Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957.
- Зиновьев П.* Борокская община (Псковской губ.) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб., 1880. С. 300–331. Т. I.
- Златовратский Н. Н.* Пустынская община (Рязанской губ.) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб., 1880. Т. I. С. 159–175.
- Лебедева А. А.* К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 104–188.
- Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа. М., 1991.
- Каневский Н.* Из Медынского уезда // Труды Императорского Вольного Экономического Общества. СПб., 1879. Т. 3. Вып. 2. С. 127–146.
- Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины / Под. ред. Ф. Л. Барыкова, А. В. Половцова, П. А. Соколовского. СПб., 1880. Т. 1.
- Селиванов В. В.* Год русского земледельца (Зарайский уезд, Рязанской губернии) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 24–146.
- Семёнов П. П.* Мураевенская волость (Рязанской губ.) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб., 1880. Т. I. С. 37–158.
- Сикорский Б. Ф.* Н. А. Бердяев о роли национального характера в судьбах России // Социально-политический журнал. 1993. №9. С. 103–108.
- Сохряков Ю.* Розанов Василий Васильевич (20.04.1856–5.02.1919), мыслитель, писатель, публицист. URL: rusinst.ru/articletext.asp?id=5022&rzd=1 (дата обращения: 15.10.2016).
- Фирсов Б. М., Киселёва И. Г.* Структуры повседневной жизни русских крестьян конца XIX века (опыт этносоциологического изучения) // Социологические исследования. М., 1992. №4. С. 3–14.
- Якушкина Е. М.* Старухинская община (Тульской губ.) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб., 1880. Т. I. С. 193–203.

Психологические проявления аномии личности в послереволюционной России¹

Е. В. Харитонова (Москва)

Социально-политическая ситуация в России в послереволюционные годы

Послереволюционные годы в России — это период коренных, самых глубинных преобразований в социальной жизни за все время существования российского государства. Глубина кризиса определялась многими факторами:

- 1) в последние предреволюционные годы страна переживала беспрецедентную в истории войну на два фронта: на внешнем фронте — с Германией и ее союзниками, а на внутреннем — с большевиками, призывающими к поражению России в войне, дезорганизующими состояние армии и тыла;
- 2) Октябрьская революция 1917 г. положила начало коренных экономических и социально-политическим преобразований, разрушила существовавшую в стране систему государственного управления;
- 3) следствием прихода к власти большевиков стало формирование новой идеологии, системы ценностей, отлучение народа от церкви.

Война обусловила «приращение» воюющих к насилию, притупление восприятия смерти, ожесточение людей, выработку у них милитаризованного сознания, склонности к силовым действиям, девальвацию ценности человеческой жизни (Большая война России, 2014, с. 193).

Безудержный рост и распространение асоциальных и антисоциальных проявлений в послереволюционной России был обусловлен как отсутствием в первые годы существования советского государства профессиональных кадров в органах, призванных обеспечить соблюдение законности и порядка, так и разрывом прежних социальных связей, деформацией или распадом тех референтных групп (семья, соседи и т. п.), которые способствовали моральному регулированию поведения.

Значительно сократилось население страны: так, в 1917 г. население России составило 147.644,3 тыс. человек, а на начало 1922 г. — 134,903,1 тыс. человек; т. е. убыль населения составило около 13 млн. человек. Это в шесть раз превысило потери в Первой мировой войне (Поляков, 1995, с. 123).

За годы социальных потрясений (Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны) произошли серьезные изменения в социально-классовой структуре населения России. Были ликвидированы сословия, нанесен мощный удар по религии и духовенству, практически уничтожены представители предпринимательских слоев населения (купцы).

Необычайных масштабов достигла эмиграция. По данным Лиги Наций, опубликованным в сентябре 1926 г., после Октябрьской революции Россию покинуло 1 млн 160 тыс. человек. Национальный состав эмигрантов: русские — 95,2%; муж-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-06-10293.

чины — 73,3%; люди среднего возраста от 17 до 55 лет — 85,5%; с высшим образованием — 54,2%. Эмиграция привела к утрате страной тысяч дипломированных специалистов в различных отраслях знаний, сотен ученых и деятелей культуры. (Политическая история русской эмиграции, 1999, с. 94).

Все эти факторы определяли изменения в массовом сознании и также повлекли за собой преобразования нормативных ценностей, что, безусловно, отразилось и на уровне личности, в частности в психологических проявлениях аномии.

Понятие аномии

Понятие «аномия» буквально означает отсутствие закона или безнормность. Она представляет собой состояние, характеризующееся отсутствием цели, разрушением традиций и ценностей как у отдельного человека, так и в обществе в целом. С явлением аномии связаны также снижение значимости и изменения в системе прежних норм. Социальные нормы в обществе могут полноценно функционировать, если:

- во-первых, существует знание о норме, понимание ее содержания, имеются сведения о санкциях в связи с ее нарушением;
- во-вторых, в обществе формируется ценностное отношение к норме;
- в-третьих, знание норм и ценностное отношение к ним обуславливает формирование навыка поступать в соответствии с нормами.

Массовое отклонение от норм приводит к росту всех форм девиаций в обществе, так как нарушается самая значимая, ценностная составляющая отношения к нормам. Это возникает в обществе, в котором нормы, правила и ценности не исчезли, законы не отменили, но их мало кто соблюдает. Аномия, таким образом, — это не ситуация полного безнормия, а ситуация *обесценивания всех норм* (Бурова, Коваль, 2014).

Теоретическая модель исследования проявлений аномии в послереволюционный период

Особенностью психолого-исторического исследования является то, что реконструкция психологического явления осуществляется в опоре на концептуальные положения современной психологической науки. Реконструировать психологические особенности той или иной эпохи и психологические характеристики личности возможно лишь через «наложение» на реальный культурно-исторический процесс рассматриваемого времени теоретической модели анализа исследуемого психологического явления.

В нашей работе построение теоретической модели связано с выделением и описанием психологических проявлений аномии. Для этого мы обратились к научным работам, посвященным данной теме.

Взаимосвязь девиантного поведения и явления аномии впервые была описана Э. Дюркгеймом в его книге «Самоубийство» (1897). Дюркгейм предполагал, что аномия развивается тогда, когда быстрые социальные и экономические изменения нарушают порядок в общественном устройстве. Отсутствие традиционных норм и ограничений ведет к утрате людьми ценностных ориентиров поведения. В от-

сутствие четких жизненных ориентиров, норм и правил некоторые люди устают от существования; их усилия становятся бесполезными, жизнь теряет ценность, и следствием этого может быть аномичное саморазрушение или самоубийство.

Далее понятие аномии было развито американским социологом Робертом Мертоном в 60–70-е годы XX в. (Merton, 1969). Основу теории Мертона составляют два основных понятия: «аномия» и «социальная структура общества». При этом выделяется два измерения состояния аномии: оно может характеризовать как общество, в котором нормативные стандарты поведения и существующие убеждения либо серьезно ослаблены, либо отсутствуют, так и отдельно человека, в случае если он социально дезориентирован и переживает чувство изолированности от общества.

Понятие «социальная структура» рассматривается как психологическая категория и складывается из двух «фаз»: 1) из наиболее существенных целей, которые ставят перед собой социальные группы общества («жизненные устремления» группы); и 2) средств, употребляемых для их достижения. Сами средства, в свою очередь, двойки и делятся на «предписываемые» (законные) и «наиболее эффективные», ведущие к результату кратчайшим путем.

В концепции Мертона обращает на себя внимание заключение, что «законность» и «эффективность» необязательно совпадают применительно к избираемым средствам (то, что законно, не обязательно эффективно, и наоборот).

Мертон выдвигает центральный тезис о том, что нарушение равновесия между целями и средствами как фазами социальной структуры служит основанием для возникновения аномии.

В дальнейшем явление аномии было перенесено на *индивидуально-психологический уровень* — исследование аномического состояния индивидов. Психологический подход к аномии отразился и в терминологии: для обозначения «социальной» аномии используется дюркгеймовский вариант этого слова (anomie); для обозначения аномии «психологической» — термин, предложенный американским социологом и психологом Лео Сроулом (anomia).

Лео Сроул впервые предложил рассматривать аномию как индивидуальный опыт и измерять индивидуальные субъективные переживания аномии.

Психологическая концепция аномии была развита Робертом Макайвером и Дэвидом Рисменом. «Психологическая аномия», по Макайверу, — это такое состояние личности, когда индивид «оторван от своих моральных корней, у него нет больше каких-либо норм поведения, а остались только разрозненные побуждения; у него нет больше представлений о целостности, о единстве народа, о долге» (цит. по: Кара-Мурза, 2013, с. 7).

Дэвид Рисмен полагает, что аномия — это неприспособленность человека к жизни в обществе. По его мнению, в любом обществе есть личности, «ориентированные извне», «ориентированные изнутри» и «традиционно ориентированные». Тот, кто не способен приспособиться к господствующим в обществе нормам, становится аномичным. В современном обществе, где главной целью является достижение финансового успеха, славы и победы в конкурентной борьбе с другими, комфортно тем, кто «ориентирован извне». Другим — «традиционно ориентированным» или «ориентированным изнутри» — сопутствует *чувство одиночества*: они ощущают себя чужаками в мире, ценности которого не разделяют.

Аномию как личностное состояние изучал Элвин Пауэл, который отметил, что в условиях, когда «цели деятельности индивида становятся противоречивыми, недостижимыми или несущественными», состояние аномии усиливается. Оно характеризуется *общей потерей ориентации, ощущением пустоты и апатии*; аномия может переживаться индивидом как *состояние бессмысленности* (Powell, 2003, с. 132).

Собственную концепцию личностной аномии создал Роберт Агню, взяв за основу идею Мертона о возникновении социально-психологического напряжения у индивида в случае невозможности достижения им заданных обществом целей законными средствами. В теории напряжения Агню раскрываются разные источники *социально-психологического напряжения*, включая и *рассогласование между целями и средствами их достижения* (Agnew, 2006). Причиной возникновения аномии на микроуровне также может быть *негативное отношение к индивиду значимой для него группы*. Как пишет автор, источником аномического напряжения на уровне личности всегда являются «негативные взаимоотношения с другими, иначе говоря, взаимоотношения, в которых индивида не воспринимают так, как ему... хотелось бы, чтобы его воспринимали» (Agnew, 2006, с. 50).

Современные отечественные исследователи аномии вносят в ее анализ новые существенные характеристики, которые еще предстоит исследовать с точки зрения их психологических составляющих. Так, анализируя состояние аномии в современном российском обществе, В. В. Кривошеев считает, что ее сущностной характеристикой является *ситуация коротких жизненных проектов* (Кривошеев, 2008). Короткие жизненные проекты — это расчет людьми своих планов, видение ими своих перспектив (социальных, экономических, духовных, семейных) на крайне непродолжительное время. Планирование своего времени не превышает в таких проектах одного-двух календарных лет. В связи с этим *ценность собственной жизни снижается, но при этом усиливается эгоцентризм*.

Еще одним социально-психологическим феноменом аномического общества является *апатия*. Апатия в переводе с греческого означает «бесстрастность»; она представляет собой состояние, характеризующееся *эмоциональной пассивностью, уплощением чувств, равнодушием к событиям окружающей действительности, ослаблением побуждений и интересов*.

Социальная апатия представляет собой самочувствие общества, выражающееся в безразличии, эскапизме, отсутствии смысла жизни. Состояние апатии выражается в безразличии не только к окружающей реальности, но и к самому себе, что приводит к особо опасным проявлениям аномии — «эпидемии» подростковых и молодежных самоубийств (Бурова, Коваль, 2014).

Апатия на индивидуальном уровне проявляется в ярко выраженном *инфантилизме, уходе от межличностного общения в виртуальную реальность*.

Современное восприятие музыки, кино также становится более индивидуализированным: фильмы через ноутбуки, музыка в наушниках лишают человека коллективного сопереживания, разрушают возможность общего отношения к ценностям, сужают социальное пространство личности, сферу ее общения с другими людьми. Такой тип личности получил название «*фрагментированный индивид*» (Маклюен, 2003). *Фрагментированность* связана с *исключительно быстрой сменой настроений, эмоционально-психической неустойчивостью индивида, в свою очередь, нарушающих его душевное спокойствие и лишающих ощущения безопасности*.

Моральное равнодушие представляет собой еще одно проявление психологической аномии: это безразличие к себе и полное пренебрежение к Другому (Бурова, Коваль, 2014). На личностном уровне оно характеризует слабovolную, инфантильную, безответственную личность. В аномичном обществе число таких личностей возрастает и приводит к моральному равнодушию масс.

Таким образом, проведенный анализ позволил нам выделить положения, составившие теоретическую основу (модель) нашего исследования. Во-первых, в соответствии с принятыми в научной литературе подходами мы дифференцируем социальную и психологическую аномии, понимая под первой состояние аномии на уровне общества, под второй — индивидуальный уровень проявления. Во-вторых, аномия, трактуемая как «безнормность», обесценивание всех норм — явление, возникающее в связи с быстрыми и кардинальными изменениями в жизни общества. В-третьих, психологическая аномия характеризуется следующими значимыми проявлениями:

- апатия (пассивность, отсутствие целей и жизненных интересов, разочарование в ценностях и нормах, тоска, безверие);
- моральное равнодушие (равнодушие к окружающим, эгоцентризм и индивидуализм);
- короткие жизненные проекты (отсутствие долгосрочных планов, «жизнь одним днем»);
- субъективное ощущение одиночества (чувства незащитности и пессимизма, отсутствие значимых межличностных связей, разрушение идеалов, уход в себя, тревога);
- агрессивные проявления (злоба, гнев, вербальная агрессия).

Источники исследования проблемы

Опираясь на представленную модель и используя личные документы (письма), мы провели психолого-историческое исследование социального самочувствия граждан, их психологического состояния и переживаний с целью выявления проявлений индивидуальной аномии в переломный период российской истории — в 20-е годы XX столетия.

Для получения более достоверных и широко представленных данных по рассматриваемым аспектам проблемы мы в качестве источников использовали письма крестьян, солдат и рабочих этого периода. Такие письма представляют собой либо обращение во властные органы («письма во власть»), либо письма и отклики граждан о событиях в газеты. Такие письма позволяют «поставить диагноз» состоянию общества, а также проследить царившие в нем умонастроения, сознание и психологию людей (Голос народа, 1997, с. 24).

Особый жанр писем в России — это письма во власть как способ выражения широких общественных настроений, связанный с особенностями русского менталитета — психологии человека, живущего в общине (в «миру»), верящего в доброго царя и справедливого начальника, который сумеет рассудить «по-божески», «по правде». История челобитных, жалоб, просьб подтверждает широкое распространение традиционных для нашей страны обращений простого народа к власти.

Специалист по изучению писем во власть как исторического источника Ш. Фицпатрик считает, что подобные письма — «одно из основных научных открытий, связанных с рассекречиванием архивов. Главное значение писем как источника — в их комплексном характере; они проливают свет на многие аспекты жизнедеятельности человека, общества и государства» (цит. по: Лившин, 2004, с. 13).

Письма во власть, таким образом, — это уникальный источник, в котором отражены и социальная история, и общественные настроения, и особенности повседневности; они воплощают в себе одно из важнейших в российской традиции средств коммуникации в системе «личность—общество—культура» (Сорокин, 1992).

Также были проанализированы солдатские письма, собранные С. З. Федорченко и представленные в работе «Народ на войне».

Для реализации цели нашего исследования было проанализировано более 600 писем (627); выявлялись записи в текстах писем, отражающие различные индивидуально-психологические проявления аномии.

Результаты исследования

Полученные результаты показывают, что в анализируемых материалах наиболее широко представлены *проявления состояния апатии*.

В качестве примера можно привести следующие фрагменты из документов.

Из письма в «Крестьянскую газету» (1921 г.) от землемера У. Фомина: «Создалось странное недоразумение и взаимное непонимание, между Властью и народом образовалась непроходимая грань. Народ начинает молчать. Молчат все... Молчи, давай, не рассуждай» (цит. по: Лившин, 2004, с. 92).

Из письма в редакцию «Крестьянской газеты» 14 декабря 1927 г. крестьянина И. П. Вострышева села Большое Болдино Нижегородской губернии: «Мы, нищета, пишем очень мало, также мало читаем и газеты. Не потому ли Советская власть думает, что, мол, раз беднота молчит, ей, значит хорошо живется при Советской власти, а кулакам плохо, вот они и плачут навзрыд. Нет Бедняк сидит холодный и голодный, а молчит. Он угрюм и неразговорчив, он привык молчать и подчиняться всем и каждому. Он привык на опыте, что слезами горю не поможешь. Вот поэтому он и молчит и как будто доволен всем. Он привык перед всякой дрянью унижаться» (цит. по: Голос народа, 1998, с. 201).

Из письма от неизвестного молодого человека на имя Ленина в «Крестьянскую газету» (1923): «Пройдите по улицам, и Вы не увидите ни одного улыбающегося лица. Все ходят угрюмыми, подавленными. ... Грубость, бездарный произвол является теперь у нас господствующим элементом. Русский человек представлен сейчас с самой неприглядной своей стороны» (цит. по: Голос народа, 1998, с. 45).

Проявления морального равнодушия

Из записей, сделанных С. З. Федорченко 1921 г.: «Затрещат теперь семейства. Не слепить детей с отцом-матерью, мужика с женою прежнюю. Выйдут на новую жизнь одинокими. Каждый сам за себя» (цит. по: Федорченко, 2014, с. 161).

Из записей, сделанных С. З. Федорченко в 1921 г.: «Я теперь хорошо привык — ни своего, ни чужого страху больше не чую. Вот только еще детей не уби-

вал. Однако, думаю, что и к тому привыкнуть можно» (цит. по: Федорченко, 2014, с. 98).

Из письма в «Крестьянскую газету» от 15 августа 1928 г.: «Россия, а ныне СССР, называемая пролетарской страной, иго капитализма сбросила, и теперь власть находится в руках самих трудящихся... Низы власти до того забюрократились, что уже нет возможности жить, налоги за налогами — нет пощады никому. Народ стонет. Стон его не хотят и слышать... Вся нечистота забралась в партию. <...> Устроили хорошие ставки и живут на шее крестьянина и рабочего. Нет, товарищи вожди, жизнь рабочему-крестьянину хуже губернатора, его жизнь — кошмар. Страна, полная слез, полная недовольства, вражды, ссоры...» (цит. по: Голос народа, 1998, с. 220).

Проявления коротких жизненных проектов

Из письма демобилизованного солдата из крестьян Саратовской губернии Петра Шаповалова от 24 ноября 1922 г.: «Где же искать правду и от кого ожидать помощи, и за что же я служил десять лет, и чего добивался, и для кого, если не имею ни семьи, ни дому, ни куска хлеба, никакого хозяйства и никакой надежды на будущее...» (цит. по: Лившин, 2004, с. 170).

Проявления одиночества и пессимизма

Из письма женщины в газету «Беднота» от 1924 г.: «Никогда еще не было в России такого произвола, гнета и бесправия... Едва ли надо тащить людей в то светлое царство, от которого они отказываются. Рай под угрозой расстрела. Никто никому не нужен» (цит. по: Голос народа, 1998 с. 46).

Из письма К. Н. Гулькевича другу О. Брону от 31.03.1921 г.: «В России сейчас „кипящий котел“... люди исстрадались, измучились... нет теперь ни России, ни правительства в ней... Одно одиночество и хаос» (Гулькевич, 2015, с. 148—151).

Из письма К. Н. Гулькевича другу О. Брону от 08.01.1923 г.: «Мне плохо, да и всем плохо, но никому не могу пожаловаться. Я один, как в пустыне...» (там же, с. 172).

Из записей, сделанных С. З. Федорченко в 1922 г.: «Указано прежде было, что для человека плохо, а что хорошо и для всех — одно. А теперь так вышло, что для одного хорошо, другому худо, вот и мечемся. Прежде попокойнее было» (цит. по: Федорченко, 2014, с. 112).

Для проведения контент-анализа в источниках (письмах) выделялись фрагменты, содержащие в себе показатели индивидуально-психологических проявлений аномии, представлявшие собой понятийно-тематическую единицу. Квантификация проведена путем подсчета частоты употребления того или иного индикатора (понятийно-тематической единицы).

Получено следующее распределение данных по показателям индивидуально-психологических проявлений аномии (в процентах по всем выделенным фрагментам): апатия — 38%; моральное равнодушие — 15%; короткие жизненные проекты — 6%; одиночество — 26%; агрессивные проявления — 15%.

Контент-анализ показал, что наиболее частотным в анализируемых источниках (письмах) являются индивидуально-психологические проявления апатии (38%), выражающиеся в отсутствии целей и жизненных интересов, пассивности,

разочаровании в ценностях и нормах, тоске, безверии, депрессивных переживаниях. Переживание субъективного чувства одиночества представлено вторым по частоте (26%) и характеризуется чувствами незащитности и пессимизма, отсутствием значимых межличностных связей, состояниями тревоги, разочарования, «ухода в себя» (молчание, переживание одиночества).

Проявления морального равнодушия и агрессивности представлены приблизительно равными частотными проявлениями в выбранных фрагментах из писем.

Возможно, полученные результаты объясняются характером используемых источников и могут быть дополнены и скорректированы на основе анализа других документов. Поэтому можно говорить о выявленной тенденции, которая требует подтверждения в дальнейших исследованиях.

Заключение

Выявленные в источниках индивидуально-психологические проявления аномии свидетельствуют о существовании явления социальной аномии в послереволюционном обществе в России. Индивидуально-психологические проявления аномии – это потенциальные причины всевозможных девиаций, поэтому их изучение, профилактика и коррекция представляются значимыми как для теоретических исследований, так для практико-ориентированных разработок.

Следует отметить, что в послереволюционной России были предприняты масштабные государственные меры по преодолению последствий социальной аномии: страна объединила людей вокруг созидательных целей строительства нового общества; были декларированы и с готовностью восприняты большинством населения социалистические ценности; перед советскими людьми открылись многочисленные перспективы и горизонты как собственного развития, так и укрепления своей страны. Полагаем, что изучение и осмысление этого исторического опыта, а также опора на базовые внутренне присущие русскому менталитету традиционные ценности помогут и в современной действительности нейтрализовать деструктивные воздействия аномии.

Литература

- Богданов С. В., Пашин В. П.* Советская Россия в 1920-е годы: власть, социальные аномалии, общество. Курск, 2006.
- Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох / Ред. К. Бруиш, Н. Катцер. М., 2014.
- Бурова Ю. В., Коваль Е. А.* Нормативные основания механизмов преодоления дезадаптации современной молодежи в условиях социальной аномии (на примере Республики Мордовия). Саранск, 2014.
- Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А. К. Соколов. М., 1998.
- Дюркгейм Э.* Самоубийство: социологический этюд. М., 1994.
- Кара-Мурза С. Г.* Аномия в России: причины и проявления. М., 2013.
- Кривошеев В. В.* Аномия современного общества: проблемы теоретического анализа и эмпирического измерения. Калининград, 2008.

- Лившин А. Я.* Общественные настроения в Советской России 1917–1929 гг. М., 2004.
- Маклюен Г. М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., 2003.
- Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
- Памятники эпохи русской революции и гражданской войны: Письма дипломата К. Н. Гулькевича норвежскому другу профессору Олафу Брону (1916–1923) / Сост. В. А. Карелин. И. П. Нильсен, К. А. Мюбклебуст. Мурманск, 2015.
- Письма во власть 1928–1935 гг. / Сост. А. Я. Лившин. М., 2002.
- Поляков Р. Ю.* Война и общество: очерки истории военной повседневности 1918–1922 гг. Пенза, 2013.
- Федорченко С. З.* Народ на войне. СПб., 2014.
- Agnew R.* Pressured into Crime: An Overview of General Strain Theory. Los Angeles, 2006.
- Powell E. H.* Occupation, Status and Suicide: Toward a Redefinition of Anomie // *American Sociological Review*. 2003. V. 23. №. 2. P. 131–139.

Психолого-историческая реконструкция психологических характеристик личности 20-х годов XX века на основе литературных источников¹

Е. Н. Холоднович (Москва)

Постановка проблемы

Одной из задач исторической психологии является реконструкция психологического облика человека различных эпох посредством анализа объективации его психологических характеристик в явлениях культуры. «Культура — это исторически предложенные способы функционирования психики в ее когнитивных, эмоциональных и волевых аспектах, реализуемых во всех проявлениях социальной жизни» (Белявский, 2004, с. 42).

Так как искусство является одним из способов освоения действительности и содержит в себе в снятом виде знания о психологических явлениях, то, как полагает Л. Февр, художественная литература как одна из форм искусства позволяет «воссоздать физический, интеллектуальный и моральный облик эпохи» (цит. по: Шкуратов, 1997, с. 87). Эпоха определяет характерные формы психологических проявлений, особенности реагирования на окружающую действительность и способы поведения человека. Они обнаруживаются в коллективном и в индивидуальном сознании выдающихся представителей эпохи. Созданные в далеком прошлом, в определенном культурном и временном пространстве продукты деятельности человека, дошедшие до нас в качестве исторических источников, «рассказывают» нам, как об их создателях и присущих им психологических ха-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-06-10293.

рактика, так и о той социально-культурной среде, в которой они жили и творили, об особенностях исторического времени их бытия (Кольцова, Холондович, 2013).

Обоснование и цель исследования

Опираясь на указанные положения, мы провели психолого-историческую реконструкцию психологических характеристик личности 20-х годов XX в. в России. Этот период характеризуется государственным и общенациональным кризисом, глубочайшими преобразованиями во всех сферах социальной и духовной жизни страны. Утрата привычных для общественного сознания ценностей, идеалов и моральных норм, рост социальной напряженности и т. д. оказывали дестабилизирующее влияние на психологию личности.

Актуальность данного исследования обусловлена просматриваемой аналогией в социально-психологических процессах и социальной ситуации развития психологии личности в послереволюционный период (1920-е годы) и в последние десятилетия развития современной России.

Теоретические основы проведения исследования

Осуществляя психолого-историческую реконструкцию рассматриваемого феномена, мы руководствовались следующими положениями.

Во-первых, воссоздание психологических особенностей личности определенного исторического периода требует обращения к самой эпохе, в которой протекала ее жизнедеятельность. Как писал Б. Г. Ананьев, личность не возникает сама по себе, а является продуктом своей эпохи, хотя и является одновременно ее активным «делателем» (Ананьев, 2000). Соответственно, мы должны были восстановить по источникам особенности изучаемого исторического периода как важной социально-исторической детерминанты развития психологии личности.

Во-вторых, психолого-историческое исследование предполагает выявление отношения личности к социальной действительности, в рамках которой происходит ее развитие, социализация, персонификация. В различные эпохи оно было неодинаковым и определяло, в свою очередь, психологическое самочувствие личности.

В-третьих, необходимо охарактеризовать отношение личности к деятельности, так как, по мнению А. Н. Леонтьева, в деятельности человек формируется и проявляется (Леонтьев, 2004). Именно по продуктам деятельности возможно выявление психологических особенностей личности.

В-четвертых, необходимо выделить основные параметры, по которым возможно воссоздать историческую личность прошлого. Это – восприятие окружающего мира в целом, цели и задачи, мотивы, которыми личность руководствовалась в своей жизнедеятельности, ценности и смыслы жизни.

Источниковая база исследования

В качестве источников изучения рассматриваемой проблемы в нашем исследовании выступили литературные произведения выдающихся писателей рассмат-

риваемого периода, по нашему мнению, отражающие в полной мере дух времени. Это фельетоны 1920-х годов М. А. Булгакова, позволившие воссоздать особенности эпохи и самочувствие человека в данный период российской истории; пьеса Н. Эрлдмана «Самоубийца»; повесть А. Платонова «Котлован»; повесть М. Зощенко «Возвращение молодости», содержащие материал, необходимый для психолого-исторической реконструкции непосредственно психологических характеристик личности 20-х годов XX столетия.

Особенности социальной жизни России и самочувствия человека в 20-е годы XX в.

В фельетонах М. А. Булгакова 1920-х годов показана жизнь нового государства — «Ре-Се-Фе-Се-эРа» и, в частности, Москвы, или, как ее называет автор, «невиданного еще никогда торгово-красного Китай-города» (Булгаков, 2002, с. 343). Все фельетоны построены на контрасте столичной жизни, где процветает НЭП, и существующей на грани выживания всей остальной страны.

Булгаков описывает классы, сформировавшиеся в послереволюционной России. Это новые чиновники, называемые автором «людьми во френчах»; Нэпманы — предприниматели нового типа, а также рабочие, красноармейцы — строители социалистического общества. Булгаков пишет: «Летят общипанные, ободранные, развинченные машины. То с портфелем едут, то в шлемах красноезвездных, а то вдруг подпрыгнет на кожаных подушках дама в палантине, в стомиллионной шляпе с Кузнецкого. А рядом, конечно, выгоревший околыш. Нувориш, Нэпман» (там же, с. 346). Пролетарии в большинстве своем — выходцы из бывших крестьян и мещан. Вообще, констатирует автор, публика разношерстная: «Обыкновенная совпублика — пестрая, многолика масса, что носит у московских кондукторш название „граждане“ (ударение на втором слоге), — ездит в трамваях» (там же). Характерен и ее внешний вид: «Во что попало одеты граждане. Блузы, рубаха, френчи, пиджаки. Больше всего френчей — омерзительного наряда, оставшегося на память о войне. Кепки, фуражки. Куртки кожаные. На ногах большей частью подозрительная стоптанная рвань с кривыми каблуками. Но попадаетея уже лак» (там же, с. 347).

Перед читателем предстает Москва времен НЭПа, где открываются богатые продовольственные магазины, частные и государственные универмаги, торгующие предметами роскоши. Для контраста Булгаков вводит одновременно описание «разношерстной» публики, служащей в советских учреждениях, равнодушно бегущей по своим делам мимо плакатов, призывающих помочь голодающим.

Особенность времени предана очень точно. Примечательными лицами, олицетворяющими характерные черты рассматриваемого периода, являются агитаторы, разъезжающие по селам с различного рода призывами, возваниями и непонятными простому народу лозунгами. «Партийная программа валилась из него крупными кусками, как из человека, который глотал ее долгое время, но совершенно не прожевал» (там же, с. 461).

Булгаков описывает сцену общения агитаторов с крестьянами, показывающую, что призывы к новой жизни не достигают цели, поскольку выражены языком, непонятным людям:

«— Вы, товарищ, вопрос имеете? Ну?

— Имею, — подтвердил Чуфыркин, — объясни — резюмирую.

— То есть как это, товарищ? Я не понимаю, что объяснить?..

— Что означает, объясни!

— Виноват, ах да. Вам не совсем понятно, что означает резюмирую?

— Совершенно не понятно, — вдруг крикнул чей-то измученный голос из задних рядов. — Вандея какая-то. Кто она такая?..

— Говори, говори! Пока у меня мозги винтом не завинтило! — страдальчески кричал Чуфыркин. — Ведь это же немыслимое дело!» (там же, с. 437)».

Лозунги и воззвания становятся неотъемлемой частью нового языка, а следовательно, и мышления человека. В словаре появляются разного рода аббревиатуры. «Вывеска на вывеске. В аршин. В сажень. Свежая краска бьет в глаза. И чего, чего на них нет. Все есть, кроме твердых знаков и ятей. Цупвоз. Цупстран. Моссельпром. Отгадывание мыслей. Мосдревотдел. Виноторг. Старо-Рыковский трактир. Воскрес трактир, но твердый знак потерял. Трактир „Спорт“. Театр трудящихся. Правильно. Кто трудится, тому надо отдохнуть в театре. Производство „сандаля“. Вероятно, сандалий. Обувь дамская, детская и „мальчиковая“. Врывсельпромгвиу. Униторг, Мосторг и Главлесторг. Центрбумтрест» (там же). Реформа языка, предпринятая новой властью, введение новой лексики постепенно становится неотъемлемой составляющей сознания граждан. Герои фельетонов употребляют в речи именно те фразы и короткие предложения, которые им предлагаются на агитационных плакатах. Присутствует и своеобразная лексика, характерная для малограмотной публики, приезжающей в Москву искать лучшей жизни. Все это подтверждает выдвинутый Бердяевым тезис о том, что с революцией происходит «коренное упрощение культуры».

Новый строй вводит новые формы солидарности, праздники, приуроченные к старым, уже имеющимся. Например, Булгаков в сатирической форме описывает Октябрины, которые заменяют крестины новорожденного, традиционно принятые на Руси. При этом детям вместо имен, взятых из святцев, даются нетрадиционные имена или имена вождей: Роза, Клара, Октябрина, Баррикада, Бебелина и т. п. Но старые праздники в сознании и быте людей сохраняются, соседствуя с новыми.

Провинциальная публика ведет бедную жизнь, пытаясь приспособиться к новому устройству страны, ходя и празднует на Октябрины Святую Пасху.

Интересно, что во многих фельетонах в качестве фона звучат упоминания о патриархе Тихоне, фигура которого являлась знаковой для данного времени. Его популярность в народе была огромна. Он олицетворял последний «осколок» старой жизни, нравственные и религиозные основы старого мира, с которым упорно боролась новая власть.

Таким образом, можно констатировать, что старые социальные установки, нормы, ценности подвергались в этот период коренной ломке. Утверждались новые морально-нравственные нормы; происходила идеологизация всех сфер жизни общества; христианская религия заменялась новой религией революционной борьбы за построение социализма.

Реконструкция психологических характеристик личности 20-х годов XX в. по литературным источникам

В пьесе «Самоубийца» Н. Эрдман создает портрет городского обывателя, претерпевающего на себе последствия революции. Основная *цель* его жизни – безбедное существование в тепле и довольстве. «Разве мы делаем что-нибудь против революции? С первого дня революции мы ничего не делаем. Мы только ходим друг к другу в гости и говорим, что нам трудно жить. Потому что нам легче жить, если мы говорим, что нам трудно жить. Ради бога, не отнимайте у нас последнего средства к существованию, разрешите нам говорить, что нам трудно жить. Ну хотя бы вот так, шепотом: „Нам трудно жить“. Товарищи, я прошу вас от имени миллионов людей: „Дайте нам право на шепот“. Вы за стройкою даже его не услышите. Уверю вас, мы всю жизнь свою шепотом проживем» (Эрдман, 2000).

Представленный фрагмент ярко демонстрирует особенности мировоззрения пассивной аполитичной личности, неспособной к действию, выражению и отстаиванию своей позиции. Приспосабливаясь к обстоятельствам, она выбирает своеобразную жизненную стратегию – «жить шепотом», в своем узком мещанском мирке, стать незаметной, тихо в доверительном кругу роптать на бытовые трудности, с готовностью принимать любую власть, обеспечивающую ей спокойствие и благополучие.

Главный *мотив* такого поведения – выживание во что бы то ни стало, поскольку превыше всего, главная *ценность* для такого типа личности – ее собственная жизнь: «Товарищи, я не хочу умирать: ни за вас, ни за них, ни за класс, ни за человечество, ни за Марию Лукьяновну. ... Но перед лицом смерти что же может быть ближе, любимей, родней своей руки, своей ноги, своего живота... Что такое общественность – фабрика лозунгов. Я же вам не о фабрике здесь говорю, я же вам о живом человеке рассказываю» (там же).

Конечно, ценность собственной жизни на самом деле не заменяется официально постулируемыми ценностями группы. Согласно «пирамиде» А. Маслоу, мотивы/ценности витального характера являются базовыми для человека, и их нельзя игнорировать. Стремление к самосохранению – естественная интенция человека. Вместе с тем есть обстоятельства, цели и побуждения, которые могут подвигнуть людей на поступки и действия, противоречащие этой потребности, направленные на отстаивание и защиту свехличностных ценностей – истины, справедливости, родины, других людей. Ярким примером такого проявления личности является патриотизм, который И. А. Ильин причисляет к духовным качествам. Но это не относится к вышеописанному персонажу.

Все его побуждения концентрируются вокруг собственного «Я», желания жить и выживать в любых условиях: «...Что такое секунда? Тик-так... И стоит между тиком и таким стена. Да, стена, т. е. дуло револьвера... И вот тик, молодой человек, это еще все, а вот так, молодой человек, это уже ничего... вот Я без себя – это Я совершенно не понимаю. Как же Я без себя? Понимаете, Я? Лично Я, Подсекальников. Че-ло-век... Ну а если клетка пустая? Если души нет? Что тогда? Есть загробная жизнь или нет?» (там же).

Человек, лишенный привычных религиозных представлений, которые категорически отвергались новой идеологией, сталкиваясь с угрозой для своей жиз-

ни, впадает в отчаяние, ищет доступные ему способы совладания с критическими ситуациями. Его пугает скоротечность жизненного времени; он пребывает в паническом страхе перед смертью, ибо не верит в вечную жизнь в ином мире.

Следует отметить, что ощущение времени у людей разных эпох было неодинаковым. В период Варварства и Античности время воспринималось как циклическое; в эпоху Средневековья реальная жизнь человека рассматривалась как протекающая согласно Евангельским сюжетам; нравственным мерилом проживаемой жизни выступала будущая вечная загробная жизнь. Сходное ощущение времени, по-видимому, присутствует у религиозных людей. С массовым воцарением атеизма в сознании людей отношение ко времени и собственной жизни стало иным. Скоротечность проживаемой жизни и признание ее единственной ипостасью существования человека вызвали потребность жить здесь и теперь. Способы же этого проживания зависели от системы ценностей человека.

Как уже было сказано выше, существовали индивидуальные ценности и ценности группы или целого класса, которые не всегда совпадали. Но идеалы группы постепенно становились важным элементом сознания личности. Это отражено в высказываниях, произносимых персонажами пьесы:

- «Выстрел ваш — он раздастся на всю Россию. Он разбудит уснувшую совесть страны»;
- «Вы сейчас человеку неграмотность ликвидировали»;
- «Нам нужны идеологические покойники... пусть покойник льет воду на нашу мельницу»;
- «Может так получиться, что только приучишься (пить), хватать — наступит социализм, а при социализме вина не будет. Вот как хочешь, так и выкручивайся»;
- «При социализме и человека не будет. — Как не будет? А что же будет? — Массы, массы и массы. Огромная масса масс» (там же).

Мировосприятие человека 1920-х годов строилось в соответствии с предлагаемой идеологией. В результате возникало своеобразное смешение жизненных представлений новой и старой эпох: «Я не мыслю себя без советской республики. Я почти согласен со всем, что в ней делается. Я хочу только маленькую добавочку. Я хочу, чтоб в дохе, да в степи, да на розвальнях, да под звон колокольный у светлой заутрени, заломив на затылок седого бобра, весь в цыганах, обнявшись с любимой собакой, мерить версты своей обездоленной родины. Я хочу, чтобы лопались струны гитар, чтоб плакал ямщик в домотканую варежку, чтобы выбросить шапку, упасть на сугроб и молиться, и плакать, сквернословить и каяться, а потом опрокинуть холодную стопочку да присвистнуть, да ухнуть на всю вселенную и лететь... да по-нашему, да по-русски, чтоб душа вырывалась к чертовой матери...» (там же).

Эрдман описывает в гротескной форме, как происходит смешение и размывание ценностей группы в индивидуальном сознании. Конформная личность готова на все ради собственного блага — повторять и отстаивать революционные лозунги, бороться с врагами, но при этом не забывая получать от жизни удовольствия.

Подобных конформных личностей можно увидеть и в произведениях М. Зощенко того же периода. Одна из них — персонаж его повести «Возвращение моло-

дости». «Он говорил, что он прежде всего хочет жить. А все остальное существует для него постольку-поскольку и отчасти как нечто, мешающее его жизни. На все остальное ему решительно наплевать. Ему наплевать на мировые проблемы, течения и учения. Что касается взглядов, то он, знаете, не вождь и не член правительства, и, стало быть, он не намерен забивать свою голову лишними взглядами. И вместо этого он лучше подумает о личных делах и удовольствиях и о собственном строительстве жизни. И вообще, он, между прочим, признает каждое правительство, которое стоит у власти, и каждое правительство он согласен горячо приветствовать» (Зошенко, 2003, с. 379).

Представлена личность обывателя, готового поддержать любую сильную власть, лишь бы иметь уверенность в завтрашнем дне. Вслед за Э. Фроммом можно назвать этот тип человека «авторитарной личностью».

Зошенко создает в своих работах также образ русского интеллигента «из тех хороших людей, которые проживали до революции в нашей стране, страдая и огорчаясь, видя безобразия строя, страшную несправедливость и вопиющее неравенство. Он был в душе горячим и пламенным революционером, пока не пришла революция. И он мечтал о равенстве и братстве, пока не наступило социальное переустройство...» (там же, с. 374). Именно этот тип хорошо узнаваемой русской интеллигентской ментальности проходит через разные эпохи начиная с XIX в. и обнаруживается в настоящее время. Он вспоминает с тоской прошлое, при этом не видя ничего хорошего в настоящем и будущем. Он «чувствует одиночество и чудовищную пустоту» (там же, с. 402).

Описание подобного типа представлено в работах Н. А. Бердяева начала XX в. (Бердяев, 2006). Наиболее точное его определение, как нам кажется, — это «рефлексирующий интеллигент».

В повести А. Платонова «Котлован» представлен еще один тип личности рассматриваемого времени (Платонов, 2011). Интересно, что повесть написана в декабре 1929—апреле 1930 г., т. е. можно сказать, что она обобщает накопленные впечатления автора за интересующий нас период. Если представленные выше писатели имели «буржуазное происхождение», то А. Платонов был «пролетарием», принимал активное участие в Гражданской войне как боец Красной армии, работал на железной дороге машинистом, участвовал в коллективизации и электрификации страны, являлся корреспондентом советских газет. Отличаясь огромным талантом и богатым жизненным опытом, он сумел глубоко осознать и беспристрастно выразить дух своего времени.

Герои, представленные Платоновым, — бесконечно усталые люди, занятые напряженным тяжелым физическим трудом. Вот как представлен их *внешний облик*.

- «Все спящие были худы, как умершие, тесное место меж кожей и костями у каждого было занято жилами, и по толщине жил было видно, как много крови они должны пропускать во время напряженного труда»;
- «Спящий лежал замертво, глубоко и печально скрылись его глаза, и охладевшие ноги беспомощно вытянулись в старых рабочих штанах... Никто не видел снов и не разговаривал с воспоминаниями, — каждый существовал без всякого излишка жизни, и во время сна оставалось живым только сердце, берегущее человека»;

- «Лица были угрюмы и худы, а вместо покоя жизни они имели измождение»;
- «терпеливые руки»;
- «равнодушно-задумчивое лицо»;
- «терпеливая спина»;
- «однообразное лицо»;
- «бледные голоса»;
- «...не признавать за пищей цены, точно сила человека происходит из одного сознания» (Платонов, 2011, с. 16, 17, 18, 23, 24, 25).

Как мы видим, в словарном составе писателя при описании его героев преобладают прилагательные «напряженный», «изможденный», «угрюмый», «худой», «бледный», «терпеливый», «однообразный» и т. п., которые опосредованно выражают игнорирование элементарных человеческих потребностей в нормальных условиях работы, говорят о непосильном, изнуряющем труде на пределе человеческих сил.

И как бы объясняя смысл своего существования, герои Платонова пытаются найти оправдание окружающему миру: «Мы можем жить ради энтузиазма», — говорят они (там же, с. 26).

Индивидуальный смысл жизни подменяется у них *групповым* (классовым). Общество навязывает личности свои смыслы, задает определенную жизненную программу, формирует «классовое сознание» (там же, с. 38). «Терпи, говорят, пока старик капитализм помрет, теперь он кончился, а я опять один под одеялом, и мне ведь грустно!.. — Грусть, это ничего, товарищ Козлов, — это значит, наш класс весь мир чувствует, а счастье все равно далекое дело... От счастья только стыд начнется!» (там же, с. 27).

Цель и смысл человеческой жизни должны заключаться в строительстве будущего прекрасного общества, которое создается общими усилиями, путем принесения в жертву своей жизни и здоровья. «Будущий человек найдет себе покой в этом прочном доме, чтобы глядеть из высоких окон в простертый, ждущий его мир»; жить и строить надо для «будущих растущих людей» (там же, с. 23, 28). Но когда на глазах героев умирает настоящий, не мифический ребенок, начинается рушиться все система групповых ценностей. Тогда все более заметно становится рассогласование интересов личности и группы. Извне пришедшая «горячая социальная радость», которую необходимо применить на «подвиг, и умереть с энтузиазмом» (там же, с. 47), вступает в противоречие с «слабосильностью и задумчивостью среди общего труда» (там же, с. 7). «Обязанность радости» и «угнетенное отчаяние в душе» сосуществуют одновременно в сознании человека (там же, с. 60). Платонов характеризует это состояние людей как «душевное оскудение». И тогда существование личности сосредотачивается на уровне чувств и ощущений.

Основными *ощущениями и чувствами*, которые испытывают герои Платонова, являются грусть, скука, страх, покорность, беспокойство, равнодушие к жизни, «согласованное со смертью и чувством сиротства к остающимся людям» (там же, с. 34). Равнодушие и ощущение брошенности, отчаяние и одиночество, «оголенная телесность», отсутствие или спутанность мысли, сосредоточенность на ощущениях — вот что испытывает личность, когда социальные обязательства перед обществом становятся невыносимы. «Нам главное дело — привычка, а то мы все стерпим», — говорят герои Платонова (там же, с. 99). «Созерцающее сознание» позволяло им беспрестанно трудиться, главное — не останавливаться, не думать,

не вспоминать (там же, с. 20). И только обращение к природе раскрывает в человеке человеческое: он перестает быть машиной. А именно в машину, в ничего не значащий винтик превращает человека потогонная система труда. Чтобы подчеркнуть это положение человека, Платонов вводит эпизод учета вещей ликвидированного класса, «согласно имущественно-вымороченного остатка» (там же, с. 122). Вместо людей активист записывал имущественные признаки их существования — лапоть, серьга и т. п. Тело перестает существовать, переходя в вещь! «Мертвый строительный материал» — такое определение получает человек (там же, с. 29).

Платонов описывает несколько способов *совладания с душевной пустотой*. Одни «слушали слова, чтобы „наполнить ими пустую тоску в голове“, другие старались не слушать слов и жили „в своей личной тишине“» (там же, с. 61).

Чтобы избежать бессмысленности своего существования, человек стремится объединиться с другими людьми, стать членом группы, найти опору в общении с другими. «Люди не желали быть внутри изб — там на них нападали думы и настроения, — они ходили по всем открытым местам деревни и старались постоянно видеть друг друга; кроме того, они чутко слушали, не раздастся ли издали по влажному воздуху какого-либо звука, чтобы услышать утешение в таком трудном пространстве» (там же, с. 85). В горе люди объединялись и становились ближе друг к другу.

Бесконечный изнуряющий труд размывает ощущение движения времени. Остается только смутное ощущение прошлого (его радостных моментов), бесприютное настоящее, неосмысленное мифическое будущее. «Все живущее находилось посередине времени и своего движения: начало его всеми забыто, и конец неизвестен, осталось лишь направление» (там же, с. 73). Время остановилось.

Но, несмотря на это, на индивидуальном уровне идет напряженная работа мысли, которая выражает отношение человека к миру, к себе, к другим. Разворачивается своеобразный внутренний диалог в сознании героев, а с ними и автора. Сам Платонов определяет его как «напряженную сознательность» в противовес «созерцательной сознательности» (там же, с. 8):

- «Все живет и терпит на свете, ничего не сознавая», но «без думы люди действуют бессмысленно!»;
- цель человеческой жизни — «открыть тайны жизни — точное устройство»;
- «...может быть, легче выдумать смысл жизни в голове — ведь можно нечаянно догадаться о нем или коснуться его печально текущим чувством»;
- «...изо всякой ли базы образуется надстройка? Каждое ли производство жизненного материала дает добавочным продуктом душу в человека? А если производство улучшить до точной экономии, то будут ли происходить из него косвенные, неожиданные продукты?» (там же, с. 12, 10, 24, 29).

И герой начинает осознавать, что будущее, ради которого он с таким напряжением живет, по сути, — миф. «Он даже начал сомневаться в счастье будущего, которое представлял в виде синего лета, освещенного неподвижным солнцем, — слишком смутно и тщетно было днем и ночью вокруг... неужели внутри всего света тоска, а только в нас одних пятилетний план?» (там же, с. 42, 43).

Эти мысли героев отсылают нас к В. Франклу, утверждавшему, что человек не может жить без смысла (Франкл, 1990). Этот смысл не может быть привнесен

извне; он должен родиться в сознании самого человека. В противном же случае общество получает людей-автоматов, постепенно теряющих собственное «Я» и нацеленных только на удовлетворение витальных потребностей. Деятельность таких людей, лишенная смысла, постепенно превращается в процесс автоматического выполнения однообразных действий.

Заключение

В результате проведенного анализа были реконструированы следующие психологические типы личности: конформная личность, личность-автомат, авторитарная личность, «рефлексирующий интеллигент». Каждый из них имеет особые психологические характеристики. *Конформная личность*, во всем подчиняющаяся воле большинства, обеспечивает тем самым себе комфортное и безопасное существование. Чем чаще конформная личность отказывается от собственного мнения, тем быстрее она теряет потребность и возможность критически мыслить, постепенно превращаясь в *личность-автомат*. Не только поведенческие, но и эмоциональные проявления личности этого типа, ее образ мыслей и потребности начинают соответствовать заданным параметрам, приводя к постепенной потере ею собственного «Я». Если же личность не вписывается в установленные обществом жесткие рамки, она рискует вызвать не только неодобрение окружающих и прийти к полному одиночеству, но и лишиться психологического здоровья. *Авторитарная личность* схожа с конформной, но ее существенное отличие заключается в том, что она подчиняется только сильной власти, а не мифическому большинству. Она чувствует себя уверенной только под покровительством силы, защищающей ее и контролирующей ее мысли и действия. Ну и, конечно же, неизменный в нашем менталитете *тип русского интеллигента*, постоянно находящегося в оппозиции, отгораживающегося от «грубой жизни и ее пошлой действительности». Все эти типы разные, но их объединяет сходное восприятие времени, которое характерно для кризисных моментов истории. Это ощущение «остановившегося времени», когда человек оторван от своего прошлого, не имеет будущего и ведет вынужденное существование в безрадостном настоящем.

Представленный анализ позволяет сделать вывод о том, что в условиях социальной нестабильности, лишаясь привычных норм жизни, личность утрачивает ценностные и смысловые ориентиры, погружается в состояние одиночества и фрустрации, испытывает ощущение собственной ничтожности, бессилия, страха, тревоги и незащитности. Результатом этого становится потеря собственного «Я» и потребность в подчинении любой силе во имя сохранения чувства стабильности и защищенности.

Литература

- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания / Памятники психологической мысли. М., 2000.
- Белявский И. Г. Лекции по исторической психологии. Одесса, 2004.
- Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 2006.

- Булгаков М. А.* Рассказы, фельетоны 20-х годов // Булгаков М. А. Собр. соч. В 8 т. СПб., 2002. Т. 3. С. 333–523.
- Зощенко М. М.* Возвращение молодости. О чем пел соловей: Повести и рассказы. М., 2003. С. 345–423.
- Кольцова В. А., Холондович Е. Н.* Воплощение духовности в личности и творчестве Ф. М. Достоевского. М., 2013.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 2004.
- Платонов А. П.* Котлован. Ювенильное море: Повести. М.—Владимир, 2011.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Холондович Е. Н.* Социально-психологические проблемы личности в кризисные периоды развития общества // Личность в изменяющихся социальных условиях. Красноярск, 11–13 ноября 2015 / Отв. ред. Е. В. Гордиенко. Красноярск, 2015. С. 130–136.
- Шкуратов В. А.* Историческая психология. М., 1997.
- Эрдман Н.* Самоубийца. Екатеринбург, 2000. URL: <http://lib.ru/PXESY/ERDMAN/samoubijca.txt> (дата обращения: 8.05.2016).

Изучение отечественной и мировой психологической мысли: результаты и перспективы исследований

А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник (Москва)

В статье рассматривается история конференций по истории психологии, которые получили название «Московские встречи по истории психологии». Дан анализ особенностей каждой из шести прошедших конференций. Подчеркивается важная роль исследований по истории психологии для развития психологической науки с учетом тех функций, которые она реализует в психологическом познании. При этом подчеркиваются риски и трудности развития истории психологии в условиях современной реформы науки с акцентом на ее коммерциализацию, приоритетом количественных и формальных показателей в ущерб качественным и содержательным. Сделан вывод о том, что историки психологии сегодня стоят на передовых рубежах отстаивания принципов фундаментальности и теоретической глубины психологии. В этом — их миссия и смысл их научной деятельности.

Ключевые слова: научные конференции, история психологии, фундаментальная наука, значение истории психологии.

The study of domestic and global psychological thought: results and prospects of research

A. L. Zhuravlev, V. A. Koltsov, Y. N. Oleynik (Moscow)

The article discusses the history of conferences on the history of psychology, which are called “Moscow meeting on the history of psychology”. The analysis of the characteristics of each of the six previous conferences. The important role of research in the history of psychology for the development of psychological science, taking into account the functions that it implements in the psychological knowledge. This highlights the risks and difficulties of the history of psychology in the modern reform of science with a focus on its commercialization, priority and formal quantitative indicators, to the detriment of quality and informative. The conclusion is that the psychology of historians today are at the forefront of upholding the principles of fundamental and theoretical depth psychology. This — their mission and the meaning of their scientific activities.

Keywords: conferences, history of psychology, basic science, the importance of the history of psychology.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Методологические, теоретические и прикладные проблемы историко-психологического исследования

Развитие отечественной историографии как направления историко-психологического знания в XX веке

И. С. Алексеенко (Москва)

В статье раскрывается понятие историографии истории психологии; анализируется опыт изучения проблем историографии отечественной историко-психологической мысли, ее современное состояние и перспективы развития. В основу периодизации развития истории психологии положены следующие критерии: динамика методологических основ психологического знания, изменение научной проблематики истории психологии, факторы социально-исторической детерминации развития истории психологии. Выделены основные этапы развития (дореволюционный, советский и постсоветский) и перечислены особенности развития отечественной историографии в эти периоды.

Ключевые слова: историография истории психологии, периодизация истории психологии, дореволюционный этап, советский этап и современный этап развития отечественной истории психологии.

The development of national historiography as the direction of the historical-psychological knowledge in the XX century

I. S. Alekseenko (Moscow)

In article the concept of a historiography of history of psychology reveals; the experience of studying the problems of historiography of the national historical-psychological thought, its current state and prospects of development. The basis of periodization of the history of psychology is based on the following criteria: dynamics of the methodological foundations of psychological knowledge, change of scientific perspective the history of psychology, socio-historical determination of the development of the history of psychology. The basic stages of development: pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet, and lists the features of development of domestic historiography of these periods.

Keywords: a historiography of history of psychology, periodization of the history of psychology, the pre-revolutionary stage of Soviet stage and the current stage of development of the domestic history of psychology.

Научные открытия: маркеры перемен и пограничные зоны как источники развития психологической науки

М. Р. Арпентьева (Калуга)

Статья посвящена проблемам исследования истории, настоящего и будущего психологических интрадисциплинарных и междисциплинарных исследований с точки зрения концепций маркеров перемен, «мерцающих зон» и т. д. Отмечается возможность и продуктивность разработки новых направлений междисциплинарных и интрадисциплинарных психологических исследований, позволяющих решить

теоретические и практические проблемы современной теории и практики психологии на основе детекции и осмысления «маркеров перемен» или «слабых сигналов», возникающих в зонах ее междисциплинарных и интрадисциплинарных взаимодействий («мерцающих зонах»). Выявление и осмысление слабых сигналов — яркий пример метакогнитивных процедур, заключающихся в отслеживании неявных, противоречащих опыту и/или не существующих в эксплицитном виде тенденций развития сложных систем (человека, группы, взаимопонимания) как нелинейных, рекурсивно-циклических, изменяющихся и нестабильных систем. Особое внимание в статье уделяется модели мерцающих зон, а также ряду других концепций, их роли в построении интегративной модели понимания человеком себя и мира. Рассматриваются различные аспекты изучения «слабых сигналов», отраженные в разных концепциях, их роль в понимании мира и самого себя, а также во взаимопонимании исследователей-психологов с другими группами специалистов, прогнозировании и конструировании — в разработке ими новых направлений научных исследований и в реконструкции исторических аспектов и тенденций развития психологического знания.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, мерцающие зоны, маркеры перемен, слабые сигналы, проектирование, прогнозирование, форсайт.

The markers of change and flickering areas as a historical and foresight phenomenon in psychology investigations

M. R. Arpentieva (Kaluga)

The article is devoted to problems of predicting and designing interdisciplinary research from the point of view of the concept of “flickering areas” and other studies of interdisciplinary interaction. There is a possibility and productivity of developing new directions of interdisciplinary research that allows us to solve theoretical and practical problems of modernity. They based on the detection and interpretation of the “markers of change” or “weak signals” that arise in the areas of interdisciplinary interactions («flickering areas»). The identification and interpretation of weak signals — a vivid example of metacognitive treatments, which consists in tracking implicit, contrary to the experience and/or not available in explicit form trends in the development of complex systems (person, group, understanding) as a non-linear, recursively-cyclic, fluctuating and unstable systems. Special attention paid to shimmering zones (flickering areas) model and to weak signals model as well as a number of other concepts, their role in building integrative models of understanding oneself and the world. Discusses various aspects of the study “weak signals” that are reflected in different concepts and their role in understanding the world and himself, as well as in mutual understanding of researchers, forecasting and design — they develop new areas of research.

Keywords: interdisciplinary studies, shimmering area, markers of change, weak signals, designing, forecasting, foresight.

Защита диссертаций по психологии как результат деятельности отечественного научного сообщества в первой половине XX века

О. А. Артемьева (Иркутск)

Подготовка и публичная защита докторской диссертации рассматривается в статье как важный результат деятельности научного сообщества. Определяется специфика диссертации как текста и документа, значение ее защиты для ученого и научного сообщества. Представляются результаты исследования биографических и библиографических данных о защите диссертаций в России в 1901–1950 гг. Предлагается обзор 33 докторских диссертаций психологов и обстоятельств присвоения им 37 степеней доктора философии, педагогических, медицинских и биологических наук. Определяется специфика вклада российских исследователей в развитие психологии, прослеживаются изменения тематики диссертаций и географии защит. Отмечается как значение государственно-административной регламентации процесса присвоения докторской степени для организации науки, так и способность отечественного психологического сообщества, оформившегося к 1940-м годам, к саморегуляции и самоорганизации. Делается вывод о перспективности изучения диссертаций как источника историко-психологического исследования.

Ключевые слова: история психологии, научное сообщество, советская психология, российская психология, диссертации.

Defense of psychology theses as a result of activity of Russian scientific society in the first half of 20th century

O. A. Artemeva (Irkutsk)

In the article a preparation and a public defense of psychology theses is considered as important result of activity of scientific society. A specific of the thesis as a text and a document, its value for a scientist, a scientific community and a historian of science are defined. Results of the research of biographic and bibliographic data about activity of the leading Russian and Soviet scientists-psychologists in 1901–1950 are represented. The review of 33 doctoral theses of psychologists and circumstances of assignment of 37 degrees of doctor of science in the area of philosophy, pedagogy, medicine and biology is offered. A specific of a contribution of the Russian researchers to psychology is defined. Changes of subject of theses and geography of its defense are described. Conclusions about value of a state regulation of doctor degree's assignment for development of the science, and about ability of the Soviet psychological society of 1940's to self-organization and self-development are drawn.

Keywords: history of psychology, scientific society, Soviet psychology, Russian psychology, theses.

История советской психологии: прямой взгляд

С. А. Богданчиков (Москва)

Изучение истории советской психологии в настоящее время связано с рядом проблем, требующих решения, прежде всего, на концептуальном уровне. Предпринятый нами историографический и источниковедческий анализ работ отечествен-

ных авторов позволил выделить две основные историографические концепции в изучении советской психологии: традиционную советскую (концепцию советской психологии как «особой науки») и постсоветскую, современную (концепцию советской психологии как «репрессированной науки»). На основе критического анализа данных концепций выдвигается авторская историографическая концепция советской психологии как определенного научного направления, возникшего в СССР в 1920–1930-е годы под воздействием марксизма на основе традиций и достижений психологической науки того времени, в процессе взаимодействия с другими направлениями.

Ключевые слова: история советской психологии, советская психология, марксистская психология, историографический анализ, историографическая концепция, научное направление.

The history of Soviet psychology: direct look

S. A. Bogdanchikov (Moscow)

The history of Soviet psychology is now a large and complex problem requiring its decision in the first place, in principle, conceptually. Attempted this conceptual point of view of historiography and source study analysis of domestic authors of works allowed to identify two major historiographical concepts in the study of Soviet psychology: the traditional Soviet (the concept of Soviet psychology as a “special science”) and the post-Soviet, modern (the concept of Soviet psychology as “repressed science”). Based on a critical analysis of these concepts the author put forward the concept of Soviet historiography of psychology as a scientific trend that emerged in the USSR in 1920–1930, under the influence of Marxism on the basis of traditions and achievements of the psychology of the time, in the process of interaction with other trends.

Keywords: history of Soviet psychology, Soviet psychology, Marxist psychology, historiographical analysis, historiographical concept, scientific trend.

Дискуссии в отечественной психологии 1930-х годов

С. И. Данилов (Москва)

В статье рассматриваются идеологические кампании в советской психологии 1930-х годов, жертвами которых стали, прежде всего, культурно-историческая школа Л. С. Выготского и педология А. Б. Залкинда. Обосновываются тезисы о том, что: 1) основной движущей силой репрессивных кампаний в психологической науке была не господствующая марксистская идеология, а архетипический для России диктаторский характер власти; 2) среди ученых происходило расслоение на собственно исследователей и агентов государства в сфере науки; 3) важнейшую роль в проведении идеологических кампаний играли не столько власть или ее репрессивные органы, сколько групповые сообщества в самой науке, претендовавшие на роль контроля и господства. Привлекаются малоизвестные и забытые литературные источники.

Ключевые слова: советская психология, культурно-историческая школа, Л. С. Выготский, педология, А. Б. Залкинд, идеологические кампании.

The discussions in the national psychology of the 30th years

S. I. Danilov (Moscow)

The article deals with ideological campaigns in Soviet psychology of the 1930s, the victims of which were the cultural-historical school of Vygotsky and Pedology of Zalkind. Substantiates the thesis that 1) the main driving force of repressive campaigns in the science of psychology was not the dominant Marxist ideology, and the archetypal Russia to the dictatorial nature of the government, 2) among the scholars there was layering on researchers and agents of the state in the sphere of science, 3) the most important role in the ideological campaigns played not so much the power or repressive authorities, many community group in the science, claiming the role of control and domination. Involved a little-known and forgotten literary sources.

Keywords: soviet psychology, cultural-historical school of L. S. Vygotsky, pedology, A. B. Zalkind, ideological campaign.

К вопросу о прогностическом потенциале историко-психологических исследований (на примере отечественной экстремальной психологии)

И. Н. Елисева, Ю. Н. Олейник (Москва)

В статье рассматривается история, современное состояние и возможные перспективы развития российской экстремальной психологии. Обоснована универсальная и обобщенная модель изучения направления исследований, включающая четыре взаимосвязанных компонента, являющихся одновременно и этапами историко-психологического исследования: первый компонент – определение актуального состояния научного направления; второй компонент – изучение истории развития научного направления; третий компонент – прогнозирование развития; четвертый компонент – определение задач по развитию. Предлагается динамику и актуальное состояние области знания оценивать на основе анализа ее *когнитивного, популятивного, коммуникативного, социально-организационного компонентов*. Дано теоретическое обоснование и описана технология разработки прогностических вариантов развития области знания. Основанием для прогноза является оценка современного состояния области знания в соответствии с уровнем ее институционализации, а также учет возможной динамики социального запроса на это знание.

Ключевые слова: экстремальная психология, прогноз, научная дисциплина, исследовательская модель, компоненты исследовательской области, институционализация.

On the possibility of prediction based on the history of psychology research (for example, the domestic extreme psychology)

I. N. Eliseeva, Y. N. Oleynik (Moscow)

The article discusses the history, current state and possible prospects of development of the Russian extreme psychology. It substantiates the universal and unified model of research study that includes four interrelated components, which are at the same time, and the stages of historical and psychological research: the first component – the definition

of the current state of scientific field; the second component – the study of the history of the scientific field; the third component – the development of forecasting; the fourth component – the determination to develop problems. It is proposed to the dynamics and the current state of knowledge of the area to assess on the basis of an analysis of its cognitive, populyativnogo, communicative, social and organizational components. A theoretical study and describes the technology development forecast variants of development of knowledge. The reason for the forecast is to evaluate the current state of knowledge of the area in accordance with the level of its institutionalization, as well as consideration of possible dynamics of social demand for this knowledge.

Keywords: extreme psychology, forecast, scientific discipline, research model, the components of the field research, institutionalization.

**Полнотекстовая электронная библиотека
«Психологический журнал. Архив 1980–1990 гг.»:
возможности для историко-психологических исследований**

К. Б. Зувев, П. В. Морозов (Москва)

В статье описывается разработанная авторами и поддерживаемая в сети Интернет электронная библиотека с базой данных «Психологический журнал. Архив 1980–1990 гг.» (<http://psy-journ.ru>). Интернет-ресурс спроектирован как удобный инструмент для исследователей, в первую очередь, занимающихся историей психологии. Каждая статья размещена в двух видах: веб-страница, к которой можно обратиться с любого электронного устройства, и доступный для загрузки отсканированный оригинал статьи в формате PDF. Навигация возможна по автору, выпуску журнала (том, номер), рубрике, в которой была опубликована статья. Имеется также полнотекстовый поиск по сайту. Результатом его является перечень статей (с указанием тома и номера журнала), в которых встречается искомое словосочетание.

Библиотека с базой данных может быть полезна для решения ряда историко-психологических задач, таких как выявление социальных связей между учеными, анализ основных направлений в советской психологической науке, сравнение тем, разрабатываемых в региональных и столичных научных организациях, и др.

Ключевые слова: история психологии, психологический журнал, журнальные рубрики, авторский указатель, база данных, электронная библиотека, интернет-ресурс.

**Web-Based Library of “Psychological Journal. 1980–1990”:
History of Psychology Research Opportunity**

K. B. Zuev, P. V. Morozov (Moscow)

This paper presents Web-Based library of “Psychological Journal. 1980–1990” (<http://psy-journ.ru>), designed by authors. The library is based on ultimate usability for users, especially for those dealing with history of psychology. Each article can be accessed in two ways: web-page and downloadable PDF-file of the original articles. On site search is available using authors name, issue number, section as key words. There is also full text site-search.

The authors maintain that the library can be helpful to facilitate researches in the field of history of psychology, i. e. identifying scholars' social connections, Soviet psychology trends analyses, regional psychology features.

Keywords: history of psychology, *Psikhologicheskii Zhurnal*, journal section, author index, web-based library.

Пути интеграции российской психологии в мировое научное сообщество

Н. А. Логинова (Санкт-Петербург)

Международные связи российской психологии никогда не прерывались, но были неравномерными. Интеграция как особая актуальная проблема встала в пост-советской России; усилились ориентация на Запад и нигилизм по отношению к советской психологии. При этом оказывается, что именно прежние советские теории интересны для зарубежных коллег, а современные прозападные исследования не оригинальны по причине их эпигонства. Мы должны войти в мировую психологию, сохранив лучшие черты, присущие отечественной науке, ее высокий методологический и теоретический уровень. Для этого надо предпринимать специальные меры – подобие рекламных кампаний, посвященных высшим достижениям нашей науки в лице ее выдающихся представителей. Рассматриваются примеры таких мероприятий, направленных на продвижений научных теорий Л. С. Выготского и С. Л. Рубинштейна. В новейшей российской психологии есть и другие ученые и достижения, достойные быть представленными в мировом научном сообществе. Интеграция российской психологии в мировую науку на равных возможна при условии оздоровления научного психологического сообщества России.

Ключевые слова: российская психология, самобытность, мотивы, препятствия, пути интеграции, состояние отечественной психологической науки.

Integration of Russian psychology in the international scientific community

N. A. Loginova (St Petersburg)

The international links of the Russian psychology were not stable, but never entirely interrupted. The integration as a special problem became important in the post-soviet Russia. At that time the pro-western orientation and nihilism to the domestic science revealed and enhanced.

But the foreign colleagues are more interested in the former Russian theories, not of the pro-western imitations. It is necessary to enter into the world psychology with saving the high methodological and theoretical level of the former Russian science. That choice needs the special actions resembled some advertisements. The examples of the promotion of Leo Vygotsky and Serge Rubinstein in the western countries are described in the article. There are the other outstanding Russian scientists of the present times which are worthy to be represented to the world psychological community. The effective integration into the world psychology is possible on condition of the bringing our domestic psychology into a healthy state.

Keywords: Russian psychology, genuineness, the motives, obstacles, ways of the integration, status of the Russian psychological science.

Версии происхождения научного знания: психолого-исторический аспект

А. Н. Моргун (Москва)

В статье рассматриваются версии происхождения науки с точки зрения психолого-исторических факторов. Рассматриваются три версии: 1) знание как предмет удовлетворения базовой потребности человека в познании (результат — когнитивная реконструкция целостной и непротиворечивой картины мира); 2) наука (рациональное знание) как продукт ментальной организации, как средство политической спекуляции и нравственной рефлексии; 3) наука как следствие культурной (эзотерической) практики и как способ решения экзистенциальной проблемы смертности эмпирического мира.

Ключевые слова: происхождение науки, версии происхождения научного знания, психолого-исторические факторы возникновения науки, историческая психология.

Versions of the origin of scientific knowledge: the object of historical psychology

A. Morgun (Moscow)

The versions of the science birth from the point of view of psychological and historical factors are studied. We examine three versions: 1) the knowledge as an satisfaction object of basic human needs in the knowledge (the result is the cognitive reconstruction of the complete and consistent picture of the world); 2) the science (the rational knowledge) as a product of mental organization, as an option of political speculation and also of moral reflection; 3) the science as a consequence of the religious (esoteric) practice and as a way to solve the existential problems of the empirical world death.

Keywords: the origin of science, versions of the origin of scientific knowledge, psychological and historical factors of science origin, the historical psychology.

В. М. Бехтерев о значении науки в общественной жизни: аксиологический аспект

Е. М. Орлова (Москва)

В статье представлена позиция В. М. Бехтерева в отношении общественной значимости науки, анализируются ценностные основания его научной деятельности, проходившей на рубеже конца XIX—начала XX в. в России. На примерах из разных контекстов творчества ученого рассматривается организационная, коммуникативная и просветительская сторона его научной работы, в том числе в таких областях научных изысканий, как психология труда и разработка вопросов музыкального воздействия на человека. Показывается, что осмысление значения личностного потенциала ученого и его подходов к развитию научного знания способствует расширению представлений о состоянии науки определенного исторического периода и направляет к поиску путей развития науки как социального института в настоящем времени.

Ключевые слова: В. М. Бехтерев, наука, общество, познание, ценности.

About the importance of science in society in the work of V. M. Bekhterev: axiological aspect

E. M. Orlova

The article deals with the views of V. M. Bekhterev on the social significance of science, analyzes the value base of scientific activity, took place at the turn of the late XIX–early XX century in Russia. In the examples from different contexts creativity of the scientist considered the organizational, communicative and educational side of his scientific work, including in the areas of his scientific research as psychology of labor and development issues of human exposure to the music. It is shown that the understanding of the value of personal potential of the scientist and his approaches to the development of scientific knowledge contributes to the expansion of the state of science a particular historical period and aims to find ways of development of science as a social institution in the present tense.

Keywords: V. M. Bekhterev, science, society, knowledge and values.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

История разработки психологических проблем и направлений психологии

Основные направления исследований социальной активности молодежи в отечественной социальной психологии

E. S. Balabanova (Moscow)

В статье рассмотрены основные направления исследований социальной активности молодежи в отечественной психологии. Проанализированы основные подходы к пониманию структуры и содержания этого феномена. Выявлены и охарактеризованы направления исследований различных форм социальной активности молодежи в разные временные периоды. Приведены результаты исследований лидерства, мотивации социальной активности молодежи, групповых и личностных мотивов социальной деятельности, ценностных ориентаций и направленности личности молодежных лидеров. На основе проведенного анализа автором обобщены точки зрения и подходы к исследованию социальной активности и обоснована необходимость интеграции научных представлений об активности личности в психологическую теорию социальной активности.

Ключевые слова: социальная активность, лидерство, направленность личности, мотивация, социально значимая деятельность.

The main research areas of social activity youth in the national social psychology

E. S. Balabanova (Moscow)

This article describes the main directions of research of social activity of youth in national psychology. Analyzed the main approaches to the understanding of the structure and content of this phenomenon. Identified and characterized in the research areas of various forms of social activity of youth in different time periods. Shows the results of studies of leadership, motivation social activity of youth, group and personal motives of social activity, value orientations and orientation of the individual youth leaders. Based on the conducted analysis, the author summarizes the points of view and approaches to the study of

social activity and the necessity of integration of scientific views on the individual's activity in the psychological theory of social activity.

Keywords: social activity, leadership, personal orientation, motivation, socially-significant activity.

История психологического исследования стратегий разрешения противоречий субъектом

С. Л. Блинникова (Москва)

В статье представлены результаты анализа проблемы стратегий разрешения субъектом противоречий в историко-психологическом ключе. Автором выделено шесть тенденций в развитии исследований стратегий разрешения противоречий. Наиболее существенными из них являются постепенное смещение фокуса изучения с недиалектической стратегии на диалектическую, параллельное изучение диалектической стратегии и как интересного феномена, и как индивидуальной особенности, а также наблюдаемое в последнее время распространение вопроса о стратегиях разрешения противоречий в различные области психологической науки (например, в психологию мотивации) и практики (в сферы образования, управления и психотерапии).

Ключевые слова: стратегии разрешения противоречий, диалектика, индивидуальность, история психологии, культура.

The history of psychological research subject's strategies of resolving contradictions

S. L. Blinnikova (Moscow)

This article presents the results of historical-psychological analysis of the problem of subject's strategies of resolving contradictions. The author identified six trends in the development of research subject's strategies of resolving contradictions. The most significant trends are the shift focus from non-dialectical strategy to dialectical, parallel study dialectical strategy as an interesting phenomenon, and as individual characteristic, and also the distribution of interest to these strategies in different areas of psychological science (for example, in psychology of motivation) and practice in education, management and psychotherapy.

Keywords: strategies of resolving contradictions, dialectics, identity, history of psychology, culture.

Проблема приемного родительства в отечественной психологии конца XIX—начала XX века

Т. Е. Егорова, С. М. Скуратовский (Нижний Новгород)

В статье раскрывается современная проблема приемного родительства и детей сирот, рассматриваются некоторые аспекты предыстории феномена «искусственного сыновства», формирующегося в Древней Руси, рассматривается психологическая и педагогическая составляющие решения проблемы сиротства в России конца XIX начала XX в. в контексте обращения к наиболее известным в тот период и продуктивным работам российских исследователей.

Ключевые слова: приемное родительство, дети-сироты, усыновление, опека, признание детей в России.

The issue of foster parenting in the national psychology of the late XIX—early XX century

T. E. Egorova, S. M. Skuratovskiy (Nizhny Novgorod)

This article describes the modern problem of foster parenting and children deals with some aspects of the prehistory “of artificial sunship” emerging in Ancient Russia, considers the psychological and pedagogical components of the solution to the problem of orphanhood in Russia in the late XIX—early XX century in the context of an appeal to the most famous in that period of time and productive works of Russian researchers.

Keywords: foster parenting, existential psychology, the underlying existential conflicts of the individual.

История зарождения и развития предпринимательства в дореволюционной России: психологический анализ

Д. А. Китова (Москва)

Российское предпринимательство имеет древнюю историю зарождения, становления и развития, обращение к которой позволит более адекватно понять современное предпринимательство как составную часть общего исторического процесса развития российского общества. Анализ развития предпринимательства позволит также выявить психологическую природу предпринимательства, социально-психологические особенности предпринимателей и их деятельности в конкретных исторических условиях.

Ключевые слова: психология предпринимательства, история предпринимательства, новаторство, объективная и субъективная экономическая свобода, психология отношений, этапы развития.

Origin and development of entrepreneurship in pre-revolutionary Russia: a psychological analysis

D. A. Kitova (Moscow)

Russian entrepreneurship has a long history of development, access to which will allow us to realize modern entrepreneurship as an integral part of the overall historical development of society. Analysis of development of entrepreneurship will reveal the nature of entrepreneurship and features of a businessman.

Keywords: psychology of entrepreneurship, history of entrepreneurship, innovations, objective and subjective economic freedom, psychology of relationships, developmental milestones.

Некоторые страницы истории отечественной социальной психологии

В. В. Колосова (Нижний Новгород)

В статье рассматривается период становления социальной психологии в России в 20-е годы XX в. Дан краткий экскурс в историю становления российской (советской) социальной психологии как науки, раскрыты основные подходы к пониманию ее предмета и проблематики. Анализируя состояние, проблемы и задачи

современной российской социальной психологии, следует отметить актуальность как психологического анализа прошлого, так и потребность в изучении проблем современного общества. Основное внимание автор статьи акцентирует на востребованности социально-психологического знания общественной практикой для анализа и изучения целого класса новых явлений социальной действительности.

Ключевые слова: институт социальной психологии, массовые психические явления, марксистская/советская социальная психология, период самоопределения, дискуссия о предмете, российская социальная психология, макропсихология, современные направления исследований.

The historical significance of social psychology

V. V. Kolosova (Nizhni Novgorod)

This article deals with the period of formation of social psychology in Russia in the 20-s of the XX century. A brief excursus into the history of the Russian (Soviet) social psychology as a science, the basic approaches to realize its object and perspective. Analyzing the current status, problems and challenges of the modern Russian social psychology, notes the relevance, as a psychological analysis of the past and the need to study the problems of modern society. The focus of the author of the article – on the relevance of socio-psychological knowledge of public practice for analysis and study of an entire class of new phenomena social reality.

Keywords: institute of social psychology, psychic phenomena, Marxist/Soviet social psychology, period of self-determination, the debate on the subject, Russian social psychology, makropsihology, modern research directions

Понятие «душа» в «Философском лексиконе» С. С. Гогоцкого в свете критики М. А. Антоновича

А. А. Костригин (Ярославль, Нижний Новгород)

Статья посвящена феномену дискуссии и критики в журнальных статьях философов, психологами, публицистами работ их современников в XIX в. Обосновывается тезис о том, что такие дискуссии являлись факторами развития психологического знания, в частности, в ответ на какую-либо работу критик или комментатор пишет статью (или даже книгу), в которой выражает свой авторский взгляд на проблему, свой подход. В данной статье представлена критика известного публициста М. А. Антоновича на энциклопедический словарь С. С. Гогоцкого «Философский лексикон», в частности на статью о «Душе».

Ключевые слова: история психологии, философская психология, умозрительная психология, С. С. Гогоцкий, Философский лексикон, М. А. Антонович, критика, XIX век.

Definition of “soul” in “Philosophical lexicon” of S. S. Gogotsky and criticism of M. A. Antonovich

A. A. Kostrigin (Yaroslavl, Nizhni Novgorod)

The article is devoted to the phenomenon of criticism and discussion in journal articles by philosophers, psychologists and publicists on the work of their contemporaries in the XIX century. The thesis is that such discussions were factors of the development of psychological knowledge, in particular, in response to any work a critic or a commentator wrote an article (or even a book) in which the author expresses his view of the problem, his approach. The article presents a critical review of the well-known publicist M. A. Antonovich on the Encyclopedic Dictionary of S. S. Gogotsky “Philosophical Lexicon”, in particular, on an article about the «Soul».

Keywords: history of psychology, philosophical psychology, speculative psychology, S. S. Gogotsky, Philosophical Lexicon, M. A. Antonovich, critical review, XIX century.

История разработки проблемы социального интеллекта

O. B. Luneva (Moskva)

В статье представлена авторская периодизация истории изучения социального интеллекта. Она включает шесть хронологических периодов. Показаны главные события, достижения и проблемы исследования социального интеллекта в каждом периоде. Рассматриваются вопросы, которым уделялось наибольшее внимание на протяжении истории изучения социального интеллекта, результаты теоретических и эмпирических исследований, вклад конкретных исследователей разных научных школ и направлений в понимание психологического содержания социального интеллекта. Раскрыто содержание социального интеллекта в имплицитных теориях представителей разных стран, культур и возрастных групп. Изложены взгляды ученых на соотношение социального и общего интеллекта, взаимосвязь социального интеллекта и личностных характеристик, критика процедур и результатов исследований социального интеллекта. Отмечено изучение эмоционального интеллекта. Подведены итоги исследования социального интеллекта с 1920 г. по 2011 г. и определены перспективы его изучения.

Ключевые слова: история, межличностное взаимодействие, периодизация, регуляция поведения, социальный интеллект, социальное поведение.

Social intelligence in the context of history of psychology

O. V. Luneva (Moscow)

The article explains author’s periodization of history of social intelligence studying in psychology, which includes six chronological stages. Key developments, achievements and issues of every stage are presented. The author discusses those questions which took most attention during respective studying periods. The article also presents the results of theoretical and empirical studies, the impact of specific researchers from different scientific schools on development of social intelligence concept. The article explains the reflection of social intelligence in implicit theories of people from different countries, cultures and age groups. Explains views of scientists from different groups on interrelation between so-

cial and general intelligence, connection of social intelligence to personal characteristics. Critiques the methodology and results of social intelligence studying. Development of emotional intelligence is highlighted. Social intelligence studying conclusions for the period 1920–2011 are summarized. Further studying perspectives are determined.

Keywords: history, interpersonal interaction, periodization, control of behavior, social intelligence, social behavior.

Роль педиатров в развитии педологии в России

Е. С. Минькова (Нижний Новгород)

В работе дан теоретический анализ вклада педиатров в развитие педологии в России в начале XX в. Анализ опубликованных врачами работ (414 источников) позволяет выделить главные проблемы: охрана здоровья ребенка и гигиена учебной деятельности, отклонения в психическом развитии ребенка; периодизация психического развития, а также разработка основных методик педологического исследования.

Ключевые слова: педология, дефектология, гигиена учебной деятельности и охрана здоровья; психическое развитие ребенка.

The participation of physicians in the development of child psychology in Russia in the beginning of XX century

E. S. Minkova (Nizhny Novgorod)

The paper presents the theoretical analysis of relevant for pedology and the dynamics of their occurrence in the works of Russian doctors, published in Russia in the early twentieth century. The analysis of 414 sources made it possible to group studies of physicians into 5 groups: the problems of hygiene education and healthcare of a child; abnormalities in mental development; age-appropriate stages of mental development; methods of pedology. Presented in the form of a graph the result of the study allows to identify the main “ups and downs” in doctors’ publications devoted to the problems of child psychology in the period between 1904 and 1936.

Keywords: pedology, defectology, hygiene education and health; mental development of a child.

Основные предпосылки формирования психологии пола и гендерной проблематики (с XVIII до начала XX века)

В. О. Мохова (Нижний Новгород)

Статья посвящена истории психологии пола и гендерной проблематики, отражению идей периода с XVIII по начало XX в. в современных гендерных работах. Статья содержит обзор основных идей ученых по трем направлениям — философскому, социальному и естественно-научному. Основные цели статьи: проследить динамику развития научного интереса к проблемам социальных норм, возможностей и способностей мужчин и женщин; выявить основные идеи периода с XVIII по начало XX в., ставшие предпосылками для возникновения психологии пола и гендерной проблематики.

Ключевые слова: психология пола, гендер, гендерная проблематика, история психологии пола и гендерной проблематики.

Basic background of formation psychology of sex and gender perspective (XVIII to the early XX century)

V. O. Mokhova (Nizhny Novgorod)

The Article deals with the history of psychology of sex and gender perspective, with the reflection of ideas of the XVIII to the early XX century in a modern gender science. This Article contains the review of the basic ideas of the scientists for each of the three areas — the philosophical, social and natural sciences. The main objectives of the Article are: to trace the dynamics of the development of scientific interest in problems of social norms, male and female capabilities and faculties; to ascertain the principal ideas of the XVIII to the early XX century, which have become prerequisites for the emergence of psychology of sex and gender perspective.

Keywords: psychology of sex, gender, gender perspective, the history of psychology of sex and gender perspective.

Предпосылки становления психофизиологии как науки в период Средневековья

Е. Н. Нестерова (Москва)

Психофизиологические представления в Средние века явились основой развития медицины, физиологии, философии и психологии от религиозно-схоластических взглядов начала средневековья до знаний, полученных экспериментальным путем в конце средних веков. Все это дает возможность становления психофизиологии как современной науки.

Ключевые слова: психофизиология, Средние века, эпоха Возрождения, взаимосвязь психического и физиологического, эксперимент.

Prerequisite for the development of psychophysiology as a science in the Middle Ages

Е. Н. Nesterova (Moscow)

Psycho-physiological representations in the Middle Ages were the basis for the development of medicine, physiology, philosophy and psychology from the mystical and theological views of the beginning of the Middle Ages to the knowledge gained by experimentation in the late Middle Ages that gives possibility of becoming a modern science of psychophysiology.

Keywords: psychophysiology, Middle Ages, Renaissance, the relationship of mental and physiological experiment.

Высшие саморегулятивные способности: подходы к исследованию

Г. В. Ожиганова (Москва)

В статье рассматриваются различные подходы к исследованию саморегуляции и высших саморегулятивных способностей. Отмечается специфика понимания саморегуляции в зависимости от используемого подхода. Подчеркивается востре-

бованность субъектного подхода, применяемого большинством исследователей при изучении саморегуляции. Особое внимание уделяется субъектному и структурно-уровневому подходам, позволяющим отразить высшую ступень саморегуляции, соотносимую с проявлением высших саморегулятивных способностей.

Ключевые слова: саморегуляция, саморегулятивные способности, высшие саморегулятивные способности, субъектный подход, системный подход, целостный подход, структурно-уровневый подход.

Higher Self-Regulatory Capacities: Approaches to Research

G. V. Ozhiganova (Moscow)

The article discusses various approaches to the study of self-regulation and higher self-regulatory capacities. It is marked that the self-regulation understanding depends on the specificity of approach. The relevance of the subject approach applied by the majority of researchers in the study of self-regulation is emphasized. A particular attention is given to the subject approach and the structural-level approach that allow to reflect a higher level of self-regulation connected with manifestation of higher self-regulatory capacities.

Keywords: self-regulation, self-regulatory capacities, higher self-regulatory capacities, subject approach, system approach, holistic approach, structural-level approach.

История развития и современное состояние исследования психологических отношений

В. П. Позняков, Т. С. Вавакина (Москва)

В статье представлены результаты анализа развития теоретических представлений о психологических отношениях человека в отечественной психологии. Рассматривается специфика использования понятия психологических отношений в социальной психологии, в частности — феномен и понятие социально-психологических отношений. Представлены результаты теоретического анализа феномена психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности, его связи с системой других базовых категорий психологической науки. Излагаются авторские представления о содержании понятия «психологические отношения», которые выступают не только результатом и следствием изменения внешних условий жизнедеятельности субъекта, но и выполняют функцию его самоопределения в этих условиях, которая выражается в осознаваемой, избирательной, активной позиции. Предлагается авторская классификация видов и функций психологических отношений и намечаются перспективы их дальнейшего исследования.

Ключевые слова: психологическое отношение, совместная жизнедеятельность, индивидуальный и групповой субъекты психологических отношений.

Stages of development and present state of research on the psychological relations

V. P. Pozniakov, T. S. Vavakina (Moscow)

The article presents the results of the analysis of the development of theoretical ideas about the psychological relations of the person in Russian psychology. Describes the specific use of the concept of psychological relations in social psychology, in particular the phenom-

enon and the concept of socio-psychological relations. Presents the results of theoretical analysis of the phenomenon of psychological attitudes of individual and group subjects of joint activity, its relationship with other basic categories of psychological science. Outlines the author's ideas on the concept of psychological relationships, which are not only the result and consequence of changes in the external conditions of vital activity of the subject, but also perform the function of self-determination in these conditions, which is expressed in a conscious, selective, active position. The author suggests a classification of the types and functions of psychological relations and the prospects of their further studies.

Keywords: psychological relations, joint activity, individual and group subjects of psychological relations.

Педагогические истоки развития проблемы психологии командообразования

В. Л. Ситников, А. В. Комарова, Т. В. Слотина (Санкт-Петербург)

Статья посвящена проблемам педагогических истоков гуманистической психологии командообразования, наиболее качественно теоретически и эмпирически разработанных и проверенных многолетним опытом научно-педагогической деятельности А. С. Макаренко, И. П. Иванова и их последователей. Рассмотрены некоторые малоизвестные факты истории становления их подходов к формированию и развитию коллектива. Выделены основные психолого-педагогические принципы командообразования, применимые не только в педагогической, но и во многих других видах современной созидательной деятельности.

Ключевые слова: командообразование, разновозрастные отряды, развитие личности в коллективе, труд-забота, коллективная творческая деятельность.

Pedagogical Psychology origins teambuilding

V. L. Sitnikov, A. V. Komarova, T. V. Slotina (St Petersburg)

The issues of contemporary conditions, forms and effective group cooperation interaction methods are regarded. On the basis of comparative analysis of inconsistent approaches to teambuilding, the Russian experience of the formation of collectives based on the humanistic principles of the general care is described. These principles were qualitatively theoretically and empirically developed and tested through long-term experience of scientific and pedagogical activities of A. S. Makarenko, I. P. Ivanova and their followers. The article draws on little-known facts of history of their approaches to the development of the collective development. The basic psychological pedagogical teambuilding principles applicable not only in pedagogical but also in many other kinds of activities are discussed.

Keywords: teambuilding, managing style, personality development in collective, "labor-care", collective creative activity.

К вопросу о периодизации психологии воздействия в рамках советской психотехники 1920–1930-х годов

Н. Ю. Стоюхина (Нижний Новгород)

Автором ставится серьезная методологическая проблема историко-психологической периодизации одного из самых малоизученных направлений советской психотехники — психологии воздействия. Имеющиеся в современной психологичес-

кой историографии работы не охватывают всех факторов, влиявших на развитие бурно развивающейся научно-практической отрасли психологии. Если первая попытка рассмотреть этапы развития психотехники была предпринята ее лидером И. Н. Шпильрейном, а в дальнейшем — советскими и российскими психологами, то попыток периодизации психологии воздействия не осуществлялось. Однако пятнадцатилетнее существование психологии воздействия в рамках советской психотехники можно представить в виде этапов, каждый из которых был интересен тем, что понятие «воздействие» имело разные границы своей коннотации, порой изменяя вектор под влиянием идеологии.

Ключевые слова: историко-психологическая периодизация, критерии и принципы периодизации, история психологии, этапы развития психологии воздействия, психотехника, психология воздействия, реконструктивный период, закрытие психотехники.

To a question of the periodization of impact psychology within the Soviet psychotechnics of 1920–1930-s

N. Yu. Stoyukhina (Nizhni Novgorod)

The author poses a serious methodological problem of historical and psychological periodization of one of the most poorly studied areas of the Soviet psychotechnics — impact psychology. Available works in modern psychological historiography do not cover all the factors affecting the development of the booming sector of scientific and practical psychology. If the first attempt to examine the stages of development of psychotechnics was made by its leader I. N. Spielrein, and in the future — by soviet psychologists, the attempts to make the periodization of impact psychology haven't carried out before. However, fifteen years of existence of psychology under the influence of the Soviet psychotechnics can be represented in the form of stages, each of which was interesting because the term “impact” is defined differently the boundaries of its connotation changing sometimes the vector under the influence of ideology.

Key words: historical and psychological periodization, criteria and principles of periodization, history of psychology, stages of development of impact psychology, psychotechnics, impact psychology, the reconstruction period, closing psychotechnics.

Изменения гендерных ролей в российских семьях в кризисные 90-е годы XX века

Б. Н. Тугайбаева (Москва)

В статье анализируется проблема изменений гендерных ролей в семье в связи с общим изменением социально-экономических условий жизнедеятельности. С позиций психолого-исторического подхода проводится изучение социальных условий, оказывавших влияние на трансформацию российской семьи, изменение гендерных отношений, появление новых форм поведения мужчин и женщин, ценностных представлений о семейных ролях.

Ключевые слова: гендерные роли, трансформация семейных отношений, самочувствие личности, кризисные периоды общества.

Changes in gender roles in Russian families in times of crisis 90-s XX century

B. N. Tugaybaeva (Moscow)

The article analyzes the problem of changes in gender roles in the family in connection with the General change in the socio-economic conditions of life. From the standpoint of psycho-historical approach examines the social conditions that influence the transformation of the Russian family, changing gender relations, the emergence of new forms of conduct of men and women, the values of family roles.

Keywords: gender roles, transformation of family relations, the well-being of the individual, periods of crisis of the society.

История исследования проблемы самопонимания в психологии: тенденции и перспективы

О. Р. Тучина (Краснодар)

В статье проведены систематизация и анализ исследований феномена самопонимания в психологической науке, выявлена и проанализирована основная тенденция исследования самопонимания — от когнитивной парадигмы к экзистенциальной и нарративной. Автором проведено обоснование актуальности и эвристичности субъектного подхода к изучению самопонимания, который преодолевает противоречия в исследовании самопонимания в когнитивной и экзистенциально-герменевтической традициях. Субъектный подход фокусирует внимание на поиске и рассмотрении причин активности в самом человеке, на изначально активной роли социализируемого индивида, а также на взаимной имплицитности бытия и человека, на свойственной человеку как субъекту способности порождать новые формы бытия, объективируя в нем свое субъективное. Самопонимание в рамках данного подхода рассматривается как ценностно-смысловой конструкт, выражающий понимание, объяснение субъектом мира и самого себя и переживание личностью окружающего мира и себя в нем.

Ключевые слова: самопонимание; когнитивная и экзистенциальная традиции исследования; субъектный подход; психология человеческого бытия; субъектно-бытийный подход.

The history of the study of problem of self-understanding in psychology: trends and prospects

O. R. Tuchina (Krasnodar)

The article includes systematization and analysis of studies of the phenomenon of self-understanding in psychological science, revealed and analyzed the main trend of the research of self-understanding — from cognitive paradigm to the existential and narrative. The author offers a rationale for the relevance subjective approach to the study of self-understanding, which overcomes the contradictions in the study of self-understanding in the cognitive and existential-hermeneutic traditions. The subjective approach focuses on finding and dealing with the cause's activity in man, the active role of the individual, and on mutual relation of being and of man, on human nature as a subject's ability to generate new forms of existence, objectivity their subjective. Self-understanding in the framework of this ap-

proach is seen as value-semantic construct, expressing understanding, the explanation of the subject and of the world itself and the experience of the personality of the surrounding world and themselves in it.

Keywords: self-understanding; cognitive and existential traditions of research; subjective approach; the psychology of being human; subject-existential approach.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ **Творческое наследие мыслителей и ученых** **и их роль в развитии психологического познания**

Философско-этическое наследие Аристотеля как основа психологии нравственного развития личности и общества

М. Р. Арпентьева (Калуга)

В статье представлены основы современной теории и практики психологии нравственного развития, раскрытые с точки зрения телеологической концепции этики Аристотеля. Показано, что ведущим моментом нравственного развития человека и общества являются формирование и развитие ориентации на социальное служение — на достижение и осмысление блага, формирование и развитие добродетелей, поддерживающих жизнь и соизмеряющих поступки служения с целями.

Ключевые слова: нравственное развитие, психология, философия, добродетель, телеология, благо.

Philosophical and ethical heritage of Aristotle as the basis of the psychology of moral development of the individual and society

M. R. Arpentieva (Kaluga)

The article presents the foundations of modern theory and practice of the psychology of moral development disclosed in terms of a teleological conception of Aristotelian ethics. It shown that the leading point of moral development of man and society are the formation and development of orientation to social service to achieve and understanding the benefits, the formation and development of the virtues that support life and commensurate actions service objectives.

Key words: moral development, psychology, philosophy, virtue, teleology, the benefit.

В. О. Ключевский о становлении великороссов и их менталитете

Т. И. Артемьева (Москва)

В статье анализируются взгляды известного русского ученого, публициста и историка, представителя русской либеральной историографии академика В. О. Ключевского на факторы формирования менталитета русского народа. Выявлено, что, по мнению ученого, главную роль в этом процессе сыграли географический фактор и неоднородный национальный состав. Это сочетание определенным образом сказалось на формировании менталитета русского народа, обусловив его своеобразные характеристики.

Ключевые слова: менталитет, самосознание, общественные интересы, личная выгода, природа, межнациональное общение.

V. O. Klyuchevskii about the formation of the Russian nation and the formation of its mentality

T. I. Artemieva (Moscow)

The article analyzes the views of the famous Russian scientist, publicist and historian, representative of the Russian liberal historiography, Academician V. O. Klyuchevskii factors on the formation of mentality of the Russian people. It was revealed that according to the scientist a major role in this process was played by the geographical factor and heterogeneous ethnic composition. This combination of a certain way affected the formation of the mentality of the Russian people, to determine its unique characteristics.

Keywords: mentality, self-awareness, the public interest, personal gain, nature, international communication.

Проблема человека в учении С. Л. Франка

V. E. Bogdanova (Moscow)

Статья посвящена анализу отдельных аспектов философского учения С. Л. Франка о душевной жизни человека, его душе как «целостной реальности, как особом мире». Вопрос об истинном существовании человека, критериях, позволяющих оценить образ жизни, мышления личности на основе соответствия идеалу гуманности, имеет статус решающего вопроса в гуманистической психологии. Уникальная философская система Франка помогает увидеть истоки проблем нашей современной жизни в сфере духовности, морали.

Ключевые слова: Всеединство, метафизика, душевная жизнь, сознание, метафизический реализм.

The problem of man in the teachings of S. L. Frank about the soul

V. E. Bogdanova (Moscow)

The article is devoted to the analysis of some aspects of the philosophy of S. L. Frank about the spiritual life of man, his soul as “a holistic reality, as a special world”. The question about the true existence of man, the criteria to evaluate the way of living, thinking person on the basis of conformity to the ideal of humanity, has the status of a decisive question in humanistic psychology. Unique philosophical system of the franc helps to see the origins of the problems of our modern life in the realm of spirituality and morality.

Keywords: Unity, metaphysics, spiritual life, consciousness, metaphysical realism.

Эмоциональная психология Л. И. Петражицкого

C. A. Гильманов (Ханты-Мансийск)

В статье рассматривается «Эмоциональная психология» российско-польского мыслителя Л. И. Петражицкого – психологическая теория начала XX в., претендующая на то, чтобы стать новой психологической наукой. Вначале излагаются

взгляды Петражицкого на современную ему психологическую науку, сущность эмоциональной психологии, а затем его теория анализируется и оценивается. Автор приходит к выводу о том, что, хотя теория Петражицкого и носит целостный и завершённый характер, она не настолько обоснованна и глубока, чтобы считаться значимым вкладом в психологическую теорию. Однако в психологии эмоций как отрасли психологической науки Петражицким выделены некоторые значимые стороны, изучение которых остается актуальным и сегодня. Это роль психофизиологических, наследственных и культурных факторов в проявлениях эмоций, проблемы усиления или ослабления эмоционального процесса, объекты, вызывающие переживания, включение эмоций в социальные отношения и др.

Ключевые слова: психика, эмоции, эмоциональная психология, психологическая теория, пассивно-активные переживания.

Emotional psychology of L. Petrazhitzky

S. A. Gilmanov (Khanty-Mansiysk)

The article discusses the “Emotional psychology” Russian-Polish thinker Lev Petrazhitzky – psychological theory of the early XX century, which aspires to become a new psychological science. First, it sets out the views of Petrazhitzky on contemporary psychological science, the essence of his emotional psychology, and then it is analyzed and evaluated. The author comes to the conclusion that, although the theory of Petrazhitzky is holistic and complete in nature, it is not so deep, and justified, to be considered as a significant contribution to psychological theory. However, in the psychology of emotions, as a branch of psychological science in general, Petrazhitzky highlighted some important parties, the study of which remains relevant today. It is: the role of physiological, hereditary and cultural factors in the manifestation of emotions, the problems of strengthening or weakening the emotional process, the objects that cause experiences, the inclusion of emotions in social relations etc.

Keywords: psyche, emotions, emotional psychology, psychological theory, passive-active experiences.

Вклад А. Р. Лурии в развитие психотерапии

Н. В. Гребенникова (Москва)

Данная статья отражает некоторые сведения из биографии А. Р. Лурии, связанные с его ранними психоаналитическими работами. Эти идеи были использованы А. Р. Лурией для экспериментального исследования аффективных состояний, что позволило ему прийти к выводу о том, что перевод психических процессов на новый, более высокий уровень осознания через речевое опосредование является одним из механизмов регуляции аффективного поведения. В дальнейшем это нашло свое непосредственное воплощение также в решении проблемы реабилитации лиц с органическими поражениями мозга.

Ключевые слова: А. Р. Лурия, психотерпия, психоанализ, регуляция и саморегуляция аффективных состояний.

A. R. Luria's contribution to development of psychotherapy

N. V. Grebennikova (Moscow)

The paper deals with some data from A. R. Luria's biography concerning his early psychoanalytic works. These ideas of A. R. Luria used for experimental studies affective behaviour and personality alterations, also he proposed method of their reorganisation.

Keywords: A. R. Luria, psychotherapy, regulation and selfregulation of affective state

Л. С. Выготский и психология в Московском университете (К 120-летию со дня рождения)

А. Н. Ждан (Москва)

В статье рассматривается вклад известного русского психолога Л. С. Выготского в развитие советской психологии. Предложена периодизация научного творчества ученого, обозначены ученые, под влиянием которых он формировался как психолог и на кого он сам оказал влияние. Обозначены перспективы развития идей Л. С. Выготского.

Ключевые слова: деятельностный подход, культурно-историческая концепция, научные соратники, ученики и последователи.

L. S. Vygotsky and psychology at the University of Moscow (The 120th anniversary)

A. N. Zhdan (Moscow)

The article discusses the contribution of the famous Russian psychologist L. S. Vygotsky in the development of Soviet psychology. A periodization of the scientific work of the scientist, scientists are designated under the influence of which it was formed as a psychologist, and on whom he influenced. The perspectives of the development of ideas L. S. Vygotsky.

Keywords: activity approach, cultural and historical concept, research associates, students and followers.

Философско-психологическая система научных представлений Я. А. Пономарева: истоки, основные положения, перспективы

А. Л. Журавлев, Т. В. Галкина (Москва)

Статья посвящена анализу истоков, логике развития основных положений и перспектив развития философско-психологической системы научных представлений выдающегося ученого и талантливого экспериментатора, известного теоретика и методолога, психолога и философа Якова Александровича Пономарева, предложившего оригинальные воззрения на природу психического и содержание категорий деятельности, взаимодействия и развития, создавшего учение о психологическом механизме творчества и поведения, открывшего закон «этапы—уровни—ступени (ЭУС)», разработавшего концепцию структурно-уровневой организации психики и выдвинувшего теорию о типах знания. Показаны основные вехи жизненного пути Пономарева, повлиявшие на его научное творчество. Разрабатывая свою научную концепцию в области психологии творчества, По-

номарев внес неопенимый, однако до сих пор не до конца отрефлексируванный учеными вклад в развитие методологии, имеющей общепсихологическое и общенаучное значение.

Ключевые слова: творчество, психологический механизм, интуиция, логика, рефлексия, взаимодействие, развитие, закон ЭУС, внутренний план действий, способность действовать «в уме», типы знания, экспериментальная методология, социальная психология творчества.

Philosophical-psychological system of Ya. A. Ponomarev's scientific ideas: origins, basic notions, perspectives

A. L. Zhuravlev, T. V. Galkina (Moscow)

The article analyzes the origins, logic of basic notions' evolution and perspectives of development of philosophical-psychological system of scientific ideas of the eminent scientist and talented experimentalist, prominent theoretician and methodologist, psychologist and philosopher Ya. A. Ponomarev, who suggested the original ideas about the nature of mind, content of such categories as activity, interaction and development. The scientist created the study about psychological mechanism of creativity and behavior, discovered PLS (Phases—Levels—Stages) principle, elaborated structure-level conception of psyche organization and advanced the theory of stages in scientific knowledge's development. The main landmarks of Ya. A. Ponomarev's life, influenced on his scientific creativity, is shown. Developing his scientific concept in the field of psychology of creativity, Ponomarev put in very important contribution (but not yet completely reflected by the scientists) into development of methodology, having the general-psychological and general-scientific value.

Keywords: creativity, psychological mechanism, intuition, logic, reflection, interaction, development, PLS (Phases—Levels—Stages) principle, inner plan of action, ability to operate “in mind”, types of knowledge, experimental methodology, social psychology of creativity.

Вклад Б. Д. Парыгина в развитие отечественной социальной психологии

A. Л. Журавлев (Москва), И. А. Мироненко (Санкт-Петербург)

В статье рассматривается вклад Б. Д. Парыгина в становление методологии российской социальной психологии. Выделены особенности методологии Парыгина, который разработал целостное представление о социальной психологии как системе знания; с единых позиций рассмотрел общие и частные вопросы теории, методологии и практики; последовательно развивал свою систему взглядов. Осуществлен анализ отношения ученого к доминирующей идеологии и деятельностному подходу, а также духовно-философской ориентированности его методологии. Особенности структурно-динамического подхода как общего применяемого им метода рассмотрены на примере разработки концепций личности и общения, которым Парыгин отводил центральное место в предметной области социальной психологии.

Ключевые слова: методология отечественной социальной психологии, возрождение отечественной социальной психологии, Парыгин, структурно-динамический подход, духовно-философская традиция российской гуманитарной науки, личность, общение.

Contribution B. D. Parygina the development of Russian social psychology

A. L. Zhuravlev (Moscow), I. A. Mironenko (St Petersburg)

The article deals with the contribution of Parygin to the development of the methodological basics of the Russian social psychology. The basic features of the methodology of Parygin are considered. Integrity, which is manifested in the fact that he has developed a holistic view of social psychology as a system of knowledge; from unified positions considered general and specific questions of theory, methodology and practice; was consistently developing his system of views throughout his professional life. Attitude of the scientist to the dominant ideology and activity approach, spiritual and philosophical orientation of Parygin's methodology is revealed characteristics of the structural-dynamic approach, which is a general method of analysis in his methodological framework, are reviewed by the example of the elaboration of the concepts of personality and communication, which Parygin gave a central place in the domain of social psychology.

Keywords: history of Russian social psychology, methodology of social psychology, Russian spiritual and philosophical tradition, structural-dynamic approach, personality, communication.

Вклад В. М. Бехтерева в изучение проблемы внушаемости человека

В. М. Звоников, С. Ю. Баранов (Москва)

В статье рассматриваются воззрения В. М. Бехтерева на проблемы внушения и внушаемости применительно к повседневной жизни. Указывается, что его четкие, обоснованные психологические трактовки понятий «внушение» и «внушаемость» имеют существенное значение и для современной психологии.

Ключевые слова: внушение, внушаемость, гипнотическое состояние, убеждение, способ взаимодействия.

Contribution V. M. Bechterew to the study of human suggestibility

V. M. Zvonikov, S. Y. Baranov (Moscow)

Views are considered in the work on the problem of suggestion and suggestibility in relation to everyday life. It indicated that his clear, reasonable psychological interpretation on the concepts of "suggestion" and "suggestibility" are essential for modern psychology.

Keywords: suggestion, suggestibility, hypnotic state, conviction, way to communicate.

Роль К. К. Платонова в создании и внедрении самолетов-лабораторий психофизиологического профиля

Н. Е. Казакова (Москва)

В статье рассматривается история создания и внедрения летающих лабораторий психофизиологического профиля, полученные выводы и результаты исследований, проведенных с использованием самолетов-лабораторий. Особое внимание уделяется роли К. К. Платонова, его влиянию на развитие авиационно-психологических исследований, результатам внедрения самолетов-лабораторий.

Ключевые слова: Платонов К. К., самолет-лаборатория психофизиологического профиля, летающая лаборатория, психофизиология, авиационная психология, авиационная психофизиология, экспериментально-психологические исследования, напряженность в полете, сенсомоторика, идеомоторика, психологические особенности полетов, авиапсихологические приборы.

The role of K. K. Platonov in the creation and implementation of laboratories aircraft psychophysiological profile

N. E. Kazakov (Moscow)

The article discusses the history of the creation and implementation of a flying laboratory psychophysiological profile, the findings and results of studies conducted using laboratory-airplanes. Particular attention is paid to the role of K. K. Platonov, his influence on the development of aviapsihologicheskikh studies, the results of research aircraft introduction.

Keywords: K. K. Platonov, the aircraft-laboratory psychophysiological profile, flying laboratory, psychophysiology, aviation psychology, aviation psychophysiology, experimental psychological research tensions in flight, sensorimotor, ideomotorika, psychological characteristics of flight, aviapsihologicheskie devices.

М. М. Рубинштейн: жизнь и творчество в психологии

О. В. Коробова (Москва)

В статье рассматривается биография и основные этапы жизни и творческого пути М. М. Рубинштейна. Освещается научная биография и неопубликованные труды, хранящиеся в архиве Института психологии РАН. Раскрываются его основные идеи в развитии педагогической психологии, психологии личности, общей психологии. Делаются выводы о взаимосвязи научной продуктивности ученого и социально-политических условий жизни в стране.

Ключевые слова: М. М. Рубинштейн, личность, индивидуальность, ценности, культура, образование, субъект.

M. M. Rubinstein: life and work in psychology

O. V. Korobova (Moscow)

The article deals with the biography and main life stages of the creative path of M. M. Rubinstein. Highlights of scientific biography and unpublished papers stored in the archives of the Institute of psychology RAS. Reveals his basic ideas in the development of pedagogical psychology, psychology of personality, General psychology. Conclusions are made about the relationship of research productivity of a scientist and socio-political conditions of life in the country.

Keywords: M. M. Rubinstein, personality, individuality, values, culture, education, subject.

К. Д. Ушинский и разработка практической психологии

В. А. Мазиллов (Ярославль)

К. Д. Ушинский является выдающимся педагогом и психологом. Вклад Ушинского в психологию в целом признается лишь в отечественной истории психологии. Представляется, что вклад Ушинского в мировую психологию недооценивается: его обычно оценивают с точки зрения тенденций второй половины XIX столетия — возникновения научной психологии. В статье показано, что русский педагог, опередив время, пытался создать систему практической психологии. Ушинский определяет предмет психологии, причем трактует его широко и целостно. Ушинский определяет соотношение психологии с философией. Поскольку он не ставит перед своими трудами задачи обосновать отделение от философии, он просто определяет это соотношение. Он обсуждает отношение психологии к другим наукам, т. е. определяет ее место в системе научного знания. Ушинский подробно обсуждает, каков должен быть метод психологии. Ученый подробно рассматривает важнейший для конституирования науки вопрос, связанный со структурой дисциплины, решает вопрос о соотношении психологии с физиологией. Ушинский утверждает опытный характер науки. Ушинский определяет соотношение теории и метода в новой психологии, что было редкостью для той эпохи. Парадигма практической психологии только формируется в наши дни. Ушинский в рамках педагогической антропологии первым в истории мировой психологии попытался решить эту задачу. Методологические подходы к решению сложных проблем он начал формулировать еще во время работы профессором ярославского Демидовского лицея.

Ключевые слова: К. Д. Ушинский, педагогика, психология, Демидовский юридический лицей, педагогическая антропология, практическая психология.

K. Ushinskiy and development of practical psychology

V. A. Mazilov (Yaroslavl)

K. Ushinskiy is an outstanding teacher and a psychologist. Ushinskogo contribution to psychology as a whole is recognized only in the domestic history of psychology. It appears that contributions to the world Ushinskogo psychology underestimated: it is usually evaluated in terms of the trends in the second half of the XIX century — the emergence of scientific psychology. The article shows that the Russian teacher, ahead of time, trying to create a system of practical psychology. Ushinsky defines the subject of psychology, and interprets it broadly and holistically. Ushinsky defines the relation of psychology to philosophy. Because he does not set his work tasks justify separation from philosophy, it simply defines this relationship. He discusses the relation of psychology to other sciences, that is, determines its place in the system of scientific knowledge. Ushinsky discusses in detail what should be the method of psychology. Scientist examines in detail the most important for the constitution of a science question related to the structure of the discipline, it solves the problem of the relationship between psychology and physiology. Ushinsky claims experienced nature of science. Ushinsky defines the relationship between theory and method in the new psychology, which was rare for that era. The paradigm of practical psychology being formed today. Ushinsky within pedagogical anthropology first

in the history of the world of psychology attempted to solve this problem. Methodological approaches to solving complex problems, he began to formulate even during Professor of Yaroslavl Demidov Lyceum.

Keywords: K. Ushinskiy, pedagogy, psychology, practical psychology, pedagogical anthropology, applied psychology.

Психологические взгляды С. Смайlsa на саморазвитие человека

V. G. Maralov (Cherepovets), V. A. Sitarov (Moscow)

Статья посвящена изложению взглядов шотландского философа, реформатора и психолога XX в. С. Смайlsa на проблему саморазвития человека. Показывается, что он во многом предвосхитил и концептуально определил ряд положений, которые широко используются в современной психологии. В частности, в неявном виде высказана мысль о человеке как субъекте саморазвития, показано, что саморазвитие возможно только в деятельности (труд, прилежание и настойчивость по С. Смайлсу), важнейшим условием саморазвития является самопознание, а в качестве средства выступает работа над собой, т. е. самовоспитание. Определена также и роль социального окружения (родителей) в стимулировании стремления к саморазвитию: она состоит в создании соответствующей среды, где ведущее значение приобретает пример взрослого, который сам встал на путь саморазвития. Делаются выводы о том, что взгляды С. Смайlsa не утратили своего значения и в настоящее время. Детальное изучение его творчества позволит глубже понять суть саморазвития как психологического феномена и его назначения в жизни человека.

Ключевые слова: С. Смайлс, саморазвитие, труд, настойчивость, самостоятельность, самовоспитание, личный пример.

Psychological views S. Smiles human self-development

V. G. Maralov (Cherepovets), V. A. Sitarov (Moscow)

The article is devoted to presenting the views of the Scottish philosopher, psychologist and reformer of the 19th century S. Smiles at self-development problem. It is shown that he anticipated largely conceptually identified a number of provisions, which are widely used in modern psychology. In particular, it implicitly suggested that man is the subject of self-development, it is shown that self-development is only possible in the activities (work, diligence and perseverance by S. Smiles), essential for self-development is self-knowledge, and serves as a means to work on oneself, then there is self-education. Defined as the role of the social environment (parents) in stimulating the desire for self-development, it is to create a suitable environment where leading value acquires an example of an adult, who himself embarked on a path of self-development. The conclusion is that the views of S. Smiles have not lost their importance at the present time. A detailed study of his work will allow a deeper understanding of the essence of self-development as a psychological phenomenon, and his purpose in life.

Keywords: S. Smiles, self-development, labor, perseverance, independence, self-education, personal example.

Этапы развития и направления творческой деятельности В. Н. Дружинина

Н. Г. Немировская (Москва)

В статье представлена разработанная автором периодизация жизни и научной деятельности В. Н. Дружинина. Описаны разные стороны личности ученого, проявлявшиеся в энциклопедических знаниях, преданности науке, блестящей памяти, поэтическом таланте, остром переживании событий, происходивших в нашей стране, обеспокоенности состоянием интеллектуального потенциала российского общества. Проанализированы основные направления научного творчества В. Н. Дружинина: общая и когнитивная психология, психология интеллекта и психология семьи, методология и психология творчества, экзистенциальная психология и психодиагностика общих способностей.

Ключевые слова: психология, психодиагностика общих способностей, периодизация жизни и творческой деятельности, экспериментальная психология, психология интеллекта.

Stages of development and direction of creative activity V. N. Druzhinin

N. G. Nemirovskaya (Moscow)

The periodization of the life and scientific activity of V. N. Druzhinin is made. Different aspects of Vladimir Nikolayevich Druzhinin's personality that manifested themselves in encyclopedic knowledge, dedication of science, brilliant memory, vivid experiencing of events that took place in our country, anxious about intellectual potential of Russian society are described. Main areas of V. N. Druzhinin's scientific activity – general and cognitive psychology, psychology of intelligence and family psychology, methodology and psychology of creativity, existential psychology and psychodiagnostics of general abilities – are analyzed.

Keywords: psychology, psychodiagnostics of general abilities, periodization of the life and creative activity, experimental psychology, psychology of intelligence.

Д. Т. Кацаров и идеи функционализма в болгарской психологии первой половины XX века

М. Д. Няголова (Велико Търново, Болгария)

Статья посвящена психологическому наследию выдающегося болгарского ученого – члена-корреспондента Болгарской академии наук, профессора Димитра Кацарова (1881–1960). Рассматриваются основные этапы его научной биографии. Проанализированы публикации Женевского периода его творчества, сделанные под руководством Эдуарда Клапареда, а также его позднейшие работы по психологии и педологии. Раскрывается роль Д. Т. Кацарова в становлении и развитии болгарской психологии первой половины XX в. в контексте европейского функционализма и толстовства.

Ключевые слова: методология функционализма, женевская психологическая школа, свободное воспитание, педология, тесты, психология нравственности, история болгарской психологии.

D. T. Kataroff and the ideas of functionalism in Bulgarian psychology from the first half of the 20th century

M. D. Nyagolova (Veliko Turnovo, Bulgaria)

The article is devoted to the psychological heritage of the eminent Bulgarian scholar – the corresponding member of Bulgarian Academy of Sciences, Professor Dimitar Kataroff (1881–1960). The main stages of his biography are examined. The principal publications from the Geneva period of his creative work are analyzed, realized under the direction of Edouard Claparede, as well as his later publications on Psychology and Pedology. The role of D. T. Kataroff for the organization and development of Bulgarian Psychology, from the first half of 20th century, is shown in the context of the European Functionalism and Tolstoism.

Keywords: Methodology of Functionalism, Psychological school of Geneva, Free Education, Pedology, Tests, Psychology of Morality, History of Bulgarian Psychology.

**Психология профессиональной деятельности:
комплексный подход (К 85-летию со дня рождения В. А. Бодрова)**

А. А. Обознов (Москва)

В статье рассматривается жизненный путь и творческое наследие заслуженного деятеля науки и техники Российской Федерации, лауреата Премии имени С. Л. Рубинштейна РАН, доктора медицинских наук, профессора Вячеслава Алексеевича Бодрова (01.10.1931–06.02.2012), известного специалиста в области психологии труда, инженерной психологии и эргономики, авиационно-космической и экстремальной психологии, психофизиологии и медицины.

Ключевые слова: творческое наследие, инженерная психология, военная психология, психология стресса, субъект профессиональной деятельности.

**Psychology of professional activity: a comprehensive approach
(to the 85th anniversary of V. A. Bodrov)**

A. A. Oboznov (Moscow)

The article discusses the life and creative heritage of Honored Worker of Science and Technology of the Russian Federation, winner of the award named S. L. Rubinstein Russian Academy of Sciences, Doctor of Medicine, Professor Vyacheslav Alekseevich Bodrov (01.10.1931–06.02.2012), a renowned expert in the field of occupational psychology, engineering psychology and ergonomics, aerospace and extreme psychology, psychophysiology and medicine.

Keywords: creative heritage, engineering psychology, military psychology, psychology of stress, the subject of professional activity.

**Психология личности в трудах Л. И. Анцыферовой
и современные представления о личностном развитии
и посттравматическом росте**

Н. Е. Харламенкова, А. Л. Журавлев (Москва)

В статье анализируются научные взгляды известного российского психолога Л. И. Анцыферовой на проблемы личности, субъекта деятельности, индивидуальности. Подчеркивается, что принцип развития, детально и глубоко разработанный Анцыферовой, продолжает оставаться актуальным направлением исследования в современной психологии. Реализуя этот принцип в своем творчестве, ученый всегда указывал, что речь надо вести не просто о деятельности, а о действующем индивиде, о личности в состоянии деятельности. Своей ценности не утратили общее понимание психического развития, его механизмов, кризисов и возрастной специфики развития, которые ярко представлены в творчестве Л. И. Анцыферовой. Продолжение исследований в этой области многообразно, однако в настоящей работе показано приложение общих представлений о психическом развитии к такой его специфической форме, как посттравматический рост.

Ключевые слова: развитие, личность, Л. И. Анцыферова, посттравматический рост, возрастные кризисы, непрерывное образование.

**Personality Psychology in the works L. I. Antsyferova and modern concepts
of personal development, and posttraumatic growth**

N. E. Harlamenkova, A. L. Zhuravlev (Moscow)

The article analyzes the scientific views of the famous Russian psychologist L. I. Antsyferova on the problem of personality, the subject of activity, personality. It is emphasized that the principle of development, detailed and deeply developed Antsyferova, continues to be a topical area of research in modern psychology. By implementing this principle in his work the scientist has always pointed out that it should be conducted not only on the activity, but the actions of the individual, of the individual in a state of activity. By implementing this principle in his work the scientist has always pointed out that it should be conducted not only on the activity, but the actions of the individual, of the individual in a state of activity. His values are not lost their common understanding of mental development, its mechanisms, crises and age-sensitive development that clearly represented in the works of L. I. Antsyferova. Continued research in this area in many ways, but in this paper shows the application of general concepts of mental development to a specific form of it as post-traumatic growth.

Keywords: development, personality, L. I. Antsyferova, posttraumatic growth, age crises, continuing education.

Наследие Эрнеста Беккера и современные теории страха смерти

К. А. Чистопольская, С. Н. Ениколопов (Москва)

Эрнест Беккер — культурный антрополог, лауреат Пулитцеровской премии 1974 г. в жанре научной публицистики за книгу «Отрицание смерти». В рамках психологии он исследовал тему смерти и ее героического преодоления. Э. Беккер писал,

что основой человеческого функционирования является страх смерти, от которого человек защищается с помощью личного проекта *causa sui*, а также различных идеологий бессмертия. Его работы были полностью адаптированы острой и неординарной концепцией, вызвавшей много споров в психологической литературе — социально-психологической теорией управления страхом смерти (terror management theory, ТМТ). После дискуссий в профессиональных журналах идеи Э. Беккера и ТМТ были подхвачены и другими исследователями. В данной работе приводятся основополагающие идеи Э. Беккера и их развитие в современных экспериментальных направлениях.

Ключевые слова: страх смерти, теория управления страхом смерти, самооценка, картина мира, культурный буфер тревоги, привязанность, ностальгия, творчество, саморегуляция.

The legacy of Ernest Becker and the modern theories of the fear of death

K. A. Chistopolskaya, S. N. Enikolopov (Moscow)

Ernest Becker is a cultural anthropologist, Pulitzer Prize winner in 1974 for General Non-Fiction for his book *The Denial of Death*. In psychology he explored the topic of death and its heroic transcendence. E. Becker wrote, that the fear of death is the basis of human functioning and man defends himself from it with the help of the personal *causa sui* project, as well as with various ideologies of immortality. His works were fully adopted by a pressing and ingenious theory, which provoked debates in psychological literature, — a terror management theory (TMT) from the field of social psychology. After discussions in professional journals the ideas by E. Becker and TMT were taken up by other researchers. In this paper Becker's ground-breaking ideas are put forward, as well as their development in the modern experimental theories.

Keywords: fear of death, terror management theory, self-esteem, worldview, cultural anxiety buffer, attachment, nostalgia, creativity, self-regulation.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

История становления и развития психологических обществ, школ, научных, научно-образовательных и научно-практических центров

К столетию первых съездов по экспериментальной педагогике в России

В. В. Анишакова (Астрахань), В. А. Кольцова (Москва)

Статья раскрывает основные психологические проблемы, волновавшие исследователей психики человека сто лет назад. Показана необходимость в организации и проведении первых психологических съездов, раскрыта неоднозначность позиций участников, представлено поле основных дискуссий, развернувшихся в аудиториях съездов и определивших дальнейшую исследовательскую работу.

Ключевые слова: съезды по педагогической психологии, съезды по экспериментальной педагогике, психологические лаборатории, Педагогическая академия, психологические журналы, психологические дискуссии.

On the centenary of the first congress on experimental pedagogy in Russia

V. V. Anshakova (Astrakhan), V. A. Koltsova (Moscow)

The article reveals main psychological problems that have preoccupied researchers of the human psyche a hundred years ago. The necessity in organizing and conducting the first psychological congresses is shown here, and the ambiguity of the positions of its participants is opened, major field of discussions developed in audiences of congresses and which defined further research work is presented.

Keywords: congresses on pedagogical psychology, Congress on experimental pedagogics, psychological laboratories, Pedagogical Academy, psychological journals, psychological discussions.

Московское психологическое общество конца XIX—начала XXI века и его роль на разных этапах социального строя России

Д. Б. Богоявленская (Москва)

В статье анализируется история деятельности Московского психологического общества. Прошло 130 лет со дня его создания. Но в деятельности Общества эти годы не были непрерывной траекторией. Она прерывается дважды. Дважды ее прерывает проходящая революция, что четко делит работу Общества на разные периоды. И в их рамках роль МПО меняется в зависимости от общей социальной ситуации в стране.

1-й период: на первом этапе своего существования Московское психологическое общество выступает в роли прообраза научной школы.

2-й период: 1950–1980-е годы — это уже не период зарождения и становления научных школ, это период их борьбы. Школы росли и крепили в борьбе. Теперь Общество не формирует, а примиряет и объединяет сложившиеся школы.

3-й период: новая задача в ситуации отката от отечественных школ, теоретического плюрализма и консенсуса — вернуть психологию в лоно фундаментальной науки и сделать более очевидным, что «практическая психология» суть приложение фундаментальной.

4-й период: борьба с авторитарностью.

Ключевые слова: общество, московское, научная школа, философия, психология.

Moscow Psychological Society in the late XIX—early XXI centuries and it's role in the different stages of the social system in Russia

D. B. Bogoyavlenskaya (Moscow)

The article analyzes the history of the activities of the Moscow Psychological Society. It has been 130 years since its establishment. But in the Company's activities, these years were not continuous trajectory. She was suspended twice. Twice she interrupts passing revolution that clearly divides the Company's work in different periods. And in their role within the MPO varies depending on the overall social situation.

Period 1: at the first stage of its existence, the Moscow Psychological Society acts as the inverse image of the scientific school.

Period 2: 1950–1980-ies it is not during the birth and formation of scientific schools, it is the period of their struggle. School grew and strengthened in the fight. Now the company does not form, and reconciles and unites the existing school.

Period 3: The new challenge in a situation of domestic retracement of schools, theoretical pluralism and consensus to return to the bosom of the psychology of basic science and make it more obvious that “practical psychology” are fundamental application.

Period 4: period: the fight against authoritarianism.

Keywords: Society, Moscow, scientific school, philosophy, psychology.

Лаборатория психологии личности ИП РАН: история в лицах

М. И. Воловикова (Москва)

В статье прослеживается история возникновения в Академии наук СССР научного подразделения, целью которого стало исследование личности. Эта история связана с именами С. Л. Рубинштейна, Л. И. Анцыферовой, К. А. Абульхановой, В. Г. Асеева, Т. И. Артемьевой, И. А. Джидарьян, И. И. Чесноковой и других. Рассматривается современное состояние исследований в Лаборатории психологии личности Института психологии РАН, а также намечается их перспектива. Делается вывод о научном вкладе коллектива Лаборатории в утверждение психологии личности как научного направления российской психологической науки советского и последующих периодов.

Ключевые слова: психология личности, история психологии, Академия наук, С. Л. Рубинштейн, Л. И. Анцыферова, К. А. Абульханова, В. Г. Асеев, Т. И. Артемьева, И. А. Джидарьян, И. И. Чеснокова.

The Laboratory of personality psychology of IP RAS: the history and the people

M. I. Volovikova (IP RAS, Moscow, Russia)

The article traces the history of scientific division in the Academy of Sciences of the USSR whose purpose was the study of personality. This history is connected with such scientists as S. L. Rubinstein, L. I. Antzyferova, K. A. Abulkhanova and others. The article considers the current situation of research work in the Institute of Psychology RAS, primarily in the laboratory of personality, as well as prospect researches. It is concluded that the scientific contribution of the collective approval of laboratories in personality psychology as a scientific field of psychology of the Russian Soviet and subsequent periods.

Keywords: psychology of personality, the history of psychology, Academy of Sciences, S. L. Rubinstein, L. I. Antzyferova, K. A. Abulkhanova.

Психологическая служба промышленного предприятия конца советского периода (на примере социально-психологической службы производственного объединения «Курганприбор»)

А. А. Грачев (Москва)

В статье рассматриваются основные детерминанты появления и развития психологических служб промышленных предприятий во второй половине XX в. — социальный заказ, запрос к психологическому знанию со стороны социологии,

внутренняя логика развития самой психологии. Обсуждается комплексная реализация знания о человеке и социальной организации в форме службы социального развития промышленного предприятия. Показывается эффективность комплексного и междисциплинарного подхода к социальному управлению предприятием на примере деятельности социально-психологической службы производственного объединения «Курганприбор». Определяются перспективы развития такого подхода в связи с моделью управления человеческими ресурсами.

Ключевые слова: внешние и внутренние детерминанты развития психологической службы, психологическая служба, социологическая служба, социальное управление, психологическое содержание социального управления, психолог в организации, социально-психологическая служба объединения «Курганприбор».

Psychological service of industrial enterprise the end of the Soviet period (for example, social and psychological services of the production association “Kurganpribor”)

A. A. Grachev (Moscow)

The main determinants of the emergence and development of psychological services of the industrial enterprises in the second half of the XX century – a social order, a request to psychological knowledge from sociology, the internal logic of the development of psychology discusses in the article. The complex implementation of knowledge about human and social organization in the form of social development of the industrial enterprise discussed. The effectiveness of a comprehensive and interdisciplinary approach to social enterprise management on the example of the socio-psychological service of manufacturing enterprises Kurganpribor showed. The perspectives for this approach in connection with human resources management model outlined.

Keywords: external and internal determinants of development of psychological department, psychological department, social department, social management, the psychological content of social management, the psychologist in the organization, the socio-psychological department production company “Kurganpribor”.

История зарождения и этапы развития психологической службы уголовно-исполнительной системы России

М. Г. Дебольский, Ф. И. Ушков (Москва)

В статье проанализированы предпосылки создания психологической службы уголовно-исполнительной системы России, раскрыты основные этапы ее становления. В качестве предпосылок создания психологической службы выделены: реформирование уголовно-исполнительной системы, ее ориентация на исправление личности; развитие психологической науки, ее направленность на практику; наличие кадрового потенциала; инновационная направленность руководителей. С позиций теории управления, психологическая служба рассматривается как организационная система и относительно самостоятельное структурное подразделение ФСИН России, включающее следующие компоненты: нормативно-правовой, концептуальный, организационно-штатный, кадровый, научно-исследовательский, материально-технический и др. Раскрыты основные вехи в становлении и развитии психологической службы уголовно-исполнительной системы, ее состояние в настоящее время и перспективы развития.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, психологическая служба, миссия пенитенциарного психолога, функции и виды деятельности пенитенциарного психолога, инновация, психодиагностика, психологическая коррекция, этапы развития психологической службы.

History of origin and stages of development of psychological services criminal executive of Russia

M. G. Debol'skii, F. I. Ushkov (Moscow)

The article analyzes the prerequisites for the establishment of the psychological service of criminally-executive system of Russia, revealed the main stages of its development. As the background of the psychological service identified: reforming the penitentiary system and its orientation towards the correction of the individual; the development of psychological science, its focus on practice; availability of human resources; innovative orientation leaders. From the standpoint of the theory of management, psychological services is regarded as an organizational system and relatively independent structural unit of the Russian Federal Penitentiary Service, which includes the following components: regulatory, conceptual, organizational, staff, personnel, research and development, logistics, and others. It outlines the main milestones in the development of psychological service of the penitentiary system, its status at present and prospects for development.

Keywords: criminal-executive system, psychological service, the mission of the prison psychologist, functions and activities of the prison psychologist, innovation, psychodiagnostics, psychological correction, stages of development of psychological service.

Значение научного наследия классиков московской психологической школы для современной клинической (медицинской) психологии

Н. В. Зверева, И. Ф. Рощина (Москва)

В статье рассматривается научное наследие выдающихся психологов московской психологической школы, стоявших у истоков формирования патопсихологии (Б. В. Зейгарник, С. Я. Рубинштейн, Ю. Ф. Поляков), нейропсихологии (А. Р. Лурия), психологии аномального развития (С. Я. Рубинштейн, В. В. Лебединский). Представлены методология, научные понятия и методы исследования указанной когорты ученых, которые не потеряли своего значения для развития современной клинической (медицинской) психологии. Два поколения наших учителей активно участвовали в формировании клинической (медицинской) психологии, ее основных направлений, а также внесли существенный вклад в появление образовательной специальности «Клиническая психология».

Ключевые слова: клиническая (медицинская) психология, московская психологическая школа, Б. В. Зейгарник, С. Я. Рубинштейн, А. Р. Лурия, Ю. Ф. Поляков, В. В. Лебединский.

Meaning of the scientific heritage of the classics of the Moscow school of psychology for modern clinical (medical) psychology

N. V. Zvereva, I. F. Roshchina (Moscow)

The article is devoted to the analysis of scientific heritage of outstanding psychologists of the Moscow school of psychology, who stood at the origins of abnormal psychology (B. V. Zeygarnik, S. Ya. Rubinshteyn, Yu. F. Polyakov), neuropsychology (Luria), abnormal development of psychology (C. Ya. Rubinshteyn, V. V. Lebedinsky). The heritage of this cohort of scientists is still very important for the development of modern clinical (medical) psychology (methodology, scientific concepts and research methods). Two generations of our teachers have actively participated in the formation of clinical (medical) psychology, its basic directions, and made a significant contribution to the emergence of educational specialty "Clinical Psychology".

Keywords: clinical (medical) psychology, Moscow school of psychology, B. V. Zeigarnik, S. Ya. Rubinshtein, A. R. Luria, Yu. F. Poliakov, V. V. Lebedinsky

Научно-практический проект «Опыт решения психологических задач в годы Великой Отечественной войны» как форма деятельности студенческого психологического добровольческого движения Центра экстренной психологической помощи МЧС России

И. Н. Елизеева, Ю. С. Шойгу (Москва)

В статье анализируется и рассматривается организация научно-практического проекта, посвященного изучению отечественной психологической мысли в годы Великой Отечественной войны в контексте деятельности студенческого психологического добровольческого движения Центра экстренной психологической помощи МЧС России. Описаны структурные этапы реализации проекта: методический, поисковый и аналитический. Представлены основные результаты работы по проекту: уточнение сведений о деятельности кафедр педагогики и психологии в Иркутске, Ростове-на-Дону, Горьком, Свердловске; психологических идеях в междисциплинарных исследованиях и практике; просветительской работе и житейском психологическом знании в период войны.

Ключевые слова: история психологии, научно-практический проект, Великая Отечественная война, житейские психологические знания, научная и педагогическая деятельность.

Scientific and practical project "Experience of dealing with psychological problems during the Great Patriotic War" as a form of activity of the Student Psychological Volunteer Association of Centre of emergency psychological aid of EMERCOM of Russia

I. Eliseeva, Y. Shoygu (Moscow)

The organization of scientific and practical project dedicated to the study of Russian psychological thought in the Great Patriotic War, in the context of activity of Student Psychological Volunteer Association of Centre of emergency psychological aid of EMERCOM of Russia. Described structural stages of the project: methodological, exploratory and ana-

lytical. The main result of the work is: update information of the activities of the departments of pedagogy and psychology in Irkutsk, Rostov-on-Don, Gorky, Sverdlovsk; psychological ideas in interdisciplinary research and practice; educational work and everyday psychological knowledge during the war.

Keywords: history of psychology, the scientific and practical project, the Great Patriotic War, everyday psychological knowledge, scientific and pedagogical activity.

Императорский Санкт-Петербургский воспитательный дом как инновационное учреждение в отечественной психологической науке и образовании

М. С. Игнатенко (Санкт-Петербург)

Статья раскрывает динамику становления и развития инновационной деятельности научно-образовательного центра, прошедшего путь от Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома до Герценовского университета в течение более двухвекового периода как полифункциональное, многоаспектное учреждение, вобравшее в себя идеи отечественных и зарубежных ученых, философов, подвижников, литераторов, педагогов, способствующее их развитию и тем самым обогатившееся колоссальными научными и образовательными знаниями и традициями, способное к дальнейшему процветанию на благо российского общества.

Ключевые слова: инновационная деятельность, развитие, система учреждений, воспитательный дом, осмысление сущности человека, инфраструктурные изменения, традиции, психологическая наука и образование.

The Imperial St Petersburg Foundling House as an innovative institute in the history of Russian psychological science and education

M. S. Ignatenko (Saint-Petersburg)

The article reveals the dynamics of the formation and development of the innovative activities of the unique scientific-educational center, their dynamics of the formation and development, which passed the way from the The Imperial St. Petersburg Foundling House to the Herzen University, reflected in the paper. The development of the Herzen University for more than two centuries as multifunctional institute, which incorporates the ideas of Russian and foreign scientists, philosophers, ascetics, writers, teachers, contributing to their development and thereby enrich the enormous scientific and educational knowledge and traditions capable of further prosperity for the Russia also considered in the paper.

Keywords: innovation, development, system institutions, orphanage, foundling house, understanding the essence of the human, infrastructural changes, the traditions, psychology and education.

Возрастные изменения альфа-спектра вызванной биоэлектрической активности мозга в процессе позиционной компьютерной игры как развитие системного подхода в психофизиологии

О. И. Клочкова, И. В. Погорелова, Г. А. Шабанов (Владивосток)

Исследовалась вызванная биоэлектрическая активность мозга 7 человек в возрасте от 22 до 59 лет в процессе 4 сеансов позиционной компьютерной игры. Показано, что возрастные изменения альфа-спектра вызванных биоэлектрических волн мозга значительно различаются для каждого полушария. Для статистического анализа использовался пакет ANOVA (Statistica 10.0).

Ключевые слова: когнитивные процессы в мозге, вызванная биоэлектрическая активность мозга, ритмы мозга, взаимодействие с компьютером, системно-эволюционный подход в психофизиологии.

Age-related changes in alpha spectrum caused by the bioelectric activity of the brain in the process position computer games as the development of a systematic approach in psychophysiology

O. I. Klochkova, I. V. Pogorelova G. A. Shabanov (Vladivostok)

Studied caused by brain activity of 7 people ranging in age from 22 to 59 years in the process session 4 positional computer games. It is shown that age-related changes in alpha spectrum caused by bioelectric brain waves are significantly different for each hemisphere. For statistical analysis we use ANOVA (Statistica 10.0).

Keywords: cognitive processes in the brain, caused by brain activity, brain rhythms, the interaction, the system-evolutionary approach in psychophysiology.

В. С. Филатов и создание ярославской психологической школы

В. А. Мазилев (Ярославль)

Статья посвящена истории создания Ярославской психологической школы. Представлены биографические сведения о В. С. Филатове, основателе ярославской психологической школы, проанализированы ранние этапы развития психологии на ярославской земле. Подробно анализируется деятельность В. С. Филатова по созданию школы, обсуждается проблема критериев возникновения научной школы (общая для школы исследовательская проблематика, пространственно-временное единство, принципы, характеризующие исследовательский подход в данной школе, наличие разных поколений ученых в школе, организационные условия – наличие кафедры или лаборатории, института, открытие аспирантуры и решение проблемы воспроизводства научных и преподавательских кадров, проведение научных конференций, издательская деятельность, отражающая продукцию школы, признание достижений школы коллегами и научным сообществом). Дается анализ особенностей складывающейся школы, выделяются условия, способствовавшие ее формированию.

Ключевые слова: В. С. Филатов, Ярославль, Ярославский педагогический институт, психология, научная школа.

V. S. Filatov and the creation of the Yaroslavl school of psychology

V. A. Mazilov (Yaroslavl)

The article investigates the circumstances of the creation of the Yaroslavl school of psychology. Presents biographical information about V. S. Filatov, who was the founder of the psychological school of Yaroslavl. The article analyzes the early stages of developmental psychology at the Yaroslavl land. Particular attention is paid to creating conditions to School emerged and developed. Analyzed in detail the activities of V. S. Filatov to build schools, we discuss the problem of the emergence of criteria of scientific school. There are the following criteria (total for school research perspective, the space-time unity of the principles that characterize the research approach in this school, the presence of different generations of scientists in school organizational conditions – the presence of the department or laboratory of the Institute, the opening of postgraduate study and solution of the problem of reproduction of scientific and academic personnel, scientific conferences, publishing, production reflects the school, recognized by the scientific community colleagues and school achievements). The analysis of the emerging features of the school are highlighted conditions that contributed to its formation.

Keywords: V. S. Filatov, Yaroslavl, Yaroslavl Pedagogical Institute, psychology, science school.

История становления и развития психологического факультета Академии ФСИН России

В. М. Поздняков (Москва), Е. Е. Гаврина (Рязань)

История становления психологического факультета началась 21 марта 1991 г., с момента подписания приказа МВД СССР № 99 об образовании факультета подготовки психологов. Первоначально факультет состоял из двух кафедр: общей психологии и социальной психологии. В 1993 г. в структуру психологического факультета были включены кафедра юридической психологии и педагогики, лаборатория психофизиологического и психологического отбора, а также сформировано учебно-строевое подразделение – курс факультета. В настоящее время психологический факультет представлен: методическим аппаратом факультета; учебно-строевым подразделением (курс психологического факультета); кафедрой психологии профессиональной деятельности в уголовно-исполнительной системе; кафедрой юридической психологии и педагогики; кафедрой социальной психологии и социальной работы; кафедрой общей психологии. На факультете действуют четыре общественных лаборатории и семь научных школ.

Профессорско-преподавательский состав кафедр принимает участие в реализации 8 программ бакалавриата, 16 программ специалитета, 4 программ магистратуры, 8 программ подготовки научно-педагогических кадров, 27 программ дополнительного образования в соответствии с профилем вуза.

За 25-летний период своей деятельности факультет подготовил более двух тысяч пенитенциарных психологов и более пятисот социальных работников.

Ключевые слова: Рязанская высшая школа МВД СССР, Рязанский институт права и экономики МВД России, Академия ФСИН России, психологический факультет, структура психологического факультета, пенитенциарные психологи, социальная работа, научные школы.

The History of Formation and Development of Psychological Faculty of the Academy of FPS of Russia

V. M. Poznyakov (Moscow), E. E. Gavrilina (Ryazan)

The history of the psychology department is began from 21 March of 1991, from the moment of signing the order of the MIA of the USSR № 99 about the establishment of a faculty of psychologists training. Initially, the faculty consisted of two chairs: the chair of general psychology and the chair of social psychology. In 1993 the chair of legal psychology and pedagogy and laboratory of psychophysiological and psychological selection were included in the structure of psychology faculty, also in this year was formed educational-combatant unit – faculty course.

Currently psychological faculty is presented by methodical apparatus of the faculty; educational-combatant unit (psychology department course); the chair of the Psychology of professional activity in penal system; the chair of Legal Psychology and Pedagogy; the chair of Social Psychology and Social Work; the chair of General Psychology. The faculty has four public laboratories and seven scientific schools.

The employees of the chairs participate in the realization of 8 baccalaureate programs, 16 specialist programs, 4 magistracy programs, 8 programs of training scientific-pedagogical personnel, 27 programs of additional education corresponding to a profile of the academy.

At 25-year period of its existence the faculty has trained over two thousand prison psychologists and more than five hundred social workers.

Keywords: RHS of the MIA of the USSR, Ryazan Institute of Law and Economics of the MIA of Russian, the psychology faculty, the structure of psychology faculty, social work, scientific school.

Губернские университеты как центры развития психологического знания: Нижегородский университет в 1920-е годы

Н. Ю. Стоюхина (Нижний Новгород)

В статье автор пытается очертить проблему формирования и развития психологического знания в российской и советской провинции первой трети XX в. на примере Нижегородского государственного университета. Еще до революции в Нижегородском народном университете там начали преподавать психологию такие московские ученые, как П. П. Блонский и В. М. Экземплярский, но наравне с ними стали заявлять о себе и местные кадры, затем перешедшие в Нижегородский государственный университет, образовавшийся в 1918 г. Это были М. С. Григорьевский и Б. В. Лавров, работавшие вместе с москвичами А. Ф. Лосевым, Н. В. Петровским и П. С. Поповым. Яркую страницу в историю психологического образования вписали врач-психиатр В. М. Чегодаева, педолог А. Н. Чеботарев и психолог С. М. Василейский.

Ключевые слова: Нижегородский государственный университет, психологическое знание в советской провинции, психологическое образование, педолог, психолог.

**Provincial universities as centers of development of psychological knowledge:
University of Nizhny Novgorod of 1920's**

N. Yu. Stoyukhina (Nizhny Novgorod)

The author tries to outline the problem of formation and development of psychological knowledge in a Russian and Soviet province in the first third of the twentieth century based on the example of Nizhny Novgorod State University. Scientists like P. P. Blonskiy and V. M. Eksemplarskiy started teaching psychology before the revolution in Nizhny Novgorod State University together with local scientists M. S. Grigorevskiy and B. V. Lavrov that joined them later in 1918. A bright page in the history of psychological education created psychiatrist V. M. Chegodaeva, pedagogue A. N. Chebotarev and psychologist S. M. Vasilevsky.

Keywords: Nizhny Novgorod State University, psychological knowledge in a Soviet province, psychological education, pedagogue, psychologist.

**Тенденции исследования молодежного лидерства
в курской социально-психологической лаборатории (1964–2016)**

A. С. Чернышев, И. Н. Логвинов, С. В. Сарычев (Курск)

В статье рассмотрено становление исследований психологии лидерства в малых социальных группах учеными, принадлежащими к курской социально-психологической школе. Анализируются тенденции изменения предмета и объекта, а также методов исследования в период с шестидесятых годов двадцатого века до наших дней.

Ключевые слова: лидер, лидерство, малая социальная группа, школа молодежных лидеров, социальное обучение, развивающая социальная среда.

**Trends in youth leadership studies in the Kursk socio-psychological laboratory
(1964–2016)**

A. S. Chernyshev, I. N. Logvinov, S. V. Sarychev (Kursk)

The paper considers the establishment of leadership psychology research in small social groups of scientists belonging to the Kursk socio-psychological school. The trend is to change the subject and object, as well as the research methods in the period from the sixties of the twentieth century to the present day.

Keywords: leader, leadership, small group, school youth leaders, social learning, developing social environment.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ
История психологии и историческая психология:
пути интеграции

**Проблема психоманипуляций исторической памятью
в российском обществе в кризисный постсоветский период**

А. А. Гостев (Москва)

Образы исторической памяти на уровне индивидуального и коллективного сознания рассматриваются в качестве индикатора особенностей социальных представлений, ценностных ориентаций человека в кризисные периоды жизни общества. Изучение изменений исторической памяти выступает диагностическим средством исследования индивидуального и общественного сознания в критические исторические периоды стран, народов. Изменение исторической памяти является фактором воздействия на сознание людей. Выделены психологические факторы, влияющие на историческую память. Подчеркивается значимость изучения как спонтанных изменений образов исторических событий, так и психоманипуляций с ними. Указано также на высокий регулятивный потенциал фальсификаций истории. Отмечены основные искажения российской исторической памяти в XX в. Особое внимание уделено периоду «перестройки» и постсоветских реформ. Сформулированы задачи изучения заявленной проблемы.

Ключевые слова: историческая память, психоманипуляция, фальсификация истории, индивидуальное и коллективное сознание, личность, социальный кризис.

**The problem of psychomanipulations with historical memory in Russian society
in the crisis postsoviet period**

A. A. Gostev (Moscow)

Images of historical memory at individual and collective levels of consciousness are considered as indicator of social representations, values, ideals in social crisis times. It is shown that researching the historical memory changes gives diagnostic tools for studying individual and social consciousness during crisis periods of countries/nations history. On the other hand, historical memory changing is a powerful factor of influence on human consciousness. Some psychological factors affecting the historical memory are listed. High regulatory capacity of history falsification is stressed. The significance to study spontaneous changes of the historical events images as well as psycho-manipulation with them is underlined. It is noted the main distortions of the Russian historical memory in the XX century. Particular attention is paid to the period of “perestroika” and post-Soviet reforms. Some problems of perspective studies are formulated.

Keywords: historical memory, psycho-manipulation, falsification and reinterpretation of history, individual and collective consciousness, personality, community, social crisis changes, postsoviet period.

Психологическая атмосфера в СССР в 1941–1945 годы и реформа школы

О. Г. Жукова (Москва)

В статье рассказывается об особых психологических приемах, выработанных советской пропагандой в годы войны. Приводятся примеры, доказывающие наличие в СССР особой психологической атмосферы и культурной жизни, направленных на укрепление веры в Победу. Раскрывается вклад наркома просвещения РСФСР В. П. Потемкина в реформирование советской школы и введения в ее программы новых курсов – психологии и логики, способствующих гармоничному развитию личности. Автор выдвигает мнение, что именно такое глубоко продуманное отношение к психологическому аспекту жизни страны способствовало приближению Победы над фашистской Германией.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, психологическая атмосфера, культурная жизнь, пропаганда, Совинформбюро, реформа школы, психология в школе, история.

Psychological atmosphere in the belligerent Soviet Union 1941–1945 and school reform

О. Н. Zhukova (Moscow)

The article describes specific psychological techniques developed by Soviet propaganda during the war. The examples proving the presence of Soviet special psychological atmosphere and cultural life, to strengthen the faith in Victory. Reveals the contribution of people's Commissar of education of RSFSR V. P. Potemkin to the reform of the Soviet school and the introduction in its programme of new courses – psychology and logic, contribute to the harmonious development of personality. The author puts forward the view that it is deeply thoughtful attitude to the psychological aspect of life of the country contributed to the Victory over Nazi Germany.

Keywords: the Great Patriotic war, psychological climate, cultural life, propaganda, the Soviet information Bureau, reform schools, psychology in school, history.

Филиация психологических идей в русской психологии

О. В. Клыпа (Петрозаводск)

Историко-психологическая преемственность является закономерной связью поколений, возникающей на основе сохранения и творческой переработки наследия прошлого. Преемственность развития психологических идей связана с переходом средневековых воззрений в новые психологические категории на последующих культурно-исторических этапах при сохранении их сути. Своеобразие русской психологической мысли средневекового периода проявляется в том, что в ней в большей степени рассматривалась социально-антропологическая и духовно-нравственная проблематика как в дохристианский период, так и в период православной Руси. Именно проблема человека как целостного существа оказалась центральной в отечественной психологической традиции XVIII–начала XX в., эта тенденция просматривается и в настоящий период времени.

Ключевые слова: психологическое познание, психологическая мысль русского средневековья, преемственность.

Filiation of psychological ideas in Russian psychology

O. V. Klypa (Petrozavodsk)

Historical and psychological ideas form natural connections among generations. The connections are the results of conserving and processing society's creative and cultural heritage. This study reports the continuation of medieval beliefs and psychological ideas into later cultural and historical stages. These concepts and viewpoints were reformulated into new psychological categories while still maintaining their essence. The peculiarity of Russian psychological ideas from the medieval period is evident among the socio-anthropological, spiritual, and moral problems in the pre-Christian and Orthodox periods throughout Russia. The central domestic psychological question of the 18th to early 20th centuries was the consideration of humans as holistic creatures. This trend can still be observed in the current period.

Keywords: psychological knowledge; psychological thought of the Russian middle ages; succession.

Психологические предпосылки революционных преобразований общественной жизни

В. А. Кольцова (Москва)

В статье анализируются, в том числе на материалах истории России и обобщении взглядов таких специалистов в этой области, как С. Сигеле, Г. Тард, Г. Лебон, Н. М. Михайловский, В. М. Бехтерев, психологические предпосылки революционных настроений в обществе. Рассматриваются причины возникновения революционных настроений в обществе, приводятся характеристики такого настроения, описаны психические проявления человека в толпе и психологические характеристики революционных лидеров. Показано, что непременным условием роста и усиления революционной стихии является слабость власти, ее оторванность от реальной жизни народа, неспособность уловить и правильно оценить настроения масс, переоценка запаса их терпения и т. д.

Ключевые слова: революционные настроения, толпа, психология масс, психические состояния.

Psychological background of the revolutionary transformation of social life

V. A. Koltsov (Moscow)

This article analyzes, including on the material of Russian history and synthesis of the views of experts in the field as S. Siegel, G. Tarde, G. Lebon, N. M Mikhailovsky, V. M. Bekhterev psychological preconditions of revolutionary sentiment in society. The causes of the emergence of revolutionary sentiment in society, summarizes the characteristics of such a mood, describe the mental manifestations of a person in the crowd and psychological characteristics of the revolutionary leaders. It is shown that a prerequisite for the growth and strengthening of the revolutionary element is the weakness of the government, its isolation from the real life of the people, the inability to catch and properly assess the mood of the masses, the revaluation reserve of patience, etc.

Keywords: revolutionary mood, the crowd, the mass psychology, the mental state.

Формирование криминальной субкультуры в России в XIX веке: источники и историография

А. А. Королев (Москва)

Статья посвящена малоисследованной проблеме исторической психологии, а именно месту и роли источников и историографии в изучении, в частности, темы «Формирование криминального менталитета в дореволюционной России». Автор анализирует первоисточники по указанной проблеме, прежде всего, труды по криминальной психологии Ч. Ломброзо, П. Н. Тарновской, С. В. Познышева, П. И. Ковалевского. Ценные сведения для осмысления тюремной субкультуры, психологии и патопсихологии преступного мира дают произведения русских писателей Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко, А. И. Куприна, М. Горького, В. А. Гиляровского.

Ключевые слова: источниковая база, криминальный менталитет, криминальная психология, тюремная субкультура, уголовные традиции.

Formation of the criminal subculture in Russia in the XIX century: Sources and Historiography

А. А. Korolyov (Moscow)

The article is devoted to unexplored problem of the place and role of source study and historiography in the learning of such theme as “The forming of criminal mentality in pre-revolutionary Russia”. The author describes the phenomenon of spiritual life in the context of the polysementality conception offered by Russian psychologist V. E. Semenov from Saint Petersburg. The author analyses the primary sources on the current problem and in particularly works on criminal psychology of Ch. Lombroso, P. N. Tarnovskaya, S. V. Poznyshchev, P. I. Kovalevskiy. Valuable reductions for the research of the imprisonment subculture, psychology and patopsychology of criminal world are presented in the works of F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, V. G. Korolenko, A. I. Kuprin, M. Gorky, V. A. Gilyarovsky.

Keywords: source study, criminal mentality, criminal psychology, imprisonment subculture, criminal traditions.

Психологический портрет меланхолика в художественном творчестве Ги де Мопассана (по новелле «Господин Паран»)

Е. С. Минькова (Нижний Новгород), М. И. Борискова (Арзамас)

В статье дан психологический анализ мастерства французского писателя Ги де Мопассана в построении художественного образа главного героя одноименной новеллы «Господин Паран». Рассматриваются типичные черты и особенности поведения героя, имеющего ярко выраженный темперамент меланхолика.

Ключевые слова: психология творчества, художественный образ, психологический портрет, темперамент, акцентуация характера.

A psychological portrait of the melancholiac in the Guy de Maupassant's creative work (novel "Monsieur Parent")

E. S. Minkova (Nizhny Novgorod), M. I. Boriskova (Arzamas)

The article provides the psychological analysis of Guy de Maupassant's creative work, which reflected the image of the main character in the novel "Monsieur Parent". The article presents the typical characteristics of Parent's behavior, which bares melancholic features.

Keywords: psychology of creativity, creative image, a psychological portrait, temperament, accentuation of character.

Характеристика мировоззрения и психологии русского народа в трудах С.Л. Франка

И. В. Новочихина (Москва)

В статье рассматриваются взгляды известного русского философа, психолога и религиозного мыслителя Семена Людвиговича Франка (1877–1950) на особенности русского философского мышления и менталитета. Показано, что особенностями русского менталитета являются: синтез интуитивного и рационального подходов к познанию мира; особая литературно-художественная форма творческого развития философии; ценностно-личностное отношение к познанию; особый национальный критерий истины; нравственные основания русского мировоззрения. Особенности психологии русского народа, по мнению ученого, являются: устремленность к онтологическим вопросам бытия, рассмотрение человека как ключевого звена мироздания, тотальная религиозность, антиномичность и противоречивость русской души.

Ключевые слова: С.Л. Франк, философское мировоззрение, психология народа, человек как микрокосм, соборность.

Description philosophy and psychology of the Russian people in the writings of S. L. Frank

I. V. Novochihina (Moscow)

The article deals with the views of the famous Russian philosopher, psychologist, and religious philosopher Semyon Frank (1877–1950) to the peculiarities of the Russian philosophical thinking and mentality. It is shown that the characteristics of Russian mentality are the synthesis of intuitive and rational approaches to the knowledge of the world; a special form of literary and artistic creative development philosophy; values and personal attitude to knowledge; special national criterion of truth; moral grounds Russian outlook. The features of the psychology of the Russian people by the scientist are striving to ontological questions of existence, human consideration as a key element in the universe, a total religiousness, antinomy and contradiction of the Russian soul.

Keywords: S. L. Frank, philosophical outlook, people, psychology, man as a microcosm, collegiality.

Восприятие современными студентами исторических памятников (на примере архитектурных сооружений прошлого)

Г. В. Семенова, А. Е. Васильев (Санкт-Петербург)

В статье представлены результаты изучения продуктов восприятия студентами архитектурных сооружений (пирамида Хеопса, Колизей, мавзолей Теодориха, Церковь Покрова на Нерли, Церковь Преображения Господня в Кижях, Саграда Фамилия). Эти исторические памятники были созданы как материализация тех или иных идей с целью порождения у современников определенных переживаний. Сегодня эти сооружения могут актуализировать личностные ресурсы (вербализацию эмоций, синестезию, полимодальность и интегративность, целостность восприятия). Показано, что наибольшее число эмоциональных переживаний вызывает восприятие Саграда Фамилия; наиболее противоречивые эмоциональные переживания возникают при восприятии Колизея. Наиболее позитивные (теплые) эмоциональные переживания рождаются при восприятии пирамиды, а наиболее негативные (холодные) — при восприятии мавзолея Теодориха.

Ключевые слова: восприятие, исторические памятники, архитектурные сооружения, модальность восприятия, ресурс личности.

The Perception of Historical Monuments of Modern Students (for example, the ancient architectural buildings)

G. V. Semenova, A. E. Vasilev (Saint-Petersburg)

The article presents the results of studying the products of architecture perception by students (the Pyramid of Cheops, the Coliseum, the Mausoleum of Theodoric, the Church of the Intercession on the Nerly, Church of the Transfiguration in Kizhi, Sagrada Familia). These historical sites were created as materialization those or other ideas with the purpose of causing his contemporaries certain experiences. Today, these facilities can actualize personal resources (verbalization of emotions, synesthesia, polymodal and integrative attributes of perception). It is shown that the largest number of emotional experiences is the perception of the Sagrada Familia; the most controversial emotional experiences occur in the perception of the Coliseum. The most positive (warm) emotional experiences are born in the perception of the pyramid, and the most negative (cold) — in the perception of the mausoleum of Theodoric.

Keywords: perception, historical monuments, architectural structures, the modality of perception, personality resource.

Добрососедские отношения в русской крестьянской общине конца XIX—начала XX века

Е. Г. Синякина (Москва)

В крестьянском сословии дореволюционной Российской империи, составлявшем по некоторым данным до 90% от населения страны, была ярко выражена потребность в общении, представлявшем для них особую ценность. Соседская помощь односельчанам, оказавшимся в трудном положении, занимала почетное место в общественной жизни деревни. Она носила взаимообразный характер, выступа-

ла для крестьянина в качестве нравственной нормы, отказ от которой осуждался общественным мнением. Сельскохозяйственный труд выступал в качестве одной из корневых основ жизни русского крестьянства, единственного источника существования. Особенности русского менталитета и условия жизни определяли трудолюбие крестьян, их добросовестное и ответственное отношение к работе. При выполнении сельскохозяйственных работ крестьяне проявляли особую тщательность и аккуратность, работали, как правило, с азартом, энергично, поддерживая друг друга и «заражая» бодрым состоянием духа. Объединение усилий большого количества людей, совместный характер деятельности, доброжелательный настрой и веселье помогали поселянам легко и быстро справляться с любой трудной крестьянской работой. При этом труд приносил им удовольствие.

Ключевые слова: русская крестьянская община, конец XIX—начало XX в., добрососедские отношения, общительность, взаимопомощь и поддержка.

Good-neighbourhood's relations in the Russian peasant community in the end of the XIX—the beginning of the XX century

E. G. Sinyakina (Moscow)

In the peasant class of pre-revolutionary Russian Empire, amounting by some estimates up to 90% of the population of our country, was pronounced need for communication, representing a particular value for them. “For the man there was nothing terrible loneliness”. Openness, sincerity, trustfulness and sociability gave the Russian people a special charm, was the ability “life by heart”. The neighbor's help the villagers find themselves in a difficult position, occupied pride of place in the social life of the village. She had mutual character, acted of the peasant in quality as a moral norm, the rejection of which was condemned by public opinion. Agricultural labor acted as one of the root foundations of life of the Russian peasantry, the only source of livelihood. Features of Russian mentality and conditions of life determined by the diligence of peasants, their conscientious and responsible attitude to work. While performing agricultural work the peasants showed special care and accuracy. Working peasants, as a rule, with excitedly, vigorously, supporting each other and “infecting” a cheerful state of mind. They love to work with jokes and witticisms. The joint efforts of a great number of people, collective character of activities, a positive atmosphere and the fun helped the villagers to easily and quickly cope with any hard peasant work. The labor brought them pleasure.

Keywords: the Russian peasant community, the end of the XIX—the beginning of the XX century, good-neighbourhood's relations, sociability, mutual assistance and support.

Психологические проявления аномии личности в послереволюционной России

E. B. Харитонова (Москва)

Статья посвящена анализу психологических характеристик аномии личности. Выдвигается положение об усилении проявлений психологической аномии в условиях изменяющегося общества. К основным психологическим проявлениям аномии личности относятся: апатия, моральное равнодушие, субъективное чувство одиночества, ситуация коротких жизненных проектов. Отражение этих проявлений показано на материале анализа «писем во власть» в 20-е годы XX в.

Ключевые слова: аномия, нормы, ценности, апатия, моральное равнодушие, одиночество, короткие жизненные проекты.

Psychological symptoms of anomie personality in post-revolutionary Russia

E. V. Kharitonova (Moscow)

This article analyzes the psychological characteristics of the individual anomie. Pull out the position of strengthening the psychological manifestations of anomie in a changing society. The main manifestations of psychological anomie personality include: apathy, moral indifference, the subjective feeling of loneliness, the situation short of vital projects. Reflection of these manifestations of the material shown in the analysis of “letters of authority” in the 20-s of XX century.

Keywords: anomie, norms, values, apathy, moral indifference, loneliness, short life projects.

Психолого-историческая реконструкция психологических характеристик личности 20-х годов XX века на основе литературных источников

E. N. Холондович (Москва)

В статье обосновывается необходимость обращения к искусству в качестве источника психологического знания об историческом времени, а также о личности, представляющей определенную эпоху. Автором предпринята попытка реконструкции психологических характеристик личности 20-х годов XX в. по литературным произведениям данного периода. Выделены определенные типы личности, характерные для кризисных моментов развития общества: конформная личность, личность-автомат, авторитарная личность, «рефлексирующий интеллигент».

Ключевые слова: историческая психология, психологические характеристики личности, мотивы, цели, ценности, смыслы жизни, типы личности, ощущение времени, психолого-историческая реконструкция.

Reconstruction of the psychological characteristics of the individual of the 20-s of the XX century, the example of the literature

E. N. Kholondovich (Moscow)

The author proposes to consider art as a source of psychological knowledge about personality and the specific historical era. The article presents the reconstruction of the psychological characteristics of people of the 20-s of the 20th century according to the literary sources. The author identifies personality types that shape the society in moments of crisis in history: authoritarian personality, conformal personality, reflexing intellectual, personality the machine.

Keywords: historical psychology, psychological characteristics of personality, motives, goals, values, meanings of life, personality types, sense of time. psycho-historical reconstruction.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- И. С. Алексеенко* – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (МосГУ) (Москва)
- В. В. Аншакова* – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии Астраханского государственного университета (Астрахань)
- О. А. Артемьева* – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной, экстремальной и пенитенциарной психологии факультета психологии Иркутского государственного университета (Иркутск)
- Т. И. Артемьева* – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН» (ИП РАН) (Москва)
- М. Р. Арпентьева* – доктор психологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования, руководитель лаборатории психолого-педагогического сопровождения семьи и детства Центра социально-гуманитарных исследований, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского (Калуга)
- Е. С. Балабанова* – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и этнической психологии АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (МосГУ) (Москва)
- С. Ю. Баранов* – аспирант кафедры общей психологии и истории психологии АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (МосГУ) (Москва)
- С. Л. Блиникова* – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации (Москва)
- В. Е. Богданова* – старший преподаватель кафедры общей психологии и истории психологии АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (МосГУ) (Москва)
- Д. Б. Богоявленская* – доктор психологических наук, профессор, руководитель группы диагностики творчества, главный научный сотрудник Психологического института РАО, профессор кафедры общей психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный деятель науки РФ, председатель Московского психологического общества (Москва)

- М. И. Борискова* — магистрант психолого-педагогического факультета Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Арзамас)
- С. А. Богданчиков* — кандидат психологических наук, заведующий кафедрой практической психологии и индивидуального консультирования Академии социального управления Московской области (АСОУ МО) (Москва)
- Т. С. Вавакина* — кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии Высшей школы психологии, ассоциированный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН «Института психологии РАН» (ИП РАН) (Москва)
- А. Е. Васильев* — магистр образования, выпускник кафедры зарубежной истории РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)
- М. И. Воловикова* — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Института психологии РАН» (ИП РАН) (Москва)
- Е. Е. Гаврина* — кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры общей психологии психологического факультета Академии ФСИН России (Рязань)
- Т. В. Галкина* — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии личности ФГБУН «Институт психологии РАН» (ИП РАН) (Москва)
- С. А. Гильманов* — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет» (Ханты-Мансийск)
- А. А. Гостев* — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Института психологии РАН» (ИП РАН) (Москва)
- А. А. Грачев* — доктор психологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой социальной и этнической психологии АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (МосГУ), главный научный сотрудник ФГБУН «Институт психологии РАН» (ИП РАН) (Москва)
- Н. В. Гребенникова* — кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры общей психологии и истории психологии АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (МосГУ) (Москва)
- С. И. Данилов* — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры психологии Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации (Москва)
- М. Г. Дебольский* — кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и права Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ), ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России (Москва)
- Т. Е. Егорова* — доктор психологических наук, доцент, профессор Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Нижегород)
- И. Н. Елисеева* — кандидат психологических наук, начальник научно-исследовательского отдела психологической подготовки и психологического консультирования федерального казенного учреждения «Центр экстренной психологической помощи Министерства Российской Федерации по делам гражданской

- обороны, чрезвычайным ситуациях и ликвидации последствий стихийных бедствий (ФКУ ЦЭПП МЧС России) (Москва)
- С. Н. Ениколопов* — кандидат психологических наук, профессор факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, заведующий отделом клинической психологии Научного центра психического здоровья (Москва)
- А. Н. Ждан* — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАО (Москва)
- О. Г. Жукова* — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (МосГУ) (Москва)
- А. Л. Журавлев* — академик РАН, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета, директор ФГБУН «Институт психологии РАН» (ИП РАН) (Москва)
- Н. В. Зверева* — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБНУ НЦПЗ, профессор кафедры нейро- и патопсихологии развития факультета клинической и специальной психологии МГППУ (Москва)
- В. М. Звоников* — доктор медицинских наук, профессор, заведующий психофизиологической лаборатории факультета психологии, педагогики и социологии АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (МосГУ) (Москва)
- К. Б. Зуев* — начальник отдела по связям с общественностью ФГБУН «Институт психологии РАН» (ИП РАН) (Москва)
- М. С. Игнатенко* — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии развития и образования, заместитель директора по научной работе Института педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (Санкт-Петербург)
- Н. Е. Казакова* — кандидат психологических наук, проректор ОЧУ ДПО Международный институт качества бизнеса (Москва)
- Д. А. Китова* — доктор психологических наук, проректор по учебной работе АНО ВО «Университет Российского инновационного образования» (Москва)
- О. И. Клочкова* — кандидат физико-математических наук, Тихоокеанский государственный медицинский университет (Владивосток)
- О. В. Клыпа* — кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии детства Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск)
- В. В. Колосова* — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии управления Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород)
- В. А. Кольцова* — доктор психологических наук, профессор, заместитель директора, заведующая лабораторией истории психологии и исторической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН» (ИП РАН), профессор кафедры общей психологии и истории психологии АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (МосГУ) (Москва)
- А. В. Комарова* — кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I (Санкт-Петербург)

- О. В. Коробова* — аспирантка кафедры общей психологии и истории психологии АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (МосГУ) (Москва)
- А. А. Королев* — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (МосГУ), заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва)
- А. А. Костригин* — ассистент кафедры психологии управления, Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород); аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль)
- И. Н. Логвинов* — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Курского государственного университета (Курск)
- Н. А. Логинова* — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
- О. В. Лунева* — кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной и этнической психологии АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (МосГУ) (Москва)
- В. А. Мазилев* — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета (Ярославль)
- В. Г. Маралов* — доктор психологических наук, профессор, кафедра психологии Череповецкого государственного университета (Череповец)
- Е. С. Минькова* — доктор психологических наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород)
- И. А. Мироненко* — доктор психологических наук, профессор факультета психологии СПбГУ (Санкт-Петербург)
- А. Н. Моргунов* — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и педагогики Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н. И. Пирогова (Москва)
- П. В. Морозов* — ведущий специалист отдела по связям с общественностью ФБГУН «Института психологии РАН» (ИП РАН) (Москва)
- В. О. Мохова* — педагог-психолог, ГБПОУ «Нижегородский Губернский колледж» (Нижний Новгород)
- И. В. Новочихина* — аспирантка кафедры общей психологии и истории психологии АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (МосГУ) (Москва)
- Н. Г. Немировская* — младший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии ФБГУН «Институт психологии РАН» (ИП РАН) (Москва)
- Е. Н. Нестерова* — кандидат биологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры психологии Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации МО (Москва)
- М. Д. Няголова* — кандидат психологических наук, доцент истории психологии, преподаватель психологии Великотырновского университета имени Святых Кирилла и Мефодия (Велико Търново, Болгария)

- А. А. Обознов* — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории инженерной психологии и эргономики ФГБУН «Институт психологии РАН» (ИП РАН) (Москва)
- Г. В. Ожиганова* — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов ФГБУН «Институт психологии РАН» (ИП РАН) (Москва)
- Ю. Н. Олейник* — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии и истории психологии АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (МосГУ) (Москва)
- Е. М. Орлова* — кандидат психологических наук, преподаватель Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке (Москва)
- И. В. Погорелова* — старший преподаватель Тихоокеанского медицинского университета (Владивосток)
- В. М. Поздняков* — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов (Москва)
- В. П. Позняков* — доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН, профессор кафедры социальной и этнической психологии АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (Москва)
- И. Ф. Рощина* — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБНУ НЦПЗ, профессор кафедры нейро- и патопсихологии развития факультета Клинической и специальной психологии МГППУ (Москва)
- С. В. Сарычев* — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Курского государственного университета (Курск)
- Г. В. Семенова* — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)
- Е. Г. Синякина* — кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН» (ИП РАН) (Москва)
- В. А. Ситаров* — доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики и психологии высшей школы АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (МосГУ) (Москва)
- В. Л. Ситников* — доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I (Санкт-Петербург)
- С. М. Скуратовский* — аспирант Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Нижний Новгород)
- Т. В. Слотина* — кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I (Санкт-Петербург)
- Н. Ю. Стоюхина* — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород)
- Б. Н. Тугайбаева* — помощник директора по аспирантуре ФГБУН «Институт психологии РАН» (ИП РАН) (Москва)

- О. Р. Тучина* – доктор психологических наук, доцент, доцент кафедры философии ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет» (Краснодар)
- Ф. И. Ушков* – заместитель начальника управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России (Москва)
- Е. В. Харитонова* – кандидат психологических наук, доцент, ученый секретарь ФГБУН «Институт психологии РАН» (ИП РАН) (Москва)
- Н. Е. Харламенкова* – доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях ФГБУН «Институт психологии РАН» (ИП РАН) (Москва)
- Е. Н. Холондович* – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН» (ИП РАН) (Москва)
- А. С. Чернышев* – профессор, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии Курского государственного университета (Курск)
- К. А. Чистопольская* – младший научный сотрудник отдела суицидологии Московского НИИ психиатрии (Москва)
- Г. А. Шабанов* – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, лаборатории экологической нейрокибернетики научно-исследовательского центра «Арктика» ДВО РАН, старший преподаватель Тихоокеанского медицинского университета (Владивосток)
- Ю. С. Шойгу* – кандидат психологических наук, доцент, директор федерального казенного учреждения «Центр экстренной психологической помощи Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (ФКУ ЦЭПП МЧС России) (Москва)